

УДК 37.078
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.10

С. К. Чориян

НАХИЧЕВАНСКАЯ-НА-ДОНУ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ АРМЯНСКОГО ЮНОШЕСТВА[1]

Данная статья посвящена Нахичеванской духовной семинарии и ее роли в воспитании армянского юношества в Нахичевани-на-Дону. История Нахичеванской духовной семинарии, насчитывающая около сорока лет своего существования, так и не стала предметом специальных исследований. В основе статьи лежат материалы Государственного архива Ростовской области, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. В работе рассматриваются как основные этапы становления и формирования самой духовной семинарии, так и проблемы подбора ее педагогического персонала. Особое внимание в статье уделяется тем проблемам, с которыми приходилось сталкиваться руководству духовной семинарии, а также решению тех трудностей, которые чинило правительством Российской Империи. В статье приводятся факты, свидетельствующие о той помощи, которую оказывали данному учебному заведению как городское управление, так и рядовые граждане. Свое основание Нахичеванская духовная семинария ведет с 1881 г., после того, как было закрыто армянское Халибовское училище в Феодосии. Примечательно, что большинство предметов в духовной семинарии изучалось на армянском языке и лишь некоторые из них – на русском. Перед выпускниками семинарии вставал выбор: либо проложить свое духовной образование в Эчмиадзине, либо получить в дальнейшем светское образование. Именно за счет выпускников семинарии комплектовался весь штат священников г. Нахичевани-на-Дону и окрестных армянских сел. Кроме того, в статье акцент делается на тех сложностях и жизненных перипетиях, в той или иной степени, мешающих выпускникам духовной семинарии наладить жизнь и получить достойное высшее образование после революции 1917 года. Закрытие духовной семинарии после установления Советской власти происходило в русле той политике, которую проводили большевики по отношению в религии и церкви. Отмечается вклад семинарии в формировании интеллектуальной элиты и педагогических кадров, к подготовке которых данное учебное заведение имело непосредственное отношение.

Ключевые слова: духовная семинария, епархия, Нахичевань-на-Дону, попечительский совет, Городская Дума.

Stepan Choriyan

HAKHICHEVAN-ON-DON THEOLOGICAL SEMINARY AND ITS ROLE IN THE UPBRINGING AND EDUCATION OF ARMENIAN YOUTH

This article is devoted to the Nakhichevan Theological Seminary and its role in the upbringing of Armenian youth in Nakhichevan-on-Don. The history of the Nakhichevan Theological Seminary, numbering about forty years of its existence, has not become the subject of special research. The article is based on materials from the State Archives of the Rostov Region, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time. The work examines both the main stages of the formation of the theological seminary itself, and the problems of selecting its teaching staff. Particular attention in the article is paid to the problems that the leadership of the theological seminary had to face, as well as to the solution of the difficulties that the government of the Russian Empire posed. The article provides facts that testify to the assistance that was provided to this educational institution by both the city government and ordinary citizens. The Nakhichevan Theological Seminary was founded in 1881, after the Armenian Khalibov School in Feodosia was closed. It is noteworthy that most of the subjects in the theological seminary were studied in Armenian, and only a few of them in Russian. The graduates of the seminary faced a choice: either to build their spiritual education in Echmiadzin, or to receive a secular education in the future. It was at the expense of the graduates of the seminary that the entire staff of priests in the city of Nakhichevan-on-Don and surrounding Armenian villages was recruited. In addition, the article focuses on those difficulties and vicissitudes of life that, to one degree or another, prevent the graduates of the theological seminary from improving their lives and getting a decent higher education after the 1917 revolution. The closure of the theological seminary after the establishment of Soviet power took place in line with the policy pursued by the Bolsheviks in relation to religion and the church. The contribution of the seminary in the formation of the intellectual elite and teaching staff, to the preparation of which this educational institution was directly related, is noted.

Key words: theological seminary, diocese, Nakhchivan-on-Don, board of trustees, City Duma.

Практически все армянские учебные заведения г. Нахичевани-на-Дону на всем протяжении существования города испытывали одну постоянную проблему: недостаточность финансирования. Это понятно, ибо все они содержались либо на доходы, поступающие от армянских церквей, либо на пожертвования благотворителей. В этом отношении единственным стабильно функционировавшим учебным заведением Нахичевани-на-Дону, являлась Нахичевано-Бессарабская духовная семинария.

[1] Исследование выполнено в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № гр проекта АААА-А19-119011190185-9.

1

История её основания связана с серией интриг, проявлением обид и честолюбия, в центре которых оказался бывший городской голова Нахичевани-на-Дону Артемий Павлович Халибов (1790–1871). Будучи обвиненным местным обществом в присвоении доверенных ему епархиальным начальством церковных сумм, образовавшихся с части доходов городских церквей, после ряда судебных разбирательств, открыл духовное училище в Феодосии, а не в родном городе. Однако, упомянутое училище, просуществовав чуть более десяти лет – с 1858 до 1871 гг., было закрыто. Причиной тому во многом было неудачное руководство училищем его руководителя архиепископа Гавриила Айвазовского, который сам в этом признавался. Это тот случай, когда блестящий эрудит и прекрасный преподаватель оказался неудачным хозяйственником.

После упразднения Халибовского училища в Феодосии, городское собрание Нахичеванского общества 27 июля 1871 года единогласно постановило просить Католикоса Всех Армян о переводе епархиального училища в г. Нахичевань. Руководство города предложило для размещения семинарии принадлежащий ему двухэтажный дом со всеми пристройками, «обязательством приспособить его на городские средства и в случае недостаточности средств, необходимых на содержание семинарии, пополнить недостаток из средств города» [3, л.1].

Получив заверение от нахичеванцев, Католикос, в свою очередь, возбудил ходатайство об утверждении Положения об упомянутой семинарии и открытии таковой перед вышестоящими властями. Ходатайство Католикоса увенчалось успехом и после получения, утвержденного по Высочайшему повелению Положения о Нахичеванской духовной семинарии, кондаком от 14 ноября 1880 года № 507 он поручил главе Нахичевано-Бессарабской епархии изыскать постоянные источники средств для содержания семинарии и открыть таковую в Нахичевани с нового учебного года. При этом епархиальный начальник архиепископ Макарий, со своей стороны, определив ежегодный расход семинарии в 15000 руб., обещал покрыть 7000 руб. из епархиальных средств [3, л. 2]. Таким образом, недостающая сумма исчислялась в 8000 тыс. руб.

В свою очередь, Городская Дума, решая данную проблему, на своем заседании от 15 мая 1881 г. определила: для содержания духовной семинарии предназначить т.н. «индийский капитал», завещанный Масехом Бабаджаном, индийским купцом армянского происхождения. После открытия учебного заведения, на его содержание планировалось передать в распоряжение попечительского совета семинарии использование процентов с т.н. «индийского капитала». Однако, для того, чтобы данное решение было осуществлено, было необходимо «Высочайшее соизволение», а проще говоря, ходатайство епархиального начальства перед вышестоящими инстанциями о разрешении покрытия недостающей суммы за счет процентов с т.н. индийского капитала. В случае же, если ходатайство не будет уважено, покрывать эту сумму за счет городского бюджета. Вплоть до 1892 года ходатайство в вышестоящие инстанции так и не было подано, и с 1881 по 1892 г. Городская Управа отпускала на семинарию не проценты с «индийского капитала», а эквивалентные ему суммы из городского бюджета [3, л. 4]. Таким образом, Нахичеванская Духовная семинария содержалась на средства от 1) доходов от армянских церквей Нахичевано-Бессарабской епархии; 2) на доходы с принадлежащими семинарии здания бывшего Халибовского училища в Феодосии и других имуществ; 3) на добровольные пожертвования в пользу семинарии, которые «….состоя под главным начальством Святого Патриарха-Католикоса, находятся в ближайшем ведении начальника Нахичевано-Бессарабской Армяно-григорианской епархии, на которого возлагается ответственность за её благосостояние» [5, с. 122].

Открытие семинарии состоялось 8 ноября 1881 г. Она была предназначена для подготовки армянского юношества к духовному званию и для обучения наставников в армянские церковные училища [5, с.122].

Первыми попечителями семинарии стали городской голова Нахичевани Григорий Карпович Салтыков, представители городской элиты Иван Минаевич Берберов, Михаил Гаврилович Магдесиев, Серафим Хачатурович Арутюнов, Минас Александрович Халибов, Минас Ильич Баласанян, Сероп Арутюнович Аджемов, Хачерес Хачатурович Чалхушьян, Иван Тадевосович Келле-Шагинов, протоиерей Хачатур Зарифьян, Яков Матевеевич Хлычиев и Гавриил Арутюнович Мелконян.

Курс семинарии был рассчитан на 6 лет и предполагал давать как общеобразовательные, так и богословские знания. Преподавание в семинарии производилось на армянском языке, но предусматривалось изучение русского языка, а также истории и географии России на русском языке [9, л. 195].

Из сообщений начальника Нахичеванской епархии в Департамент духовных дел иностранных исповеданий известно, что первоначально в семинарии обучалось 100 воспитанников из детей духовенства и светских сословий: 10 из них постоянно проживали в доме семинарии, 20 находились на положении приходящих, остальные из светского сословия по желанию родителей обучались за ежегодную плату в 150 руб. серебром. Начальник предполагал, что издержки на содержания семинарии будут исчисляться в сумме 13810 руб. серебром [9, л. 4].

За годы своего существования семинария постоянно расширялась, пополняясь учениками как из местных уроженцев из города и окрестных селений, так и других городов епархии. Постепенно она превратилась в учебное заведение с интернатом на 50 мест (для проживающих там постоянно), из которых 16 учеников из беднейших семей Нахичевани и окрестных селений воспитывались бесплатно. Всего же число приходящих бесплатных учащихся достигло к 1902 году 290 человек [4, л.1].

Программа духовной семинарии предусматривала изучение таких языков как греческий, латинский, армянский, русский, немецкий и французский.

Блок наук общего образования давал возможность изучить логику и психологию, всеобщую историю и географию, историю и географию Российского государства, законоведение, историю и географию древней Армении, математику, физику, химию, естественную историю. Кроме этого, большое внимание уделялось изучению богословских наук: изучались история Ветхого и Нового Завета, Святое Писание, догматика, история христианской церкви, археология, христианская мораль, духовное красноречие. Учащиеся должны были также освоить пение и каллиграфию [4, л. 6–6 об].

К началу XX в. имеющихся в наличии и отпускаемых средств на содержание семинарии стало катастрофически не хватать. Председатель попечительского совета семинарии архимандрит Муше, обращаясь за материальной помощью в Городскую Думу, мотивировал свое ходатайство тем, что «семинария, широко открывая двери для жаждущих просвещения, приютила в своих стенах около 370 воспитанников, содержание которых стало ей далеко не по средствам. Ее скромный бюджет уже не покрывает обязательных расходов по содержанию семинарских классов; с каждым годом увеличиваются потребности, а с ними и расходные статьи, в то время, как доходные статьи постепенно уменьшаются, вследствие упадка экономического благосостояния граждан и других условий…» [4, л.1–2]. Так, в 1895 г. в семинарии воспитывалось 250 учеников, из которых платных было 150, в 1896 г. число платных учеников упало до 120, в последующие же годы число платных учеников, имея постоянную тенденцию к понижению, дошло до 64 при общем числе учащихся 370. Заметное понижение платежеспособности о. Муше объяснял «не милостивым отношением к ним со стороны дирекции семинарии, а упадком экономического благосостояния граждан» [4, л. 2].

Объяснения викарного архимандрита о. Муше, хорошо знавшего жизнь своих прихожан, полностью подтверждаются данными других источников. Когда зимой 1900 г. члены некоторых благотворительных организаций совершили обход беднейших семейств Нахичевани, перед ними открылась поистине ужасающая картина, свидетельствующая об общем экономическом упадке города. Главную причину тяжелейшего материального положения большинства горожан они увидели в полном отсутствии какой-либо работы. Особенно тяжелым было положение в зимнее время, когда шансы найти хоть какую-либо работу сводились к нулю. Совершавшие обход попечители натолкнулись на такой чудовищный факт, когда некоторые бедные семьи, чтобы как-то сводить концы с концами, за мизерную плату были вынуждены брать на содержание в семьи душевно больных, полоумных и сумасшедших из более зажиточных семей [7].

Согласно полученным сведениям, Церковное попечительство о бедных армянах было вынуждено снабжать одеждой и учебными пособиями 70 учащихся, а Благотворительное общество содержало на свои средства около 120 семинаристов.

К 1883 г. число учащихся в семинарии не превышало 170 человек, а плата за обучение с приходящих составляла в целом 5000 руб. С 1883 по 1902 гг. число учащихся увеличилось в 2,5 раза, в то время как плата за обучение сократилась на 75 % и в 1902 г. составила 1400 руб [4, л. 2]. Кроме того, был открыт интернат для беднейших сирот, для чего потребовалось достроить третий этаж семинарии. Все это, в конечном итоге, привело к тому, что долг семинарии к 1902 г. возрос до 8000 руб. На основании этого о. Муше в своем обращении просил Городскую Думу выделить из бюджета единовременное пособие в сумме 2000 руб. для погашения долга по постройке 3-го этажа. На своем заседании Дума принимает решение удовлетворить ходатайство попечительного совета семинарии и ассигновать сумму в 2000 руб. из городского бюджета, а также взять на счет города очистку помойных ям семинарии.

Кроме того, надо также учитывать и тот факт, что недостающая ранее сумма в 6875 руб. решением Думы от 15 января 1892 г. признавалась для города обязательной и в обязательном порядке ежегодно вносилась в городскую смету. Для того, чтобы как-то гарантировать семинарии хоть какой-либо постоянный источник дохода, было решено образовать комиссию для проработки этого вопроса в составе гласных И. М. Аладжалова, Г. Х. Чалхушьяна, священника Х. Зарифьяна и М. Я. Хлычиева [4, л.6].

Однако и на этом материальные затруднения духовной семинарии не были устранены. 12 июня 1915 г. новый председатель попечительского совета семинарии викарный архимандрит Геворг (Чорекчиянц) обратился к городскому голове с напоминанием о созданной комиссии, «о результатах работы которой попечительскому совету так и неизвестно». Он вновь просил рассмотреть данный вопрос и изыскать меры по обеспечению каким-либо постоянным источником дохода, гарантирующим семинарию от обстоятельств, могущих затормозить и даже остановить нормальный ход

учебного процесса [4, л.9]. Городская Дума в ответ на это постановлением от 11 сентября 1915 г. вновь создает комиссию в составе шести человек (Г.Х.Чалхушьян, И.Э.Тикиджи-Хамбуров, А.И.Салтыков, Е. А. Шах-Азиз, И. Я. Алексанов, Х. Х. Чалхушьян) для проработки этого вопроса, но о результатах ее работы нам также ничего неизвестно.

Таким образом, как становится понятно, несмотря на постоянно растущие финансовые затруднения, Нахичеванская Городская Дума, заручившись одобрением всего нахичеванского общества, выкраивала необходимые средства на содержание семинарии из и без того скудного городского бюджета, тем самым обеспечивая ее постоянное и стабильное функционирование.

Семинария имела шестилетний курс. Учащиеся в 1 класс принимались до 14 лет, во 2-й – до 15 лет, в 3-й до 16, в 4-й – до 17, в 5-й – до 18 лет, в 6-й класс – по экзамену. По данным на 1914 год в состав попечительского совета входили М. И. Берберов, Г. Б. Реизов, А. М. Хамбуров, А. С. Дережанов, Г. Х. Чалхушьян, М. В. Шаповалов. Секретарь – М. Н. Богданян. Штат семинарии состоял из 12 учителей [2].

Обучение в семинарии дополнялось серьезной воспитательной работой. Педагогическим коллективом семинарии устраивались литературные вечера, отмечались различные памятные даты, значимые религиозные праздники. Руководство семинарии зорко следило за нравственным воспитанием и дисциплиной учащихся.

Об ректорах семинарии известно, что первым инспектором был назначен Филипп Артемьевич Вартанян, но его кандидатура не была утверждена Католикосом, так как он уже занимал должность инспектора Геворгяновской гимназии в Тифлисе. Вместо него эту должность временно исполнял протоирей Хачатур Зарифян. В течение длительного времени ректором семинарии был выпускник Лазаревского института Калуст Карпович Чарыхов, затем его сменил не менее известный общественный деятель Нахичевани-на-Дону Ерванд Овагемович Шах-Азиз, после добровольной отставки которого с последующим отъездом в Ереван последним ее ректором вплоть до ее закрытия в 1920 году был выпускник юридического факультета Московского университета протоиерей Рубен Варфоломеевич Бекгульянц.

Образовательный ценз, требуемый программой, – для ректора – высшее образование, для преподавателей – высшее, а за недостатком лиц с высшим образованием, допустимо и среднее. Преподаватели правами чиновников государственной службы не пользовались. По данным на 1893 г. в штате Духовной семинарии находилось 17 преподавателей, из них окончивших университет – 5 чел., Эчмиадзинскую академию – 2 чел., лицей Лазаревского института – 3 человека. Не окончивших университета – 1 чел., не окончивших Академию – 1 чел., окончивших средние учебные заведения – 3 чел., не окончивших средние учебные заведения – 2 чел. [1, с. 1–2].

Какими правами обладали выпускники духовной семинарии? Окончившие курс в семинарии имели право на занятие наставнических должностей в церковных армянских училищах и на преподавание армянского языка и закона Божия в правительственных учебных заведениях, а также обладали правом вступать в духовное звание [1, с. 2].

Те из нахичеванских юношей, которые желали посвятить свою жизнь служению Богу, выбирали свой путь, который предполагал продолжение церковного образования. Речь идет о об открытой в Эчмиадзине Духовной Академии, в которой Католикос предложил нахичеванцам иметь там своих стипендиатов. В ответ на это предложение Нахичеванская Городская Дума на своем заседании 23 января 1873 года определила ассигновать на содержание в Академии пяти стипендиатов 1500 руб. в год, определяя на каждого воспитанника 300 руб. Отбор стипендиатов предлагалось предоставить руководству Академии, оставляя за нахичеванским обществом право направлять двух стипендиатов по выбору. Но по имеющимся в нашем распоряжении данным чисто духовную карьеру выбирали лишь единицы из выпускников Духовной семинарии.

Надо отметить, что местным начальством, время от времени, предпринимались попытки изменить статус семинарии. Так, в феврале 1916 г. викарный архимандрит Геворк возбудил перед вице-директором Департамента Министерства народного просвещения Н. И. Палечеком ходатайство о предоставлении окончившим армянскую духовную семинарию тех же прав, которыми обладали выпускники ростовской классической гимназии. Условием поступления выпускников в университеты и другие высшие учебные заведения Империи Н. И. Палечек считал расширение общего курса семинарии до программ классических гимназий [8]. Но довести этот вопрос до конца вплоть до самого закрытия семинарии так и не удалось.

Как следует из документа под названием «Оценка недвижимых имуществ г. Нахичевани-на-Дону за 1915 год», Нахичевано-Бессарабская духовная семинария располагалась в двух зданиях – первое по 17 линии, № 5, и второе – по Базарной площади, № 1-2 [6, с. 91, 114]. При семинарии имелись физическая лаборатория, фундаментальная и ученическая библиотеки. В штате семинарии состоял также врач - Ф. Кечекьян.

Историческое значение духовной семинарии, как нам видится, заключалось прежде всего в том, что это было учебное заведение особого типа, воспитывающее подрастающее поколение в духе высокой нравственности, уважении Божьих и человеческих законов, помогающее сохранить

у юношей интерес к истории и традициям своего народа. Готовя учителей для церковно-приходских школ, семинария тем самым способствовала повышению образовательного уровня армянского населения края. Нельзя забывать так же и о том, что многие выпускники семинарии стали священниками в армянских церквях Дона. Так, кадровый состав священнослужителей Нахичевани и армянских сел в 20-30-е г. XX в. целиком состоял из выпускников Нахичевано-Бессарабской духовной семинарии. В этой связи нельзя не отметить такой факт: после закрытия духовной семинарии и почти полного уничтожения местных армянских священников, Эчмиадзин был вынужден присылать на Дон в качестве священников уроженцев Закавказья.

20 ноября 1919г. советскими властями здание школы было конфисковано. 3 декабря того же года инспектор епархиальной школы священник Р. Бекгульянц обратился к председателю Попечительского совета церкви Св. Просветителя Е. Шахазизу, с просьбой разрешить проводить занятия в церкви (в дневные часы, когда церковь свободна). Однако, в конце декабря викарий Нахичеванской армянской епархии архимандрит Усик и временно исполняющий должность епархиального начальника архимандрит Муше, отклонили просьбу, тем самым обрекая её на фактическое закрытие. Решение епархиального начальства можно понять: с приходом новой власти возникла реальная угроза не только закрытия духовных учебных заведений, но и самих церквей в независимости от конфессии.

Так или иначе, семинария оставила глубокий след в образовании и воспитании армянского юношества на Дону на рубеже XIX–XX веков.

Источники и литература

1. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы. 1893. №11.
2. Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону.1914 год. Харьков: изд-во Ф.С. Элькина и П.М. Кулькеса, 1914. 546 с.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.91, Оп.1. Д. 591.
4. ГАРО. Ф.91. Оп. 1. Д. 1144.
5. Донско-Азовский календарь на 1887 год. Ростов-на-Дону: Типо-лит. Тер-Абрамиан, 1886. 232 с.
6. Оценка недвижимых имуществ г.Нахичевани-на-Дону для взимания Городского сбора и для раскладки земских сборов за 1915 год. Нахичевань-на-Дону: тип. С. Я. Авакова, 1915. 74 с.
7. Приазовский край. 1900. №23.
8. Приазовский край. 1916. 7 февраля.
9. Российский Государственный исторический архив (РГИА) Ф.821. Оп.7. Д. 27.

References

1. Vedomosti Hahichevanskoj-na-Donu Gorodskoj Dumy. 1893. No. 11. (In Russian).
2. Ves' Rostov i Nahichevan'-na-Donu.1914 god (All Rostov and Nakhichevan-on-Don). Har'kov: F.S.El`kin's and P. M. Kul`kesa, 1914. 546 p. (In Russian).
3. State archive of Rostov region (GARO). F.91. Inv.1. D.591. . (In Russian).
4. GARO. F.91. Inv.1. D.1144. . (In Russian).
5. Donsko-Azovskij kalendar' na 1887 god (Don-Azov calendar for 1887). Rostov-na-Donu: TerAbramian publ., 1886. 232 p. (In Russian).
6. Ocenka nedvizhimyh imushchestv g.Nahichevani-na-Donu dlya vzimaniya Gorodskogo sbora i dlya raskladki zemskih sborov za 1915 god (Valuation of real estate in Nakhichevan-on-Don for collection of the City tax and for the allocation of zemstvo fees for 1915). Nahichevan'-on-Don: S.Y. Avakova's publ. 1915, 74 p. (In Russian).
7. Priazovskij kraj. 1900. No. 23. (In Russian).
8. Priazovskij kraj. 1916. February 7. (In Russian).
9. Russian state historical archive. F.821. Inv.7. D.27. (In Russian).

Сведения об авторе

Чориян Степан Кеворкович – стажер-исследователь лаборатории политологии и права Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону) / stepa.choriev@mail.ru

Information about the author

Choriyan Stepan – intern-researcher of the laboratory of political science and law, SSC of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don) / stepa.choriev@mail.ru

ИСТОРИЯ

Памятники армянской архитектуры и топонимики в Бразилии

Погосян /Хахбакян/ Г. Г.
Общественный институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона (Ереван, Армения)
gagikp@mail.ru

Ключевые слова: Бразилия, армяне, диаспора, архитектура, школа, монастырь, церковь, часовня, кладбище, надгробие, квартал, топонимика, лапидарные надписи.

Հայկական ճարտարապետական եւ տեղանվանական հուշարձանները Բրազիլիայում

Պողոսյան /Խաղբակյան/ Գ. Հ.
Սեւծովյան-Կասպյան տարածաշրջանի քաղաքական եվ սոցիալական հետազոտությունների հանրային ինստիտուտ (Երևան, Հայաստան)
gagikp@mail.ru

Ամփոփում՝ Հոդվածում ներկայացված է «*Ճարտարապետական եւ տեղանվանական հայկական հուշարձանները աշխարհում*» բազմահատորյա ատլաս-դիվանից մի գլուխ, որն նվիրված է Բրազիլիային: Հոդվածում համառոտ ներկայացվում է գաղթօջախների ստեղծման եւ զարգացման պատմությունը, տարածման աշխարհագրությունը, եկեղեցու, կրթության և պարբերական մամուլի իրավիճակը: Հոդվածի հիմնական մասն են կազմում Բրազիլիայի հայկական ճարտարապետական ու տեղանվանական հուշարձանների ցուցակ-աղյուսակները, որոնց վերջում զետեղված են օգտագործված գրականության ցանկերը:
Հանգուցաբառեր՝ Բրազիլիա, հայեր, գաղթօջախ, ճարտարապետություն, դպրոց, վանք, եկեղեցի, մատուռ, գերեզմանոց, տապանաքար, թաղամաս, տեղանուններ, արձանագրություններ:

The Monuments of Armenian Architectures and Toponymy in Brasil

Poghosyan /Khaghbakyan/ G. H.
Public Institute of Political and Social Research of Blacksea-Caspian Region (Yerevan, Armenia)
gagikp@mail.ru

Abstract: The article presents the head of a multi-volume atlas of the catalog «*The monuments of Armenian architecture and place names abroad*». It presents an overview of the history and development of the community, the geography of its settlement, the state of the church, education and Armenian media. The main part of the article is a table-list of Armenian monuments of architecture and toponymy in Brasil, after which a list of literature is given.
Keywords: Brasil, Armenians, Migration, Diaspora, Architecture, School, Monastry, Church, Chapel, Cemetery, Gravestone, Quarter, Toponyms, Inscription.

Бразилия (порт. Brasil), официальное название **Федеративная Республика Бразилия** (порт. República Federativa do Brasil) – самое большое по площади и населению государство в Южной Америке и единственное португалоязычное в Америке. Административно разделена на 26 штатов и Федеральный округ. В свою очередь штаты разделены на субрегионы (порт. Subprefeituras), которые состоят из административных районов (порт. Regiões Administrativas). Столица – город Бразилия.

История. География

Армяне в Бразилии появились в середине XIX в. Ранее всех упоминается некий армянин из Вана “Мистер ванеци”. Жители самой южной провинции Рио-Гранде-де-Сул уважали как мудреца городка Санта-Крус-ду-Сул [**3**, с. 118]. Однако, наиболее известным из армян обосновавшихся в Бразилии, был Мигран Латиф[1] из

[1] **Миран Латифян (Латиф)** (порт. Mihran Latif) (20.05.1856, КПоль – 20.05.1929, Рио-де-Жанейро), инженер, архитектор. Кавалер бразильского Императорского ордена Розы. Окончил инженерный факультет Гентский университет в Бельгии. Прибыл в Рио-де-Жанейро по приглашению императора Педру II в 1879 г. В Бразилии занимался строительством железных дорог в штатах Минас-Жерайс, Пернамбуку и Сеара, а в Рио-де-Жанейро построил знаменитую ж/д «Императрица Леопольдина» и не менее знаменитый проспект-набережную Бейра-Мар (avenida Beira Mar) [**12**].

Константинополя. Еще одним известным представителем был архитектор-геодезист из Константинополя Овян, окончивший в 1885 г. в Париже Ponts et Chaussées, спроектировавший порт, дамбы и волнорезы для сдерживания океана в Рио-де-Жанейро. [**1**, с. 762]. К концу XIX в. в Бразилии уже насчитывалось ок. сотни армян.

Любопытны данные приводимые в марсельской газете Армения за март 1893 г.: в Рио-Гранде-ду-Сул – 10 армян (4 имеют магазины, а 6 – коробейники); в Санта-Марии – 2 из Муша; в Санта Жисенте – 6 коробейников из Вана; в Рио-Гранде и в Баже – 6-7 из Харберда [**8**]. За май того же года: в провинции Рио-Гранде-ду-Сул – 26 армян [**4**].

Община образовалась после Геноцида (1915), последовавших за ним избиений и погромов (1918-20) в Турции и насильственного выселения армян Киликии (1921-22), когда армяне стали переселяться большими группами. Второй существенный иммиграционный приток произошел в 50-60 гг. XX в. В 1976 году в Бразилии уже насчитывалось ок. 16 тыс., в 1996 г. – ок. 20 тыс., а в 2011 г. – 28±2 тыс. армян.

Бразильские армяне жили и живут, в основном в штате Сан-Паулу. Только в мезорегионе "Агломерация Сан-Паулу" в 1983 году насчитывалось ок 18 тыс. армян. В указанном мезорегионе наибольшее количество армян проживает в самом городе Сан-Паулу, затем в городах составляющих городскую агломерацию: Озаску, Феррас-ди-Васконселус, Салту, Санту-Андре и Иту. Кроме того в городах Итаньяэн и Сан-Жозе-ду-Риу-Прету (ок. 350 чел.).

Вторая точка сосредоточения, это мезорегион "Агломерация Рио-де-Жанейро" в одноименном штате. В этой агломерации армян значительно меньше, ок. 1 тыс. и проживают они в городах Рио-де-Жанейро, Сан-Гонсалу и Дуки-ди-Кашиас.

В малых количествах, армяне расселены так же в столице Бразилиа[2] (ок. 300 чел.), в городах: Порту-Алегри[3], Белу-Оризонти, Рибейран-дас-Невис и Тейшейра-ди-Фрейтас, а так же в штатах Мату-Гросу (порт. Mato Grosso), Парана (порт. Paraná), Санта-Катарина (порт. Santa Catarina) и Сеара (порт. Ceará).

В последние годы оценка количества армян в Бразилии колеблется в районе 40 ± 10 тыс.

Организации.

1 мая 1928 г. была создана организация "Арменская Община Пресиденте Алтино"[4]. Был куплен участок земли в 1500 м^2, на котором планировалось строительство общинного центра. Через два года, 4 мая 1930 г. был заложен камень первой армянской церкви Бразилии. Еще через 2 года, по завершении строительства организация была распущена.

1 марта 1942 г. было создано "Армянское молодежное Общество культуры и спорта"[5].

Ныне главный орган общины "Центральный Административный Совет ААЦ в Бразилии"[6], расположен в Озаску.

Действуют множество общественных и культурных союзов и организаций, такие как благотворительные (ՀԲԸՄ, ՀՕՄ) и земляческие союзы – Мараш[7], Зейтун, Айнтап, Сис, Аджн, Адана, Урфа и др.

Образование.

Первую школу бразильские армяне создали в 1931 г. Ежедневная школа "Дурьян азгайин варжаран" начала функционировать с двумя учителями и 45 учениками. Занятия проходили в здании церкви построенном в Пресиденте Алтино (ныне Озаску). Лишь в 1946 г. было построено новое здание для разрастающейся школы, количество учеников в которой к тому времени достигло 80 чел.

Ныне, кроме упомянутой школы, в Сан-Паулу действуют еще 3 учебных заведения – "Киликия", "Нубарян" и "Саак-Месропян".

С 1962 в университете Сан-Паулу на факультете востоковедения действует кафедра арменоведения (основатель и руководитель Есайи Грузян).

Церковь.

Центр бразильской епархии Армянской Апостольской церкви (ААЦ) основанной в 1983 г., находится в Сан-Паулу (имеет 3 церкви, по одной в Сан-Паулу, Озаску и Рио-де-Жанейро).

---

[2] **Бразилиа** (порт. Brasília) – город, столица Бразилии.

[3] **Порту-Алегри** (порт. Porto Alegre) – столица штата Риу-Гранди-ду-Сул (порт. Rio Grande do Sul), один из важнейших городов южной Бразилии, являющийся культурным, политическим и экономическим центром региона. В Порту-Алегри самый высокий уровень жизни среди бразильских столиц штатов. Находится в составе крупной городской агломерации Агломерация Порту-Алегри.

[4] "Sociedade Armênia de Presidente Altino" первоначально – "União Salmo Tzor de Presidente Altino".

[5] SEC-MAP (Sociedade Esportiva e Cultural – Mocidade Armênia de Presidente Altino)

[6] Conselho Administ Central da Igreja Apostólica Armênia do Brazil. Rua Carlos C Ramalho Jr 498. Tel: 3681-8110. www.armenia.com.br

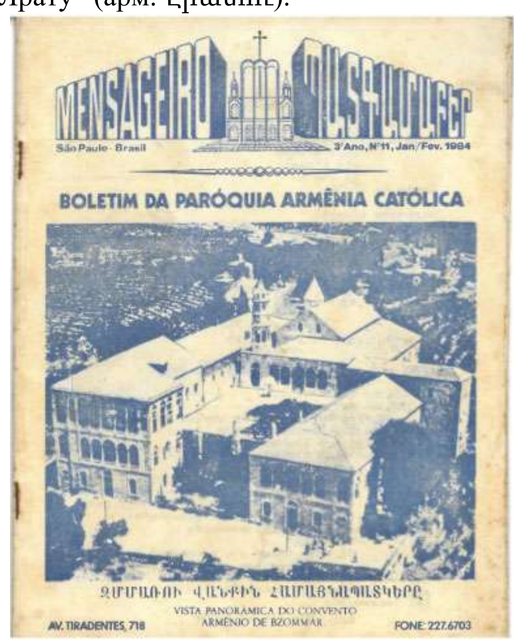
[7] "Sociedade Beneficente e Cultural Marachá". Presidente: Sr. Antônio Degurmendjian. Avenida Santos Dumont, 429. CEP: 01101-000. Tel: 227-6831, L:6694-1399, fax:291-1058

Первая армянская церковь Бразилии была построена в Озаску в 1932 г., однако в силу обстоятельств, она была освящена лишь в 1941 году.

Экзархат армяно-католиков (владеющий одной церковью) и армяно-евангелистская община (представленная 3 церквами) находятся в Сан-Паулу [**11**]. Кроме того, имеется одна армяно-пресвитерианская община (с одной церковью) в Феррас-ди-Васконселус.

СМИ.

В разное время издавалась ок. 15 наименований периодики. Ныне, как и ранее периодика издается на армянском и португальском языках с преобладанием последнего. Ныне издаются: официальный орган епархии ААЦ “Сипан” (арм. Սիփան), официальный орган католической епархии “Mesenjer” (арм. Պատգամաբեր), “Iris” (букв. “Радуга”), “Масис” (арм. Մասիս) и “Лрату” (арм. Լրատու).

Кроме того у общины есть ряд португалоязычных веб-порталов, так например,

Estação Armênia - http://estacaoarmenia.com.br/,

Armênia Eterna - http://armeniaeterna.com.br/,

COMUNIDADE ARMÊNIA
DE OSASCO

Comunidade Armênia de Osasco - https://web.archive.org/web/20140201205934/http://www.cao.org.br/ и т.д.

В Сан-Паулу имеется радиостанция “Rádio Mundial”[8], которая в 21.00 производит программу “Armênia Eterna” имеющую отдельный веб-портал[9].

Признание Геноцида

Законодательные собрания двух штатов Сан-Паулу (04.2003) и Сеара (18.06.2006) приняли закон о признании 24 апреля "Днем памяти жертв геноцида армян".

В мае 2015 г. Сенат Бразилии признал факт геноцида армян в Османской империи. В документе, в частности, говорится: «*Федеральный Сенат признает Геноцид армян, 100-летие которого отметили 24 апреля 2015 года. Сенат отдает дань уважения памяти жертв Геноцида и высоко ценит вклад потомков нашедших приют в Бразилии армян в развитие экономической, социальной и культурной сфер страны, также подчеркивает, что ни один геноцид не должен быть забыт, чтобы не был осуществлен снова*».

Разное

Необходимо отметить, что не все топонимы упомянутые в сводной таблице армянских памятников в Бразилии связанны непосредственно с армянским присутствием. К таковым относятся линейные годонимы Армения и Арарат, в следующих городах:

- в штате Баия – *Тейшейра-ди-Фрейтас*;
- в штате Минас-Жерайс – *Белу-Оризонти* и *Рибейран-дас-Невис*;
- в штате Сан-Паулу – *Санту-Андре* и *Салту*.

Происхождение подобных дублетов обусловлено стремлением местного населения давать библейские названия различным географическим объектам. Еще в XIX в. в ряде стран Центральной Америки, а так же в северо-западной части Южной Америки, на карте появились даже ойконимы с названиями Армения и Арарат [**13**].

Кроме линейных топонимов имеются городские топонимы

- в штате Сан-Паулу в городе *Феррас-ди-Васконселус* – Пресвитерианская церковь “Шалом Армения”;
- в штате Рио-де-Жанейро в городе *Санта Круз* – Евангелистская церковь Ассамблея Бога Конгрегации Горы Арарат; в городе *Сан-Гонсалу* – Массонсакая ложа “Гора Арарат”. (Подробнее см. в таблице).

---

[8] Вещание на честотах FM 95,7 и AM 660, веб-сайт – http://www.radiomundial.com.br/, Tel: (11) 3016-1766 / 1767 / 1768

[9] http://www.armeniaeterna.com.br/

Таблица. Сводный перечень памятников архитектуры и топонимики в Бразилии

н/н	Объект	Наименование	Местонахождение (адрес, контакты)	Даты	Вид
Rio de Janeiro[10]					
1.	*улица*	Армения	Rua Armênia, ***Barra da Tijuca***[11] **Rio de Janeiro**[12] - RJ 22640		Протяженность: 80 м
2.	*здание*	Евангелистская церковь Ассамблея Бога Конгрегации Горы Арарат	Igreja Evang. Assembleia De Deus Congregação Monte Ararat, R. Edon, ***Santa Cruz***[13], **Rio de Janeiro** - RJ 23575		
3.	*улица*	Армения	Rua Armênia, ***Paraíso***, **São Gonçalo**[14]- RJ 24431		Протяженность: 300 м
4.	здание	Массонсакая ложа “Гора Арарат” Loja Maconica Monte Ararat	Augusta Respeitável Loja Simbólica Monte Ararat R. Dr. Iberico, 57 ***Paraíso***[15], **São Gonçalo** - RJ 24431 www.montearatat.com.br Тел.: +55 21 2712-4085		
5.	*улица*	Армения	Rua Armênia, ***Parque Paulista***, **Duque de Caxias**[16]- RJ 25261		Протяженность: 1000 м

[10] **Рио-де-Жанейро** (порт. Rio de Janeiro) – штат в Бразилии, состоит из 92 муниципалитетов, которые объединены в 14 непосредственных географических региона (порт. regiões geográficas imediatas), которые, в свою очередь, сгруппированы в 5 промежуточных географических региона (порт. regiões geográficas intermediárias). Столица штата одноименный город, который разделен на 163 квартала (порт. bairros), объединенных в 33 административных района (порт. Regiões Administrativas), которые, в свою очередь, объединены в 4 субпрефектуры (порт. subprefeituras).

[11] **Бара-да-Тижука** (порт. Barra da Tijuca) – квартал в одноименном административном районе в субпрефектуре Западная зона (порт. Zona Oeste) города Рио-де-Жанейро.

[12] **Рио-де-Жанейро** (порт. Rio de Janeiro) – город, административный центр одноимённого штата. Второй по величине (после Сан-Паулу).

[13] **Санта Круз** (порт. Santa Cruz) – административный район в субпрефектуре Западная зона.

[14] **Сан-Гонсалу** (порт. São Gonçalo) – муниципалитет в непосредственном географическом регионе Рио-де-Жанейро одноименного штата. Составная часть мезорегиона Агломерация Рио-де-Жанейро.

[15] **Параисо** (порт. Paraíso) – квартал в муниципалитете Сан-Гонсалу.

[16] **Дуки-ди-Кашиас** (порт. Duque de Caxias) – муниципалитет в непосредственном географическом регионе Рио-де-Жанейро одноименного штата. Составная часть мезорегиона Агломерация Рио-де-Жанейро.

São Paulo[17]

6.	здание	Епархиальный центр	Av. Santos Dumont 55, ***Bom Retiro*, São Paulo**[18]		
7.	кафедральная церковь	Св. Георгия	Igreja Apostólica Armênia São Jorge, Av. Santos Dumont, 55 ***Bom Retiro***[19], **São Paulo** - SP, 01101-000 Tél: +55 (011) 3326-9533	1938	
8.	престол	Св. Богоматери	Находится в центре алтарной апсиды, **Там же**		
9.	престол	Св. Месропа Маштоца	Находится на алтарной апсиде слева от центрального престола, **Там же**		
10.	престол	Св. Саака Партева	Находится на алтарной апсиде справа от центрального престола, **Там же**		

[17] **Сан-Паулу** (порт. São Paulo) – самый населённый и экономически развитый штат Бразилии. Административный центр – город Сан-Паулу, также являющийся крупнейшим городом Бразилии и всей Южной Америки.
[18] **Сан-Паулу** (порт. Região Metropolitana de São Paulo) – крупная городская агломерация в штате Сан-Паулу. Разделена на 32 субпрефектуры, каждая из которых состоят из нескольких районов. Город-побратим Еревана (с 2002).
[19] **Бом Ретиро** (порт. Bom Retiro) – один из трех районов в центральной субпрефектуре Се (порт. Sé) города Сан-Паулу.

11.	престол	Св. Георгия	Находится слева от входа у северной стены, **Там же**		
12.	престол		Находится справа от входа у южной стены, **Там же**		
13.	фреска	Св. Фаддей	Находится слева от алтарной апсиды, **Там же**		
14.	лапидарная надпись	Односточная на армянском[20] языке	Находится под ногами апостола Фаддея, над изображением первопрестольного Эчмиадзина, **Там же**		
15.	фреска	Св. Ворфоломей	Находится справа от алтарной апсиды, **Там же**		
16.	лапидарная надпись	Односточная на армянском[21] языке	Находится под ногами апостола Ворфоломея, над изображением церкви монастыря Св. Гаяне, **Там же**		
17.	лапидарная надпись	На армянском языке[22]	Находится на надалтарной аркой	1948	
18.	лапидарная надпись	На латинском языке[23]	Находится на щите над надалтарной аркой		
19.	фрески		Находятся на потолке, **Там же**		
20.	купель		Находятся слеваот алтаря у северной стены церкви Св. Георгия, **Там же**		
21.	барельеф	Св. Георгия	Находится на тимпане церкви Св. Георгия, **Там же**	1948	

[20] ՍԲ. ԹԱԴԷՈՍ ԱՌԱՔԵԱԼ
[21] ՍԲ. ԲԱՐԹՈՂՈՄԷՈՍ ԱՌԱՔԵԱԼ
[22] ԽՆԴՐԵՑԷՔ ԵՒ ՏԱՑԻ ՁԵԶ ԲԱՂԽԵՑԷՔ ԵՒ ԲԱՑՑԻ ՁԵԶ
[23] R.J. 1948

22.	здание	школа-интернат Жозе Бонифацио Армянский национальный колледж Дурьян	Находится при церкви Св. Георгия, Escola Armênia de São Paulo Hay Azkayin Turian Varjaran - Externato "José Bonifácio", **Там же** Tél.: +55 (11) 3228-5239 ejb@vipsite.com.br	1928	
23.	мемориальная доска	В память о ремонте на средства фонда Гюльбенкяна и меценатов	Над входом в помещение школы-интерната Жозе Бонифацио и национального колледжа Дурьян, **Там же**	2001	
24.	здание	Медицинская клиника "Армения"	Armênia clínica médica, Av. Santos Dumont, 429 ***Bom Retiro*, São Paulo** - SP, 01101-000 Tél: +55 (011) 3326-7442		
25.	здание епархиаль-ного центра	Армяно-Апостольский Экзархат Латинской Америки в Бразилии	Paróquia Armênia São Gregório Iluminador, Av. Tiradentes, 718 ***Bom Retiro*, São Paulo** – SP, 12030 Tél.: +55 (11) 3227-6703 www.paroquiaarmenia.org.br	1981	
26.	церковь	Кафедрал Св. Григория Просветителя	Catedral Católica Armênia de São Gregório, Av. Tiradentes, 718 ***Bom Retiro*, São Paulo** – SP, 12030 Tél. и Fax: те же pararmbr@cidadanet.org.br	Осв. 05.1976	
27.	фрески	23 сюжета из жизни Иисуса	Находятся на потолке церкви Св. Григория Просветителя, **Там же**		
28.	здание	Приходская школа Св. Григория Просветителя	Escola Armênia S. Gregório Iluminador Находится рядом с церковью Св. Григория Просветителя, **Там же**	8.02.1983	
29.	хачкар	В память 100-летия Геноцида армян	Установлен во дворе кафедральной церкви, Homenagens às vítimas do genocídio, na Catedral Armêna Católica, **Там же**	2015	
30.	лапидарная надпись	На португальском[24] языке	Находится на стене за хачкаром, **Там же**		

[24] CENTENÁRIO DO GENOCÍDIO ARMÊNIO / 1915 - 2015

31.	хачкар		Установлен во дворе кафедральной церкви Св. Григория Просветителя, **Там же**		
32.	*сквер*	площадь Армения (ранее Малый Мост)	Находится напротив церкви Св. Георгия, в треугольнике между улицами Av. Santos Dumont, Av. Tiradentes и Av. do Estados. Praça Armênia, ***Bom Retiro*, São Paulo** – SP, 01101	31.10.1976	
33.	обелиск	В память армянским мученикам [**16**]	Находится в сквере Praça Armênia, Monumento em Mártires Armênios, ***Bom Retiro*, São Paulo**	31.10.1976	
34.	мемориальная доска	5-и строчная надпись на португальском[25] языке	Находилась наобелиске (ныне утрачена), **Там же**		
35.	мемориал	В память жертв Геноцида армян 1915 г. [**2**, с. 74-76]	Находится в сквере Praça Armênia, Monumento em Homenagem às Vítimas do Genocídio de 1915, ***Bom Retiro*, São Paulo**	24.04.1965 Рест. 2009[26]	
36.	мемориальная надпись	первоначально 4-х строчная [27], после реставрации без изменения смысла 5-и строчная	Находится на лицевой стороне мемориала в правом верхнем углу, **Там же**	24.04.1965 Рест. 2009	
37.	мемориальная надпись	первоначально 5-и строчная [28] после реставрации без изменения смысла 6-и строчная	Находится на лицевой стороне мемориала в левой части рядом со “скорбящей матрью Арменией”, **Там же**	24.04.1965 Рест. 2009	
38.	мемориальная надпись	8-и строчная на португальском[29] языке	Находится на тыльной стороне мемориала, **Там же**		

[25] “Praça Armênia – Cinquentenário da Imigração Armênia ao Brasil – Prefeito Olavo Setúbal – 31/10/1976”

[26] Мемориал находился в центре сквера Praça Armênia. На протяжении нескольких десятилетий был изувечен вандалами, а металлические изваяния были похищены. В 2009 г. после скандальной статьи “Памятник-призрак” в газете São Paulo Antiga [**14**], памятник был перенесен на южную оконечность сквера и реставрирован. Поскольку все скульптуры были украдены, а скульптор уже умер, все части были тщательно реконструированы по фотографиям [**15**].

[27] MESMO QUE ACORRENTEM MEUS PÉS, / AMARREM MINHAS MÃOS / TAPEM MINHA BOCA / MEU CORAÇÃO GRITARA POR LIBERDARE

[28] ՅԱՐԳԱՆՔ ՆԱՀԱՏԱԿՆԵՐՈՒՆ / MONUMENTO EDIGIDO EM MEMÓRIA DE / UM MILHÃO E MEIO DE MÁRTIRES / ARMÊNIOS MASSACRADOS PELOS TURCOS / EM ABRIL DE 1915.

[29] 1915 – 24 DE ABRIL – 1965 / TENTARAM EXTERMINAR A RAÇA ARMÊNIA. QUEIMARAM INOCENTES / ABRIGADOS NAS IGREJAS; SEMEARAM A MORTE NAS ESTRADAS, / TINGIRAM DE SANGUE O RIO EUFRATES. / MASAS CINZAS, ESPALHADAS PELO VENTO, POUSERAM SOBRE A TERRA / EA FECUNDARAM, E SEUS FRUTOS HOJE FLORESCEM EM TODA A PARTE. / CABE A NÓS LEGAR ÀS GERAÇÕES FUTURAS UMA ARMÊNIA ALTIVA / E SOBERANA, DIGNA DE SUAS IMPERECÍVEIS TRADIÇÕES.

39.	хачкар	[**2**, с. 77]	Установлен перед мемориалом памяти жертв Геноцида армян 1915 г., **Там же**	2011	
40.	мемориальная доска	11-и строчная надпись на португальском языке[30]	Находится на тыльной стороне основания хачкара, между гербами Бразилии и Армении, **Там же**		
41.	*мост-переход*	Варам Кеутенеджян	Перекинут через Av. Santos Dumont около Praça Armênia, Pas. Varam Keutenedjian, ***Bom Retiro*, São Paulo**		
42.	*остановка метро*	Армения	Находится на линии метро №1, на перекрестке улиц Av. Santos Dumont и Av. do Estado, M/t Armênia, ***Bom Retiro*, São Paulo**	Названа. 1987 Оф. откр. 2005	
43.	памятник	Армения [**2**, с. 79]	Установлен у остановки метро M/t Armênia, “Memorial Armênia”, ***Bom Retiro*, São Paulo**	1987	
44.	*эстакада метро*	Армения	Через реку Tamanduatei, рядом со станцией метро Armênia, Est. Armênia, ***Bom Retiro*, São Paulo**		
45.	церковь	Центральная Евангелистская Армянская церковь Сан Паулу (AEUNA)	Igreja Central Evangélica Armênia De São Paulo, На углу R. Pedro Vicente, и Av. do Estado, 1191, ***Bom Retiro*, São Paulo** – SP 01109-010 Tél.: +55 11 3227-6969 www.iceasp.org.br	1927	
46.	барельеф	[**2**, с. 81]	Находится на торцевой стене Центральной Евангелистской Армянской церкви, **Там же**		

[30] Espaço Sívico / Comendador Yerchanik Kissajikian / (Lei 14993 de 29 Setembro de 2009) / “Tentaram exterminar a raça Armênia, queimaram inocentes abrigados / nas igrejas, semeram a morte nas estradas, tingiram de sangue o / Rio Eufrates, mas as cinzas, espalhadas pelo vento, pousaram sobre a / terra e a fecundaram, e seus frutos hoje florescem em toda parte / Cabe a nós legar as gerações futuras, uma Armênia altiva e soberana, digna / de suas imperecíveis tradições.” / De autoria do Comendador Yerchanik Kissjikian idealizador do monumento / aos Mártires Armênios.

47.	*помещение*	Токсикологические экзамены “Армения”	“Armenia” Exames Toxicológicos, R. Pedro Vicente, 103 - 8, ***Bom Retiro*****, São Paulo** – SP, 01109		
48.	*помещение*	Зубная клиника “Армения”	“Armênia” Odonto, R. Pedro Vicente, 103, ***Bom Retiro*****, São Paulo** – SP, 01109		
49.	*помещение*	Картофельное шоу “Армения”	Batata Show “Armênia” R. Pedro Vicente, 121 –B, ***Bom Retiro*****, São Paulo** – SP, 01109		
50.	*помещение*	Бар “Армения”	“Armênia” Bar, R. Pedro Vicente, 204 ***Bom Retiro*****, São Paulo** – SP, 01109		
51.	*помещение*	Автошкола “Армения”	Driver Training Center “Armenia”, R. Pedro Vicente, 237 ***Bom Retiro*****, São Paulo** – SP, 01109		
52.	*помещение*	Бар и ресторан “Красивая Армения”	Bar e Restaurante “Belíssima da Armênia”, R. Pedro Vicente, 310 ***Bom Retiro*****, São Paulo** – SP, 01109		
53.	комплекс		UGAB - União Geral Armênia de Beneficência, Находится между улицами R. Vupabussu, 196, R. Natingui 1545 & R. Ferreira de Araújo ***Pinheiros***[31]**, São Paulo** - SP, 05429-040, http://www.ugab.org.br/ Tél.: +55 (11) 3814-9299		
54.	здание	Культурный центр (AGBU Hagob Mavian Building)	Находится в правой части комплекса, ближе к улице R. Vupabussu, Hagop Mavian UGAB **Там же**		
55.	бюст	Акопа Мавияна [**2**, с. 80]	Установлен в культурном центре им. Акопа Мавияна, **Там же**	1986	
56.	мемориальная доска	8-и строчная на португальском языке[32]	Установлена на лицевой стороне постамента под бюстом Акопа Мавияна, **Там же**		

[31] **Пинхеирос** (порт. Pinheiros) – один из четырех районов в однoименной субпрефектуре города Сан-Паулу.
[32] HOMENAGEM / A / HAGOP MAVIAN / O PREITO DE GRATIDÃO / DA / UNIÃO GERAL ARMÊNIA / DE BENRFICÊNCIA / SÃO PAULO, DUTEBRO DE 1986

57.	здание	школа Парен и Регины Пазарян (AGBU)	Находится в левой части комплекса, ближе к улице R. Ferreira de Araújo, AGBU Paren and Regina Bazarian School, **Там же**	1983	
58.	здание	Начальная школа Григория Мавияна	Pré-escola Gregório Mavian, **São Paulo**		
59.	бюст	Григория Мавияна [**2**, с. 80]	Установлен в начальной школе Григория Мавияна, **Там же**	28.03.1992	
60.	мемориальная доска	20-и строчная на португальском языке[33]	Установлена на стене под бюстом Григория Мавияна, **Там же**		
61.	церковь	Армянская церковь евангелистского братства	Igreja Evangélica Irmãos Armenios Rua Maria Curupaiti 117, ***Santana***[34], **São Paulo** – SP 02452 Tél.: +55 11 2977-1856 https://www.ieia.com.br/		
62.	здание	Спортивная школа	Grupo Escoteiro Sardarabad Av. Santos Dumont, 1318 ***Santana***, **São Paulo** – SP Tel: (011) 99419-6442		
63.	мемориал	В память 90-летия жертв Геноцида армян. Дар от Республики Армения властям Сан-Паулу [**2**, с. 78]	Установлен во дворе Assembleia Legislativa do Estado de São Paulo 9 de Julho Palace - Av. Pedro Álvares Cabral, 201 – ***Moema***[35], **São Paulo** - SP, 04094	2006	
64.	комплекс	Армянский клуб	SAMA - Clube Armênio, Av. Professor Ascendino Reis, 1450 ***Moema***, **São Paulo** – SP 04027-000 Tél.: +55 11 5579-6035, www.clubearmenio.com.br		

[33] ESTA PRÉ-ESCOLA FOL DOADA PELA / SRA. YERANOUHI GUENDELEKIAN MAVIAN / EM MEMORIA DE SEU FILHO / GREGÓRIO MAVIAN / * 28 – 3 – 1949 / filho de / HAGOP E YERANOUHI MAVIAN / CASADO COM / VERA MAVIAN / E SENDO SEUS FILHOS / ALEX E GREGÓRIO MAVIAN FILHO / NETO DE / SAMUEL E MAIRENÍ GUENDELEKIAN / E DE / KRIKOR E ARACI MAVIAN / INAUGURADA EM 28-3-1992 / "EM SUA MEMÓRIA REZAREMOS SEMPRE COM OS / CORAÇÕES ABERTOS E PUROS, PARA RECEBERMOS / AS SEMENTES DE OURO, OUE ORA COMEÇAM A SER / REPARTIDAS COM AS CRIANÇAS ARMÊNIAS".

[34] **Сантана** (порт. Santana) – один из трех районов в субпрефектуре Сантана-Тукуруви (порт. Subprefeitura de Santana/Tucuruvi) города Сан-Паулу, к северу от тайона Бом Ретиро.

[35] **Моема** (порт. Moema) – один из трех районов центральной субпрефектуры Вила Мариана (порт. Vila Mariana) города Сан-Паулу.

65.	церковь	Св. Иоанна Крестителя	Igreja Apostólica Armênia São João Batista R. Carlos da Costa Ramalho Júnior, 497 ***Presidente Altino***[36], **Osasco**[37] **-** SP, 06213-110 Tél.: +55 11 3681-0805	1932 Осв. 1941	
66.	престол	Св. Богоматери	Находится в центре алтарной апсиды		
67.	престол	Св. Иоанна Крестителя	Находится на алтарной апсиде слева от центрального престола		
68.	престол	Св. Вознесения	Находится на алтарной апсиде справа от центрального престола		
69.	хачкар	[**2**, с. 83]	Установлен слева от входа в церковь Св. Иоанна Крестителя, **Там же**	1995	
70.	памятник	Армянскому алфавиту [**2**, с. 82]	Установлен на территории церкви Св. Иоанна Крестителя, **Там же**		
71.	здание	Клуб армянской общины Озаско	Comunidade Armênia de Osasco (CAO) Находится рядом с церковью Tel: +55 11 3681-8110 www.cao.org.br		
72.	ограда с воротами	Вокруг религиозно-культурного комплекса	Находится вокруг церкви Св. Иоанна Крестителя и Клуба армянской общины, **Там же**		
73.	*улица*	Армения	Rua Armênia, ***Presidente Altino***, **Osasco -**SP		Протяженность: 900 м
74.	*улица*	Акоп Гюзелян	Rua Agop Guzelian, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Протяженность: 550 м
75.	*улица*	Санасар Мартирос	Rua Sanazar Martiros, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Протяженность: 820 м
76.	*улица*	Саркис Алти-Бармакян	Rua Sarkis Alti Barmakian, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Протяженность: 150 м
77.	*улица*	Габриел Сеферян	Rua Gabriel Seferian, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Протяженность: 500 м
78.	*аллея*	Габриел Манукян	Viela Gabriel Manoukian, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Протяженность: 63+49 м
79.	*площадь с улицей*	Тигран Эчрефян	Praça Dicran Echrefian, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Протяженность: 110+110 м

[36] **Президент Алтино** (порт. Presidente Altino) – один из центральных кварталов Озаску.
[37] **Озаску** (порт. Osasco, ранее Presidente Altino) – город и муниципалитет в штате Сан-Паулу. Составная часть мезорегиона Агломерация Сан-Паулу. Город-побратим Гюмри (с 2005).

80.	*улица*	Далва Феррейра Камалакян	R. Dalva Ferreira Kamalakian ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Протяженность: 110 м
81.	*улица*	Браз Багдасар	Rua Braz Baltazar, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Протяженность: 110 м
82.	*улица*	Сирануш Магдесян	Rua Arnaldo de Oliveira Barreto, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		Ранее Rua Siranouch Magdesian
83.	*сквер*	Армения	Находится между улицами R. Maria Luísa Pereira, R. Ari Barroso, R. Esdras Pratés da Silveira Praça Armênia, ***Presidente Altino***, **Osasco** -SP		
84.	мемориал	В память о спасшихся от Геноцида армян [**2**, с. 83]	Установлен в центре сквера Praça Armênia, **Osasco**	1996	
85.	*площадь с улицей*	Линда Камалакян	Praça Linda Kamalakian, ***Bonfim***[38], **Osasco** - SP		Протяженность: 97 м
86.	*улица*	Ншан Сасунян	Rua Nishan Sasounian, ***Bonfim***, **Osasco** - SP		Протяженность: 140 м
87.	*улица*	Арам Сеферян	Rua Aram Seferian, ***Bonfim***, **Osasco** - SP		Протяженность: 300 м
88.	*улица*	Минас Богасян	Rua Minas Bogasian, ***Centro***[39], **Osasco**		Протяженность: 400 м
89.	хачкар	подарен мэрией города Гюмри, в знак дружбы между двумя городами-побратимами [**2**, с. 82]	Установлен под эстакадой PondeEmidio de Souza, **Osasco**	01.07.2008	
90.	*улица*	Армения	Rua Armênia, **Ferraz de Vasconcelos**[40]		Протяженность: 1000 м
91.	церковь	Евангелистская Армянская (AEUNA)	Igreja Evangélica Armênia De Ferraz De Vasconcelos, Rua Armênia 404, **Ferraz de Vasconcelos** - SP 08500 iceasp@bol.com.br	10.1954	
92.	*здание*	Пресвитериан-ская церковь "Шалом Армения"	Igreja Presbiteriana "Armênia Shalom", Rua Floriano Peixoto, 480 ***Vila Romanopolis***, **Ferraz de Vasconcelos** - SP, 08529 Tel.: +55 11 99920-6170		

[38] **Бонфим** (порт. Bonfim) – один из центральных кварталов Озаско.
[39] **Центр** (порт. Centro) – один из центральных кварталов Озаско.
[40] **Феррас-ди-Васконселус** (порт. Ferraz de Vasconcelos) – муниципалитет в штате **Сан-Паулу**. Составная часть мезорегиона Агломерация Сан-Паулу.

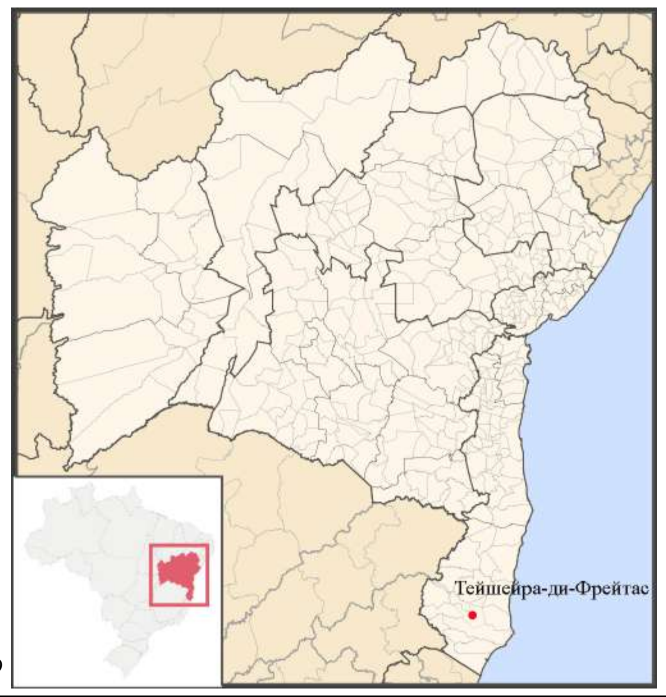
93.	*улица*	Армения	Rua Armênia, **Santo André**[41] – SP 09271		Протяженность: 190 м
94.	*проспект*	Армения	Av. Armênia, **Itanhaém**[42] – SP 11740		Протяженность: 260 м
95.	*улица*	Армения	Rua Armênia, **Itanhaém** – SP 11740		Протяженность: 500 м
96.	*улица*	Армения	Rua Armênia, ***Chácara Flórid**a*, **Itu**[43]– SP		Протяженность: 300 м
97.	*улица*	Армения	Rua Armênia, ***Jardim das Nacoes***, **Salto**[44] – SP 13322-244		Протяженность: 200 м
98.	*площадь*	Армения	Praça Armênia, ***Comendador Mançor Daud***, **São José do Rio Preto**[45]	11.2005	

Minas Gerais [46]

99.	*улица*	Арарат	Rua Ararat, **Belo Horizonte**[47] - MG 30590-400		Протяженность: 260 м
100.	*улица*	Армения	Rua Armênia, ***Conjunto Henrique Sapori***, **Ribeirão das Neves**[48] - MG 33823-030		Протяженность: 210 м

[41] **Санту-Андре** (порт. Santo André) – муниципалитет в штате **Сан-Паулу**. Составная часть мезорегиона Агломерация Сан-Паулу.
[42] **Итаньяэн** (порт. Itanhaém) – муниципалитет в штате **Сан-Паулу**. Составная часть мезорегиона Южное побережье штата Сан-Паулу.
[43] **Иту** (порт. Itu) – муниципалитет в штате **Сан-Паулу** в микрорегионе Сорокаба (порт. Sorocaba). Составная часть мезорегиона Макрорегион агломерации Сан-Паулу.
[44] **Салту** (порт. Salto) – муниципалитет в штате **Сан-Паулу** в микрорегионе Сорокаба. Составная часть мезорегиона Макрорегион агломерации Сан-Паулу.
[45] **Сан-Жозе-ду-Риу-Прету** (порт. São José do Rio Preto) – муниципалитет в штате **Сан-Паулу**. Составная часть мезорегиона Сан-Жозе-ду-Риу-Прету.
[46] **Минас-Жерайс** (порт. Minas Gerais) – штат в Бразилии, второй по населению и четвёртый по площади. Административный центр – город Белу-Оризонти.
[47] **Белу-Оризонти** (порт. Belo Horizonte) – столица штата **Минас-Жерайс**. Белу-Оризонти считается первым бразильским городом, построенным по плану.
[48] **Рибейран-дас-Невис** (порт. Ribeirão das Neves) – муниципалитет в штате **Минас-Жерайс**. Составная часть мезорегиона Агломерация Белу-Оризонти.

Bahia[49]

101.	*улица*	Армения	Rua Armênia, **Teixeira de Freitas**[50] **-** BA		Протяженность: 700 м

Условные сокращения:

R. (Rua) – улица	Est. (Estação) – эстакада
Av. (Avenida) – проспект	Pas. (Passarela) – мост
Pr. (Praça) – площадь, сквер	M/t (Metro Tiete) – остановка метро

Перечень использованной литературы

1. **Աճառյան Հրաչյա**, Հայ գաղթօջախների պատմություն: *Հարավային Ամերիկա,* էջեր 762-764: – Եր.: Զանգակ-97: 2002: – 768 էջ:
2. **Աշխարհի հայկական հուշարձանները**. Մաս 2: – Եր.: Անտարես, 2012: – 128 էջ:
3. **Հայ Սփյուռք** հանրագիտարան: *Բրազիլիա*, էջ 118-123: – Եր.: Հայկ. հանրագիտարան. հրատ. 2003: – 732 էջ:
4. **Հայեր ի Պրազիլիա** // Արմենիա. – Marseille. Ը տարի թիւ 76, 1893 մայիս 17, էջ 2:
5. **Հայկական Սովետական Հանրագիտարան**: Հ. 2, *Բրազիլիա,* էջ 550: – Եր.: 1976; Հ. 8, *Սան Պաուլու,* էջեր 168-169: – Եր.: 1982:
6. **Մալխասյան Մ.**, Հայերն աշխարհում: – Եր., Հեղինակային հրատարակություն: 2007: - 144 էջ:
7. **Մխիթարյան Գ.**, Պրազիլիահայ գաղութը սկիզբէն մինչեւ մեր օրերը: – Փարիզ, 1938:
8. **Նամակ Պրազիլիաէն** // Արմենիա. – Marseille. Ը տարի թիւ 62, 1893 մարտ 25, էջ 3:
9. **Վարդանյան Ե.,** Պրազիլիո հայ գաղութը: – Բուենոս Այրես, 1948:
10. **Քրիստոնյա Հայաստան** հանրագիտարան: *Բրազիլիայի թեմ*, էջ 184-185: – Եր.: Հայկ. հանրագիտարան. հրատ. 2002: – 1076 էջ:
11. **Ганаланян Т.**, Армянские протестанские общины Южной Америки. // «Глобус Национальная безопасность», номер 2, 2011.
12. **Ерканян А.** Армяне Бразилии. // «Собеседник Армении». 04 Июль 2014.
13. **Погосян /Хахбакян/ Г. Г.** Памятники армянской топонимики в некоторых странах Центральной и Южной Америки. Стр. 66-76. // Научно-аналитический журнал «Регион и Мир». Том XI, № 6. – Ер. 2020.
14. **Nascimento, Douglas** O Monumento Fantasma // «São Paulo Antiga» 19/06/2009
15. **Nascimento, Douglas** Monumento aos Mártires Armênios // «São Paulo Antiga» 24/04/2015
16. **Nascimento, Douglas** Obelisco dos Mártires Armênios // «São Paulo Antiga» 11/01/2019
17. **Vardanian Y.** A Comunidade Armenia do Brasil. – Buenos Aires. 1948
18. **Vignoli, José** A história das duas Igrejas Apostólicas Armênias de São Paulo // «São Paulo Antiga» 26/03/2021

Сдана/Հանձնվել է 15.03.2021
Рецензирована/Գրախոսվել է 22.03.2021
Принята/Ընդունվել է 29.03.2021

[49] **Баия** (порт. Bahia) – штат в Бразилии. Административный центр – город Салвадор.
[50] **Тейшейра-ди-Фрейтас** (порт. Teixeira de Freitas) – муниципалитет в штате **Баия**.

Международная научная конференция в Санкт-Петербурге

27-28 апреля 2021 г. в Санкт-Петербурге прошла IV Международная научная конференция «***Великие армянские просветители Мкртич Хримян и Гевонд Алишан — к 200-летию со дня рождения***», посвященную памяти известных армянских деятелей – Константинопольского патриарха отца Хримяна и представителя Венецианской Конгрегации Мхитаристов, патриарха Алишана. Мероприятие организовали Санкт-Петербургский государственный университет совместно с Институтом восточных рукописей Российской Академии наук и Отделением арменоведения и общественных наук НАН РА.

Заседание открыл председатель конференции, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Генеральный директор Эрмитажа, декан Восточного факультета СПбГУ Михаил Борисович *Пиотровский*. С приветственным словом выступил также член Конгрегации Мхитаристов из Венеции Отец Ваган *Оганян*.

На конференции было представлено четыре десятка докладов из Армении и России. В ходе конференции были рассмотрены следующие темы: жизнь и деятельность Алишана и Хримяна, их литературное наследие, отношения Мкртича Хримяна с российским дворцом. Вопросы относительно описания России в географических томах Гевонда Алишана, переписки патриарха Алишана с российскими учеными, его роли в Императорском археологическом обществе Петербурга. В ходе настоящей конференции были представлены следующие аспекты: Алишан и Европейский классицизм и романтизм, искусство книжных формаций произведений Алишана, Алишан и русская естественнонаучная мысль, Алишан и Петербург, статьи о русской литературе и культуре Алишана в Венецианском журнале Мхитаристов «Базмавеп». Кроме того затрагивался широкий круг тем, посвященных русско-армянским культурным, научным и религиозным отношениям.

Среди докладчиков из Армении, от имени журнала «Регион и Мир», 28-го октября Гагик Гайкович Погосян (Хахбакян) представил работу на тему «***Гевонд Алишан, западноевропейские и российские путешественники о столице Ширвана Шамахе***».

Докладчик представил описание Ширвана в работе Гевонда Алишана «Техагир Айоц Мецац» (арм. Տեղագիր Հայոց Մեծաց), в которой кроме столичного города Шамахи упоминались армянские села: Сагиан с епископской кафедрой в монастыре Св. Стефана Предтечи, и село Майсери с церковью, реставрированной в 1680 г.

Докладчик обратил особое внимание на то, что по сведениям как западноевропейских, так и российских путешественников, описывающих столицу Ширвана Шамаху, с XV по XVIII вв. единогласно указывали на этноландшафт состоящий из правящей персидской элиты, значительного армянского и небольшого грузинского населения. Помимо постоянного населения в Шамахе указывались представители разных народов (русских, индусов, арабов и др.) временно пребывающих по торговым делам.

Таким образом складывается парадоксальная картина. Агитпроп Азербайджана, отвергающий пришлось кочевого тюркского элемента и претендующий на наследие не только Ширвана, но и более древней Албании, упускает из виду, что в столице провозглашаемого “тюркского” Ширвана напрочь отсутствует упоминание о наличии какого-либо тюркского элемента…

Сообщение подготовил ***Гагик Погосян /Хахбакян/***

Мир науки. Социология, филология, культурология https://sfk-mn.ru
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №3, Том 12 / 2021, No 3, Vol 12 https://sfk-mn.ru/issue-3-2021.html

URL статьи: https://sfk-mn.ru/PDF/24KLSK321.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:
Чилингарян А.С. Культурная деятельность саратовской армянской общины «Крунк» как часть этнокультурных процессов Поволжья // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №3, https://sfk-mn.ru/PDF/24KLSK321.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:
Chilingaryan A.S. (2021). Cultural activity of the Saratov Armenian community «Krunk» as part of the ethno-cultural processes of the Volga region. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(12). Available at: https://sfk-mn.ru/PDF/24KLSK321.pdf (in Russian)

Чилингарян Андраник Суренович[1]
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
Магистр, аспирант
E-mail: andranik.chilingaryan-sureni@yandex.ru
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1064677

Культурная деятельность саратовской армянской общины «Крунк» как часть этнокультурных процессов Поволжья

Аннотация. Проблема представленной статьи является актуальной в силу того, что в условиях расширяющейся глобализации этнокультурная идентичность тех или иных групп может оказаться под угрозой. Армянские общины мира ведут деятельность по сохранению этнокультурной идентичности армян диаспоры. Данная деятельность заключается в сохранении этнических традиций и многочисленных образцов армянской культуры, а также в поддержании взаимоотношений с представителями других этноконфессиональных групп. На примере армянской общины Саратовской области «Крунк» можно проследить основные тенденции деятельности армянских национально-культурных объединений.

Национально-культурные объединения представляют собой те организации, которые способствуют внутриэтнической интеграции в среде того или иного национального меньшинства. Армянские общины на территории Российской Федерации объединяют представителей армянского народа в единые ячейки многонационального сообщества страны. Сохранение культурных традиций, языка, конфессиональных особенностей является одной из важнейших черт армянских общин не только в России, но и в масштабах всемирной армянской диаспоры.

В данной статье рассматривается роль армянской общины Саратовской общины «Крунк» в формировании этнокультурной идентичности армян Саратовского региона. Эмпирический опыт в исследовании заключался в непосредственном участии автора в культурной жизни общины, в наблюдении за культурной жизнью общины. Опыт участия в организованных общиной культурных мероприятиях (семинары, научные и творческие конференции, фестивали) позволил автору рассмотреть общину «Крунк» «изнутри», идентифицировать её как систему. Тема данной статьи связана с тематикой кандидатской

[1] Страница в ВКонтакте: https://vk.com/andranikurartu

диссертации автора, касающейся культуры армян Поволжья в системе этнокультурных процессов региона в конце XX – начале XXI века.

В представленной статье автор отвечает на два основных вопроса:

1. Как соотносится деятельность армянской общины с условиями меняющихся этнокультурных процессов?
2. Как её деятельность в данных условиях влияет на армянское население Саратова?

Исходя из поставленных вопросов, мы обозначили две цели исследования:

- выявить влияние армянской общины «Крунк» на этнокультурные процессы региона;
- определить значение просвещения и регулирующей роли общины в создании условий для интеграции.

Ключевые слова: диаспора; община; армянская культура; армянские общины; духовная культура; этническая культура

Основные положения

1. Армянские общины создают необходимые условия для сохранения этнической культуры армян и поддержания этнического самосознания на пороге глобализации.
2. Двусторонняя деятельность армянской общины Саратовской области «Крунк» является как частью этнокультурных процессов региона, так и одним из многих регуляторов данных процессов.

Этнические группы, включавшие в себя армянский контингент, в разные эпохи оказывались разбросанными вне пределов Армении. Именно эти крупные этнические группы стали частями спюрка — армянской диаспоры. В мире появились очаги армянской культуры, которые были разделены расстоянием. Одной из крупнейших и значительных является армянская диаспора России. Политика Петра I, связанная с заселением армянских мигрантов на те или иные территории России, привела к образованию армянских колоний в Москве, Петербурге, на Северном Кавказе, а также в Астрахани [1, с. 56], ставшей важнейшим центром культуры армян Поволжья.

Поволжский регион представляет собой один из центров армянской культуры в России. Культурное освоение поволжских территорий армянами началось в эпоху средневековья. Согласно историку Д.А. Кубанкину, армяне были распространены в поволжских городах Золотой Орды [2, с. 171]. Уже в XVIII в. Поволжье стало важнейшим культурно-просветительским центром армян в России[2]. Численность армян, проживавших в России (в РСФСР в рамках СССР), продолжала расти в XX в., а Поволжье, как и Санкт-Петербург, Москва и Северный Кавказ, продолжало оставаться центром сосредоточения армянских мигрантов [3, с. 170].

В структуру той или иной армянской диаспоры (например, российской) входят такие общественные объединения, как национальные общины. Основные цели подобных национально-культурных автономий заключаются в сохранении представителями армянского этноса культурной самобытности, а также в поддержании интеграции в принимающих странах.

[2] Армяне / ответственные редакторы Л. Варданян, Г Сарксян, А. Тер-Саркисянц. — Москва: Наука, 2012. — с. 555–556.

На протяжении своей истории армянам приходилось сталкиваться с вопросами сохранения культурной идентичности и благоприятных взаимоотношений с другими этническими сообществами.

Важную роль в вопросах сохранения представителями различных этнических меньшинств родного языка, самосознания и этнокультурных традиций играют национально-культурные объединения, члены которых создают средства массовой информации (на родном языке), ведут просветительскую деятельность по сохранению культурного наследия этносов, а также принимают участие в деятельности международных, неправительственных организаций[3].

Армянская диаспора является сложно организованной системой, которая включает в себя такие взаимосвязанные и взаимодействующие компоненты общин, как армянские церкви, молодёжные, культурные, благотворительные и другие союзы и ассоциации, создание которых объяснимо необходимостью решения различных проблем [4, с. 132].

В этнокультурных процессах полиэтничных государств национально-культурное объединение может выступать в качестве интегрирующего звена. Потенциальная интеграция имеет два направления:

1. Интеграция внутри определённой этнической культуры;
2. Интеграция в многонациональной среде.

Оба интеграционных направления являются актуальными в том числе и для армянских общин России. Одной из крупнейших диаспоральных этнокультурных организаций армян является Союз армян России. Частями этой организации являются армянские общины различных регионов Российской Федерации. Саратовская армянская община «Крунк» представляет собой региональное отделение Союза армян России, то есть входит в структуру армянской диаспоры России.

Армянская община Саратовской области «Крунк» поддерживает основные культурные тенденции диаспоры. Её деятельность направлена на сохранение армянской культуры представителями общины и интеграцию в полиэтническое сообщество Саратовского Поволжья.

Общинная деятельность армян Саратовской области имеет свою предысторию. В середине XIX в. десятки армянских семей из Ростовской губернии переселились в город Царицын (Саратовская губерния). Среди переселенцев были семьи промышленников, таких как Серебряковы (Арцатагорцян), братья Агамьянц, Оджаговы, Ахвердовы, Аматуни и др. Переселившиеся в город армянские промышленники вошли в состав попечительского совета Армянской общины Царицына. По инициативе членов попечительского совета в начале XX в. началось строительство армянского храма в Царицыне, а в 1909 г. была построена армянская школа [5, с. 258].

Рост армянского населения в Саратове намечался уже в начале XX в., что стало причиной открытия армянской общины (Саратовское Армянское Общество). В 1909 г. был открыт Саратовский Императорский Николаевский университет. В связи с этим Саратовское Армянское Общество направило приветствие в адрес учебного заведения, отмечая, что «…в лице открывающегося Императорского Саратовского университета Саратовское Армянское Общество, воодушевлённое тем широким гостеприимством, которое российские высшие учебные заведения неизменно оказывали сынам армянского народа, давшего, в свою очередь,

[3] Этнокультурные ландшафты: традиции, современность, перспективы: коллективная монография / под редакцией Е. Листвиной, Н. Лысиковой. — Саратов: Саратовский источник, 2017. — с. 71.

Издательство «Мир науки» \ Publishing company «World of science» http://izd-mn.com

русской науке и русскому искусству как бы в признательность за это гостеприимство несколько славных имён, присоединяется от всей души к этому высокому торжеству и шлёт свой искренний привет…» [6, с. 99–100].

Первыми армянскими студентами Саратовского Императорского Николаевского университета являлись А. Машурьянц и Г. Назарьянц [6, с. 100].

В январе 1915 г. представителями армянской общины Саратова было открыто «Армянское благотворительное общество», учредителями и первыми членами которого являлись К.Г. Мерусалимский, Н.А. Вартанов, М.Г. Ахвердов, К.А. Арутюнов, А. И. Эйвазов, А.Г. Мулкиджанян. Члены этого общества обеспечивали работой, денежными пособиями, медицинской помощью армянских беженцев, нищих и инвалидов, многие из которых мигрировали из Османской империи по причине массового физического уничтожения армянского населения Турции в годы Первой мировой войны. Армяне, спасавшиеся от тотальных преследований и гонений в годы геноцида, нашли безопасную среду для жизни, благодаря «Армянскому благотворительному» обществу», которое также обеспечивало детей армян образованием [6, с. 100–101]. Исходя из вышеперечисленных фактов, следует отметить, что уже в начале XX в. армянская община Саратова, которая только начала складываться, уже проявляла этническую солидарность к армянским иммигрантам, нуждавшимся в помощи, в инкультурации.

Армяне Саратова принимали активное участие в научной жизни страны, а такие деятели медицины, как О. Парсамов, И. Поповьян, Д. Пучиньян, внесли значительный вклад в развитие здравоохранения Поволжья [7, с. 294–299].

В годы Великой Отечественной войны представители армянского народа также приняли участие в боевых действиях против вооружённых сил нацистской Германии. В числе участников войны армянского происхождения были такие саратовские армяне, как М.Д. Пучиньян, А.И. Туманьян и М.А. Никоян [8, с. 194–200].

В конце 1980-х гг. в Саратове была основана армянская община «Наири». Сопредседателями общины «Наири» стали А. Амбарян, К. Асатрян и С. Кагиян [9, с. 83–88]. Однако, спустя годы, общину «Наири» заменила новая армянская община Саратовской области.

По инициативе В. Бабаяна, В. Мкртумяна и Л. Яхшияна в 1994 г. армянами Саратова была создана новая областная армянская община «Крунк». С. Фанян стала первым президентом общины. Позднее руководителями армянской общины становились А. Мамунц (2002 г.) и А. Навасардян (2008). С 2008 г. пост президента армянской общины «Крунк» возглавляет Г. Шароян.

Как уже было указано выше, община «Крунк» является региональным отделением «Союза армян России» (САР). Деятельность общины «Крунк» совпадает с общими тенденциями культурного развития не только других армянских общин, но и диаспоры в целом. Особую важность играют две направленности её деятельности: культурно-просветительская и общественная.

Открытая в армянской общине студия по изучению армянского языка, истории и этнокультурных традиций армянского народа пропагандирует культуру Армении. Студию посещают представители молодёжи, желающие приобщиться к этнической культуре армян, стать носителями армянского языка. Это позволяет не только молодому поколению армян сохранить культурную идентичность, но и познакомить с армянской культурой представителей других этносов.

Однако изучением языка и истории слушатели студии не ограничены. Они активно вовлекаются в участие в различных семинарах (например, «Армянская литература начала XX столетия», «Западно-армянская литература», «История моего народа», творческих и научных конференциях. Это позволяет слушателям не только закрепить свои знания, но и представить полиэтническому саратовскому сообществу армянскую культуру. Например, цикл конференций под названием «Творцы, подарившие народу свет спасения», знакомил публику с выдающимися личностями армянского происхождения [9, с. 113–114]. Трансляцией армянской культуры в многонациональное сообщество Саратова занимаются такие коллективы из структуры общины «Крунк», как танцевальный ансамбль «Крунк», хор «Сатеник», представляющие армянские песни и танцы на различных культурно-массовых мероприятиях.

Основными принципами просветительской деятельности являются приобщение молодёжи к армянской культуре и её трансляция в саратовскую общественность.

Участвуя в общественной жизни города Саратова, община «Крунк» сотрудничает с городскими организациями. Это проявляется в проведении совместных мероприятий. Например, Городской дом культуры национального творчества, Областная научная библиотека Саратова являются постоянными партнёрами армянской общины «Крунк» по проведению культурных мероприятий.

Важнейшей задачей социальной деятельности общины является предотвращение экстремизма, вовлечения молодёжи в опасные экстремистские группировки, участия молодых людей разных национальностей в межнациональных столкновениях, что является острой проблемой для многонациональных городских сообществ. Современные воспитание и образование молодёжи должны устранить для новых поколений барьеры на пути к диалогу культур. Согласно В.А. Тишкову, образование не должно «превращать прошлую коллективную травму в предмет сакрального значения и питать идеи реванша и «исправления прошлого» за счет новых несправедливостей» [10, с. 334].

А.К. Косян (вице-президент общины «Крунк») организовал проект «Мы в кругу друзей», стартовавший в 2010 г. Цель проекта заключается в ознакомлении детей, являющихся воспитанниками школ-интернатов, с армянской культурой, чтобы преподнести им позитивный образ армянского народа. Проявляя уважение и толерантность к другой культуре, к многообразию этнических культур Саратовского Поволжья, дети из интернатов будут защищены от пагубного влияния экстремизма [9, с. 115–116].

События, имеющие место в Армении и диаспоре, освещаются в популярной в армянской общине Саратова газете «Ноев Ковчег», издаваемой в двенадцати странах СНГ и информирующей армянскую общественность. Деятельность армянской общины «Крунк» также освещается в газете: «У художественного коллектива армянской общины Саратовской области уже своя история. Первые шаги были сделаны в далекие 90-е. Старожилам хорошо запомнились представления театрального и танцевального коллективов в сентябре 1990 года по случаю 400-летия Саратова. Выступления на общегородских и других праздниках снискали коллективу и его руководителям известность и уважение как городских властей, так и ценителей искусства»[4].

Результаты исследования подтверждают следующие положения.

1. Армянские общины создают необходимые условия для сохранения этнической культуры армян и поддержания этнического самосознания на пороге глобализации.

[4] Художественный коллектив Крунк армянской общины открыл сезон премьерам. [электронный ресурс] / URL: https://noev-kovcheg.ru/mag/2016-04/5376.html (дата доступа 30.09.2021).

2. Двусторонняя деятельность армянской общины Саратовской области «Крунк» является как частью этнокультурных процессов региона, так и одним из многих регуляторов данных процессов.

Армянская община Саратовской области «Крунк», реализуя свой культурный потенциал, придерживается основных тенденций армянской диаспоры, заключающихся в культурно-просветительской и общественной деятельности. Это позволяет армянам Саратова сохранить свою культурную идентичность, а также развивать этническую культуру армян региона. Кроме того, общественная деятельность общины позволяет интегрироваться в полиэтническое сообщество города тем людям, которые участвуют в культурной жизни общины.

Полученные результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Объединяющий фактор общины «Крунк» говорит о её стабилизирующем влиянии на этнокультурные процессы Поволжья. Создание общины и её разносторонняя деятельность также являются частью этих процессов. Объединение армян по этническому признаку и общественно-просветительская деятельность позволяют говорить о комплексном подходе «Крунка» к этническим процессам.
2. Двусторонняя направленность деятельности общины позволяет армянам Саратова сохранить этнокультурную идентичность, оставаясь частью многонационального региона страны. Являясь носителями армянской культуры, объединённых по этническим признакам, армянская общественность Саратова не представляет собой центробежную силу региона. Транслируя армянскую культуру в саратовскую общественность, община с её представителями принимает участие в общегородской жизни, оставаясь частями её системы.

Прямое участие общины в сохранении национальной идентичности не становится фактором потенциальной межэтнической розни или отрицательного восприятия армянами Саратова других этнических групп. Вместе с тем интеграция в общую социально-культурную среду города не нарушает интеграционных процессов внутри армянской общественности Саратова.

Анализ социально-культурной активности армянской общины подтверждает, что её двунаправленная деятельность представляет собой:

1. Результат этнокультурных процессов поволжского региона.
2. Одну их движущих сил этнокультурных процессов региона (наряду с другими национально-культурными объединениями).

Этнокультурные процессы, связанные с миграционными процессами, интеграцией этнических групп в многонациональное общество, определяют необходимость самоидентификации представителей различных народов. Потребность в самоопределении и сохранении этнокультурных ценностей становится закономерной причиной основания национально-культурных автономных объединений. В целях сохранения этнического самосознания и развития своей национальной культуры представители армян Саратовского Поволжья (как одно из этнических меньшинств) основали общину «Крунк».

Община «Крунк» также участвует в этнокультурных процессах Поволжья. Представители общины принимают участие в культурных мероприятиях городского уровня, а творческие коллективы общины пропагандируют армянскую культуру. Армянская община выступает в качестве посредника в диалоге этносов и знакомит общественность Саратова с армянским этносом, его историей и культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII века / под ред. Е.А. Алексанян. — Ереван: Лингва, 2006. — 153 с.
2. Кубанкин Д.А. Армяне в золотоордынских городах Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 12. — Саратов: ООО «ИППОЛиТ — XXI век», 2014. С. 172–176.
3. Белозеров В.С., Зольникова, Ю.Ф. Армянская диаспора в России: адаптация и интеграция — историко-географический анализ // Иностранные мигранты в России: концептуальные подходы и опыт практического исследования процессов адаптации и интеграции: монографический сборник / под ред.: В.С. Белозерова, Н.А. Щитовой. — Ставрополь: ФОК-ЮГ, 2007.С. 171–182.
4. Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии / под ред. А. Искандерян. — Ереван: Институт Кавказа, 2009. — 207 с.
5. Чолахян В.А. Армяне в этническом пространстве Нижнего Поволжья // Известия Саратов. ун-та. Сер.: История. Международные отношения, 2018. — № 2. — С. 254–263.
6. Чолахян В.А. Армяне на Саратовской земле / В.А. Чолахян Саратов.: Изд-во Сарат. ун-та, 2018. — 240 с.
7. Чолахян В.А. Вклад армян в развитие науки, культуры и образования Нижнего Поволжья // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / под ред. Г.Г. Матишова. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — С. 294–299.
8. Мартиросян Д.А., Чолахян В.А. Армяне-саратовцы в годы Великой Отечественной войны // Армяне Поволжья и Юга России: история и современность: Материалы II Всероссийской научной конференции / под ред. В.А. Чолахяна. Саратов: ООО Изд. центр «Наука», 2016. — С. 194–200.
9. Кагиян С.Г. Книга вторая, избранные статьи, воспоминания, статистика, цитаты, или как стать успешным / С.Г. Кагиян. М.: Буки Веди, 2015. — 518 с.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука. 2003. — 544 с.

Chilingaryan Andranik Surenovich
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
E-mail: andranik.chilingaryan-sureni@yandex.ru
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1064677

Cultural activity of the Saratov Armenian community «Krunk» as part of the ethno-cultural processes of the Volga region

Abstract. The problem of the presented article is relevant due to the fact that in the run-up to globalization, the ethno-cultural identity of certain groups may be under threat. The Armenian communities of the world are working to preserve the ethnic and cultural identity of the Diaspora Armenians. This activity is aimed at preserving the ethnic traditions and numerous samples of Armenian culture, as well as maintaining relations with representatives of other ethnic and religious groups. Using the example of the Armenian community of the Saratov region «Krunk», we can trace the main trends in the activities of Armenian national and cultural associations.

National-cultural associations are those organizations that promote intra-ethnic integration among a particular national minority. The Armenian communities on the territory of the Russian Federation unite the representatives of the Armenian people in a single cell of the multinational community of the country. The preservation of cultural traditions, language, and confessional characteristics is one of the most important features of the Armenian communities not only in Russia, but also in the world-wide Armenian Diaspora.

This article examines the role of the Armenian community of the Saratov community «Krunk» in the formation of the ethno-cultural identity of the Armenians of the Saratov region. The empirical experience in the study consisted in the author's direct participation in the cultural life of the community, in observing the cultural life of the community. The experience of participating in cultural events organized by the community (seminars, scientific and creative conferences, festivals) allowed the author to consider the Krunk community «from the inside», to identify it as a system. The topic of this article is related to the topic of the author's candidate dissertation thesis concerning the culture of the Armenians of the Volga region in the system of ethnocultural processes of the region in the late XX – early XXI centuries.

In this article, the author answers two main questions.

1. How does the activity of the Armenian community correlate with the conditions of changing ethno-cultural processes?
2. How does its activity in these conditions affect the Armenian population of Saratov?

Based on the questions raised, we identified two research goals:

- to identify the influence of the Armenian community «Krunk» on the ethno-cultural processes of the region;
- determine the importance of education and the regulatory role of the community in creating conditions for integration.

Keywords: diaspora; community; Armenian culture; Armenian communities; spiritual culture; ethnic culture

Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 207–210.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 12. P. 207–210.

Научная статья
УДК 316.72
https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.33

Диаспоральные организации армянских общин как участники этнокультурных процессов (на примере общины Саратовской области «Крунк»)

Андраник Суренович Чилингарян
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия,
andranik.chilingaryan-sureni@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5922-7790

Аннотация. Статья посвящена анализу основных форм деятельности диаспоральных организаций армянских общин (на примере общины Саратовской области «Крунк»). Сохранение армянами Российской Федерации этнической идентичности и культурной самобытности сопряжено с просветительской деятельностью армянских общин страны. Сохранение религии, традиций, знаний об этнической культуре способны предотвратить возможную культурную ассимиляцию на пороге глобализации. Важную роль в поддержании армянами диаспоры своей этнокультурной идентичности играют различные диаспоральные организации общин (армянская церковь, воскресные школы, клубы, творческие коллективы, молодежные организации и т. д.). Они выполняют три основные функции, направленные на формирование и сохранение этнической идентичности молодежи: 1) консолидацию представителей армянского этноса; 2) культурно-просветительскую деятельность; 3) пропаганду армянской культуры в полиэтнических регионах. Диаспоральные организации общин представляют собой структурные части культурных очагов диаспоры, в периферии которых формируется новое поле бытия этнической культуры.

Ключевые слова: диаспора, община, армянская культура, армянская церковь, этническая идентичность, армянские общины, творческие коллективы, этническая культура

Для цитирования: Чилингарян А.С. Диаспоральные организации армянских общин как участники этнокультурных процессов (на примере общины Саратовской области «Крунк») // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 207–210. https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.33.

Original article

Diaspora organizations of Armenian communities as participants of ethno-cultural processes (on the example of the Saratov region community "Krunk")

Andranik S. Chilingaryan
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsly, Saratov, Russia,
andranik.chilingaryan-sureni@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5922-7790

Abstract. The article reveals the analysis of the main forms of activity of diaspora organizations of Armenian communities (on the example of the Saratov region community "Krunk"). The preservation of ethnic identity and cultural identity by the Armenians of the Russian Federation is associated with the educational activities of the Armenian communities of the country. The preservation of religion, traditions, and knowledge about ethnic culture can prevent possible cultural assimilation on the threshold of globalization. Various diaspora community organizations (Armenian church, Sunday schools, clubs, creative groups, youth organizations, etc.) play an important role in maintaining their ethno-cultural identity by the Armenians of the Diaspora. They perform three main functions aimed at the formation and preservation of the ethnic identity of young people: 1) consolidation of representatives of the Armenian ethnic group; 2) cultural and educational activities; 3) promotion of Armenian culture in multi-ethnic regions. Diasporal community organizations are structural parts of the cultural centers of the Diaspora, in the periphery of which a new field of ethnic culture is being formed.

Keywords: diaspora, community, Armenian culture, Armenian church, ethnic identity, Armenian communities, spiritual culture, creative groups, ethnic culture

For citation: Chilingaryan, A.S. (2021) Diaspora organizations of Armenian communities as participants of ethno-cultural processes (on the example of the Saratov region community "Krunk"). *Society: Philosophy, History, Culture*. (12), 207–210. Available from: doi:10.24158/fik.2021.12.33 (In Russian).

Характерной чертой армян является сформировавшаяся на протяжении столетий диаспоральная форма существования большей части этого этноса[1]. Проживание значительной части армянского населения вне исторического ареала предполагает реализацию различных сторон культурно-просветительской деятельности, связанных с сохранением этнической самоидентификации армян диаспоры. Сохранение этнической идентичности представителей диаспор всегда имеет связь с культурной аккумуляцией, выражающейся в накоплении тех или иных знаний, традиций и обычаев, которые впоследствии передаются новым поколениям.

Армянские общины и «прилегающие» к ним церкви, а также прочие общественно-культурные организации являются важнейшими ячейками мировой армянской диаспоры (Дятлов, Мелконян, 2009: 132). Сохранение этнокультурных черт представителями диаспоры часто зависит от функционирования культурных организаций общин и церквей как центров диаспоральной жизни и деятельности. Диаспоральные организации общин осуществляют культурную трансмиссию в армянских сообществах, передавая этническую культуру молодому поколению. Их совместная деятельность становится фактором сплоченности армян в тех государствах, в которых они живут.

Интегрирующий фактор деятельности армянских общин создает предпосылки как для этнокультурного, так и для этноконфессионального объединения представителей армянских общин. Например, армянская церковь сыграла важную роль в формировании этнической идентичности и культуры армянского народа. Вместе с тем она становилась центром духовной культуры армян в той или иной диаспоре.

На территории Российской Федерации находится одна из крупнейших армянских диаспор мира, которая представлена в регионах и городах страны в виде общин. В структуру общин входят различные диаспоральные организации: армянская церковь, воскресные школы, клубы, творческие коллективы, молодежные организации и т. д.

Поволжье является важным центром армянской культуры в России. Армянские общины Поволжья представляют собой региональные отделения Союза армян России (САР)[2], включающие в себя различные творческие коллективы и молодежные организации. В описании деятельности общинных организаций мы делаем акцент на армянскую общину Саратовской области «Крунк» по причине наличия эмпирического опыта, полученного при участии в культурной жизни общины.

Общины армянской диаспоры России создают учреждения, вокруг которых формируются центры этнической культуры. Армянские общины Поволжья ведут работы по строительству церквей и армянских школ, в которых сосредоточена этническая культура армян. Примером подобных работ является опыт армянской общины Саратовской области «Крунк». В 2006 г. началось строительство армянской церкви Саратова. Сегодня в дни памятных дат и национальных праздников представители армянской диаспоры Саратова собираются на территории храма (Кагиян, 2015: 102–103).

Организации, относящиеся к общинам, консолидируют представителей этноса, формируют ячейки активистов, изучающих и пропагандирующих язык, культуру и историю армян. Активисты подобных организаций принимают непосредственное участие в подготовке культурных мероприятий. Студия по изучению армянского языка, этнокультурных традиций и истории армянского народа армянской общины Саратовской области «Крунк» проводит набор и обучение активистов, которые являются участниками научных и творческих конференций. Так, слушатели студии принимали участие в цикле конференций «Творцы, подарившие народу свет просвещения», посвященных таким выдающимся деятелям культуры армянского происхождения, как поэт Саят-Нова, композиторы Комитас и Арам Хачатурян и др. (Кагиян, 2015: 113–114).

Клуб любителей армянской культуры «Наири» (Республика Татарстан) проводит праздничные мероприятия. Ученики клуба приняли участие во Всеармянском международном конкурсе «Сохраним Родной язык», в котором руководитель клуба В. Егиазарян заняла 3-е место[3].

Сохранение национальных праздников и организация культурных мероприятий также являются одной из сторон деятельности армянских общин, связанных с сохранением этнической идентичности представителей диаспоры. Участники Молодежного театра-студии «Крунк» в ходе спектакля «Возвращение с созвездия Айка» продемонстрировали новогодние традиции Армении в Городском доме культуры национального творчества[4]. Для участия в подобных мероприятиях привлекаются представители младшего поколения, что важно не только для пропаганды армянской культуры, но и для формирования у молодежи интереса к этническим ценностям развития этнического самосознания.

---

[1] Армяне / под ред. Л.М. Варданян, Г.С. Сарксян, А.Е. Тер-Саркисянц. М., 2012. С. 526.

[2] Союз армян России. Общероссийская общественная организация : официальный сайт. URL: https://sarinfo.org/regions/ (дата обращения: 23.05.2021).

[3] Армянская воскресная школа получила грант [Электронный ресурс] // Региональная общественная организация «НКА армян Республики Татарстан» : сайт. URL: http://arm.addnt.ru/armyanskaya-voskresnaya-shkola-poluchila/ (дата обращения: 23.05.2021).

[4] Возвращение с созвездия Айка [Электронный ресурс] // Крунк : сайт. URL: https://krunk.info/novosti/novosti-armyanskoj-obshhiny/vozvrashhenie-s-sozvezdiya-ajka.html (дата обращения: 23.05.2021).

Общины принимают активное участие и в праздниках общегосударственного масштаба. В преддверии Дня Победы творческая группа «Барев» (г. Астрахань) в здании Астраханского регионального общества Армянской культуры «Арев» организовала выставку «Этих дней не смолкнет слава»[1].

Армянские общины занимаются проведением мероприятий, связанных с такими национальными армянскими праздниками, как Вардавар (праздник в честь Преображения Господня, восходящий корнями к армянскому дохристианскому празднику, посвященному богине любви и красоты Астхик) или Терендез (праздник в честь Сретения, берущий основы в дохристианских культах солнца и огня). Например, 10 апреля 2016 г. в Городском доме культуры национального творчества г. Саратова состоялся концерт, посвященный отмечаемому в Республике Армения Дню материнства и красоты, в котором приняли участие активисты общины «Крунк»[2]. В г. Набережные Челны 16 февраля 2021 г. в Доме Дружбы народов «Родник» прошло праздничное мероприятие, посвященное празднику Терендез[3].

Деятельность танцевальных, песенных и прочих творческих коллективов также дает возможность представителям диаспоры ориентироваться в пространстве армянской культуры. Ансамбли песен и танцев общин Поволжья не только сохраняют культурное наследие армянского народа, но и показывают его многонациональной публике. К подобным творческим коллективам, которые в те или иные годы своего существования знакомили общество с армянской культурой, относятся молодежный ансамбль «Арарат» (г. Самара) (Агаджанян, 2016: 173), танцевальный ансамбль «Крунк» (г. Саратов) (Кагиян, 2015: 118) и др.

Развитие диаспоральной культуры со стороны общин начинается с создания почвы для единения, с набора представителей армянского этноса в структурные организации. Изучая культуру и историю своего этноса, молодые активисты структурных подразделений общин не только получают необходимые знания для развития этнической идентичности, но и становятся полноценными носителями армянской культуры, способными транслировать ее в многонациональное общество (что прослеживается по успешной работе представителей армянской общины Саратовской области «Крунк»).

Таким образом, следует выделить следующие результаты многовекторной деятельности, проводимой структурными ячейками армянских общин:

1) консолидация представителей армянского этноса в той или иной стране на основе этнокультурного единства;

2) развитие этнической идентичности у армянской молодежи (путем изучения родной культуры, языка и истории Армении и т. д.);

3) трансляция армянской этнической культуры в сообщества регионов многонациональных стран (в случае общины «Крунк» – в Поволжье).

В настоящее время культура армянской диаспоры получает развитие, так как современные общины продолжают строительство церквей, армянских школ и прочих организаций. Существование и функционирование общин является формой сохранения очагов армянской культуры. Общины и «прилегающие» к ним учреждения формируют новые ареалы армянской этнической культуры, находящиеся в удаленности от основного исторического ареала, что подтверждается приведенными выше примерами деятельности армянских общин (в том числе общины «Крунк»). Армянская культура приобретает новую форму бытия в мультикультурном пространстве стран мира. Этнические процессы привели к тому, что армянские сообщества, являясь неотъемлемой частью того или иного государства, в значительной степени культурно дифференцированы.

Итоги исследования подтверждают прямую связь сохранения представителями армянского населения тех или иных стран и регионов этнической идентичности с деятельностью армянских общин и их структурных частей.

Список источников:

Агаджанян Л.А. Армянские общественные организации в г. Самара в 1990-х – 2015 гг.: история формирования и опыт публичной деятельности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 170–175.

[1] Астраханский региональное общество Армянской культуры «Арев» [Электронный ресурс]. URL: http://www.arev30.ru/ (дата обращения: 27.05.2019).

[2] Прошел концерт ко Дню материнства и красоты, в рамках мероприятий «Дни армянской культуры» [Электронный ресурс] // Городской дом культуры национального творчества : сайт. URL: http://www.gdknt.ru/proshel-konczert-ko-dnyu-materinstva-i-kr/ (дата обращения: 23.05.2021).

[3] В Татарстане отпраздновали Терендез [Электронный ресурс] // Региональная общественная организация «НКА армян Республики Татарстан» : сайт. URL: http://arm.addnt.ru/v-tatarstane-otprazdnovali-terendez/ (дата обращения: 23.05.2021).

Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии / под ред. А. Искандерян. Ереван : Ин-т Кавказа, 2009. 207 с.
Кагиян С.Г. Книга вторая, избранные статьи, воспоминания, статистика, цитаты, или Как стать успешным. М. : Буки Веди, 2015. 518 с.

References:

Agadzanyan, L.A. (2016) Armenian Public Organizations in Samara from the 1990s to 2015: The History of Formation and Public Activity. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 18 (3), 170-175. (in Russian)
Dyatlov, V. & Melkonyan, E. (2009) Armyanskaya diaspora: ocherki sotsiokulturnoy tipologii [The Armenian Diaspora: Essays on sociocultural typology]. Yerevan, Institute of Caucasus. (in Russian)
Kagiyan, S.G. (2015) Kniga vtoraya, izbranniye statyi, vospominaniya, statistika, tsitaty, Ili kak stat uspeshnym [Book two, selected articles, memoirs, statistics, quotes, or how to become successful]. Moscow, Buki-Vedi. (in Russian).

Информация об авторе

А.С. Чилингарян – аспирант кафедры философии культуры и культурологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=1064677.

Information about the author

A.S. Chilingaryan – PhD student, Department of Culture Philosophy and Cultural Studies, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=1064677.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.11.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.12.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 09.12.2021.

УДК: 7.035(4-191)3
ББК: 85.113(2)
DOI: 10.18688/aa2111-07-59

О. В. Баева, А. Ю. Казарян

Изучение армянской и грузинской средневековой архитектуры и его значение в сложении «армянского» стиля во второй половине XIX века[1]

Введение

Изучение процесса познания армянской и грузинской средневековой архитектуры в XIX в. является актуальным не только с точки зрения проблематики самой историографии. Немаловажное значение имеет оно для понимания настроя интеллектуальной элиты и творческих идей того времени, — эпохи проявления широкого интереса к этой архитектуре и сложения традиции её изучения. В статье рассмотрен вопрос о том, насколько было связано развитие данного научного направления с одновременным архитектурным творчеством, воспевающим формы средневековых храмов Армении и Грузии. Эта проблематика была затронута ранее в исследованиях А. Ю. Казаряна [4] и обзорно обсуждалась в докладе и статье И. Е. Печёнкина [14; 15], где приведены примеры русских церквей в «армяно-византийском» стиле, в основном строившихся в южных имениях, и некоторых конкурсных проектов на постройку армянской церкви в Баку.

Мы расширили круг заслуживающих внимания памятников, обратив большее внимание на памятники второй половины XI в. на юге европейской части Российской империи, в которых кавказские черты проявлены в наибольшей мере и в первую очередь. Речь пойдет исключительно о церквях, поскольку почти только на их архитектуре на протяжении более полувека зодчие пытались разработать этот новый стиль. Современники, в частности, на страницах журнала «Зодчий», его называли по-разному: армянским, армяно-византийским, армяно-грузинским. Условность любого из них, как и условность названия византийского стиля, очевидна. Понимая, что в формах и декоре кроме армянских присутствуют грузинские мотивы, в меньшей мере византийские и романские, мы намерены именовать его «армянским» стилем, учитывая два существенных и не формальных обстоятельства: 1) в этом стиле несколько десятилетий строились исключительно русские и армянские церкви; 2) участниками процесса кристаллизации направления кроме русских заказчиков и архитекторов были именно армяне, преимущественно представители российских центров диаспоры. Значение при выборе названия имеет и факт выполнения задания на проектирование каменной церкви сту-

1 Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2021 год, тема № 1.1.1.1.

дентами Института гражданских инженеров (далее — ИГИ) с выбором стиля: русского, византийского и армянского.

Среди задач исследования присутствует выявление направлений развития «армянского» стиля и приближение к пониманию социокультурного аспекта явления. Мы постарались также раскрыть секрет рождения этого стиля в эпоху историзма именно в России, а не в ведущих странах Западной Европы, где интерес к древностям Закавказья возник раньше.

О характере начального изучения средневековых храмов Армении и Грузии

Начальная историография многократно анализировалась. Отмечался повышенный интерес к церковной архитектуре в среде русских археологов во второй половине XIX в., их усилия по накоплению графического материала: рисунков, обмеров и реконструкций, оценивались их историко-теоретические воззрения [5, с. 40–44; 15; 17; 22]. Предшествовавший период, охватывающий вторую четверть XIX в., ознаменовался фундаментальными публикациями западных учёных о древней архитектуре региона, упорядоченно представленными в статье К. Маранчи [24].

Начало изучению было заложено Фредериком Дюбуа де Монпере, совершившим поездку на Кавказ в 1831–1834 гг. и издавшим по её итогам шеститомный труд[2]. Его богатый графическими материалами атлас содержит и реконструкции памятников, в числе которых довольно точное представление ранних форм северного фасада Эчмиадзинского собора. Последовавшее затем путешествие Шарля Тексье увенчалось публикацией двухтомника с портфолио графики. Он впервые заметил перекличку форм Анийского собора с готическими храмами Западной Европы и сравнил аркатуру на его фасадах с подобными формами в средневековой архитектуре Италии[3]. Заслуживает внимания реконструкция южного фасада собора в Ани, к варианту которой вернулись современные учёные [8].

В России интерес к древностям армян и грузин был заимствован от европейцев, и успех отчасти был предопределён наличием в составе империи грузинских и армянских земель. Расширение империи за счёт вошедшей в неё в 1802 г. Восточной Грузии и отвоёванных в 1828 и в 1878 гг. у Персии и Турции армянских областей открывало возможности историко-археологических исследований древностей Востока.

Русское общество второй половины XIX в., со своими византийскими интеллектуальными устремлениями, и интересы российского империализма на Востоке[4], способствовали масштабному изучению раннехристианских древностей не только в центре бывшей Византийской империи, — Русский археологический институт в Константинополе был открыт в 1894 г. и просуществовал до 1914 г., — но и на втором важнейшем

[2] *Dubois de Montpéreux F.* Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée… Paris, 1839–1843.

[3] *Texier F. M.* Ch. Description de l'Arménie et de la Perse, de la Mésopotamie. Paris, 1842. Vol. I. P. 112.

[4] Признавая несомненность политического фактора, следует согласиться с Л. Г. Хрушковой о политизированности в работах И. Фолетти при оценке наследия русских византинистов [17, с. 90–92]. Основные его мысли развиты в статье о начальном периоде изучения грузинской архитектуры [22].

пути, связывавшем русские земли со Святой землёй. Это путь через Кавказ, Армянское нагорье и Месопотамию.

Путешествие выпускника Императорской Академии художеств П. П. Норева в 1846 г. в связи с необходимостью реставрации собора в Пицунде и последовавшее составление сборника чертежей обследованных им памятников зодчества считается одним из первых российских начинаний в этом деле [15].

Судьбоносным для русского востоковедения оказался переезд французского ученого Мари И. Броссе, который «…нашёл в переживаемом тогда Россией настроении прекрасное средство для осуществления своих чисто научных стремлений…»[5]. Среди трудов учёного в контексте нашего исследования важно двухтомное издание «Руины Ани» 1860–1861 гг.[6] Можно добавить, что и развернувшаяся в начале XX в. археологическая программа Н. Я. Марра была немыслима без общественного настроя и государственной поддержки. Возглавляемая им Анийская экспедиция Императорской археологической комиссии 1892–1893 и 1904–1917 гг. воспользовалась возможностью планомерной работы на российских территориях Восточной Армении, чего были лишены западные коллеги [7].

Изучение архитектурного наследия региона на основе накопления материала инициировалось русскими политиками и учёными, художниками и архитекторами, организовывалось в рамках деятельности Императорской Академии художеств (ИАХ), Императорского Московского археологического общества (ИМАО) и Императорской археологической комиссии. Организация в 1881 г. V Археологического съезда в Тифлисе и пожалование императором Александром III в 1886 г. денежной субсидии на исследование древностей Кавказа ИМАО способствовали включению региона в приоритетные направления археологической науки [17, с. 69–70; 15].

Художник, архитектор и исследователь искусства князь Григорий Григорьевич Гагарин (1810–1893), являвшийся с 1859 г. вице-президентом ИАХ, одним из первых начал обмерять и зарисовывать грузинские, а также армянские церкви[7]. Титульный лист его альбома «Живописный Кавказ…», на котором представлен декор монастыря Гегард в Армении, выглядит аналитической таблицей. Центральное её поле занимает портал притвора, а в широком обрамлении присутствуют разные орнаменты и сцена с быком и львом с южного фасада главной церкви. Гагарин вывел фиксацию материала на новый уровень, более приближенный к нуждам архитектурного проектирования. Именно Гагарин предложил заменить лауреату золотой медали Академии художеств Давиду Ивановичу Гримму европейскую поездку на экспедицию на Кавказ. Через год за результат работы — обмерные чертежи 29 церквей и более 100 орнаментов — Гримм был удостоен звания академика архитектуры [12, с. 68]. На этой основе им в 1859–1863 гг. были подготовлены альбомы под первоначальным названием «Памятники византийской архи-

---

5 *Марр Н. Я.* К столетию дня рождения М. И. Броссе // Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества. Т. XIV. Вып. 4. СПб., 1902. С. 77.

6 *Brosset M.-F.* Les ruines d'Ani. St. Pétersbourg, 1860–1861.

7 *Gagarin Gr. Gr., Stackelberg E.* Le Caucase pittoresque dessine d'apres nature par le Prince Gr. Gagarin avec une introduction et un texte explicatif par le Comte Ernest Stackelberg dedie a la Majeste Imperiale Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, Plon freres, 1847.

тектуры в Грузии и Армении»[8]. Затем последовали издания «Материалов по археологии Кавказа», собранные экспедициями Московского археологического общества (1888–1916).

Существовавшая в архитектуроведении установка на фиксацию исторического прошлого для того, чтобы на его основе строить в будущем, как и закономерное развитие научного познания, привели в XIX в. к значительному накоплению фактов. М.П.Погодин призывал средневековое искусство «собирать по крошкам…, хорошо познакомиться с ними, обогатиться… формами и частями». Г.Д.Филимонов писал, что изучать средневековое зодчество надо «именно с современной потребностью воссоздания древних форм… усваивать и передавать новым сооружениям церковного зодчества древний характер» [11, с.243–244]. Примечательно, что поездки 1890-х гг. и начала XX в. преподавателей ИГИ Н.В.Султанова, В.А.Косякова, отчасти М.В.Красовского в Константинополь, погружение ими в историю архитектуры преследовали практические задачи проектирования в русском и «византийском» стилях [13, с.18–23].

Освоение наследия средневековой архитектуры Армении и Грузии мыслилось столь же необходимым, как изучение древнерусского и византийского зодчества, особенно с распространением «армянского» стиля в последней четверти XIX в. Сам метод архитектурного творчества требовал современных научных исследований и их публикаций [15]. Но добываемого материала, по мнению и учёных, и архитекторов, крайне не хватало.

Интерес к зодчеству Армении и Грузии в среде русских архитекторов определялся устойчивым представлением о том, что оно является частью византийского, о чём в полной мере свидетельствует название труда Гримма и оценки учёных и архитекторов[9]. При этом своеобразие региональной традиции осознавалось. Вот как видел его Д.И.Гримм: «Хотя церкви в Грузии и Армении имеют много общего с византийскими, но они сохраняют и свой отличительный характер местности, выражающийся… возвышением конических куполов, одетых плитами, формой дверей и окон, стилем (своеобразной) профилевки и орнаментации вообще…»[10].

В журнале «Зодчий» была опубликована весьма показательная с этой точки зрения статья. Её автор, отмечая «богатство памятников византийского стиля в Грузии и Армении», предлагает его «называть армянским или грузинским». Он выделяет два направления византийского стиля — греко-византийский и армяно-византийский. Подчеркивая при этом, что трудно сказать, какой из них «симпатичней. Армянский тип во всяком случае отличается более строгим и серьезным характером», и призывает развивать это второе направление, в частности, в процессе обучения гражданских инженеров[11]. И здесь, таким образом, мы сталкиваемся с доказательством практического применения знаний, почерпнутых из этой древней архитектуры.

8 *Grimm D.* Monuments d'architecture Byzantine en Géorgie et en Arménie. S.Pétersbourg, 1864. 9 p., 48 f. ill.
9 Церковная архитектура (Из путевых заметок В.П.Куроедова) // Зодчий, 1879, № 4, с.57.
10 *Гримм Д.И.* Памятники христианской архитектуры Грузии и Армении. СПб., 1866. С.4.
11 Византийское искусство // Зодчий, 1883, № 1, с.39–41.

В развитие изучения истории армянской и грузинской архитектуры в России определенный импульс внесли рассуждения Эжена Виолле-ле-Дюка, труд которого о русском искусстве вызвал многочисленные дискуссии. Среди прочего учёный поставил вопрос о возможном влиянии форм закавказских храмов на становление русской церковной архитектуры[12]. Один из ответов был дан Н. В. Султановым, доказывавшим необоснованность отнесения русских шатровых церквей к кавказским истокам[13].

Любопытно и то, насколько широко могло трактоваться понятие византийского искусства: «…слово “византийский” широко применялось ко всем средневековым памятникам, кроме готических, а сам Дюбуа открыто смешивал романское с византийским», — критически отметил Н. П. Кондаков[14], показав вместе с тем отличия особенностей грузинских, отчасти и армянских храмов от собственно византийских[15]. Но для нас принципиально важна не суть научной проблемы, а представления о ней в ту эпоху. С ними нельзя не считаться при анализе произведений в «византийском» стиле эпохи историзма, со всей очевидностью вобравших в себя генетически не только родственные, но и разные мотивы. Важна и дискутировавшаяся в среде историков архитектуры родственность между нераздельной для их понимания армяно-грузинской традицией, с одной стороны, и русской, с другой.

Развитие «армянского» стиля: опыт строительства русских храмов второй половины XIX в.

Ещё меньше изучена сама практика строительства церквей в «армянском» стиле. Критическое осмысление осложнено невыявленностью круга памятников, отсутствием четких представлений о хронологии и периодизации.

Расширение территорий Российского государства и заселение земель иностранными колонистами привели к усложнению этноконфессиональной структуры общества в XIX в. Инославные и иноверцы — по терминологии того времени — были вовлечены в общие для всего населения империи процессы, которые в том числе определяли и изменения в архитектуре, прежде всего в культовой: от доминирования образцовых проектов и классицизма к поиску национальных стилей.

Существенную трансформацию в связи с этим, а также с новыми модными европейскими веяниями, переживала российская творческая элита. Параллельно с утверждением европейских национальных стилей протекали не менее значимые процессы творческого осмысления архитектуры неевропейских народов.

Ориентализм в России имел несколько иной, отличный от европейского, оттенок. История страны была так тесно связана с Востоком, что зачастую сложно определить пространственно-временную границу, отделяющую «дух азиатский» от цивилизации Запада. Русская культура веками формировалась на пространстве взаимодействия цивилизаций, что разнообразно отражалось на образах произведений архитектуры. Сош-

[12] *Виолле-ле-Дюк Э. Э.* Русское искусство, 1879.

[13] *Султанов Н. В.* «Русские шатровые церкви и их соотношение к грузинско-армянским пирамидальным покрытиям // Зодчий, 1887, с. 66–71.

[14] *Кондаков Н. П.* Древняя архитектура Грузии. М.: Синодальная типография, 1876. С. 5.

[15] Там же. С. 40 и др.

лёмся на слова Н. В. Султанова, которые дают ключ к понимаю поднятой нами проблемы: «Московское государство всё более… подчиняется влиянию Востока, что неизбежно отражается на его зодчестве. С помощью технических познаний западных зодчих и тех восточных и византийских элементов, которые были… под руками, а также своих собственных, Московская Русь создаёт ту своеобразную и причудливую архитектуру, которая известна под названием “Московской”»[16]. В таком контексте, как представляется, особо значимым оказывалось средневековое искусство Армении и Грузии, которое, несмотря на единые с европейскими народами христианские основы, являлось частью Востока — христианского Востока. Своеобразие восприятия этого искусства, предполагавшего исследования в рамках востоковедения, в отличие от отношения к культурам большинства азиатских народов допускало ощущение её духовной родственности, принадлежности к единому византийскому кругу. Такой основополагающий взгляд русских интеллектуалов второй половины XIX в., наряду с отмеченным геополитическим фактором укрепления России в Закавказье, мог стать основой допущения проектирования православных церквей в «армяно-грузинском» стиле в эпоху распространения стиля византийского.

Первый такой опыт строительства русской церкви опережает практику создания армянских церквей в России в этом стиле. Ещё по проекту 1850 г. инженера-подполковника фон Миллера и по фасадным чертежам князя Г. Г. Гагарина [16, с. 49–51] в 1854–1860 гг. на Соборной площади в г. Темир-Хан-Шура (г. Буйнакск) была возведена церковь Святой Троицы, впечатляющая своими необычными для русских храмов формами и, вероятно, довольно органично вписывавшаяся в среду этого кавказского города (Рис. 1). Это была грандиозная постройка, высотой в 34 м, с каменными стенами, оштукатуренными и покрашенными в два цвета [16, с. 48–49]. Сам храм не сохранился и, насколько можно судить по дошедшим до нас фотографиям, он своими формами, включая силуэт пологих крыш, особенность размещения окон в купольной главе и звонницы в виде ротонды на колоннах, ориентировался на образцы средневековой армянской архитектуры. Пластика фасадного декора с высокими окнами и восходящими под карниз стройными «наложенными» арками намекает на грузинскую традицию, но при этом своеобразна присутствием арочных элементов белого цвета на фоне темной, возможно, красного цвета стены. Два проектных решения других церквей в «армянском» стиле представлены рисунками в альбомах Гагарина[17]. Фасады характеризуются изяществом и устремленностью ввысь, подчёркнутыми вытянутыми проёмами окон и входов, аркатурным декором и высоким барабаном (Рис. 2).

В основу всех этих проектов положен метод так называемого научно-археологического направления историзма [10, с. 75]. Суть его можно передать словами И. Е. Забелина: «необходимо избрать какой-либо один памятник или несколько, но вполне однородных… и по такому образцу возвести новое здание… необходимо проникнуться стилем каждого из этих памятников и по их образцу выстроить тот или другой проект» [12, с. 235].

[16] *Султанов Н. В.* Русское искусство в западной оценке // Зодчий, 1880, № 1, с. 8.

[17] *Гагарин Г. Г.* Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры. СПб., 1897. Ил. 35, 42.

Рис. 1. Собор в Темир-Хан-Шуре, 1854–1860 гг. Вид с севера. Фотография 1910–1917 гг. Воспроизводится по: https://pastvu.com/p/251208

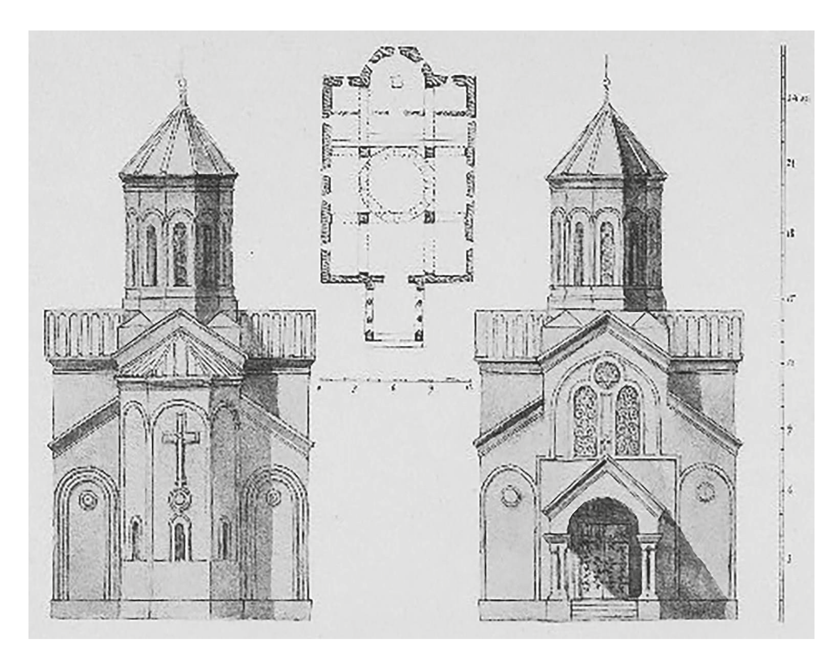

Рис. 2. План и фасады церкви, рисунок Г. Г. Гагарина. Воспроизводится по: *Гагарин Г.* Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры. СПб.: Тип. А. Бенке, 1903. С. 35

Представление армянской и грузинской архитектуры как части византийской традиции отразилось и на создании храмов в собственно византийском стиле. Так, в одном из знаковых произведений Д. И. Гримма — Владимирском соборе в Херсонесе Таврическом (осв. в 1891 г.), — применено сочетание византийских и армяно-грузинских орнаментальных мотивов. В исследованиях приводятся и другие подобные примеры [15].

Армянские храмы второй половины XIX в. на юге России

При оценке «армянского» стиля в армянских храмах последней четверти XIX — начала XX в. необходимо учитывать социокультурную основу развития её паствы, которая не только на своих исторических землях, но даже в большей мере в центрах диаспоры, в данном случае, её российских центрах, испытывала перемены в воззрениях на образы создаваемых храмов. История церковного строительства армян на территории Российской империи со второй половины XVIII в. прошла этапы классицизма и возвращения к национальному стилю уже в эпоху эклектики [1; 21]. Подъём национального самосознания предопределил требование к возрождению национальных основ архитектуры. Так создавалась церковь св. Спасителя в Гюмри (1859–1866), специфика строительства которой заключалась в частых поездках возглавлявшего строительство мастера Т. Андикяна к развалинам древней столицы Ани, во время которых он вдохновлялся особенностями древнего кафедрального собора, обмерял его, зарисовывал детали и последовательно, творчески переносил их в архитектуру своего произведения [3, с. 175, 178–180]. Это был метод условного копирования, характерный для средневековой традиции. Однако он исключался для армянских общин европейской части России.

С достаточной долей уверенности можно вести разговор о том, что тут возрождение этой архитектуры происходило благодаря его интегрированности в развитие «армянского» стиля, переживаемого русской архитектурой. Можно предположить о пересечении чаяний ведущей прослойки армянского общества с интересами того круга российской интеллектуальной элиты, деятельность которого способствовала и изучению зодчества Армении и Грузии, и сложению «армянского» стиля Нового времени. Архитектура уже первых армянских храмов в национальном стиле соответствовала канонам профессиональной европейской архитектуры эпохи историзма и содержала стилизаторство под образы армяно-грузинской архитектуры.

В этих постройках упрощённо трактуется традиционное внутреннее устройство, как это видно по интерьеру церкви Всеспасителя в Дербенте (1868 г., арх. или организатор строительства писатель Габриэл Сундукян). Внешняя композиция так же проста, с характерными для армянской традиции формами крестовокупольной структуры, но при этом — с чертами декора из романо-готической тематики (Рис. 3).

Методика проектирования новых храмов на основе заимствования более широкого круга идей древнего зодчества вскоре проявилась в создании двух других армянских храмов в Нахичевани-на-Дону. В церкви Сурб Карапет (1875) формы внешней композиции, фасадной пластики и орнаментация восприняты из арсенала обмеров, опубликованных в отмеченном альбоме Д. И. Гримма [4, с. 179–187]. За основные образцы, комбинированные в облике церкви, были приняты фасады грузинского храма Самтависи

Рис. 3. Армянская церковь в Дербенте, 1868 г. Фотография А. Ю. Казаряна, 2020

Рис. 4. Армянская церковь Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону, 1875. Фотография А. Ю. Казаряна, 2017

(1030) и церкви Св. Григория Просветителя Тиграна Оненца в Ани (1215), и к ним были добавлены орнаменты двух других построек (Рис. 4).

Спустя пару десятилетий в селе Крым (Топты) Нижнего Дона строится церковь Аменапркич (Всеспасителя) (1895–1902), в которой проявились черты, связанные с Сурб Карапет, но частично стилизованные в духе модерна. В то же время, отдельные детали фасадной аркатуры оказались заимствованы непосредственно из чертежей альбома Д. И. Гримма [23], роль которого в сложении «армянского» стиля особенно велика.

Обмеры из альбома могли применяться при проектировании части русских церквей в этом стиле, таких как храмы Троицы в имении Е. А. Хомяковой близ Нальчика (1895–1902, арх. С. У. Соловьёв) [15] и Св. Нины в имении Харакс в Крыму (1908–1912, арх. Н. П. Краснов), созданной, по выражению зодчего, «в старом грузинско-армянском типе» [9].

О популярности этого альбома в начале XX в. свидетельствует его использование за пределами России, причем в рамках армянских общин Восточной Европы. Начало этому, возможно, положено при проектировании апсиды армянского собора во Львове в 1902 г. [7].

И вне рамок «армянского» стиля обмеры памятников из этого альбома применялись зодчими, работавшими в византийском и русском стилях. В разработке пространственных конструкций следует, прежде всего, упомянуть деятельность В. Косякова [11, с. 65–70]. Однако роль самого Д. И. Гримма в качестве новатора в этом процессе была велика, поскольку именно он ещё в проекте 1885–1887 гг. воплотил на основе собственных обмеров гавита — усыпальницы царей в монастыре Ахпат — перекрытие на парах скрещивающихся арок великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости в Петербурге, и он же преподавал архитектурное проектирование в двух основных высших учебных заведениях российской столицы [12, с. 69]. И хотя проектная деятельность и Гримма, и Косякова не затрагивала «армянского» стиля, их преподавательская деятельность в ИГИ, несомненно, способствовала развитию стиля [2].

Значительный вклад в это дело внёс конкурс на проект армянской церкви в Баку. В 1909 г. её проектирование было поручено одному из участников конкурса, выпускнику ИГИ О. Каджазнуни. Хорошо изучивший наследие, он соединяет систему перекрытий на скрещивающихся арках с основой архитектурного типа тетраконха с угловыми нишами. Высокие пропорции храма, эффект «стрельчатости» проявлявшийся при перекрещивании арок, вертикальные тяги опор, напоминавшие пучки колонн, позволили условно назвать эту стилистику «армянской готикой» [19; 20, p. 236–241].

Незначительное погружение за хронологическими рамками нашего исследования вызвано желанием показать органичное продолжение развития «армянского» стиля. Разнообразие его проявлений в первые два десятилетия XX в. в Крыму, Тбилиси, Карсе — задача отдельной статьи, в которой необходимо будет учесть сопутствовавший прогресс в исследованиях архитектуры Армении, связанный с работой архитектора Тороса Тораманяна, Анийского археологического института, с изданием в 1918 г. монументального труда Йозефа Стржиговского. Большинством этих исследований зодчие не успеют воспользоваться, так как вскоре прекратится церковное строительство. Однако поиск национального стиля в Армении и Грузии, и на сей раз уже не в России, но не без

оглядки на «армянский» стиль, будет сопровождать деятельность архитекторов в рамках проектирования общественных, жилых и даже производственных сооружений.

Заключение

Заимствованный у европейцев интерес к древностям Закавказья пришёлся на период расширения Российской империи, в том числе в направлении этого региона. Его христианские храмы учёными XIX в. представлялись византийскими и, соответственно, родственными древнерусской традиции. На этой основе и в рамках византийского архитектурного стиля рождается новое направление, жадно вбирающее в себя научные достижения. Сам запрос на проектирование церквей в «армянском» стиле стимулировал интерес к активному изучению и графической фиксации памятников Армении и Грузии.

В пределах второй половины XIX в. наметились две тенденции этого стиля. Первая стремилась к уподоблению крупных форм средневековым храмам региона и сочетала с ними в основном романский декор. Она нашла воплощение в армянских храмах юга России. Вторая, тесно связанная с творчеством выпускников ИАХ и ИГИ, ориентировала зодчих на воспроизведение архитектурных форм и орнаментов памятников Армении и Грузии из увражей, с комбинаторикой мотивов разных построек.

Литература

1. *Баева О. В., Казарян А. Ю.* Два периода церковного строительства в Нахичевани-на-Дону. Историко-культурный фон стилевых предпочтений // Архитектурное наследство. — 2018. — Вып. 69. — С. 60–70.
2. *Баева О. В.* Возрождение «армянского» стиля в Российской империи в эпоху историзма. Этапы, направления, идеи. // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — Вып. 16 (в печати).
3. *Иванов А. В.* Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX — середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2017. — Вып. 9. — С. 159–192.
4. *Казарян А. Ю.* Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследство: Памяти О. Х. Халпахчьяна. — М.: КРАСАНД, 2011. — С. 165–191.
5. *Казарян А. Ю.* Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. — Т. 1. — М.: Locus Standi, 2012. — С. 40–44.
6. *Казарян А. Ю.* Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Международная научная конференция «Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой» (Минск, 9–11 октября 2012) / Сост., отв. ред. *И. Н. Скворцова*. — Минск: «Арт Дизайн», 2013. — С. 116–126.
7. *Казарян А. Ю.* Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2016. — Вып. 7. — С. 9–27.
8. *Казарян А. Ю.* Новые данные о куполах храмов Ани. Часть первая. Кафедральный собор зодчего Трдата // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2018. — Вып. 10. — С. 145–169.
9. *Кирилко В. П.* Харакская церковь Н. П. Краснова: рождение шедевра // История и археология Крыма. — 2015. — Вып. II. — С. 470–479.
10. *Кириченко Е. И.* Русская архитектура 1830-х–1910-х годов. — М.: Искусство, 1982. — 399 с.
11. *Кириченко Е. И.* Архитектурные теории XIX века в России. — М.: Искусство, 1986. — 344 с.
12. *Кириченко Е. И.* Архитектор Василий Косяков. — М.: БуксМАрт, 2016. — 351 с.

13. *Красовский М. В.* Исследования по архитектуре Византии / Под науч. ред. *Ю. Р. Савельева*. — М.: Индрик, 2019. — 536 с.
14. *Печёнкин И. Е.* Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма // Материалы международного симпозиума «Армения — Россия: диалог в пространстве художественной культуры», 15–16 ноября 2010 г. / Отв. ред. *А. Ю. Казарян*. — М.: 2010.— С. 26.
15. *Печёнкин И. Е.* Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — Вып. 16. — 2021. (в печати).
16. *Сергеев А. Ю.* К истории создания церквей на территории Дагестана по проектам князя Г. Г. Гагарина // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2011. — № 3. — С. 43–50.
17. *Хрушкова Л. Г.* Изучение христианских памятников Кавказа и современные дискуссии // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — Вып. 10. — 2018. — С. 67–103.
18. *Шахазиз Е. О.* Новый Нахичеван и новонахичеванцы; Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана / Пер. с арм. *Ш. М. Шагиняна*. — Ростов-на-Дону: Книга, 2005. — 240 с.
19. *Долуханян Л. К.* Ованнес Каджазнуни (Հովհաննես Քաջազնունի). — Ереван: ООО Аревик-рекорд, 1997. — 75 с.
20. *Тигранян Э. А.* Деятельность армянских архитекторов в Закавказье. Конец XIX — начало XX века (Հայ ճարտարապետների գործունեությունը Անդրկովկասում. XIX դարի վերջ — XX դարի սկիզբ). — Ереван: Воскан Ереванци, 2000. — 263 с.
21. *Baeva O., Kazaryan A.* Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival // RIHA Journal 0218, 20 July 2019. DOI: 10.11588/riha.2019.0.69967
22. *Foletti I., Rakitin P.* From Russia with Love: The First Russian Studies on the Art of Southern Caucasus // Venezia Arti. — Vol. 27: Discovering the Art of Medieval Caucasus (1801–1945) / Eds. *I. Foletti, S. Riccioni*. — 2018. — P. 15–31. DOI 10.30687/VA/2385-2720/2018/27/001
23. *Kazaryan A. Yu.* The Church in the Village of Krym and Its Place in the Architecture of Don Armenians // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. (ICASSEE 2021). — Paris: Atlantis Press, 2021. (в печати).
24. *Maranci Ch.* Early European Travelers and Their Contributions to the Study of Armenian Architecture // Journal of the Society for Armenian Studies. — 1998, 1999 (2000). — Vol. 10. — P. 7–28.

Название статьи. Изучение армянской и грузинской средневековой архитектуры и его значение в сложении «армянского» стиля во второй половине XIX века

Сведения об авторах. Баева Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Душинская ул., 9, Москва, Российская Федерация, 111024. olabaeva@mail.ru ORCID: 0000-0002-0808-9842

Казарян Армен Юрьевич — доктор искусствоведения, директор. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Душинская ул., 9, Москва, Российская Федерация, 111024. armenkazaryan@yahoo.com ORCID: 0000-0002-8039-207X

Аннотация. Изучение процесса познания армянской и грузинской средневековой архитектуры в XIX в. является актуальным не только с точки зрения проблематики самой историографии. Немаловажное значение имеет оно для понимания настроя интеллектуальной элиты и творческих идей того времени. На примере ряда армянских и русских православных церквей в пределах юга европейской части Российской империи во второй половине XIX в. в статье исследуется вопрос о взаимосвязи отмеченного научного направления с одновременным архитектурным творчеством, воспевающим формы средневековых храмов Армении и Грузии. Сложение в России нового архитектурного стиля, рожденного из основ византийского и условно названного в статье «армянским», как и интерес к храмам Армении и Грузии, определялись представлениями об их принадлежности византийской архитектуре, особым характером ориентализма в России и геополитическими реалиями эпохи. Выявляется два направления этого стиля. В первом древним постройкам Закавказья уподоблены общие формы, с которыми сочетается в основном романский декор. Второе ориентировано на воспроизведение архитектурных форм и орнаментов памятников Армении и Грузии из альбомов Г. Г. Гагарина и Д. И. Гримма.

Ключевые слова: историография архитектуры Армении и Грузии, армянский стиль эпохи историзма, византийский стиль, храмы юга России

Title. The Study of Armenian and Georgian Medieval Architecture and its Significance for the "Armenian" Style's Formation in the Second Half of the 19th Century[18]

Authors. Baeva, Olga Vladimirovna — Ph. D., leading researcher. Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, ul. Dushinskaya, 9, 111024 Moscow, Russian Federation. olabaeva@mail.ru ORCID: 0000-0002-0808-9842

Kazaryan, Armen Yurievich —full doctor, director. Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, ul. Dushinskaya, 9, 111024 Moscow, Russian Federation. armenkazaryan@yahoo.com ORCID: 0000-0002-8039-207X

Abstract. The study of the development of cognition of Armenian and Georgian medieval architecture in the 19th century is relevant not only from the point of view of the historiography itself. It has importance for understanding of the intellectual elite and the creative ideas of that time. On the example of a number of Armenian and Russian Orthodox churches of the south of the European part of the Russian Empire in the second half of the 19th century, the research examines the question of the relationship between the noted scientific direction and simultaneous architectural creativity, glorifying the forms of medieval churches of Armenia and Georgia. The genesis of a new architectural style in Russia, which evolved out of the Byzantine style and conditionally called "Armenian", as well as the interest in the churches of Armenia and Georgia, have been determined by the idea of their belonging to the Byzantine architecture, by the special character of Orientalism in Russia, and the geopolitical realities of the era. Two directions of the "Armenian" style were discovered. In the first one, only general forms were likened to the ancient buildings of Transcaucasia, and they have been combined with mainly Romanesque decor. The second is focused on the reproduction of architectural forms and ornaments from the Monuments of Armenia and Georgia albums by Grigory G. Gagarin and David I. Grimm.

Keywords: historiography of architecture, Armenia and Georgia, Armenian style, historicism, Byzantine style, churches of the South of Russia

References

Baeva O. V.; Kazaryan A. Yu. Two Periods of Church Construction in Nakhichevan-on-Don. The Historical and Cultural Background of Stylistic Preferences. *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 2018, vol. 69, pp. 60–70 (in Russian).

Baeva O.; Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival. *RIHA Journal,* 0218, 20 July 2019. https://doi.org/10.11588/riha.2019.0.69967

Baeva O. V. Revival of the "Armenian" style in the Russian Empire in the Era of Historicism. Stages, Directions, Ideas. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2021, vol. 16 (in print) (in Russian).

Dolukhanyan L. K. *Havhannes Kadjaznuni*. Yerevan, Arevik-rekord Publ., 1997. 75 p. (in Armenian).

Foletti I.; Rakitin P. From Russia with Love: The First Russian Studies on the Art of Southern Caucasus. *Venezia Arti*, 2018, vol. 27: Discovering the Art of Medieval Caucasus (1801–1945), pp. 15–31. DOI: 10.30687/VA/2385-2720/2018/27/001

Ivanov A. V. Regular Vernacular — Freedom within the Grid (The Historic Center of Gyumri in the 19th — Middle 20th Centuries). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2017, vol. 9, pp. 159–192 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. Grimm's Album (1864, 1866) and the Architectural Project of the Church of Surb Karapet in Nakhichevan-on-Don. *Arkhitekturnoe nasledstvo: Pamiati O. Kh. Khalpakhchiana (Architectural Heritage: In Memory of O. Kh. Khalpakhchian)*, Moscow, Krasand Publ., 2011, pp. 165–191 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii (Church Architecture Of the 7th Century in Transcaucasian Countries: Formation and Development of the Tradition), vol. 1*. Moscow, Locus Standi Publ., 2012, pp. 40–44 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. The Armenian Cathedral Architecture in Lviv. To Refine the Roots of the Church Composition and Decoration. *Mezhdunarodnaia konferentsiia "Khudozhestvennaia kul'tura armianskikh*

[18] This study is based on the research, supported by the Program of Fundamental Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation — 2021, research project 1.1.1.1.

obshchin na zemliakh Rechi Pospolitoi" (International Conference "Art Culture of Armenian Communities in the Lands of Polish-Lithuanian Commonwealth", Minsk, 9–11 October 2012). Minsk, Art Design, 2013, pp. 116–126.

Kazaryan A. Yu. Ani Archaeological Institute. Range of Activities and the Basis for Success. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2016, vol. 7, pp. 9–27 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. New Data on the Cupolas of Ani's Churches. Part first. The Cathedral by an Architect Trdat. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2018, vol. 10, pp. 145–169 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. The Church in the Village of Krym and Its Place in the Architecture of Don Armenians. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2021 (ICASSEE 2021)* (in print).

Khrushkova L. G. Studies of Christian Monuments of the Caucasus and Contemporary Discussions. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2018, vol. 10, pp. 67–103 (in Russian).

Kirichenko E. I. *Russkaia arkhitektura 1830-kh — 1910-kh godov (Russian Architecture of the 1830s — 1910s)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 399 p. (in Russian).

Kirichenko E. I. *Arkhitekturnye teorii XIX veka v Rossii (Architectural Theories of the 19th Century in Russia)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 344 p. (in Russian).

Kirichenko E. I. *Architect Vasily Kosyakov*. Moscow, BooksMArt Publ., 2016. 351 p. (in Russian).

Kirilko V. P. Harakskу Church of N. P. Krasnov: Masterpiece Birth. *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archaeology of the Crimea)*, 2015, vol. 2, pp. 470–479 (in Russian).

Saveliev Yu. R. (ed.). *Krasowskii M. V. Issledovaniia po arkhitekture Vizantii (Studies on the Architecture of Byzantium)*. Moscow, Indrik Publ., 2019. 536 p. (in Russian).

Maranci Ch. Early European Travelers and Their Contributions to the Study of Armenian Architecture. *Journal of the Society for Armenian Studies*, 1998, 1999 (2000), vol. 10, pp. 7–28.

Pechenkin I. E. Caucasian Architectural Heritage by the Eyes of Theories and Architects of Historicism. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Armeniia — Rossiia: dialog v prostranstve khudozhestvennoi kul'tury" (Materials of the International Symposium "Armenia — Russia: The Dialogue in the Space of Artistic Culture")*. Moscow, State Institute for Art Studies Publ., 2010, p. 26 (in Russian).

Pechenkin I. E. Caucasian Architectural Heritage by the Eyes of Theories and Architects of Historicism. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2021, vol. 16 (in print) (in Russian).

Sergeev A. Yu. On the History of the Church Construction in the Territory of Dagestan according the Projects by G. G. Gagarin. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Dagestan State Pedagogical University Journal)*, 2011, no. 3, pp. 43–50 (in Russian).

Shahaziz E. O. *Novyi Nakhichevan i novonakhichevantsy; Monastyr' Surb Khach Novogo Nakhichevana (New Nakhichevan and Newnakhichevanians; Monastery of Surb Khach of New Nakhichevan)*. Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2005. 240 p. (in Russian).

Tigranian E. A. *Hai tchartarapetneri gortsuneutiune Andrkovkasum. XIX dari verj — XX dari skizb (Contributions of Armenian Architects in the Transcaucasus. Near the End of the 19th Century and at the Beginning of the 20th Century)*. Yerevan, Voskan Yerevantsi Publ., 2000. 263 p. (in Armenian).

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

УДК 947.925

АЙВАЗЯН АРМЕН МАРТИНОВИЧ

"ИСТОРИЯ КАПАНЦЕВ" И ИССЛЕДОВАНИЕ АРМЯНСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1720-х ГОДОВ

Специальность: 07.00.02 - Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Ереван - 1992

Работа выполнена в Матенадаране - Институте древних рукописей при Совете Министров Республики Армения.

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Папазян А.Д.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Дилоян В.А.,
кандидат исторических наук
Мартиросян В.М.

Ведущее учреждение: Ереванский государственный университет.

Защита диссертации состоится "6" октября 1992 г. на заседании специализированного совета Д 005.19.01 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора наук в Институте истории АН Республики Армения (Ереван, 375019, пр.Маршала Баграмяна, 24 г).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института истории АН Республики Армения.

Автореферат разослан "28" августа 1992 г.

Ученый секретарь специализированного совета, кандидат исторических наук АЗИЗБЕКЯН Р.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. По ряду причин исторического характера, в течение ХУ-ХУП вв. освободительная борьба армянского народа вылилась в непрерывные и безрезультатные поиски возможностей присоединения к созданию единого фронта в развязанной каким-либо мощным христианским государством войне против Турции или Ирана. После падения Киликийского армянского царства в 1375 году первое массовое вооруженное выступление армян против иноземного владычества произошло лишь спустя четыре столетия - в 1720-х годах. С этого времени и по сей день армянское освободительное движение развивалось в идентичном геополитическом окружении, в условиях постоянного соперничества и борьбы за зоны власти и влияния в Закавказье трех региональных супердержав - Турции, Ирана и России. Как раз усиление России и распространение ее экспансионистской политики на весь Кавказский регион объективно способствовали созданию более реальных основ для вышеупомянутого союза и активизации армянских освободительных движений, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Для исторической науки довольно темным и запутанным продолжает оставаться время становления армяно-русских политических отношений - первое тридцатилетие ХУШ века, исследование которого, кроме чисто арменологического, имеет еще и политологическое значение.

Разработанность темы, цель и задачи исследования. Среди крайне немногочисленных памятников армянской историографии, освещающих освободительное движение 1720-х годов, обилием достоверного фактического материала, а также своим историческим значением и актуальным звучанием особо выделяется "История капанцев" - повествование о героической эпопее сюникских (капанских) армян под предводительством Давид-бека и Мхитара спарапета. После того, как это произведение было написано в 1730-х годах в Венеции, оно сразу же разошлось в списках, а чуть позже - в пространном и свободном пересказе - появилось в третьем томе "Истории Армении" М.Чамчяна (1786 г., Венеция), после чего его содержание приобрело широкую известность в кругах армянской интеллигенции. В 1871 году в Вагаршапате, под заглавием "Избранная история Давид-бека", Абгар Гуламирянц издал один из вышеупомяну-

тых списков (ныне хранящийся в Матенадаране им.Маштоца - рук. № 10579). Именно это издание более ста лет и являлось основным источником изучения сюнийского восстания 1722-1730 гг.

В 1978 г. в Венеции (на острове св.Лазаря армянских мхитаристов) вышло в свет полное оригинальное издание "Истории капанцев", включающее в себя как отредактированный вардапетом Гукасом Себастаци (1709-1752) сводный авторский вариант "Истории", так и послужившие первоисточником для Себастаци, им же записанные, отдельные рассказы двух участников сюнийского восстания - Степаноса Шаумяна и Тер-Аветика. Эти чрезвычайно важные обстоятельства были выявлены С.Арамяном в тщательном и детальном текстологическом исследовании, сопровождающем венецианское издание "Истории". Там же С.Арамян представил и все разночтения издания А.Гуламирянца по отношению к автографу сводного варианта "Истории". Однако, до последнего времени вне поля зрения специалистов оставались значительные различия между двумя исходными рассказами и сводным текстом "Истории капанцев". Первым указал на несколько ошибочных прочтений и истолкований Г.Себастаци А.Д.Папазян[1]. Как выяснилось в ходе этой диссертационной работы, подобных разночтений в сводном тексте довольно много, их выявление и пояснение часто значительно корректирует наши знания о бурных событиях 1720-х гг.

Добросовестное научное издание исходных рассказов и сводного текста "Истории" предоставляет уникальную возможность для исследования принципов и подходов к созданию исторического произведения автором первой половины ХУШ века Гукасом Себастаци.

Практическое значение работы. Диссертация является определенным шагом вперед как в освещении истории армянского освободительного движения 1720-х гг., так и в исследовании малоизученных явлений средневековой армянской историографической мысли. Выявленные в работе узловые исторические факты, и, в особенности, восстановленная хронология могут не только быть использованы в дальнейших исследованиях данного исторического периода, но и иметь прикладное значение при составлении вузовских и школьных учебников, популярных изданий по истории армянских освободитель-

---

[1] См. А.Д.Папазян. Борьба Давид-бека против османского вторжения и его взаимоотношения с силами иранского антиосманского сопротивления. - "Историко-филологический журнал", 1987, № 1, с.98-99 (на арм.яз.).

ных движений. Коррективы и уточнения, внесенные в текст сводного варианта "Истории капанцев", могут быть учтены при подготовке этого текста к новому изданию и при его переводе на иностранные языки.

Метод работы и выдвинутые проблемы могут найти применение при исследовании других памятников средневековой историографии.

Методологической основой исследования может считаться выдвинутый английским историком и философом Р.Дж.Коллингвудом тезис об автономии научной мысли: "Под автономией я понимаю такой вид научного мышления, когда исследователь опирается на собственный авторитет, высказывает определенные положения или предпринимает какие-то действия по своей инициативе, а не потому, что эти положения и действия санкционированы или предписаны кем-то посторонним... научный историк рассматривает утверждения источников не в качестве констатаций исторических фактов, а как основание для своих суждений; они для него не истинные или ложные описания исторических фактов, не описания вообще (на что они претендуют), а факты совсем другого рода, которые могут пролить свет на подлинные события истории, если мы зададим им верные вопросы"[I].

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на основе сопоставительного анализа трех текстов "Истории капанцев" (рассказы Ст.Шаумяна, Тер-Аветика и сводный текст), а также дополнительного исторического материала, относящегося к данному периоду, выявлено и прокомментировано множество дотоле неизвестных исторических (особенно - хронологических) фактов, сделаны значительные текстологические коррективы и исправления, разработана и представлена подробная хронология исследуемых событий. Впервые указаны важные подробности творческой лаборатории Гукаса Себастаци.

Апробация работы. Основные результаты исследования доложены на научных сессиях Матенадарана - Института древних рукописей имени Маштоца при Совете Министров Республики Армения. Они же лежат в основе шести статей, пять из которых уже опубликованы, а шестая находится в печати в "Историко-филологическом журнале" АН РА.

I Р.Дж.Коллингвуд. Идея истории. Автобиография. М., I980, с.26I-262.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, научная новизна, определяются цель и задачи исследования, дается краткий обзор источников и литературы, степень разработанности темы. Здесь же рассматриваются два источниковедческих вопроса, не затронутых в основном тексте диссертации, а именно: I) на основе неоспоримых фактов доказывается ошибочность высказанного С.Арамяном и другими исследователями мнения о том, что Г.Алишан не был знаком с первоначальными рассказами "Истории капанцев"; 2) исходя из того факта, что предания о Давид-беке и его соратниках, записанные в XIX-начале XX вв., составлялись под сильным воздействием письменных источников (списки "Истории капанцев", "История" Чамчяна, издание А.Гуламирянца), а также учитывая главное направление этого исследования – восстановление по возможности наиболее точной хронологии (т.е. месяцев и дней) событий 1720-х гг., делается вывод о нецелесообразности широкого применения в диссертации нарративных источников. В то же время, на конкретном примере критического сопоставления нарративного и письменного источников показывается недопустимость полного игнорирования первых. В результате этого сопоставления выясняется, что один из главных армянских военачальников – священник Аветик или Тер-Аветик, помимо исполнения своих непосредственных, ратных обязанностей, еще и священствовал в сюнийских войсках.

Первая глава – "Из истории освободительного движения Сюника в 1720-х годах" – на основе источниковедческого и научно-исторического анализа трех текстов "Истории капанцев" и дополнительного материала исследуются определенные особенности редактирования сводного текста Гукасом Себастаци и, в связи с этим, некоторые важные события 1720-х годов. Указывается ряд несообразностей сводного текста: I. отождествлены два различных сражения (1722 г. и 1724 г.) Давид-бека с войсками нахичеванского хана; 2. неправильно представлено вступление отряда Давид-бека в Сюник (из сводного текста выпали события, происшедшие в гаваре

Сисиан); 3. неверно указано число армянских воинов, прибывших во главе с Давид-беком из Грузии и др. Первопричиной допущенных Г.Себастаци ошибок явилась многозначность топонима Капан в XVII-XVIII вв.: так именовался как весь Сюник (иногда даже весь регион между Курой и Араксом), так и собственно "Капан", приблизительно соответствующий нынешнему Капанскому району РА. Ст.Шаумян изложил венецианским мхитаристам самые первые шаги Давид-бека в Сюнике - в его северном гаваре Сисиан, в то время, как Тер-Аветик, пропустив события, происшедшие в Сисиане, начинает свой рассказ с вступления Давид-бека в собственно Капан. Г.Себастаци, посчитав эти два сообщения противоречащими друг другу, в сводном тексте отдал предпочтение последнему, а описанное Ст.Шаумяном частично пропустил, частично присовокупил к более поздним происшествиям. В результате выяснения вышеназванных ошибок по-новому освещаются, в частности, следующие существеннейшие вопросы исследуемого периода: доказывается, что Давид-бек прибыл из Грузии не со своими 30-40 сподвижниками, как принято считать в армянской историографии начиная с М.Чамчяна, а с 2.000-ым отрядом армянских воинов. В этой связи обстоятельно рассматривается и дифференцируется названный диссертантом логическим-полупроизвольным конкретный историографический метод, приведший Чамчяна к неправильному заключению. Сущность этого метода, применявшегося также Г.Себастаци и, можно сказать, всей средневековой историографией, состояла в том, что автор, имея под рукой два или более в принципе не антитетических, но весьма отличных друг от друга свидетельства об одном и том же событии, стремился не к критическому выяснению степени достоверности каждого, а скорее к нахождению какого-то "среднеарифметического" решения, иногда приводящего к самым неверным результатам.

В действительности, события развивались следующим образом. Получив известие о вступлении Давид-бека в Сисиан, нахичеванский хан с 12000-ым войском выступил в поход, имея целью не допустить как дальнейшее продвижение армянского полка в глубь Сюника - в собственно Капан, так и намечающуюся там большую военную мобилизацию. В свою очередь, Давид-бек в спешном порядке призвал 4000 новобранцев из гавара Сисиан и, объединив имеющиеся у него силы, с 6000-ым войском двинулся навстречу нахичеванскому хану. Таким образом, первое сражение Давид-бека на армянской земле произошло

на реке Нахичеван, где и сошлись две вражеские армии. Эту кровавую битву армяне проиграли, потеряв при этом 2200 воинов, однако, нахичеванскому хану не удалось полностью разгромить Давид-бека. После этого, он, с оставшимся у него отрядом из 412 человек, прорвался в центральную часть Сюника, разгромив по дороге, в местности Ераслур (Учтепе), военные силы курдского кочевого племени Карачорлу.

Устанавливается время комбинированного двустороннего нападения на Капан баргушатского султана Фатх-Али и нахичеванского хана и гибели армии Торос-бека - между 29 марта и 4 апреля. Именно с происшедшим в это время вторым столкновением Давид-бека с нахичеванским ханом и отождествил Г.Себастаци сообщение Ст.Шаумяна о битве на реке Нахичеван.

Важнейшим фактором для проведения дальнейших исследований венецианского издания "Истории капанцев" становится утверждаемое в этой главе положение о том, что рассказы Ст.Шаумяна и Тер-Аветика параллельно и в хронологически строго пос[illegible]овательном порядке описывают капанские события до лета 1724 г., когда прерывается рассказ Ст.Шаумяна.

Во второй главе - "Время и обстоятельства вступления Давид-бека в Армению" - на основе анализа первоисточников выясняется развитие событий в Капане (Сюнике) и прилегающих регионах в 1722 г. Начало весны - дагестанские горцы (лезгины) в очередной раз вторгаются в районы Гандзака и Шемахи и, подвергая все на своем пути грабежу и разорению, достигают места слияния Куры и Аракса. Середина марта - стоящая лагерем на берегу Аракса, напротив лезгин, армия персидского губернатора Баргушата и Капана Фатх-Али султана, не вступая в соприкосновение с противником панически отступает в глубь страны. Между 18 и 25 марта - лезгины три дня подряд разоряют Дизакский гавар Карабаха. На фоне общего упадка Сефевидской державы набеги лезгин и поз[illegible]ное бегство войска Фатх-Али султана окончательно подрывают доверие армян Капана к персидским властям, придав, одновременно, мощный импульс как их инстинкту самосохранения и потенциалу самообороны, так и вынашиваемым ими в последние десятилетия освободитель[illegible]ным планам. Апрель-июнь - период безвластия в Капане, в течение которого армянские и мусульманские силы региона активно готовя[illegible]ся к ставшему неизбежным столкновению. Лидеры армян Капана соз[illegible]

вают тайное собрание, которое посылает к царю Картли Вахтангу VI Степаносса Шаумяна с прошением о военной поддержке. Между 8 и 17 июня - персидский шах Султан-Хусейн, в осажденном афганскими войсками Исфахане, издает специальный указ о назначении Вахтанга VI главнокомандующим вооруженными силами всего Закавказья. Конец июля - начало августа - указ шаха Султан-Хусейна, вместе с курьерами и надлежащими дарами, доходит до Вахтанга, в Тифлис. Август - первая половина сентября - Вахтанг проводит в Грузии и в северных районах Армении предписанную указом шаха большую мобилизацию, преследуя этим, на самом деле, не цель оказания ожидаемой Сефевидами помощи, а совершенно противоположные намерения армяно-грузинского освободительного движения. Служащий в армии Вахтанга армянский военачальник Давид-бек лично занимается набором (на добровольной основе) и организацией отдельного полка, направляющегося в Армению - в Капан. Состоящий из 2000 армянских воинов (среди которых было много тифлисцев) полк, под предводительством Давид-бека и 20 сотников, выступает в Армению.

В этой главе разграничиваются события, происшедшие сразу после вступления Давид-бека в Сюник и до 1723 г., уточняется их последовательность (от проведенной Давид-беком мобилизации в гаваре Сисиан до его переезда в Татев). Здесь же, на основе некоторых свидетельств, высказывается предположение о том, что в самом начале своей миссии Давид-бек имел гораздо более обширные планы по освобождению армянских провинций от чужеземного ига.

В третьей главе - "События в Закавказье в 1723 году и первый вспомогательный поход армян Арцаха в Сюник" - на фоне военно-политической обстановки в Закавказье в 1723 г. продолжает восстанавливаться хронология национально-освободительного движения Сюника и Арцаха.

При скрупулезном рассмотрении вопросов редактирования сводного текста "Истории капанцев", нередко встречаются случаи некритической компиляции первоначальных рассказов. Так, с того момента, как предводитель армян Чавндура Торос предстал перед Давид-беком в Татеве и до конца рассказа Ст.Шаумяна, два исходных рассказа изложены в сводном тексте по отдельности, хотя и, как было отмечено, параллельно описывают одни и те же события, с взаимными дополнениями отсутствующих подробностей. Обнаружение этой крупной текстологической ошибки, которая, естественно, соз-

давала путаницу у исследователей, позволяет хронологически "поставить на место" описываемые события. В частности, показано, что Давид-бек завершил строительство крепости Халидзор и переехал туда из Татева в августе-октябре 1723 года. В октябре османская армия Ибраима паши после 18-20-дневных тяжелых боев на подступах к Гандзаку (Гяндже) потерпела крупное поражение от проперсидски настроенных объединенных сил и, потеряв одну пятую часть своего состава, вернулась в Тифлис. Доказывается, что карабахские войска, по просьбе капанцев, совершили не один вспомогательный поход в Сюник в апреле 1724 г. (как принято считать в армянской исторической науке), а два, первый из которых, под предводительством верховного главнокомандующего армянских войск Карабаха Авана-юзбаши, был как раз сразу же после гандзакской неудачи турок – в ноябре 1723 г. и описан Тер-Аветиком в "Истории капанцев". Воспользовавшись этой устрашающей и сковывающей действия мусульманских сил Сюника акцией (многотысячной карабахской армией была осаждена, хотя и безрезультатно, одна из двух оставшихся здесь "тюркских" опорных баз - крепость Воротан), Давид-бек, сосредоточив в своих руках почти все войска своего княжества (кроме сисианских), во второй половине ноября или в декабре 1723 года, захватил неприступную крепость Зеву, уничтожив при этом ее 4000-ный гарнизон.

Четвертая глава – "О хронологии обороны Еревана в 1724 году". Вплоть до последнего времени в армянской исторической науке датировка обороны Еревана проводилась по сообщениям автора первой половины XVIII века Абраама Ереванци, согласно которому, лежащий вне Ереванской крепости город, после двухмесячного сопротивления, был захвачен турецкими войсками 7 июня 1724 г., а персидский гарнизон крепости сдался некоторое время спустя – до 20 августа[1]. В опубликованной в 1965 г. статье В.М.Мартиросян обратил внимание исследователей на донесения русского резидента в Константинополе Ивана Неплюева, по которым, Ереванская крепость сдалась туркам 22 сентября 1724 г.[2] Сделанный В.М.Мартиросяном вывод оказался следующим: "Ереванская крепость сопротивля-

---

1 Абраам Ереванци. История войн 1721-1736 гг. Предисловие, автограф, отредактированный текст и примечания подготовил к изд. Саак Чемчемян, Венеция - св.Лазарь, 1977, с.31-35 (на арм.яз.).

2 В.М.Мартиросян. Содружество народов Закавказья и оборона Еревана в 1724 г. - "Историко-филологический журнал", 1965, № 2, с.190 (на арм.яз.).

лась турецкой армии около трех месяцев, а героическая защита кварталов города, по данным историографа АбраамаЕреванци, продолжалась с апреля по июнь"[1]. Таким образом, получалось, что сопротивление Еревана в 1724 г. продолжалось около пяти месяцев. Другие исследователи в основном придерживались или первоначальной версии (по А.Ереванци), или же повторяли точку зрения В.М. Мартиросяна.

Проведенное в этой главе тщательное исследование хронологических данных вышедшего в свет в 1977 г. автографа[2] (компилятивного по своему характеру труда) Абраама Ереванци выявило тот факт, что эти сведения, из-за внутренних противоречий и несоответствий, не могут считаться достоверными относительно обороны Еревана. На основе сравнительного анализа армянских, турецких, русских и европейских первоисточников выдвигается новая, детальная хронология обороны Еревана. Османская армия начала осаду Еревана 24 июня 1724 г. 26 июня турки захватили некоторые прилегающие к крепости кварталы Еревана. Большинство армян Еревана и близлежащих сел сконцентрировалось в имеющих выгодное оборонительное расположение кварталах Дзорагюх и Конд. Осада города и крепости велась одновременно. В защите города, по приказу Ереванского хана, участвовали также мусульмане Еревана, однако 14 августа - в день, когда турецкие войска начали очередной штурм - они покинули город и укрылись в крепости. С этого дня оборону Дзорагюха и Конда осуществляли только армяне, успешно отразившие как этот пятидневный приступ (18 августа), так и последующую яростную атаку янычар на Конд (между 19 и 24 августа). 8 сентября 1724 г., с подходом новых крупных подкреплений, турки полностью овладели городом. Бои с находящимся в крепости персидским гарнизоном продолжались до 16 сентября. Начавшиеся в этот день переговоры завершились капитуляцией крепости 23 сентября 1724 г. В этой главе устанавливается также время сорокадневной самозащиты армянского села Карби - с 25 апреля до 3 июня 1724 г., с последующей сдачей села туркам путем переговоров 13 июня

---

[1] В.М.Мартиросян. Указ. соч., с.189 (на арм.яз.).
[2] Абраам Ереванци. Указ. соч., с.21-89.

I724 г. (все даты приводятся по принятому до I920 г. в Армении юлианскому календарю).

Пятая глава - "События в Капане и Нахичеванском ханстве в I724 году" - опираясь на выявленные в предыдущих главах исторические факты, текстологические исправления и уточнения, восстанавливает хронологию и динамику драматических событий I724 г.

Взятием 29 марта I724 г. последней укрепленной точки мусульман в Капане - крепости Воротан, созданное Давид-беком армянское княжество как бы заново возрождало некогда жизнестойкую национальную власть Сюнийских царей и Орбелянских владетелей, и уже самим своим существованием сильнейшим образом воздействовало на освободительные устремления порабощенного армянства прилегающих провинций. Именно в этом крылась причина того, что даже перед началом крупномасштабной османской интервенции, в конце марта - начале апреля I724 г., баргушатский султан и нахичеванский хан все свои силы направили против Капанского армянского княжества, нанеся ему жестокий удар (на баргушатском фронте армяне потеряли 4600, на сисианском - 900 человек убитыми). В результате, Давид-бек был вынужден снова, как и после поражения на реке Нахичеван в I722 г., перейти на некоторое время к оборонительной тактике. Действия своих вассалов против Давид-бека всецело поддерживал бежавший из захваченного афганцами в I722 г. Исфахана и находящийся в это время в иранской провинции Азербайджан шах Тахмасп П (сын Султан-Хусейна). Однако, в течение того же года политика последнего по отношению к Капану претерпела различные метаморфозы. В частности, в этой главе показано, что летом I724 г. - в период усилившейся османской агрессии - шах Тахмасп П начал вести примирительную политику по отношению к восставшему армянству Капана, учитывая следующие реальности:

I) военную мощь и жизнеспособность Капанского армянского княжества, проявленные в непрерывных войнах двух предыдущих лет;

2) необходимость установления прочного и стабильного тыла для персидских войск перед лицом угрожающего продвижения турецкой армии;

3) заключенный в марте I724 г. и уже давший свои положительные результаты антиосманский союз между мусульманами Гандзака и Армянскими Сигнахами Карабаха;

4) продолжительное сопротивление туркам армян Еревана.

Однако, с падением Нахичевана (30 июля) и, особенно, Ордубада (27 августа), позиция Тахмаспа II к княжеству Давид-бека вновь на некоторое время резко ужесточилась. Этот поворот объяснялся, с одной стороны, желанием шаха обласкать непримиримых врагов Давид-бека, в особенности - баргушатского султана Фатх-Али, и использовать войска последнего в борьбе с турками. С другой стороны, как выясняется, немалую роль в изменении политики персидского двора сыграл беспрецедентный переход на сторону турок армянских вооруженных сил Нахичеванского ханства (вторая половина июля 1724 г.), вызванный, в свою очередь, чрезвычайным обострением отношений нахичеванских армян с персидскими властями.

Шестая глава - "Достоверность и структура хронологии "Истории капанцев". В армянской исторической науке некоторыми учеными были высказаны сомнения по поводу достоверности основных хронологических данных "Истории капанцев", в том числе дат смерти Давид-бека и Мхитара спарапета (1728 и 1730 гг. передвигались соответственно на 1725-1726 и 1727 гг.)[1]. Эта позиция была подвергнута серьезной критике[2], которая, однако, оставаясь в рамках первого, несовершенного издания "Истории" (1871 г., Вагаршапат), не привела дискуссию к убедительному результату. Как впоследствии заметил А.Д.Папазян[3], новое, полное издание "Истории" (1978 г., Венеция), позволяет отвергнуть выдвинутые против ее хронологии аргументы.

Эта глава, привлекая дополнительный исторический материал, всесторонне освещает данную проблему, приходя к доказательному выводу об аутентичности хронологии "Истории капанцев". Выявляют-

---

1 См. П.Т.Арутюнян. Послание Мхитар-бека русскому правительству. - "Известия" (общ.науки) АН АрмССР, 1952, № 3, с.83,99; он же, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в., М., 1954, с.258-260, 270-278. Ашот Иоаннисян. Кафанское восстание под руководством Давид Бека. - "Вестник Ереванского университета", 1970, № 1, с.102,105-110. (на арм. яз.). А.Г.Абрамян. К вопросу об освободительном движении Сюника в XVIII веке. - "Историко-филологический журнал", 1972, № 4, с.176-178 (на арм.яз.).

2 А.Мирзоян. К вопросу о послании Мхитар-бека русскому правительству. - "Известия" (общ.науки) АН АрмССР, 1952, № 8, с.87-96 (на арм.яз.). В.Р.Григорян. Примечания. - В кн.: Лео. Собрание сочинений. Т.3, книга вторая, Ереван, 1973, с.602-605 (на арм.яз.).

3 А.Д.Папазян. Указ. соч., с.90.

ся и объясняются два основных метода фиксации хронологии в сводном тексте: I) непосредственно отмечается год (общехристианским или же армянским летосчислением), и 2) упоминается очередной год прибытия Давид-бека в Сюник. Первый метод применялся Г.Себастаци в тех случаях, когда у него, по тем или иным причинам, не было абсолютно никаких сомнений относительно достоверности данного сообщения. Второй же метод применялся тогда, когда то или иное хронологическое сообщение относилось к событиям местного значения и, кроме личного единичного свидетельства Ст.Шаумяна, Тер-Аветика или другого информатора, ничем иным не подтверждалось. В этой связи корректируется и прослеживается текстологическая история появления хронологической ошибки, допущенной Г.Себастаци при редактировании сводного текста - объявления 1727 г. пятым (правильно - шестым) годом прибытия Давид-бека в Сюник.

Здесь же устанавливается время I) начала блокады турецкими войсками Капана и Карабаха - март I726 г., 2) присоединения к капанской группировке турецких войск вспомогательных сил во главе с Али и Бекир пашами - ноябрь I726 г., 3) начала первой осады Халидзора - 26 февраля I727 г. Утверждается, что в конце I726 г. Давид-бек, через прибывшего в это время по поручению российской императрицы Екатерины I в Гилян картлийского царя Вахтанга УI, установил связь с шахом Тахмаспом П, который ранее (весной I726 г.) известил антиосманские силы Закавказья о будто бы готовящемся им крупном контрнаступлении на турок.

В I727 г., после серии впечатляющих побед Давид-бека над регулярными турецкими войсками и перешедшими на сторону последних бывшими вассалами Сефевидов (в частности, баргушатским султаном), шах Тахмасп П специальным указом провозгласил его верховным главнокомандующим над всеми проперсидскими силами прилегающего к Капану региона и владетелем самого Капана, с правом чеканить собственную монету. На основании критического сопоставления первоисточников высказывается предположение о том, что Гукас Себастаци имел под рукой оригинал этого указа, или его копию, или же его армянский перевод, который позднее (в I730-х гг.) был доставлен в Венецию одним из участников капанского восстания.

В заключении, посредством краткого представления выявленной в ходе работы исторической хронологии, подводятся основные итоги диссертации.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах автора:

I. Из истории освободительного движения Сюника 1720-х годов. (Опыт сопоставления первоисточников). - "Историко-филологический журнал" (ИФЖ) АН Республики Армения, 1990, № 2 (I29), с.II9-I34 (на арм.яз.).

2. Время и обстоятельства вступления Давид-бека в Армению.- "ИФЖ" АН РА, 1990, № 3 (I30), с.76-85 (на арм.яз.).

3. События в Закавказье в I723 году и первый вспомогательный поход в Сюник армян Арцаха. - "ИФЖ" АН РА, 1990, № 4 (I3I), с.63-80 (на арм.яз.).

4. О хронологии обороны Еревана в I724 году. - "ИФЖ" АН РА, I99I, № I (I32), с.93-I00 (на арм.яз.).

5. События в Капане и Нахичеванском ханстве в I724 году.- "ИФЖ" АН РА, I99I, № 2 (I33), с.I02-II4 (на арм.яз.).

6. Достоверность и структура хронологии "Истории капанцев" - "ИФЖ" АН РА, I99I, № 3 (I34), в печати (на арм.яз.).

И. Цук...

Сдано в производство 29.07.I992г.
Бум. 60х84 печ. I листа
Заказ 57 Тираж I00

Цех "Ротапринт" Ереванского госуниверситета.
Ереван, ул. А.Манукяна № I.

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК Ф(47.925)(09)

ХАЧАТРЯН БАХШИК АРШАМОВИЧ

БОРЬБА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ 50-70-х ГОДОВ XIX ВЕКА В АРМЯНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Специальность 09.00.03 – история философии

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

ЕРЕВАН – 1990

Работа выполнена на кафедре философии и проблем теории современного социализма Ереванского зоотехническо-ветеринарного института.

Научный руководитель - кандидат философских наук, доцент Затьян Г.А.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Хачикян Я.И.

кандидат философских наук, доцент Акопян Г.Х.

Ведущая организация - Институт философии и права АН Армении, отдел истории армянской философии

Защита диссертации состоится "16" ноября 1990 г. в ____ часов на заседании специализированного совета Д 055.01.03 при Ереванском Государственном университете.

Адрес совета: 375049, Ереван-49, ул.Мравяна 1, Ереванский Госуниверситет

С диссертацией можно ознакомиться в кабинете научных работников ЕГУ.

Автореферат разослан "12" октября 1990 года

Ученый секретарь специализированного совета, доцент Оганесян С.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На нынешнем этапе революционной перестройки нашей общественной жизни постепенно расширяются возможности глубокого изучения истории развития народов нашей огромной многонациональной страны, раскрытия основных принципов и ценностей их духовной культуры. В этой связи весьма существенным оказывается познавательное и политико-воспитательное значение исследования деятельности армянских идейно-политических течений 50--70-х годов XIX века. Перестройка вызвала небывалый подъем патриотических чувств народов; возрос общественный интерес к истории нашего отечества, к богатствам нашей многовековой, многонациональной культуры. В то же время от каждого исследователя требуется, чтобы "...здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур".[1]

Анализ истории армянской философской мысли XIX века, философского наследия различных мыслителей, содержания периодической печати, а также ряда научных исследований показывает, что в оценке борьбы идейно-политических течений названного периода и в их классификации обнаруживается значительный пробел. Заслуги деятелей названной эпохи оценивались в основном по критериям узкоклассовых интересов. Игнорировалась роль национально-консервативного направления, оставалось в тени просветительско-демократическое идейно-политическое течение. Борьба мыслителей прошлого за сохранение самобытности национального облика интерпретировалась как проявление национализма и шовинизма. Результаты такого подхода могут сыграть

1. См.: Материалы XXУП съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1986. - С.53.

роковую роль в судьбе малочисленных народов, особенно в случае, когда этот подход обретает значимость государственной политики. Именно в силу такого подхода общеармянское национальное движение за самоопределение карабахских армян и присоединение Карабаха к матери-Армении, начавшееся в феврале 1988 года, было необоснованно сочтено проявлением экстремизма. Однако может ли быть экстремистом целый народ или нация? Следовательно, актуальность данного исследования заключается еще и в том, что проводимый в нем историко-философский анализ борьбы идейно-политических течений прошлой эпохи послужит раскрытию причин накопившихся веками межнациональных противоречий и поможет их разумному урегулированию.

Для претворения в жизнь стратегических идей перестройки требуется принципиально новый подход к осмыслению нашего прошлого, в том числе к истории становления и борьбы идейно-политических течений. Необходимо преодолеть некоторые укоренившиеся в нашей научной литературе стереотипы одностороннего осмысления роли религии и церкви в политической и духовной жизни армянского народа. Нельзя, трактуя религию как сугубо иллюзорное мировоззрение, упрощенно, поверхностно оценивать роль религиозно-ортодоксального идейно-политического течения в армянской действительности. Являясь носительницей религиозного мировоззрения, названное течение вместе с тем веками аккумулировало в своей деятельности национально-культурные и общечеловеческие ценности, которые сегодня могут играть важную роль в деле воспитания нравственно чистых, гуманных членов общества.

XIX век явился для армянского народа периодом формирования и консолидации армянской нации, эпохой ожесточенных столкновений старых и новых социально-политических сил, эпохой борьбы между прошлым и будущим, религиозностью и свободомыслием. Процесс же консо-

лидации армянской нации протекал в весьма сложных обстоятельствах. Армянский народ находился под властью различных политических режимов и в разных условиях социально-экономического развития. Естественно, это отрицательно влияло на ход исторических перемен, но не могло затормозить поступательное движение истории. Своеобразие этого процесса заключалось еще и в том, что если Восточная Армения находилась под властью политического режима России, народ которой стремился к прогрессу соразмерно с темпами развития европейской цивилизации, то Западная Армения вынужденно была погружена в реакционную атмосферу османского владычества. И если политический режим этого последнего центра теократической империи "...превратился в серьезный тормоз для прогресса Европы"[I], то нечего уже и говорить об Армении. Напротив, ориентация на демократические силы России в национально-освободительном движении армян явилась законом жизни и источником ее поступательного движения. Еще в середине ХУШ века армянский народ стал связывать надежды на свое освобождение с судьбой русского народа. А в середине XIX века передовые армянские мыслители развернули на страницах печатных органов бурную деятельность с целью подчеркнуть роль русского народа в деле воссоединения обеих частей Армении. Глубокий анализ истоков русской ориентации армян поможет лидерам нынешних неформальных движений осмыслить богатый опыт и сложный путь исторического развития народа, выбрать правильный путь тактической борьбы при решении межнациональных проблем.

Пути исторического развития Армении, его перспективы являлись одной из главных проблем, вокруг которой сталкивались классовые интересы идейно-политических течений 50-70-х годов XIX века в ар-

I. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 9. - С. 239.

мянской действительности. Названный период характеризуется для Армении наличием острых социально-политических противоречий. Развиваясь в неимоверно трудных условиях социальной эксплуатации и национального гнета, находясь в горниле столкновения политических интересов европейских государств, которые, как дамоклов меч, нависли над Западной Арменией и толкали ее на грань гибели, передовая мысль в Армении искала выход из создавшегося положения. На примере борьбы идейно-политических течений названной эпохи можно лишний раз наглядно убедиться в беспочвенности бытующих доныне взглядов, всячески игнорирующих роль малочисленных народов в общем деле политической борьбы.

Состояние изучения проблемы. Проблеме классификации идейно-политических течений и их борьбы посвящено множество монографий, сборников, научных трудов. Советскими философами создан ряд ценных трудов, посвященных главным направлениям в области философии и социологии народов России. Анализ реакционных и консервативных течений религиозно-идеалистической философии, философских и социологических взглядов деятелей либерально-буржуазных и революционно-демократических течений, сущности политической борьбы народничества получили определенное отражение в трудах по истории философии.[I]

В разработку ряда проблем, касающихся истории становления и развития общественных течений армянской действительности XIX века, весомый вклад внесли труды В.А.Аветисяна, Г.А.Ватьяна, К.А.Даниеля-

I. История философии: 6 т. - М.: Изд-во Акад.наук СССР, 1959. - Т. 4; История философии в СССР: 5 т. - М.: Наука, 1968. - Т. 3; Габриэльян Г.Г. История армянской философской мысли: 4 т. - Ер.: Айпетрат, 1959. - Т. 3 (на арм.яз.).

на, А.Г.Иоаннисяна, М.А.Мхитаряна, В.А.Рштуни, А.Б.Хачатуряна.[1]

Для выяснения мировоззренческой основы и определения критериев классификации идейно-политических течений ценную информацию содержат исследования М.Н.Акопяна, С.Ш.Зурабяна, Г.М.Казаряна, Г.К. Мирзояна, Р.П.Нанумяна, А.М.Тевосяна.[2]

Во всех вышеуказанных трудах на богатом материале печатных органов XVIII-XIX веков показана важная роль прессы названного периода

I. Аветисян В.А. Начало марксистско-ленинского этапа развития армянской общественной мысли. - Ер.: Айастан, 1976 (на арм.яз.); Ватьян Г.А. Из истории борьбы материализма против идеализма в армянской философской и естественнонаучной мысли конца XIX века. - М.: Изд-во Моск.ун-та, 1960; Даниелян К.А. Армянская народническая белетристика в XIX веке. - Ер.: АН Арм.ССР, 1973 (на арм.яз.); Иоаннисян А.Г. Налбандян и его время. - Ер.: Айпетрат, 1956. - Кн. 2 (на арм.яз.); Мхитарян М.А. Из истории восточноармянской периодической печати второй половины XIX в. ("Пордз", "Ардзаганк"). - Ер.: Изд-во АН Арм.ССР, 1976 (на арм.яз.); История армянского народа. - Ер.: Луйс, 1967. - Т. 3 (на арм.яз.); Рштуни В.А. Из истории армянских общественных течений. - Ер.: Изд-во Акад.наук Арм.ССР, 1956 (на арм.яз.); Хачатурян А.Б. История прогрессивной армянской философской и общественно-политической мысли конца XVIII - середины XIX века. - М.: Изд-во высшая школа, 1973.

2. Акопян М.Н. Журнал "Метеора" в западно-армянском просветительно-демократическом движении. - Ер.: Изд-во АН Арм.ССР, 1977 (на арм.яз.); Зурабян С.Ш. Очерки развития армянской экономической мысли. - Ер.: АН Арм.ССР, 1959 (на арм.яз.); Казарян Г.М. Арутюн Свачян. - Ер.: Сов.грох, 1981; Мирзоян Г.К. Критический анализ армянской философской мысли XVII века. - Ер.: Изд-во ЕГУ, 1983 (на арм.яз.); Нанумян Р.П. Церенц (жизнь и творчество). - Ер.: АН Арм.ССР, 1986 (на арм.яз.); Нанумян Р.П. Степанос Назарян (жизнь и деятельность). - Ер.: АН Арм.ССР, 1978; Тевосян А.М. Армянская логическая мысль XIX века. - Ер.: АН Арм.ССР, 1976 (на арм.яз.).

в борьбе за консолидацию нации и национально-освободительного движения, освещена ее роль в деле развития духовной культуры народа, уточнены некоторые подробности организации и публикации печатного дела.

Армянские философы, историки, литературоведы приложили немало усилий в деле научной разработки вопросов роли и деятельности писателей и публицистов прошлого века. Весомые исследования посвящены А.Арпиаряну, А.Айкуни, Ст.Назаряну, Ст.Воскану, М.Мамуряну, Н.Русиняну, А.Свачяну, Ст.Паласаняну, Гр.Арцруни, Гр.Чилингкиряну, А.Гарагашяну, Н.Зораяну, А.Поповичу и ряду других мыслителей эпохи. Было опубликовано значительное количество статей по оценке отдельных печатных органов.

В результате совместных усилий исследователей достигнуты значительные успехи в разработке критериев оценки места и роли идейно-политических течений 50-70-х годов XIX века, раскрыты некоторые черты лежащих в их основе классовых интересов, цель и сущность их идейной борьбы. Но вместе с тем, еще существует множество неизученных аспектов теоретического и методологического характера. В частности, до сих пор наблюдается неодинаковый подход к оценке мировоззренческих проблем данного периода и неидентичная классификация названных течений.

Цель и задачи исследования. Цель предпринятого исследования заключается в том, чтобы на основе архивных материалов, анализа содержания периодических печатных органов XIX века и с учетом имеющихся публикаций выявить социально-экономические аспекты становления и идейной направленности деятельности и борьбы идейно-политических течений 50-70-х годов XIX века, раскрыть роль этих течений в деле национально-освободительного движения армянского народа, в борьбе

за сохранение его национального облика и самобытности.

Для достижения отмеченной цели диссертант счел необходимым поставить и решить следующие исследовательские задачи:

- раскрыть последствия потери армянской государственности, внутреннюю и внешнюю политическую ситуацию Восточной и Западной Армении;

- интерпретировать причины образования армянской диаспоры, проанализировать ее роль в национально-освободительном движении армянского народа и в развитии национальной культуры;

- критически оценить бытующую практику классификации идейно-политических течений армянской действительности 50-70-х годов XIX века, уточнить сферу деятельности их представителей;

- выявить некоторые черты мировоззренческой борьбы названных течений, раскрыть их социально-классовую сущность;

- в связи с многообразной деятельностью армянской церкви дать конкретно-историческую оценку роли религии и церкви в жизни армянского народа, показать вредоносность нетерпимого поведения в отношении друг к другу религиозных общин;

- показать роль и значение органов печати идейно-политических течений 50-70-х годов XIX века в деле просвещения народа, пропаганды национально-освободительного движения и борьбы за русскую ориентацию.

Научная новизна диссертации. Тема становления, деятельности и борьбы идейно-политических течений 50-70-х годов XIX века в армянской действительности принадлежит к числу малоизученных тем в философской литературе. До настоящего времени философы в своих исследованиях не в полной мере освещали проблемы, разрабатывавшиеся на страницах армянской периодической печати XIX века; не были про-

изведены системно-целостный историко-философский анализ и идентичная классификация деятельности названных течений.

Сравнительный анализ разнобоя в классификациях идейно-политических течений свидетельствует о том, что выражавшиеся в них интересы социальных слоев не изучались с достаточной глубиной и всесторонностью. Не раскрывалась роль каждого течения в борьбе за сохранение национального облика и самобытности народа. В этом аспекте особенно важным представляется раскрытие отличительных черт деятельности религиозно-ортодоксального и национально-консервативного идейно-политических течений. В работе доказывается, что первое из них, хотя и способствовало борьбе за национальную независимость и консолидацию армян, тем не менее, являлось опорой господствующего режима, тогда как второе боролось за сохранение в чистоте национальной культуры, самосознания, этических норм, традиционных семейных отношений и, тем самым, противоборствовало ассимиляторской политике завоевателей.

На защиту выносятся следующие положения:

I. Интересы социальных классов обусловлены их неодинаковым отношением к средствам производства, а вклад крупных мыслителей, выражающих эти интересы, образует в совокупности историю духовной культуры каждого народа. Осмысливая с разных точек зрения возможности реализации поставленной перед нами цели, эти мыслители разрабатывали социально-политическую программу, выражающую интересы соответствующих классов и сословий. Для тех наций, которые находятся под игом политического режима какого-либо другого народа, борьба за внедрение в жизнь таких программ становится основным содержанием деятельности идейно-политических течений.

2. В армянской действительности 50-70-х годов XIX века сталки-

вались классовые интересы крепостников, крепостных, мелких производителей, промышленников, ростовщиков, торговцев, ремесленников, амкаров. Постепенная ломка феодальных отношений, традиций, нравов и обычаев обостряла межклассовые противоречия и борьбу идейно-политических течений. Следовательно, исследуемая эпоха более богата противоборствующими силами и соответственными течениями, чем это традиционно прослеживается в литературе.

3. Для уточнения идеологического направления деятельности представителей идейно-политических течений и их печатных органов необходимо учитывать условия и уровень развития социально-экономических отношений, классовую структуру общества, характер развертывающихся исторических событий, политический режим господствующей нации. Последний фактор имеет немаловажное значение, ибо, находясь под игом чужих народов и под воздействием их политической идеологии, деятели армянских идейно-политических течений имели весьма ограниченные возможности для открытого выражения своих классовых интересов.

4. Теоретическую основу программных действий идейно-политических течений исследуемого периода необходимо искать не только в экономических и социально-классовых отношениях в Армении и армянских колониях, но и в мировоззренческих обобщениях философских и социологических школ тех стран, где получала высшее образование армянская молодежь.

5. Традиционное осмысление роли и деятельности идейно-политических течений только по критериям революционного демократизма ограничивало возможность раскрытия всего богатства их содержания.

6. Хотя духовные отцы армянской церкви проявляли нетерпимость к общинам армянских католиков и протестантов, тем не менее, их

деятельность необходимо рассматривать в общем русле религиозно-ортодоксального идейно-политического течения, ибо она имела сходную основу и классовые интересы. Более того, деятельность названного течения не ограничивалась рамками узкоклассовых интересов. Оно проникало в сферу исследования проблем арменистики, организовывало учебное дело, способствовало сохранению культурного наследия и духовного облика народа, временами вдохновляло национально-освободительное движение.

7. Подчеркивание роли родного языка и ценностей культурного наследия в деле сохранения национальной самобытности и облика не есть проявление национализма. В борьбе против слепого подражания европейской цивилизации деятели национально-консервативного идейно-политического течения отнюдь не ставили цель изолировать народ от русла общечеловеческого развития.

8. Просветительство традиционно рассматривалось в основном как проявление духовного развития данного периода, как часть обществоведческих взглядов мыслителей, но не как отражение экономических и социально-классовых противоречий эпохи, как проявление классовых интересов определенного социального слоя или как своеобразная мировоззренческая борьба, то есть некое идейно-политическое течение. Между тем, просветительско-демократическое идейно-политическое течение в 50-70-х годах XIX века еще не исчерпало себя и не изолировалось от классовой борьбы.

9. Деятели идейно-политических течений, через печатные издания нацеливая армянский народ на русскую ориентацию, одновременно доказывали, что народ должен завоевать свободу своими силами, ибо если каждое государство борется за свои интересы, то для малочисленной нации, находящейся под властью могучего государства, сила

играет роль права, справедливость имеет две мерки.

Практическая значимость работы. Содержащийся в диссертации фактический материал, теоретические выводы и обобщения могут быть использованы в вузовском курсе лекций по истории армянской философской мысли XIX века; в спецкурсах по истории национально-освободительного движения армянского народа; по истории армянской журналистики; истории религии в Армении; при определении тематики студенческих реферативных работ по истории борьбы идейно-политических течений в армянской действительности; в лекциях, предназначенных для слушателей курсов по изучению истоков национальной культуры и этапов развития национально-освободительного движения армянского народа, а также в массовой лекционной пропаганде.

Раскрытие автором мировоззренческих основ и сущности борьбы идейно-политических течений имеет не только познавательное, но и социально-политическое значение, особенно в борьбе против наших идеологических противников.

Положения диссертации использованы при разработке тем: "Общественный прогресс"; "Роль личности и народных масс в истории"; "Религия как форма общественного сознания"; в пособии "Методические указания и примерная тематика для контрольных работ по марксистско-ленинской философии" (Ереван, 1987г., типография ЕрЗВИ, 5,5 п.л., авторы - Хачатрян Б.А., Ватьян Г.А.); в статье "О некоторых методологических аспектах интернационально-патриотического воспитания студенческой молодежи" в "Межвузовском сборнике научных трудов" (Ереван, 1987г., типография Мин.просв.Арм.ССР, 7 п.л., авторы - Ватьян Г.А., Хачатрян Б.А.).

Методология и источники исследования. Методологическую основу исследования составили труды классиков марксизма-ленинизма, армян-

ских марксистов, материалы съездов и Пленумов ЦК КПСС.

В работе широко использованы общая и специальная литература по истории философии, труды ряда авторов по истории армянской философской и общественно-политической мысли, печатные органы XIX века.

В основу работы положен диалектическо-материалистический метод исследования.

В процессе работы над диссертацией использовались также методы историко-философского анализа, сравнения, сопоставления целого и частей.

Апробация работы. Положения диссертации излагались на второй научной конференции молодых научных сотрудников Ереванского зоотехническо-ветеринарного института, посвященной 50-летию образования СССР (I972г.), на совете кафедр общественных наук Ереванского зоотехническо-ветеринарного института (I975,I978,I987г.г.), на заседании кафедры философии и научного коммунизма вышеназванного института (I97I,I98I,I985,I986,I987,I988,I989г.г.), в ИПК преподавателей общественных наук при Белорусском государственном университете им. В.И.Ленина (I975г.), при Ленинградском государственном университете им.А.А.Жданова (I98Iг.), при Киевском государственном университете им.Т.Г.Шевченко (I986г.), на годичном собрании армянского отделения философского общества СССР (I987г.), на научной конференции Ереванского зоотехническо-ветеринарного института, посвященной 70-летию Октября (I987г.).

Диссертационная работа обсуждена и одобрена на заседании кафедры философии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Киевском ордена Ленина государственном университете им.Т.Г.Шевченко (протокол № 23 от I7 июня I986г.).

Диссертация в целом обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии и научного коммунизма Ереванского ордена "Знак Почета" зоотехническо-ветеринарного института, а также на заседании отдела истории армянской философии Института философии и права АН Арм.ССР.

Структура и объем работы. Диссертация (196 страниц машинописного текста) состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы диссертации, показано состояние ее научной разработанности, определены цель и задачи исследования, научная новизна полученных выводов, обобщений и их практическая значимость, раскрыта методология и отмечены источники.

Первая глава - "Историко-философский анализ классификации идейно-политических течений армянской действительности 50-70-х годов XIX века" - состоит из двух параграфов.

В первом параграфе анализируется традиционая классификация общественных течений. В работе отмечается, что в названной области у исследователей наблюдается неидентичный подход. В научных трудах по сей день встречаются такие понятия, как: "течение", "направление", "общественное течение", "общественно-политическое течение". С помощью этих понятий исследователи обобщенно представляют литературно-публицистическую деятельность определенных групп людей-единомышленников. При таком подходе мировоззренческая сущность исследуемой проблемы не раскрывалась с достаточной глубиной. Ведь здесь мы имеем дело с деятелями-единомышленниками, которые, разрабатывая философско-социологические, политическо-правовые, нравственно-эстети-

ческие, вероисповедческие проблемы, выражали интересы определенных классов, сословий. Такую деятельность правомерно именовать "идейно-политическое течение", ибо оно охватывает высшую форму теоретического освоения социальной среды и программных действий классов, сословий.

Прежде, чем разобраться в сущности классификации идейно-политических течений, необходимо внести некоторое уточнение в их традиционные наименования, ибо среди исследователей наблюдается весьма существенный разнобой в трактовке этой проблемы: течения "клерикально-феодальное" (Зурабян С.Ш. Очерки развития армянской экономической мысли. - Ер.: АН Арм.ССР, I959. - С. 3I8); "клерикально-консервативное" (Аветисян В.А. Начало марксистско-ленинского этапа развития армянской общественной мысли. - Ер.: Айастан, I976. - С. I0I); "клерикально-амирайское" (Казарян Г.М. Арутюн Свачян. - Ер.: Изд-во Сов.грох, I98I. - С. I6) и др. Будет точнее и правомернее, если мы назовем их "религиозно-ортодоксальное идейно-политическое течение". Ведь Восточная и Западная Армения и армянские общины не жили в изолированном пространственно-временном мире. А деятельность духовенства, включая мхитаристов, нельзя односторонне оценивать как клерикальную. Не принимая за абсолютную истину высказывания Раффи о том, что клерикализм противен духу нашей церкви, которая имеет исключительно народный характер, уместно отметить, что религия и церковь в жизни армянского народа играли неодинаковую роль. В статье "Общественно-политические течения у восточных армян в 50-60-х годах XIX века" А.Иоаннисян говорит о "национально-либеральном", "либерально-вольнодумном", "либерально-консервативном" общественно-политических течениях. При внимательном анализе нетрудно убедиться, что речь здесь идет о либерально-буржуазном и

национально-консервативном идейно-политических течениях.

Ряд исследователей в своих трудах неопределенно именует революционных демократов и просветителей "демократами". По причине такой недифференцированной трактовки просветительство как самостоятельное идейно-политическое течение 50-70-х годов XIX века осталось по сути дела вне поля зрения исследователей.

Во втором параграфе, на основании историко-философского анализа источников по проблеме классификации общественных течений, делается попытка в направлении уточнения и расширения этого понятия. Отмечается, что история армянской философской мысли должна широко включать в себя также историю становления и деятельности идейно-политических течений, ибо на страницах их печатных органов отражены экономические противоречия эпохи, мировоззренческая борьба классов, духовная культура народа. Но в деле изучения корней возникновения, сферы действия, исторических заслуг идейно-политических течений наблюдается немало белых пятен. Трудность исследования идейно-политических течений заключается в том, что писавшие о них авторы до сих пор в основном руководствовались критериями экономического и политического характера. В.Рштуни выделяет в пореформенной армянской действительности буржуазное (с консервативным и либеральным крылом) и демократическо-народническо-социалистическое (как антикапиталистическая мелкобуржуазная оппозиция) общественные течения. При такой постановке проблемы мировоззренческий аспект социально-классовых интересов отражается в слабой степени. Этот пробел частично преодолевается в вузовском учебнике "История армянского народа" (Ереван, 1967. - Т. 3), где отмечается, что общественно-политические течения формировались в соответствии с социальным расслоением общества, и выделяются течения "клерикально-

феодальное", "либерально-буржуазное", "революционно-демократическое". Однако "национально-консервативное" течение необоснованно объявляется промежуточным. А в трудах Г.Габриэльяна, С.Зурабяна, В.Аветисяна и ряда других исследователей последнее смешивается с религиозным течением. Критикуя тех исследователей, которые интерпретировали "национально-консервативное" и "клерикально-феодальное" течения как единый лагерь клерикализма и отсталости, Арт.Воскерчян доказывал, что названные течения нужно рассматривать самостоятельно, с точки зрения их социально-классовой принадлежности. Такую точку зрения развивали в своих трудах Г.Казарян, М.Мхитарян, отвергавшие мнение тех исследователей, которые находят, что идеологи национально-консервативного течения являлись выразителями интересов армянских феодалов и реакционных клерикалов.

Историко-философский анализ трудов вышеназванных и ряда других авторов показывает, что в области как истории философии, так и других обществоведческих наук отсутствует единообразный подход к проблеме исследования идейно-политических течений. Не умаляя заслуг предыдущих исследователей и не претендуя на всеобъемлющую дифференциацию существовавших течений, считаем, что в 50-70-х годах XIX века в армянской действительности активно функционировали: религиозно-ортодоксальное, национально-консервативное, просветительско-демократическое, революционно-демократическое, либерально-буржуазное, народническо-мелкобуржуазное идейно-политические течения.

Вторая глава - "Историко-философский анализ становления идейно-политических течений в армянской действительности 50-70-х годов XIX века".

В первом параграфе раскрывается мировоззренческая основа идейно-политических течений. Важное место отводится выяснению классо-

вых интересов, нравственных черт и психологии социальных слоев, причин межклассовых противоречий, дискриминации в межнациональных отношениях, последствий господствующей в этой области государственной политики.

Во втором параграфе анализируется социально-классовая сущность деятельности представителей идейно-политических течений. По каждому течению выделяются следующие аспекты:

1. Истоки религиозно-ортодоксального идейно-политического течения берут начало от мировоззрения средневековых апологетов христианства, которое продолжало эффективно функционировать в XIX веке. На страницах печатных органов "Арарат", "Парос", "Парос Айастани", "Масяц агавни", "Уйс", "Сион", "Базмавеп" и др. духовные отцы церкви: Г.Айвазовский, О.Чамурчян, М.Исерлян, С.Джалалян, С.Утючян, Ст.Папазян и многие их единомышленники защищали интересы духовенства, национальной знати и господствующего политического режима. Отвлекая внимание общества от насущных социальных проблем, унижая достоинство человека перед лицом творца, идеологи названного течения скрывали причины социальных противоречий за завесой богословской проблематики и доказывали, будто всякая классовая борьба разлагает нравы, причиняет ущерб нации. Вероисповедание религиозно-ортодоксального идейно-политического течения, разрабатывавшиеся им проблемы основывались на идеалистическом мировоззрении и были по своей сущности реакционными. Но в деятельности церкви имеется и немало положительного. В этом аспекте особо значительную роль играла армянская католическая конгрегация мхитаристов, которые, хотя и держались в стороне от социальных бурь, но сделали немало полезного в области исследования проблем арменистики.

2. Провинциальная интеллигенция, в основном писатели и публи-

цисты 50-х годов XIX века, выражая интересы мелких производителей, ремесленников и средних крестьян, положили начало национально-консервативному идейно-политическому течению. На страницах печатных органов "Арцви Васпуракан", "Арцвик Тароно", "Мегу Айастани", "Крунк Айоц ашхари", "Айкакан Ашхар", "Манкаваржакан терт", "Нор дар", "Пордз", "Ардзаганк" П.Симонян, Г.Срвандзтян, М.Хримян, М. Агабекян, Г.Евангулян, А.Оганесян, Сп.Спандарян, А.Бабаян, П.Варданян, К.Езян, С.Степанян и их единомышленники, стремясь к сохранению в неизменном виде национальных традиций, культуры, этических норм, обрядов, пропагандировали ту идею, что религия и язык являются теми двумя мощными опорами, на которых должно основываться здание умственно-морального прогресса армянского народа. Убеждая народ, что для разделенной на части армянской нации связывающим звеном являются национальный язык, литература, религия и церковь, они боролись против слепого подражания европейской цивилизации, за сохранение национального облика, тем самым способствуя противостоянию ассимиляторской политике царской России и османской Турции.

3. Просветительско-демократическое идейно-политическое течение формировалось в ХVШ веке в антифеодальной классовой борьбе с целью утверждения буржуазных отношений и национально-освободительного движения против персидских и турецких завоевателей, с целью создания под эгидой России полузависимой (а при благоприятном исходе дел - независимой) республики. Идеи М.Эмина, Ш.Шаамиряна, М. Баграмяна в XIX веке развивали Х.Абовян ("Раны Армении"), Церенц ("Торос, сын Левона", "Теодорос Рштуни"), Р.Патканян ("Вольные песни", "Открытый двор", "Война"), С.Шахазиз ("Скорбь Левона"), Раффи ("Салби", "Гарем") и др. В отличие от других течений, просветительско-демократическое идейно-политическое течение выражало интересы

не того или иного конкретного класса, а народа в целом. Борьба за коренное изменение социальной среды велась как борьба за просвещение народа. На страницах печатных органов "Цахик", "Аревмутк", "Еркрагунт", "Метеора", "Юсисапайл", "Дпроц" деятели названного течения стремились путем просвещения общества избавить его от порочных явлений, свойственных крепостническим отношениям, в корне преобразовать церковную службу и духовенство. Главной отличительной чертой названного течения является то, что просветительская деятельность рассматривается как средство преобразования экономических и социально-классовых отношений, а положительное значение науки выводится за рамки национальных особенностей.

4. Расширяя связи национально-освободительного движения с русским, итальянским и польским революционными движениями, М.Налбандян, А.Свачян, М.Мамурян, А.Парсиян, Г.Чиликирян, А.Айкуни, Ст.Воскан, К.Паносян, С.Тагворян, А.Айватян и их единомышленники на страницах печатных органов "Мегу", "Юсисапайл", "Аревмутк", "Цахик", "Татрон", "Пох аравотян", "Аревелян мамул" и др. разоблачали реакционную сущность господствующего политического режима и вскрывали причины нищеты народных масс. Направляя острие своей борьбы против социального порабощения, они доказывали, что богатством и благополучием наслаждаются лишь привилегированные сословия, а остальные, отверженные рабы, должны возродиться и разорвать цепи рабства путем восстания. Выражая классовые интересы крестьянства, деятели названного течения считали, что в случае, если создать крестьянскую общину, где земля будет разделена между всеми членами общества поровну, будет восстановлена социальная справедливость.

5. Либерально-буржуазное идейно-политическое течение формиро-

валось в 50-х годах XIX века как выражение классовых интересов вновь формировавшейся армянской промышленной буржуазии. Идеологи названного течения: Н.Зораян, Р.Русинян, К.Утучян, Гр.Отян, Гр. Арцруни и их единомышленники критиковали на страницах печатных органов "Масис", "Мшак", "Пундж", "Аревелян мамул" и др. отсталые крепостнические отношения, боролись за буржуазные преобразования в армянском обществе. Пропагандируя значение естественных наук в деле освоения природных ресурсов страны, они старались пробудить "спящие силы" общества к активной деятельности и вывести народ из-под влияния религиозного суеверия. Но, обнажая теневые стороны деятельности духовенства, доказывая, что религия не является родовым, национальным признаком, они тем не менее не порывал.. окончательно связи с религией, а лишь довольствовались реформистскими требованиями, убеждая своих соотечественников, что в деле выживания армянского народа основная роль принадлежит языку и культуре. Являясь активным поборником национально-освободительного движения против турецкого ига, деятели названного течения осуждали всякие революционные идеи и попытки революционного решения социальных проблем.

6. О народническо-мелкобуржуазном идейно-политическом течении в работе говорится, что студенты-армяне в 70-х годах XIX века, общаясь в учебных заведениях Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы и др. городов с русскими народниками, впоследствии становились активными пропагандистами их идей в армянской действительности. С.Ахумян, Г.Мирзоян, А.Петросян, Г.Караджян, Х.Микаелян, Н. Алиханян, А.Сафарян, А.Кочарян, П.Аргутян и многие их единомышленники защищали на страницах печатных органов "Горц", "Мшак", "Мегу Айастани", "Пордз" и в других публикациях интересы обездоленных низов общества и бедных крестьян. Находясь на позициях мелкобуржу-

авнего утопического социализма, они рассчитывали добиться переустройства общества путем просвещения народа и побуждения крестьян к борьбе против эксплуататоров. В этом деле вся надежда возлагалась на сильных личностей. Однако переоценивая роль крестьянства, армянские народники в то же время недооценивали роль пролетариата в классовой борьбе. Вследствие этого они не умели дойти до причин социального неравенства и полагали, что основным злом для провинциального крестьянства являются злоупотребления помещиков и ростовщиков. Но усилия армянских народников не пропали даром. На ошибках этих честных борцов учились будущие армянские революционеры.

Третья глава - "Основные проблемы борьбы идейно-политических течений".

В первом параграфе исследуется процесс развития национально-освободительного движения армянского народа против персидских и турецких завоевателей, раскрывается роль печатных органов в деле пропаганды русской ориентации. Отмечается, что стремление армян с помощью русского народа освободить родину из-под гнета иноземных захватчиков ставилось в качестве основной цели еще в ХУШ веке. А после присоединения в 1813 г. Карабахского ханства и в 1828 г. северо-восточной части Армении к России эта цель стала неотъемлемой частью стратегического плана национально-освободительного движения. В XIX веке, в обстановке обострения межгосударственных и межнациональных противоречий крайне ухудшилось положение западных армян. Живя в окружении отсталых племен и подавляемые турецкими властями, унижаемые мусульманским мракобесием, лишенные возможности самозащиты, армяне в Западной Армении настойчиво пытались найти справедливость в сфере лицемерной государственной политики. И хо-

тя время от времени органы печати "Аревелян мамул", "Драгир", "Масис", "Мегу Айастани" и др. попускали возможность того, что под покровительством Англии и Франции можно вынудить Порту внедрить в Западной Армении конституционные порядки и улучшить жизнь армян, главной в полемике идейно-политических течений была мысль о том, что у каждого государства есть свои политические интересы, и единственное государство, на которое армяне могут возлагать надежды, - это Россия. В 60-х годах XIX века, благодаря деятельности М.Налбандяна, проблема освобождения Западной Армении получила отражение на страницах "Колокола" Герцена; тем самым идея о русской ориентации как проявлении национально-освободительного движения воплотила в себе черты социально-классовой борьбы. Характерной особенностью борьбы идейно-политических течений этого периода является призыв всех армян отставить в сторону всякие религиозные и идейные разногласия и сосредоточить все силы на воссоединении обеих частей Армении, на сохранении своего национального облика.

Во втором параграфе представлены основные черты борьбы идейно-политических течений за выживание нации и за сохранение ее самобытности. Отмечается, что хотя и на страницах печатных органов разных направлений критиковалась деятельность духовенства, реакционная сущность религии, но высоко оценивалась роль армянской апостольской церкви в деле сохранения национального облика как в самой Армении, так и в армянской диаспоре.

На основе анализа материалов газеты "Голос" раскрывается реакционная сущность национальной политики царской России в отношении народов Закавказья; вместе с тем подчеркивается, что, хотя и в полемике о роли национальных языков местных народов в царской прессе царил дух национального порабощения и шовинизма, тем не ме

нее, представители существовавших идейно-политических течений не игнорировали роль положительных ценностей в культурном наследии России и европейских народов в деле развития национальной культуры. Одновременно, доказывая вредность слепого подражания чужим культурным ценностям, они разъясняли, что в составе большого государства малые нации не являются хозяевами своей судьбы и могут запутаться в сетях политических интриг.

Заключение содержит краткие теоретические выводы и рекомендации.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

I. Хачатрян Б.А. Взгляды Григора Арцруни домшакского периода //Тезисы докладов второй научной конференции молодых научных сотрудников Ереванского зооветеринарного института, посвященной 50-летию образования СССР. Ереван, 1972. - С. 79-80.

2. Хачатрян Б.А. К вопросу о классификации идейно-политических течений армянской действительности 50-70-х годов XIX века //Тезисы докладов научной конференции, посвященной 70-летию Октября. Ереван, 1987. - С. 112.

3. Хачатрян Б.А., Ватьян Г.А. О некоторых методологических аспектах интернационально-патриотического воспитания студенческой молодежи //Методологические и социологические вопросы коммунистического воспитания студенчества. Межвузовский сборник научных трудов. Ереван, 1987. - С. 6-17.

4. Хачатрян Б.А., Ватьян Г.А. Методологические указания и примерная тематика контрольных работ по марксистско-ленинской философии для сельскохозяйственных институтов, тема 40; 50; 54. Ереван, 1987. - С. 61-62; 74-75; 79-80.

5. Хачатрян Б.А. К вопросу о деятельности передовых армянских мыслителей 50-70-х годов XIX века в борьбе за русскую ориентацию //Тезисы докладов научной конференции, посвященной 60-летию Ереванского зооветинститута. Ереван, 1988. - С. 118.

6. Хачатрян Б.А. К вопросу о деятельности идеологов армянского либерально-буржуазного идейно-политического течения //Тезисы докладов 3-й Республиканской конференции аспирантов Армянской ССР, посвященной 70-летию ВЛКСМ. Ереван, 1989. - С. 4.

Заказ 27 ВФ Тираж 100

Заказ принят 9.10.90 подписано к печати 11.10.90

Формат 60x84/16 объем печ. листов

Уч. изд. лист 1,8 Бесплатно.

375025 Ереван 25 ул. Абовяна 52

Отдел издательства и оперативной полиграфии ЕрИНХ-а

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи
УДК 491.981

АБАДЖЯН АННА ГЕНРИКОВНА

ПРОШЕДШЕЕ СОВЕРШЕННОЕ ВРЕМЯ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность: 10.02.02 - Языки народов СССР (армянский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук

ЕРЕВАН - 1992

Работа выполнена на кафедре армянского языка Ереванского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор М.Е.Асатрян

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, профессор Г.А.Арутюнян;
кандидат филологических наук, доцент А.А.Марутян

Ведущая организация – Гюмринский армянский педагогический институт им. М.Налбандяна.

Защита диссертации состоится "26" мая 1992г., в 2 часов на заседании специализированного совета Д 055.01.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Ереванском государственном университете.

Адрес специализированного совета – 375049, Ереван, ул.Мравяна – I.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ереванского государственного университета.

Автореферат разослан "24" апреля 1992г.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА П. Хачат. ХАЧАТРЯН П.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Хотя грамматические исследования армянского языка берут свое начало еще с конца 18-го века и интенсивно развиваются в 19-ом и 20-ом веках, тем не менее аналитические труды, посвященные изучению отдельных грамматических категорий в историческом разрезе, и по сей день составляют относительно небольшое число. Между тем именно эта проблема была и остается одной из наиболее важных и существенных объектов языкознания. И в этом смысле предлагаемое исследование весьма актуально, ибо может внести определенный вклад в развитие и обогащение исторической грамматики армянского языка.

Научная новизна. В трудах по исторической грамматике армянского языка историческое развитие прошедшего совершенного времени не выделялось в качестве объекта специального исследования, хотя в отдельных работах, посвященных истории языка, этой проблеме уделялось определенное внимание, которое сводилось преимущественно к освещению разных периодов. Настоящая диссертационная работа представляет собой попытку целостного исследования прошедшего совершенного времени в армянском языке. Поскольку армянский язык является одним из индоевропейских языков, истоки как языка, так и указанной грамматической категории, следует искать в историческом периоде индоевропейского единства, и в этом смысле в первую очередь необходимо выявить параллели между прошедшим совершенным временем в армянском и других индоевропейских языках.

С точки зрения генеалогической классификации основные грамматические реалии любого языка восходят к доисторическому периоду, и как поиск их первооснов и основ, так и прослеживание их дальнейшего исторического пути может оказаться не только весьма непростой, но и невыполнимой задачей.

Именно поэтому нами выбран, возможно, более верный путь: в общих чертах обратившись к вопросам возникновения прошедшего совершенного времени, подробно представить историческое развитие этой грамматической категории, охватив период с пятого века до наших дней.

Изучив источники пятого века, с которых начинается древний период истории армянского языка, и представив парадигмы спряжения глаголов прошедшего совершенного времени, включая каждый

тип спряжения в отдельности, равно как и неправильные глаголы или исключения, автор диссертационной работы описал все те изменения, которым подверглись формы прошедшего совершенного времени в постграбарский (постдревнеармянский) период, а именно: в литературном среднеармянском, в армянских диалектах и восточноармянском и западноармянском литературных языках.

Проведенное на основе богатого фактического материала исследование изменений прошедшего совершенного времени в процессе исторического развития языка подтвердило высказанную армянскими грамматистами точку зрения, согласно которой за период, охватывающий У-ХХ века, то есть, за 1600 лет, указанная грамматическая категория, фактически, не претерпела существенных смысловых и функциональных изменений. Разумеется, есть отдельные различия, которым в диссертационной работе уделено должное внимание.

Цель и задачи исследования. Перед автором диссертационной работы была поставлена цель показать развитие прошедшего совершенного времени, а также изменения этой категории в разные периоды развития армянского языка: в древнеармянском, литературном среднеармянском, диалектах и двух разновидностях современного литературного армянского языка.

Понятно, что это временное разграничение армянского языка весьма условно. Именно поэтому мы старались показать в диссертационной работе, что в среднеармянском функционировали также формы, характерные для грабара, а в современном армянском языке используются формы, свойственные среднеармянскому. Эти явления можно объяснить письменными традициями.

Теоретическое и практическое значение исследования. Теоретическое значение диссертационной работы заключается в том, что исследование еще раз демонстрирует, что основы грамматического строя армянского языка с древнеармянского периода по сей день развивались путем постепенных изменений, а сам процесс носил непрерывный характер. Если учесть еще и то обстоятельство, что на протяжении своего как минимум пятнадцативекового развития прошедшее совершенное время в армянском языке не претерпело серьезных смысловых и функциональных изменений, можно глубже вникнуть в основную суть характерных особенностей грамматического строя языка, их стабильность, устойчивость, сопротивляемость и во многих случаях непрерывность.

Исследование имеет и определенное практическое значение. В виде специального лекционного курса оно может преподаваться на филологических факультетах студентам, специализирующимся в области лингвистики. Результаты исследования могут способствовать прояснению некоторых вопросов, связанных с изучением изменений, имевших место в грамматическом строе древнеармянского языка, а также обоснованию теоретических вопросов относительно стабильности грамматической системы в разные периоды развития языка.

Материал исследования. Материалом исследования явились как уже существующие научные работы, затрагивающие данную область арменоведения, так и первоисточники, а именно: фактический багаж, предоставленный грабаром, литературным среднеармянским, диалектами, а также восточноармянским и западноармянским литературными языками.

Методы исследования. В процессе работы диссертантом использованы следующие методы лингвистического исследования: исторический, аналитический и сравнительный. Однако основным методом исследования является исторический, когда в качестве основы берется система прошедшего совершенного времени древнеармянского языка и затем прослеживаются те изменения, которые произошли с этой грамматической категорией в процессе дальнейшего развития армянского языка.

Апробация работы. Диссертационная работа была обсуждена на кафедре современного армянского языка Ереванского государственного университета, одобрена и рекомендована к защите.

По теме диссертационной работы опубликованы одна лекция и одна статья.

Структура и объем работы. Диссертационная работа состоит из предисловия, введения, четырех глав и списка использованной литературы. Объем работы - 162 машинописных страницы. Список использованной литературы содержит III наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В Предисловии вкратце обсуждаются основные исследования в области исторической грамматики армянского языка, обосновываются актуальность темы, теоретическое и практическое значение исследования, его цель и задачи, методы и структура.

Во Введении рассматриваются представления о грамматической

категории времени, нашедшие отражение в современных армянских грамматических учениях.

Грамматическая категория времени есть один из способов отражения гносеологической категории времени в языке. В лингвистике грамматическое время принято считать грамматической категорией, свойственной глаголу. Очень часто его называют глагольным временем.

В современной лингвистике четко разграничиваются реальное и грамматическое времена, а во временных отношениях "стал доминировать принцип принятия более одной точек отсчета.

В системе категории времени наиболее общими и распространенными граммемами являются настоящее, прошедшее и будущее, которые в языке зачастую не соответствуют реальным настоящему, прошедшему и будущему.

В лингвистике действие, происходящее в момент речи, принято называть настоящим, предшествующее моменту речи - прошедшим и следующее за моментом речи - будущим временем.

Научная классификация времен и наклонений глагола в восточноармянском языке принадлежит видающемуся арменоведу М.Абегяну.

В "Теории армянского языка" он пишет: "Под временем глагола мы подразумеваем время, когда происходит действие: в момент речи (настоящее время), в период, предшествующий моменту речи (прошедшее время) или в период, следующий после момента речи (будущее время)".[1]

Наряду с грамматической категорией времени М.Абегян вводит понятие вида глагола и дает его научное обоснование: "От времен глагола нельзя отделять его виды, которые показывают, каким свойством обладает действие в отношении определенного - настоящего, прошедшего и будущего - момента времени".[2] В современном армянском языке он выделяет четыре вида: совершающийся (несовершенный), совершенный, подлежащий совершению и простой. Согласно Абегяну, простые формы глагола, которые являются одновременно простыми видами, показывают действие, а составные времена образуют несовершенный, совершенный и подлежащий совершению виды.

М.Абегян отмечает также, что причастные формы выражают вид глагола, а вспомогательный глагол - время, в отношении которого

I М.Абегян. Теория армянского языка, Ереван, 1965, с.299 (на арм.яз.).

2 Там же.

берется действия.[I]

А.Гарибян, исследуя времена глагола, особое внимание уделяет двучленной оппозиции глагольных форм. Он отмечает, что причастные формы выражают соответственно понятие находящегося в процессе, подлежащего совершению или уже совершенного действия, а вспомогательные глаголы - отношение выраженных причастными формами действий к настоящему или прошедшему времени.

В отличие от М.Абегяна, А.Гарибян ряду простых глагольных форм также приписывает виды времени и действия (будущее и будущее в прошедшем желательного, условного и принудительного наклонений).[2]

Абегяновское учения о видах нашло своего сторонника и последователя в лице Г.Севака. Ученый-лингвист различает несовершенный, совершенный, подлежащий совершению (причастные формы + вспомогательный глагол) и простой (простые временные формы) виды.[3]

Согласно Г.Джаукяну грамматическая категория времени предполагает ситуативное и неситуативное время. Ситуативное время показывает момент речи, а неситуативное - последовательность. Неситуативное время выражается аналитическими структурами. Изучая синтетические формы, Г.Джаукян замечает, что временные различия выражаются в первую очередь посредством личных окончаний и "в плане содержания образуют оппозицию непрошедшее-прошедшее время".[4]

Для синтетических форм ученый различает два вида - несовершенный и совершенный, которые выражаются специальными частицами и нулевой формой.

В своих исследованиях к грамматическим категориям времени и вида глагола специально обращался и Э.Агаян.[5] За исключением вопроса, касающегося результативного причастия, он почти полностью принял абегяновское учение о видах.

Категории времен и глагола вида подробнейшим образом исследо-

---

I М.Абегян. Указ. соч., с.558.

2 А.Гарибян. Методика преподавания армянского языка, Ереван, 1954, с.304 (на арм.яз.).

3 Г.Севак. Курс современного армянского языка, Ереван, 1955, с. 306 (на арм.яз.).

4 Г.Джаукян. Развитие и структура армянского языка,Ереван, 1969, с.269 (на арм.яз.).

5 Э.Агаян. Склонение и спряжение в современном армянском языке, Ереван, 1967 (на арм.яз.).

ваны в работе О.Барсегяна "Глагольное спряжение в современном армянском языке". "Под временем глагола следует понимать отношение действия к моменту речи или взятого в отношении последнего какого-либо прошедшего или будущего отрезка времени".[I]

Ученый полагает, что соотношением причастных форм и вспомогательного глагола выражается грамматическая категория времени, причем, причастная форма выражает понятие состояния действия, а вспомогательный глагол указывает отрезок времени. О.Барсегян принимает абегяновское учение о видах, различая совершаемый, подлежащий совершению, совершенный и простой виды.

Следует отметить, что в трудах по грамматике современного армянского языка часто выдвигается положение, согласно которому в аналитических формах глагола современного армянского языка грамматическая категория времени выражается единством причастных форм и вспомогательного глагола.[2] Понятно, что в этом случае в аналитических формах изъявительного наклонения будут различаться шесть времен: несовершенное настоящее, несовершенное прошедшее, перфект, плюсквамперфект (давнопрошедшее), будущее настоящего, будущее прошедшего.

Небольшой параграф, следующий после Введения, посвящен вопросу <u>возникновения прошедшего совершенного времени</u>.

В армянской лингвистической литературе получает распространение положение, согласно которому армянский язык, фактически, отказался от индоевропейского совершенного времени (parfait). Из числа неитеративных форм совершенного времени в армянском языке сохранилось два глагола" <u>գոմ</u> (гом) и <u>գիտեմ</u> (гитэм). գոմ соответствует гот. was - "был (а)", а <u>գիտեմ</u> - санскрт. véda , гр. ϝοῖδα гот. wait .

Единственным следом, оставшимся в армянском языке от итеративного совершенного времени, является форма <u>արարի</u> (арари) глагола առնեմ (арнэм).[3]

I О.Барсегян. Глагольное спряжение в современном армянском языке, Ереван, 1953, с. 139 (на арм.яз.).

2 См. М.Асатрян. Вопросы морфологии современного армянского языка, Ш, Ереван, 1977; С.Абрамян. Грамматика современного армянского языка, Ереван, 1969; С.Абрамян, Н.Парнасян, Г.Оганян. Современный армянский язык, т.2, Ереван, 1974; Р.Ишханян. Склонение и спряжение в современном армянском языке, Ереван, 1971 (на арм.яз.)...

3 См. Р.Ачарян. Полная грамматика, т.4, Ереван, 1959, с.365--366; Т.Карагюлян. Возникновение системы спряжения в древнеармянском, Ереван, 1961, с.65 (на арм.яз.).

Глава первая. Прошедшее совершенное время в грабаре. Если обойти вниманием составные времена, которые в грабаре имеют ограниченную сферу применения (в особенности времена, образованные при участии будущего причастия, как то: տեսանելոց եմ (тэсанэлоц эм), տեսանելոց էի (тэсанэлоц эи), տեսանելոց իցեմ (тэсанэлоц ицем), то в древнеармянском можно различить следующие наклонения и времена: изъявительное наклонение - настоящее (գրեմ - гър'эм), прошедшее несовершенное (գրէի - гр'эи), прошедшее совершенное (գրեցի - гр'эци); сослагательное наклонение - первое будущее (գրիցեմ - грицэм), второе будущее (գրեսցիս - гр'эщиц) и повелительное наклонение (գրեա - гр'эа), которое обычно соотносится с будущим временем.

В древнеармянском языке из основ настоящего и совершенного времени образуются как простые времена глагола, так и неличные формы.

Прошедшее совершенное время образуется в результате присоединения к основе совершенного времени соответствующих персонных (лицеопределяющих) флексий. В грабаре по своему видо-временному значению прошедшее совершенное время является почти моносемичной глагольной формой, которая в процессе исторического развития армянского языка не претерпела существенных смысловых изменений. Лучшее определение значения прошедшего совершенного времени дано, на наш взгляд, в работе М.Абегяна "Теория армянского языка": "Прошедшее совершенное время, - пишет ученый, - показывает всего лишь нечто, случившееся в прошедшем отрезке времени".[1]

Окончания прошедшего совершенного времени в древнеармянском традиционно делятся на две группы: действительнотипные и страдательные.

	Действительнотипные		Страдательнотипные	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
I л.	-ի (-и)	-աք (-ак)	-այ (а)	-աք (-ак)
П л.	-եր (-эр)	-էք,-իք (-эк,-ик)	-ար (-ар)	-այք (-а к)
Ш л.	-	-ին (-ин)	-աւ (-ав)	-ան (-ан)

В грамматиках древнеармянского языка последнего периода принимаются также, так называемые, смешанные окончания,[2] которые пред-

---

I М.Абегян. Теория армянского языка, Ереван, 1965, с.562.

2 См. П.Шарапханян. Курс грабара, Ереван, 1974, с.183; Г.Аветисян, Р.Казарян, Пособие по грабару, Ереван, 1986, с.3I; Р.Казарян, Г.Аветисян. Курс истории армянского языка, Ереван, 1989, с.94 (на арм.яз.)...

ставлены следующим образом:

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л.	-եայ (-эа)	-եաք (-эак)
II л.	-եար (-эар)	-եայք (-эа к)
III л.	-եաւ (-эав)	-եան (-эан)

Мы не относим эти окончания к отдельному типу, поскольку они, фактически, являются разновидностями страдательнотипных флексий прошедшего совершенного времени, функционирование которых объясняется наличием совершенного времени, имеющего в своей структуре составляющий элемент -ի (-и).

Как видим, второе лицо множественного числа действительнотипного спряжения прошедшего совершенного времени имеет окончание -էք (-эк) или -իք (-ик). Древнейшей формой следует считать -էք (-эк), поскольку -իք (-ик) является формой, принятой ашхарабаром (новоармянским) и возникшей по аналогии с третьим лицом множественного числа.[I]

В более поздний период развития армянского языка окончание -էք (-эк) превратилось в -իք (-ик), чтобы отличаться от форм повелительного наклонения.

Исследование состава прошедшего совершенного времени древнеармянского языка целесообразно проводить по типам спряжений -է (э), -ի (и), -ա (а), -ու (у).[2]

"Э"-флективное спряжение. В соответствии с особенностями состава прошедшего совершенного времени глаголы "э"-флективного спряжения делятся на две группы: простые и производные.

По нашим подсчетам, общее число древнеармянских глаголов в НАС-е составляет 6648. Большое число составляют простые глаголы ")"-флективного спряжения - 3023, как-то: գրեմ (гр'эм), սիրեմ (сир'эм), վազեմ (ваз'эм), պնդեմ (пынд'эм) и т.д. Если прибавить к ним 227 глаголов, имеющих параллельные формы եմ // իմ (эм//им), которые относятся к среднему залогу (դաւանեմ // դաւանիմ (даван'эм) даваним; դատեմ // դատիմ (дат'эм/датим), то общее число простых глаголов "э"-флективного спряжения составит 3250, то есть, приблизительно половину всех глаголов, функционировавших в грабаре.

I Р.Ачарян. Полная грамматика, т.4, с.307.

2 Новый словарь армянского языка, т.I,2, Ереван, 1979, 1981.

Прошедшее совершенное время этих глаголов имеет "ц"-основу, спрягаются они по парадигме действительнотипного спряжения.

Если третье лицо единственного числа прошедшего совершенного времени выражено односложным глаголом, то перед согласным звуком он может получать приращение (augmentum (ե /), а перед гласним эвком - է (э), которое древнеармянскому досталось в наследство от индоевропейского праязыка. Кроме армянского, это приращение функционирует также в греческом и индоиранских языках. Как отмечает Р.Ачарян, в армянском языке глаголы с начальним гласным звуком изначально не имели приращений, и формы էած (эатц'), էօծ (эотц') представляют собой образования более позднего периода.[1]

В НАС-е зафиксирован 23I производный глагол "э"-флективного спряжения, причём, I37 из них имеют суффикс ան (ан): տեսանեմ (тесанэм, գտանեմ (гътанэм), դիզանեմ (дизанэм), 67 - суффикс ն(н): յառնեմ (арнэм), աղնեմ (а пнэм), и I3 - суффикс չ (ч), նչ (нч), անչ (анч): ճանաչեմ (тч'аначэм), մեղանչեմ (механчэм).

I4 из производных глаголов "э"-флективного спряжения имеют параллельные формы с իմ(им): յարկանեմ // յարկանիմ (арканэм // арканим). В прошедшем совершенном времени эти глаголы имеют корневую основу и спрягаются по парадигме действительнотипного спряжения.

Когда простые и производные действительные глаголы "э"-флективного спряжения выражают значение страдательного залога, они получают окончания այ (а), ար (ар), աւ (ав), աք (ак),այք (аjк), ան (ан), которые присоединяются к основе прошедшего времени գտի (гъти), գտեր (гътэр), եգիտ (эгит)... - действ: գտայ (гъта), գտար (гътар), գտաւ (гътав)... - страд.

"И"-флективное спряжение. В соответствии с особенностями состава прошедшего совершенного времени, глаголы "и"-флективного спряжения делятся на две группы: простые и производные. По нашим подсчетам, в НАС-е к "и"-флективному относится I05I глагол, из коих 903 являются простыми: նայիմ (на им), խօսիմ (хосим), բազմիմ (базмим) и т.д. Совершенное время этих глаголов имеет "ц"- основу, спрягаются они по парадигме страдательнотипного спряжения.

В НАС-е зафиксировано всего I02 производных глагола "и"-флек-

---

I См. Р.Ачарян. Указ.соч., с.277-278.

тивного спряжения, из коих 70 имеют суффикс ան (ан): սկսանիմ (скъсаним), հագանիմ (аганим) и т.д., а 32 – суффиксы ն (н), նչ (нч): թռչիմ (търчим), կարչիմ (карчим), մարտնչիմ (мартънчим) и т.д. Основа прошедшего совершенного времени производных глаголов с суффиксом ան (ан) "и"-флективного спряжения – корневая.

В одной и той же форе эти глаголы выражают значение как действительного, так и страдательного залога: ծնայ (тц'ъна), ծնար (тц'нар), ծնաւ (тц'ънав)...

Производные глаголы "и"-флективного спряжения с суффиксами չ (ч), նչ (нч) получают окончания եայ (эа), եար (эар), եաւ (эав)... Следует отметить, что сфера охвата глаголов "и"-флективного спряжения значительно расширятся за счет "э"-флективних переходных глаголов страдательнотипного спряжения.

<u>"А"-флективное спряжение</u>. В соответствии с особенностями состава прошедшего совершенного времени глаголы "а"-флективного спряжения древнеармянского языка делятся на две группы: простые и производные. По нашим подсчетам, в НАС-е зафиксировано II50 глаголов "а"-флективного спряжения, из коих простыми являются всего 2I4: աղամ (ахам), կարդամ (кардам): գթամ (гътам) и т.д. I5 из этих 2I4 глаголов имеют параллельные формы, причем I0 – формы ամ // եմ ам/эм): հազամ // հազեմ (азам // азэм), а 5 – формы ամ // իմ(ам//им): տրփամ // տրփիմ (търпам // търпим).

В грабаре простые глаголы "а"-флективного спряжения имеют "ц"-основу, а изменяются они по парадигме действительнотипного спряжения.

В НАС-е зафиксировано 936 "а"-флективних производных глаголов. Наиболее активно функционирует суффикс ան (ан), который имеют 892 глагола: մոռանամ (моранам), զարմանամ (зарманам) и т.д. 4 из этих глаголов имеют параллельные формы ամ // իմ (ам // им): առաւելանամ // առաւելանիմ (аравеланам // аравеланим). Суффикс են (эн) имеют 26 глаголов: կամենամ (каменам), մերձենամ (мердзенам), а суффикс ն (н) – I8 глаголов: դառնամ (дарнам), բառնամ (барнам), բանամ (банам) и т.д. Эти глаголы в прошедшем совершенном времени имеют "ц"-основу. Независимо от залога они получают страдательнотипные окончания, из которых окончания среднего залога выражают нейтральное значение, а переходные глаголы – в зависимости от употребления – могут выражать значение как действительного, так и страдательного залога.

"У"-флективное спряжение. "У"-флективные глаголы также делятся на две группы – в соответствии с особенностями состава прошедшего совершенного времени. Это простые и производные глаголы. По нашим подсчетам, в НАС-е насчитывается 109 глаголов "у"-флективного спряжения, из коих 47 являются простыми: լսում (лосум), զենում (зенум) и т.д.

Эти глаголы в прошедшем совершенном времени имеют корневую основу и изменяются по парадигме действительнотипного спряжения.

В НАС-е зафиксировано 62 производных "у"-флективных глагола: կլնում (кълнум), պակնում (пакнум) и т.д.

Эти глаголы в основном изменяются по образцу страдательнотипного спряжения.

В первой главе отдельный параграф посвящен исследованию неправильных глаголов древнеармянского языка. Теоретический материал обогащают образцы, взбранные из армянских источников У века и "Библии".

Итак, все, что было изложено выше о грамматической категории прошедшего совершенного времени в древнеармянском языке, можно подытожить следующим образом:

1. Грамматическая категория прошедшего совершенного времени в грабаре, в той или иной степени связанная своим возникновением с другими индоевропейскими языками, как самостоятельная грамматическая система, по сути дела, является результатом саморазвития. Связь с индоевропейскими языками обнаруживается благодаря наличию как флективных соответствий корневых основ прошедшего совершенного времени, так и форм, получивших приращение ե/է/ (э, э).

Ярким отражением связи древнеармянского прошедшего совершенного времени с индоевропейскими языками являтся также итеративная форма прошедшего совершенного времени глагола առնեմ (арнэм): արարի (арари), արարեր (арар'эр), արար (арар). արարաք (арарак), արարէք, իք (арар'эк,ик). արարին (арарин).

2. В системе спряжения древнеармянских глаголов прошедшего совершенного времени четко и определенно различаются простые корневые и сложные "ц"-основы, которые сохраняются в процессе дальнейшего развития армянского языка, претерпев лишь незначительные изменения (например, изменение основы каузативных глаголов в восточноармянском языке).

3. В грабаре действительнотипные и страдательнотипные окончания прошедшего совершенного времени, обусловленные, как правило,

спряжениями глаголов, в то же время частично различали действительный и страдательный залоги переходных глаголов. Однако многие глагольные формы (как, например, действительные глаголы "и"-флективного спряжения) оставались общими как в настоящем, так и в прошедшем совершенном времени, выражая страдательным спряжением одновременно и значение действительного залога. Может, именно это обстоятельство стало основной причиной возникновения новой формы выражения страдательного залога.

4. Неправильные глаголы древнеармянского, фактически, являются наиболее употребительными глаголами лексического состава языка (առնեմ (арнэм), դնեմ (днэм), տամ (там), լինիմ (линим), գամ (гамъ, ըմպեմ (ъмпэм), ուտեմ (утем), ունիմ (уним), спряжение которых, по всей вероятности, отражает закономерности древнейшего периода развития армянского языка.

Глава вторая. Прошедшее совершенное время в среднеармянском. Не обладая компактностью и целостностью литературного древнеармянского языка и представляя собой переходный этап от грабара к ашхарабару, литературный среднеармянский язык, как и его грамматическая система, тем не менее, являет собой новую ступень развития армянского языка.

Сравнивая системы склонения и спряжения в грабаре и среднеармянском, Р.Ачарян пишет: "Изменения, произошедшие с системой спряжения,- ничего по сравнению с теми изменениями, которые претерпела система склонения".[I]

Система спряжения среднеармянского языка характеризуется следующими признаками: отказ от древнеармянского сослагательного наклонения и будущего времени, переход настоящего времени изъявительного наклонения в настоящее время сослагательного наклонения, образование настоящего и несовершенного времен с помощью формообразующего կու (ку), изменение спряжений - в основном в результате альтернаций, образование страдательного суффикса վ (в), уменьшение аномалий, наличие результативных, перфектных и субъектных причастий (субъектное причастие не входит в систему спряжения глагола) и т.д.

Подытожив все, что было изложено выше о прошедшем совершенном времени в среднеармянском языке, получим следующую картину:

I. Древнеармянские простые глаголы "э"-флективного спряжения сохраняют "ц"-основу древнеармянского языка, однако характерные

I Р.Ачарян. Полная грамматика, т.4, II, Ереван, 1959, с.385 (на арм.яз.).

для грабара окончания претерпевают отдельные изменения.

Так, в среднеармянском, в особенности, во второй период его развития, вместо окончания -եր (-эр) второго лица единственного числа встречается также форма -իր(-ир), вместо окончания -եաց (-эац) третьего лица единственного числа - форма -եց (-эц), вместо -այք /-էք/(-а к, -эк), второго лица множественного числа - форма -իք -ик).

Подобно грабару, простые глаголы "э"-флективного спряжения для выражения страдательного залога сохраняют страдательнотипные окончания.

Производные глаголы "э"-флективного спряжения, сохранив древнеармянскую корневую основу, получают страдательнотипные окончания, которые могут выражать также значение действительного залога: գտայ (гъта), գտար (гътар), գտաւ (гътав)...

2. Древнеармянские простые и производные глаголы "а"-флективного спряжения в среднеармянском сохраняют парадигму спряжения, характерного для древнеармянского языка, то есть: простые глаголы имеют действительнотипные, а производные глаголы - страдательнотипные флексии. В обоих случаях прошедшее совершенное время имеет "ц"-основу. Следует отметить, что производные глаголы "а"- и "э"-флективного спряжений в среднеармянском подвергаются альтернации среднего слога, как-то: մոռնալ (морнал), գողնալ (гохнал), մեծնալ (матц'нал) и т.д.

3. Простые и производные "и"-флективные глаголы грабара также сохраняют в среднеармянском языке характерную для древнеармянского парадигму спряжения, с той лишь разницей, что в последний период развития среднеармянского языка окончания եայ (эа), եար (эар), եաւ (эав), եաք (эак), եայք (эа к), եան (эан) встречаются довольно редко, уступая место флексиям այ (а), ար (ар), աւ (ав), աք (ак), այք (аjк), ան (ан): փախեայ (пахэа) փախայ (паха).

4. В среднеармянском языке резко сокращается число глаголов "у"-флективного спряжения, в особенности простых. Оставшиеся немногочисленные глаголы полностью сохраняют древнеармянскую парадигму спряжения.

5. Каузативные глаголы в среднеармянском образуются с помощью характерного для грабара суффикса ուցանել (уцанэл) или характерных для среднеармянского суффиксов ացնել (ацнэл), եցնել (эцнэл), ցնել (цнэл) и сохраняют парадигму спряжения древнеар-

мянского прошедшего совершенного времени, с той лишь разницей, что вместо формы с ոյց (о ц)" վազեցոյց (вазэцо ц) в третьем лице единственного числа, в особенности, в последний период развития среднеармянского языка, встречается форма с ուց(уц): վազեցուց (вазэцуц) и реже – с րուց (руц).

6. С возникновением страдательного суффикса ու (у) для выражения значения страдательного залога наряду со страдательнотипными флексиями иногда встречается также суффикс ու (վ,ւ – (у,в): սպանուաւ (спануав).

7. Древнеармянское приращение ե, է (э, э) в среднеармянском преимущественно сохраняется, однако его употребление уже не подчиняется одниим правилам. Иногда это приращение встречается в форме ի (и).

8. В среднеармянском в основном сохранились древнеармянские неправильные глаголы и их спряжение. Только в более поздний период развития среднеармянского языка наблюдаются отдельные изменения, которые произошли преимущественно по аналогии с правильными глаголами, как то: ճանաչել /ճանչել (тч'аначэл/тч'анчэл); прошедшее совершенное время: ճանչեցի, ճանչեցիր, ճանչեց (тч'анчеци, тч'анчецир, тч'анчец...); լսել (лъсэл): прошедшее совершенное время: լսեցի, լսեցիր, լսեց (лъсэци, лъсэцир, лъсэц...).

Почти выходят из употребления глаголы յանցանել (анцанэл) и յառնել (арнэл), выступая исключительно как грабаризмы.

Глава третья. Прошедшее совершенное время в армянских диалектах. Хотя вопрос возникновения армянских диалектов выходит за рамки нашего исследования, он не может быть обойден, ибо имеет исходное значение.

Поскольку армянская литература берет свое начало с пятого века, вопрос этот был сведен к следующему: можно ли говорить о существовании армянских диалектов в У веке, и если да, то как соотносились эти диалекты с литературным древнеармянским языком?

В армянской лингвистике и диалектологии этот вопрос получил два, принципиально отличных друг от друга, ответа.

I. В У веке армянский язык не был представлен в совокупности своих разновидностей, и диалекты армянского языка стали возникать лишь после пятого века. Эта точка зрения была выдвинута одновременно двумя представителями индоевропейского языкознания – Хюбшманом и Мейе.

Эта же точка зрения нашла широкое научное обоснование в трудах

Р.Ачаряна.

Армянские диалекты, по всей вероятности, стали возникать с II-I2-го веков.

2. Армянские диалекты возникли еще до У века. Более того, грабар, как литературный язык, возник именно на основе одного из таких диалектов.

Эта точка зрения была выдвинута Керовбе Патканяном и в дальнейшем с позиций уже собственного, нового учения о языке развита его учеником Н.Марром.

Мы исходим из того положения, что вопрос возникновения армянских диалектов правильно освещается представителями индоевропейского языкознания.

В основном поддерживая точку зрения Мейе и Ачаряна относительно возникновения армянских диалектов, Г.Джаукян полагает, что сравнительный анализ фонетической, морфологической и словообразовательной систем грабара и диалектов показывает, что "грабар представляет более древнее состояние языка и более близок индоевропейскому праязыку, чем какой-либо из армянских диалектов (даже считающийся наиболее древним агулисский диалект).[I]

Если о некоторых фонетических изменениях (например, аспиративная вокализация взрывных звонких согласных древнеармянского (բ>բ' б>б'), գ > գ' (г>г'), դ > դ'(д>д') или их девокализация и аспиративная девокализация (բ > պ /Б>п), բ > փ (б>п), գ > կ (г>к), գ>ք (г>к), դ > տ (д>т), դ > թ (д>т) и т.д.) можно сказать, что они берут начало в древнеармянский период или даже еще раньше, то нет никакого сомнения в том, что основные морфологические различия армянских диалектов (скажем, наст.вр. с флексиями ում (ум) и կու (ку) возникли в II-I2-ом веках.

Если говорить конкретнее о категории прошедшего совершенного времени в диалектах, то следует отметить, что в проявлениях прошедшего совершенного времени не наблюдаются какие-либо признаки, которые свидетельствовали бы о том, что в У веке и тем более до него функционировали отличные от древнеармянских разновидности прошедшего совершенного времени. Более того, анализ форм прошедшего совершенного времени, функционирующих в диалектах, убедительно доказывает, что внешне отличающиеся друг от друга и разнообразные диалектные формы прошедшего совершенного времени на самом деле

I Г.Джаукян. Армянская диалектология и вопрос возникновения диалектов армянского языка. Ереван, ИАН, 1959, №2-3 (на арм.яз.).

представляют собой те же древнеармянские формы, которые претерпели либо фонетические изменения, либо изменения по аналогии.

Р.Ачарян пишет: "Совершенное время является наилучшим образом сохранившейся в диалектах формой. Между тем, будущее время и сослагательное наклонение грабара полностью стерлись; настоящее и несовершенное время заменили сослагательное наклонение, а вместо них образовались новые формы; совершенное время, роль и функции которого не изменились вовсе, а форма изменилась лишь в незначительной степени, продолжает свое существование как в диалектах, так и в двух литературных языках. В этом смысле соперничать с ним может лишь повелительное наклонение".[1]

Несмотря на разнообразные проявления прошедшего совершенного времени, в диалектах эта грамматическая категория (если руководствоваться языковыми признаками, использованными Г.Джаукяном при многопризнаковой классификации армянских диалектов) представляет всего три коррелята, которые оказывают влияние на определение позиций диалектных единиц.

Так, против семи коррелятов, представляющих различия форм настоящего времени изъявительного наклонения,[2] прошедшее совершенное время диалектов, как уже было отмечено, представляет всего три коррелята, а именно:

"94. Флексия с гласным звуком ա (а) (անք (анк), աք (ак) непроизводных переходных глаголов совершенного времени влице множественного числа первого (ել -эл) и третьего (ալ -ал) спряжений: գրեցինք (гърецинк) գրեցա/ն/ք (гърецa/н/к)...

95. Совершенное время непроизводных глаголов первого (-эл) спряжения с не "ц"-основой: գրեցի (гъреци) գրի/մ/,գրա/մ/ (гъри/м/, гъра/м/)...

96. Составное (аналитическое) совершенное время..."[3]

Относительно вопросов, затронутых в третьей главе, можно сделать следующие выводы:

I. Несмотря на то, что функционирующее в диалектах прошедшее совершенное время существенно отличается от древнеармянского прошедшего совершенного времени, различия эти не дают того принципи-

---

I Р.Ачарян, Указ. соч., с. 970-971.

2 См.-Г.Джаукян. Введение в армянскую диалектологию, Ереван, 1972, с.100-101, пп. 78-84 (на арм.яз.).

3 Там же, с.102.

ального качества, которое позволило бы объединить армянские диалекты в отдельные ветви. В этом смысле исключение составляет лишь структура основы каузитивных глаголов, которая существенно различается в восточноармянских и западноармянских диалектах: западноармянские диалекты – վազեցուց (вазецуц), восточноармянские – վազեցր (вазецр).

2. В армянских диалектах в основном сохранились древнеармянские корневые и "ц"-основы, хотя в отдельных диалектах простые глаголы "э"-флексивного спряжения, по подобию суффиксальных глаголов, имеют корневые основы.

Так, в некоторых диалектах и говорах (Муш, Буланх, Хнус, Алашкерт, Маназкерт, Цхна, Мехтинен, Хой, Пайаджук, Урмия, Марага) "э"-флексивные простые глаголы прошедшего совершенного времени имеют "и"-основу, как то:

	Ед.ч.		Мн.ч.	
I л.	կ'իրիմ	(к ирим)	կ'իրինք	(к иринк)
II л.	կ'իրիր	(к ирир)	կ'իրիք	(к ирик)
III л.	կ'իրեց	(к ирец)	կ'իրին	(к ирин)
I л.	վը զա	(в за)	վը զանք	(в занк)
II л.	վը զար	(в зар)	վը զաք	(в зак)
III л.	վը զավ	(в зав)	վը զան	(в зан)

(Хой).

3. В армянских диалектах изменились древнеармянские действительнотипные окончания в результате фонетических изменений по аналогии – древнеармянские окончания ի (и) եր (эр), աք (ак), էք (эк), ին (ин) в большей части диалектов превратились в ի (и), իր (ир), – ինք (инк), իք (ик), ին (ин). Таким образом, окончания с гласной ի (и) стали общими.

4. Древнеармянские страдательнотипные окончания в армянских диалектах почти не претерпели изменений: Ср.: այ, ար, աւ, աք, այք, ան (а, ар, ав, ак, а к, ан), ա, ար, ավ, անք, աք, ան (а, ар, ав, анк, ак, ан). Как видим, более или менее значимым можно считать изменение первого лица множественного числа աք > անք (ак > анк).

Говоря о различных проявлениях прошедшего совершенного времени в диалектах, следует иметь в виду и то обстоятельство, что в некоторых диалектах, по всей вероятности, по аналогии с формой настоящего времени, в первом лице единственного числа прошедшего совершенного времени имеет место приращенная флексия մ (м) (Урмия).

Хой, Марага, Астрахань, Тавриз).

Примеры: կիրիմ (кирим-Хой), խախացըմ (хахацым - Марага), տեսամ (тэсам-Тавриз), էկամ (экам-Астрахань) и т.д.

5. С точки зрения особенностей функционирования прошедшего совершенного времени в диалектах, быть может, наиболее примечательным следует считать то, что в отдельных диалектах перфектные формы изменили свое значение на значение прошедшего совершенного времени: գ'իրալ ըմ (гирал ъм) - գըրըցի (гърэци-Мегри).

Подобную структуру прошедшего совершенного времени имеют диалекты Шахах-Кейвана, Карчевана, Карадага, Дзмара, Мегри, Игулиса, Австро-Венгрии (Сучава), Кагаваберда, а также некоторые говоры Карабаха.

6. В некоторых диалектах (Муш, Суэдиа, Бозми, Ван, Тигранакерт, Сасун и т.д.) слабо проявляется древнеармянское приращение ե /է/ - (э,э) (в диалектах Сасуна и Тигранакерта - ի (и), которое убедительно свидетельствует о том, что армянские диалекты представляют собой модификации грабара, равно как и о том, что грамматические формы могут быть весьма устойчивыми на протяжении длительного исторического периода.

<u>Глава четвертая</u>. <u>Прошедшее совершенное время в восточноармянском и западноармянском литературных языках</u>. I. Поскольку литературный восточноармянский язык взошел на почве Араратского диалекта, а литературный западноармянский - на почве константинопольского диалекта, прошедшее совершенное время восточноармянского литературного языка в основном соответствует этой грамматической категории в Араратском диалекте, а прошедшее совершенное время литературного западноармянского языка - в константинопольском диалекте, хотя не следует забывать также, что оба языка, по крайней мере в начальный период своего развития, испытывали на себе огромное влияние грабара.

Таким образом, различия между проявлениями грамматической категории прошедшего совершенного времени в восточноармянском и западноармянском языках самым тесным образом связано с тем, что они, будучи отдельными литературными языками, прошли свой исторический путь, сформировавшись на разных основах. Несмотря на различия, эти формы взаимопонятны.

2. Как в восточноармянском, так и в западноармянском литературных языках сохранились древнеармянские корневые и "ц"-основы со-

вершенного времени, с той лишь разницей, что в литературном восточноармянском языке для каузативных глаголов возникла новая "р"-основа.

Восточноармянский

	Ед.ч.		Мн.ч.	
I л.	փախցրի	(пахцри),	փախցրինք	(пахцринк)
II л.	փախցրիր	(пахцрир),	փախցրիք	(пахцрик)
III л.	փախցրեց	(пахцрец)	փախցրին	(пахцрин)

Западноармянский

I л.	փախցուցի	(пахцуци)	փախցուցինք	(пахцуцинк)
II л.	փախցուցիր	(пахцуцир)	փախցուցիք	(пахцуцик)
III л.	փախցուց	(пахцуц)	փախցուցին	(пахцуцин)

Как видим, по составу основ прошедшего совершенного времени каузативных глаголов восточноармянский и западноармянский литературные языки полностью отличаются друг от друга.

3. Окончания глаголов прошедшего совершенного времени едины в восточноармянском и западноармянском языках. Они делятся на две группы: окончания с гласным звуком ի (и), которые являются продолжением древнеармянского действительнотипного спряжения, и окончания с гласным звуком ա (а), которые являются продолжением древнеармянского страдательнотипного спряжения. Разница состоит лишь в том, что в восточноармянском языке каузативные глаголы в третьем лице единственного числа имеют флексию եց (эц), которая в западноармянском отсутствует (нулевая флексия): восточноармянский – փախցրի (пахцри), փախցրիր (пахцрир), փախցրեց (пахцр'эц); западноармянский – փախցուցի (пахцуци), փախցուցիր (пахцуцир), փախցուց (пахцуц).

4. Несколько неправильных древнеармянских глаголов ((лъсол), մեղանչել (механчэл), ըմպել (ъмпэл), ճանաչել (тч'аначэл) в обоих литературных языках стали правильными, а некоторые глаголы вышли из употребления (յառնել (арнэл), յանցանել (анцанэл). Если не учитывать фонетических различий и принадлежности некоторых из них разным типам спряжения, то можно сказать, что неправильные глаголы восточноармянского и западноармянского литературных языков в большинстве своем одни и те же, хотя и спрягаются по-разному.

В конце четвертой главы вкратце рассматривается функциональ-

ний аспект прошедшего совершенного времени. Прошедшее совершенное время показывает недлительное действие, совершенное в прошедший момент времени.

Во все периоды развития армянского языка - в грабаре, среднеармянском, восточноармянском и западноармянском литературных языках, равно как и в армянских диалектах-глагольные формы прошедшего совершенного времени имеют четко очерченное временное применение.

Прошедшее совершенное время отличается от других временных форм, относящихся к прошедшему времени,- перфекта, плюсквамперфекта и прошедшего несовершенного времени (имперфект).

Прошедшее совершенное время, которое показывает недлительное действие, совершенное в прошедший отрезок времени (Երեխան սովորեց դասը Ребенок выучил урок), отличается от перфекта, который показывает совершенное, законченное до настоящего момента времени действие (Երեխան սովորել է դասը - Ребенок (уже) выучил урок). Прошедшее совершенное время отличается и от плюсквамперфекта (давнопрошедшего времени), который показывает, что одно прошедшее действие предшествовало другому действию в прошлом (Երեխան սովորել էր դասը։ В русском языке эта форма отсутствует).

Важно отметить, что разница между прошедшим совершенным временем и перфектом и плюсквамперфектом заключается еще и в том, что прошедшее совершенное время предполагает очевидца. Именно поэтому, оно очень часто используется для выражение достоверного события.

Сравнив прошедшее совершенное время с перфектом и плюсквамперфектом, армянские лингвисты С.Абрамян[1] и В.Аракелян[2] пришли к заключению, что перфектные формы выражают действие, совершенное раньше того действия, для выражения которого используется прошедшее совершенное время.

С.Абрамян добавляет, что "о правильности указанной смысловой особенности прошедшего совершенного времени и перфектных форм говорит также характерная сочетаемость слов и словосочетаний, выражающих различные временные значения (слова и словосочетания типа "только что", "в этот момент" и т.д. сочетаются с формами прошедшего совершенного времени, а слова и словосочетания, указывающие бо-

---

I С.Абрамян. Грамматика современного армянского языка, Ереван, 1969, с.130 (на арм.яз.).

2 В.Аракелян. Синтаксис армянского языка, I, Ереван, 1958, с. 80 (на арм.яз.).

лее раннее время – давно, намного раньше, раньше и т.д. – с перфектными формами".[1]

На наш взгляд, наиболее существенная разница между указанными временными формами заключается в том, что в первом случае (прошедшее совершенное время) говорящий бывает свидетелем действия, а во втором случае (перфектные формы) – нет.

Прошедшее совершенное время отличается и от прошедшего несовершенного (имперфекта), которое показывает действие как длительный или повторявшийся процесс в прошлом. Прошедшее совершенное время и имперфект образуют видовую оппозицию. Если прошедшее совершенное время подчеркивает завершенность действия, совершенный вид, то имперфект выражает продолжаемость, процессуальность действия.[2]

Часто глагольные формы этих двух времен выступают рядом, в одном предложении, создавая тем самым оппозицию совершенный-несовершенный вид.

Очень часто прошедшее совершенное время выражает "такое действие, выполнение которого должно последовать сразу после момента речи, однако говорящий представляет его как завершенное".[3]
Например: – Ես գնացի, շարունակեք ձեր ուրախությունը:
(Я пошел, продолжайте ваше веселье). Или:

– Խնդրում եմ, ջուր տուր: – Տվեցի:

("Дай воды, пожалуйста". – "Дал").

В придаточных условных прошедшее совершенное время также может выражать действия, которые должны совершиться в будущем. Например: предложение "Երբ նրան տեսար, կբարևես : (букв. "Если его увидел, передай привет") синонимично предложению "
("Если его увидишь, передай привет"). Однако подобное применение прошедшего совершенного времени характерно только для обиходно-разговорной речи.

Иногда прошедшее совершенное время употребляется в значении перфектных форм, например: ,,Դեռ չեկա՞վ, շատ է ուշանում,,("Еще не пришел, уж очень опаздывает"). Этому способствует использование в подобных конструкциях таких слов, как դեռ (еще), դեռևս (пока.

I С.Абрамян. Там же.

2 См. И.Асатрян. Вопросы морфологии современного армянского языка, Ш, Ереван, 1977, с.136 (на арм.яз.).

3 О.Барсегян. Глагол и спряжение в современном армянском языке, Ереван, 1953, с.199 (на арм.яз.).

еще), առայժմ (все еще). "В тех случаях, когда они (указанные слова – А.А.) выступают с прошедшим совершенным временем, придают ему значение непрерывности, продолжаемости, или, иначе говоря – прошедшее совершенное время используется в значении перфекта".[I]

В пословицах, поговорках прошедшее совершенное время выражает обобщенное значение настоящего времени.

Например: Տերը տվեց – տերտերը տարավ (Бог дал – поп взял). Աղջկա գեշը չտեսանք, հարսի՝ լավը,,: (Так и не увидали ни уродину-доченьку, ни пригожую сноменьку".[2*]

По теме диссертационной работы опубликованы:

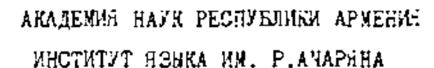
I. Лекционный курс "Прошедшее совершенное время в грабаре", Изд-во Ереванского университета, 1990 г. (на арм.яз.).

2. "Вопрос возникновения прошедшего совершенного времени", Вестник Ереванского университета, 1991г., №I (на арм.яз.).

I Э.Агаян, Склонение и спряжение в современном армянском языке, Ереван, 1967, с.370 (на арм.яз.).

2 П.Погосян. Стилистические функции модальных форм глагола в современном армянском языке, Ереван, 1959, с.122 (на арм.яз.).

3 О стилистических функциях прошедшего совершенного вида см. подробнее там же, сс. 115-129.

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА ИМ. Р.АЧАРЯНА

На правах рукописи

Чалабян Сусанна Аветиковна

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕННОГО ДЕЙКСИСА
(на материале армянского и английского языков)

Специальность № 10.02.19 - теория языкознания

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ереван - 1991

Работа выполнена на кафедре английского языка Ереванского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е.Л.ЕРЗИНКЯН

Официальные оппоненты: член-корреспондент АН РА, доктор философских наук, профессор Э.Р.АТАЯН

кандидат филологических наук, доцент И.Р.ТЕР-ПОГОСЯН

Ведущая организация – Ереванский государственный педагогический институт русского и иностранных языков им. В.Я.Брюсо[в]

Защита диссертации состоится "15" ноября 1991г. на заседании специализированного совета Д-005.17.01 при Институте языка им. Р.Ачаряна АН РА по адресу: 375001, Ереван, ул. Абовяна № 15.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института языка АН РА.

Автореферат разослан "4" октября 1991 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат филологических наук А.К.ДАРБИНЯН

На современном этапе развития лингвистической науки весьма перспективным направлением является сопоставительное изучение разных языков. Проводимые в этой области исследования убедительно показали их плодотворность для решения как частных, так и общетеоретических проблем языкознания.

Настоящая работа посвящена изучению одного из способов языковой номинации - дейктическому обозначению времени в сопоставительном плане.

Теоретической основой для постановки проблемы данного исследования послужило противопоставление двух способов номинации: называния и указания (дейксиса). Известно, что по способу обозначения объекта, по своей семантике, назначению и сфере функционирования в языке противопоставляются два класса слов: слова, называющие предмет - слова-наименования (Nennwörter), и слова, указывающие на предмет - слова-указатели (Zeigwörter). В отличие от называния, которое дает квалификативную характеристику предмета, явления на основе постоянно закрепленных за словом признаков, дейксис характеризует предмет, явление, ситуацию объективной действительности относительно координат речевого акта.

Указание на основные координаты речевой ситуации - участники (говорящий - слушающий), место и время - обязательны и необходимы для осуществления коммуникации на любом языке, следовательно, наличие в языке специальных средств, осуществляющих подобное указание, можно считать универсалией, а дейксис - глобальной универсальной категорией. Это было отмечено еще первыми исследователями дейксиса (К.Бругман, К.Бюлер, У.Вейнрейх и др.) и нашло подтверждение в работах, посвященных отдельным проблемам дейксиса на материале разных языков (Г.Фрей, К.Е.Майтинская, Ч.Филмор, Дж.Лайонз, А.А.Уфимцева, И.А.Смирницкий, В.И.Шматова, Е.Л.Ерзинкян, Л.А.Филатова, Н.Н.Волков, С.Рахимов).

Научный интерес к проблематике языкового указания за последнее время значительно возрос, круг обсуждаемых в них проблем расширился.[1] Вместе с тем сопоставительное изучение разнострук-

---

[1] См.: Here and there. Cross-linguistic studies on deixis and demonstration. Amsterdam-Philadelphia, 1982; Speech, place and action. Studies in deixis and related topics. Chichester-New York-Toronto, 1982; Essays on deixis. Tübingen, 1983; Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16, М., 1985.

турных языков, способствующее созданию общей типологии дейксиса, все еще остается актуальной задачей лингвистических исследований.

Целью настоящего исследования является сопоставительное изучение лексических средств выражения временного дейксиса и выявление специфики его проявления в современном армянском и английском языках. В соответствии с этой целью в работе ставятся и решаются следующие задачи:

1. выявление системы лексических средств относительного указания на время в современном армянском и английском языках,

2. определение специфики семантики слов временного дейксиса, принадлежащих к кардинальным частям речи, и установление степени дейктичности разных частей речи армянского и английского языков,

3. выяснение особенностей проявления темпорального указания в сопоставляемых языках и определение типов межъязыковой эквивалентности между исследуемыми лексическими единицами,

4. исследование условий актуализации временного дейксиса в синтагматике и определение специфики проявления в каждом из языков.

В диссертации объектом исследования является слово и его дейктическая семантика. Следовательно, нас, в первую очередь, будут интересовать лексические средства обозначения временных дейктических отношений в современном армянском и английском языках.

Актуальность проведенного исследования вытекает из современных задач изучения семантических особенностей лексических единиц и определяется необходимостью сопоставительного анализа дейктических единиц разноструктурных языков, каковыми являются армянский и английский языки.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые лексические средства с временным указанием армянского и английского языков стали предметом сопоставительного исследования. Настоящая работа способствует более полной общелингвистической характеристике семантических особенностей дейктических единиц с временным указанием. Данное исследование является одной из первых попыток анализа временных дейктиков разных частей речи армянского языка.

Круг поставленных в работе проблем и полученные результаты определяют ее теоретическое и практическое значение. В теорети-

ческом плане проведенное исследование должно способствовать общелингвистической характеристике дейктических единиц. Выявление типов межъязыковых соответствий между дейктическими единицами сопоставляемых языков позволяет лучше понять природу универсального и национального в семантике лексических единиц с дейктическим указанием на время. Результаты исследования также способствуют углублению интереснейшей в лингвистике проблемы семантических универсалий.

В практическом плане результаты исследования могут быть учтены в вузовских курсах языкознания, сопоставительной типологии армянского и английского языков, лексикографической практике – при описании особенностей семантики дейктических единиц и разработке способов их представления в словаре, в переводческой работе.

Изучение лексических средств выражения временного дейксиса в сопоставляемых языках в диссертации проводится в двух планах: лексикографическом и текстовом. Такая двуплановость диктуется целями исследования, поскольку лишь сочетание системного и функционального подходов позволяет не только выявить круг подлежащих анализу единиц, определить их структурные и семантические свойства, но и дополнить и уточнить эти данные результатами изучения их функционирования в текстах.

Материалом исследования на первом этапе послужили армянский и английский списки дейктиков, которые были составлены методом сплошной выборки из следующих словарей:

– для выделения дейктического компонента в семантике слова использовались толковые словари – Է.Գ.Աղայան, Արդի հայերենի բացատրական բառարան, Երևան, 1976; A.S.Hornby, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, London, 1974;

– для обеспечения объективности полученных данных проводилось сравнение дефиниций вышеупомянутых словарей с материалом других словарей: Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան, ՀՍՍՀ ԳԱ, Երևան, 4 – հատորով; The Concise Oxford Dictionary of Current English, Oxford University Press, 1976; The Random House Dictionary of the English Language, The Unabridged Edition, New York, 1966;

– для идентификации смысловой структуры анализируемых единиц использовались также двуязычные словари – "Англо-армянский словарь" под ред. А.А.Асмангулян и М.И.Иоаннисян, Ереван, 1984;

"Большой англо-русский словарь" под ред. И.Р.Гальперина.М.,1972.

Исследование на втором этапе проведено на материале текстов художественной литературы XX века общим объемом I,5 млн. словоупотреблений.

Методы исследования. На каждом этапе для решения поставленных в работе конкретных задач использовались различные приемы анализа: метод идентификации словарных дефиниций, метод лексических трансформаций, сопоставительный метод. С целью выделения темпорального дейксиса применялись элементы компонентного анализа, который дал возможность изучить содержание исследуемых единиц по семному составу - совокупности назывных и дейктических семантических признаков. Для выявления временной точки отсчета проводился контекстуальный анализ. Использовались также, по мере надобности, элементы социолингвистического анализа, в частности, при выявлении роли экстралингвистических факторов в формировании временного указания в сопоставляемых языках. Проводились количественные подсчеты и был поставлен лингвистический эксперимент.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав,заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во Введении обосновывается выбор темы, формулируются исходные положения исследования, определяются цель и задачи работы, научная новизна, материал и методы исследования, его теоретическая и практическая значимость.

В Главе I, посвященной общетеоретическим проблемам дейксиса,рассматривается круг вопросов,непосредственно связанных с исследованием. Приводится краткий обзор лингвистической литературы.

В Главе II выявляются средства выражения временного дейксиса, проводится сопоставление структурных и семантических особенностей лексических единиц временного дейксиса в армянском и английском языках, устанавливается степень дейктичности разных частей речи, рассматриваются типы межъязыковой эквивалентности.

В Главе III исследуются функциональные особенности дейктических единиц в синтагматике.

В Заключении подытоживаются результаты исследования.

Результаты исследования докладывались на республиканских научных конференциях молодых лингвистов (Ереван, 1986, 1988),на научной конференции профессорско-преподавательского состава

ЕрИНХ (Ереван, 1990), на совместном заседании кафедр английского языка и общего языкознания ЕрГУ (Ереван, 1991).

X X X

Противопоставление двух классов слов - слова-названия и слова-указатели - по способу обозначения в языке объективной действительности восходит к древнегреческой грамматике, в которой различались слова, называющие предмет и при этом раскрывающие его качественную определенность (пойотос), и слова, указывавшие на предметы, лица, явления (дейктикос).

Относительность ("релятивность") дейктических слов - отличительная черта их семантики, т.к. они характеризуют тот или иной предмет (лицо, объект, событие) по признакам, которыми он обладает только относительно другого предмета, присутствующего в речевой ситуации. Этой относительности лишены назывные слова, которые дают квалификативную характеристику предмета - по его отличительным, составляющим его сущность признакам, его качественную определенность.

Принципиальным в теории дейксиса является вопрос о точке отсчета. Центральной категорией дейксиса и основной точкой отсчета является говорящий. Все виды проявления дейксиса - это расширение основной оппозиции EGO / NON-EGO, где EGO всегда является дейктическим центром.

Связь категории говорящего с категорией места и времени закреплена в дейктической оппозиции "близость/дальность", которая в словах пространственного дейксиса обнаруживается при обозначении направления движения, а в словах временного дейксиса - при обозначении временной последовательности. Ранние и поздние события представляются относительно временной точки отсчета в виде трехчленной оппозиции - предшествование, одновременность, следование.

В настоящей работе мы исходим из широкого понимания дейксиса как указания на некоторую точку отсчета, центр координации, относительно которой характеризуются предмет, лицо, действие, событие объективной действительности. При этом возможны как субъективная, так и объективная ориентации, т.е. в качестве точки отсчета могут служить говорящий (естественный центр речевой ситуации), место и время речевого акта как основные ее координаты, а также другая точка отсчета, относительно которой выделяют-

ся обозначаемые лица, предметы, действия, события. Центр координации есть та точка отсчета, с которой соотносится объект речи и от которой зависят ситуативные признаки этого объекта. Такой подход позволяет более полно и системно описать дейктические средства языка в целом.[1]

Вопрос о средствах, используемых для выражения дейксиса в языке, является одним из малоизученных в теории дейксиса. Очевидно, что в качестве дейктических могут использоваться средства, принадлежащие к разным языковым уровням: лексико-семантические, морфологические, синтаксические. Разнохарактерность средств выражения рассматриваемого явления позволяет подходить к дейксису как к функционально-семантической категории. Более того, дейктические единицы составляют "промежуточную зону" между грамматикой и лексикой. Будучи частью лексического состава каждого данного языка, они выполняют функции, равнозначные некоторым грамматическим формам. Так, проводя параллель между грамматическими категориями имени существительного и глагола в армянском языке, Г.Б.Джаукян отмечает, что, выраженное глаголом грамматическое значение времени может также быть выражено сущесвительным - лексически (через актуализацию), т.е. с помощью указания для определения места и времени коммуникативной ситуации[2].

Языковые средства выражения рассматриваемой функционально-семантической категории образуют в исследуемых языках Поле Указания. Последнее, в свою очередь, подразделяется на Указательное Поле Лица, Указательное Поле Места, Указательное Поле Времени.

При отборе материала исследования мы исходили из признания достоверности тех сведений о семантике слова, которые содержатся в словарных дефинициях, а также из того, что набор семантических признаков, характеризующих значение слов одной лексико-семантической группы (ЛСГ), отражен в словарных толкованиях достаточно полно, и идентичность тех или иных признаков находит выражение в сходстве дефиниций.

Критерием выделения единиц, семантика которых содержит ука-

---

[1] Ерзинкян Е.Л. Дейктическая семантика слова. Изд-во ЕрГУ, 1988, с.22.

[2] Ջահուկյան Գ.Բ., Հայոց լեզվի տեսության հիմունքները, Երևան, 1974, էջ 241:

зание на время, явилось наличие в словарных толкованиях таких ключевых слов и словосочетаний - конкретизаторов как նախքան, միևնույն ժամանակ, միաժամանակ, հետո, հետագայում; before, at the same time, simultaneously, after, afterwards. Выбор данных единиц в качестве индикаторов дейксиса продиктован тем, что, во-первых, они передают исследуемое значение в наиболее обобщенном виде, во-вторых, семантический компонент "временная отнесенность" фиксируется в словаре основным прямым номинативным значением и занимает ведущее положение в их семантике.

Исследование толковых словарей дало возможность выделить достаточно полный корпус лексических единиц, выражающих временной дейксис в сопоставляемых языках, который составил 789 единиц в армянском языке и 516 - в английском языке.

Общим в семантике исследуемых единиц является то, что они включают семантический компонент "временная отнесенность". В работе слова, образующие Указательное Поле Времени, характеризуются *основным дейктическим признаком - "близость к временному* центру координации/отдаленность от временного центра координации". Причем основная дейктическая оппозиция "близость/дальность" в исследуемых словах модифицируется, она обнаруживается при обозначении временной последовательности - предшествования, одновременности, следования по отношению к временному центру координации.

Материал исследования показывает, что слова, содержащие дейктическое обозначение времени, не составляют единого формального и функционального класса: в инвентарь Указательного Поля Времени входят слова разных частей речи: существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

Все эти лексические единицы характеризуют временной аспект существования событий и явлений объективной действительности относительно какой-то точки отсчета, в зависимости от которой действия, процессы, события и т.п. можно определить как совпадающие или несовпадающие (предшествующие или следующие) во времени с этой точкой отсчета.

Исследование специфики проявления временного дейксиса в разных лексико-грамматических разрядах слов показало, что временной дейксис по-разному проявляется в разных частях речи сопоставляемых языков. Для выявления средств и способов выражения

относительного указания в работе используется предложенная Е.Л.Ерзинкян типология дейксиса[I]. Исследуемый материал подвергался анализу по следующим параметрам, позволяющим определить место дейксиса в той или иной подсистеме языков:

- способ номинации - дейктический и смешанный. При "чисто" дейктическом способе номинации дейксис составляет всю семантику слова. В словах смешанного типа номинации дейксис выделяется как компонент значения наряду с назывным семантическим компонентом и, естественно, имеет меньший удельный вес в семантике слова. Результатом смешанного типа номинации являются полудейктические лексические единицы;

- тип ориентации - субъективный и объективный. Семантика слов субъективного указания ориентирована относительно координат речевого акта: говорящего, места и времени речи. Семантика слов объективного указания соотнесена с какой-то другой точкой отсчета и отражает пространственный и временной аспект соотношения событий, обусловленный реальной действительностью, что свидетельствует об их меньшей зависимости от ситуации речи;

- способ выражения - эксплицитный и имплицитный. Эксплицитный способ указания выражается с помощью формальных показателей, в то время как имплицитный способ формально не маркирован;

- форма указания - абстрактная и конкретная. Эти две формы указания различаются по типу представленности в дефиниции исследованных единиц: абстрактное указание определяется наречием, конкретное указание - предложно-именной группой.

Основным разрядом слов, осуществляющим дейктическое обозначение времени в современном армянском и английском языках, являются наречия времени. Наиболее близким к наречию по степени дейктичности является класс имени прилагательного. В семантике имени существительного и глагола армянского и английского языков временной дейктический компонент выделяется наряду с назывным семантическим компонентом. Эти единицы представляют собой результат смешанного типа номинации.

Таким образом, ядро дейктических лексических единиц составляют наречия как в армянском, так и в английском языках, далее в порядке убывания степени дейктичности части речи располагают-

---

[I] Указ. соч., с.39 - 41.

ся следующим образом: прилагательные, глаголы, существительные.

При наличии почти одинакового обозначения временного дейксиса в разных частях речи современного армянского и английского языков существующие количественные расхождения можно объяснить тем, что армянский язык обладает широко развитой системой флексий и словообразовательной мотивацией, тогда как в английском языке большая роль в словарном составе отводится одноморфемным словам.

Исследование формальных способов выражения дейктической семантики слова выявило, что в армянском языке дейктическое обозначение понятийной категории времени осуществляется: I) значением корневой морфемы (առաջ, հետո, հիմա, շուտ , կանուխ , վաղ), 2) префиксальной морфемой (առայժմ, նախատեսել , համաժամել , ցմահ, տարաժամ), 3) суффиксальной морфемой (գալիք, իրագործելի , մանկութ , վաղուց , աշխատակից), 4) через словосложение (ետպատերազմյան , կանխատեսել , վաղահաս , ուշաթաղ, մինչպատմական).

В английском языке дейктическое обозначение понятийной категории времени передается: I) корневой морфемой (ago , after, before , late , last , now , soon), 2) префиксальной морфемой (antedate , ex-king , forego , premature , coexist , postwar), 3) через словосложение (hereafter , thereafter , bygone , nowaday). Суффиксация не принимает участия в номинации исследуемой категории.

Своеобразно распределение слов, дейктически обозначающих временные отношения, по частям речи и по специфическому набору структурных (словообразовательных) типов внутри каждой из них. Рассматриваемые языки при реализации временного указания не одинаково используют способы словообразования.

В армянском языке наиболее активными средствами обозначения дейктического компонента являются сложные слова (47%), далее идут префиксальные образования (29%), простые образования (18%), наименьшим количеством представлены суффиксальные образования (6%).

В английском языке преобладают префиксальные производные единицы (43%), далее следуют простые наименования (34%), и наименьшим количеством представлены сложные слова (23%).

Полученные результаты показали, что в английском языке как сугубо лексическом - с малой степенью словообразовательной мо-

тивированности слов, доля дейктического и номинативного компонентов в их семантике формально слабо отмечена. Напротив, в армянском языке – языке "грамматическом", с широко развитой системой флексий и словообразовательной мотивацией, дейктические семы получают определенную формальную выраженность.

Предварительное рассмотрение категории временного дейксиса внутри каждого из исследуемых языков позволило изучить языковой материал с точки зрения межъязыковой эквивалентности. Анализ временных дейктиков армянского и английского языков выявил полные, частичные соответствия, а также мотивированные и немотивированные лексические несоответствия.

Исходным в сопоставлении исследуемых языков на данном этапе работы явилось известное положение о статусе языка как манифестации единого мышления человека и о конкретных (армянском и английском) языках как проявлениях национальных особенностей законов общечеловеческого языка.

Анализ языкового материала с точки зрения межъязыковой эквивалентности проводился по двум направлениям: в первом случае исходным языком являлся английский, во втором случае – армянский. При этом основными параметрами служили тип дейктической ориентации и характер номинации.

Исследование материала показало, что полные лексические соответствия представляют довольно большую группу (например, yesterday – երեկ, tomorrow – վաղը, instantly – իսկույն, immediately – անմիջապես, premature – վաղաժամ, contemporary – ժամանակակից, current – ընթացիկ, foresee – կանխատեսել, coexist – գոյակցել, precede – նախորդել и т.д.), однако самым распространенным случаем межъязыковых дейктических соответствий являются частичные соответствия, которые характеризуются отношениями включения и пересечения. Как известно, включением называется такое отношение между лексическими единицами двух языков, когда семантическая структура слова в одном языке шире, чем семантическая структура соответствующего ему слова в другом языке. Семантическим отношением включения характеризуются следующие бинары исследуемых языков: now – հիմա/այժմ, ago – առաջ, untimely – ապաժամ, early – վաղ, after – հետո, come – գալ, anticipate – նախատեսել, ensue – հետևել, close – մոտիկ и др.

Еще более распространенным типом межъязыковых соответствий

в исследуемом материале является пересечение значений, когда наряду с совпадающими значениями есть и расходящиеся.
Это явление вызвано неодинаковой группировкой значений в пределах слова в исследуемых языках. К числу частичных лексических соответствий, характеризуемых отношением пересечения, относятся следующие пары лексических единиц английского и армянского языков: up-to-date - արդիական, novel - անձանոթ, instant - շտապ, follow - հաջորդել, forward - առաջ, then - հետո, advance - առաջադիմություն, by - մոտ и др.

Третьим типом отношений между лексическими единицами двух языков является п о л н о е о т с у т с т в и е соответствий той или иной единице словаря одного языка в лексической системе другого языка (безэквивалентная лексика).

Анализ материала исследования выявил два типа дейктических н е с о о т в е т с т в и й: мотивированные и немотивированные дейктические несоответствия. К первой группе слов принадлежат лексические единицы английского языка, которые представляют собой смешанный тип номинации и не имеют соответствующих эквивалентов (в виде слова слову) в армянском языке. Мотивированные дейктические несоответствия чаще всего связаны со словами-реалиями, т.е. словарными единицами, обозначающими понятия, предметы и ситуации, не существующие в практике другого народа. Так, следующие английские слова apre-ski (of the evening period after skiing), jointure (property settled on a woman during her marriage, to be used by her after her husband's death), ultimo (formerly used in business letters of the month before the current month), preemption (purchase by one person, etc. before others are offered the chance to buy; right to purchase in this way), preemptive (relating to preemption) и т.д. не имеют своих однословных армянских эквивалентов.

При немотивированных дейктических несоответствиях соответствующие реалии, понятия есть, но в армянском языке они не получили специального языкового отражения - отсутствует эквивалентная лексема, несмотря на действие в языке весьма продуктивных способов словообразования в сфере дейктической номинации.
К группе немотивированных дейктических несоответствий нами были отнесены такие слова, как predease (որևէ մեկից առաջ մահանալ), preexist (մի բանից առաջ ապրել), postdate (գրել, նշել հետին թվով), to-night (այսօր երեկոյան, այս երեկո, այս գիշեր), overnight (նախորդ երեկոյան, ամբողջ գիշեր), preconcerted (նախ-

օրոք պայմանավորված) и т.д.

Анализ армяно-английских несоответствий (исходным языком становился армянский язык) выявил некоторые слова и даже группы слов, которые не имеют лексических соответствий в английском языке, т.е. представляют собой лексические темпорально-дейктические несоответствия. Такие сложносоставные лексические единицы армянского языка переводятся на английский язык только с помощью соответствующих словосочетаний - նախավերջին (the last but one , next to last), առաջնեկ (first-born child), վերջնածին (last-born child), փոքրուց (from, eversince one's childhood) и т.д. Сюда относится также довольно большая группа слов-указателей времени, обозначающая "начало" и "конец" века, года, времен года и не имеющая однословных лексических соответствий в английском языке: ամառնամուտ, ամառնավերջ, ամսագլուխ, ամսամուտ, ամսավերջ, աշնանամուտ, աշնանավերջ, գարնանամուտ, ձմեռնամուտ, դարագլուխ, դարասկիզբ, տարեսկիզբ, տարեգլուխ и т.д. Хотя реальность, обозначаемая словами "начало и конец зимы/лета" знакома как армянину, так и англичанину, однако, в английском языке нет специальных лексических средств для их обозначения. Дело, конечно, не в превосходстве одного языка над другим, а в неодинаковой фиксации фрагментов действительности разными языками.

Группа армянских слов с семантическим компонентом "первый, исходный, начальный" передается на английский язык посредством структурной модели Adj + N , например: սկզբնաշրջան (initial/first period), սկզբնանյութ (initial substance), սկզբնատող (first/initial line), սկզբնաքայլ (first step), սկզբնատառ (first/initial letter), սկզբնակետ (starting point).

Группа сложно-составных слов армянского языка передается на *английский* язык с помощью как "простой непропорциональной подставки", т.е. передачи одного понятия с помощью нескольких понятий, так и описательного перевода, который, как известно, будучи совершенным в плане передачи информации, отличается некоторой громоздкостью. Так, армянские слова հետահունչ /հետին, վերջին հունչ խոսքի/, հետժամանակություն /ըստ ժամանակի մի քանի հաջորդելը/, այգալուց /թաղման հաջորդ օրը ննջեցյալի գերեզմանի վրա կատարվող սուգը և դրա հետ կապված արարողությունները/, եռնակիթ /հորթի ծնվելուց հետո կովի երկրորդ անգամ կթելը/ можно перевести на английский язык только описательно, например слово "մահտաշ "

(մահվան անմիջապես նախորդող պահը՝ միջոցը) передается как "the moment, time, immediately preceeding death" (момент, время, непосредственно предшествующее смерти). При переводе полностью сохраняется как передаваемая информация, так и временное указание на предшествование временной точке отсчета (նախորդող – preceeding – предшествующий), однако громоздкость переводческого эквивалента очевидна.

Основной итог первого этапа исследования, осуществленного на базе данных лексикографических источников, заключается в составлении "инвентаря" средств дейктической номинации категории времени, в определении внутренней структуры Указательного Поля Времени, установлении закономерных соответствий между структурами значений конституентов Указательного Поля Времени в современном армянском и английском языках.

Выявленные общие закономерности межъязыковой эквивалентности вытекают из единства объекта познания и общих закономерностей его мыслительного отражения. Отличие же соотносимых единиц кроется в различии их места в системе других слов.

В целом же, черты сходства относятся к их общим типологическим характеристикам, а черты различия носят более частный характер. При этом выявленные черты различия чаще относятся к структурным особенностям исследуемых единиц (что в значительной степени объясняется структурными различиями армянского и английского языков в целом) и реже – к их семантическим различиям.

X X X

Анализ дейктических единиц на уровне виртуальных словесных знаков раскрывает лишь одну сторону языковой деятельности – классификационно-номинативную. Поэтому в работе осуществляется переход от рассмотрения исследуемых единиц в системе номинации к рассмотрению семантического развертывания системного значения дейктического слова в речевой цепи.

При исследовании дейксиса на материале текстов различаются два типа ситуаций: непосредственная ситуация, в которой находятся участники коммуникации, и воссозданная (нарративная) ситуация, которая описывается в повествовательном тексте одним из участников общения средствами языка. Важно отметить, что оба типа ситуаций служат основанием для определения дейктических ха-

рактеристик слова.

Конкретное значение дейктического слова обусловлено всякий раз словесным воссозданием ситуации речи в тексте и ориентировано относительно некоторой точки отсчета, релевантной в пределах определенного текста.

Текстовой материал, в основном, включал местоименные наречия времени հիմա/այժմ и наречные выражения – այդ/այն ժամանակ в армянском языке, наречия now – then в английском языке, составляющие два крайних члена в дейктической оппозиции; все остальные дейктики занимают промежуточное положение на временной оси между этими двумя противочленами.

В работе с помощью лингвистического эксперимента были выявлены особенности функционирования вышеупомянутых наречий в речи, которые и привели к следующим выводам:

I) Наречия հիմա/այժմ, now являются ориентирами на временной оси и указывают в основном на область настоящего времени, которая может быть представлена как момент или период времени различной протяженности:

а) Семантика указанных наречий связана с "тонкой" семантикой грамматических значений времени и вида глагола-сказуемого.

б) Наречия հիմա/այժմ являются синонимами, однако во многих контекстах замена рассматриваемых наречий армянского языка друг другом приводит к определенным семантическим и стилистическим изменениям.

в) Наречие այժմ указывает на временной период, включающий момент речи. Здесь можно дифференцировать между коротким ($այժմ_1$) и длинным ($այժմ_2$) временными периодами.

г) Наречие հիմա можно рассматривать как многозначное слово, системное значение которого содержит не только указание на момент речи или на период, включающий момент речи, но и момент или период, следующий непосредственно за моментом речи. Этой многозначностью объясняется довольно высокая частотность употребления наречия հիմա, по сравнению с այժմ(այժմ– I262/70, հիմա – 2601/72)[I].

[I] Համարիչը արտահայտում է բառի ընդհանուր հաճախականությունը, հայտարարը՝ տարածվածությունն ըստ տեքստերի: /Բ. Կ. Ղազարյան, Ժամանակակից հայերեն լեզվի հաճախականության բառարան, ՀՍՍՀ ԳԱ, Երևան, 1982/

I4

2) Сопоставление данных парадигматики и синтагматики выявило дополнительные смыслы при актуализации исследуемых языковых единиц. Это является еще одним доказательством, что семантика дейктических единиц носит абстрактный, обобщенный характер и уточняется, конкретизируется в речевой цепи. Так, исследуемые наречия свободно употребляются с временными формами прошедшего времени, хотя толковый словарь и не дает случаи использования наречий հիմա/այժմ в нарративном режиме.

Дейктики հիմա, այժմ, now, кроме указания на временную точку в прошлом, в нарративном режиме могут выполнять следующие функции:

а) являться маркерами между прошедшим и предпрошедшим временами;
б) характеризовать "новое состояние" в прошлом, представляя новый эпизод в повествовании.

3) Второй член оппозиции (այդ/այն ժամանակ в армянском языке и then в английском языке) может относить события как к прошедшему, так и к последующему моменту/периоду времени, локализируя его во временном пространстве. Выбор того или иного значения предопределен семантикой и видо-временной формой предиката.

В семантических связях, в которые дейктические единицы вступают с другими единицами текста, ярко проявляется специфика их семантики, конкретизация которой требует выявления определенной точки отсчета. Исследование семантического развертывания временного дейксиса в речи позволило определить реальные точки отсчета, относительно которых характеризуется обозначаемое событие. Установление точек отсчета дало возможность определить реальное, "конкретное" содержание дейктических единиц.

Наблюдение за речевой актуализацией дейксиса показало, что дейксис и его основной компонент - точка отсчета - выявляются в семантике слова, но и могут быть вынесены также за его пределы в сферу синтагматических связей (словосочетание, предложение, текст).

Полученные результаты позволили составить определенное представление о потенциальных возможностях армянского и английского языков в плане обозначения временного дейксиса и выявить некоторые интересные проявления избирательности языковых средств.

Проведенное исследование не претендует на окончательное решение всех проблем, связанных с общей теорией дейксиса и, в

частности, временного дейксиса. Полученные результаты позволяют наметить дальнейшие пути изучения дейксиса, среди которых наиболее перспективными представляются следующие:

- исследование взаимодействия разноуровневых средств выражения категории дейксиса в армянском и английском языках,

- изучение специфики проявления личного и пространственного дейксиса в армянском языке,

- сопоставительный анализ всех дейктических категорий в армянском и английском языках.

X X X

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Особенности проявления временного дейксиса в армянском и английском языках. Иностранные языки, зарубежная литература, вып.6, Ереван, 1986, с.192-204.

2. Понятие дейксиса в современном языкознании. Тезисы докладов пятой республиканской научной конференции молодых лингвистов. Цахкадзор, 27-30 мая 1986, с.91-92, на армянском языке.

3. Сопоставительный анализ темпоральных дейктических систем в армянском и английском языках. Иностранные языки, зарубежная литература, вып.8, Ереван, 1988, с.207-220 (в соавторстве с Е.Л.Ерзинкян).

4. О сопоставлении категории временного дейксиса в армянском и английском языках. Тезисы докладов шестой республиканской научной конференции молодых лингвистов. Агавнадзор, 13-17 июня 1988, с.110, на армянском языке.

5. О межъязыковой лексической эквивалентности, Астхик (Книга переводчиков), вып.2-3, Ереван, 1990, с.306-312, на армянском языке (в соавторстве с Е.Л.Ерзинкян).

6. О типах лексических соответствий в английском и армянском языках. Тезисы докладов научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава ЕрИНХ, Ереван, 1990, с.347.

7. К вопросу о категории дейксиса в армянском языке. Историко-филологический журнал, № 4, (130), Ереван, 1990, с.132-142, на армянском языке (в соавторстве с Е.Л.Ерзинкян).

Заказ 175 Тираж 100

Заказ принят 16.09.91 подписано к печати 19.09.91

Формат 60х84/16 объем печ. листов

Уч. изд. лист Бесплатно.

375025 Ереван 25 ул. Абовяна 52

Отдел издательства и оперативной полиграфии ЕрНИХ-а

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

АРМЯНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им.Х.АБОВЯНА

На правах рукописи
УДК 491-919-81

ОГАНИСЯН АСЛАН ОГАНЕСОВИЧ

ОБУЧЕНИЕ РАЗНОТИПНЫМ ПРИДАТОЧНЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЯМ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Специальность 13.00.02 - Методика преподавания
армянского языка

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Ереван - 1991

Работа выполнена на кафедре армянского языка и методики его преподавания Армянского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им.Х.Абовяна.

Научный консультант - кандидат педагогических наук, доцент АЛЕКСАНЯН Э.А.

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор АБРАМЯН С.Г.

кандидат педагогических наук, доцент МАНУКЯН А.С.

Ведущая организация - Ленинаканский государственный педагогический институт им.М.Налбандяна

Защита диссертации состоится 26.XI 1991 года в 14 часов на заседании специализированного совета К 055.04.02 по присуждению ученой степени кандидата педагогических наук при Армянском ордена Трудового Красного Знамени государственном педагогическом институте им. Х.Абовяна.

Адрес: 375010, Ереван-10, ул.Ханджяна, 5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Автореферат разослан 25.X 1991г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат педагогических наук [подпись] МИРЗОЯН Г.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Важные преобразования, обусловленные перестройкой в стране, глубокие процессы, возникшие в политической жизни нашей республики, настоятельно требуют также перестройки учебно-воспитательной работы в целях создания полноценной национальной школы.

Важнейшая задача нашей национальной школы на новом этапе ее развития – способствовать формированию самостоятельного мышления у учащихся в процессе овладения знаниями, а также воспитать гражданина, наделенного высокими моральными качествами. Одним из главных требований школы является глубокое, основательное изучение и овладение родным армянским языком.

Поставленные перед школой в настоящее время задачи невозможно решить традиционными методами и приемами обучения. В связи с этим педагогическая наука выдвигает новые задачи. Во-первых, совершенствовать педагогическое мастерство учителей, а это означает, что проблемы современной дидактики и теории воспитания следует разрабатывать на основе нового подхода к педагогической науке, ибо педагогическое мастерство немыслимо без научно обоснованной теории обучения и воспитания. Во-вторых, преодолеть ошибки и недоработки в методике преподавания, ведущие к процветанию в школах формализма и процентомании, поднять уровень преподавания всех учебных предметов, усовершенствовать их содержание, а также формы и методы обучения.

Родной язык играет огромную роль в развитии и формировании личности, поэтому он занимает совершенно особое место в ряду других преподаваемых в школе дисциплин. Благодаря уникальности родного языка молодое поколение приобщается к культурному наследию своего народа. Как средство и источник информации язык фиксирует, сохраняет и последовательно передает поколениям знания и жизненный опыт человечества. От детского лепета до высокого уровня владения языком человек доходит благодаря овладению словарным фондом родного языка. Правильная, красивая, привлекательная устная и письменная речь невозможна без знания грамматических правил и закономерностей и автоматического, спонтанного их применения. Обучение грамматическим правилам в на-

ших школах призвано помочь учащимся овладеть устной и письменной речью, развить их логическое и творческое мышление. Поэтому обучение грамматике не должно сводиться к схоластическим методам, ведущим к неосознанному бесплодному заучиванию ее правил и закономерностей. Все языковые правила и закономерности необходимо основывать на примерах, взятых из живой речи, причем, с непосредственной помощью самих учащихся; затем на основе соответствующих теоретических обобщений можно подытожить полученные результаты и таким образом сформулировать грамматические правила и определения. Полученные знания следует систематически применять на практике, через систему разнообразных упражнений развивать навыки и умения учащихся, стремясь усовершенствовать их устную и письменную речь. Иными словами, изучение языковых закономерностей должно осуществляться на основе методологических требований теории познания, т.е. от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него – к практике. Такое осознанное усвоение грамматики способствует активизации мыслительной деятельности учащихся. В процессе изучения любого языкового понятия учащийся осмысливает и усваивает его, следуя от конкретного к абстрактному, обогащая свои знания и развивая логическое мышление. Это способствует повышению успеваемости учащихся и формированию их мировоззрения.

Развитие мышления учащихся во многом зависит от того, в какой мере учитель способен обеспечить их активность и самостоятельность в процессе обучения, сможет ли научить учеников думать. В связи с этим важное значение имеет организация учебного процесса, прежде всего правильный выбор и применение методов и форм, приемов обучения.

Грамматический материал не должен преподноситься в готовом виде, ибо активизация познавательной деятельности школьников требует, чтобы любое языковое явление подавалось как проблема, подлежащая совместному творческому анализу. Только в этом случае учащийся проявит активность, благодаря чему процесс обучения будет для него интересным, а умозаключения, выводы и формулировки грамматических правил станут плодом собственной мысли и закрепятся в памяти.

Обучение грамматике, как одной из основ изучения языка, должно иметь практическую направленность. Важна и ее роль в процессе активного овладения языком. Без учения о слове, о системах словоизменения и словообразования, о строении предложений и т.д. нельзя представить обучение языку. Только при правильном применении грамматических правил и закономерностей в устной и письменной речи можно говорить о достаточно удовлетворительном уровне владения языком.

При изучении синтаксиса особое место принадлежит сложным предложениям, в которых даны правила взаимоотношений предложений и форм их взаимосвязи. Однако, справедливости ради, надо отметить, что методисты-языковеды больше занимались теоретическими вопросами сложных предложений, чем методикой обучения. Теория сложноподчиненного предложения современного армянского языка, связанная с изучением соответствующих грамматических категорий, определенное развитие получила в советский период. Однако для создания целостной методики преподавания этой сложной темы сделано еще очень мало.

Учитывая практическую необходимость изучения сложноподчиненных предложений для развития устной и письменной речи учащихся, а также отсутствие полноценной литературы по этой сложной теме, становится очевидной серьезность и актуальность изучаемой проблемы. Именно этим обусловлен выбор диссертационной темы.

Объектом исследования является методика преподавания синтаксиса армянского языка.

Предметом исследования являются методы и приемы обучения сложноподчиненному предложению армянского языка в средней общеобразовательной школе.

Цель исследования - на основе действующих методов разработать новые средства и приемы обучения сложноподчиненным предложениям армянского языка; выявить наиболее доступные и эффективные пути для их изложения и трансформации, способствующие глубокому и прочному усвоению синтаксических знаний по сложноподчиненным предложениям, а также развитию речи учащихся.

В основу исследования положена гипотеза о том, что эффективность обучения сложноподчиненным предложениям в школе будет более высокой, если их изучение не ограничивать различными схе-

мами и не загромождать терминологией, а путем совместного с учениками анализа выявить функции этих предложений, прису им синтаксические средства и соотношение их с другими гра ческими категориями. При этом, обходя схематичность тради онных трактовок и используя методы проблемного обучения, вести до сознания учащихся закономерности между отдельным дами придаточных предложений, обеспечить связь между теор ческими знаниями и их практическим применением, учитывая же требования межпредметных и внутрипредметных связей.

Для осуществления поставленной цели были определены с дующие задачи исследования:

– проанализировать степень разработанности проблемы р крыть теоретические и практические основы формирования син ксических знаний учащихся;

– изучить состояние преподавания сложноподчиненных пр ложений в армянских школах, выявить трудности, связанные обучением отдельных видов придаточных предложений, показат пути и средства их преодоления;

– проанализировать характерные синтаксические ошибки сложноподчиненных предложениях, выявить их причины и разра тать соответствующую систему упражнений для их устранения;

– дать подробный анализ наиболее употребительных спосо бов и средств практического обучения сложноподчиненным пре ложениям и показать рациональные пути эффективного усвоени материала;

– обобщить положительный опыт учителей Масисского райо на Армении и собственный многолетний опыт по изучаемой теме

– сформулировать основные требования, предъявляемые к преподаванию сложноподчиненных предложений, используя внутрипредметные и межпредметные связи;

– разработать основные принципы общей методики преподавания синтаксиса армянского языка.

Методологической основой исследования является диалекти ко-материалистическая теория познания, обусловливающая резул тативность обучения. Основные современные научные исследования и труды в области философии, дидактики, педагогической психологии и методик отдельных предметов, в первую очередь м тодики преподавания армянского языка, стали теоретической ос новой данного труда.

Основываясь на эти методологические положения, а также на основной принцип системы народного образования – вести обучение на родном языке, мы в своей диссертации старались ориентироваться на последние решения государственного комитета по науке и образованию РА по совершенствованию преподавания армянского языка.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы научного исследования: изучение и обобщение педагогического опыта, дидактический эксперимент, теоретический анализ и синтез, конкретизация теоретических знаний, сравнение и сопоставление, абстрагирование, изучение научной и художественной литературы, исследовательско-поисковый.

В процессе исследования особенно часто обращались к последнему методу, благодаря которому обстоятельно были изучены сложноподчиненные предложения и его виды, употреблявшиеся в современном армянском языке – (конец XIX – начало XX вв.) – в произведениях армянских писателей и в печати, а также в работах армянских лингвистов. Рассматривались также труды русских ученых, т.к. грамматические закономерности русского и армянского языков имеют много общего.

Нами была изучена методическая литература, в частности труды С.Г.Афрамяна, З.А.Алексаняна, С.В.Гюльбудагяна, А.С.Гарибяна, А.Е.Тер-Григоряна, Г.М.Эдилляна и др. В освещении многих вопросов нам помогла русская методическая литература, в частности, труды П.О.Афанасьева, Е.А.Васиновой, Ф.И.Буслаева, А.П.Позднякова и др., а также современные исследования по педагогике и педагогической психологии (Ю.К.Бабанский, Г.И.Богоявленский, Л.И.Божович, В.В.Давыдов, Л.В.Занков, И.Я.Лернер, Н.А.Менчинская, М.Н.Скаткин и др.), которые дали возможность по-новому осветить коренные вопросы методики.

Новыми являются следующие научные результаты:

1. Разработаны, систематизированы основы методики преподавания сложноподчиненных предложений армянского языка в школе.

2. Изучены не только методические, но и лингвистические педагогические и психологические основы обучения сложноподчиненным предложениям. Исходя из этого представлен всесторонний анализ способов обучения грамматике, способствующих развитию логического мышления учащихся.

3. Предложены наиболее результативные формы обучения сложноподчиненным предложениям с учетом их функциональных различий, структуры и взаимоотношений на основе собственного опыта многолетней работы и опыта коллег. Например, обучение по выработанным нами специальным графическим схемам (стр. 37-39).

4. В результате изучения требований, предъявляемых к знаниям и умениям учащихся по синтаксису, разработана и на практике проверена система методических приемов анализа учебного материала по сложноподчиненным предложениям.

Практическое значение исследования в том, что оно может служить вспомогательным пособием для учителей при обучении сложноподчиненным предложениям армянского языка. В нем они найдут ответы на многие вопросы по методике преподавания данной темы. Определенную практическую помощь учителям могут оказать также образцы схем, графиков, примерные упражнения, задания, предложения и рекомендации, тем более что они все исходят из школьной практики и теоретически обоснованы.

Основные положения и результаты диссертации в значительной степени восполнят пробел, имеющийся в методике преподавания армянского языка, а также помогут учителям поднять продуктивность и качество обучения родному языку.

Методы и приемы работы с учебным материалом могут быть использованы учителями и методистами для организации практических занятий по изучаемым темам, для повышения уровня знаний и активизации познавательных интересов учащихся. В работе представлены возможные пути приобретения учащимися навыков самостоятельной работы по придаточным предложениям на основе постепенного перехода от воспроизводящего уровня мышления к творческому.

Практическое применение и апробация исследования. Достоверность и аргументированность предложенных нами методических приемов и средств подтверждена многолетней практикой и анализом опыта коллег, а также результатами целенаправленного изучения большого числа уроков по исследуемой теме в ряде школ Апаранского, Эчмиадзинского и Масисского районов Армении. Причем, часть уроков проводилась по разработанному автором плану с исследовательской целью. Отдельные положения работы докладывались на курсах усовершенствования учителей армянского языка и на республиканских педагогических чтениях.

Апробация диссертации проводилась на заседании кафедры армянского языка и методики его преподавания и общей педагогики АГПИ им.Х.Абовяна.

Основные положения и результаты диссертации отражены в пяти публикациях.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии (132 наименования) – общий объем диссертации 176 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор исследуемой темы, ее актуальность, объект и предмет исследования, сформулированы цель, научная гипотеза, задачи, методологическая основа и методы исследования, раскрывается его научная новизна, практическое значение и достоверность.

В первой главе – "Обучение сложноподчиненному предложению как средство развития мышления учащихся" – определены пути ознакомления учащихся с правилами и закономерностями построения сложноподчиненных предложений, указаны также возможные способы развития их логического мышления через приобретение грамматических знаний.

Какой бы раздел сложноподчиненного предложения ни изучался, внимание учащихся необходимо предварительно сосредоточить на примерах, выражающих языковые закономерности, грамматические правила, анализ которых поможет им формулировать соответствующие научные понятия. Поэтому мы рассматривали процесс формирования у учеников определенных представлений и понятий по сложноподчиненным предложениям, связи слова и понятия, языковых явлений и мыслительных процессов, ибо для развития словесно-логического мышления в обучении необходимо, чтобы обучаемые научились сравнивать, сопоставлять, анализировать, классифицировать, обобщать, грамматические факты и явления, делать самостоятельные выводы. Только такой подход может побуждать обучаемых к активной познавательной деятельности. Тем более, что грамматика предоставляет большие возможности для развития словесно-логического мышления учащихся, так как специфической особенностью ее обучения является обобщающий и абстрагирующий характер.

Далее нами характеризовалось соотношение языка и мышления, слова и понятия, предложения и суждения, обобщения и умозаключения. Формируя определенное представление об одном из компонентов, учащийся уже имеет ясное представление о втором из них и может правильно применять их на практике. Это является важнейшим условием для развития словесно-логического и творческого мышления в процессе изучения грамматических правил, законов и категорий при обучении сложным предложениям. При этом указывается ряд методов, применение которых может способствовать развитию мышления учащихся, их самостоятельной работе. В частности, подчеркивается роль объяснительно-иллюстративных методов, а также необходимость решения проблемных задач и вопросов, предполагающих выявление учащимися новых связей и отношений между предметами и явлениями на основе приобретенных ранее знаний. Так, исходя из того, что учащиеся уже знакомы с видами сложных предложений, перед ними можно поставить вопрос-проблему: "Чем отличаются сложносочиненные предложения от сложноподчиненных?" Этот вопрос создает проблемную ситуацию, активизирует класс, обостряет внимание учащихся. Сравнение или противопоставление предложенных примеров станет выходом из подобной ситуации:

сложносочиненное предложение	сложноподчиненное предложение
,,Վրաստա՛ն, որ դեմ բաց է մեր դուռը,	,,Երբ նայում եմ ծաղիկներին,
Իմ սրտի նման գինու թաս է քեզ,	Քնքշանում եմ ծաղկի նման,
Քեզ միջև համբուրվեն Արագըն ու Քուռը,	Երբ նայում եմ վեր՝ աստղերին
Քեզ խոր պաշտեն ազգերը մեզ պես,,	Բարձրանում եմ աստղի նման,,

"Сравнение является мыслительной деятельностью, в процессе которой происходит выделение отдельных признаков, выявление характерных черт различных предметов и явлений, что является необходимым условием для любого обобщения"[1].

Путем сравнения учащиеся находят сходство и различие в данных предложениях и делают свои выводы о том, что главное предложение не может быть самостоятельным, если:

---

1 Богоявленский Д.Н., Менчинская Н.А. Психология усвоения знаний в школе. М.,1959, с.101-102

- оно односоставное или неполное;

- в нем наличествует какой-нибудь член, выражающий управление;

- оно имеет подлежащее придаточное предложение.

При рассмотрении вопросов обучения сложноподчиненным предложениям нами сделаны следующие методические предложения по изучаемому материалу:

- только после того, как учащиеся научатся четко отделять главное предложение от придаточных, можно переходить к изучению их типов, связей и т.д., придерживаясь дидактических правил;

- на соответствующих примерах с применением различных методов и приемов учитель должен довести до сознания учащихся существующие всевозможные формы связей между придаточными и главными предложениями;

- для восприятия абстрактных грамматических понятий широко использовать наглядные пособия, схемы и условные знаки, ибо в таком случае в процессе усвоения участвуют органы слуха и зрения, что способствует активизации мышления.

При обучении сложным предложениям в основном используются графические схемы, наглядно демонстрирующие правила и формы построения, расстановку главных и второстепенных членов, пунктуацию, виды связей предложений. Эти схемы становятся как бы условными знаками, выражающими основные признаки сложных предложений, упрощая усвоение учащимися данной темы.

Графические схемы составляются по-разному. Однако подробный анализ методической литературы показывает, что обычно схемы недостаточно эффективны, потому что, на наш взгляд, они недостаточно четки. В связи с этим предлагаем придерживаться следующих требований:

- схемы должны точно передавать языковые закономерности и грамматические правила с их характерными признаками;

- по своему строению схемы должны быть доступными для учеников, составление их не должно вызывать никаких трудностей и требовать много времени;

- схемы должны быть большого формата, выполнены четко, аккуратно, чтобы при демонстрации были видны всем ученикам в классе;

- необходимо заранее определить, на каких этапах урока де-

монстрация схемы наиболее целесообразна;

- после демонстрации схемы ее следует оставить в классе до завершения темы, чтобы ученики смогли обстоятельно изучить ее.

Иногда приходится составлять схему прямо на уроке, когда необходимо сконструировать конкретное предложение по заданной схеме. Перед составлением любой схемы учащихся надо ознакомить со всеми ее элементами, т.к. схема, как условный знак, может быть обозначена по-разному.

Исследованные нами схемы просты и доступны. В них достаточно четко отражены пунктуация и синтаксис придаточного предложения. Однако они не отражают точную употребительность или отнесенность придаточных предложений к определенной группе дополнения. Предложенные же нами схемы, соответствуя этим требованиям, отражают точную употребительность придаточного предложения или отнесенность к той или иной группе. Так:

а) главное предложение

б) придаточные предложения, имеющие синтаксическую соотносительность с главными членами предложения

в) придаточные предложения, поясняющие какой-либо член предложения, выраженный существительным

г) придаточное предложение, поясняющее член предложения, выраженный глаголом

Критикуя существующий ошибочный подход, заключающийся в возможности трансформации сложноподчиненных предложений в простые или предписывающий особую роль союзам и словам, мы пришли к выводу, что в обоих случаях невозможно точно определить вид придаточного предложения, по его синтаксической функции, так как:

а) трансформация в данном случае не что иное, как восстановление того члена главного предложения, который выражается придаточным предложением. И если функция придаточного предложе-

жения по отношению к главному еще не определена - как можно его трансформировать?

б) существуют не трансформируемые придаточные предложения. Как тогда определить их синтаксическую функцию?

в) в армянском языке существуют однозначные и многозначные союзы и союзные слова. Если посредством однозначных союзов на основе их семантики можно определить синтаксическую функцию придаточного предложения, то посредством многозначных союзов это невозможно;

г) для определения функции придаточного предложения бессмысленно восстанавливать союз в бессоюзных конструкциях.

В процессе обучения сложноподчиненным предложениям мы часто обращались к объяснению, рассматривая его не только как метод или одну из важных сторон обучения, но и как одну из важнейших функций учителя, от качества которого в значительной мере зависит степень усвоения знаний, формирования умений и навыков, а также развитие мышления учащихся. Мы старались объяснение сделать понятным и интересным, преодолевая трудности его восприятия учениками. Хотя порой его применение в процессе обучения кажется слишком простым, но эффективность объяснения определяется четким изложением логической структуры изучаемого материала и организующей ролью взаимозависимой деятельности учителей и учащихся. Исходя из этого нами было учтено, что:

- языковые формы объяснения играют существенную роль для восприятия изучаемых явлений;

- объяснение должно состоять по возможности из коротких предложений и знакомых слов - каждое предложение должно точно выражать требуемую мысль;

- четкое и умелое объяснение требует, чтобы учитель отличался не только глубоким знанием предмета и безукоризненной грамотностью, но и высокой общей культурой;

- необходимо чаще обращаться к проблемной форме объяснения, учитывая возможные сомнения и возражения учащихся;

- через выявление межпредметных связей необходимо способствовать обогащению словарного запаса и развитию логического мышления учащихся.

Характеризуя процесс объяснения изучаемого материала по сложноподчиненным предложениям, мы на основе соответствующих образцов показывали, как использовать оригинальные черты,

предложения, схемы, плакаты с применением технических средств обучения, как их демонстрировать. В частности, при объяснении видов придаточных предложений и их связей с простыми предложениями, мы предлагаем демонстрировать сложноподчиненные предложения только после нескольких простых предложений, выражающих ту же мысль. Затем посредством методов сравнения и сопоставления учащиеся могут убедиться в том, что в сложноподчиненном предложении один из членов простого предложения выражен придаточным предложением. После этого следует объяснение о том, что определить синтаксическую функцию придаточного предложения, значит выяснить, какой член главного предложения оно заменяет.

Синтаксическую функцию придаточного предложения точно можно определить:

- через управляющее слово в главном предложении;
- посредством правильной постановки вопроса;
- точным определением того, какой частью речи выражен дополняемый член главного предложения, а именно:

а) если дополняемый член главного предложения выражен глаголом, то придаточное – дополнительное или обстоятельственное. В этом случае необходимо обратить внимание на два грамматических признака: залог и значенье глагола;

б) если дополняемое главного предложения является глаголом страдательного залога и не имеет своего воздействующего косвенного дополнения или оно выражено формально (управляющим словом), значит придаточный компонент по функции является воздействующим косвенным дополнением;

в) если придаточное поясняет выраженный существительным главный член предложения, значит по функции это согласованное или несогласованное определение или приложение.

В определении функции придаточного предложения особое значение имеют формы времени и наклонения дополняемого глагола. Это особенно важно при бессоюзном конструировании сложноподчиненных предложений.

При бессоюзной связи определенное значение имеет интонация компонентов предложения. Одно и то же придаточное предложение при чтении с разной интонацией часто меняет свою функцию. Так, когда предложение "можете, идите" произносится с повышением тона после первого компонента, оно получает смысл условия – "если

можете, идите", а когда оно произносится с понижением тона после первого компонента и между двумя компонентами пауза дольше, то воспринимается как основание – "так как можете, идите".

Если дополняемое главного предложения выражено глаголом, имеющим только одно лицо, то компонент придаточного имеет функции подлежащего.

Во второй главе – "Применение наиболее продуктивных методов и приемов обучения придаточным предложениям, соотнесенных с членами главного предложения, как главное условие усвоения" рассматривается проблема новой классификации методов обучения на основе соответствующих трудов Ю.К.Бабанского, И.Я.Лернера, М.И.Махмутова, М.Н.Скаткина и др. Коротко характеризуются словесно-информационные, наглядно-иллюстративные, исследовательско-поисковые и др. методы, а также приемы их применения в процессе преподавания сложноподчиненных предложений; показываются некоторые пути формирования методических приемов, а также их роль в усвоении знаний, в развитии умений и навыков, в формировании соответствующих учебных потребностей и интересов; отмечается роль интуиции и внутренней активности в творческой работе учащихся.

Эта глава состоит из четырех параграфов или подтем.

В первой подтеме дается краткая характеристика придаточных предложений, соотнесенных с главными членами предложений, их виды и связи, а также их конструкция и трансформирование.

При обучении сложноподчиненным предложениям с придаточным подлежащим мы путем повторения восстанавливаем в памяти учащихся приобретенные знания по простым и сложносочиненным предложениям. При восстановлении пройденного, чтобы обратить внимание учащихся на взаимосвязь придаточного с другими членами предложения, следует воспроизвести знания по значению связи членов предложения. Поэтому при организации деятельности учащихся по обновлению в памяти необходимого материала надо от известного переходить к неизвестному, "новым знаниям", и, следуя дидактическому правилу: чем меньше объем информации, тем легче ее запомнить, – новые положения излагать в более точных и экономных выражениях.

При сообщении нового ЗН, по возможности, сокращаем объем запоминаемого материала по придаточным [illegible] посредством характерных и обобщенных примеров. [illegible]

но-логического мышления и объем памяти определяются количеством не любой, а необходимой и точной информации по изучаемому предмету. При этом производится в классе логическая обработка изучаемого материала, создается возможность не только для четкого восприятия знаний, но и для обучения соответствующим методическим приемам. Более того, ученики упражняются в анализе логической структуры сложноподчиненных предложений, при этом от них требуется четкое различение видов придаточных по грамматическим признакам. Таким образом, восстанавливая в памяти полученные прежде знания, при помощи проблемных вопросов проводится параллель между подлежащим простого предложения и придаточным подлежащим сложноподчиненного. При создавшейся активной ситуации учащиеся сами приходят к выводу о том, что в отличие от подлежащего простого предложения, выраженного одним словом или словосочетанием, мы имеем дело с целостным придаточным подлежащим предложением.

На основе анализа приведенных из первоисточников примеров и обобщения полученных данных ученики приходят к выводу о том, что:

- в сложноподчиненных предложениях с придаточным подлежащим, в главном предложении подлежащее отсутствует, оно выражено придаточным предложением;
- в главном предложении подлежащее выражено указывающим словом, формально носящим функцию подлежащего и осмысливающимся через придаточное предложение.

Относительно средства связи необходимо объяснить следующее:

а) когда подлежащее выражает лицо, то между главным и придаточным предложениями в качестве соединительных слов употребляются ТОТ-КТО, ТОТ-КОМУ, ОТ КОГО-КЕМ. В этом случае предложения могут соединяться друг с другом и относительными местоимениями КОТОРЫЙ, КТО при наличии в главном личных местоимений ОН, ОНИ;

б) если подлежащее выражает предмет, то в главном предложении употребляется указательное местоимение ТОТ, его отсутствие почти исключается.

При сопоставлении сложноподчиненного предложения с придаточным подлежащим большое значение имеет то, чем выражено сказуемое главного предложения. Если содержание придаточного предложения связано со сказуемым главного предложения, выраженным

глаголом, имеющим только одно лицо, придаточное предложение является подлежащим. Хотя тема "Трансформирование сложноподчиненного предложения в простое" в программе и в учебнике дается после раздела о видах придаточного предложения, исходя из собственного опыта, мы убеждены, что эти темы надо изучать параллельно.

При трансформировании предложений нами были поставлены вопросы о характере изменений придаточного предложения, его сказуемого, союзов и союзных слов, а также о синтаксических изменениях в главном предложении.

В сложноподчиненных предложениях с придаточным сказуемым следует обратить особое внимание на то, что:

- сказуемое главного предложения, которому соответствует управляющее слово, выраженное местоимением, носит формальный характер и осмысливается придаточным предложением;

- предложение с придаточным сказуемым ставится после составного сказуемого главного предложения и является постпозитивным;

- в главном предложении предикатив выражается ТОТ, ЭТОТ, ЭТО, ОН и др. местоимениями, а также НЕ ТО ЧТО, НЕ ТОТ КТО словосочетаниями. Придаточное сочетается с главным союзами и относительными местоимениями ЧТО, ЕСЛИ, КУДА, ГДЕ, КТО;

- предложения с придаточным сказуемым большей частью бывают постпозитивными, однако не исключено их употребление перед главным, хотя и очень редко.

Эффективному усвоению материала способствует также примененный нами методический прием, когда при помощи технических средств иллюстрируются сравнительные примеры придаточного предложения с их трансформированными примерами. Такой прием убеждает учеников в том, что если предикатив придаточного предложения выражает название или лицо, то трансформация остается без изменения.

<u>Во второй подтеме</u> обсуждаются вопросы обучения придаточным предложениям с именными (определительное, несогласованно-определительное, приложение) членами. Нашей основной целью было охарактеризовать сложноподчиненные предложения с определительными придаточными, показать наиболее результативные способы их обучения, а также средства связи, структуру, формы трансформации с их существенными признаками.

Исходя из опыта, мы пришли к выводу о том, что для опти-

мального обучения данной теме необходимо использовать исследовательские методы, благодаря которым легко вовлекать учащихся в самостоятельную творческую работу.

1. Предложения с определенными придаточными в речи часто употребляются с союзами КАКОЙ, ЧТО и относительными местоимениями КОТОРЫЙ, КУДА, КОГДА, ГДЕ, КАК и др. В главном же предложении могут употребляться ТОТ, ТАК, ТАКОЙ, ТАКОЙ ЖЕ и др. управляющие слова, которые сочетаясь с предыдущими, делают более тесной связь между главным и придаточным.

2. В современном армянском языке сложноподчиненные предложения с несогласованным определительным придаточным употребляются сравнительно редко. Это объясняется тем, что, во-первых, у них нет смысловых оттенков несогласованного определения простого предложения, а во-вторых, для них определяющими являются немногие слова. В диссертации подробно указаны различия между определительными и несогласованно-определительными придаточными предложениями с их грамматическими профилями, формами и структурой.

Руководствуясь тем, что всякие обобщения могут быть объяснены и усвоены лишь на основе фактов, мы всегда на первый план выдвигали знание грамматических правил и закономерностей языка, ибо они как главный предмет изучения и как основа теоретического обобщения, могут быть восприняты и усвоены учащимися как единое целое только через точное отражение их в сознании. Так, для усвоения сложноподчиненных предложений с придаточными определительными, несогласованно-определительными и приложением очень важны знания об их формах связи, структуре, соединяющих союзах и союзных словах, о характере выражения и трансформации, о месте нахождения придаточного по отношению к главному предложению, об особенностях бессоюзных предложений и т.д.

<u>В третьей главе</u> рассматриваются придаточные предложения, соотнесенные с членом главного, выраженным глаголом.

В ней подробно характеризуется методика обучения сложноподчиненным предложениям с дополнительными и обстоятельственными придаточными предложениями с их всевозможными разновидностями и характерными особенностями. Посредством анализа и синтеза, сравнения и сопоставления выявлено общее и частное между членами и видами дополнений и дополнительных предложений, между прямыми дополнительными придаточными и косвенными, а также между обстоятельственными членами и придаточными места, време-

ни, образа действия, меры и степени, услови. , цели, причины следствия, уступительным.

С точки зрения методических особенностей, на основе грамматических различий и анализа соответствующих примерных предложений охарактеризованы и обобщены разновидности связей придаточных предложений с главным, многозначность союзных слов и союзов, характер выражения пояснительных слов и придаточных предложений, формы трансформации и т.д. Оперируя грамматическими понятиями и соответствующими примерными предложениями, м старались в процессе преподавания синтаксиса сложноподчиненны предложений развивать у учащихся умение подвергать системно-структурному анализу приобретенные знания, обеспечивая целостное восприятие явлений по изучаемой теме.

С целью развития словесно-логического и творческого мышления учащихся в работе особое внимание уделяется синтаксическому разбору предложений с придаточными условия, основания, причины и следствия.

Четвертая подтема – "Обучение сложным предложениям с нес колькими придаточными". Опытом подтверждено, что процесс приоб ретения грамматических знаний стимулирует развитие мышления уч щихся, становится основой новых знаний. Усвоение нового посред ством уже приобретенных знаний проходит тем успешнее, чем тес нее их связь. Именно так, сравнивая приведенные типы придаточных предложений со сложными предложениями с несколькими придаточными, раскрывая их смысловые функции, грамматический характер подчинения, средства связи и другие признаки, в ходе эвристической беседы с учениками подводим их к выводу о том, что в армянском языке могут быть сложные предложения, имеющие не одно, а несколько придаточных, по значению принадлежащих к тем же типам, что и одиночные придаточные.

Объясняя сложные предложения с однородны подчинениями (подчинение, последовательное, параллельное), мы подводим учени ков к выводу о том, что однородные придаточные, принадлежащие одному по значению типу и определяющие один из членов главного или все главное предложение, выражают соподчинение. Одновремен но иллюстрируем на соответствующем графическ изображении примерные предложения. Усвоив образец, ученики с остоятельно на уровне воспроизводящей деятельности выполняют упражнения. В дальнейшем они выполняют реконструктивные самостоятельные работы, перестраивая предложения, составляя свои примеры. Далее по

водим у   иков к вариативным, самостоятельным работам, создавая пре   осылки для приобретения опыта разбора и решения познавательных задач по изучаемым предложениям. В процессе этих работ ученики используют не только ранее усвоенные знания, но и стремятся к новой информации. Используя это, посредством проблемных вопросов мы помогаем выяснить функции и значение различных компонентов сложных предложений. Так, выясняются случаи одинаково употребляемости однородных придаточных предложений, повторения союзов или союзных слов и их место в составе придаточных предложений и т.п.

В результате исследования сделаны следующие основные выводы и предложения:

I. На основе новейших теоретических положений дидактики (общей и частной) и педагогической психологии необходимо изменить содержание курсов переподготовки учителей армянского языка с тем, чтобы преподавание велось только на научно-методическом уровне. Это будет способствовать углублению теоретических знаний учащихся и высокой результативности процесса обучения.

2. Поскольку дидактическая и методологическая литература в последнее десятилетие обогатилась содержательными исследованиями, по-новому раскрывающими сущность процесса обучения, необходимо переработать методику преподавания синтаксиса армянского языка, в частности его крупного раздела – сложноподчиненных предложений.

3. Нами были разработаны и выполнены следующие научно-методические задачи:

- созданы теоретические предпосылки для практического, результативного обучения данной теме;

- учитывая важную роль схем, графического изображения изучаемых конструкций, аудирования и т.п., предложены способы использования технических средств обучения в процессе преподавани данного раздела синтаксиса;

- представлено направление по применению межпредметных и внутрипредметных связей при объяснении тех или иных грамматичес явлений и выборе материала;

- показана роль изучаемых синтаксических понятий, правил, закономерностей в развитии познавательной деятельности и логического   ения учащихся, а также в становлении правильной устной и письменной речи;

4. Для результативного обучения данной теме необходимо обратить особое внимание на сходство и различие функций придаточных предложений с соответствующими функциями второстепенных членов простых предложений. В работе обосновано применение сравнительно-сопоставительного метода обучения синтаксису сложноподчиненных предложений, создающего необходимые условия для абстракции и обобщений по изучаемой теме.

5. Результаты нашего исследования свидетельствуют об эффективности обучения сложноподчиненным предложениям, степени усвоения и приобретения теоретических и практических знаний, умений и навыков по изучаемому материалу при применении предлагаемой нами методики обучения синтаксису армянского языка. Тем самым подтверждается выдвинутая нами гипотеза о создании естественного соотношения между теоретическими знаниями и их практическим применением с использованием новейших требований общей и частной дидактики.

Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:

I. Об обучении придаточным предложениям, соотнесенным с подлежащим. Ж."Айоц лезун ев гракануттюн дпроцум" (Арм.язык и литература в школе), 1973, № 5-6, с.43-45 (на арм. яз.).

2. Актуальный вопрос. Ж."Советакан манкаварж" (Советский педагог), 1977, №4, с.85-87 (на арм.яз.).

3. Обучение определенным придаточным предложениям. Ж. "Айоц лезун ев гракануттюн дпроцум" (Арм. язык и литература в школе), 1977, № I, с.8-10 (на арм. яз.).

4. Придаточное предложение, соотнесенное с несогласованным определением. Ж."Айоц лезун ев гракануттюн дпроцум" (Арм.язык и литература в школе), 1989, № 4, с.32-34 (на арм.яз.).

5. Придаточное предложение, соотнесенное с прямым дополнением. Ж."Айоц лезун ев гракануттюн дпроцум" (Арм. язык и литература в школе), 1990, № 3, с.60-61 (на арм.яз.).

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

АРУТЮНЯН ГАГИК СУРЕНОВИЧ

УДК 940.1+947.925

ПАПСТВО И КИЛИКИЙСКОЕ АРМЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII-XIV вв.

Специальность - 07.00.03 - Всеобщая история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЕРЕВАН - 1991

Работа выполнена на кафедре Всеобщей истории Ереванского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.А.ДИЛОЯН

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Армения М.К.ЗУЛАЛЯН

кандидат исторических наук Ю.А.ВАРДАНЯН

Ведущая организация – Институт истории Академии наук Республики Армения

Защита диссертации состоится "19" сентября 1991г. в 14 час. на заседании специализированного совета Д 005.06. по присуждению ученой степени доктора исторических наук при Институте востоковедения Академии наук Республики Армения.

Адрес: 375019, Ереван, пр.Маршала Баграмяна, 24г.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института востоковедения Академии наук Республики Армения.

Автореферат разослан "21" октября 1991г.

И.О.Ученого секретаря
специализированного совета,
доктор исторических наук,
профессор Г.М.ЕГАНЯН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Изучение истории дипломатических взаимоотношений папства и Киликийской Армении весьма важно для арменоведения. Несмотря на это, данная проблема поныне не подвергалась специальному исследованию. Помимо того, что ряд важных сторон этой проблемы представляет научный интерес, несомненна актуальность целостного освещения этой темы, вобравшей в себя группу вопросов, до сих пор являющихся предметом дискуссий.

Вполне правомочно выделить в качестве первого вопрос о факторах, обусловивших двусторонние отношения, их сущность, поскольку, хотя церковно-политические отношения армянского государства Киликии и папства в рассматриваемый период строились на религиозно-конфессиональных началах, в их основе лежали социально-политические факторы.

В историографии до сих пор делаются попытки представить дипломатические отношения внешними формами их проявления (переоценка церковно-конфессиональных принципов и субъективных действий личностей, преследующих цель объединения двух церквей и т.д.) и доказать, что папская курия старалась помочь армянскому народу, в ответ на что армяне должны были отказаться от некоторых традиций и канонов национальной церкви ("ересь"). Извращая исторические источники и факты, эти авторы пытаются доказать, что армянская церковь с самого начала подчинялась "престолу святого Петра", в дальнейшем же отдельные личности сумели "отвлечь от этой линии", вследствие чего отношения Киликии и папства представляются как борьба за восстановление прежнего "статуса" армяно-римских церквей[1].

---

1 Galano Cl. Conciliationis ecclesiae Armenae cum Romana

Галанос Кл. Согласие святой армянской церкви с великой святой церковью римской. - Т.I. Т.2, ч.I,2 - Romae, 1650,1658,1661.
Палчян Ал. История католичества в Армении и его союза с римской церковью на Флорентинском соборе. - Вена,1878.- На арм.яз.; Rainaldi. Annales ecclesiastici. continuant les Annales eccl. de Baronias ...
(интересующие нас текстуальные дополнения к этому труду даны в следующей работе: Когян Л.С. "Армянская церковь" до Флорентинского собора. Бейрут,1961). - На арм.яз.;
Петрович Гр. Братия по согласию и армянская церковь (1330--1360), "Андес амсорья", 1969 (7-9), 1970(1-2). - На арм.яз.

Вопреки подобному подходу к решению вопросов, когда игнорируются свидетельства источников и историческая ситуация представляется с субъективных позиций, мы постарались уточнить круг армяно-римских церковно-конфессиональных отношений, их правово-политическое состояние и ряд других вопросов. С учетом имеющихся в историографии мнений по данной проблеме, рассмотрев в общих чертах историю этих отношений, можно подчеркнуть, что проблема эта актуальна[I] также в двух аспектах – политическом и идеологическом.

I. Оценивая дипломатические отношения Киликийской Армении и папства, связанные с ними события и явления в целом, а также их последствия с точки зрения политической, следует показать их отрицательную роль в истории Киликийского армянского государства, в частности, армянского народа.

2. Рассматривая актуальность вопроса в идеологическом аспекте, следует выяснить закономерность специфического проявления антихалкедонской идеологии, ее особенности, а также ряд соответствующих вопросов.

Особое значение в плане идеологической борьбы имеют вопросы, затрагивающие некоторые связанные с культурной жизнью явления и события, которые были следствием тесных связей с Западом[2]. Одна-

I Муратянц М. Ответ на циркулярное письмо почтенного и благородного брата нашего Левона XIII, первосвященника Римского. "Эчмиадзин", 1951 (4-6). – На арм.яз.; Тертерян Ез. Вынужденные замечания. "Эчмиадзин", 1951(4-6). – На арм.яз.; Хачикян Л., Армянское княжество Артаза и школа Цорцора. – Банбер Матенадарани, №II, Ереван, 1973.– На арм.яз.; Епископ Дереник. Опровержение "Пастырского послания", написанного иереем святой римской церкви кардиналом Григором Петросом XV Агаджаняном, армяно-римским патриархом. "Эчмиадзин", 1951(4-6). – На арм.яз.

2 Oùdenrijn M.A. Linguae Haicanae scriptores ordinis Praedicatorum congregationis Fratrum Unitorum et FF. Armenorum ord. s. Basilii citra mare consistentium quotquot huc usque innotuerunt Recensebat. – Bern, 1960.

Аревшатян С.С. История философских школ средневековой Армении (XIVв.) – Ер.,1980; Варданян Юра. Историографическое наследие Нарсеса Палиаленца (XIV в.). Автореф. дисс. на соиск. учен.ст.канд.историч.наук. – Ер., 1984 и др.

ко, не всегда эти моменты освещаются объективно[I].

Вопрос весьма актуален в связи с тем, что делаются также попытки игнорировать завоевательские устремления папства, в частности, истинные цели восточной политики, а армянской церкви, которая по стечению обстоятельств взяла на себя всю тяжесть этой борьбы, предъявляются обвинения в том, что она заняла непримиримую политико-правовую и идеологическую позицию по отношению к католичеству[2].

Наконец, надо принять во внимание то, что изучение дипломатических отношений Киликийской Армении и папства является необходимым условием для прояснения некоторых узловых вопросов истории армянского народа XI-XIУ вв. и последующего периода.

Разработанность темы, цели и задачи исследования. Некоторые вопросы, связанные с рассматриваемой проблемой, давно привлекли внимание арменоведов, однако изложены они главным образом в работах, касающихся истории армянской церкви, Киликийской Армении, армянской общественно-политической мысли, а также в некоторых работах общего характера[3].

Не касаясь некоторых авторов, представляющих армянские католические общины, и тех историков, которые стоят на позициях защиты папства[4]. Степень разработанности темы можно представить, не вдаваясь, конечно, в другие подробности историографической мысли, двумя этапами: досоветский и советский. Хотя такое деле-

I Габриелян Г. История армянской философской мысли. Т.П., Ер., 1958. - На арм.яз.

2 Tournebize F. Histoire politique et religieuse de l'Arménie, depuis les origines des armeniens jusqu'à la mort de leur dernier roi /l'an 1393/. - Paris, 1900.

Коган Л. "Армянская церковь" до Флорентинского собора, Бейрут, 1961; Бжшкян М. Священная история, I,П. История первосвященников Рима, Венеция, 1838. - На арм.яз.

3 Стклрян В. История церкви с историей национальной церкви, Вена, 1872. - На арм.яз.; Орманян М. Национальная история. Т.I, ч.3, Бейрут, 1959; Т.П, ч.I, Бейрут, 1960. - На арм.яз.; Микаелян Г. История Киликийского армянского государства. - Ер., 1952; Иоаннисян А. Очерки истории армянской освободительной мысли. Т.I, Ер., 1957. - На арм.яз. и т.д.

4 Чамчянц М. История Армении. Т.I,П.Ш. Венеция, 1784,1785,1786. - На арм.яз.; Алишан Г. Сисуан: Цельное описание Армянской Киликии и достославного Левона. Венеция, 1885. - На арм.яз. и т.д.

ние в основном верно отражает общую направленность развития историографической мысли по данной проблеме (на каких принципах рассматриваются взаимоотношения между Киликийской Арменией и папством), надо учитывать два обстоятельства:

I. В историографии досоветского периода также делались попытки рассматривать эти вопросы под иным углом зрения[1].

П. И сегодня появляются такие работы, в которых переоцениваются религиозно-богословские аспекты отношений Киликийской Армении и папства[2]. Несмотря на то, что в советской историографии рассматриваемые вопросы были разработаны на других основах, мнения и выводы, выраженные по тому или иному поводу, или в совершенно ином контексте, отнюдь не могут претендовать на целостное освещение темы[3].

Целью исследования является не только целостное освещение взаимоотношений Киликийской Армении и папства во П половине XШ–XIУ вв. на основе нововыявленных источников[4], а также имеющихся в научном обороте сведений и фактов[5], с учетом достижений истори-

I Гэорг Месроп. История армянской церкви. Т.П, Константинополь, I9I4. - На арм.яз. и т.д.

2 Тирайр Вардапет (Анапатакан). Краткая история армяно-латинских отношений с начала до I382 г. Антилиас-Ливан, I973. - На арм.яз.; Петрович Гр. Братия по согласию и армянская церковь (I330-I360), "Андес амсорья", I969, №7-9, I0-I2 ; I970, №I-3. - На арм.яз.

3 Микаелян Г. История киликийского армянского государства. Борназян С.В. Социально-экономические отношения в Армянском Киликийском государстве.-Ер.,I973. - На арм.яз.

4 Институт древних рукописей им. М.Маштоца при Совете Министров Республики Армения - Матенадаран, рукописи №№573,848, 2037,2268,9672,9748 и др. - На древнеарм.яз.

5 Langlois V. Essai historique et critique sur la constitution sociale et politique de l'Arménie, St. Pétersbourg, 1860. Recueil des historiens des Croisades, Documents Arméniens. - t.I. - Paris, 1869. Documents latins et francais relatifs à l'Arménie.-Paris, 1906.

Карагезян Г.Л. Армения и армяне во французской литературе XI-XIУ веков. - Ер.,I988; После Марко Поло, Путешествия западных чужеземцев в странах трех Индий, перевод с латинского и староитальянского языков, введения и примечания Я.М.Света. - М.,I968. Petermann H. Beiträge zu der geschichte der kreuzzüge aus armenischen Quellen. - Berlin, 1860.

ческой мысли, но и исследование связанных с этими взаимоотношениями явлений и событий армянской общественно-политической жизни.

Именно целью исследования продиктовано обращение к следующим важнейшим задачам.

I. Представить каждый этап дипломатических отношений Киликийского армянского государства и папства во II половине XIII-XIУ вв. в рамках тех политико-идеологических и социально-экономических условий, которые скрывались за церковно-богословскими вопросами.

П. Проблемы этих отношений касательно тех вопросов армянской общественно-политической жизни, которые перешли в XIII-XIУвв. из предшествующего периода, мы попытались представить взаимосвязанно и в развитии.

Ш. В связи с этими отношениями мы пытались уточнить новые проявления идеологии армянского освободительного движения, его течения, программы, борьбу противоборствующих групп и другие связанные с этим вопросы.

IУ. Сделана попытка пересмотреть те мнения, несостоятельность которых становится явной в свете нововыявленных фактов, или же мнения, носящие тенденциозный характер.

У. Одной из наших непосредственных целей было показать,что дипломатические отношения между Киликийской Арменией и папством, а также распространение идеологии католицизма были обусловлены объективными историческими обстоятельствами, а не субъективными действиями отдельных личностей, как это пытаются представить некоторые авторы[I].

Научная новизна диссертации заключается прежде всего в том, что на основе глубокого и всестороннего анализа источников представлены как главная проблема взаимоотношения Киликийской Армении

I Книга полемики против дифизитов, изложенная Георгом вардапетом Константинопольским, прозванным Мхлеим Оглу, К.Полис, 1734. - На древнеарм.яз.; Аннинский Ал. История армянской церкви. - Кишинев,1900; Мхитарянц Ар. История гонителей, отступников, еретиков и разделения Армянской церкви,"Арарат", 1875-1876. - На арм.яз.; Саргсян Гр. Григор Анаварзеци - патриарх и писатель, "Базмавеп", 1947(9-10); Григор католикос Анаварзеци историк, "Базмавеп", 1948(1-2); Григор католикос Анаварзеци - собрание писем, "Базмавеп",1949(5-6).- На арм.яз.; Тер-Микаэлян А. Старания средневековых католикосов к церковному миру, "Арарат", 1893; Тер-Микаэлян А. Церковные споры в начале XIУ века, "Арарат",1983. -На арм.яз.

и папства, те их проявления и последствия, которые имели важнейшее и решающее значение в общественно-политической жизни Армении.

Поскольку в досоветской историографии, почти без исключения, эти отношения рассматривались по периодам пребывания на престоле того или другого католикоса, а армянская советская историография до настоящего времени игнорировала этот вопрос, нами впервые сделана попытка провести периодизацию церковно-политических отношений Киликийской Армении и папства (XI-XIУ вв.).

Используя уже известные науке, а также новоявленные факты, в частности, рукописные источники, мы попытались уточнить некоторые положения, мнения и выводы, имеющие важное значение для освещения ряда вопросов, связанных с темой.

Практическое значение работы. Несмотря на важность и актуальность вопросов, рассматриваемых в работе, они весьма поверхностно затронуты в учебниках, программах, методических пособиях. Результаты исследования можно использовать при преподавании истории армянского народа, а также всеобщей истории рассматриваемого периода на исторических факультетах высших учебных заведений.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в докладах на научных сессиях исторического факультета Ереванского государственного университета, некоторые вопросы освещены в публикациях автора. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры всеобщей истории Ереванского государственного университета.

СТРУКТУРА И КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Во введении представлены следующие вопросы: важность и актуальность темы, цели и задачи исследования, краткий обзор использованных источников и литературы, степень разработанности проблемы.

Глава первая - "Киликийское армянское государство и папство во II половине XIII в.".

Параграф первый - "Внешнеполитическая ситуация и противоборство за политическую ориентацию в Киликии во второй половине XIII в.". - Изучение истории взаимоотношений папства и Киликийск

Армении настоятельно подводит к двум обстоятельствам, на которые следует обратить внимание.

I. Сторонники налаживания отношений с папством и некоторыми странами Западной Европы, не считая западно-европейцев, живших в Киликии, всегда оживлялись в те моменты, когда резкое изменение внешнеполитической ситуации вынуждало подумать о союзниках.

II. Политика папской курии по отношению к Киликии, невзирая на все разнообразие ее проявлений, всегда была увязана со стремлением к установлению своего господства.

В рассматриваемый период Киликийское армянское государство имело на Ближнем Востоке определенный политический вес и авторитет, успешно используя в интересах страны благоприятные внешнеполитические условия. Одним из проявлений этого был армяно-монгольский союз, заключенный в 1254 г. в Каракоруме между Хетумом I (1226-1270) и Мангу-ханом (1251-1259), который уберег страну от опустошительных монгольских походов и открыл путь для борьбы против политической гегемонии Иконийского султаната, а монголы, для осуществления своих завоеваний на Ближнем Востоке, нуждались в союзнике, каковым и явилась Киликийская Армения.

Военно-политическое значение армяно-монгольского договора нельзя ни переоценивать, ни недооценивать, как обычно однозначно сделано в историографии, его следует оценивать с учетом конкретных исторических условий.

Хотя монголам и удалось, в борьбе за политическое господство на Ближнем Востоке, устранить с арены Иконийский султанат, вскоре они оказались перед необходимостью вести длительную и упорную борьбу против усиливавшегося Египта, который, по понятным причинам, стремился не допустить выхода монголов на сирийские берега Средиземного моря.

Географическое положение Киликии, а также то обстоятельство, что она была в союзе с крестоносцами и монголами, наложили начало новому армяно-египетскому противоборству, поскольку Египет с давних пор стремился овладеть теми регионами морской и сухопутной транзитной торговли, которые принадлежали Киликии. В 1266 г. египетские войска во главе с Меликом Мансуром, эмиром Келавуном и Аве-эд-дин-Иган Сами ал-Маути ("смертельный яд") напали на Киликию, и в битве у Мари (23 августа) армия последней потерпела же-

стоков поражение.

В рассматриваемый период в стране разразилась борьба соперничавших группировок, придерживавшихся различной внешнеполитической ориентацией. Внимательное изучение источников (вспомним хотя бы заговор против Левона Ш (I270-I289) показывает, что в среде светских и духовных феодалов, а также тех, кто занимался транзитной торговлей Киликии, шла борьба за решение вопросов внешней политики страны, которая часто вызывала крайнее напряжение. На борьбу противоборствующих группировок оказало влияние то обстоятельство, что при киликийском дворе приобрели большое влияние иностранцы (то есть христиане), которые помимо налаживания сношений с папством, стремились установить более прочные отношения Киликии и христианских государств (Византия, Кипр, некоторые страны Западной Европы), что давало Египту и его союзникам повод для постоянных нападений на Киликию.

Армяно-египетское противоборство в 60-90-х годах XШ в. имело для Киликийской Армении очень тяжелые последствия, поскольку сторонникам сотрудничества с мусульманскими странами так и не удалось, в условиях агрессивных притязаний Египта и религиозных различий, наладить устойчивые отношения с ними, вследствие чего весь этот период страна постоянно подвергалась опустошительным набегам.

Параграф второй - "Киликийское армянское государство и папство во П половине XШ в. Политическая суть и значение богословских вопросов, затрагиваемых в дипломатических отношениях". - Во П половине XШ в. отношения Киликии и папства вступили в новую фазу, стимулом для их активизации явились монгольские нашествия, крушение Латинской империи (I26I г.) и захват Египтом последних христианских владений на Востоке. По сравнению с предыдущим периодом этот новый этап выделяется двумя характерными особенностями.

I. Создавшееся политическое и социально-экономическое положение и историческое развитие дипломатических отношений привело к тому, что помимо заметного оживления политики папской курии в интересующий нас период расширяются также рамки этих отношений.

П. В отличие от предшествующего периода, когда переговоры велись по тому или иному поводу, теперь папская власть постоянно представляла конкретные программы с определенными требованиями

для приведения их в действие.

Как в предыдущий период, так и теперь отношения развиваются на церковно-богословских принципах, однако за выдвигаемыми требованиями и развивающимися вокруг них явлениями и событиями действуют силы, не столько заинтересованные в решении религиозных проблем, сколько силы, преследующие определенные социально-политические и идеологические цели.

В переговорах с Киликией в 40-90-х годах XIII в. римскую церковь больше всего интересовал вопрос, как относятся армяне к верховенству папского престола (под прикрытием "власти, унаследованной у апостолов"). Тезис о "главенстве апостола Петра", чью власть якобы унаследовали папы, пущенный в ход папством, давно вышел из сферы церковно-богословских понятий и использовался для осуществления приоритетности по отношению к другим христианским церквям, а также дл: устремлений папства к вселенскому господству.

Требования принять этот и некоторые другие пункты, отражающие особенности католического вероисповедания вспомним хотя бы важнейшие из них: письма (I246,I25I) папы Иннокентия IУ (I243--I254), собор в Акре I263 г., письмо папы Николая IУ (I288-I292) от 7 июля I289 г. и др. были введены в сферу дипломатических отношений II половины XIII в.

Принятие предъявленных требований привело бы к унии армянской церкви с католической, что в политическом аспекте означало бы подчинение Киликийской Армении папской власти.

В рассматриваемый период в решении вопросов восточной политики папства большую роль стали играть францисканский (I2I6) и доминиканский (I223) ордена "нищенствующих", которые создали опору для своей деятельности также в Сирии и Палестине. Неслучайно то обстоятельство, что Киликия стала одним из первых мест деятельности проповедников этих орденов, а уже во II половине XIII в. все нити дипломатических отношений между Киликийской Арменией и папством сосредоточились в руках церковников орденов "нищенствующих", в частности, францисканского ордена. Несмотря на усилия папства и на активную деятельность сторонников тесного политического и социально-экономического союза с Западом (латинофилов), в некоторых случаях (например, в годы правления Левона III), в этих отношениях наблюдается охлаждение. Это было обусловлено тем, что

он вел с Западом очень осторожную политику, а заинтересованность в политическом сотрудничестве монголов Ирана со странами Западной Европы и в совместной борьбе против Египта в определенный период привлекла внимание папской дипломатии. Этот и ряд подобных фактов еще раз убеждают в том, что при изучении истории дипломатических отношений Киликии и папства надо отказаться от общих положений и заявлений, что нередко наблюдается в историографии; каждый этап этих отношений надо представлять в системе характерных для него исторических условий и особенностей.

В исследуемый период киликийский двор и католикосат пошли на некоторые уступки католической церкви, однако папскому двору не удалось осуществить свою программу, заставить армян отказаться от своего исповедания, а Киликию сделать одним из объектов своего влияния и опорой для осуществления восточной политики.

Параграф третий - "Необходимость и задачи борьбы против католической идеологии во II половине XIII в.". - В рассматриваемый период католическая идеология распространялась в армянской действительности следующими путями:

I. Ряд вопросов, связанных с католическим вероисповеданием, затрагивался в рамках дипломатических отношений Киликийской Армении и папства, чему способствовали сторонники тесного союза с Западом.

II. Католическая идеология распространялась францисканским и доминиканским орденами, а чуть позднее (с 30-х годов XIУ в.) - конгрегацией армянских братьев-униатов.

Во II четверти XIII в. рамки проповеднической деятельности первых двух орденов в Киликии и Армении довольно расширились, и свидетельства о необходимости борьбы против них и ее задачах мы встречаем уже в Конституции и собора в Сисе I243 г.

Поскольку в рассматриваемый период "была известна только одна форма идеологии - религия и богословие" (Ф.Энгельс),идеологическая борьба, превращаясь в движение, охватывающее широкие сферы общественно-политической жизни, обязательно должна была принять "религиозную окраску". Противостоя требованиям римской церкви, армянская церковь пыталась обосновать свое "апостольское происхождение" и равноправное положение в системе христианских церквей, выдвинув идею равнопочитаемости I2 апостолов. Понимая политическое значение и содержание споров вокруг "национализи-

рования" апостолов и "апостольского учреждения" крупных церковных епархий, делались попытки придать новый политико-правовой характер традиционным представлениям армянской церкви об апостольском происхождении равнопочитаемости.

Католическая идеология, несмотря на острую идеологическую борьбу против нее, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, прокладывала себе путь в Киликию и Армению.

В этом отношении значительную роль играли политические устремления и надежды на освобождение от иностранного владычества (в Армении) и оказания сопротивления агрессивным проискам окружающих мусульманских государств (в Киликии), которые связали значительную часть армянского народа с Западом.

Видные политико-церковные деятели того времени хорошо понимали, какую большую опасность таило в себе проникновение и распространение католической идеологии, поскольку в случае приобщения к римской вере и вероотступничества под вопрос ставилось самостоятельное существование армянского народа.

Осознание этого политического обстоятельства являлось одной из основ тесного сотрудничества тех кругов светских и духовных феодалов Киликии и Армении, которые вели борьбу как против католической идеологии, так и против мероприятий, осуществляемых латинофилами. Вокруг этого движения (собор в Сисе в 1243 г. "Назидательное письмо" 1251 г. католикоса Константина I Бардзрабердци (1221-1268), Ахпатский и Дзагаванский соборы (1270), свержение католикоса Константина II Катукеци (1286-1289), Кривая Пасха(1292) и т.д.) сгруппировались разные силы, движимые определенными ожиданиями, связанными с Западом, или же напротив, вследствие чего происходило постоянное столкновение различных политических течений и программ.

Естественно, что вводимые в оборот папскими дипломатами церковно-конфессиональные идеи приобретали в этой борьбе политическое содержание. Они заключали в себе требования произвести изменения в символе веры армянской церкви, поэтому представители национального течения боролись также за упрочение идейных и политических позиций армянской церкви и повышение ее авторитета.

<u>Глава вторая</u> - "Дипломатические отношения Киликийского армянского государства и папства в конце XIII в. - начале XIV в. (до конца 20-х годов)".

Параграф первый - "Внешнеполитическая ситуация в Киликии в начале XIУ в.". - Внешнее положение Киликийской Армении в рассматриваемый период, его характер и содержание определялись главным образом в рамках воздействия следующих факторов.

I. Агрессивные происки Египта и других мусульманских государственных образований Ближнего Востока против Киликии, из-за чего так и не удалось установить с ними прочных мирных отношений.

П. При дворе большой политический вес и авторитет приобрели слои, принадлежащие римско-католической вере, что оказывало заметное влияние на внешнюю политику Киликии, ставшей одним из основных рычагов, способствовавших установлению отношений с Западом.

Ш. В государственной казне вырос удельный вес доходов, получаемых от транзитной торговли, вследствие чего возросло влияние торгового сословия, стремившегося подкрепить прочными политическими отношениями торгово-экономические связи с Западом.

IУ. Постепенно терял силу и авторитет армяно-монгольского союза. Борьба между монголами Ирана и Египтом за Сирию и Палестину в годы правления Газан ильхана (I295-I304) достигла своей решающей последней стадии. Если подвести общий итог сирийских походов монголов (I299, I300, I303), то становится ясным, что они имели для Киликии отрицательные последствия (несмотря на то, что некоторые территории, завоеванные Египтом, были вновь временно возвращены Киликии), поскольку монголы были обречены на неудачу, а египтяне, в союзе с другими мусульманскими княжествами, возобновили наступления на Киликию (июль I304,I306).

После сирийских походов Газан-хана, когда стало ясно, что ильханство не в состоянии продолжать борьбу за Палестину и Сирию, в которой деятельное участие принимала Киликия, армяно-монгольский союз терял свою политическую силу.

Свидетельством резкого изменения политики в отношении Киликийского армянского государства (разумеется, что новая тенденция пока еще полностью не восторжествовала при дворе ильхана, и среди высокопоставленных деятелей были приверженцы сохранения армяно-монгольского союза, так как с завоеванием Киликии создавалась непосредственная угроза для малоазиатских владений монголов) является хотя бы заговор, организованный татарским военачальником Биларгу, жертвами которого стали армянский царь Левон IУ (I306-

-1307), Хетум II (1289-1306) и 40 армянских князей.

Продолжавшееся армяно-египетское противоборство (Египет и его союзники периодически организовывали походы) весьма пагубно сказывалось на социально-экономической и политической жизни Киликийской Армении, поскольку страна превратилась в арену непрерывных набегов. Положение осложнилось тем, что в неблагоприятных для Киликии условиях, сложившихся на Ближнем Востоке, в стране не прекращались феодальные междоусобицы, чему сопутствовало противоборство разных течений и слоев, ослаблявшее обороноспособность страны и приносившее ей новые беды.

Параграф второй - "Особенности развития дипломатических отношений папства и Киликии в рассматриваемый период были обусловлены наличием ряда факторов, которые не только способствовали, но и изменили характер и содержание их проявления.

I. Усиление мусульманских государственных образований и особенно Египта, агрессивные происки которых вынуждали Киликию установить с Западом более тесные отношения, поскольку армяно-монгольский союз, который, в частности, был направлен против военно-политических устремлений Египта и его союзников, все более терял свою силу и авторитет.

II. Завоевание Египтом (1291г.) последних владений крестоносцев повлекло за собой потерю папством последней опоры своего влияния на восточных побережьях Средиземного моря, поэтому Киликия стала привлекать максимальное внимание папства.

III. Неудача сирийских походов Газан-хана (с которым в Западной Европе связывали большие надежды) заставила "местоблюстителей Петра" искать новые пути налаживания отношений с Киликией, поскольку последняя уже была связана со всеми звеньями восточной политики папства.

IV. Восточная политика папства в рассматриваемый период (речь идет о его стремлении к мировому господству) начала переживать упадок и терять свою былую активность, что в определенной степени сказывалось также на дипломатических отношениях с Киликией.

V. Латинофильское течение ввело в оборот дипломатических отношениях обнародованную программу всеобщей церкви, осуществлением которой пытались решить вопрос о военно-политической помощи Запада. В конце 90-х годов XIII в., когда в Киликии разразилась

борьба за престол и о направленности внешней политики, течение латинофилов обнародовало программу (письмо-завещание) католикоса Гр. Анаварзеци (1293-1306/07) к царю Хетуму II).

После этого основное содержание дипломатических отношений долгое время составляла межгрупповая и политическая борьба вокруг принятия этой программы и мероприятия папства по этому вопросу. С целью придать этой программе права гражданства латинофилы в 1307 г. созывают собор в городе Сис (41 епископ, 10 вардапетов, 7 настоятелей), где обсуждался вопрос о необходимости отказа от составляющих национальное содержание символа веры армянской церкви церковно-конфессиональных положений (9)пунктов, если не считать того отрывка Конституции, где говорилось о верховенстве престола католической церкви, которое в данном контексте было предусмотрено для всех христианских церквей: иначе и не могло быть, поскольку организатором был папский двор как "интернациональный центр" христианского мира, тем более, что мощная политическая сила и авторитет папского престола создавали для него подобный статус).

Ожидания латинофилов на получение помощи от Запада оказались тщетными, так как программа не была осуществлена, да и в случае осуществления ее папство не было в состоянии оказать Киликии помощь. Узнав о том, что постановления Сисского собора не осуществляются, папа Иоанн XXII (1316-1334) требует созвать новый собор. В 1317 г. в Адане был созван собор (17 епископов, 5 вардапетов, 2 настоятеля), который обсудил вопросы, затронутые предыдущим собором, однако и его постановления не были приняты в армянской действительности. Не сумев организовать военно-политической помощи, папский двор предоставляет армянам некоторые денежные средства, пытаясь таким образом задобрить киликийский двор, дабы не потерять важнейшего опорного пункта на Ближнем Востоке. Может быть, это последнее обстоятельство явилось одной из главных причин того, что почти все проекты походов крестоносцев, обсуждавшиеся в тот период (Марино Сануто Старшего (1306-1307), Хетума Патмича (1307), Гийома Адама (1317) имели отношение к Киликии.

Однако сложившаяся в Западной Европе социально-политическая обстановка уже была в непримиримом противоречии с устремлениями папства к вселенности; и проекты походов крестоносцев, и обращения -увещевания пап к властителям Западной Европы оставались

безответными. В рассматриваемый период Киликийская Армения продолжала церковно-политические переговоры с Византией, которые интересуют нас с той точки зрения, что решения соборов в Сисе и Адане были представлены в качестве программы отношения армяно-греческой церкви. Этот факт ещё раз подтверждает, что программа латинофилов не предполагала идеи унии с католической или греческой церковью, как пытаются однозначно представить некоторые историки и филологи, а был поставлен вопрос "богословского, теологического (военно-политического) единства христианских стран" под главенством папской церкви) путем компромисса по некоторым религиозным догмам.

Параграф третий - "Позиция национального течения в отношении единения церквей. Борьба против католической идеологии". - В армянской средневековой и последующей церковно-богословской литературе периоды распространения греческой и католической идеологии и борьбы против нее обычно не разграничены, а борьба рассматривается как общая и непрерывная борьба против халкедонства (установление Вселенского халкедонского собора 451 г. и ряд последующих нововведений, которые были отвергнуты армянской церковью). Сама по себе эта постановка вопроса обращает внимание на то обстоятельство, что с конца XI в., когда активные церковно-политические отношения были установлены также с престолом "Святого Петра", встречающиеся у средневековых авторов термины "халкедонство", "халкедонит" равным образом характеризуют и греческую, и католическую церковь.

Представители национального течения очень хорошо понимали опасность, таившуюся в деятельности латинофилов и идейной позиции папской церкви, поэтому борьба вокруг принятия канонов Сисского (1307) и Аданского (1317) соборов, в которой активно участвовали широкие народные массы, приняла очень острый политический характер, вплоть до массовых выступлений и вооруженных столкновений.

Национальное течение не довольствовалось лишь открытым сопротивлением мероприятиям, осуществляемым латинофилами, но пытались с теоретических позиций дать ответы на затронутые вопросы, а также отвергнуть обвинения, предъявляемые армянской церкви католическими проповедниками. Например, в ответ на надежды на помощь от Запада и обещания папства они справедливо указывали

на то, что в данных условиях это неосуществимо, а если, все-таки, крестовый поход начнется, то это будет не для помощи армянам, а в целях освобождения Иерусалима. Поскольку большинство епархиальных предводителей Армении не участвовало в соборах в Сисе и Адане, представители противоположного течения старались доказать, что решения соборов не обладают правово-политической силой и не приемлемы.

В начале XIУ в. эта борьба осложнялась тем, что в защиту политики латинофильского течения и папства выступали епископы ряда церковных епархий как Армении, так и Киликии, в том числе Артаза-Закария Цорцореци и предводитель Карина - Григор. О позиции Артазской епархии хорошо знали в Сисе и папском дворе, не случайно она стала одним из ведущих центров активной деятельности проповедников францисканского ордена в Армении и сопредельных местах, где, с целью распространения католической идеологии, переводили на армянский язык труды ряда европейских авторов. Однако Младшим братьям не суждено было долго работать в Армении под покровительством папской власти, так как I апреля I3I8 г. папа Иоанн XXII издал буллу " Redemtor noster ", согласно которой был произведен новый раздел районов проповеднической деятельности францисканского и доминиканского орденов; последний получил вновь учрежденный архиепископат Султание, который имел в своем подчинении шесть епархий, в том числе Тавриз, Марагу, Дехкархан. Представители национального течения старались доказать также политическое значение борьбы против католической идеологии, поскольку, хотя усилия по приведению символа веры армянской церкви в соответствие с религиозно-теологическими направлениями католической и греческой церквей и по распространению и упрочению в армянской действительности обрядовых нововведений всегда сталкивались с серьезным сопротивлением и получали достойный отпор, в первой четверти XIУ века дали некоторые результаты.

<u>Глава третья</u> - "Армянское государство Киликии и папство в 30-70-х годах XIУ в. Борьба за существование государства". С 30-х годов XIУ в. Киликийская Армения вступила в такой период своей истории, когда завоевавший политическое господство на Ближнем Востоке Египетский султанат уже стремился окончательно захватить эту страну, а раздробленное на несколько мелких государственных образований ильханство больше не в силах было противостоять на-

падкам Египта и его союзников.

Дипломатические отношения Киликии и папства в рассматриваемый период были более прочными и многосторонними - обстоятельство, в контексте которого следует рассматривать также деятельность "Союза униатов-братьев армян", созданного в Армении (в селе Крна) в 1330 г. Обнародованная униатами политическая программа - объединить армянскую церковь с папской (она содержала также 19 "заблуждений", предъявляемых армянской церкви) - по своему характеру и особенностям совершенно отличалась от программы латинофилов и не случайно, что чуть позже униаты начали против латинофилов борьбу, в которую были вынуждены вмешаться царь и католикос.

Стержнем дипломатических отношений Киликии и папства в 30-х годах XIУ в. являлся готовившийся крестовый поход. Однако все связанные с ним политические ожидания рухнули, так как в 1337г. началась Столетняя война (1337-1453) между Францией и Англией,и французский двор, поглощенный борьбой за независимость и территориальную целостность страны, не интересовался политическими событиями на Ближнем Востоке. Некоторые представители правящих кругов страны (речь идет о католикосе Акопе Соеци (1327-1341) и его сторонниках), правильно оценив общую обстановку, стремились положить конец бесполезным переговорам, однако позиции группировки, которая ожидала от Запада военно-политическую помощь,еще были достаточно прочны.

Униаты этого периода во главе с Нерсесом Палианенцем представили папе Бенедикту XII (1334-1342) книжку, содержащую "117 заблуждений", приписываемых армянской церкви. Это дало папским дипломатам возможность на время уклониться от обсуждения вопроса о помощи Киликии, пока ее двор и католикосат не дали объяснений по этому поводу. Перечень"заблуждений", который был обсужден на соборе в Сисе в 1342 г. (29 епископов, 5 вардапетов, 10 настоятелей), содержала в себе множество разнообразных вопросов, начиная с религиозно-богословских различий католической и армянской церквей до адресованных последней и отдельным ее деятелям безосновательных обвинений, которые были подвергнуты критике даже рядом авторов, отдавших дань католической идеологии.

С 50-х годов XIУ в. более частыми становятся совместные нападения египтян и туркменов на Киликию. Во время похода 1355г. египетским войскам удается захватить и разрушить города Тарс и

Адана, а в 1360 г. войска эмира Алеппо Сайфеддина Бейдемур эл-Хардми занимают эти города, вследствие чего Киликия окончательно изолируется от Средиземного моря.

Не сумев оказать Киликии реальной помощи, папский двор предъявлял все новые требования теологического характера, всячески стремясь распространить по стране католичество и утвердиться в этом важнейшем районе Ближнего Востока; если бы даже Египет захватил этот район, папство мало что теряло, ибо его интересовала не судьба страны и ее населения, а вопрос вероотступничества армян.

Постоянно предъявляемые папством требования, с одной стороны, с другой – невыполнение своих обещаний о помощи привели к тому, что даже в кругах латинофилов появились силы, выступившие против развития отношений с Западом. Большую роль в этом сыграло и то обстоятельство, что с завоеванием приморских районов страны уменьшилось влияние при дворе торгового слоя, имевшего западноевропейскую ориентацию. Следствием всего этого стало то, что в 1361 г. католикосу Месропу Артазеци (1359-1372) удалось созвать собор, который отменил решения предыдущих соборов: "исключило из святого таинства воду и опровергло лжепрорицание, которое было внесено в Армению еретиком Констандином и царем Олином".

В сложившейся ситуации, когда оппозиция против дипломатических отношений с папством и деятельность национального течения настолько усилились, что грозили положить конец этим отношениям, "местоблюстители апостола Петра" старались утвердить на престоле Киликии правителя католика (речь идет о царе Кипра Петре I (1359-1369)), чтобы хотя бы таким образом иметь возможность осуществлять свою программу. После того, как 16 января 1369 г. Петр I становится жертвой заговора феодальной знати в Никозии, часть армянских духовных и светских феодалов при поддержке папы Урбана У (1362-1370) пытается отдать трон герцогу Брауншвейгскому Отону, однако и этот план, встретив серьезное сопротивление, не был осуществлен. Переговоры в Авиньоне вокруг этого и ряда других подобных планов также представляют основные и самые существенные особенности церковно-политических отношений Киликии и папства в 60-70-х годах.

Несмотря на то, что оппозиционной группировке в конце кон-

цов удалось с благословения папы Григория XI (1370-1378) утвердить на престоле Киликии католика властителя Левона VI Лусиняна (1374-1375), однако его правление не спасло страну, напротив, в короткий срок еще более обострились внешние и внутренние противоречия, ускорив крушение государства.

В источниках сохранились отрывочные сведения о том, что после падения Киликийского армянского государства (1375) в стране еще продолжали существование отдельные армянские княжества, которые однако не сыграли существенной роли в истории армянского народа.

В заключении изложены основные выводы по важнейшим рассматриваемым проблемам и вопросам.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. К вопросу о соборе 1263 г. в Акре // Вопросы истории. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.2. - Ер., 1989. - С.5-22. - На арм.яз.
2. Отношение Ст.Орбеляна к борьбе против католической идеологии во второй половине XIII в. - начале XIV в.//XXII научная сессия молодых ученых: Тезисы докладов. - Ер., 1989. - С.4-6. - На арм.яз.
3. К вопросу датировки письма католикоса Григоря VII Анаварзеци, адресованного царю Хатуму II/Вестник общественных наук АН АрмССР. - Находится в печати. - На арм.яз.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

На правах рукописи

УДК 782.91/47.925/

САРКИСЯН НАЗЕНИК ГАГИКОВНА

АРМЯНСКИЙ СЦЕНИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX И НАЧАЛА XX ВЕКОВ /К СИНТЕЗУ МУЗЫКИ И ХОРЕОГРАФИИ/

Специальность 17.00.02 - музыкальное искусство

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения

МОСКВА - 1992

Работа выполнена в Институте искусств Академии Наук Республики Армения

Научный руководитель - доктор искусствоведения, профессор Г.Г.Тигранов

Официальные оппоненты:

М.Е.Тараканов, доктор искусствоведения, профессор

Г.В.Беляева-Челомбитько, кандидат искусствоведения

Ведущая организация - Ереванский Государственный художественно-театральный институт

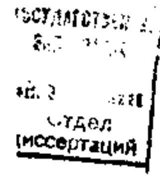
Защита состоится "5" марта в 14^00 час.
на заседании специализированного совета Д 092.10.03 Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания.

Адрес: ВНИИ искусствознания - 103009 Москва Козицкий пер.,5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ВНИИ искусствознания

Автореферат разослан 30 января 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат искусствоведения Ю.И.Паисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Из двух основных родов армянской танцевальной культуры - ьклорного и сценического танца, первый является объектом изу- ния почти на протяжении столетия, второй же никогда не стано- ся предметом специального исследования.

Сценический танец средневекового, а также советского перио- так или иначе освещался в трудах, посвященных армянскому фоль- ру, средневековому театру, с одной стороны, и в публикациях узыкальном театре советского периода, с другой. Армянский нический танец XIX - начала XX вв. до последнего времени не сматривался как отдельный, самостоятельный, имеющий свои за- омерности и свою специфику этап истории армянского профессио- ьного танца. Этим обстоятельством и обусловлено избрание те- настоящей диссертационной работы.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, оно:

- позволяет ввести в научный обиход факты, устанавливающие эрывность исторического процесса существования армянского нического танца от периода средневековья до наших дней;

- устанавливает культурно-историческую преемственность от дневековего сценического танца к профессиональному танцу : годов XX века;

- выявляет те традиции и стилевые направления, которые сло- лись на протяжении второй половины XIX и начала XX вв., стали вным фактором, влияющим, с одной стороны, на отбор и принци- спользования элементов традиционой танцевальной культуры, угой - на контакты с европейской профессиональной танцеваль- культурой;

- восполняет картину развития культуры армянского народа в период от середины XIX века до 1920 года.

Цель настоящего исследования - проследить основные этапы становления и развития армянского сценического танца в период от середины XIX века до 1920 года, выявить его культурно-историческое и национальное своеобразие.

Задачи данного исследования можно сформулировать в трех пунктах.

1. Выявление генетического и типологического родства армянской традиционной танцевальной культуры и профессионального танца.

2. Изучение типологии восточных элементов в армянском сценическом танце.

3. Определение специфики взаимодействия европейской и восточной танцевальных культур на армянской почве, как частного проявления глобального процесса взаимодействия Запада и Востока, отразившегося во всех сферах материальной и духовной культуры нового и новейшего времени. Решение этой задачи способствует выявлению национальных особенностей, ибо, как указывает академик Н.Я.Марр: "Если элементы иноземны, то сочетание местное, нигде больше не повторяющееся"[1].

Методологической основой исследования явилось комплексное использование достижений различных областей музыкознания, театроведения, балетоведения, а также смежных наук - истории и эстетики.

Научная новизна данной работы определяется тем, что она является первым монографическим исследованием в области истории и

---

[1] См. К.Тревер. Н.Я.Марр и вопросы исторической науки."Известия АН АрмССР, 1944, №5, стр.14.

:орин армянского сценического танца.

Основным материалом послужили факты, почерпнутые из периодической печати второй половины XIX и начала XX века, документы, хранящиеся в архивах Ереванского Музея литературы и искусства им.Е.Чаренца, в Музее литературы, театра и кино Тбилиси, в Этнографическо-фольклорном архиве-кабинете им.Степана и Србуи Лисициан Института археологии и этнографии АН Армении. Эти сведения дополняются эпизодами из воспоминаний Г.Чмшкяна, В.Вагаршяна, .Демирчяна, А.Маиляна, С.Лисициан. Ремарки, содержащиеся в пьесах, представленных на армянской сцене в пределах исследуемого периода, также составляют часть фактического материала.

Практическое значение работы. Полученные результаты могут пособствовать решению проблем, связанных с интерпретацией ряда влений армянской театральной и музыкальной культуры. Материалы анного исследования можно использовать в вузовских курсах по стории танца.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась в отделах музыки театра Института искусств АН Республики Армения и в секторе стории музыки народов СССР ВНИИ искусствознания.

Основные положения работы доложены на Республиканских научно-теоретических конференциях /Ереван,1982,1987/, а также на Закавказской конференции по вопросам монодической музыки /Ереван,1983/, и отражены в восьми печатных публикациях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

Библиография включает четыре раздела: I. литература по истории, теории и эстетике театра, музыки и танца, труды по фольклору, а также драматические произведения /содержащие ремарки, относящиеся к исполнявшимся по ходу действия танцам/; 2. нотные

издания; 3. периодическая печать; 4. архивные документы и материалы.

Приложение содержит нотные и документальные материалы.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается выбор темы, актуальность ее изучения. Определяются исходные методологические установки, приводится краткий обзор литературы, прямо или косвенно относящейся к теме диссертации. Специальный раздел посвящен рассмотрению источников, послуживших основой для написания диссертации.

Первая глава является очерком истории армянского сценического танца.

В 1828 году Восточная Армения была присоединена к России. С этого периода до 20-х годов XX века армянская культура формируется в двух регионах; восточноармянская - в кавказском регионе, западноармянская - в малоазийском.

Армянская культура XIX века - 1920 года - это преимущественно культура диаспоры, которая создала свои центры в крупных городах двух указанных регионов /в кавказском регионе - Тифлис, Баку, в малоазийском - Константинополь и Измир/.

Политическая атмосфера и экономические условия, этнический состав населения и межрегиональные контакты, образ жизни и местные культурные тенденции - вот далеко не полный перечень факторов, которые в совокупности создают атмосферу каждого города и накладывают отпечаток на формирование культуры армянской диаспоры.

Специфика местной традиционной танцевальной культуры XIX - начала XX веков отразилась самым непосредственным образом в раз-

тии сценического танца двух регионов. Если армянскому крестьянскому танцу присуще лексическое единство как хореографического, так и музыкального компонентов /при некоторых различиях жду танцевальными диалектами отдельных районов Армении/, то мянский городской бытовой танец формируется в городах с многоциональным этническим составом, что способствует интеграции ементов танцевальной лексики различных национальностей. Таким разом, специфика армянского городского танца определяется в лом как региональная /хотя в него включается немалое число годских вариантов армянских крестьянских хороводных танцев/. ень существенным является и тот факт, что городской бытовой нец кристаллизуется в двух регионах - западноармянский в малоийском, восточноармянский - в кавказском. Этнический состав эих регионов различен, что и определяет своеобразие облика годской танцевальной культуры каждого.

На протяжении второй половины XIX века процессы развития энического танца на западноармянской и восточноармянской сцек протекали обособленно. Сказывается региональная дифференция как в сфере городской обиходной танцевальной культуры /поскольку ее элементы заимствуются в сценический т[illegible]ец/, так и в части контактов с европейской профессиональной танцевальной льтурой. Западноармянский сценический танец опирается во мном на традиции и тенденции танцевальной культуры Западной Евро- - преимущественно Италии и Франции; в восточноармянском же танавливаются связи с русской танцевальной культурой.

Доминирующей в этот период является западноармянская сцена, ранее, чем на восточноармянской, формируется танцевальная олнительская школа и определяются основные разновидности танна театральной и концертной сценах.

Первый этап развития западноармянского сценического танца связан с армянскими труппами, которые функционировали с конца 40-х годов XIX века в Константинополе и Измире. Для участия в танцевальных сценах, драмах и водевилях, а также для исполнения танцевальных номеров в дивертисментах часто приглашались европейские балетные труппы или отдельные танцовщицы.

Первыми национальными исполнителями танцев стали актеры и актрисы константинопольского театра Арамян /1846-1866/ - полуцирковой - полудраматической труппы - и драматической труппы Акопа Вардовяна /1868-1879/. В период деятельности опереточной труппы Серовбе Бенкляна /70-е 80-е годы/, на константинопольской сцене были представлены музыкальные комедии Тиграна Чухаджяна "Ариф" /1872/, "Плешивый староста" /"Кесе Кехва", 1874/, "Продавец гороха" /"Леблебиджи хор-хор-ага", 1876/, принадлежащие жанру "восточной" оперетты. Танцевальные номера названных музыкальных комедий, а также балетные интермедии в операх Чухаджяна "Аршак II" /1868/ и "Земирэ" /1891/, явились первыми образцами армянской сценической танцевальной музыки.

В целом первый период истории западноармянского сценического танца /вторая половина XIX века/, характеризуется заимствованием элементов константинопольского городского бытового танца и тесными контактами с итальянской и французской музыкально-танцевальной культурой. Для второго периода /начало XX века/ типичны связи с полупрофессиональной ветвью традиционной танцевальной культуры, что непосредственно отразилось в репертуаре опереточной труппы Аршака Бенкляна. Последний включал танцы, которые обычно исполнялись в представлениях народных театров малоазийского региона Орта Оюн и Туluат. В 20-е годы приобретает популярность русский балет и "кавказские" танцы.

На восточноармянской сцене со второй половины XIX века исполняются как сценические версии европейских салонных танцев, так и обработки образцов местной традиционной танцевальной культуры. К концу XIX века уже четко дифференцируются два направления народно-сценического танца. Первое из них базируется на обработке армянских крестьянских групповых танцев и песнеплясок. Основоположником этого направления, получившего название этнографического, является Христофор Кара-Мурза. В концертах, организованных композитором в период от 80-х годов XIX века до начала XX века хореографическое воплощение получили обработанные им армянские крестьянские песнепляски. Они же входили в "музыкальные картины" и "феерии" - своеобразный жанр музыкального театра концертной сцене, разработанный Х.Кара-Мурзой, в основе которого - сценическая обработка обрядового действа /"Последнее прощание невесты с отцовским домом", "Ночь на [illegible]", "[illegible] Эчмиадзин", "Джан Гюлум"/.

Второе направление народного сценического танца основывается на обработке городских бытовых танцев кавказского региона. К началу XX века сформировался жанр кавказского сольного танца. В развитии этого жанра существенными оказываются тенденции, определяющие облик танца на европейской эстраде II половины XIX - начала XX века. Влияние сказывается двояким образом. Во-первых, через проникновение элементов европейских салонных танцев в кавказские. Во-вторых, и это главное, через формирование комплекса тех необходимых принципов, благодаря которым жанр кавказского салонного танца становится первым /на закавказской сцене/ профессиональным жанром народно-сценического танца. Уже к концу XIX века ему присущи стабильность композиционных рисунков, целостность системы хореографических элементов, оформленность методики его

преподавания и, наконец, наличие профессиональных исполнительских традиций. Жанр кавказского сольного танца занимает прочное положение на армянской концертной и театральной сценах второй половины XIX - начала XX вв. Хореографические эпизоды, включающие исполнение кавказских танцев, содержатся как в драмах бытовых /"Адам Сулейман" А.Гургенбекяна, "Ночью чихнуть к добру", "И так далее, или Новый Диоген", "Разоренный очаг", "Супруги", "Банный узел" Г.Сундукяна, "Честь" Ал.Ширванзаде, "Ароза" Тиго и т.д./, так и исторических /"Дочь Мелика" по роману Лео, "Джалаледин", "Хенты", "Давид Бек" Раффи, "Саят-Нова" Г.Ерицяна и т.д в которых тщательно воспроизводится детали быта, праздники, пиры и особенно обряды.

В 10-е годы XX века формируется восточноармянский музыкальный театр. Большую популярность приобретает тип представлений, получивших название "азиатская оперетта". Название "оперетта" лишь частично определяет жанр таких представлений. В целом их можно разделить на две группы. В первую входят музыкальные комедии /"Татос Иванович" Ов.Восканяна, "Лучше позже, да лучше" Г. Ерицяна и т.д./. Оперетты этого типа включали популярные городские песни и танцы кавказского региона. Вторую группу составляют музыкальные драмы и трагедии, сюжетом которых являются восточные сказания. Они фактически представляли собой театрализации ашугских сказов /"Шах Исмаил" Сардаряна, "Асли и Кярам" М.Тер-Аракеляна, "Ашуг Гариб" Ов.Восканяна, "Лейли и Меджнун" А.Тиграняна и т.д./. Здесь исполнялись "персидские", "арабские", "турецкие" танцы - то есть танцы, предполагающие использование элементов танцевальной культуры стран Ближнего и Среднего Востока.

В целом следует отметить, что хотя в начальном периоде становления сценического танца западноармянская культура опережала

точноармянскую, а иногда давала ей первые импульсы, будущее о за восточноармянской сценой. И те явления, которые определ г специфику восточноармянского танца во второй половине XIX начале XX века, со временем приобретают значение традиций, ичие и развитие которых при последовательном анализе можно следить вплоть до сегодняшнего дня.

Региональная специфика местной танцевальной культуры, с од- стороны, и региональная дифференциация в сфере контактов с опейской культурой – с другой отразились самым непосредствен- образом на сценическом танце обоих регионов. Стремление при- иться к передовой европейской культуре и доминирование тра- ий этой культуры над местными характерно для западноармянской ыкальной и театральной культуры второй половины XIX века. В точноармянском сценическом танце влияние русской культуры зывается, в частности:

в наличии тесных контактов с местной традиционной культурой; в осуществлении такого синтеза местных и привнесенных элемен- , при которых первые доминируют над вторыми.

Во второй главе – "Европейские и восточные элементы в ар- ском сценическом танце" – дается теоретический анализ мате- лов, рассмотренных в первой главе в историческом аспекте. вый раздел главы посвящен классификации вариантов сочетаний опейских и восточных элементов в армянском бытовом и сцени- ском танце обоих регионов. Такая классификация возможна при эте двух аспектов. Первый из них выявляет такие типы соотно- ний европейских и восточных элементов, при которых первые до- нируют над вторыми. Второй же акцентирует типы соотношений, и которых восточные элементы являются определяющими.

Контакты с европейской танцевальной культурой проходят три

стадии: I. Импорт европейской танцевальной культуры, который сопровождается процессом ознакомления с ней. 2. Воспроизведение и имитация импортных образцов. 3. Появление таких образцов танцев, в которых сочетаются элементы европейской и местной танцевальной культуры. Этот процесс завершается стадией переосмысления.

Наиболее сложной является стадия сочетания элементов европейской и местной танцевальных культур. Для классификации типов сочетаний этих элементов мы находим уместным применение терминов "конгломеративное", "ансамблевое", "органическое". Они заимствованы из "Морфологии искусства" М.Кагана[2], где применяются при классификации типов сочетаний видов и разновидностей искусств, однако дефиниции этих терминов в целом делают их применимыми к нашему объекту. Конгломеративное и ансамблевое сочетания реализуются путем простого чередования европейских и местных танцев /к примеру, лезгинка, вальс, узундара, мазурка/. Конгломеративное сочетание осуществляется в бытовой сфере - на балах, гуляньях, маскарадах. Оно возможно также в концертах. Ансамблевое сочетание, "обусловленное логикой развивающегося действия"[3], имело место в драматических и музыкальных спектаклях. В диссертации мы приводим образцы /лезгинка и полька в "Разоренном очаге", лезгинка и кадриль в "Супругах" Г.Сундукяна, "танго смерти" кек-уок, кинтаури и лезгинка в оперетте "Татос Иванович"/, иллюстрирующие такой тип сочетаний.

Органический способ сочетания означает стадию переосмысления. Этот способ сочетания обычно прослеживается в пределах одного произведения /т.е.танца/. Органическое сочетание может иметь место на языковом, композиционном и структурном уровнях.

---

[2] См. М.Каган. Морфология искусства, Л.,1972, с.234-236.

[3] См. М.Каган. Морфология искусства, с.235.

} результате иногда возникает сочетание жанровых признаков. В ıспекте органического сочетания можно рассматривать музыкальный ı хореографический компоненты танца как в отдельности, так и в ıх сочетании.

В целом выявляются три основных варианта органического спо- :оба сочетания европейских и восточных элементов:

I. При наличии восточных элементов доминируют европейские.

2. Восточные и европейские элементы соотносятся приблизи- :ельно в равных пропорциях.

3. При наличии европейского элемента доминирует восточный.

Первые два варианта очень типичны для произведений танце- ıального жанра Т.Чухаджяна. Образцами в целом пропорционального :оотношения европейских и восточных элементов являются танцы в ıпереттах Т.Чухаджяна "Ариф", "Кесе Кехва" и "Леблебиджи". В наи- ıольшей степени специфика соотношений восточного и европейского ıлементов проявляется здесь в ритмической и ладовой сферах. Час- :о встречается ритмическая формула [нотный пример], являющаяся опреде- ıяющей в ритмическом рисунке "ballo" из "Арифа" и "Кесе Кехва".

Во всех танцах из оперетт использованы дважды гемиольные ıады с ув.2 между III-IV и VI-VII ступенями и с ув.2 между II-III и 'I-VII ступеням. Выявляются два основных типа ладотональных со- ıтношений: а/ ладовая переменность, возникающая в результате ıариантности ступеней; б/ ладотональная переменность, возникаю- ıая в результате переменности функций ступеней при неизменном ıвукоряде дважды гемиольного лада[4]. Таким образом, переход из ıдного лада в другой и из одной тональности в другую в танцах {ухаджяна чаще всего осуществляется не при помощи модуляции, а

[4] Дважды гемиольным ладом мы называем лад с двумя увеличенными секундами.

путем высотной вариантности ступеней /ладовая переменность/ и переменности функций ступеней при неизменном звукоряде /ладотональная переменность/. Примечательно возникающее в этом случае чередование дважды гемиольных ладов и европейского мажора и минора, а также сочетание указанной системы переменности с классической системой модуляции. Отметим и чередование интонационн оборотов, содержащих увеличенную секунду /всегда выделяемых/, с мелодическими оборотами, типичными для музыкального языка французской оперетты.

Сочетание европейского и восточного элементов отмечается на композиционном уровне: а/ на уровне основных разделов формы /Вальс из "Леблебиджи", где крайние разделы, развиваясь на осн ве дважды гемиольного лада, приобретают восточный колорит, а средний раздел можно всецело охарактеризовать как европейский/ б/ в пределах периода /"Ballo" из "Арифа" и "Кесе Кехва", Цыга ский танец из "Леблебиджи"/, где "восточные" и"европейские" фрагменты переплетены теснейшим образом, иногда в пределах I-2 тактов.

Процесс проникновения элементов восточных танцевальных ку тур на армянскую сцену включает те же стадии ознакомления, вос произведения и переосмысления, что и процесс проникновения эле ментов европейской танцевальной культуры. Под ознакомлением с восточной танцевальной культурой мы подразумеваем избирательн отношение к определенным слоям этой культуры различных композ торов и хореографов.

Показательными образцами воспроизведения и переосмыслени элементов местной традиционной танцевальной культуры являются танцы в феерии Х.Кара-Мурзы "Джан Гюлум". Гадание на праздник Вознесения из реальной жизни армянского народа" /I90I/. В фее-

рии сконцентрированы все разновидности музыкального сопровождения местных танцев, которые имели место на армянской сцене в период от середины XIX века до 20-х годов XX века, а именно:
а/ многоголосные обработки монодических образцов местных танцев;
б/ "натуральное" – монодическое – воспроизведение местных танцев в исполнении восточных инструментальных ансамблей; в/ обработки местных танцев для объединенного восточноевропейского инструментального ансамбля.

Многоголосная обработка является третьей из разновидностей вариантов сочетаний европейских и восточных элементов, а именно того варианта, когда восточные элементы доминируют над европейскими. Различие второго и третьего вариантов соотношения европейских и восточных элементов выявляется при сличении танцев из оперетт Т.Чухаджяна с танцами Х.Кара-Мурзы. В произведениях Кара-Мурзы жанр обработки определил принцип взаимодействия восточного и европейского элементов /т.е. соответственно их мелодии и гармонии/ по вертикали. У Чухаджяна же встречаемся с двумя принципами сочетания – по вертикали и по горизонтали.

Необходимо подчеркнуть следующий факт. Хотя развитие армянского сценического танца протекало одновременно с развитием армянской профессиональной композиторской школы, хотя многоголосные обработки местных танцев осуществлялись уже в 80-90-е годы Кара-Мурзой и Н.Тиграняном, чуть позже – Комитасом, в 10-е годы XX в. – А.Тер-Гевондяном и С.Бархударяном, в армянском театре многоголосная обработка для европейского оркестра образцов местной музыкально-танцевальной культуры была вовсе не популярна. Несравненно более важное место здесь занимает воспроизведение этих танцев в исполнении восточного инструментального ансамбля. Исполнение местных танцев в сопровождении восточного инструмен-

тального ансамбля практиковалось и на западноармянской и на восточноармянской сцене. Разница лишь в репертуаре, что обусловлено региональной дифференциацией обиходного танца. Наконец, третья разновидность инструментальных местных танцев - для объединенного европейско-восточного ансамбля является неотъемлемым компонентом азиатской оперетты. Для произведений, принадлежащих к жанру азиатской оперетты, типично также чередование монодического и многоголосного вариантов танцевальных мелодий.

Исполнение местных танцев на сцене восточным инструментальным ансамблем и европейским оркестром в многоголосной обработке относится к тому виду преломления фольклора в профессиональном искусстве, когда образцы народного танца или песнепляски используют в качестве цитаты. Проявления иного принципа взаимосвязи с фольклором иллюстрируют танцы в опере "Ануш" /первая редакция 1902 года/ и в музыкальной драме "Лейли и Меджнун" /1915/ Армена Тиграняна. Не являясь цитатами, они максимально приближаются к подлинным фольклорным образцам. Это монодические построения с очень незначительным аккомпанементом. Сходство усугубляется формой-структурой этих танцев и особенно их ритмической и ладоинтонационной спецификой.

Групповой танец из второго акта "Ануш" и песнепляска, открывающая третий акт оперы, представляют собой периоды, членящиеся по принципу строфа-рефрен /типично для армянской коллективной песнепляски/. Эти периоды повторяются несколько раз, претерпевая, как в аналогичных случаях в армянских песнеплясках, вариантные модификации. Смешанный ангемитонно-гемитонный, параллельно-переменный звукоряд /с эолийской тоникой *g* и побочной опорой *b* /определяет ладоинтонационную специфику танца из второго акта. В песнепляске из третьего акта два такта /строфа/

азвиваются в пределах эолийского пентахорда /тоника g /, после-
ующие три такта /рефрен в сфере побочной опоры в / в гипоионий-
ком мажоре. Отмеченные ладовые особенности двух танцев из "Ануш"
ипичны для армянской крестьянской песнепляски.

Аналогичный принцип преломления элементов традиционной му-
ыкальной культуры имеет место в танцах из музыкальной драмы А.
игpаняна "Лейли и Меджнун". Сопоставление же последних с танца-
и из оперы "Ануш" выявляет неоднородность их музыкального языка,
ак следствие их связи с разными ветвями традиционной музыки.
азличие это проистекает прежде всего от литературных первоисточ-
иков, один из которых /поэма "Ануш" Ов.Туманяна/ приводит компо-
итора к "грамматике" армянской крестьянской песнепляски, другой
е /"Лейли и Меджнун" Али-Заде/ предопределяет обращение к эле-
ентам "грамматики", которая являлась стержнем в формировании
узыкального языка тех оперетт, сюжет которых опирался на восточ-
ые сказания /"Асли и Керам", "Шах Исмаил" и т.п./ - т.е.к."грам-
атике" мугамов и ашугских сказов. Во всех танцах из "Лейли и
еджнун" превалируют дважды гемиольные лады, основным типом ла-
стональных отношений - ладовая переменность, в зникающая в ре-
ультате переменности функций при неизменном звукоряде дважды
емиольного лада. Такие же ладотональные отношения мы отмечали в
анцах из оперетт Т.Чухаджяна, музыкальный язык которых сформиро-
ался в контексте константинопольской бытовой музыки, в свою оче-
едь отражающей специфику монодической музыкальной системы Ближ-
его Востока. Аналогичные же ладотональные отношения лежат в ос-
ове мугамов, обработанных Никогайосом Тиграняном. Интересно,
то сопоставление, с одной стороны, с танцами Чухаджяна, а с дру-
ой - с обработками мугамов Н.Тиграняна, при всем различии пос-
едних двух, отделяет от них танцы из "Лейли и Меджнун" принци-

пом гармонизации, а точнее, практическим отсутствием таковой. Самый типичный прием у А.Тиграняна – проведение в сопровождающем голосе, в восходящем или нисходящем движении звукоряда того лада, который является определяющим в мелодии, что просто подчеркивает специфику ладотонального развития последней.

В целом структуру танцевального репертуара армянской сцены в период от середины XIX века до 1920 года характеризуют следующие разновидности танцев:

1. Образцы импортированных европейских танцев.

2. Имитации европейских образцов.

3. Европейские танцы, в которых наличны восточные элементы.

4. Танцы, в которых европейские и восточные элементы соотносятся приблизительно в равных пропорциях.

5. Обработки местных танцев.

6. Сочиненные композиторами танцы, максимально приближающиеся к подлинным образцам традиционной танцевальной культуры /т.е. своего рода "имитации" местных образцов/.

7. Подлинные образцы традиционной танцевальной культуры.

Во <u>втором разделе второй главы</u> классифицируются восточные элементы в армянском сценическом танце в соответствии с их национальной и региональной принадлежностью. Далее характеризуются основные разновидности европейского сценического танца, бытующие на армянской сцене в исследуемый период. Наконец, выявляются закономерности сочетаний европейских и восточных элементов.

Восточные элементы в армянском сценическом танце второй половины XIX и начала XX века образуют три основные группы: а/ элементы национальной принадлежности; б/ элементы региональной принадлежности; в/ элементы европейской принадлежности. В сценических условиях элементы первой группы предстают в виде обработок

образцов армянского крестьянского танцевального фольклора. Сформировавшееся на базе этих элементов "этнографическое" направление, которое предполагает максимальную национальную и, более того, диалектную достоверность, исключает почти полностью возможность влияния европейских традиций.

Элементы танцевальных культур восточных регионов в армянском сценическом танце можно разделить на две подгруппы в соответствии с их принадлежностью: а/к кавказскому региону и б/к регионам Ближнего и Среднего Востока. Обе подгруппы проникают на армянскую сцену как следствие ее восприимчивости к элементам городской обиходной музыкальной и танцевальной культуры. На восточноармянской сцене доминирует жанр бального кавказского танца, на западноармянской сцене - танцы, преломляющие элементы константинопольской музыкальной и танцевальной культуры, котрая, в свою очередь является составной частью музыкально-танцевальной культуры Ближнего Востока. В обоих регионах в процессе сценической адаптации элементов городского обиходного танца существенную роль сыграли традиции европейского сценического салонного танца, что обусловлено, как представляется, генетической связью последнего с городской обиходной танцевальной культурой. Таким образом, взаимное притяжение европейских и восточных элементов в данном случае было связано типологическим родством элементов, то есть их принадлежностью к одному и тому же - городскому бытовому уровню, независимо от их региональной /здесь - европейской и восточной/ принадлежности.

В последнем разделе второй и в третьей глав диссертации анализируются те образцы армянского сценического танца, которые содержат восточные элементы, опосредованные европейской культурой.

На армянской сцене сосуществуют европейские и сформировавшиеся на месте принципы сочетаний европейских и восточных элементов. Степень подлинности восточных элементов региональной принадлежности на армянской сцене обусловлена в первую очередь наличием контактов данной ветви армянской культуры /здесь – музыкальной и хореографической/ с аналогичной ветвью культуры данного восточного региона. Соответственно степень влияния европейской профессиональной танцевальной культуры возрастает по мере отдаленности данной группы восточных элементов от армянской традиционной танцевальной культуры.

Так, в танцах из оперетт Чухаджяна наличны элементы константинопольской обиходной музыки. Однако в балетных интермедиях оперы "Земирэ", в основу либретто которой положена арабская /т.е. отдаленная по отношению к турецкому региону/ сказка, музыкальный язык носит черты западноевропейской "музыки о Востоке".

Наличие контактов армянской профессиональной музыки устной традиции с музыкальной культурой стран Ближнего и Среднего Востока обусловило подлинность восточных элементов данной региональной подгруппы в музыке танцев на восточноармянской сцене. В то же время отсутствие контактов с хореографической культурой стран Ближнего и Среднего Востока обусловило воплощение "персидских", "турецких", "арабских" балетов языком, присущим ориентальной ветви европейского балета. Таким образом в "восточных" балетах, представленных в "азиатской оперетте", хореографический ориентализм сочетается с музыкой, содержащей элементы, родственные музыке стран Ближнего и Среднего Востока.

Наиболее своеобразные для периода 10-х годов XX века типы сочетаний европейских и восточных элементов образовались в результате синтеза элементов танцев кавказского региона и регионов

Ближнего и Среднего Востока с элементами ритмопластического танца. Первый опыт такого синтеза был осуществлен в начале 10-х годов XX века танцовщицей Армен Оганян.

С ритмопластическим танцем связана деятельность студии "Ритма и пластики", организованной Србуи Стэпановной Лисициан в 1917 году в Тифлисе. Первый период деятельности студии /1917-1920/, который стал объектом нашего анализа, можно в целом назвать периодом воспроизведения разновидности ритмопластического танца, получившего название школы немецкого экспрессионистского танца. На 20-е годы приходится период "переосмысления", когда система, преподаваемая в студии, начала обретать индивидуальные черты в результате введения в контекст пластического танца элементов восточных и, в частности, армянских танцев.

С ориентализмом в европейском балете связан также яркий эпизод истории армянской культуры, а именно, создание первого балета на музыку армянского композитора. Балет "Семь дочерей короля джиннов" на музыку симфонической картины "Три пальмы" Ал.Спендиарова был сочинен выдающимся русским балетмейстером Михаилом Фокиным для труппы Анны Павловой. Премьера состоялась в начале января 1913 года в Берлине, в театре Кроль. В процессе постановки Фокин неоднократно советовался с Ал.Спендиаровым. По просьбе балетмейстера композитор присочинил вступление к симфонической картине. Сопоставление сценария балета с партитурой симфонической картины, а также со стихотворением "Три пальмы" М.Лермонтова показывает, что балет был создан в традициях русского балетного ориентализма начала века. Это обусловило специфику его хореографического решения и существенно повлияло на интерпретацию сюжета и идеи стихотворения и, соответственно, на интерпретацию программы и музыкальной формы симфонической картины.

В Заключении формулируются основные черты культурно-исторического своеобразия армянского сценического танца в период от середины XIX века до 1920 года.

В результате проделанной работы мы пришли к следующим выводам:

1. Армянский сценический танец нового и новейшего времени является результатом пересечения стабильных архаических пластов национального танцевального фольклора, восточной региональной традиционной танцевальной культуры XIX и начала XX веков и европейской профессиональной танцевальной культуры XIX и начала XX веков.

2. История армянского сценического танца периода от середины XIX века до 1920 года делится на два этапа. Для первого этапа /вторая половина XIX века/ характерна обособленность друг от друга процессов развития сценического танца на западноармянской и восточноармянской сценах, что было обусловлено неидентичностью воспринятых ими восточных и европейских элементов. Общность же проявляется в опоре на элементы городской бытовой танцевальной культуры и в адаптации элементов европейского сценического салонного танца. Доминирующей в период второй половины XIX века является западноармянская сцена, где ранее, чем на восточноармянской, формируется танцевальная исполнительская школа и выявляются основные разновидности танца на театральной и концертной сцене.

Для второго этапа /начало XX века/ характерно взаимовлияние и общность тенденций на западноармянской и восточноармянской сценах при доминировании восточноармянской. Для данного периода типичны, с одной стороны, связи с профессиональными пластами традиционной танцевальной культуры восточных регионов и повышение интереса к крестьянскому танцевальному фольклору, с другой – вос-

приятие двух наиболее существенных для западной танцевальной культуры начала XX века направлений: балета и ритмопластического танца.

3. Развитие армянской культуры в двух регионах привело к тому, что к 20-м годам XX века армянский сценический танец оказался проникнутым разнообразным и широким кругом элементов танцевальных культур Востока и Запада.

Список печатных работ по теме диссертации:

1. Балет "Семь дочерей короля джиннов" на музыку Ал.Спендиарова /из истории становления армянского балета/.-В кн.;Тезисы У республиканской научной конференции по проблемам искусства Армении.-Ереван.-1982.

2. О соотношении европейской и восточной танцевальных культур в армянском бытовом и сценическом танце второй половины XIX века.-В кн.:Тезисы конференции по вопросам истории и теории монодической музыки.-Ереван.-1984.

3. Европейские и восточные элементы в армянском бытовом и сценическом танце /вторая половина XIX века/.-Вестник общественных наук АН АрмССР.-1985.-№ 12.-с.43-52.

4. Из истории сотрудничества Александра Спендиарова и Михаила Фокина.-"Историко-филологический журнал" АН АрмССР.-1986.-№ 3.-с.67-77 /на арм.яз./

5. Восточные элементы в армянском сценическом танце начала XX века.-В кн.:Тезисы УI республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении.-Ереван.-1987.

6. Статья "Балет" в разделе "Танцевальное искусство".-Энциклопедия "Советская Армения".-Ереван.-1987.-0,5 п.л.

7. Восточные элементы в армянском сценическом танце начала XX века.-1 п.л.-В кн.:Традиции и современность.-Вопросы армянской музыки.-Включена в издательский план Издательства АН АрмССР. -1989.

8. Феерия Х.Кара-Мурзы "Джан Гюлум".-1 п.л.-Вестник архивов Армении.-В печати.

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

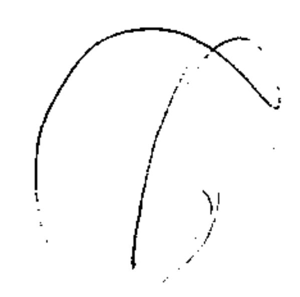
947.925 "1880/1917"

САААКЯН ЕГИШЕ СЕРГЕЕВИЧ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В АРМЕНИИ И АРМЯНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЗАКАВКАЗЬЯ (1880-1917 гг.)

Специальность 07.00.02 – История СССР

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ереван – 1989

Работа выполнена в Ереванском институте народного хозяйства.

Официальные оппоненты:

1. Доктор исторических наук, профессор Барсегян Х.А.
2. Доктор исторических наук, профессор Жвания Г.К.
3. Доктор исторических наук, профессор Исаакян Г.А.

Ведущее учреждение – Институт истории партии ЦК КП Армении – филиал Института марксизма ленинизма при ЦК КПСС.

Защита диссертации состоится "16" марта 1990 г. в "14⁰⁰" часов на заседании специализированного совета Д 005.19.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории АН Армянской ССР (375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24 г, Институт истории АН АрмССР).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории АН Армянской ССР.

Автореферат разослан "3" февраля 1990 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат исторических наук Азизбекян Р.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. В условиях дальнейшего совершенствования социалистического общества XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза определил как одну из важнейших задач идейно-политического воспитания трудящихся и, прежде всего, молодежи, воспитание советских людей на революционных традициях прошлого. Оценивая коренные изменения, происшедшие в мировом революционном процессе после Великой Октябрьской социалистической революции, партия отмечает, что "освободительные революции, начатые Великим Октябрем, определяют облик XX века"[1]. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в многовековой истории человечества. Она стала важным стимулом и ориентиром для порабощенных трудящихся масс многих стран мира в борьбе за их социальное и национальное освобождение, за социализм.

Исследование самых различных проблем и аспектов, связанных с историей социальных и национально-освободительных движений народов, увенчавшихся победой Октября, всегда было и остается одной из важнейших задач советской исторической науки. И к числу наиболее актуальных из них относится исследование места и роли учащейся молодежи как в национально-освободительном движении, так и в борьбе за социалистическую революцию.

Классики марксизма-ленинизма всегда придавали важное значение молодежным революционным волнениям и движениям, рассматривая их как неотъемлемую часть социалистической революции. Они подчеркивали, что революционное движение молодежи рождается как проявление протеста подрастающего поколения, как следствие антагонизма, существующего между трудом и капиталом, и пришли к выводу, что в развертывании революционной борьбы масс молодежи принадлежит весьма заметная роль. В известном положении К.Маркса, принятом на I Интернационале в качестве инструкции всем его отделениям, отмечается, что "наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения"[2].

---

1 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Изд-во полит. лит., 1986, с.7.

2 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.16, с.198.

В.И.Ленин постоянно следил за возрастанием революционного движения среди молодежи, направленного против произвола царизма, верил, что учащаяся молодежь осознает всю несправедливость господствующего строя и, в конечном счете, вместе с рабочим классом будет бороться за свержение самодержавия.[1] В.И.Ленин призывал рабочих и социал-демократические организации горячо откликнуться на политические протесты учащейся молодежи, оказывать ей всяческую помощь. Он называл студенчество "самой отзывчивой частью интеллигенции"[2] и считал вполне вероятным, что оно сыграет важную роль в решительной схватке с царизмом. Отсюда понятно то большое внимание, которое уделялось молодежи, в особенности революционному воспитанию учащейся молодежи. В этом отношении непреходящее политическое значение имеет опыт ленинской партии по вовлечению учащейся молодежи в единый революционный, демократический фронт борьбы против царского самодержавия, ибо недооценка роли непролетарских элементов и слоев населения в революции неизбежно привела бы не только к сужению ее социальной базы, но и к принижению способности пролетариата возглавлять революционную борьбу широких трудящихся масс за социальное освобождение и демократию. "Прочно опираясь на трудящиеся массы, выражая их чаяния и стремления, - отмечается в постановлении ЦК КПСС "О 80-летии революции 1905-1907 гг. в России", - партия политически воспитала и закалила их в ходе классовых битв, сплачивая вокруг пролетариата"[3].

И действительно, учащаяся молодежь с огромной энергией боролась за демократические свободы и активно участвовала в свержении царизма и Временного правительства. Молодежь составляла значительную часть населения и членов партии. В статье "Кризис меньшевизма" В.И.Ленин, ссылаясь на Ф.Энгельса, писал: "Разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первою пойдет молодежь"[4].

---

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.5, с.394; т.6, с.52 и др.

2 Там же, т.7, с.343.

3 "Правда", 3 января 1985 г.

4 Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.14, с.168.

Учащаяся революционная молодежь, а в ее составе учащаяся молодежь Армении и всего Закавказья, внесла значительный вклад как в борьбу за социальное и национальное освобождение армянского и других народов нашей страны, так и в борьбу за победу социализма. Вполне понятно, какое важное значение приобретает изучение исторического опыта работы с учащейся молодежью большевистских организаций Армении и Закавказья, представлявших один из отрядов ленинской партии. Здесь, в одной из окраин России, борьба трудящихся масс достигла значительного размаха. Деятельность большевистских организаций осуществлялась в трудных условиях борьбы с различными буржуазными партиями, и особенности этой борьбы нашли отражение в работе с молодежью.

Исследование места и роли молодежи в революционном движении нашей страны имеет не только исторический аспект. Оно актуально и с точки зрения современности. Международное совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. отметило, что "коммунисты высоко ценят подъем молодежного движения и активно в нем участвуют"[1]. Современное революционное движение молодежи настоятельно требует творческого изучения со стороны братских коммунистических и рабочих партий богатого опыта работы Коммунистической партии Советского Союза с молодежью. Это становится более понятным, если учесть, что в условиях дальнейшего усиления противоборства между капитализмом и социализмом молодежь продолжает оставаться важным объектом идеологического воздействия. Причем апологеты империализма стремятся всячески исказить историю и политику марксистских партий в отношении революционного молодежного движения.

Сегодня многие братские коммунистические и рабочие партии за рубежом, опираясь на исторический опыт, приобретенный нашей партией, активно распространяют в рядах молодежного движения идеи научного социализма, разъясняют опасность всякого рода псевдореволюционных идей, большое внимание уделяют поискам эффективных путей вовлечения учащейся молодежи в антиимпериалистическую борьбу, в борьбу за демократию и социальный прогресс.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что исследование истории становления и развертывания революционного

---

1 Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 2-17 июня 1969 г. М.: Политиздат, 1970, с.309.

движения среди учащейся молодежи в Армении и армянской действительности Закавказья во второй половине XIX - начале XX века имеет не только научное, но и актуальное общественно-политическое значение. В работе делается попытка всестороннего сопоставительного анализа самых различных источников (архивных материалов данных периодики, документов и материалов партийных съездов, конференций и совещаний КПСС и Компартии Армении, произведений видных партийных и государственных деятелей, научной и публицистической литературы и др.) с целью выявления целостной картины истории становления и развития революционного движения армянской учащейся молодежи, борьбы большевистских организаций Армении и Закавказья по распространению подлинно революционных идей в среде молодежных кружков и организаций, вовлечению их в единое революционное социал-демократическое движение против самодержавия, а затем Временного правительства, перерастания стихийных, неорганизованных волнений среди учащихся в сознательное, подлинно демократическое, социалистическое движение за национальное и социальное освобождение. Все эти проблемы и аспекты рассматриваются на широком фоне революционного движения в России и Армении, социально-экономических и политических условий развития общества политики царизма в области образования, борьбы за демократические реформы в сфере государственных и национальных школ и др. Анализируются существенные процессы в истории героической революционной молодежи, ее борьбы за демократию, против царизма и капитализма, за установление в Армении советской власти.

Степень изученности проблемы, источниковедческая и историографическая основа исследования. Разрабатываемая в настоящей диссертационной работе проблематика до сих пор не становилась в армянской советской исторической науке предметом специального монографического исследования, хотя некоторые вопросы и аспекты ее рассматривались и изучались как в дореволюционных публикациях, так и в трудах армянских советских историков.

Вопрос об участии учащейся молодежи, в частности школьнико в революционных волнениях и движениях неоднократно рассматривал ся дореволюционными авторами. Для них были характерны, с одной стороны, ярко выраженные реакционно-консервативные позиции, с другой - либерально-буржуазные. Авторы первого направления безоговорочно осуждали участие школьной молодежи в разного рода демонстрациях и волнениях, не говоря уже об активном участии в

революционном движении. Это, в частности, нашло отражение в публикациях на страницах журнала "Вестник воспитания". Авторы же второго направления считали закономерным появление ученических организаций и кружков, так как видели пагубное воздействие школьной казёнщины на учащуюся молодежь, несоответствие школы задачам буржуазного преобразования общества[I]. Работы такого направления написаны в основном с позиций буржуазного объективизма; авторы, в известной мере, объясняли истоки ученических волнений, кружков, однако не затрагивали процесса их дальнейшей эволюции – перехода одних кружков в сферу политической борьбы, осознанного революционного движения, а также перерастания других в чисто самообразовательные организации. Авторы многих статей всячески стремились осудить молодежные революционные волнения и действия в период I905-I907 гг., свидетельствуя тем самым свою приверженность старому режиму.

Показательно, что если в период подъема революции I905 г. либеральная буржуазия поддерживала преобразование школьной системы, то уже в период наступления реакции, в I907 г., она полностью солидаризировалась с реакционными мероприятиями самодержавия: "Пусть массово отстраняют учащихся, пусть закрываются школы, пусть прекращаются учебные занятия... Ни в коем случае не должно быть уступок, колебаний, послаблений в мероприятиях по наведению строгого порядка"[2], что красноречиво свидетельствовало об истинной сущности и устремлениях либеральной буржуазии и ее прислужников.

Вопросы истории нескольких армянских епархиальных школ, а также некоторые аспекты молодежного революционного движения раскрыты в работах выдающегося армянского историка Лео (А.Бабаханяна), который более, чем кто-либо из его современников, изучил и ввел в научный оборот значительное число архивных материа-

---

I Роков Г. Школьное товарищество и его роль как фактора воспитания. – Вестник воспитания, I90I, № I; его же. Школьные волнения I905 г. – Там же, I905, № 9; его же. Причины разложения средней школы. – Там же, I905, № I; см. также "Вестник воспитания" за I906 г., № 5, с.95-I0I; I906, № 8, с.II8-I20; I907, № 7, с.82-83; I908, № 5, с.88-I5I и др.

2 См. "Вестник воспитания", I905 г., № 9, с.I46-I47, а также за I907 г., № 5, с.76.

лов, сделал ряд ценных выводов, представляющих различные стороны просветительского дела. В то же время следует отметить, что некоторые его положения и оценки не всегда могут быть приняты безоговорочно. Так, совершенно справедливо связывая молодежные революционные движения среди армянской учащейся молодежи с первой русской буржуазно-демократической революцией, маститый ученый не смог увидеть, что эти движения, порожденные социальными и политическими язвами общества, проявлялись в различных формах и течениях. Столкновения же и разногласия, существовавшие между различными учительскими течениями и группировками, которые, кстати, тоже служили толчком для молодежных волнений, зачастую им игнорировались, либо квалифицировались как беспочвенные и беспринципные[1]. Либеральная буржуазная ограниченность не позволила ему увидеть, что ученические кружки и организации представляли собой нередко политические классовые организации, за которыми стояли соответствующие политические партии. Ученические движения порой квалифицируются им как бунт, смута, беспорядок и т.д., что не позволило раскрыть их истинного содержания, их роль и значение в деле перерастания стихийных волнений в осознанное революционное движение.

После установления Советской власти открылись широкие перспективы для дальнейшего разрешения проблем истории учебных заведений, разработки школьного и университетского образования в масштабах страны в целом и союзных республик - в частности. Важное место в этом комплексе проблем заняли и вопросы революционного движения молодежи.

Значительная работа по созданию истории революционного движения молодежи, в частности учащейся молодежи, была проведена в 1930-е годы, когда при центральных, республиканских партийных, профсоюзных и комсомольских органах были созданы комиссии для сбора и публикации материалов по истории коммунистического молодежного союза. Периодика того времени, в частности журнал "Норк", предоставляла многие свои страницы подобным публикациям.

---

1 Лео. История Ереванской армянской епархиальной духовной школы 1837-1912 гг. Тифлис: Тип. Аганяна, 1914, с.580; его же. История Карабахской армянской епархиальной духовной школы. Тифлис: Тип. Аганяна, 1914 (обе - на арм.яз.).

В них отчетливо иллюстрировалось, что революционная эпоха наиболее ярко и выразительно сказалась и на молодежи. В молодежном движении Армении процессы внутреннего общественно-политического развития отражались нередко в более острой и противоречивой форме.

В 1924 г. был опубликован краткий очерк истории коммунистического молодежного движения в Армении Г.Габриеляна[1], в котором выявляются конкретные этапы его развития, характеризуются содержание и формы деятельности отдельных организаций. Однако в нем есть некоторые пробелы и недостатки. Так, молодежные движения рассматриваются в известном отрыве от нарастающего революционного движения в Армении и Закавказье, не раскрывается политическая сущность и содержание различных течений, сложившихся и проявлявшихся внутри этих движений, некоторые факты и события социально-политического характера неправомерно трактуются исключительно на "личностном" уровне.

Некоторые вопросы, связанные с общественно-политической активностью учащейся молодежи, рассмотрены в работе А.Даниеляна[2], посвященные обстоятельному исследованию истории первой комсомольской организации в Армении "Спартак". В ней собран и обобщен значительный материал, сделаны важные выводы, однако имеются и принципиально ошибочные положения и заключения. Нельзя, к примеру, разделить точку зрения автора о том, что истоки Коммунистической партии Армении восходят к партии Гнчак; в работе затушеваны разногласия между большевиками и меньшевиками по целому ряду вопросов в Ереванской социал-демократической организации, не раскрыты расхождения во взглядах и оценках среди руководящих деятелей "Спартака", роль и значение большевистских и меньшевистских организаций в деле руководства молодежными движениями; все марксистские кружки, сложившиеся и функционировавшие в Армении и армянской действительности Закавказья, по А.Даниеляну, якобы были организациями, действовавшими в едином русле борьбы, что свидетельствует о недифференцированном подходе автора к изучаемым аспектам и др.

В 1920-1930-х гг. были опубликованы исследования Б.Титлино-

---

1 Габриелян Г. Коммунистическое молодежное движение в Армении. Краткий очерк. Ленинакан, 1924 (на арм.яз.).

2 Даниелян А. "Спартак" в Армении. М., 1931 (на арм.яз.).

ва и И.Кулишова[I], в которых, на основе изучения истории движения учащихся духовных и средних учебных заведений России, раскрываются господствовавшие в этих школах порядки и нравы, динамика развития стихийного движения среди учащихся и его перерастание в организованные формы борьбы. Эти исследования содержат значительный фактический материал и весьма интересны в теоретико-методическом плане, в особенности это касается работы Б.Титлинова. Однако и в ней нашли место некоторые пробелы, как в исходных принципах анализа явлений, так и в оценках и обобщениях. Так, революционное движение учащейся молодежи не рассматривается в тесной связи с национально-освободительными и социальными движениями в различных частях Российской империи; не учитываются особенности социально-экономического и политического развития национальных окраин, специфика воздействия трудящихся масс и демократической интеллигенции на формирование революционных настроений среди молодежи окраин, несколько преувеличивается факт ориентации части молодежи на буржуазию и соглашательские партии и др.[2]

В I920-I930-е годы были опубликованы работы, в которых представлены различные вопросы, связанные с революционными и национальными движениями в Армении и Закавказье, в которых сравнительно незначительное место уделено этим проблемам. Они важны прежде всего в историографическом плане. Таковы исследования Ер.Мелик-Елчяна, Зеликон-Бобровской, А.Кариняна, Легура, Ф.Махарадзе, Д.Эрде и др.[3]

I Титлинов Б.В. Молодежь и революция (из истории революционного движения учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений). Л.: Госиздат, I925; Кулишов И. Из истории движения учащихся средних учебных заведений. М.: Госиздат, I93I.

2 Титлинов Б.В. Указ.раб., с.8 и др.

3 Мелик-Елчян Е. Из истории рабочего движения Армении (I903-I907 гг.). Ереван: Армгосиздат, I930; его же. Четыре года из истории рабочего движения Армении. Ереван: Армгосиздат, I924; Зеликон-Бобровская. Канун I905 года. Ереван: Армгосиздат, I926; Каринян А.Б. Революционное и национальное движение на Кавказе в I905 г. М.: Центральное изд-во народов СССР, I925; Легур. Три поколения. Ереван: Армгосиздат, I925; Эрде Д. I905 год. М.: Центральное изд-во народов СССР, I930 (все - на арм.яз.); Махарадзе Ф.И. Очерки революционного движения в Закавказье. Тифлис: Госиздат Груз.ССР, I927.

Однако несравненно более широкое и глубокое освещение истории развития революционного движения молодежи и, в частности определенных аспектов движения молодежи, было предпринято начиная с 1950-1960-х гг. Целый ряд коллективных трудов и сборников, монографий и брошюр, статей был издан в связи с 50-летием революции 1905-1907 гг. в России. В них нашли отражение самые различные аспекты революционного движения - от обобщенных и целостных характеристик до региональных и этапных срезов[1]. Из публикаций этого периода можно выделить, например, ценные исследования В.Парсамяна, Ц.Агаяна, Г.Арутюняна, М.Арзуманяна, Д.Мурадяна, А.Арутюняна и некоторых других авторов[2], в которых обилие фактического материала сочетается с глубоким анализом особенностей революционных событий в Армении, специфики выступлений различных слоев населения, в том числе и учащейся молодежи, истории распространения большевистских идей среди рабочей и учащейся молодежи.

Для изучения идейных истоков формирования тайных учащихся кружков среди армянской молодежи важное теоретико-методологическое значение имеют исследования М.Г.Нерсисяна и В.А.Парсамяна[3]. Акад. М.Г.Нерсисян на богатой фактической основе всесторонне характеризует деятельность народнических кружков и организаций

---

1 См., например. Революционные движения в Армении в годы первой русской революции. - Сб.статей. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1955; Революционное движение в Армении в 1905-1907 гг. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1955 (обе - на арм.яз.) и др.

2 Парсамян В.А. Революционные движения в Армении (1905-1907 гг.). Ереван: Изд-во ЕГУ, 1955; Агаян Ц.П. Революционные движения в Армении в 1905-1907 гг. Ереван: Армгосиздат, 1956; его же. Революционные движения и деятельность большевиков в Закавказье в 1910-1912 гг. Ереван: Армгосиздат, 1959; Арзуманян М.В. Деятельность большевиков и революционные движения в Армении в 1907-1917 гг. Ереван: Армгосиздат, 1959; Мурадян Д.А. Армения в годы первой русской революции (1905-1907 гг.). Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1956; Арутюнян А.Б. Народы Закавказья в борьбе против царизма в годы первой русской революции. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1957 (все - на арм.яз.) и др.

3 Нерсисян М.Г. Народнические кружки в Закавказье. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР (Армфан), 1940; Парсамян В.А. Из истории армянского освободительного движения. Ереван: Армгосиздат, 1958 (на арм.яз.).

в Закавказье, выявляет идейные и тактические расхождения между ними, их значение в истории становления и развития революционного движения молодежи. В частности, автор касается и кружков, основанных студентами, выходцами из Закавказья, но функционировавших в различных городах России и за границей. В работе В.А.Парсамяна анализируется содержание деятельности тайных кружков в армянской действительности, членами которых состояли и учащиеся, выявляются местные, специфические условия их функционирования, а также воздействие идейного содержания русского народничества.

Вопросы становления и развития революционного движения среди молодежи исследуются и в работах Х.А.Барсегяна[1]. В них акцентируется внимание, прежде всего, на исторических предпосылках распространения и утверждения в среде учащихся марксистско-ленинских идей, деятельности студенческих союзов, специфике народнического движения в условиях формирования социал-демократических кружков. Автором систематизирован, обобщен и введен в научный оборот значительный фактический материал, дана периодизация и выявлены основные вехи в истории распространения марксизма в Армении.

Особую ценность для настоящего исследования представляют труды акад. Г.Б.Гарибджаняна, раскрывающие жизнь и деятельность выдающихся деятелей партии и государства - Ст.Шаумяна, А.Мясникяна, А.Джапаридзе, С.Спандаряна, а также характеризующие работу коммунистических организаций Армении в борьбе за победу Советской власти[2]. В них автор касается и ряда проблем, связан-

---

I Барсегян Х.А. Библиография армянской большевистской печати 1900-1920 гг. Ереван: Армгосиздат, 1959; его же. Борьба за победу марксистско-ленинских идей (1905-1920 гг.). Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1960; его же. Образование Коммунистической партии Армении. Ереван: Айастан, 1965; его же. Распространение марксизма в Армении, т.I. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР,1967; т.II, 1975; его же. Степан Шаумян. Ереван: Айастан, 1968 (все - на арм.яз.).

2 Гарибджанян Г.Б. Ленин и Закавказье. Ереван: Айастан, 1970; его же. Александр Мясникян. Ереван: Айастан, 1976; его же. Степан Шаумян. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1978; его же. Алеша Джапаридзе. Ереван: Айастан, 1979; его же. Сурен Спандарян. Ереван: Знание, 1982 (все - на арм.яз.).

ных с молодежными движениями, деятельностью большевистских организаций по политическому воспитанию молодежи и др., непосредственно соприкасающихся с познавательными задачами данной работы.

В разработке и обстоятельном освещении истории становления комсомольских организаций Закавказья большая заслуга принадлежит члену-корреспонденту АН Арм.ССР Г.А.Аветисяну[1]. В его исследованиях глубоко раскрыта выдающаяся роль В.И.Ленина и Коммунистической партии в развертывании революционного движения в Закавказье, зарождении и становлении Коммунистического Союза молодежи Закавказья, его активное участие в героической борьбе Коммунистической партии против господства буржуазно-националистических партий и иностранных захватчиков, за победу социалистической революции в крае. На многочисленных фактах выявляется интернациональное единство революционной молодежи Грузии, Армении и Азербайджана, раскрываются особенности истоков и бурного роста массового революционного движения молодежи, раскрыта борьба В.И.Ленина и большевистских организаций за сплочение революционной молодежи под знаменем пролетарского интернационализма, что делает их весьма важными для характеристики динамики и особенностей перерастания стихийных молодежных движений в осознанное революционное движение.

Для разработки вопросов, связанных с социально-экономическими и политическими предпосылками молодежных движений учащейся молодежи в армянской действительности Закавказья, важное значение имеют труды акад. Галояна Г.А.[2] В них дается научное обобщение исторического опыта борьбы народов Закавказья за создание

---

1 Аветисян Г.А. Комсомол Закавказья в борьбе за победу и упрочение Советской власти. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1964; его же. Комсомол Закавказья под знаменем пролетарского интернационализма. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1968; его же. В.И.Ленин и пролетарский интернационализм в революционном молодежном движении. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1979 и др.

2 Галоян Г.А. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье, 1920-1922. Ереван: Айастан, 1969; его же. Россия и народы Закавказья. Ереван: Айастан, 1978 (на арм.яз.); его же. На перепутьях истории. Ереван: Айастан, 1982 (на арм.яз.) и др.

социалистической государственности, убедительно показывается взаимосвязь национально-освободительной борьбы с движением революционного пролетариата, характеризуется деятельность ленинской партии по сплочению демократических сил разных народов нашей страны вокруг российского пролетариата, разоблачается фальсификация буржуазных идеологов, стремящихся в своих работах противопоставить национально-освободительное движение народов революционному рабочему движению.

Исторические и теоретические аспекты революционных молодежных движений исследованы и в работах А.Н.Карапетяна[1], посвященных истории комсомола, формирования кружков самообразования в школах и распространения в них социал-демократических идей, деятельности выдающихся деятелей большевистской партии и видных организаторов молодежных движений - Ст.Шаумяна, А.Джапаридзе, Г.Гукасяна, А.Будагяна и др. Автором рассматриваются также политические и классовые позиции различных ученических организаций, противоречия и борьба между ними, т.е. вопросы, связанные с исследуемыми в данной работе проблемами. Вопросы распространения ленинизма в Армении и связи В.И.Ленина с армянскими революционными деятелями исследованы в первом томе "Ленин и Армения", изданном в 1986 г.

Целый ряд вопросов и аспектов, рассматриваемых в настоящей диссертационной работе, нашли освещение в исследованиях С.Мовсисяна, В.Ерканяна и Ш.Оганджаняна[2]. В работе С.Мовсисяна охарактеризовано содержание учебно-воспитательной работы в государственных и национальных школах, показаны столкновения реакционных и демократически настроенных преподавателей, принципы

---

1 Карапетян А.Н. Рождение комсомола Армении. Ереван: Армгосиздат, 1956; его же. Гукас Гукасян. Ереван: Айастан, 1971; его же. Революционные традиции Ленинского комсомола. Ереван: Армгосиздат, 1958 и др.

2 Мовсисян С.М. Состояние народного образования и распространение марксистских педагогических идей в Армении (1900-1917 гг.) Ереван: Армгосиздат, 1955; Ерканян В.С. Борьба за новую армянскую школу в Закавказье (1870-1905 гг.). Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1970; Оганджанян Ш.Б. Из истории революционного движения молодежи. Ереван: Айастан, 1968 (все - на арм.яз.); его же. Революционное движение молодежи Закавказья. Ереван: Айастан, 1975.

отбора преподавателей и др. Важное место уделено также раскрытию борьбы как за демократизацию школы, так и за распространение марксистских идей и взглядов.

Широкий спектр проблем, связанный со структурой и динамикой развития армянской новой школы, просветительным движением, политикой самодержавия в отношении армянских школ, широким движением демократических кругов, студенчества и ученичества за преобразование школы, противоречивостью программ школьного образования, прогрессивной позицией передовой русской общественности, осуждавшей реакционную политику царизма в вопросе ущемления национальных интересов армянского народа и др., нашел обстоятельное и глубокое отражение в исследовании В.Ерканяна. В работе же Ш.Оганджаняна, на богатой фактической основе, раскрывается история участия закавказской молодежи в революционном движении региона, характеризуются формы и методы политического воспитания молодежи большевистскими организациями Закавказья, их усилия направить неуемную энергию молодежи в русло борьбы рабочего класса. Автор, в частности, касается и активизации политической борьбы студентов, приехавших в Закавказье из вузов России и Западной Европы, конкретных проявлений молодежных волнений.

В целом ряде изданий научного, общественно-политического и педагогического профилей были опубликованы статьи, посвященные самым различным вопросам и аспектам революционного движения в Закавказье, деятельности большевистских организаций в среде молодежи, революционным выступлениям учащихся отдельных учебных заведений в Армении, развертыванию национально-освободительного движения, истории отдельных школ и др. Это, прежде всего, статьи Л.Абрамяна, В.Аветисяна, А.Мушегяна, К.Мелик-Оганджаняна, Л.Саакяна, М.Гамагеляна, В.Аствацатряна, А.Игнатяна, В.Ерканяна, А.Карапетяна, А.Амбаряна, А.Саакяна, Е.Саакяна и др.[I] В сравнитель-

---

I Абрамян Л.А. Из истории распространения марксизма в Армении. - Известия АН Арм.ССР, I959; Аветисян В.А. Об ассоциации рабочих революционеров армян. - Ленинян утиов, I957, № 4; Мушегян А.В. Аветик Исаакян в семинарии Геворгян. - Вестник архивов Армении, I979, № 3; Мелик-Оганджанян К.О. О видном коммунисте Аршавире Меликяне. - Вестник общественных наук АН Арм.ССР, I969, № 3; Саакян Л. Влияние первой русской революции на настроения учащихся армян. - Вестник архивов Армении, I976, № 2; Гамагелян М.Г. Из истории Эчмиадзинской семинарии Геворгян. - Совета-

ном плане важное значение имеют исследования чл.-корр. АН Арм.ССР В.Б.Бархударяна, в которых раскрываются особенности социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни армянской колонии Нового Нахичевана. Автор характеризует школьное дело и всю систему образования, освещает вопрос об участии армянской молодежи в движении народничества, в деятельности различных организаций и кружков, в том числе и марксистских, в революционном движении пролетарского этапа[1].

Как в плане теоретико-методическом, так и в сравнительном большое содействие разработке основных познавательных задач настоящей диссертационной работе оказали исследования, осуществленные в других союзных республиках, в которых нашли отражение общие и специфические черты в революционном движении молодежи, в том числе и учащейся молодежи в различных национальных регионах страны, особенности этого движения в разные периоды второй половины XIX - начала XX вв., характеризуется деятельность В.И.Ленина, большевистских организаций по революционному воспитанию молодого поколения, их борьба за учащуюся молодежь и другие вопросы[2].

кан манкаварж, 1964, № 3; Аствацатрян В. Из страниц ученического революционного движения. - Советакан манкаварж, 1963, № 3; Игнатян А. Лазаревская семинария и армянская школа. - Советакан манкаварж, 1963, № 3; Ерканян В.С. Страницы из истории армянских школ в Закавказье. - Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1967, № 1; Амбарян А.С. Выступления гимназистов в Ереване в 1905-1905 гг. - Советакан манкаварж, 1960, № 7; Саакян А. Ал.Мясникян об образовании и воспитании подрастающего поколения. - Советакан манкаварж, 1958, № 12 (все - на арм. яз.).

1 Бархударян В.Б. История Ново-Нахичеванской армянской колонии (1861-1917 гг.), 1958, № 12 (на арм.яз.). Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1985.

2 Не имея возможности перечислить здесь всю использованную литера туру, что сделано в библиографии к работе, отметим лишь некоторых авторов: Ткаченко П.С. Учащаяся молодежь в революционном движении России 60-70-х годов XIX века. Саратов, 1981; Ацаркин А.Н. Деятельность большевистской партии по воспитанию молодого поколения пролетариата и сплочению его на борьбу против самодержавия и капитализма. 1903-1917 гг. М., 1963; Ядрицов В.П

Как показывает вышеприведенный историографический обзор, в армянской и общесоюзной исторической литературе вопросы молодежных революционных движений, в том числе движений учащейся молодежи, изучались в разные периоды и в самых различных аспектах, что позволило разработать исторические, теоретические, региональные и общие проблемы. Однако в армянской исторической науке революционные движения учащейся молодежи в армянской действительности Закавказья в период пореформенного периода вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции не стали предметом специального монографического исследования, что в современных условиях представляется весьма актуальным.

Целостное рассмотрение истории становления и развертывания революционного движения учащейся молодежи в армянской действительности Закавказья на таком сравнительно значительном отрезке времени, характеризовавшемся становлением и развитием буржуазного общества, ростом рабочего движения, соединением научного социализма с рабочим движением, вступлением в пролетарский этап освободительного движения в России и ее национальных регионах, созданием марксистской пролетарской партии, активной деятельностью большевистской организации по распространению марксистских идей в среде учащейся молодежи и др., представляет исключительный интерес как для раскрытия динамики молодежного революционного дви-

---

Рабочее движение и учащиеся средний учебных заведений юга России накануне и в годы первой русской революции (1904-1906 гг.). Л., 1975 и др.; Бережной И.С. Студенческое движение на юге Украины в конце XIX - начале XX вв. Киев, 1964; Круглова З.И. Студенческое движение в период нового революционного подъема (1910-1914 гг.). М., 1965; Жуйкова Р.Г. Революционное студенческое движение в Петербурге в 80-х гг. XIX в. (1881-1889 гг.). Л., 1965; Гусятников Л.С. Движение революционно-демократического студенчества России (1895-1907 гг.). Л., 1973; Кныш Г.Н. Борьба большевиков за учащуюся молодежь накануне и в годы первой русской революции (1903-1907 гг.). Днепропетровск, 1977; Десятерик В.И. Деятельность В.И.Ленина, большевиков по революционному воспитанию молодого поколения (1914-1917 гг.). М., 1977; Лейборов В.И. Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде (1914-1917 гг.). Л., 1981 и др.

жения, так и для выявления качественного своеобразия отдельных его этапов, особенностей его развертывания в армянской действительности Закавказья.

Автор в целом ряде своих предшествующих работ касался самых различных вопросов, связанных с молодежными революционными движениями учащейся молодежи, что, в известной мере, подготовило осуществление данного исследования[1].

Основным источником для написания настоящей работы послужили многочисленные архивные материалы, почерпнутые в архивах Армянского и Грузинского филиалов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного исторического архива Арм.ССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Армянской ССР, Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР, Научно-исследовательского института древних рукописей (Матенадарана) им. М.Маштоца и др. Многие из использованных архивных материалов впервые вводятся в научный оборот и позволили не только обогатить фактические данные относительно становления и развития молодежных революционных движений, но по-новому осветить многие вопросы, касающиеся специфики и качественного своеобразия этих движений в условиях армянской действительности Закавказья. Важным подспорьем для исследования послужили публикации в периодической печати пореформенного периода, которые расширили источниковедческую базу изучения и позволили раскрыть различные политические течения и позиции в движении учащейся молодежи. Нами изучены многочисленные листовки, прокламации, которые распространялись среди молодежи, за которые преследовались ее передовые борцы, что позволило раскрыть динамику и особенности сочетания академических и политических требований в среде учащейся молодежи, перерастания стихийных движений в активную революционную борьбу.

---

1 Саакян Е.С. Молодежные движения 1905 г. Ереван: Знание, 1976; его же. Испытание на баррикадах. Ереван: Айастан, 1976; его же. Юные бойцы революции. Ереван: Изд-во Луйс, 1984 (все - на арм.яз.); его же. Революционные движения молодежи в Армении и Закавказье (1880-1917 гг.). Ереван: Айастан, 1987.

<u>Цель и задачи исследования</u>. Целью настоящего исследования является освещение истории революционного движения среди учащейся молодежи в армянской действительности Закавказья, раскрытие ярких страниц героического прошлого лучших ее представителей, их борьбы за справедливый общественный строй, увенчавшейся победой социалистической революции в нашей стране, анализ перерастания стихийных молодежных движений в осознанную революционную борьбу за демократизацию школы, актуализацию программ обучения, демократические свободы, свержение самодержавия и капитализма, социальный прогресс. В связи с этим всестороннему и углубленному анализу были подвергнуты следующие основные вопросы:

- социально-экономические и политические выступления и движения учащейся молодежи в армянской действительности Закавказья и их предпосылки;
- система учебных заведений и постановка дела образования в государственных и национальных школах Закавказья в конце XIX - начале XX вв.;
- сущность школьной политики царизма в Закавказье;
- место и роль армянского духовенства в системе народного образования; политика царизма в отношении церковных учебных заведений;
- характер влияния общественно-политической жизни России на оживление и развертывание освободительного движения в армянской действительности;
- формы и содержание деятельности различных ученических кружков среди молодежи (самообразовательных, патриотических и др.);
- народническое движение и армянское ученичество и студенчество;
- особенности стихийных ученических движений в 1880-1890-х гг.;
- подъем молодежного революционного движения накануне и в годы первой буржуазно-демократической революции в России;
- деятельность социал-демократических организаций по вовлечению учащейся молодежи в единое революционное русло борьбы против самодержавия, за социальное и национальное освобождение, за высвобождение молодежи из-под влияния различного рода буржуазных партий и группировок;
- характер и особенности сочетания самодеятельной инициати-

вы молодежи и политического руководства ею со стороны большевиков, роль В.И.Ленина в обеспечении деятельного руководства молодежными волнениями и движениями, в укреплении связи большевистской партии с молодежными организациями и кружками;

- ученическое движение в годы реакции и нового революционного подъема, формирование марксистских, материалистических воззрений среди учащейся молодежи;

- революционные движения учащейся молодежи в период и после Февральской буржуазно-демократической революции, накануне Великого Октября;

- основные этапы молодежного революционного движения, характер и их качественное своеобразие, интернациональное единство революционной молодежи Грузии, Армении и Азербайджана, борьба большевистских организаций за сплочение революционной молодежи под знаменем пролетарского интернационализма.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Такой основой послужили произведения классиков марксизма-ленинизма, документы КПСС, а также труды и статьи видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства. В работе творчески применены функциональные принципы марксистско-ленинской методологии, классовости и партийности, сравнительно-исторического анализа исследуемых фактов и явлений.

Научная новизна и практическое значение диссертации. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые подвергается целостному освещению история молодежного революционного движения в армянской действительности Закавказья всего пореформенного периода и вплоть до Великого Октября, выявляются основные его этапы, характер динамики, процесс перерастания стихийных волнений в осознанное революционное движение, процесс перерастания волнений за академические реформы в движение за социальное переустройство общества, за справедливость и демократию, характеризуются формы и методы деятельности социал-демократических и большевистских организаций Закавказья среди учащейся молодежи различных буржуазных и мелкобуржуазных идеологий. Все это в такой целостности и системности впервые осуществляется в армянской исторической науке. Кроме того, в работе приводится огромное количество архивных и иных материалов, которые, в своей значительной части, впервые вводятся в научный оборот, что также свидетельствует о научной новизне исследования.

Материалы, научные положения, выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории армянского народа, при создании истории революционного движения в Армении и Закавказье; яркие страницы героического прошлого лучших представителей молодого поколения могут стать важным фактором и источником воспитания молодого поколения на революционных традициях прошлого нашего народа; проведенное исследование может быть включено в список обязательной литературы по истории армянского народа при ведении общих и специальных курсов на исторических факультетах университетов и педагогических институтов; данные диссертационной работы могут быть широко использованы в лекционной агитационно-пропагандистской деятельности среди широких слоев трудящихся. Все это, несомненно, указывает на большую практическую значимость диссертации.

Апробация диссертационной работы. По теме диссертации автором опубликованы монографии и брошюры, ряд научных статей, в которых нашли отражение все основные положения диссертационного исследования. Оно было обсуждено и рекомендовано к защите на кафедре научного коммунизма Ереванского института народного хозяйства. Опубликованные работы получили положительную оценку и использованы в деятельности ряда общественных организаций, в лекторской работе Республиканского общества "Знание", в работе комсомольских организаций средних и высших учебных заведений.

Структура диссертационной работы. Представленная к защите диссертационная работа состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается научная и идейно-политическая актуальность темы исследования, отмечается важность, которую придавали классики марксизма-ленинизма молодежным революционным волнениям и движениям, указывается на непреходящее политическое значение опыта ленинской партии по вовлечению учащейся молодежи в единый революционный, демократический фронт борьбы против царского самодержавия и Временного правительства, показывается, что учащаяся молодежь, а в ее составе и армянская учащаяся молодежь, революционно настроенные, внесла значительный вклад в борьбу за социальное и национальное освобождение. Освещается состояние

научной разработанности проблемы, дается критический анализ источников и литературы; сформулированы цели и основные задачи исследования, обосновывается выбор хронологических срезов, выделяются основные этапы становления и развития революционного движения молодежи. Во введении определяются научная новизна и практическое значение диссертационной работы.

Глава I. Социально-экономические и политические предпосылки учащейся молодежи в конце XIX - в начале XX века

В данной главе показывается, что после присоединения Восточной Армении к России, явившегося важнейшим историческим актом в судьбах армянского народа, создались благоприятные возможности для экономического, социального и культурного развития, демографического роста. Во второй половине XIX века произошли крупные общественные сдвиги в жизни армянского этноса - переход от феодальной формации к капиталистической, формирование пролетариата и буржуазии, обострение классовой и активизация национально-освободительной борьбы.

Развитие капитализма придало новый размах начавшемуся еще в середине века просветительскому движению, расширению сети учебных заведений и культурных очагов. Появились новые школы, прогимназии и гимназии, учительские семинарии, библиотеки-читальни, клубы и другие просветительские учреждения.

На основании многочисленных архивных материалов, данных периодической печати, программ и деятельности различных кружков и союзов, выступлений учащихся, на фоне русской передовой общественно-политической мысли дается история нарастания национально-освободительного движения, революционно-демократического процесса в Восточной Армении и Закавказье.

В 80-е годы XIX в. армянское освободительное движение развивалось в условиях острых столкновений различных общественных течений. Борьба в основном шла между клерикально-феодальным, либерально-буржуазным и революционно-демократическим течениями. Основоположником и признанным лидером демократического течения был Микаел Налбандян. После его смерти оно значительно ослабло, но тем не менее не прекратилось. В армянской действительности, в различных районах, основывались тайные кружки, которые в сущности являлись освободительно-патриотическими союзами, ставившими перед собой цель объединить передовые демократические силы и, в

первую очередь, молодежь, воспитать ее в духе патриотизма и поднять на борьбу с царизмом. В работе характеризуется деятельность отдельных кружков и обществ, их оппозиционная направленность.

Подобно нараставшему русскому революционно-демократическому движению в Армении усиливалась борьба против царского самодержавия, которое в эпоху империализма открыто обрушилось со всей силой на национальные, социальные и демократические устремления народов России.

С целью подавления социальных и национально-освободительных движений самодержавие преследовало передовых педагогов и учеников, закрывало национальные школы, как очаги пробуждения национального и классового самосознания. Автор показывает тягу учеников, в особенности в старших классах, к созданию тайных кружков, характеризует их деятельность в условиях деспотического режима, царящего в школах. Однако каждый из таких кружков не мог функционировать длительно. Школьная администрация через своих доносчиков узнавала об их существовании. Под предлогом "политической неблагонадежности" и наклеивания иных ярлыков из школ увольнялись учащиеся и прогрессивно настроенные педагоги, проявлявшие политическую активность; случалось, что на неопределенное время прекращались занятия в школах; все это во многом препятствовало развитию самодеятельности среди учащейся молодежи.

Документ, составленный в декабре 1879 г. Управлением учебного округа Тифлисской губернии для шефа губернской жандармерии, свидетельствует об ожидаемом революционном движении и методах борьбы с ним. "Для целей будущего спокойствия, - писал начальник управления, - совершенно нельзя игнорировать четко проявляющиеся, даже сейчас, национальные устремления, которые характерны для армянского интеллигента на Кавказе"[1].

В другом письме попечителя Кавказского учебного корпуса на имя директора Ереванской мужской гимназии от 1891 г. говорилось об участии студентов в политических кружках и заговорах и, в частности, отмечалось, что "революционное студенчество учится в таких кружках сотрудничеству, они способствуют самообразованию и саморазвитию. Эти кружки обычно служат рассадником для организации злобной пропаганды, для формирования деятелей отрицательного направления". Средством для достижения этого, по мне-

---

1 Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф.4033, с.1, д.40.

2 Там же.

нию попечителя, являлось чтение запрещенных книг, журналов и газет, которые становились предметом обсуждения на собраниях и сборах учащихся.

Нововыявленные архивные материалы дают возможность охарактеризовать политические настроения и деятельность учащейся молодежи и демократической интеллигенции в этот период, раскрыть содержание функционирующего тайного кружка "Армянофил-патриот", подчеркнуть особенности стачечного движения среди учащейся молодежи.

Несмотря на то, что революционное народничество занимало неверные политические и тактические позиции, не осознавая в полной мере законов развития общества и роли нарождавшегося пролетариата, на данном этапе, тем не менее, народники являлись носителями идей революционной борьбы против самодержавия и, открыто выражая свою убеждения, жертвовали жизнью во имя освобождения народа. В 1880-е годы в рядах революционных народников было немало студентов-армян, которые вместе с передовыми представителями русского и других народов боролись против социального и национального угнетения, пережитков крепостничества.

Деятельность Степана Кардашева (Кардашяна), Екатерины и Рипсиме Туманян и др. раскрывает характер и содержание студенческого революционного движения. Представлена их активная пропагандистская работа среди рабочих различных городов, деятельность народников-армян не только в армянской действительности Закавказья, но и в России, на Украине и др. местах. Из числа армянских студентов - членов народнических кружков Москвы, Петербурга, Киева, Харькова, Одессы, Цюриха, Женевы и др. выделяются Давид Айвазян, Константин Мамиконян, Ольга Сафарян, Аршак Сафарян, Григор Аразян, Тамара Адамян, Ованес Манучарян и др.

Деятельность многочисленных нелегальных кружков студентов и учащихся в Ереване, Тифлисе и других городах Закавказья в 80-х годах XIX в. характеризовалась сильным влиянием русских общественно-политических течений. Собирались учащиеся в целях самообразования и саморазвития. Благодаря чтению и дискуссиям формировался их политический кругозор, учащиеся получали более глубокие знания. На многочисленных материалах вырисовывается большое значение народничества в истории общественного развития армян Кавказа, других кавказских народов, оказавшее прямое или косвенное воздействие на формирование революционных кружков, активизацию их деятельности.

В конце XIX - начале XX в. студенты-армяне, обучавшиеся в высших учебных заведениях России и Западной Европы, ознакомившись с программами различного рода социалистических партий, основывают за границей земляческие, литературно-художественные, народнические и иные организации и союзы. Приводимые в работе статистические данные характеризуют динамику численности армянских студентов, обучавшихся в России и странах Западной Европы в различные десятилетия второй половины XIX века и первые десятилетия нашего столетия, а анализ их политической деятельности раскрывает распространение в их среде марксистских идей, а также историю различных союзов и обществ, созыв съездов организации студентов-армян Европы. В работе нашла отражение борьба различных идеологий среди студенческой молодежи, попытка мелкобуржуазных партий объединить армянское студенчество под общим знаменем и создать единый фронт. И хотя до II съезда РСДРП большая часть армянского студенчества в Женеве находилась под влиянием дашнаков, постепенно многие члены "Союза армянских студентов", общаясь с русскими социал-демократами, увлеклись марксизмом.

Дашнакская партия стремилась всячески подавить проникшее в студенчество социал-демократическое течение, студенты же социал-демократы, в свою очередь, стремились освободить из-под влияния дашнаков как можно больше молодежи. II съезд РСДРП, который привлек к себе внимание всей передовой молодежи, призывал все партийные организации оказывать всяческую помощь учащейся молодежи, призывал все партийные организации оказывать всяческую помощь учащейся молодежи в деле их идеологического формирования. Предлагалось серьезно изучить марксистское учение в студенческих кружках и выработать у их членов цельное и последовательное социалистическое мировоззрение[I].

В этой связи раскрывается деятельность пламенного большевика Богдана Кнуньянца по созданию и руководству первого армянского марксистского социал-демократического кружка армянских студентов. Между находившимися в различных городах небольшими армянскими кружками социалистического направления устанавливались связи. Здесь же характеризуется деятельность армянского студенческого общества "Кавказ", которое, став одним из кружков РСДРП, вело

I Архив Груз.филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф.I2798, оп.3, д.667, л.I.

пропаганду среди армянского студенчества для соединения его под знаменем марксизма. Важное внимание было уделено распространению марксистской литературы на родном языке, причем издавались не только книги и газеты, но и листовки, прокламации, переводились труды классиков марксизма-ленинизма.

Интерес к марксистской литературе рос не только среди пролетариата, но и среди учащейся молодежи. Так, во время ремонта одного из домов в селе Малишка нынешнего Азизбековского района Армянской ССР в 1951 г. было обнаружено 9 листовок Кавказского комитета РСДРП, изданных на армянском и русском языках в 1901, 1902 и 1904 гг. В 1903 г. полиция арестовала учащегося 5-го класса Ереванской гимназии Мкртича Овакимова, у которого во время обыска было найдено несколько антиправительственных листовок.

Развитие революционного движения среди учащейся молодежи Армении и армянской действительности Закавказья происходило под воздействием студенческих революционных движений, распространившихся во всех вузовских городах России в 1890-1900-х гг. Среди студентов, подвергнутых допросам и репрессиям, большое число составляли армяне, грузины и другие представители закавказских народов. Возвратившись на родину, они активно пропагандировали освободительные идеи и руководили массовыми революционными движениями в различных частях Закавказья.

Вопросы роста революционных волнений среди учащейся молодежи Армении и Закавказья рассматриваются не только на фоне революционного движения пролетариата Закавказья, наращивания национально-освободительного движения в национальных регионах, но и в русле революционного движения российского пролетариата, деятельности большевистских организаций среди учащихся, распространения марксизма в Армении и Закавказье, влияния армянских студенческих организаций, сложившихся и функционировавших в России и за границей, что дало возможность для системного анализа вопросов становления и развертывания революционного движения среди учащейся молодежи Армении и армянской действительности Закавказья.

Раскрываются большие усилия большевистских организаций в деле воспитания учащейся молодежи в революционном духе и ознакомления ее с марксистской литературой, организации собраний и диспутов, сплочения интернационального содружества народов Закавказья. Характеризуется деятельность Ал.Бекзадяна, Л.Аветисян

Л.Кнунянца, А.Меликяна, А.Заргаряна и других видных деятелей, внесших значительный вклад в молодежное революционное движение. На многих страницах диссертационной работы раскрывается роль выдающихся деятелей партии и революции - Ст.Шаумяна, Б.Кнунянца, С.Спандаряна и др. по воспитанию молодежи, в том числе студенческой и ученической молодежи в духе марксистских идей, по вовлечению революционного движения учащейся молодежи в единое революционное, демократическое движение, объединению рабочих и студенческих кружков.

В работе раскрывается сложность борьбы за молодежь, борьбы за сочетание академических и политических требований, в результате которой ученическое и студенческое революционное движение вылилось в осознанную активную политическую борьбу за демократизацию всех сфер общественной жизни. Характеризуется роль В.И.Ленина в активизации деятельности большевистских организаций по воспитанию молодежи, по вовлечению студенческих и ученических движений в общее русло революционной борьбы. В газете "Искра" В.И.Ленин призывал студентов вступить в борьбу не за академическую (студенческую), а за политическую свободу. Он писал: "Помните, что мы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми силами и средствами войти в соглашение с демонстрантами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу своего народа"[I].

На конкретных фактических материалах, характеризующих деятельность молодежных организаций, в работе показывается, что ленинские заветы стали руководством к действию в молодежном революционном движении в Армении и Закавказье. Сформировались организации учащихся, руководимые социал-демократической партией, которые боролись за демократические преобразования в школе. Они распространяли листовки, разоблачали бюрократический и деспотический режим царской системы образования, призывали учащихся к активной революционной борьбе.

На основании сравнительного анализа разновременных и разнородных источников в работе показывается, что сеть учебных заведений расширялась как в самой Армении, так и в ряде центров За-

---

I Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.5, с.372.

кавказья со значительным армянским населением, кроме того, шла борьба за доступ в школы различных типов представителей разных слоев армянского общества. В результате многие епархиальные школы фактически стали национальными учебными заведениями, где получали среднее образование на родном языке дети различных слоев общества. Так, в 1887 г. из 243 учеников Ереванской армянской епархиальной школы только 12 были детьми духовных лиц, остальные - детьми ремесленников, мелких торговцев и земледельцев; армянская школа Нерсисян в Тифлисе усилиями Нерсеса Аштаракеци являлась скорее светской, нежели духовной школой.

В главе дается динамика расширения сети учебных заведений в Армении и армянской действительности Закавказья в рассматриваемое время, характеризуется постановка дела образования в государственных и национальных школах. Дана типология приходских школ, представлены условия обучения, школьные программы. Сравнительно-сопоставительный анализ большого числа архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, позволил обрисовать особенности функционирования приходских школ в городах, селах, поселках, при монастырях и церквах. На фактических данных показывается, что развитие прогрессивных тенденций в деле образования сдерживалось царским самодержавием. Так, если в 1880 г. число приходских школ достигло 185, а в 1895 г. - 240, то уже в 1896 г. из них по указанию царской администрации 186 были закрыты. В 1903 г., по закону от 12 июня, прекратили свое существование из-за нехватки средств еще много школ. Лишь впоследствии, в период первой буржуазно-демократической революции в России, многие из этих школ были вновь открыты.

В разделах этой главы характеризуются особенности государственных и национальных школ, их характер, структура, содержание и объем обучения. Начальные и городские училища, прогимназии, гимназии, реальные и ремесленнические училища считались городскими школами, из коих лишь гимназии, реальные и ремесленнические училища давали среднее образование. В работе показано, что в государственной школьной системе отсутствовали единство и последовательность между низшими и высшими школами, поэтому учащиеся, окончившие начальные и городские училища, не могли поступить в гимназии или реальные училища без специальной дополнительной подготовки и вступительных экзаменов.

В армянскую национальную школьную систему включались началь

ные приходские школы, семинарии Геворгян в Эчмиадзине, епархиальные школы в Ереване, Шуше, Тифлисе, Новом Нахичеване и 4 женские средние школы. В диссертационной работе показывается, что активной деятельностью в общественной, политической и культурной сферах жизни выделялись мужская и женская гимназии, епархиальная школа и учительская семинария в Ереване, торговое училище и гимназия им. Ольги в Александрополе, семинария Геворгян в Эчмиадзине, а за пределами Восточной Армении - школа Нерсисян в Тифлисе, епархиальная школа в Шуше, государственные школы в Карабахе и др., в которых большинство учащихся составляли армяне.

Архивные материалы, а также данные литературы позволили представить деятельность учебных заведений Еревана, Александрополя, Аштарака, Игдира, Нахичевана, Ордубада, Нор-Баязета, находившихся в ведении и подчинении Ереванской губернской дирекции народных училищ, а также школ в Елизаветполе, Шуше, Нухе, находившихся в ведении Елизаветпольской губернской дирекции, и, наконец, школ в Карсе, Кагызване Карсской областной инспекции.

В работе показано, что, несмотря на значительное возрастание в отдельные периоды числа школ и учащихся, состояние народного образования все же намного отставало от требований времени. Подавляющее большинство населения было неграмотным. В 1896 г. из 1466 населенных пунктов Ереванской губернии школы имелись только в 45, т.е. на каждые 35 населенных пунктов была всего одна школа, а на каждую 1000 жителей - 7,6 учащихся. А, по данным переписи 1897 г., грамотная часть населения Ереванской губернии составляла всего 6,4%, а в городах - 28,7 процента. В 1908 г. в Восточном Шираке не было какой-либо хорошо организованной школы, почему и 90% населения оставалось неграмотным.

В диссертации отмечается, что, хотя развитие капиталистических отношений вызывало растущую потребность в образованных, грамотных кадрах, однако в антагонистическом обществе подобные требования вступали в противоречие с интересами господствующего класса, который стремился, с одной стороны, ограничить "низам" доступ к образованию, а буржуазия стремилась доказать превосходство своего класса и "высших рас", а посему и право на высокое положение в обществе, а также физическую и моральную обреченность трудовых масс и "низших рас". В царской России школа служила господствующему классу. В.И.Ленин писал по этому поводу: "Буржуазия, выдвигающая такое положение, сама во главу угла школьного дела поставила свою буржуазную политику и старалась школьное

дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников"[I].

В исследовании раскрывается классовый характер образования, характеризуется уровень народного образования по сравнению с другими странами, дается структура расходов на образование в различные годы, показывается усиление ведомственного контроля в школах, когда во главу угла ставится не дальнейшее совершенствование учебного процесса, а установление полицейского надзора за поведением педагогов и учащихся и др. Приводятся данные, свидетельствующие о проведении царизмом великодержавной шовинистической школьной политики, использовании учебных заведений самого различного типа для русификации нерусских народов, что тормозило культурное развитие угнетенных народов, устанавливало для их представителей различные процентные нормы при поступлении в средние и высшие учебные заведения.

Сложившаяся в конце XIX - начале XX вв. система народного образования не могла не вызывать протеста не только со стороны передовой демократической общественности, но и непосредственно со стороны педагогов и учащихся. Программы школ не соответствовали возраставшим потребностям общества, даже выпускники гимназий отличались весьма низким уровнем знаний. Формализм в преподавании, полицейский школьный режим, строгие принципы сословно-классовой политики, оторванность от конкретных социально-экономических и культурных потребностей общества вызывали все большее недовольство широкой народной общественности.

В истории армянской школы обычными явлениями были гонения и запреты со стороны царской администрации: закрывались школы, увольнялись преподаватели и учащиеся, полностью контролировалась программа обучения не только в государственных, но и в частных школах, вводились учительские цензы, по усмотрению Кавказского учебного округа решался вопрос о профессиональном соответствии армянских учителей и др. Анализ различных циркуляров, писем, приказов, законов, распоряжений и т.д. привел автора к выводу, что в конце XIX - начале XX вв. самодержавие, отбросив завесу, маскирующую его национальную политику, перешло в открытое наступление против социального и национального движения армянского народа, равно как и других малых народов Российской империи.

I Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.37, с.431.

В.И.Ленин писал в связи с этим: "Доводы" черносотенцев, конечно, коротки, всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им "распускаться"[1]. Эти слова В.И.Ленина относятся ко всему периоду от 80-х гг. XIX в. вплоть до Великой Октябрьской революции, и именно поэтому начиная с конца века все надежды восточноармянского населения на национальное и социальное освобождение прочно связывались с революционным движением российского пролетариата.

В главе раскрывается и политика армянского духовенства в области школы и образования. На многочисленных фактических материалах показывается тот сильный клерикальный дух, который царил в епархиальных духовных школах и проявлялся как в учебных программах и планах, так и в системе учебно-воспитательной работы. Весьма красноречивы и точны определения выдающегося революционера и государственного деятеля Ст.Шаумяна, касающиеся этих школ. Он писал: "Царящий в этих школах клерикальный национально-поповский дух не менее омерзителен, чем царящий в иноязычных школах дух пуришкевичей"[2]. Не только вопросы учебно-воспитательного характера, но и само существование этих школ зависели от прихоти духовенства, которое в целях сохранения своей руководящей роли не останавливалось ни перед какими средствами. За малейшее неповиновение или попытки протеста и учащихся и учителей их незамедлительно исключали или же объявляли школу закрытой.
В комплексе же преподаваемых предметов большое место занимали религиозно-богословские дисциплины. Достаточно отметить, что в Эчмиадзинской семинарии Геворгян из 23 преподаваемых предметов I2 были религиозными. Помимо этих предметов учащихся настолько обременяли заучиванием повседневных молитв, что у них не оставалось времени на занятие естественными науками. Здесь же раскрываются нормы внутренней жизни различных учебных заведений, распорядок дня учащихся, характеризуются формы и способы наказания тех, кто проявил неповиновение, показан запрет учащимся на чтение газет и выпуск собственных стенных газет и т.п.

Представители официальных кругов и наиболее реакционная часть армянского духовенства, в противовес широким народным массам и прогрессивным общественно-политическим деятелям, находили, что духовные школы призваны готовить только священнослужителей,

---

I Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.24, с.293.

2 Шаумян Ст. Избранные произведения, т.I. М., I978, с.4I8

а потому преподавание общеобразовательных предметов должно быть второстепенным. Более того, обычными явлениями были не только ругань, порицания и оскорбления, но и рукоприкладство, побои, составившие неотъемлемую часть постановки всего дела воспитания и обучения. И не случайно, что в годы первой буржуазно-демократической революции были приняты постановления о более гуманном обращении с учениками.

Архивные и иные материалы, приводимые в данной главе, позволили в совокупности обрисовать не только всю систему школьного образования в Армении и армянской действительности Закавказья, но и представить социально-экономические предпосылки и общественно-политические причины молодежных волнений и движений, развернувшихся во второй половине XIX - начале XX вв., динамику сочетания академических требований с политическими, перерастания стихийных волнений в осознанную революционную борьбу за демократию и социальный прогресс.

Глава II. Революционные волнения учащейся молодежи в Армении в конце XIX - начале XX века

Во второй главе раскрываются страницы ученических стихийных движений и динамика их постепенного перерастания в организованную революционную борьбу. Привлекаются многочисленные документальные материалы, значительная часть которых также впервые вводится в научный оборот и которые позволяют представить целостную картину движения учащихся таких учебных заведений, как Ереванская и Шушинская епархиальные школы, Тифлисская школа Нерсисян, Эчмиадзинская школа Геворгян и др.

Характеризуя внутренние порядки, систему обучения, программы занятий, способы наказания непослушных учащихся и др., вырисовывается формирование протеста против деспотических норм, его скрытое и открытое проявление в ученических движениях. Примечателен тот факт, что народ, в особенности его трудовая и демократическая часть, часто поднимал голос протеста против творившихся в школах несправедливостей и жестокости.

Представители новой, прогрессивной педагогической науки боролись против избиений и варварского обращения, призывали обращаться с учащимися как с людьми, внимательно и чутко относились к молодому поколению, предлагали обновить форму и содержание преподавания, включить в программу обучения ряд естественных наук. Консерваторы же, задававшие в школе тон, яростно

отстаивали палочные методы обучения, придавали важнейшее значение сохранению и расширению преподавания религиозно-моральных схоластических предметов. В результате, как это выясняется в ходе исследования, во многих местах постепенно обострилась борьба между демократически и реакционно настроенными педагогами и учащимися. Причем эта борьба повсеместно была долгой и жестокой, учителя с передовыми взглядами и передовые ученики, в особенности в старших классах, часто увольнялись, поскольку чиновничество и духовенство (в государственных и национальных школах) были заинтересованы в сохранности устоев общества, в воспитании покорных и верных прислужников самодержавия и церкви.

Но в борьбе передового с отжившим, нового со старым повсеместно и устойчиво проявлялось стремление к свободомыслию и свободный дух, жажда к новому, к знаниям и свету.

В работе показана скачкообразность нарастания стихийных ученических движений, постепенное их расширение, приобретение эффективных организационных и тактических форм, превращение волнений в осознанное движение, соединившее академические требования с требованиями демократизации различных сфер общественной жизни. Причем весьма показательно, что если на первом этапе учащиеся в буквальном смысле избивали наиболее жестоких преподавателей, отвечая тем же на их варварское обращение, то затем постепенно это движение стало принимать более организованные формы, вынуждало к кардинальным изменениям в составе школьной администрации и среди преподавателей.

Здесь нашли отражение два важных аспекта одного и того же вопроса: влияние социальных, политических и экономических сторон жизни общества на положение ученичества, на их политическую активность, состояние всего школьного дела и народного образования, положения ученичества на характер и ход борьбы между прогрессивными и консервативными силами общества, на деятельность различных политических организаций и партий, на процесс развертывания национально-освободительного движения. Именно такая постановка вопроса позволила выявить наиболее существенные факторы становления и развития революционного движения среди ученичества, рассмотреть его в общей системе всех революционных сил общества, определить место и роль ученических стихийных и организованных движений в общем русле передового революционного движения. При этом выявляется роль различных прогрессивных и иных периодичес-

ких изданий на ученическую и студенческую молодежь, формирование определенных умонастроений в ее среде, в активизации ее общественной деятельности.

Нарастание ученических движений привело к тому, что учащиеся уже выдвигали свои требования администрации в деле частичных преобразований в системе внутреннего распорядка и взаимоотношений со школьной администрацией. Более того, не только выдвигали, но самостоятельно вводили эти требования в школьную практику.

Данные периодической печати, архивные материалы показывают, что господствовавшие в школах "порядок и законы" не удовлетворяли учащихся, и они не являлись на занятия. Субботние дни самовольно объявляли праздничными, заявляли, что не желают проходить тот или иной предмет, особенно религиозный; не желали слушать преподавателя, придерживавшегося старых школьных порядков, и нередко бунты следовали один за другим, как, например, в школе Нерсисян, в семинарии Геворгян.

Показана роль преподавателей с передовыми общественно-политическими взглядами в деле роста ученического движения, формирования организованных методов борьбы против засилия деспотизма и невежества.

Характеризуется деятельность социал-демократических кружков в среде молодежи, и в особенности среди учащейся молодежи, раскрывается нарастание забастовочного движения, выявляются особенности ученических движений в годы первой буржуазно-демократической революции в России, анализируются конкретные данные об изменениях в организации школьного дела, обобщается опыт большевистской партии по вовлечению движения учащейся молодежи и студенчества в революционное движение широких трудящихся масс.

На многих страницах представлена деятельность различных подпольных марксистских групп и кружков, которые распространяли марксистскую литературу, вооружали самые различные слои общества передовыми революционными идеями переустройства мира, активизировали их деятельность в борьбе за свержение самодержавия и утверждение справедливого общественного строя.

Крупные промышленные города Закавказья - Баку и Тифлис, где была сосредоточена подавляющая часть учащейся молодежи и подавляющее большинство армянских рабочих, оказали большое воздействие на общественно-политическую жизнь Армении. Здесь работали такие выдающиеся профессиональные революционеры, как

Ст.Шаумян, С.Спандарян, Б.Кнунянц, С.Зурабян, А.Ханоян, А.Хумарян, поэт-большевик А.Акопян, М.Меликян, Н.Аладжалова и др.

В 1903 г. был основан ряд социал-демократических кружков в Ереване - в мужской гимназии, учительской семинарии, епархиальной школе, женской гимназии. Подобные кружки были созданы также в Алаверди, Карсе, Сарикамыше, Нор Баязете, медных рудниках Зангезура и в других местах. По данным имеющейся литературы, а также по нововыявленным материалам, в годы первой буржуазно-демократической революции в Ереване уже функционировали до 6 социал-демократических кружков учащихся, насчитывавших многие десятки членов.

В диссертационной работе охарактеризована деятельность Соколовского, Лабунского, Савинича, Челенадзе, Вахотина, супругов Воробьевых по созданию и организации деятельности социал-демократических кружков в Ереване. Здесь же представлено активное участие в этом деле А.Мравяна, Г.Тер-Казаряна, С.Оваксимяна, А.Аланакяна, Н.Магнештейн и др.

Социал-демократический кружок был создан также и в семинарии Геворгян в Эчмиадзине. Он собирался 2-3 раза в месяц. На собраниях этих зачитывались рефераты как по общеобразовательным предметам, так и по политическим вопросам. Кружок вел борьбу против дашнакских групп, откликаясь на ширившееся в стране революционное движение. Члены кружка выступали и в качестве пропагандистов. Для ведения пропаганды среди рабочих при Ереванском комитете существовало бюро пропагандистов, куда входили также и представители ученического социал-демократического кружка. Члены кружка печатали и распространяли листовки в различных районах.

Именно деятельностью социал-демократических кружков следует объяснить организацию совместного митинга в первомайской демонстрации рабочими и учащимися Еревана в 1899 г. Накануне и в период первой буржуазно-демократической революции было проведено множество забастовок, стачек и бунтов учащихся учебных заведений Армении, которые знаменовали их возросшую активность и находят свою оценку в общем русле революционного движения. Материалы, касающиеся движений молодежи, рассмотрены не изолированно, а в комплексе революционных событий данной эпохи, что позволило видеть в них звенья единого освободительного движения всех трудящихся масс против самодержавия, социального и национального порабощения,за социальную справедливость.

В работе показывается, что школьная администрация, хорошо сознавая, что революционные настроения проникают сквозь школьные стены, запрещала учащимся знакомиться с периодической печатью и общаться с людьми вне школьного круга. А "подозрительным" учащимся старших классов запрещалось даже общаться с учениками младших классов. Однако приводимые в работе данные показывают, что попытки школьной администрации преградить путь к проникновению в среду учащихся революционных идей были тщетны. Она была уже не в состоянии приостановить пробуждавшиеся в учащихся стремления к обновлению мира, освобождению от всего невежественного и отжившего.

Вспыхнувшее в Закавказье в начале XX века бурное общественно-политическое движение вовлекло в свой водоворот передовую демократическую интеллигенцию. Идеи и воззрения либеральной буржуазии и партии Дашнакцутюн не могли удовлетворить социальные и духовные потребности армянской интеллигенции. Аргументированно показывается, что социал-демократические идеи притягивали к себе все угнетенные слои общества. Они проникали и сквозь каменные ограды семинарий и школ, тщательно оберегаемых их администрациями. Однако этот процесс не был стихийным, а направлялся социал-демократическими организациями Закавказья. Более того, в работе показано, что формы и методы организации пропаганды среди учащихся всегда находились в центре внимания Кавказского союзного комитета РСДРП.

Глава III. Первая русская революция и подъем молодежного движения

В этой главе освещена роль учащейся молодежи в первой русской революции, а также отношение В.И.Ленина, который предупреждал революционную молодежь о необходимости "остерегаться... ложных друзей, которые отвлекают ее от серьезного революционного восстания"[1], требовал "шире и смелее... вербовать молодежь, не боясь ее"[2]. История революционных движений как в России, так и в частности в Закавказье, определенным образом показала, что преобладающая часть молодежи в борьбе за победу демократическо социалистической революции пошла за большевиками. Благодаря агитационно-пропагандистской деятельности, проводимой большевикам

---

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.6, с.427.

2 Там же, т.8, с.124.

в среде молодежи в условиях царской России и Временного правительства, лучшая, передовая ее часть стала глубоко осознавать необходимость активной и организованной политической борьбы с самодержавием и буржуазией. Наряду с этим молодежь поняла также, что без революционного пролетариата и его авангарда - большевистской партии - она не в состоянии добиться ни социально-экономических, ни политических, ни существенных просветительных и культурных преобразований. Поэтому деятельность большевиков по активному идейно-политическому воспитанию и вовлечению в революционную борьбу стала залогом плодотворной деятельности молодежных и ученических организаций.

Именно сочетание самодеятельной инициативы молодежи и политического руководства большевиков стало основным принципом деятельности большинства революционных молодежных организаций. Это было новым подходом, который В.И.Ленин выдвинул в статье "Учащимся средней школы"[I], который затем был принят на II съезде РСДРП, что прочно связало большевистскую партию с молодежными революционными организациями и кружками, позволило осуществить деятельное руководство революционным движением молодежи. Более того, В.И.Ленин отмечал, что революционное рабочее движение не может быть полноценным и действенным без широчайшего участия молодого поколения, ибо оно является наиболее чувствительной частью общества, способной раньше других воспринять отдаленные идеалы и новые требования, привнесенные современной исторической эпохой; оно является той силой, которая придает новый размах и большое вдохновение рабочему движению. Поэтому большевистская партия всегда уделяла большое внимание учащейся молодежи, тем более в такой важнейший исторический период, поскольку она являлась прочной опорой в деле пропаганды большевистских идей и большевистской политики в высших и средних учебных заведениях.

В.И.Ленин неустанно разъяснял, что в России, где мелкая буржуазия составляла громадное большинство населения, размах и исход борьбы против самодержавия в огромной степени зависят от поведения этого класса, от политической платформы тех групп интеллигенции, студенчества и учащейся молодежи, которые выражали его интересы и настроения.

I Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.7, с.66.

Отдельный раздел работы посвящен подъему молодежного движения в годы первой буржуазно-демократической революции в России. Она подняла на борьбу против господствующих порядков широкие массы трудового народа Армении. Эта борьба нашла свое отражение и в сфере народного образования. Студенчество и учащиеся также были вовлечены в революционное движение. На многочисленных материалах показывается, что революционные события нашли большой отклик в средних и высших учебных заведениях. Учащиеся организовывали многочисленные забастовки, принимали активное участие в рабочих демонстрациях и в вооруженной борьбе против полиции.

Во многих средних учебных заведениях учащиеся добивались изменения установленного режима, создавали свои организации, ликвидировали систему внешкольного жандармского надзора. Они добились также свободного посещения библиотек и т.д. Учащаяся молодежь в своих требованиях сочетала вопросы как академического, так и политического характера: создание единой школьной системы, переход к бесплатному школьному образованию, предоставление гражданам равноправия в области образования, обязательное преподавание родного языка, отделение школы от церкви и др. В работе отмечается, что борьба за осуществление этих требований явилась в то же время борьбой за демократизацию общества, борьбой против буржуазно-помещичьих порядков. И как результат борьбы в ряде учебных заведений Восточной Армении и армянской действительности Закавказья учащимся удалось ликвидировать внешкольную систему надзора, получить право на созыв собраний и проведение лекций; был также внесен ряд изменений в школьную программу. Это были всего лишь первые шаги революционного движения учащихся.

В целях раскола национально-освободительных и революционно-демократических движений, а также ослабления интернациональной солидарности всероссийского революционного пролетариата, в феврале 1905 г. царизм спровоцировал и организовал армяно-азербайджанскую межнациональную резню в Баку, Елизаветполе, Шуше и других районах Закавказья. Эта трагедия произвела тяжелое впечатление, что отразилось и на школьной жизни. В ряде учебных заведений (землемерных, технических, епархиальных, торговых, художественных и др.) учащиеся бойкотировали занятия. В работе показывается, что большинству армянской учащейся и рабочей молодежи были чужды националистические настроения, они питали уважение к традициям и образу жизни трудовых масс всех народов,

живших на территории Закавказья. Тем более, что во многих учебных заведениях состав ученичества был интернациональным, а выступления против администрации и ее антидемократических порядков всегда были совместными и интернациональными по духу. И это блестящим образом проявилось в самый напряженный момент братоубийственной резни. В период этой трагедии были созданы социал-демократические группы учащихся, ставившие своей целью предотвращение межнациональных трений. Велики заслуги большевиков Закавказья в прекращении братоубийственной резни. Большевистские организации призывали народы Закавказья объединиться под знаменем интернационализма с целью разгрома общего классового врага - царизма, как жандарма народов России.

В работе нашли отражение многочисленные демонстрации учащихся в самых различных городах Закавказья, которые были интернациональными по своему составу и антиправительственными по своим лозунгам и направленности. Прогрессивные представители обоих народов приложили немало усилий для восстановления дружественных взаимоотношений, предотвращения новых конфликтных ситуаций. И не последнюю роль в этом процессе сыграла учащаяся молодежь закавказских народов.

Революционные движения учащихся были тесно связаны с рабочим движением, а руководство ими осуществлялось социал-демократическими организациями. Стачечные комитеты пользовались в рабочих районах Закавказья большим авторитетом, они выпускали и распространяли листовки с требованиями учащихся и преподавателей. Многочисленные данные, приводимые в работе, показывают, что в демонстрациях рабочих промышленных предприятий активное участие принимали и учащиеся местных учебных заведений. Учащиеся распространяли листовки и прокламации не только в учебных заведениях, но и на улицах, в домах, различных районах. Политическая активность и целенаправленность движений учащихся определенным образом свидетельствует об их сплоченности вокруг социал-демократической партии.

Репрессии со стороны полицейского департамента и духовенства по отношению к передовым учителям, студентам и учащимся не только не подавили их борьбу, а поднимали все новые и новые волны возмущения и протеста, расширяли круг вовлеченных в революционную борьбу ученических и студенческих масс. А потому царская администрация и духовенство вынуждены были пойти на час-

тичные уступки, с тем, чтобы при новом соотношении сил вновь отказаться от них.

В работе на фактических данных показывается, что выступления студентов и учащихся были тесным образом связаны с политической борьбой пролетариата. А социал-демократические организации Закавказья, руководствуясь указаниями В.И.Ленина, проводили большую работу по распространению марксизма среди студенчества и учащейся молодежи. Движения учащихся, направленные против школьной политики самодержавия, за демократические свободы стали важным звеном в буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг.

Динамика забастовочного и стачечного движения учащейся молодежи выявляет особенности развертывания революционного движения вширь и вглубь, вскрывает новые страницы героического прошлого.

Исследованы материалы, касающиеся волнений учащихся в годы реакции, оживления революционного движения в годы подъема, борьбы за формирование большевистских ученических организаций в последующие годы, а также бурные выступления учащейся молодежи в период и после Февральской буржуазно-демократической революции. В ней выявляются особенности волнений и революционного движения учащейся молодежи в качественно разнящиеся периоды рассматриваемого исторического отрезка времени, новизна и некоторые характерные признаки. Эти аспекты изучаются на основании нововыявленных материалов, хранящихся в архивах Армянского и Грузинского филиалов ИМЛ при ЦК КПСС и др. Сопоставительный анализ их с данными других источников и литературы дал возможность выявить наиболее сущностные стороны данного периода, с акцентированием внимания на новых фактах и явлениях.

Освещены также вопросы политической ориентации молодежных организаций, показано, что в классовом обществе в сфере классовой борьбы формировавшиеся ученические организации не могли быть внеклассовыми и аполитичными.

Глава IУ. Движение учащейся молодежи в годы реакции и нового революционного подъема

В этой главе показывается, что в годы реакции положение учащейся молодежи стало тяжелым. Царская администрация закрыла профессиональные и культурно-просветительные учреждения, в том числе и школы, а также ряд газет и издательств. Были арестованы

и сосланы многие представители армянской демократической интеллигенции. Был взят под контроль каждый шаг учащихся старших классов средних школ. Приводимые в работе данные определенным образом свидетельствуют об осуществлении контроля полиции над неблагонадежными учащимися. Повсеместно в учебные заведения был разослан приказ, запрещающий принятие учащихся, исключенных как бунтовщики и политически неблагонадежные. Списки с именами таковых посылались в различные инстанции.

В годы реакции царская администрация принимает строжайшие меры для подавления на местах даже незначительных выступлений учащихся. Циркулярами, приказами и распоряжениями предупреждали попечительство и руководителей учебных заведений о недопущении сборов учащихся, а в случае их проведения прибегать к помощи полиции. "Любая уличная демонстрация должна быть немедленно пресечена, - читаем в одном из циркуляров, - с обязательным привлечением участников к строгому административному взысканию"[I].

Однако, несмотря на все эти меры, среди учащихся функционировали социал-демократические кружки, активными участниками которых были А.Микаелян, Г.Атарбекян, Г.Саркисян, С.Мовсисян, А.Акопян, А.Аствацатрян и многие другие. Большевистские организации оказывали идейную и политическую помощь и в этих условиях содействовали распространению марксистских идей среди учащейся молодежи, о чем свидетельствуют данные, касающиеся различных учебных заведений Закавказья. Показательна в этом отношении духовная семинария Геворгян, где был создан марксистский кружок, функционировала нелегальная библиотека, организовывались выступления и забастовки учащихся. Исследование протоколов педагогических советов и архивных документов показывает, что студенческие и ученические волнения и выступления носили систематический характер.

Важное место занимала в этот период идеологическая борьба, борьба против идеалистических воззрений, против внесения в среду учащихся идей покорности и раболепства. В дневниках и статьях учащихся мы находим описание нравов, раскрываются реакционность духовенства и лицемерие должностных лиц. В этом отношении показательны записки видного деятеля революционного движения Е.Мкртумяна.

I ЦГИА Грузинской ССР, ф.I7, оп.I, д.693I, л.2.

Революционные движения учащихся приняли большой размах в Закавказье в годы нового подъема революции. Учащиеся организовывали сотни выступлений с требованиями академического, экономического и политического характера. Активность и решительность, проявляемые в период выступлений, заставляли администрацию учебных заведений идти на определенные уступки, с тем, чтобы воспрепятствовать дальнейшему нарастанию движения. Приводимые в работе материалы раскрывают новые страницы революционных волнений учащихся, ранее не известные в исторической литературе. В 1913-1914 гг. демонстрации протеста и забастовки учащихся следовали одна за другой, организовывались дискуссии. Группа учащихся школы Нерсисян под руководством А.Микояна самостоятельно изучает революционную литературу, создает политический кружок, ведет пропаганду марксистских идей среди учащихся.

Глава У. Движение учащейся молодежи в годы первой империалистической войны. Февральская революция и молодежь

Антиправительственные и антирелигиозные настроения среди учащейся молодежи еще более усилились в годы первой мировой войны. Архивные документы свидетельствуют, что в эти годы движения учащихся в армянских школах вновь приобрели большой размах. Важным признаком этих движений было то, что учащаяся молодежь вместе с широкими трудящимися массами вновь встали на борьбу за свержение царского самодержавия. Вопросы, носившие академический характер, постепенно уступали свое место политическим. Ненависть к войне и существующим порядкам усиливала стремление учащихся к организованности.

Бойня, организованная империалистическими державами, создала экстремальные условия для западных армян, находившихся под гнетом турецких поработителей. Армянский народ считал в эт время единственным путем освобождения вступление в ряды царско армии и победу последней. Вооруженные отряды армян-добровольце оказывали большую помощь русским войскам на Кавказских фронтах Это движение армян было искренним порывом народа во имя национального освобождения, и молодежь выступала с призывами освобождения Западной Армении русскими войсками, что диктовалось с верой в Россию.

В работе показывается, что в сложной политической атмосфе когда все буржуазные националистические и соглашательские парт

скрывали свои истинные цели и стремились увести демократические массы с революционного пути, большевики провели огромную работу по разъяснению истинной цели самодержавия в войне, показали ее захватнический, грабительский, антинародный характер. Проводя работу среди широких учащихся масс, большевики убеждали их, что только с падением буржуазно-помещичьих порядков, только с превращением войны империалистической в войну гражданскую, только с установлением социалистического строя возможно решить все волнующие учащихся вопросы, все вопросы, связанные с созданием общества справедливого и демократического.

Материалы исследования убедительным образом показывают, что в 1916-1917 гг. постоянно росло число учащихся, примыкавших к большевикам. Активной революционной деятельностью занимались Гукас Гукасян, Агаси Ханджян, Арменак Будагян, Саак Казарян, Хачик Оганджанян, Агавни Будумян и др. В работе определена роль большевика Аршавира Меликяна, снабжавшего марксистской литературой, проводившего тайные собрания и беседы. Раскрывается деятельность марксистского ученического союза, борьба против распространения среди молодежи буржуазно-националистических идей и взглядов. Большевистские организации убедительно разъясняли, что в классовом обществе и в условиях классовой борьбы юношеские организации не могут быть ни надклассовыми, ни беспартийными. Изучение опыта работы большевистских организаций по воспитанию молодого поколения в духе революционных идей в годы особого обострения классовых и иных противоречий в обществе представляет не только сугубо исторический интерес. Оно имеет и актуальное идейно-политическое значение, которое раскрывается в данном разделе диссертационной работы.

Автор выявляет истинные причины и побуждения замаскированной деятельности мелкобуржуазных политиканов, всю ложность восприятия ими истинных национальных чаяний армянского народа.

Идеологическая борьба за молодежь продолжалась и после победы Февральской буржуазно-демократической революции. Но, как свидетельствуют исторические факты, значительная часть учащихся тянулась к наиболее передовым союзам и организациям, созданным на интернациональной основе. Это убедительно доказывает анализ протоколов собраний, резолюций и других документов.

В работе показано, что благодаря деятельности большевиков в этот период передовая часть учащейся молодежи, независимо от национальной принадлежности, начала борьбу за свои истинные права,

а ее выступления во имя социального и национального освобождения носили интернациональный характер. Здесь же раскрывается деятельность Кавказского объединенного ученического союза, взявшего под свое покровительство все средние школы и создавшего свои секции в различных районах Закавказья. Деятельность союза особенно благотворно сказалась на повышении политического уровня учащихся, освобождая их от националистических идей, нацелива на активную борьбу за социальное переустройство общества. Орган армянской секции Кавказского объединенного ученического союза - газета "Нор сорунд", ученическая пресса в средних учебных заведениях вели значительную политическую борьбу, разоблачая сущность дашнакской идеологии, разъясняя истинные цели и идеалы подрастающего поколения.

Весной и осенью 1917 г. нарастала волна нового забастовочного движения. Февральская буржуазно-демократическая революция не привела к коренным изменениям в жизни общества, поэтому идеи продолжения революционного движения во имя победы социалистической революции приобрели всеобщее признание и стали целью последующих выступлений учащейся молодежи.

Вместе с рабоче-крестьянскими массами и под руководством большевиков борьба учащейся молодежи не оказалась тщетной. Она способствовала победе революции, установлению новых, социалистических общественных отношений, созданию новой системы образования.

В заключении обобщены основные результаты исследования, даны выводы. Отмечается, что царизм боялся просвещения, образованных людей, поэтому всячески тормозил развитие сети просвещения, преобладающая часть населения была неграмотной. В работе показано, что в условиях классовой борьбы проблема образования принимает все более острый характер. Помещичье-буржуазная идеология вырабатывает определенные идеалы, в духе которых и стремится воспитать подрастающее поколение. Раскрытие сущности царской системы школьного образования, бесчеловечного режима обучения и воспитания позволило выявить причины и основные побудительные мотивы становления и развития революционного движения среди учащейся молодежи. Вскрыты динамика перерастания стихийных молодежных движений в осознанное революционное движение, основные исторические периоды в его развертывании и характерные особенности, влияние социально-экономических, политических и

иных факторов на специфику молодежного движения, борьба политических партий и группировок за учащуюся молодежь. В работе показано, что только благодаря росту рабочего класса и возникновению социал-демократической партии движение учащейся молодежи приобретает организованный и осознанный характер. Армянская учащаяся молодежь, как и прогрессивные деятели армянского освободительного движения, связывала дело освобождения народа и демократизацию общества с революционной борьбой русского народа.

Проникновение и утверждение марксистского учения в различные слои армянского общества, проведенная социал-демократическими организациями работа оказали благотворное воздействие на политическую ориентацию и активизацию революционной деятельности армянского студенчества и ученичества. Многие из их числа влились в ряды большевистских организаций РСДРП и сыграли впоследствии большую роль в борьбе самодержавия и Временного буржуазного правительства.

Документальные материалы, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, воссоздает страницы активной деятельности учащейся молодежи, ставшей неотъемлемой частью общего революционного процесса по обновлению и демократизации всех сфер жизни общества. Борьба учащейся молодежи в солидарности с пролетариатом и демократическими массами дала свои плоды. Она проходила в условиях интернационального единства народов Закавказья, при самой решающей поддержке передовых сил русского общества.

Основные положения диссертационной работы опубликованы в следующих трудах и статьях:

1. Молодежные революционные движения 1905 г. Ереван: Знание, 1976, 1 п.л. (на арм.яз.).

2. Испытание на баррикадах. Ереван: Айастан, 1976, 7 п.л. (на арм.яз.).

3. Юные борцы-революции. Ереван: Изд-во Луйс, 1984, 9 п.л. (на арм.яз.).

4. Первая русская революция и молодежные движения в армянской действительности Закавказья. Ереван: Знание, 1985, 1,5 п.л. (на арм.яз.).

5. Молодежные революционные движения в Армении и Закавказье. Ереван: Айастан, 1987, 13 п.л.

6. Ученические движения в Ереванской мужской гимназии в октябре 1905 г. - Советакан манкаварж, 1965, № 10 (на арм.яз.).

7. Ученические движения в духовной школе Карабаха в 1906 г. - Известия АН Арм.ССР, 1965, № 12 (на арм.яз.).

8. Ученические движения в Восточной Армении и армянской действительности Закавказья накануне революции 1905 г. - Научные записки Ереванского университета (серия историко-филологических наук), 1965, т.9 (на арм.яз.).

9. Некоторые данные об учебных заведениях в Закавказье в начале XX века. - Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1968, № 12 (на арм.яз.).

10. Ученические движения в Армении в 1906-1907 гг. - Вестник Ереванского университета, 1968, № 3 (на арм.яз.).

11. Ученические движения в годы реакции. - Советакан манкаварж, 1969, № 5 (на арм.яз.).

12. Ученические движения в Армении в 1905 г. - Вестник Ереванского университета, 1975, № 1 (на арм.яз.).

13. Революционные движения среди армянской учащейся молодежи Закавказья в 1910-1914 гг. - Вестник архивов Армении, 1986, № 1 (на арм.яз.).

14. Освободительное движение и появление молодежных кружков в армянской действительности в конце XIX века. - Советакан манкаварж, 1986, № 10 (на арм.яз.).

15. Ученические выступления в армянских школах. - Вестник общественных наук, 1987, № 2 (на арм.яз.).

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

АНАНЯН НУНЭ ГАРНИКОВНА

СОВРЕМЕННАЯ АРМЯНСКАЯ ПРОЗА НА СЦЕНЕ

Специальность: 10.01.02 - Литература народов СНГ
(Армянская литература новейшего
периода)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ереван - 1993

Работа выполнена на кафедре армянской литературы новейшего периода Ереванского государственного университета.

Научный руководитель - доктор филологических наук АВЕТИСЯН З.В.

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор ЭДОЯН Г.А.

кандидат искусствоведческих наук АВАКЯН Х.А.

Ведущая организация - Институт литературы им.М.Абегяна АН РА

Защита диссертации состоится "16" июня 1993 г. в 14⁰⁰ час. на заседании специализированного Совета Д 055.01.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Ереванском государственном университете по адресу: 375049, Ереван, ул.А.Манукяна,1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ереванского государственного университета.

Автореферат разослан "14" мая 1993 г.

Ученый секретарь специализированного Совета Хачатрян П.М.

Современная проза открывает широкие возможности и перспективы для смелых театральных поисков, рождения новых изобразительно-выразительных средств, оригинальных режиссерских открытий, равно как и глубокого философского осмысления и подачи в театре многочисленных жизненных коллизий и ситуаций. Проникновение и выход на театральные подмостки прозаических произведений начался на рубеже XIX-XX вв., и этот процесс, встречая в своем неуклонном и последовательном развитии как рьяных противников, так и убежденных и ревностных защитников и сторонников, не теряет своей актуальности и в наши дни. Более того. Использование прозы в качестве сценического материала стало, наконец, естественной потребностью потому, что постепенно расширяющиеся рамки театрального искусства оказались объемнее и шире возможностей чисто драмы.

Русский театр инсценировал романы Толстого, Горького, все крупные произведения Достоевского и других классиков. Современная же русская сцена осуществляет постановки многих современных прозаиков (Ф.Абрамов, В.Астафьев, Ю.Бондарев, В.Быков, Д.Гранин, Н.Думбадзе, В.Распутин и т.д.).

Подобный же процесс характерен и для армянской сцены. В прошлые годы были осуществлены постановки по избранным страницам армянской прозы: романам Раффи "Самвел, "Давид бек", Ширванзаде "Хаос", Чаренца "Страна Наири", Заряна "Ацаван" и т.д. Современная проза также деятельно заинтересована в поисках собственных своеобразных средств сценического воплощения. Многие произведения Г.Матевосяна, В.Петросяна, Х.Даштенца, М.Мнацаканяна, О.Мелконяна, М.Саркисяна и других прозаиков расширяют и обогащают репертуар сегодняшнего театра.

Инсценировка произведений прозы, перевод эпического жанра в драматический являет собой довольно сложный и глубинный, равно как и увлекательный творческий процесс, и как таковой стимулирует интерес к его исследованию.

Актуальность темы исследования. Изучение связей между различными видами искусства, выявление многослойных плоскостей их взаимовлияния и взаимопроникновения имеет не только теоретическое значение, но и важно для раскрытия основных тенденций их развития. В этом смысле обнаружение и оценка особенностей и закономерностей взаимосвязи литературы и теат-

ра приобретает особую актуальную значимость при обязательном учтении того непреложного факта, что современная проза является одним из наиболее важных и действенных гарантов существования и определенной направленности театра наших дней. Отмеченным обстоятельством и обусловлен выбор настоящей темы.

Предметов исследования является проблема постановки современной прозы на современной сцене. На нескольких наиболее ярких конкретных примерах последовательно прослеживается процесс перевода повествовательных элементов на язык драматического действия.

Цель работы - провести сравнительный анализ литературного произведения и его сценического эквивалента и показать,что обращение к прозе является одной из характерных действенных средств современного театра, а также выявить и объяснить наиболее важные и стержневые принципы инсценировок произведений эпического жанра.

Научная новизна диссертации. В театральных рецензиях и литературных статьях, как правило, делались отдельные замечания, намечалась лишь опосредованная реакция, а в итоге, поверхностный анализ многочисленных глубинных вопросов и проблем инсценировок прозаических произведений. И как следствие, по настоящее время нет специального исследования, профессионально рассматривающего задачи взаимодействия современного театра и литературы. Данная работа - попытка восполнить этот пробел.

Практическая ценность исследования. Работа может быть полезна при написании полной и целостной истории современного театра, фрагментарно войти в историю армянской литературной критики, способствовать написанию литературных произведений с установкой на театр; обнаруженные принципы инсценировки могут быть использованы в театрах при постановке конкретных произведений прозы. Диссертация может быть полезна также для студентов театроведческого и режиссерского факультетов театральных институтов.

Диссертация состоит из введения и трех глав.

Во Введении освещаются определенные демократические сдвиги в жизни общества 50-х годов и, как следствие, наметившиеся

тенденции развития искусства и литературы, что выразилось прежде всего в упрочении непосредственной связи литературы с живой действительностью. На передний план выдвинулся новый литературный герой - общественно активная личность, в котором гармонично сочетались типические черты с ярко выраженной индивидуальностью, чей характер вычерчивался не только описательно-повествовательными средствами, но и через раскрытие его взаимоотношений со средой, через его конкретные поступки в заданной конкретной ситуации. Примечательно также, что литературный персонаж уже не выступал в роли прямолинейного и механического носителя заранее идейно предопределенного характера: многогранность его проявлялась в том, что наряду с сильными, деятельными чертами вырисовывалась неравномерность и слабость его поступков, рядом с недостатками вычерчивались высокие нравственные достоинства и т.д. Современная проза во всем своем стилистическом многообразии чутко реагирует и как таковая строго сообразуется со стремительным течением и жесткой спрессованностью настоящего времени; в силу этого определенное сокращение объема компенсируется активизацией движения, действия, усилением динамики повествования. Ведущие представители армянской прозы (Г.Матевосян, В.Петросян, З.Халафян, П.Зейтунцян, Ш.Аветисян и др.) достигли в своих произведениях четкого совершенства образа, меткости словесного описания, психологической достоверности, ритмичности действия, преодолев при этом свойственные начальному периоду их творчества искусственность, скованность в средствах изображения характеров, натянутость в представлении ситуации, определнную многословность. Обретенные со временем языковое мастерство, оригинальность стиля, подвижность содержания сделали их прозу доступной для театральных подмостков.

Объяснением интереса к инсценировке прозы служит и то обстоятельство, что театр на рубеже XIX-XX вв. из актерского постепенно преобразовался и трансформировался в режиссерский творческий акт. Этот процесс в наше время еще более укрепил связь театра и прозы; последняя же, как показывает анализ этого процесса, все увереннее стала теснить властительницу сцены - драматургию. Каков же путь прозы на подмостки? Если

драматическое произведение специально создается для театра и, естественно, подчиняется его специфическим законам и особенностям, то эпический жанр их как бы игнорирует и обходит. Именно на этом рубеже перехода из одного жанра в другой на помощь приходит все увеличивающийся арсенал выразительных средств и приемов сегодняшнего театра.

Известно, что эпический жанр использует преимущественно описательно-повествовательные элементы. Театр же имеет возможность предложить их сценические эквиваленты. Прежде всего он способен как отмести, отодвинуть повествовательный фактор, так и активизировать его, одновременно предложить элемент диалога, силу воздействия авторского слова заменить музыкальной заставкой, игрой красок, освещением, пантомимой, что также может вызвать соответствующее настроение и заставить сопереживать действию и героям.

Сцена диктует свои условия и законы, самое важное из которых - ограниченность времени, действия и пространства, с чем следует обязательно считаться при инсценировке прозы, ибо они нуждаются в детальном и скрупулезном уточнении и анализе.

Естественно, нельзя абсолютизировать сказанное, всегда принимая и объясняя инсценировку прозаического произведения как полное превращение его в драму. На сцене оно нередко и по форме и по содержанию представляет уже совершенно новое качество, являющее собой нечто среднее между эпикой и драмой. Главное заключается в самом материале. В зависимости от него в сценарии прослеживается то перевес эпического или драматического элементов, то оба в силу своей равноценности уравновешиваются.

Достоевский, все романы которого обрели сценическую жизнь, считал, что эпическая форма никогда не сможет найти свой соответствующий драматический эквивалент. По его глубокому убеждению, на основании литературного произведения необходимо создать пусть даже менее совершенное, но нечто абсолютно новое и обязательно оригинальное по самобытности и самостоятельности выражения авторской идеи и замысла,даже если достигается это сокращения числа действующих лиц и самого действия.

Предложенный им метод стал ключом к инсценировкам произведений самого автора, что в определенной мере обеднило, однообразило сам творческий процесс. Между тем можно убежденно говорить о безграничности и многоплановости средств преобразования прозы в сценическое действо, ибо каждое отдельное произведение требует своего оригинального подхода, отношения и понимания, своего собственного прочтения, что должно способствовать обнаружению и появлению все новых находок.

Процесс становления советского армянского театра был долог и труден, и этот богатый розами и терниями путь был отмечен не только несомненными творческими завоеваниями, но и бессменно сопутствующими поискам отступлениями и срывами. Прежде чем перейти к подлинно проблеме сценического воплощения ряда прозаических произведений, мы сочли необходимым бросить ретроспективный взгляд на некоторые страницы истории армянского театра советского периода и тем самым составить более или менее полное представление о традициях инсценировки прозы.

Послереволюционная действительность справедливо требовала новых художественных форм воплощения современности, между тем эта сложная задача не всегда находила верное и выдержанное в рамках высокого мастерства решение. 20-ые годы прошли под максималистским девизом вывода театра из залов и дворцов и максимального приближения его к широким народным массам.

Естественно, что подобное "новаторство" не могло претендовать на популярность и долгую жизнь хотя бы потому, что спектакли на современную историко-революционную тематику у зрителей как правило успеха не имели. Так что театральный репертуар составляла в основном драматургия. С аншлагом шли "Храбрый Назар Д.Демирчяна, "Кум Моргана" Ширванзаде, "Капказ тамаша" Е.Чаренца и т.д. Несомненный успех комедийного жанра еще раз подтверждал необходимость в переломные исторические периоды в мощной и утверждающей силе смеха, как действенного средства борьбы с отрицательными и негативными явлениями за утверждение высоких моральных и нравственных идеалов.

В 30-ых годах было написано несколько произведений "Наполеон Коркотян" Д.Демирчяна, "Страна родная" М.Джанана,

Шаймане), но конечно это была далеко не классика. Причина главным образом заключалась в неверном понимании и трактовке характера современной драмы. Например, по глубокому убеждению Д.Демирчяна, героика будней может быть передана лишь средствами героической драмы, ибо только через нее можно, используя мощные и смелые мазки, показать жизнь крупным планом, заслоняющим собой мелочи жизни, обыденность, психоанализ отдельной личности. Произведения "Фосфорный отсвет" и "Капутан" доказали полную несостоятельность подобного прочтения современной драмы. И этот приведший к репертуарному голоду вакуум художественности создал необходимые предпосылки для обращения театра к избранным произведениям классической прозы. Лучшим доказательством жизненности этого процесса стала постановка в Тбилисском драматическом театре романа П.Прошяна "Сос и Вардитер" в 1921 г., сценический успех которой по данным "Летописи советского армянского театра" гарантировал ей долгую, вплоть до 1958 г., жизнь на подмостках сцены. В конце 20-ых годов театр юного зрителя Тбилиси поставил "Гикор" Туманяна. Инсценировав рассказ, постановщик А.Арамян снабдил пьесу предисловием и заключением, которые, как писалось в рецензиях, не только знакомили с содержанием произведения, но и помогали детям безысходное по своей трагичности прошлое противопоставить новым отношениям города и деревни. В 20-30-ых гг. театр инсценировал "Анаит", "Арекназан", "Две сестры" ("Война Арзумана" Г.Агаяна, "Давид Бек" Раффи, "Цветок раздора" П.Прошяна и другие прозаические произведения.

В эти же годы одним из мощных питательных источников сцены становится устное народное творчество. Искусствовел и теоретик театра К.Зарян призывал к более активному обращению к фольклору, несущему в себе вековую народную мудрость, жизненную энергию и философию победы добра над злом. Эта концепция нашла свое воплощение в пьесах Д.Демирчяна "Храбрый Назар", Л.Манвеляна "Давид Сасунский и Мера Мелик", В.Вагаршяна "Давид Сасунский", В.Тотовенца " Сасунские безумцы" и т.д., которые с успехом шли на сцене.

Обращение к классической прозе и народному творчеству преследовало в те годы еще одну чрезвычайно важную цель -этим фактически было ознаменовано создание собственного националь-

ного театра.

В 1940 году была осуществлена постановка "Артиста" Ширванзаде. В рецензии на эту инсценировку М.Корюн попытался провести сравнительный анализ повести и пьесы. Отмечалось, что здесь задействован один из характерных приемов постановки прозаического произведения - воплощение авторского слова в образе самого автора. Рецензент справедливо замечал также, что мать Левона Алмаст, которая в повести предстает как неглубокая, ограниченная, плохо понимающая причины мучительных переживаний своего сына женщина, в постановке неоправданно идеализирована. Интересны замечания относительно пьесы другого театрального критика Ов.Газанчяна. Здесь центральное место занимает сопоставительный анализ образа Левона, и предпочтение отдается повести, ибо в ней, по убеждению автора,прослеживается четко выдержанная логическая канва, мотивирующая причины упадка жизненной силы и энергии этого в сущности активного и деятельного молодого человека. В пьесе же Левон пребывает с самого начала в статичном состоянии отчаяния и бессилия, что в итоге препятствует развитию образа по ходу действия и тем самым примитизирует его.

Обе эти рецензии своей объективной оценкой и выводами конкретно инсценировки повести "Артист" помогли пониманию теоретической проблемы "перевода" прозы на язык сцены.

Отечественная война поставила перед театром новые проблемы и задачи, выдвинула насущное требование незамедлительного и обязательного его подчинения условиям и законам военного времени. На передний план выдвинулась антифашистская тематика, в репертуаре театров предпочтение отдавалось произведениям патриотического содержания, описывающим героику освободительной борьбы и специфику военных будней. Несмотря на актуальность, эти произведения на сцене успеха не имели. Излишняя прямолинейность, одностороннее восприятие такого сложного и противоречивого явления, как война, чрезвычайная и до примитивности прямолинейная идеализация замысла фактически лишали произведения столь необходимой для хрительских симпатий художественности.

Между тем бессменным успехом пользовалась классика. Созвучно требованиям времени и по-новому прозвучали со сцены

"Самвел" и "Давид Бек" Раффи, "Геворг Марзпетуни" Мурацана.

Примечателен исключительный успех "Гворга Марзпетуни". Целиком насыщенное идеей высокого патриотизма и героики национально-освободительной борьбы, это произведение очень актуально и по-современному утверждало со сцены непреходящесть высоких моральных и духовных качеств народа, лучшие сыны которого, как в те далекие исторические времена их предки-богатыри, проливали кровь и принимали смерть во имя высшей цели - свободы своей страны.

Почти всем героям Мурацана присуща яркая эмоциональность, огромная энергия переживания и сопереживания. Мастерская рука романиста так детально точно мотивировала поступки и характер своих героев, что опытному актеру оставалось лишь воплотить эти образы на сцене. К сожалению, не всем это удалось, и помехой тому было как правило не актерское мастерство, а сама пьеса, которая не смогла сохранить равный художественный уровень характеристики персонажей.

Несмотря на это, постановка имела неизменный и теплый прием на всем протяжении войны, ибо вселяла надежду, веру и уверенность в неизбежную победы над врагом. Примечательно, что за неполных три года (премьера состоялась 15 нобря 1941 года в театре им.Сундукяна) пьеса выдержала такое количество постановок, что уже 20 мая 1944 года отмечала свой сотый юбилей.

Послевоенные годы также не дали сколько-нибудь ценных художественных произведений. Ни "У родника" и "Опытное поле" Н.Заряна, ни сравнительно известные произведения М.Кочаряна, А.Араксманяна, Г.Тер-Григоряна, Г.Боряна вряд ли могут удовлетворить требования сегодняшнего зрителя. Навязанная искусству и литературе господствующей идеологией несостоятельная концепция идеального героя и ложная теория бесконфликтности препятствовали даже талантливым авторам показать со сцены и донести до зрителей завуалированную лозунговой абсудностью настоящую правду жизни. Приукрашенную социалистическую действительность можно было показывать лишь в красных цветах.

Естественно при подобном диктате над талантом трудно было надеяться на создание самостоятельного репертуара ар-

мянского театра.

И опять творческий успех театра двух послевоенных десятилетий связывался, без преувеличения можно сказать, с инсценировкой шедевров армянской классической прозы и лучших произведений современных талантливых авторов. В этот период один за другим на сцену поднимаются такие произведения, как "Хаос" Ширванзаде, "Самвел" Раффи, "Раны Армении" Х.Абовяна, "Страна Наири" Е.Чаренца, "На берегу Севана" В.Ананяна, "Вардананк" Д.Демирчяна, Из-за хлеба" П.Прошяна, "Родник Эгнар" М.Армена, "Ацаван" Н.Заряна и др. Широкий отклик вызвала постановка В.Аджемяна "Хаос". В исследовании подробно анализируется весь комплекс сценических решений и характеристик образов романа Ширванзаде, по достоинству оценивается довольно бурная и несколько противоречивая реакция критики на спектакль, подробно, вплоть до мельчайших деталей прослеживается путь и методы воплощения прозаического произведения в драму.

Опираясь на лучшие традиции прошлых лет, современный армянский театр находит новые и не менее качественные возможности инсценировок прозы. Если в постановках 20-50-ых гг. акцентировались в основном социальные противоречия и патриотизм, то в наши дни не менее важную значимость приобретает психоанализ, личные качества и переживания героев.Если в прошлом преобладала инсценировка произведений армянской, русской и зарубежной классики (которая не потеряла своей популярности и в наши дни), то сегодняшний театр трудно представить без сценических решений произведений Г.Матевосяна, В.Петросяна, Х.Даштенца и др.

Именно решению сложной и мало исследованной проблемы инсценировки современной армянской прозы и посвящена настоящая диссертационная работа.

Первая глава - Сценическое построение эпического произведения. Все интерпретаторы творчества Достоевского единодушно утверждают, что хотя он и писал в прозе, но думал и чувствовал как драматург, что его проза очень сценична благодаря стремительному, динамичному движению, драматическим ситуациям, диалогичности содержания.

Г.Матевосян, напротив, не только пишет, но и думает

как прозаик, а потому его проза при поверхностном восприятии ее кажется не совсем пригодной для инсценировки. На первый взгляд в его произведениях ничего решительно не происходит, нет столь важного для сцены внешнего действия, ибо ткань повествования составляет в основном пространное авторское слово, устные размышления и внутренние монологи героев, т.е. то, что может сбить с ритма весь спектакль и в итоге подвести его к провалу. Герои Матевосяна - ординарные люди, в их жизни не происходит ничего необычного: они живут, ссорятся, разговаривают, вспоминают... Что может дать это сцене и как можно заставить это прозвучать со сцены? Оказывается на этот риторический вопрос можно дать положительный ответ. По одному поводу писатель признался, что ему хотелось бы стать "летописцем судеб" своих героев. Согласно автору настоящего исследования, это значит стать толкователем как материальной, так и духовной жизни персонажей, а потому в его произведениях на первый план выдвигается проблема не отдельного героя, а человека. Матевосян описывает будничную повседневность жизни, ее драму в столь своеобразной, непривычной, нетрадиционной манере, что возникает непреодолимое желание не только прочитать, но как бы понаблюдать, детально рассмотреть ее вблизи, оценить ее также и визуально. Автору удается заглянуть во внутрь, в глубину спокойного, размеренного течения обыденности, проакцентировать такие на первый взгляд маловажные детали и незначительные мелочи, которые вряд ли могут стать поворотными и значительными в судьбе героя, повлиять на образ его мыслей, его мировосприятие. Читателю,как правило, трудно заранее предположить, что внешне несущественное, второстепенное обстоятельство может приобрести в жизни человека столь большую значимость. Но именно этот характерный для писателя творческий прием наделяет его прозу сценическим потенциалом и порождает огромный интерес в данном ракурсе. В отличие, скажем, от детективного жанра, где на передний план выступает стремление отгадать заданную автором загадку, произведения Матевосяна заставляют читателя остро ощутить свою причастность к мыслям и чувствам героя (а может герой думает как читатель), что в конечном счете обнаруживает и подтверждает правдивость и объективность отражения

жизни - важная и обязательная особенность как прозы, драматургии, так и искусства вообще.

Первостепенное в творчестве Матевосяна - это объективное отображение жизни. Бумага для писателя становится как бы пустой сценической площадкой, где он размещает своих героев и позволяет им говорить, действовать и думать, что заблагорассудится. Только изредка легким движением пера автор "вмешивается" в жизненный процесс, направляет его, но так тонко и осторожно, что создается иллюзия непричастности автора к самому действию и судьбе своих героев. Эта немаловажная особенность творческой манеры Матевосяна, когда каждый персонаж поступает сообразно своей натуре, без насильственного вмешательства автора, чрезвычайно важна для театра.

"Солнце осени". О чем эта повесть, трудно ответить однозначно. Очевидно о жизни, но жизнь сложное и неоднозначное понятие, да и в сущности любое произведение искусства претендует на роль фиксатора, констататора жизни, отображения ее художественными средствами. При единости цели, все художники достигают ее сообразно собственному видению мира и степени своего таланта. Особенность матевосяновского стиля заключается в том, что он дает целостную и полноценную картину бытия; он не приукрашивает и не очерняет ее, он не сочиняет и не срисовывает, он творит в высшем, божественном смысле этого слова.

Повесть изображает полные тяжелого и неоцененного труда главной героини Агун, но это не бытовая, кухонная обыденщина, иначе описание стало бы бесцельным и не явило бы собой совершенного произведения искусства. Здесь преодолена одна из самых сложных творческих задач - картина будней проникнута художественным дыханием.

Повесть была инсценирована Ереванским драматическим театром. Центральной фигурой постановки является Агун не только по идейному замыслу, но и чисто техническому исполнению. Дело в том, что круг персонажей и их речь и реплики сокращены, а в уста героини вложена также авторская характеристика ее; сюда же вставлены несколько реплик из рассказа "Деревья".

Попробуем выделить те основные принципы, которые стали определяющими при постановке повести "Солнце осени".

Драма по законам жанра предполагает конкретные действия и поступки своих персонажей. И если действующие лица в повести живут, переживают, думают и говорят вообще, то в спектакле их поступки должны, хоть и в несколько пассивной форме, но конкретизироваться. Пьеса начинается и кончается безрезультатным ожиданием машины, которая должна отвезти Агун в город к сыну. Этот напряженный процесс ожидания в пьесе проходит через воспоминания героини о прошлом, в нем же лейтмотивом проходит кажущийся примитивным, но в итоге обобщающий вопрос: "Куда же подевалась эта проклятая машина?" Конкретное действие - ожидание машины - постепенно подводит к главной идее: в сущности вся человеческая жизнь - ожидание, фактически резрезультатное стремление к недостижимой гармонии.

"Мы были детьми, девочками, невестами, это было вчера - тосковали по чему-то, ожидали чего-то, а чего? Сердца трепетали в ожидании чего-то хорошего, отчего это? - так думает и говорит героиня.

Вывод также принимает форму обобщения: "Когда бог проклял человека, он пожелал ему, увидишь, но не достанешь".

Драматизм жизни именно в этой суетности ожидания, в стремлении полета человеческой души к недосягаемым вершинам гармонии и счастья. Ярким подтверждением правдивости и истинности настоящего вывода становится в спектакле безрезультатное, тщетное ожидание машины, которая так и не приходит.

И если в повести Агун все же удается на лошади догнать ее и уже на ней добраться до станции, то в постановке процесс ожидания как бы выходит за рамки спектакля, подтверждая восприятие незавершенности, вернее условной завершенности действия.

Зачастую при переложении прозаического текста в драму, герой во многом резко разнится от прототипа; теряя или приобретая новые черты характера, оказываясь в новых коллизиях, по-новому осмысленных ситуациях, он уже являет собой новое

качество. Авторы инсценировки и постановки "Солнце осени" прекрасно понимали, что могут выиграть лишь при условии, если останутся верными самой повести. Вот почему на сцене сохранился матевосяновский мир с его Агун, Симоном, Абелом, Арус, Серо и другими.

Общеизвестно, что авторы как правило испытывают от инсценировок своих произведений чувство неудовлетворенности и разочарования. Действительно, невозможно полностью осмыслить и воспроизвести на сцене весь комплекс мыслей и чувств писателя, если даже он твой современник и в случае надобности сам может в процессе постановки проследить и многое разъяснить. Авторское понимание характера героя, таким образом, трудно до конца уяснить и оценить.

Матевосян в этом плане не составляет исключения. Однако на большом фактическом материале автор исследования постарался доказать, что при инсценировке "Солнце осени" сделано максимально возможное, чтобы приблизить постановку к основной смысловой и идейной направленности повести.

Другая повесть Г.Матевосяна - "Вокзал" - легче подверглась инсценировке потому, что в основном состоит из диалогов; целые страницы испещрены тире перед прямой речью. Однако и в данном случае спектакль по названной повести также несет в себе новое качество и как таковой отличается от других постановок, в частности "Солнце осени". Если при постановке "Солнце осени" словно исчезает граница между залом и подмостками, а захваченный ходом действия зритель на миг отрешается от действительности и забывает, где он находится, то в данном случае условность спектакля выступает чрезвычайно наглядно и зримо. Поставленная задача решается посредством особого драматургического приема, когда в уста персонажа вкладывается относящаяся к нему авторская речь, а он произносит ее не в первом, а третьем лице, выступая одновременно в роли и героя, и автора. Подобный прием театральной характеристики довольно интересен в случае, если применяется к месту и в меру. Здесь же он представляется излишним. Объяснением тому нужно по всей вероятности искать в самой природе матевосяновского стиля и манеры письма; его полнокровный, жизнеспособный герой сам по себе

обладает тем огромным потенциалом сценического воплощения, что исключает нужду в подобного рода дополнительных подпорках.

Спектакль не дает полного представления о содержании повести, ибо не может задействовать все имеющиеся для этого сценические возможности. Весь драматизм положения в постановке концентрируется на поверхностной ситуации: главное действующее лицо Грант Карян по пути домой застрял на станции Колагеран и не может добраться до села - нет транспорта: ни машины, ни лошади.

Пьеса сохраняет внешнее сходство с содержанием повести, между тем упускает всю глубину ее внутреннего подтекста: это столкновение грубой реальности с приподнятым, романтическим восприятием жизни героя. Грант Карян уверен, что после больших успехов в городе, его приезд в родные места должен наполнить сердца земляков чувством законной гордости, и ему это в перспективе приятно вдвойне, поскольку источником этой гордости является он сам, но более всего, что тем самым он может пробудить в односельчанах красивые, возвышенные чувства. Иными словами Карян был бы счастлив, осчастливив других.

Именно здесь нужно искать ответ на вопрос, почему герой, вместо того, чтобы остаться в городе и продолжить учебу в аспирантуре, очутился на пороге родного дома.

Между тем спектакль дает однозначный и несколько примитивный по своей безоговорочности ответ: Карян приехал навестить родных, показать себя им и своим землякам-односельчанам. Зрителю же отводится роль свидетеля развенчания героя, кичливость и самоуверенность которого становится чуть ли не самоцелью. И зритель, видя, как заносчивость постепенно сменяется подавленностью, с некоторым злорадством резюмирует: "Поделом тебе", не переставая при этом сопереживать напрасным стараниям молодого человека. В повести же чванливая высокомерность героя объясняется чувством мести за испытанные некогда унижения, за ущемленное самолюбие.

Таким образом, непреодолимая тяга к родным местам, тоска по родителям и землякам (вспомним, с какой любовью, теплотой и печалью он вспоминает свое "жалкое село", родных, ко-

торые не задумываются над будущим своих детей, а просто рожают и любят всех одинаковой и ровной любовью), а также наивная хвастливость и стремление навсегда перечеркнуть все нанесенные в прошлом обиды и удары по самолюбию - вот доводы,приведшие Гранта Каряна, юношу, "достойного Парижа", в Колагеран. В спектакле же происходит смена акцентов и на передний план выдвигается лишь характеристика внешне видимых неблаговидных черт героя.

Глубинный смысл прозы Г.Матевосяна может стать, как показало настоящее исследование, откровением для театра. Произведение писателя, раскрывающее многомерный внутренний мир героев, дает безграничный творческий материал для сценаристов. Гарантией же того, что новые сценические обработки его прозы не будут иметь недостатка в зрителях, является само имя выдающегося прозаика. Многогранное по содержанию и оригинальное по форме творчество Гранта Матевосяна представляет богатый и разносторонний материал для опытных и пытливо ищущих, смело экспериментирующих сценаристов.

Вторая глава - Сценическое воплощение авторского замысла. Проза В.Петросяна проникнута публицистическим накалом, основная ее тема - молодое поколение, современность в новом ее восприятии и осмыслении, переоценка явлений и реалий прошлого. С первых же шагов своего творческого пути Петросян изучает процесс становления человека, пытается проникнуть и постичь его психологию, понять и объяснить духовный мир юношества и воссоздать его во всем разнообразии его проявлений и оттенков.

Еще в ранних повестях "Я уже вырос,мама", "Незаконченные портреты", "Приокрытые окна города", где описательность довлеет над глубоким анализом, уже намечается, просматривается тенденция к выявлению и оценке проблем и настроений молодежи, многостороннему освещению ее жизненных интересов, а в ряде случаев даже делается попытка предложить решение поставленных вопросов.

Годы способствовали накоплению опыта, с опытом приходило мастерство, та проникновенная глубинность мысли и психоанализа, которая деятельно помогала постановке острых, животрепе-

щущих по своей актуальности проблем.

Повесть "Последний учитель" непосредственно с момента опубликования вызвала широкий общественный резонанс, в частности, в профессиональной среде учителей и школьников. Интерес к ней особенно возрос после постановки ее в Драматическом театре.

Произведение это отличается остро захватывающим сюжетом, насыщенным живыми диалогами, разнохарактерными и самобытными персонажами, показанными в активной динамике их взаимоотношений, оценке их жизненного кредо. Содержание произведения, равно как и избранная В.Петросяном манера письма, облегчали его инсценировку; для этого необходимо было провести небольшие сокращения и избавить сценическое действие от излишних перегрузок, а также перевести на язык театра некоторые сцены с подчеркнуто эпической манерой описания.

Повесть начинается с шокирующего известия о стриптизе, показанном одной из учениц десятого класса школы им.Хоренаци перед своими одноклассниками. Приводятся предположения о том, как все это происходило. Гипотезы (их три) не описываются, а показываются. Один из персонажей, временно взяв на себя роль рассказчика, перечисляет все возможные варианты, а затем переходит к главному амплуа - участвует в действии. После демонстрации каждого предположения актеры на миг застывают - немеют (на кинематографическом языке это называется стоп-кадр), затем, после соответствующей интерпретации исполнителя роли автора, приступают к демонстрации следующего варианта гипотезы. Таким образом, в пьесе используется характерный прием перевода прозы на сценический язык.

Постановщик Гр.Капланян чутко уловил оригинальность и своеобразие повести и попытался целенаправленно "раскрыть" ее именно в заданном ракурсе. Ее несколько детективное начало постепенно приобретает философско-рассудочное звучание. Предполагаемый факт - танец ученицы Мари на столе - становится своего рода ключом для раскрытия образов всех остальных персонажей и тем самым как бы отводит, даже снимает остроту стержневого вопроса о том, состоялся ли этот преслo-

вутый стриптиз на самом деле?

При характеристике героев театр широко использовал всю богатую палитру сценических средств, окрасив одних в гротескно темные, других - ярко комические цвета. Стремясь не нарушить композиционную целостность произведения, спектакль тем не менее предлагал свое собственное, несколько расходящееся с повестью решение. Например, в книге учитель Мамян растроган и взволнован тем, что читая перед классом стихи Терьяна, он замечает полные слез глаза одной из учениц. На сцене же, когда он, вдохновенный поэтом и стараясь скрыть охватившее его возбуждение, поворачивается к классу спиной, ученики тихонько по-одиночке выходят из комнаты; учитель остается один на один перед пустыми партами. В данном случае вариант, переложенный для театра, естественно утрачивает свой эмоциональный настрой, но взамен приобретает новое, не менее важное качество - сценичность.

Спектакль по повести "Последний учитель" богат подобного рода решениями, а его последняя картина может по праву считаться настоящей режиссерской находкой. Мамян одиноко стоит в пустом классе и вдруг... как бы символизируя собой идею продолжения высших и светлых начал возрождения,из-под парт вылезают шалуны-первоклассники. Они заполняют сцену и выводят учителя из глубокой задумчивости и разочарования. Жизнь продолжается...

"Армянские эскизы" В.Петросяна - произведение совершенно иного стиля. Здесь публицистический пафос автора находит благодатную для него почву: внутренняя логика произведения диктует его форму. Однако подразумеваемая сухость публицистического жанра смягчается здесь присущей Петросяну поэтической манерой письма, а многие цельные фрагменты звучат даже как стихотворения в прозе.

"Армянские эскизы" - это многослойное сооружение, замешанное на мучительных поисках ответов на трудные, почти безнадежные вопросы, основанные на заведомо аксиоматичных истинах, раздумьях, сомнениях, философских размышлениях, на любви, печали, душевных переживаниях, трагедии, иронии и многих других эмоциях и чувствах. Емкое по содержанию, это произведение

дает читателю возможность ощутить себя очевидцем события, происшествия, воплощенной мысли, воскрешней истории, картин настоящего и будущего.

"Эскизы" - это рассказ и одновременно размышление об Армении, ее народе, это воссозданный во множестве индивидуальных и общих черт собирательный портрет армянина, психологически оправданная характеристика того положительного и отрицательного, хорошего и плохого, той правды и лжи - всего того, что свойственно народам вообще и одновременно отличает армян от них. Писатель не нивелирует жизнь, как и не порицает ее, ибо подобная примитивная градация всегда поверхностна в своей бездуховности и может создать лишь видимость правды. А потому писатель всегда умеет найти правдивые и нужные слова для описания пороков, изъянов, недостатков, он не только сухо фиксирует различные ущербные явления и неблаговидные поступки, но каждый раз трансформируя через себя, находит в каждом отрицательном явлении и свою долю вины, свою, пусть даже невольную, причастность к плохому. Такой подход к заданной теме требовал определенного писательского мужества, ибо неприятие собственных ошибок и неумение извлекать полезные уроки из них, к сожалению, является одной из составляющих особенностей характера нашего народа.

"Эскизы" - произведение, которое невозможно заключить в определенные тематические рамки. Автор просто думает, размышляет, переживает, вспоминает, мечтается, в мыслях своих о родине постоянно переходит от одного настроения к другому; на страницах книги он как бы живет день ото дня, реагируя на каждое, пусть даже незначительное, событие, чутко откликаясь на тот импульс, который вызывает у него по ассоциации воспоминания о далеком и близком прошлом. Одновременно он полон заботами сегодняшнего дня и раздумьями о дне завтрашнем.

Несценичность этого многопланового, большим числом различных напластований произведения очевидна, ибо последнее фактически не отвечает ни одному из требований современного театра. Для театра характерна ограниченность во времени и строго очерченные пространственные границы, между тем в

"Эскизах" совершается прыжок из одного века в другой, из одной среды в другую, меняются обстоятельства, декор, через книгу, сменяя друг друга, проходит огромное количество действующих лиц, тем самым затрудняя осуществление необходимых для постановки элементарных требований. И тем не менее Ереванский драматический театр осуществил постановку этого произведения. Более того, его по праву можно отнести к ряду наиболее удачных армянских спектаклей наших дней, что еще раз доказывает, что творческие возможности театра поистине безграничны.

В сущности в инсценировке воспринята и показана основная тематическая направленность произведения - это спектакль о мире и занимающем в нем свое место армянине. Символом того, что эти два понятия слиты воедино исторической судьбой народа, злым роком разбросавшего его по всему миру, становится прочно установленный в центре сцены огромный глобус с контурами всех частей света. Любое действие прямо или косвенно сопрягается с этим глобусом, актерское же слово произносится не только для зрительного зала, но и для рассеянных по всему свету армян.

Фактически это не движение-действие, а, если можно так выразиться, изображение речи-действия, декламационное представление. На актеров возложена двойная роль: они то изображают своего героя, то становятся им самим, то есть в считанное время позволяют рассмотреть его извне и изнутри. Эпизод за эпизодом, в строгих черных костюмах актеры "читают" повесть В.Петросяна, читают искренне, с чувством, пафосом, понимая и надежды, заставляя тем самым зрителей не только сочувствовать и сопереживать, но и побуждая их к глубокому раздумью. Сила эмоционального воздействия этого действа настолько велика, что, думается, долго еще в памяти зрителей должен оставаться вертящийся глобус, ускоряющий свое движение в особенно напряженных и волнующих сценах; и как отчаянно пульсирующее сердце, бьется изнутри о стенки глобуса человек. Подобное сценическое решение созвучно публицистическому пафосу книги; в пьесе приподнятая возвышенность пропитана поэтичностью и эмоциональностью, ибо только в непосредственном кон-

такте со зрителем, заставив его сопереживать, автору, можно донести и утвердить все нюансы, всю сложную гамму и многоцветную палитру мыслей и чувств писателя.

<u>Третья глава - История в романе и на сцене</u>. Роман Даштенца "Зов пахаря" невелик по объему, а потому не нуждается, чисто техническом плане, в больших сокращениях для показа его на сцене. Тем не менее, как видно из постановки, для инсценировки его потребовалось много напряжения и взлета фантазии. В произведении нет четкого и конкретного действия как такового, стройной и последовательной сюжетной канвы, плюс к этому роман насыщен многочисленными событиями, перегружен большим количеством действующих лиц. Резкая смена места действия в романе делает почти невозможным создать и задействовать его сценический эквивалент. Так что перед сценаристом ставится серьезная задача выбора акцентов: опереться ли на сюжетную канву, сократить ли число персонажей, представить ли в качестве опорных героев одно или несколько действующих лиц, и при этом постараться не потерять чувство меры и не переиначить первоисточник, как это было сделано в театре Сундукяна. Дело в том, что страницы романа проникнуты величием и достоинством фидаинов-воинов, борцов за свободу отечества, а потому их серые, неряшливые, суетящиеся и декларирующие бессмыслицу сценические копии утрируют и низводят с пьедестала всю героическую патетику романа.

Автор постановки нашел довольно "своеобразный" метод театрализации романа. Он выделил, отделил целые куски текста, некоторые фрагменты "сделал" сам, пришил их друг к другу грубыми и блеклыми нитками, тем самым пытаясь создать видимость цельности. В силу искусственности этой компановки, картины и явления оказались оторванными от контекста и утеряли логически осмысленную взаимосвязь и значение. Не захотев отказаться от некоторых понравившихся ему в романе выражений и фраз, он не смог органически вписать их в сюжетную ткань, а потому персонажи произносят свои реплики без видимой смысловой связи друг с другом.

На сцене герои обезображены во всем: облике, одежде, поведении, в мотивированности своих поступков, в несовпадении

слов с делом и т.д. Понятно, что Дештенц вряд ли принял бы своих доблестных героев на сцене, ибо увидел бы, как эти храбрые и достойные уважения и гордости за них, мужи поносят друг друга последними словами и гоняются между собой как мальчишки-недоросли.

Полное драматизма,проникнутое духом народной трагедии это литературное произведение низведено на сцене в дешевое,примитивное и низкопробное действо. Между тем при талантливой или хотя бы добросовестной инсценировке этого замечательного романа в созвучное авторской идее и замыслу драматическое произведение, сегодня со сцены были бы произнесены слова, столь необходимые и актуальные в наши бурные и насыщенные событиями и героикой дни.

В сценарии, фактически, утерян, пропал патриотический накал романа, исказился его пафос одухотворения, трагедия превратилась в фарс.

В заключительной части диссертационной работы представлены основные результаты исследования.

При выборе прозаического произведения для инсценировки отнюдь не обязательно превалирование драматического элемента. Возможности современного театра позволяют обращаться также к произведениям исключительно эпического жанра.

Режиссер и сценарист в творческих поисках сценического эквивалента могут дать свободу воображению, но никогда в ущерб общему духу и направленности произведения; сокращения, различные сценические решения не должны искажать авторскую идею, общий настрой, призваны уберечь ее главный нерв. Иными словами, тот, кто инсценирует прозаическое произведение, должен подходить к материалу с теми же принципами и критериями, что и сам автор. Различными могут быть лишь средства воплощения.

По теме диссербации были опубликованы:

I. Литературное и драматическое изображение. Ер., Вестник Ереванского университета, I99I, № 2, с.I78-I84.
2. Современная армянская проза на сцене. Ер., Изд.ЕГУ,I993, 4 п.л.

Н. Ананян

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ
ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ

Кафедра теории и практики советского
телевидения и радиовещания

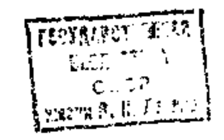
На правах рукописи

БАБЛУМЯН
Ирина Сергеевна

СИНТЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕЛЕПРОГРАММ
(Из опыта Армянского телевидения)

17.00.03 - киноискусство
телевидение

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Москва - 1990

Работа выполнена на кафедре теории и практики советского телевидения и радиовещания Всесоюзного института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания.

Научный руководитель: кандидат филологических наук
Г.Ю.Никулина

Научный консультант: кандидат искусствоведения
Р.Л.Калантар

Официальные оппоненты: доктор искусствоведения
С.В.Дробашенко
кандидат филологических наук
Т.В.Щербатюк

Ведущее научное учреждение - факультет журналистики Московского ордена Ленина, ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Защита диссертации состоится "16" октября 1990 г. в 15 часов на заседании специализированного совета К 040.01.01 во Всесоюзном институте повышения квалификации работников телевидения и радиовещания Гостелерадио СССР по адресу: 113162, Москва, Шаболовка, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Гостелерадио СССР.

Автореферат разослан "14" сентября 1990 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат искусствоведения — Н.В.Вакурова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. С годами все более очевидной ста-вится роль телевидения в формировании общественного мнения, все олее выявляются его особые возможности в донесении информации, остижении реальности. Действенность ТВ связана с поиском новых тей его совершенствования, развитием его специфического языка, иянием всех его природных эстетических свойств в гармоничное це-е, ибо только эта органика может способствовать созданию произ-дений содержательных, художественно значимых, открывающих пото-духовности.

Жизнь современного человека вбирает в себя мириады разноха-ктерных явлений. И весь этот "хаос современности" становится шным импульсом к появлению многосложных структур в искусстве. .. Мы не создали еще искусства, подобного храму, где каждый ис-ведует свое, но свое внутри всеобщего. Мы не можем умозрительно шить, как должен произойти тот синтез, то соединение и создание вого целостного пластического языка, но стремиться к этому мы жем..."[1].

Рождение развитых полифонических форм, органика взаимодейст-я драматургической структуры и достойного ее пластического экви-лента предполагает использование всей системы художественно-вы-зительных средств экрана. Только глубокое "внутреннее взаимо-йствие всех искусств рождает на экране симультанный художествен-й образ, не достижимый ни в одном другом синтетическом искус-ве"[2], рождает подлинно авторскую структуру, приобщенную к гло-льным обобщениям, общечеловеческим ценностям.

Уровень телеосмысления действительности в конечном итоге ть та система ценностей, на которую ориентируется каждая соци-ьная группа (зрительская аудитория) и связывает с ней определен-ю оценку, определяя его (зрителя) ценностные ориентации. Сегод-же заполонение вещания некими универсальными моделями, унифика-з телевизионных форм вызывает серьезные опасения, требуя, как кажется, вдумчивого отношения.

Возникший сегодня "эстетический стандарт" привел как бы к

[illegible] З. О синтезе в искусстве.// Искусство кино. – 1989. [illegible]

[illegible] Р. Изобразительный мир экрана. – М.: Иск., 1977, [illegible].

стандартизации телевидения в целом, к "бессилию" в поиске ярких самобытных форм, в частности, истинно национальных структур.

Этому способствовало, на наш взгляд, отсутствие объективных критериев в оценке уровня, качества телевизионного вещания, существующее по отношению к ТВ в течение десятилетий, что в немалой степени влияло не только на вкусы аудитории, но и тормозило развитие творческих возможностей ТВ.

Тотальная политизация современных программ (вполне закономерная для нынешней общественно-политической ситуации в стране) также привела к некоей унификации творчества, обеднению жанровой палитры вещания, однообразию форм, постепенному снижению критерия художественности, - понятия, столь сущностного для ТВ. Это, в свою очередь, может способствовать депрофессионализации вещания в целом. Многие исследователи и практики ТВ отмечают сегодня, сколь опасен этот путь (снижение уровня художественности, образности, обеднение художественно-выразительных структур).

Пережив на своем пути периоды расцвета и застоя, ТВ сегодня стоит перед необходимостью кардинальных изменений, а стало быть и решений, вступая в новую стадию осознания своих возможностей. "Сейчас, когда мы приступаем к глубоким и сложным преобразованиям, отмечается в Указе Президента СССР, - особенно важно, чтобы телевидение и радио всемерно способствовали консолидации общества... обеспечивали... гуманизацию человеческих отношений, правопорядок, межнациональное согласие. Такие цели требуют сохранения и развития телевидения как общенациональной структуры.

В то же время демократизация общества, возрастание роли суверенных союзных республик и Советов народных депутатов, реальное становление политического плюрализма требуют кардинального изменения характера телерадиовещания страны"[I].

Одна из составных этих изменений как раз и связана с развитием местных студий. В Указе об этом говорится так: "Взять курс на расширение прав и полномочий республиканских, краевых и областных телерадиокомитетов...".

По мере развития ТВ отчетливее выявляется и важность развития республиканского вещания, что продиктовало появление известного решения 1987 года об открытии к 2000 году еще 67 местных ст

I Указ Президента СССР "О демократизации и развитии ТВ и радиовещания в СССР" от 14 июля 1990 года.

дий, помимо уже функционирующих.

Развитие национального ТВ (телевидение Армении в этом смысле, разумеется, не исключение), – требует учета особенностей национального мировосприятия, национального архетипа образного мышления, уникального опыта тысячелетий – социального, нравственного. Словом, важна включенность в традиции, в национальную эстетику, культуру.

Исходя из этого, нами осознается острая необходимость для теории и практики современного ТВ исследований, способных адекватно отразить особенности и уровень телепрограмм, став важнейшим фактором повышения их эффективности. Нам представляется весьма актуальным выявить основные обретения и просчеты регионального вещания (на примере ТВ Армении), дабы не потерять накопленное и избежать повторения пройденных ошибок в период нового этапа развития ТВ.

Следует отметить, что в истории АТ, особенно на ранних этапах его развития, были весьма значимые находки, именно с точки зрения образного осмысления, формы. И автор считает своей задачей описать и проанализировать то ценное, что было в вещании, ибо многое из этого прежнего опыта может войти в реальную практику современного ТВ.

Предпринятое исследование – это, по существу, первая в республике диссертация, посвященная осмыслению творческих особенностей АТ, анализу функционирования художественно-выразительных структур в их прямой взаимозависимости с действенностью. Полагаем, выводы, к которым пришел автор, могут быть непосредственно использованы в практике вещания АТ.

Кроме того, многое из сказанного в диссертации закономерно и для других региональных студий, а также для ЦТ.

Результатом работы явились теоретические суждения и практические рекомендации, возникшие в результате анализа АТ, имеющие и всеобщий характер, затрагивающие развитие ТВ в целом. Именно в этом, в попытке исследования синтеза художественно-выразительных структур как фактора повышения эффективности современных телепрограмм, видится актуальность данной диссертации.

<u>Состояние научной разработки темы.</u> Как мы уже отмечали, национальные студии вступают в новую стадию развития. Однако работ, освещенных генезису и тенденциям развития национального, регио-

нального вещания, явно мало[1].

Практически не исследованными остаются вопросы, связанные с формой телепроизведений, посвященных анализу образного осмысления программ, в первую очередь, это касается информационного вещания и телепублицистики.

За долгие годы функционирования АТ[2] оказалось за пределами интересов теории и критики. На сегодняшний день лишь некоторые его

---

1 Аманбаев К.А. Создание и развитие телевидения в Казахстане - действенного средства идеологической работы КПСС (1958-1970): Автореф. дисс. канд.ист.наук. - Алма-Ата, 1971; Бараневич Ю.Д. Проблема интерпретации фактов в информационных программах местного радиовещания Украины: Автореф.дисс. д-ра филол.наук. - М., 1986; Джураев А.Ш. ТВ Таджикистана. - Душанбе, 1979; Ерицян С.С Телевидение Армении в системе средств массовой информации и пропаганды республики: Автореф. дисс. канд.филол.наук. - Ереван, 1987; Каримов А.К. ТВ Узбекистана. - Ташкент, 1973;Леонидзе И.(Проблемы развития грузинского телевидения в системе общесоюзного вещания: Автореф. дисс. д-ра филол.наук. - Тбилиси, 1975; его же - Школа для зрителей. - Тбилиси, 1983; Макиньш Г.В. Становление и развитие тележурналистики Латвии в системе советской культуры: Автореф.дисс. канд.филол.наук. - М., 1987; Нечай О.Ф. Развитие Белорусского телевидения. - Минск, 1982; Попа В.И. Выпуски новостей как тип программ республиканского ТВ: проблемы развития и функционирования: Автореф. дисс. канд. филол.наук. - М., 1985; Цвик В.Л. Особенности системного функционирования местных студий телевидения: На материалах республиканского ТВ УССР; Автореч.дисс. канд.филол.наук. - М., 1979; его же. Украинское телевидение: опыт, практика, проблемы. - Киев, 1986; Щербатюк Т.В. Украинское телевидение как тип республиканской телевизионной программы. Формирование и тенденции развития: Автореф. дисс. канд.филол.наук. - Киев, 1982; Эльмонович Т.В. Образ факта: От публицистики к фильму на Эстонском телевидении. - М., 1975.

2 Регулярное вещание АТ началось с 1957 года. АТ сегодня - это мощная система, включающая 2 республиканские программы с общим среднесуточным объемом вещания 13,5 часов. По охвату населения а также по среднесуточному объему Армения занимает одно из первых мест среди союзных республик.

проблемы рассматривались в республиканской периодике, в отдельных научных статьях, объем и задачи которых имеют, естественно, ограниченный характер (в этой связи отметим работы О.Багдасаряна, С.Гулян, А.Ерзнкян, С.Ерицяна, С.Погосяна). Вопросы же образной структуры информационно-публицистических и художественно-публицистических программ практически не освещены (в центре внимания критики оказывались и оказываются в основном игровые фильмы и телеспектакли). В диссертации, защищенной С.Ерицяном ("Телевидение Армении в системе средств массовой информации и пропаганды республики" - диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук), АТ рассматривается не самостоятельно, а в общей системе средств массовой информации и пропаганды республики.

Новизна исследования обусловлена и его многоаспектностью. Ибо работа, предпринятая автором, лежит в точке пересечения нескольких проблем: искусствоведческих, журналистских, социологических, психологических, собственно телевизионных.

Новым в методологическом отношении представляется подход к изучению зависимости эффективности телепрограмм и художественно-выразительных средств, формы произведений ТВ.

Автор также ставил своей задачей разыскать и описать значимые творческие находки, наиболее плодотворные элементы телевещания прошлого. В этом диссертанту помогли и свидетельства тех,кто стоял у истоков АТ, кто в течение долгих лет определял его творческую политику (М.Аветисян, М.Багдасарян, Р.Балаян, М.Мариносян, С.Погосян), и работа со сценариями, эфирными папками прошлых лет (всего того, что удалось отыскать в архивах), просмотры в течение этих лет программ АТ.

Представленные таблицы рейтинга наиболее значимых для АТ циклов (с 1981 по 1990 гг.), приводимые в работе, позволили автору впервые показать динамику развития основных циклов - информационного, художественного и общественно-политического вещания.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют общетеоретические труды о природе искусства, труды, посвященные общим проблемам психологии и эстетики, истории киноискусства и теории телевидения.

В этой связи автор обращается к работам М.Бахтина, Н.Бердяева, Н.Винера, Л.Выготского, Ф.Достоевского, А.Зиса, М.Кагана, В.Шкловского, Б.Эйхенбаума.

Проблемы синтеза документального и художественного, органики

взаимодействия слова и изображения не могут быть рассмотрены изолированно от общих проблем кино и телевидения.

Поэтому мы широко использовали труды советских и зарубежных теоретиков кино, критиков, практиков - А.Базена, Л.Вайсфельда, М.Зака, А.Довженко, С.Дробашенко, А.Караганова, З.Кракауэра, В.Огнева, Вс.Пудовкина, К.Разлогова, В.Турицына, В.Шкловского, С.Эйзенштейна и др.

Разумеется, изучены и широко использованы в диссертации научные исследования по теории телевидения - работы И.Андроникова, Э.Багирова, Ю.Богомолова, А.Вартанова, В.Вильчека, В.Егорова, А.Карягина, Р.Копыловой, Г.Кузнецова, А.Леонтьева, Б.Льюиса, Т.Марченко, С.Муратова, Г.Никулиной, Ст.Рассадина, В.Саппака, А.Юровского.

Мы указали, разумеется, лишь часть использованной литературы. Исчерпывающий список содержится в библиографии. Здесь мы хотим лишь показать, что в диссертации затрагивается широкий круг проблем, на пересечении которых только и можно, как нам кажется, проанализировать закономерности и особенности функционирования художественно-выразительных структур, вопросы образного осмысления телезрелища, имеющие чрезвычайно важное значение для реализации авторского замысла, раскрытия темы и идеи произведения, стало быть, для повышения эффективности и действенности ТВ-программ в целом.

<u>Цели и задачи диссертации</u>. Автор поставил своей задачей обобщить опыт работы АТ, проанализировав его сильные и слабые стороны, рассмотрать проблемы, связанные с актуальностью телепрограмм и их формой (проблемы органики взаимодействия слова и изображения, персонификации; синтеза художественно-выразительных средств, документального и художественного). В соответствии с этим он счел необходимым:

- рассмотреть генезис развития АТ;
- определить и проанализировать наиболее популярные циклы программ в их историческом развитии;
- описать типологию наиболее распространенных моделей программ для анализа их жизнеспособности и перспективности;
- выявить наиболее действенные структуры телепередач, связанные с использованием художественно-выразительных средств;
- определить наиболее перспективные направления развития национального телевидения (в аспекте темы диссертации);

- рассмотреть вопрос действенности, эффективности телепрограмм в зависимости от художественного решения (причем это касается прежде всего документального ТВ);
- обратить внимание на опасную тенденцию, связанную с пренебрежением к форме подачи материала;
- на основании данных, полученных в результате исследования, выработать рекомендации для практики вещания АТ.

Хронологические рамки, в которые берется объект исследования, охватывают в основном период с 1980 по 1990 годы. Автор счел необходимым также обратиться и к более раннему периоду, к тому ценному, значимому, что было в телепрограммах, начиная с 1957 года, дабы не дать кануть в Лету открытые практиками художественные возможности телеэкрана, нашедшие отражение в разных программах АТ на протяжении почти 35-летнего пути развития.

Теоретическое и практическое значение работы определяется тем, что исследуется художественная основа телепроизведений, созданных республиканской студией (за длительный период ее работы), а также тем, что телевидение союзной республики исследуется как часть национальной культуры.

Полученные результаты исследования, - типологические характеристики моделей программ, - призваны быть использованными для совершенствования работы республиканского телевидения. Надеемся, что знание описанных закономерностей важно не только для совершенствования работы АТ, но и для других телестудий.

Автор надеется, что анализ и выводы диссертации будут полезны для практики АТ, для повышения эффективности, действенности телепрограмм, принесут пользу при подготовке журналистов и режиссеров, повышающих квалификацию, а также при чтении лекционного курса "Теория ТВ" на факультете журналистики ЕГУ.

Апробация основных идей и выводов диссертации осуществлена: в выступлениях на летучках и семинарах АТ, постоянных публикациях в республиканском еженедельнике "В эфире Ереван", а также в научных статьях в республиканской и центральной печати и научных специализированных сборниках.

Своего рода апробацией теоретических положений и выводов, содержащихся в диссертации, явились и телевизионные программы, которые сделаны автором диссертации в течение работы в области журналистики и теледраматургии (речь идет о программах, подготовленных для ЦТ и АТ).

Структура диссертации отвечает целям и задачам исследования, *включая в себя введение, две главы, заключение, список литературы* и два приложения.

II. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во "Введении" обоснована важность и актуальность темы, научная новизна, дан обзор состояния ее научной разработки, определены теоретическая и методологическая основы работы, ее цель и задачи, характеризуется источниковедческая база, теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава "Проблемы телеосмысления факта и события в документальных программах" состоит из двух параграфов. Первый - "Слово и изображение. Их органическое взаимодействие". Второй - "Персонификация. Генезис проблемы и ее развитие".

Мы сочли целесообразным и полезным для обобщения реальной практики развития АТ рассмотреть такие сущностные для ТР факторы, как органическое взаимодействие слова и изображения и взаимосвязанную с этими понятиями проблему персонификации.

Анализируя понятие слова и изображения, содержания и формы телепередачи, мы обратились за примерами к практике телевидения Армении, рассмотрев наиболее популярные информационно-публицистические и художественно-документальные циклы в их развитии.

Основное внимание в диссертации сосредоточено на циклах - "Вестник", "Ереван и ереванцы", "Диалог", "15 дней", "Актуальный экран", "Предлагает телезритель", "Люди, быт,нравы", "Беженцы: заботы и проблемы", "Села и судьбы", "Навасард", "Анрагитак", "Музыкальная почта", "Музыкальный теледневник" ("Музыкальная жизнь"), "Наш язык, наша речь", "Костер", "Литературные мосты", "Асмик" и некоторых других.

В работе описывается история вопроса: многолетняя дискуссия, спор в критике и теории о том, что приоритетно - слово или изображение. Автор разделяет мысль тех, кто считает не вполне правомерной саму постановку вопроса, полагая, что лишь органика и гармоничное взаимодействие слова и изображения способны создать подлинно действенные, эффективные телевизионные программы.

Только при органичном синтезе вербального и изобразительного решений возможно максимальное уменьшение потерь при передаче сообщения. Именно в этом случае возможно выработать в "приемнике", т.е у зрителя, высокую "мемориальную" память. Следовательно, необходи-

ло с большей ответственностью относиться к уровню подачи материа-
ла. Обилие информации порождает иллюзию зрительской осведомленно-
сти, глубины интересов. Исследователи массовых видов искусства от-
мечают силу воздействия норм, которые несут они в себе. По их мне-
нию, в частности Г.Селдеса (и мы с ним согласны), воздействие норм, "которые несут в себе массовые искусства, подчас сильнее, чем влияние здравого смысла, традиций, обычаев, правовых установлений и юридических законов, ибо к "наивной" вере масс в печатное или произносимое слово здесь добавляется достоверность непосредственной наглядности"[1]. Эта точка зрения еще раз подтверждает, сколь актуальна и остра для ТВ, и для Армянского телевидения в частности, проблема профессионального осмысления информации.

Утрата высоких критериев приводит к снижению уровня восприятия (глубины, эмоциональности, степени эстетического воздействия), характеризуя в какой-то мере состояние культуры нашего общества сегодня.

Само понятие "гласность" уже определило могучее место в вещании "разговорных" жанров, особенно тех, что связаны с полемикой, дискуссиями. Слово стало обретать особую силу. Еще в начале века русский философ Н.Бердяев блистательно точно высказал следующую мысль: "Для низвержения фиктивной власти слов нужна свобода слова. В атмосфере несвободы процветают пустые слова, и они неопровержимы. Слово само по себе божественно, и божественный смысл слов может быть выявлен лишь в атмосфере свободы...

... Восстановление смысла слов, правдивого, реального и полновесного употребления слов ведет к тому сознанию, что общество уже должно не переодеться хотя бы в самый радикальный костюм, не покровы переменить, а действительно переродиться, изменить ткань свою"[2].

Девальвация слова характерна была до недавнего времени для большинства наших СМИ, а не только для телевидения (разумеется, были счастливые исключения и в печати, и на ТВ). Но на телевидении слово специфично, связано со спецификой самого телевидения, с его изобразительной природой и оптической конкретностью. Анализируя понятие – слово и изображение – мы обращаемся за конкретными примерами к практике Армянского телевидения.

В течение последних десяти лет в телевизионных программах

---

[1] Телевидение и радио. Вып.1, М., 1967, с.45.

[2] Бердяев Н.Демократия и личность.//Искусство кино. – [illegible], – № 1, с.[illegible].

Армянского телевидения утвердились циклы, объединенные присутствием постоянного ведущего, так называемые передачи "круглого стола" с приглашением наиболее компетентных лиц при обсуждении актуальных экономических, социальных и нравственных проблем.

Подобная форма присуща таким циклам, как "Диалог", "15 дней", "Предлагает телезритель", "Навасард", "Отражение", "Актуальное интервью", "Села и судьбы", "Ереван и ереванцы", "Беженцы: заботы и проблемы", "Арменоведческий журнал", "Уроки истории", "Люди, быт, нравы". "Эстетическая и публицистическая ценность собеседнических передач определяется в первую очередь достоинствами авторского слова, его эмоциональной и познавательной емкостью, своеобразием личности и творческой манеры человека в кадре. Автор... личностно окрашивает всю программу в целом. От него зависит... насколько активно будут восприняты слово и изображение, насколько короткой окажется психологическая дистанция между телеэкраном и зрителем"[1] (подчеркнуто – И.Б.).

Существенным достоинством данных программ является, на наш взгляд, ярко выраженная связь их проблематики с современной общественной ситуацией, привлечение интереса аудитории к действительно актуальному. Однако следует обратить внимание на существенный недостаток во многих выпусках вышеупомянутых циклов. Являясь в основе своей "разговорными", выступления "действующих лиц" передач нередко отмечены излишним пафосом или, наоборот, полной незаинтересованностью темой.

К числу серьезных недостатков некоторых циклов является и их полное примирение с примитивностью в драматургическом, пластическом решении. Если мы отмечали их актуальность , то с точки зрения их изобразительного решения они требуют весьма серьезных радикальных корректив. Тут уместно обратиться к высказыванию об эффективности воздействия художественно-организованного экранного пространства. "Различие между образностью и информацией в документальном кино сводится не к каким-то их мифическим, спонтанно возникающим качествам и свойствам, а к их положению в авторской концепции, структуре фильма, к характеру взаимосвязей элементов (кадров, монтажных фраз) друг с другом. Именно отсюда проистекает "образность" или "информативность", формируется уровень смысловой емкости кинодокумента. На этой почве выявляются глубина мысли,

---

1 Никулина Г.Лица знакомые и незнакомые. -М.: Иск.,1980, с.55.

эмоциональная напряженность повествования, а тем самым, в конечном итоге, - эффект воздействия"[1] (подчеркнуто - И.Б.).

Таким образом, разрушая образность, формируется весьма низкий эстетический потенциал передач. И результатом этих просчетов является то, что восприятие темы остается в сфере рассудочных истин, лишая зрителя возможности воспринять общественно значимое как личное, т.е. стать живым, эмоциональным.

Здесь мы еще раз хотим подчеркнуть, насколько необходимо для действенности, эффективности вещания органичное использование и всей системы художественно-выразительных средств, и гармоничное взаимодействие изображения и слова.

Однако хотелось бы обратить внимание на обстоятельство, которое становится очевидным: практически и ЦТ, и региональные студии пережили время взлета чисто "разговорных" передач. Если в прошлые годы исследователи и практики полагали, что именно эти формы являются наиболее "телевизионными", то сегодняшний день диктует внесение радикальных изменений в казалось бы априорное. Сегодняшний эфир настоятельно требует выявления новых форм, новой образности, нового стиля, большей эстетической и познавательной емкости.

Разнохарактерные по своей направленности, стилю, теме многие цикловые программы АТ представляют как бы единую модель о четко сложившимся стереотипом. Клишированная форма подачи материала подчас значительно снижает суть, значимость информации, заложенной в них. В передачах, о которых идет речь, создается впечатление бесконечного выступления, в основе своей монологического, длящегося подчас по 40, 50 минут. Такая авторская и режиссерская непродуманность чаще всего вызывает у аудитории чувство неприятия тех проблем, о которых идет речь. Низкий уровень художественного, изобразительного телеосмысления материала нарушает психологическую стабильность восприятия, разрушая замысел.

В свете выше сказанных соображений в диссертации подробно анализируются конкретные выпуски программ АТ. В частности, на основании анализа более 900 выпусков ежедневной информационно-публицистической программы "Вестник" мы приходим к следующему выводу: популярность программы во многом определяется объективностью информационных сообщений, их оперативностью, тем, что благодаря

---

1 Дробашенко С. Пространство экранного документа. -М., Иск., 1986, с.262.

усилиям журналистов достигается максимальное соответствие отраженного с реальной нелегкой ситуацией в республике, словом, мера объективности, правдивости освещения событий становится сегодня ведущим критерием в оценке данной программы. Это можно отметить и на примере освещения трагедии землетрясения и многих других проблем и вопросов. Но с позиции формы она до сих пор копирует Москву, и в способе подачи материала, и смене рубрик.

Необходимо отметить, что в свое время архаичность формы программы "Время", отсутствие в ней в должной степени персонификации компенсировались тем, что на нее работали журналисты всего Советского Союза, журналисты, передающие информацию со всех точек Земли. Сегодня, хоть и нельзя считать, что создана оптимальная модель программы, однако наличие в ней личностного подхода - условие роста ее потенций. Неизменное же стремление на АТ в течение долгих лет во всем копировать ЦТ создало искусственно сконструированную ветвь вещания - "как на ЦТ". А это привело к потере самобытности, примитивизации национального эфира.

В нашей республике необходимо помнить, что народ пережил страшную трагедию землетрясения, разом оказавшись в новой системе жизненных координат, высших человеческих ценностей и высших, невосполнимых потерь, которые навсегда сохранятся в генетической памяти нации. В связи с этим особенно важно повысить и содержательную, и образную значимость программ (понятий взаимосвязанных).

Сегодня телевидение все более находит свой правдивый, откровенный характер общения с народом. В этой связи можно сказать,что и "живой эфир" вновь находит свое достойное место в нашем вещании.

Рассматривая эстетическую природу ТВ на новом витке развития, на новом, сегодняшнем социально-психологическом уровне восприятия, приходим к мысли о необходимости выведения информации в художественно-образный ряд, чтобы "показать растерявшемуся от изобилия информации человеку ценность и беспредельность человеческого "Я"[1].

Несомненна значимость для аудитории говорящего человека во всей совокупности его особенностей: и содержание того, что он говорит, и его внешность, и манера донесения мысли, и особенность его личности как таковой.

Воздействие устного слова намного усиливает зрительный образ, создаваемый личностью человека, говорящего с экрана. Осознание

---

1 Неизвестный Б. ТК, № 6, 1989, с.71.

этого, осознание сути персонификации – одна из причин того, что так сильно выросло за последнее время значение человека в кадре.

"Живое высказывание..., мысленно возникшее в определенный исторический момент в социально определенной среде, не может не задеть тысячи живых диалогических нитей... не может не стать активным участником социального диалога..."[1].

Таким уроком высшей духовности, нравственности было, в частности, общение в эфире с А.Сахаровым, тем уровнем "чувства правды", истины, который был задан аудитории в его выступлениях на Съезде народных депутатов СССР.

Очевидно, что вопрос о личности на телеэкране – вопрос первостепенный для функционирования и развития ТР. Проблема личности на ТР – это проблема влияния на зрителя особой документально-образной системы телевизионного воздействия.

Расширение сферы влияния эстетического критерия в информации прочнейшим образом связано с понятием персонификации.

Говоря о роли личности на ТР, мы считаем возможным рассматривать сферу не только информационно-публицистического вещания на АТ, но и художественно-публицистического. Правомерность такого подхода объясняется, на наш взгляд, единой тенденцией (как в чисто информационных, так и в художественных программах) на АТ: недостаточное осознание необходимости личностного подхода в ведении телепрограмм.

Телевидение – редкостный индикатор, определяющий нравственный, интеллектуальный, профессиональный уровень выступающих в эфире. В беспощадности эфира – одна из его прерогатив.

Рассматривая проблемы персонификации, мы считаем возможным попытаться расширить традиционную точку зрения и проанализировать телепрограммы по характеру их ведения, рассматривая наиболее распространенные стереотипы ведения телепередач.

На АТ существуют циклы как информационно-публицистические, так и художественно-публицистические, в которых ведущий – программный диктор.

Тот факт, что в данном случае программный диктор переступает границу своей типажности, обезличивает слово, снижает "заряд эстетического воздействия"[2].

---

1 Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: "Худож.лит.",– 1975, с.86.

2 Филиппьев Ю. Сигналы эстетической информации. –М.:Наука,1972,с.5.

Отсутствие компетентности ведущего - в данном случае диктора, приводит к псевдоосмыслению факта и события, невозможности создания подлинно авторской программы. У зрителя невольно возникает установка на одномерность в постижении темы, и, что не менее существенно, недоверие к информации в целом, ибо "источник" сообщения не вызывает доверия

Такого рода "персонифицированные" программы часто отличают и типовые, клишированные вопросы в интервью, и зритель соответственно получает поверхностную информацию.

Обычно эти передачи отмечены весьма примитивным, стандартным пластическим решением. Они объединены общим "подходом": их сближает полное отсутствие драматургии, образного постижения действительности, сопряжения с жизнью, с ее многогранностью.

А ведь главным требованием эффективности телевизионного воздействия является такое выступление в кадре, когда выступающий не сообщает, а осмысляет. И именно этот анализ является одной из предпосылок возникновения образности.

В этом смысле мы отмечаем достижения таких программ АТ, как "15 дней", "Диалог", "Наш язык, наша речь". Компетентность ведущих, их индивидуальность (В.Мурадяна, Р.Мависакаляна и др.) делает программы интересными, действенными, включая зрителей в активное сотворчество.

Телевидение - "наивысшая форма общения, поскольку здесь оно происходит "вглубь", с вовлечением глубинных пластов личности"[1]. В этой связи опасение вызывает и лжеперсонификация. Речь идет не только о дикторе, но и о таком чтении, при котором журналист изображает "свободный полет мысли". Недопустимость такого чтения (будь то сообщение ТАСС или редакторский текст) относится к неоспоримым эстетическим просчетам ТВ, ибо ничто так не противопоказано телеобщению, как ложность чувств.

"Наверное, - с сожалением отмечает В.Молчанов, - мы становимся очень похожими друг на друга, безликими, потому что все время вынуждены в эфире читать вслух наш бездарный официоз. Мне было бы куда легче, - продолжает В.Молчанов, - вести один только международный блок во "Времени", нежели выглядеть глупцом, кото-

---

1 Платонов К. Личность как объект социальной психологии. В кн.: "Методологические проблемы социальной психологии. - М.: 1975, с.7.

рый говорит о том, что происходит в стране, не имея ни малейшего <u>собственного</u> понятия об этом"[1]. Так появляются в эфире псевдоперсонифицированные программы, где комментатор-марионетка обречен на иллюстрацию чужих мыслей, чужого интеллекта. Однако еще раз подчеркнем: подлинная персонификация необычайно важна для установления действительного доверия между человеком с экрана и зрителем. В этой связи необходимы и подлинная личность на экране, и осознание разных перспективных и неперспективных моделей программ.

Различный уровень персонификации определил и наличие стереотипов ведения телепрограмм , характерных для АТ.

Классифицируя модели программ по характеру их ведения, мы выделяем следующие:

I. Модель с "мнимой" персонификацией:

1. В роли комментатора - программный диктор (как в информационных, так и в художественно-публицистических программах).

2. В роли комментатора - специалист (журналист),читающий не свой текст.

Модель реализуется в виде:

- комментатор в кадре;
- комментатор за кадром.

Характерные особенности данной структуры:

- низкий уровень осмысления проблемы (псевдоосмысление темы);
- стереотипное пластическое решение;
- низкий эстетический потенциал (отсутствие подлинного "общения", разрушение контакта с аудиторией).

Считаем, что данная телевизионная структура не только не перспективна, не только требует кардинальных корректив, но вообще не приемлема для ТВ.

II. Авторская структура, устремленная к подлинной персонификации.

- В роли комментатора - специалист.

Модель реализуется в виде:

- автор в кадре;
- автор за кадром.

Данная модель наиболее перспективна. Однако подлинная ее "реализация" предполагает:

- глубокое авторское осмысление факта, события, явления;

---

1 Лит. газета. Альтернативное ТВ. Да или нет? 30.05.90. № 22, с.9.

– четко выверенный строй программы, ее профессиональное пластическое воплощение.

Воздействие "экранного документа" на все сферы сознания и деятельности человека, формирование у аудитории определенных культурных, нравственных, идеологических установок требует от создателей программ подлинного профессионализма, четких критериев оценки своей деятельности.

Стереотипная программа, лишенная самобытности, включенности в национальную эстетику, нравственность, без своего понимания сути красоты мира, порождает естественный регресс национальной культуры (и ТВ – как ее неотъемлемой части), интеллектуальную и идеологическую примитивность.

Подводя итоги исследования сущностных для ТВ факторов органического взаимодействия слова и изображения и взаимосвязанной с этими понятиями проблемы персонификации, приходим к следующему:

1. Политизация вещания, закономерно обусловленная общественной ситуацией, породила структурное сходство многих программ – тотальную вербализацию эфира.

2. Культ слова предопределил низкий уровень пластических решений, которые в свою очередь оказывают влияние на уровень смысловой емкости программ, приводят к разрушению связи между звуком и изображением, влияют на эффективность воздействия вещания.

3. Стереотипная модель программ значительно снижает эстетический потенциал передачи, влияя на восприятие сути информации, то есть низкий уровень телеосмысления ослабляет действенность, эффективность, значимость произведений документальных программ.

4. Телеосмысление факта и события взаимосвязано с уровнем персонификации. Гармония слова и изображения, пронизанная "токами души" автора, стремление к подлинной персонификации порождает модели программ, "работающие" в современной коммуникативной ситуации, обладающие высоким эстетическим и нравственным зарядом.

5. Компилятивность программ АТ по отношению к ЦТ на уровне формы, тем и рубрик нивелирует самобытность, обезличивает изображаемую действительность.

<u>Глава вторая – "Синтез документального и художественного"</u>.

Основная идея этой главы: создание сугубо телевизионных форм вещания, рождающих <u>новое качество эмоционального воздействия</u> и, соответственно, <u>качественно иной уровень эстетического восприятия</u>, представляется сегодня весьма актуальным, ибо это один из очевид-

ных путей повышения эффективности телепрограмм

Какой в таком случае представляется эта подлинно телевизионная форма?

В поисках наиболее ярких форм осмысления действительности телевидение, - в лучших своих программах, - активно пользуется разными системами художественного мышления, многими художественно-выразительными средствами синтезируя их, находя свой особый язык.

Взаимопроникновение разных систем художественного мышления, эстетический контакт игрового и документального рождает на телевидении самобытные по форме экранные произведения.

Так что же такое синтез? Может, это - разрушение законов композиции? Или обретение?

Для современного ТВ это - органичное использование всех его возможностей, создание полифонической формы, причастной к смыслу, сути телевидения как искусства. Сути, способной вобрать в едином интуитивном порыве и сознательном синтезе и поэтическое слово, и музыку, и творения живописцев и зодчих, реалии действительности и искусства.

Говоря о включении художественных элементов, мы имеем в виду не только постановочные моменты, но и всю систему художественно-выразительных средств. Возникшая на этой почве особая система образности несет в себе и иную, большую степень убедительности, становясь безусловным "источником углубления художественного пространства"[1].

Сочетание разных систем художественного мышления в едином художественном замысле вносит в телепроизведения новые качества эмоционального и содержательного уровня, новую структуру образности, иной уровень эстетического синтеза. То, к чему, в частности, стремилось в своих творениях один из интереснейших художников современности, говоря: "Синтез - не эклектика, где собрано все волей случая, синтез в искусстве - это организм, где каждая часть выполняет принадлежащую ей функцию, а в целом части составляют эстетическое единство, и чем сложнее внутренняя жизнь произведения, тем больший круг явлений вбирает оно в себя, чем символичнее переживание, тем больше частей, больше разнообразия. Но это разнообразие объединено первоэнергией замысла"[2].

1 Разлогов К. Искусство экрана: проблемы выразительности. -М.: Иск., 1982, с.133.

2 Неизвестный Э. О синтезе в искусстве.// Искусство кино. - 1969,- № 6. - с.64.

Для художественных программ включение документальной стихии (если речь идет об органике их взаимодействия) – путь к большей достоверности, убедительности, открывающей новое в зрительском восприятии.

Чувство формы определяет художественные вкусы зрителей, создавая определенный уровень восприятия, эстетические, нравственные критерии сегодняшней аудитории. И этот бездуховный "диктат" телевидения в противовес себе требует создания телеискусства самого высокого эстетического качества, реализации всех потенций телевидения во имя создания действительно духовных ценностей. Сегодняшняя же художественная ситуация скорее выражается в "разомкнутости" основных телевизионных структур, их коллажности. (На АТ это и "15 дней", и "Навасард", и "Отражение", и "Зеркало", и "Панорама", и ряд програми ЦТ). Однако, как нам кажется, это чуждо эстетическому восприятию современного человека, требующему художественного, поэтического постижения реальности жизни. Это вовсе не означает исключения "коллажности" на ТВ. Может быть, для каких-то тем и циклов она органична. Однако строить все программы ТВ по однотипному принципу – это означает обеднять палитру ТВ, лишить его возможности вступать в развитие культуры, искусства во всем доступном для него могучем объеме.

Сегодня налицо момент "привыкания", усталости от тотального заполнения эфира "информационно-публицистическими", "разговорными" структурами.

Еще на заре возникновения телевидения английский телережиссер Дон Тэйлор выступал против создания на ТВ ТОЛЬКО "визуального отчета о нынешней эпохе", постепенно превращающего ТВ в "быстротекущий, эфемерный вид искусства". (Разумеется, и мы говорили об этом, возникают моменты в общественно-политической ситуации, когда закономерно ослабление интереса к форме. Но, с другой стороны, есть опасения, что эта одномерность в подаче материала уведет ТВ от его подлинной природы).

"Что говорит больше о середине ХУП столетия, – пишет Дон Тэйлор, – "Меркуриус Прагматикус", сообщавшая о событиях того времени, или поэзия Милтона и Марвела, которая позволяет представить себе внутренние конфликты эпохи?"[1].

Рождение развитых полифонических форм, органика взаимодей-

---

1 Дон Тэйлор. На уровне эпохи Горбодука// Телевидение и радио. Вып. I. – М., – 1967, с.196.

ствия драматической структуры и достойного ее пластического эквивалента предполагает использование всей системы художественно-выразительных средств экрана.

Именно звукозрительный синтез - основополагающий принцип организации материала на телевидении. Каждый кадр не просто "слышится" и "видится", но и ощущается в нерасчлененном звукозрительном единстве.

Результатом этого эстетического постижения реальности становится органическое взаимопроникновение музыки, словесного комментария, изобразительных эквивалентов, создания многослойных по своей семантике произведений художественно-публицистической структуры. Этот художественный синтез расширяет границы восприятия, границы самобытности, границы эмоционально-психологической сути телевизионной формы.

Практика телевидения накопила большой арсенал приемов образного использования таких существенных пластических средств, как свет, цвет и колорит. Нам представляется, что эти средства пока чрезвычайно слабо используются на ТВ (и на АТ, в частности). Однако в данной области лежат глубокие возможности для развития эффективности телепроизведений.

Принципы колористического решения телевизионных программ, передач, отдельных сюжетов могут быть самыми разными в силу разности поставленных задач. Но всегда они должны быть подчинены драматургии образной системы произведения. Ведь при всей своей относительности звучание цвета и колорита, как и любого другого средства художественной выразительности, определяется в конечном счете драматургическим контекстом звукозрительного замысла.

Рассматривая потенции образности, которые несет в себе система художественно-выразительных средств экранного искусства, нельзя, как нам кажется, обойти столь действенный элемент образности, как фотография.

Тем не менее, пока, как Центральное телевидения, так и АТ излишне робко, и не всегда органично, пользуются фотографией (речь идет прежде всего о передачах).

В работе мы затронули и некоторые творческие проблемы, связанные с освоением такого мощного выразительного средства, как музыка.

Синтез звука и изображения - основной доминирующий фактор в телевизионных структурах.

Однако, следует отметить, что чаще всего этот синтез подменяется откровенной музыкальной иллюстрацией. Основной недостаток художественного, художественно-публицистического вещания - желание указать аудитории на драматичность ситуации, в "иллюстративности" музыкальной темы опередить субъективную эмоциональную реакцию аудитории, не дать возможности непосредственного сопереживания.

В связи с вышеизложенным встает и постоянно дискуссионный, "открытый" вопрос - о показе музыки на телевидении. Многие специалисты, да и ведущие музыканты, выносят весьма безжалостный приговор. Так, Т.Адорно, западно-германский философ, считает, что возвышенное музыкальное искусство чуждается всего зримого[1]. Приведенное мнение, на наш взгляд, очень ценно, но по отношению к лучшим произведениям телеискусства не совсем справедливо. Существующие на сегодняшний день примеры экранной интерпретации говорят о силе их воздействия на зрителя, расширении границ эмоционального сопереживания. "Нужно уметь ухватить движение данного куска музыки, и нужно взять след этого движения... за основу той пластической композиции, которая должна соответствовать данной музыке"[2].

Так, попытка передать эмоции, вызываемые музыкой, пластически "ухватить движение" музыки лежит в основе драматургии концерта "Посвящение наставникам" (реж. А.Аветисян). Сильные эмоции, острая, яркая драматургия произведения, исполняемая молодым композитором Давидом Азаряном, требовала соответствующий изобразительный потенциал, образ адекватный интонационному строю музыки, музыки, глубоко прочувствованной автором, пронизанной национальным колоритом, органично и тонко выраженной в ритмике произведения.

Во II главе рассматриваются конкретные примеры. Среди них и те, в которых обобщается скромный опыт автора исследования.

Мы приходим к выводу, что синтез музыки, видеоряда, всей системы художественно-выразительных средств служат нескольким задачам: информационной (знакомство с музыкальным произведением),аналитической (попытка постичь суть исполнительского творчества),сугубо художественной (создание визуального образа музыки, характе-

---

1 Музыка и телевидение. Вып.I, М., 1976, с.70.

2 Эйзенштейн С. Избр.произв. в 6-ти томах. М.: Иск., т.2, 1964, с.276.

ра музыканта). Последнюю задачу можно считать главной во многих произведениях. Ее можно сформулировать и как попытку философского осмысления творчества.

Положим, в передаче "Дирижер" (реж. А.Аветисян) мир художника, мир его творчества предстает как "идеальное" воплощение творчества в органично мотивированном изоряде процесса работы над партитурой. Воспроизведение исполнения оркестром произведения - размышление о смысле творчества, смысле искусства. Взаимопроникновение музыки, словесного комментария, изобразительных эквивалентов рождает интересное, многослойное по своей семантике произведение художественно-публицистической структуры. Такое внутрикадровое использование возможностей музыки расширяет границы восприятия, границы эмоциональной психологической сути предполагаемого жанра.

Конечно, в диссертации проанализирована лишь часть творческих проблем, связанных с органичным освоением художественно-выразительных средств на ТВ: музыки, освещения, цвета, колорита, стоп-кадра, фотографии. Практика ТВ накопила большой арсенал приемов образного использования этих мощных выразительных средств, органичного включения их в различные жанровые структуры. Но на сегодняшний день, еще раз повторяем, используется лишь малая часть из этого арсенала. Это приводит к стандартизации как отдельных программ, так и вещания в целом. Внимание к форме телепроизведения - один из важнейших путей повышения эффективности ТВ.

Нельзя не учитывать и тот момент, что любая форма в искусстве, любой принцип композиционного построения обусловливается в какой-то мере и мировосприятием автора, его генетической связью со своей культурой, этносом. "Каждый народ, - считает болгарский искусствовед Г.Гачев, - видит для всех бытие (инвариант) в особом повороте, варианте, который определяется его природой, языком, этносом, культурой (материальной и духовной), историей. Национальный образ мира проглядывает во всем..."[I] (подчеркнуто - И.Б.).

"Национальный образ мира" высвечивает любое истинное произведение. И это преломление, эта сопричастность национальному определили всю глубину эстетического постижения действительности у С.Параджанова и А.Пелешяна.

Так, генетическое мироощущение боли, связанной с историей

I Гачев Г. Гроздь и гранат. //Литературная Грузия. - 1979. - № 7. с.19.

Армении, предопределило, на наш взгляд, трагедийность ритма в работах А.Пелешяна. И, может быть, именно этот своего рода "этноцентризм" является доминантой в художественном синтезе, определяя выбор всей системы художественно-выразительных средств.

Особенность мировосприятия армянского народа - единство "крайнего аскетизма, однотипности и простоты с усложненной виртуозностью, доходящей до барочной яркости. Вспомним ли мы наиболее яркий образец армянской художественной культуры - хачкар, или христианский храм, стихи Нарекаци или музыку Комитаса - везде перед нами одна и та же уникальная структура..."[I].

В данном случае, говоря о форме, мы имеем в виду адекватное отражение в ней мироощущения народа, национальный архетип его образного мышления. И именно этот путь - путь к подлинной самобытности.

Динамичное сосуществование в единой синтетической композиции различных видов искусств рождает масштабность как творческого характера, так и всей системы художественного мышления, приводит к творческой свободе в освоении реальности. На наш взгляд, именно такая многослойная структура способна передать "стилистику" нашего времени, мироощущение человека в хаосе и дисгармонии настоящего.

Композиционный симфонизм - структура с качественно отличной драматургией синтеза, - способен развернуть весь потенциал "чужих" видов искусств, за счет которых он существует. Синтез художественно-выразительных структур, - подлинно авторская, поэтическая форма. Лишь в ней возможно полное сопереживание, выход к общечеловеческим ценностям.

Для этого, как нам кажется, необходимо искать,искать новые пути художественного освоения действительности, слияния всех возможностей искусства в органичное целое.

В Заключении сделаны выводы по работе. Еще раз подчеркнем, что анализ практики Армянского телевидения, разбор основных циклов республиканского вещания, как информационно-публицистических, так и художественно-публицистических, выявил существенный недостаток современного национального вещания - постепенное снижение уров

I Закоян Г. Национальная функция кино.// Проблемы кино и телевидения, АН Арм.ССР, № 2, Ереван, 1984.

ня национального своеобразия, самобытности, критерия художественности. Структурное, композиционное сходство многих передач приводит, можно сказать, к тотальной вербализации эфира. Слово довлеет над изобразительным рядом, разрушая эмоциональное восприятие реальности, само понятие телезрелища, снижая эффективность программ.

Наши критические замечания вовсе не означают, что информационно-публицистические и художественно-документальные программы АТ не несут положительного заряда: в них затрагиваются острые болевые социальные проблемы, ставятся вопросы жизненно значимые, разрабатываются темы принципиально важные для жителей республики. Речь идет лишь о необходимости повышения эффективности ТВ программ.

Полагаем, что приведенные нами в определенной системе основные циклы АТ, представленные модели дают наглядное представление о том, где необходимы и возможны серьезные корректировки в телевизионном вещании.

Мощный резерв повышения действенности программ - точное использование всей системы художественно-выразительных средств, в частности, тех структур, которые описаны в диссертации.

Мы полагаем, что предпринятое нами исследование будет в дальнейшем развито и применимо к творчеству других телестудий. Надеемся, что диссертация, ее тема, действительно своевременна, она призвана привлечь внимание к проблеме,часто уходящей из поля зрения, органике взаимодействия всех структур ТВ как фактору повышения эффективности, как неисчерпаемому источнику совершенствования программ.

Анализ показывает, что игнорирование такого важнейшего фактора, как форма телепроизведения, способно резко обеднить палитру всех возможностей ТВ в целом и привести к снижению популярности программ. Сейчас советское телевидение стоит на пороге нового витка развития. Поэтому крайне важно, по мнению автора, оценить и осознать все обретения и находки прошлого и современного опыта, и, руководствуясь объективными критериями, браться за перестройку вещания.

Современные тенденции развития телевидения со всей очевидностью диктуют необходимость развития регионального вещания, как вещания самобытного, а это возможно лишь осознав все эстетические, природные возможности ТВ.

Автор диссертации считает, что решение серьезнейших современных проблем развития ТВ (в частности, рассмотренных в данной работе) возможно при высоком уровне профессионального мастерства журналистов и режиссеров. Долгие годы стандартизация многих программ, можно сказать, выхолащивала труд режиссера ТВ, прежде всего в информационном, документальном вещании, и, как следствие,- значительная примитивизация изобразительного решения множества программ, общая низкая культура режиссуры (разумеется, речь идет о тенденции, а не об исключениях, которые, конечно же, есть). Сказанное относится не только к АТ, но и ко всей системе нашего ТВ в целом. Совершенствование художественного уровня программ (что впрямую связано с общим уровнем программ в целом) требует подготовки и переподготовки кадров.

Некоторые более конкретные выводы и рекомендации сформулированы автором в конце каждой главы работы.

Ретроспективный взгляд практиков (журналистов, режиссеров, руководителей АТ) дан в *Приложении № I* в форме интервью (с последующими комментариями автора). Оценка 33-летнего опыта развития *национального* ТВ, во всяком случае некоторых аспектов его развития, имеет не только исторический смысл, но может быть полезна для ориентации в сегодняшнем ТВ.

Приложение № 2 состоит из таблиц, которые наглядно показывают индекс популярности ведущих циклов АТ последних лет.

Один из выводов, к которому мы приходим, анализируя таблицы рейтинга популярности программ АТ: нередко популярность программ связана не с высоким содержательным и художественным уровнем, а просто с потребностью аудитории в информации. Ибо информационные программы, как правило, находятся во внеконкурентных условиях. А между тем постоянные просмотры аудиторией несовершенных программ с точки зрения эстетической и содержательной ведут (о чем говорится в работе) к утрате эстетического вкуса, снижению уровня общекультурных норм.

<u>Основное содержание диссертации изложено автором в следующих работах</u>:

I. Роль документального телевидения в обучении русскому языку иностранцев // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. - М.: Русский язык. 1990. - т.2. - 0,75 п.л. /МАПРЯЛ/

2. Поиски контакта со зрителем (синтез документального и художественного как фактор эффективности телепрограмм). // Вестник ВИПКа. Изд. Гостелерадио СССР. - М. - 1990 - № 3. - 1 п.л.

3. Искусство подобное храму... // Телевидение и радиовещание. - М. - 1990. - № 11 - 0,5 п.л.

4. Грядущее на все изменит взгляд (Из опыта АТ) // Журналист. Изд. ЕГУ. Сб.научных трудов. - 1990. - Ереван - 0,5 п.л. (в печати).

5. Синтез художественно-выразительных структур.// Журналист. Изд. ЕГУ. Сб.научных трудов. - 1990. - Ереван. - 1.П.Л. (в печати).

ЕРЕВАНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МАРГАРЯН РЕБЕКА АЙКАРАМОВНА

УДК 491.981-3

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Специальность: 10.02.02 - Языки народов СССР
(армянский язык)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ереван - 1990

Работа выполнена на кафедре армянского языка Ереванского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор СУКИАСЯН А.М.

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор АМАЛЯН Г.М.

доктор филологических наук БАДИКЯН Х.

Ведущая организация – отдел лексикографии Института языка Академии наук Армении.

Защита состоится "19" декабря 1990 г. в 14 час. на заседании специализированного совета Д 055.01.02 Ереванского государственного университета по адресу: 375049, Ереван, ул.Мравяна, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ЕГУ

Автореферат разослан "19" ноября 1990 г.

Ученый секретарь
специализированного совета ХАЧАТРЯН П.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из важных разделов языкознания была и остается лексикография. На современном этапе развития языка особую роль и значимость приобретают толковые словари, отсюда и необходимость изучения принципов и методов составления армянских толковых словарей советского периода.

В диссертации представляются и рассматриваются как теоретические, так и практические задачи составления толковых словарей современного армянского языка.

На основе изучения трех армянских толковых словарей, изданных за годы советской власти, многосторонне анализируются принципы охвата в толковом словаре лексики, вопросы смысловой классификации слов, способы толкования значений, образцы стилистических и грамматических характеристик слов.

В работе исследуются следующие словари:

I. Степанос Малхасянц, Армянский толковый словарь, Ереван, 1944-45 гг., т.I-4.

2. Авторский коллектив Института языка им. Р.Ачаряна АН Арм.ССР, Толковый словарь современного армянского языка, Ереван, 1969-80 гг., т.I-4.

3. Э.Агаян, Толковый словарь армянского языка, Ереван, 1976.

Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые проводится глубокий и обстоятельный анализ всех толковых словарей современного армянского языка.

Теория лексикографии сравнительно молодая наука, потому критический анализ словарных принципов и методов будет способствовать дальнейшему совершенствованию лексикографической работы.

Цели и задачи работы - изучить лексику армянских толковых словарей, методы семантической классификации слов, интерпретации словарных значений, характер приводимых иллюстраций, вопросы, касающиеся стилистических и грамматических помет.

Теоретическое значение диссертации заключается в общем рассмотрении метода составления толковых словарей армянского советского периода: подбор словника, классификация и толкование значений слова, грамматические и стилистические формы, принципы использования текстуальных примеров для иллюстрации и подтверждения значений слов.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые произведен разносторонний анализ армянских толковых словарей советского периода.

Практическое применение могут найти ряд представленных и освещенных в диссертации вопросов: охват и классификация лексики, методы различения и объяснения значений слов, система грамматических и стилистических помет в толковых словарях национального языка, подбор подтверждающих словарное значение примеров и т.д. Результаты работы могут стать материалом специального курса для студентов-языковедов филологического факультета.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре армянского языка Ереванского государственного университета.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, краткого очерка, трех глав и списка использованной литературы. В конце каждой главы дается краткое обобщение. Общий объем диссертации - I24 машинописных страниц. К работе прилагается полный список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении представляются предмет и задачи исследования, обосновывается актуальность темы, теоретическое и практическое назначение, определяются его цели.

В кратком очерке дается сжатая история создания армянских печатных толковых словарей начиная с I8-го века до наших дней.

Первая глава - "Лексика толковых словарей".

Здесь многосторонне рассматривается лексический состав толковых словарей армянского языка советского периода.

При подготовке к составлению любого словаря прежде всего ставится вопрос охвата словарного состава языка. По какому принципу составляется словник словаря, то есть определяется, какие слова и на какой основе должны войти в словарь, какие слова не входят в данный словарь? Принципы охвата слов в словнике зависят от характера словаря, от того, каким целям он должен служить, для чего предназначается и кто может им пользоваться.

В толковые словари современного армянского языка включен весь запас слов, принадлежащий к активному слою армянского языка, однако с некоторыми различиями. По сравнению со словарями Академии и Э.Агаяна в "Армянском толковом словаре" С.Малхасянца (сокращенно - АТС) словарный состав современного армянского

редставлен не полностью. Это имеет свою причину. Существуют ва метода составления словника толкового словаря: составитель ловаря должен собирать слова, прорабатывая всю современную литературу, или использовать словарную продукцию всех уже имеющихся словарей.

Первый путь был неосуществим для одного человека, и Малхасянц повел свою работу по второму направлению. Однако имеющиеся его распоряжении словари содержали в основном лексику грабара диалектов. Заимствовав словники этих словарей, С.Малхасянц оставляет каркас своего труда и дополняет его новыми словами з различных двуязычных словарей, таким образом доводит число хваченных в своем словаре слов до 120 тысяч. Основными источниками словаря С.Малхасянца был Армянский старинный, Армянский овый, Общедоступный словари, словари Г.Пештмалчяна и С.Габамаяна, которые представляют главным образом словарную продукцию рабара, а для диалектных слов материалом послужили словари ..Аматуни и Р.Ачаряна. Слова среднеармянского и нового литературного языка почерпнуты из двуязычных словарей более позднего ериода. Взятую из словарей лексику современного армянского зыка Малхасянц постарался частично пополнить из других первоисочников. Благодаря полным и дополняющим друг друга словарям рабара, а также довольно богатым диалектным словарям соответтвующий раздел словника четырехтомного словаря С.Малхасянца редставляет его наиболее полную и хорошо обработанную часть. ругая важная часть, представляющая словарный состав литературого среднеармянского и современного армянского, неполноценна. ричиной тому являются избранные Малхасянцем лексикографические сточники, поскольку сам он собрал мало слов, а в основном взял о, что уже было в словарях. И, во-вторых, Малхасянц поставил еред собой задачу создать толковый словарь не современного, а ообще армянского языка.

"Толковый словарь современного армянского языка" Института зыка имени Р.Ачаряна (*сокращенно* - СТС) содержит *более* 125 тысяч лов и 10 тысяч фразеологических единиц современного литературого армянского языка. Авторы словаря поставили перед собой задачу представить только запас слов современного литературного рмянского языка от Х.Абовяна до наших дней. Словник главным бразом составлен на основании богатого фактического материала, редоставляемого армянскими одноязычными и переводными словаря-

ми, в частности четырехтомником С.Малхасянца, составленного Институтом языка конкорданса и выборочной картотеки армянской художественной литературы и печати. В словаре большое число составляют те слова, которые вошли в словарный фонд армянского языка в последние десятилетия и отражают реалии нашей общественной жизни, нынешнее состояние науки, техники, промышленности, быта и других ее сфер. Прежде всего он содержит много тысяч слов, которые не нашли место ни в одном из предыдущих словарей. Так, например, в СТС от զեռ до զեռընկեց представлено 75 слов, а в АТС – 53 слова, причем в СТС есть 35 новых слов, которых нет в АТС. В СТС под буквой   предложено 665 слов, а в АТС – 437. Следует отметить, что с корнем ռադիո в СТС есть 85 сложных слов, а в АТС – 23.

В словаре нашли место множество новых слов, которые не зафиксированы ни в одном из прежних словарей, и, впервые отраженные здесь, они, естественно, впервые толкуются.

"Толковый словарь современного армянского языка" (сокращенно – ТСС) Э.Агаяна содержит около 136 тысяч слов и 11 тысяч фразеологических единиц. Словарь в основном охватывает активный словарный запас современного армянского литературного языка. Намереваясь создать словарь не вообще армянского языка, а нового литературного армянского языка, автор не перегружает его грабаровскими и среднеармянскими формами, устарелыми, архаичными, вышедшими из обращения, а также встречающимися только в диалектах словами. Вместо них в словник включены многочисленные новые слова, употребляемые на современном этапе развития языка.

В толковых словарях есть слова, которые вышли из употребления или представляют собой неологизмы, новые образования и не применяются в обычной речевой ситуации. Эти слова могут принадлежать и к активному слою. С течением времени выйдя из употребления, они, однако, сохраняются в общей сокровищнице словарного фонда и могут применяться в соответствующей речевой ситуации.

Такие слова в свою очередь делятся на следующие группы:

а) <u>Устаревшие слова</u>.

Устаревшими считаются все те слова, которые были употребительны в нашем литературном языке на разных этапах его истории и сейчас или совсем не употребляются, или употребляются по необходимости в стилеобразующих целях. Такого типа слова есть

во всех трех словарях. В словаре С.Малхасянца они выделяются знаком ⊙ , который означает архаичное или устаревшое слово или смысл. Так: ⊙Ակմբել (АТС), Ամբոխել (уст) (СТС); Գեղախոս 2 (уст) (ТСС).

б) Архаичные слова

Это слова и словарные формы, которые заимствуются из грабара и среднеармянского, обслуживая творческую речь, и не переходят в активный слой, а также многочисленные грабаровские слова, которые имеют значение историко-научных терминов и по необходимости применяются в литературоведческой, исторической и иного рода литературе. Например, ⊙Աշտե (АТС), ⊙Թաշխուրան (АТС), Սենեկապան (ист.) (СТС), Աստան/ա/ (ист.) (ТСС).

в) Редко употребляемые слова

В пассивной лексике выделяются слова, которке в языке имеют редкое употребление.

Во всех трех обсуждаемых словарях есть довольно много редко употребляемых слов, например: Արձանագեղ (ред.) (ТСС), գինարբուք (ред.) (СТС).

В словаре С.Малхасянца редко применяемые слова помечаются знаком ✱ , например: ✱Համաձանձիր , ✱ Հանգերձանքաց и т.д.

г) Народно-разговорные и диалектные слова

I. Часть народно-разговорных слов уже отвергнута литературным языком, другая – употребляется в литературном языке для придания речи определенного оттенка.

В рассматриваемых словарях народно-разговорные слова специально обозначаются, или дается их литературный эквивалент, например: Էպիսի , см. Այսպիսի (ТСС); Սուսիկ (нар.) (ТСС); տաշոց (разг.) (ТСС); գժվել (разг.) (СТС).

2. Диалектные слова имеют более узкую сферу употребления. Это слова десятков армянских диалектов. Во всех трех изучаемых словарях есть диалектные слова, так, например: Փոշ (диал.), անց , նշմարվորել и т.д.

д) Новейшие заимствования.

Здесь мы имеем в виду слова, которые заимствуются из других языков и не имеют своих армянских эквивалентов или употребляются параллельно с их армянскими однозначными, например: Ամնիստիա – I.Մոռացումն հանցանքների ... 2. Օրենսդրական ակտ, որով ներումն է շնորհվում (АТС); Ասիմիլյացիա – I. Որևէ ժողովրդի ձուլումը մի այլ ժողովրդի հետ (СТС); Արանժարել –

Ընտրությունների ընտրողների մասսայական խոսափողը (ТСС); Ակցիա-Բաժնեթուղթ (АТС); Ալտրուիզմ — см. Այլասիրություն (СТС); Աբստրակտ- Վերացական (ТСС).

е) <u>Научно-технические термины</u>

В современную эпоху научно-технического прогресса беспрецедентное развитие всех отраслей науки, техники, производства стимулировало громадный рост лексики языков за счет увеличения числа терминов, их обработку и совершенствование. "Армянский толковый словарь" С.Малхасянца не богат терминами. В словарях Института языка и Э.Агаяна терминам отведено большое место.

В нормированном словаре современного литературного языка обычно не должны находить места слова, которые в настоящее время выпали из живой системы литературного языка. Однако, как показывает наше исследование, в названных словарях много таких слов. Эти слова можно подразделить на следующие группы:

а) <u>Узко-диалектные слова</u> (областные), эквиваленты которых есть в литературном языке. Например: Արիկ-աթար, Ազնալ- ուշանալ (АТС); Լավանդ — I. Երես տած, պերճանան, սան-հակ, 2. ծույլ, անբան, թանբալ (СТС); Լեփուկ-թակարդ (СТС).

б) <u>Архаичные и устаревшие слова и значения</u>.

Для толкового словаря литературного языка устаревшими считаются все те слова, которые в какое-то время употреблялись в восточноармянском языке ашхарабар, затем вышли из обихода, заменившись другими словами или словарными формами.

Во всех трех исследуемых словарях содержатся такие слова: ազգահամարել, ափծիկ, լաշկար, ամբարձում:

в) <u>Узко-специальные слова</u>.

ալեգիր, գամ, քուրթակ են:

г) <u>Те новые заимствования</u>, эквиваленты которых есть в языке, и их употребление неприемлемо. Например:

Գեոդեզիա - երկրաչափություն (ТСС)
Լեկտոր- դասախոս (ТСС)
Բիոլոգ- կենսաբան (СТС)

<u>Вторая глава - "Классификация смысла слов и способы их толкований в толковых словарях современного армянского языка"</u>.

В первом разделе изучаются принципы классификации значений слов. Сравнение исследуемых словарей показывает, какие значения слов сохранились, какие вышли из употребления или устарели.

В данной главе дана сравнительная таблица толкований 396 многозначных слов.

Во второй части второй главы представлены способы толкований слов.

а) Описательно-логический способ, когда конкретной формулировкой определяются все смысловые особенности слова.

В толковых словарях в популярной форме даются объяснения научных, технических, специальных и другого рода терминов, их определения и трактовки. Этот способ толкования преимущественно использован в словарях С.Малхасянца и Э.Агаяна.

б) Синонимический способ, когда значение объясняемого слова выясняется посредством синонима. Синонимический способ раскрытия смысла слова играет важную роль в освещаемых словарях. Часто за описательно-логическим объяснением следует синонимическое уточнение, которое делает более понятным, доступным смысл данного слова. Иногда толкование значения слова производится только посредством синонимов. Однако этот способ не во всех случаях оправдывает себя.

Объяснение с помощью синонимов может привести к недоразумению, поскольку в литературных языках не так уж много чистых синонимов. Неточности могут возникнуть и потому, что синоним, который привлекается для раскрытия смысла данного слова, зачастую сам многозначен.

Чтобы более четко представить значение слова, облегчить усвоение его смысла, во многих случаях после объяснения ими синонима в исследуемых толковых словарях приводится также антоним слова.

в) <u>Способ перечисления</u>, когда при толковании класса, семьи, например, животных и растений, перечисляются реалии, которые обозначаются этим словом. Так:

Միջատ- 1. Միջատների դասին պատկանող կենդանի/ ճանճ, մեղու, մրջյուն են//ԱԲԲ/:

г) <u>Способ ссылки</u>, когда при объяснении смысла словарного слова делается ссылка на другое слово, близкое или совпадающее по значению. Целесообразность способа ссылки заключается в том, что он, во-первых, нормирует словарный состав языка и, во-вторых, исключает ненужные повторения, экономит место в словаре, предотвращает излишнее увеличение его объема. Ссылки делаются:

I) Когда существуют <u>фонетические варианты</u> слова

Թոթել, տես Թրթել (ТСС)

Այծյամնան, Տ.Այծեմնան (АТС)

2) Когда наличествуют <u>словарные эквиваленты</u>.

а) К диалектному слову делается ссылка на литературное:

ակռա см. ատամ:

б) Западноармянское слово отсылается к восточноармянскому, например:

Մառնանէուշ, մառնանուշ см. ապղպաղակ (СТС)

Աղվոր, см. գեղեցիկ, սիրուն (АТС).

в) Устаревшие, архаичные, редко употребляемые слова отсылаются к литературным эквивалентам.

г) Слово иностранного происхождения отсылается к армянскому слову.

д) Слово отсылается к варианту, принадлежащему к тому же словообразовательному типу.

Кроме этих признанных способов толкования есть и другие, свойственные тому или иному словарю в отдельности.

Так, в словаре С.Малхасянца по особому принципу подаются также корни армянских слов. Если корень армянского слова уже не осознается, он приводится в скобках. Так, например: Թափուր (корн. Թափ-ել).

При объяснении некоторых терминов Э.Агаян приводит также их русские эквиваленты.

В словаре С.Малхасянца дается также этимология некоторого числа слов. Этимологизируются иностранные слова, используемые как заглавные. Приводится транскрипция заимствованного слова в языке-первоисточнике, если заимствование опосредованно, а также в языке-посреднике.

В данной главе в качестве отдельного раздела выделено исследование охваченных в словарях фразеологизмов. Наряду с классификацией и толкованием значений слов как отдельная часть лексики основной словарной статьей представляются и объясняются и фразеологические единицы. Словарь С.Малхасянца включает около 9 тысяч фразеологизмов. Здесь при объяснении значений как слов, так и фразеологических единиц даются сначала старые (грабаровские) фразеологизмы, потом ашхарабаровские. Под заглавным словом Աչք в АТС приведено 170 фразеологизмов, употребляемых в современном языке со всеми их смысловыми

оттенками. В том же словарном гнезде в словаре Института языка приведено 197, а в словаре Э.Агаяна - 138 фразеологических единиц. В словаре С.Малхасянца большое число составляют крылатые выражения, пословицы, поговорки, благословения. В "Толковом словаре современного армянского языка" охвачено около 10 тысяч фразеологических единиц. Здесь не только приводятся значения и смысловые оттенки каждого фразеологизма, они подкрепляются примерами из художественной литературы.

В словаре Э.Агаяна нашли место II тысяч фразеологических единиц.

В конце раздела приводится сравнительная таблица помещенных под 300 заглавными словами фразеологических единиц в трех исследуемых словарях.

В последней части главы рассматриваются подтверждающие и иллюстрирующие словарные значения примеры. Для словаря чрезвычайно важен подбор примеров, которые берутся из известных источников разных жанров. Примеры (предложения и фразы) составляют ту органическую часть словарной статьи, без которой остается каркас словаря[I]. Характеристика значения слова будет достоверна только в том случае, когда наличествуют подкрепляющие ее цитаты, примеры образцов всех смысловых, стилистических и грамматических форм и оттенков. Цитата - средство стилистической характеристики слова и словосочетания. Удачно подобранная ссылка констатирует стилистический образец, а иногда полностью заменяет его.

В толковых словарях примеры по своему характеру делятся на две группы - текстуальные и авторские.

В изучаемых словарях текстуальные примеры нашли неравномерное применение. Больше всего текстуальных примеров использовано в словаре Академии. Это первый толковый словарь современного армянского языка, где на толкуемые слова даются большей частью текстуальные примеры, довольно много цитат, взятых из печати.

В качестве общедоступного словаря в "Толковом словаре современного армянского языка" Э.Агаяна принципиально не дается примеров. Они приводятся только в том случае, когда чувствуется острая необходимость иллюстрировать значение слова.

В словаре С.Малхасянца довольно мало текстуальных примеров.

Авторские примеры можно разделить на две группы: полные

К.С.Горбачевич. Словарь и цитата. ВЯ, 1978, № 5, с.14-24.

предложения и словосочетания, которые большей частью применяются в АТО.

Третья глава - "Стилистические и грамматические пометы в толковых словарях современного армянского языка". Здесь сначала говорится об употребляемых в толковых словарях стилистических обозначениях.

В толковых словарях большую роль играют как толкования лексического значения слова, так и стилистические пометы. Иногд эти пометы чрезвычайно важны для пользующихся словарем.

Стилистическая характеристика слова - одна из центральных задач толкового словаря.

I) Слова исследуются в исторической перспективе, то есть обозначается старинность, архаичность или современность его употребления в лексическом составе определенного периода времени.

2) В качестве отправной точки принимается эмоционально-выразительная окраска слова.

3) Слова характеризуются в соответствии с их принадлежностью к тому или иному лексическому пласту и 4) по функциональ ному признаку.

В рассматриваемых толковых словарях приняты следующие груп пы стилистических помет:

а) Пометы, которые показывают употребляемость слов. Эта классификация словарного состава опирается на исторический ход развития лексического фонда нашего литературного языка и, как следствие этого, на современное состояние словоупотребления.

Для слов пассивного слоя в словарях обычно применяют следующие пометы.

I) Помета устар. (устаревшее) показывает, что слово грабаровское. Она используется в академическом словаре, например: ախտարք (устар.), ակն (устар.), ադի (устар.).

Эта стилистическая помета широко применяется в словаре Э.Агаяна и обычно сочетается с пометами книжн. и поэт., так, например: ագուռ (устар.), շամփին (устар.книжн.), աղաբողոն (устар.книжн.), անպաճիկատաշան (устар., поэт.) и т.д.

В отличие от этих двух словарей, в словаре С.Малхасянца вместо пометы устар. применяется условный знак .

2) Помета стар. (старинное) показывает, что слово или значение в прошлый период нашего литературного языка имело употре

дение, но выпало из современного языка или редко употребляется в нем. Эта помета нашла широкое применение в академическом словаре, например: ախորժաճաշակ (стар.), ախորժանոց (стар.).

Названная помета довольно часто используется и в словаре Э.Агаяна. Так: ակնակապ (стар.), ադալուր (стар., нар.), աղավաղություն (книжн., стар.).

В словаре С.Малхасянца для этой стилистической характеристики тоже применяется знак .

Пометы нов., нов.ист., неолог. (неологизм) нашли применение в словаре Э.Агаяна.

Помета нов. в словаре показывает, что хотя слово новообразование или нововведение, но уже нашло широкое применение или терминологическое признание. Например: ամերիկանկա (нов.), գրքիկ (нов.). Помета неолог. (неологизм) показывает, что это вновь созданное слово и еще не нашло широкого применения, например: ակնավանանակ (неолог.), ագռավամարդուկ (неолог.), անցագերան (неолог.).

Многие из этих новых слов и неологизмов уже стали обычными употребительными в лексике языка и уже не нуждаются в специальных пометах, перешли в нейтральный пласт, а другая их часть, в свое время признанная неологизмами, со временем вышла из обращения, уступив свое место более жизнестойким словам.

Помета нов.ист. показывает, что слово было употребительным в 20-30-е годы советского периода и сейчас вышло из употребления, по крайней мере, из сферы активной лексики, например: նեպման, ագիտպրոպ, ագիտպրոպբաժին են:

б) Функциональные пометы показывают принадлежность термина к той или иной области науки, техники, к тому или иному занятию. В освещаемых словарях в основном приводятся следующие такого рода пометы: геогрф. - географический, этногр. - этнографический, мед. - медицинский, раст. - растительный, дипл. - дипломатический, церк. - церковный, геомет.- геометрический, муз. - музыкальный, ариф. - арифметический, юрид. - юридический, язык. - языковедческий, зоол. - зоологический, анатом. - анатомический, бухгл. - бухгалтерский, архлг. - археологический, архит. - архитектурный, живп. - живописный, физкл. - физкультурный, воен. - военный, суев. - суеверный, спорт. - спортивный, техн. - технический, эким. - экономический, печ. - печатный, лог. - логический, филсф. - философский, полит. - политический, хим. - хими-

ческий, физ. - физический, фин. - финансовый и т.д.

В "Толковом словаре современного армянского языка" Э.Агаяна после названий языков, многих растений и животных не имеется помет язык., раст., зоол. Не было необходимости давать такие пометы, поскольку в словарном гнезде дается полное толкование данного термина. Некоторые из названий растений получили помету раст. потому, что они используются только в специальной литературе (например, շամամ, սորգո են).

В этом словаре пометы науч. (научный) и спец. (специальный), в отличие от подробных помет по всем отраслям науки, специальностей и занятий, показывают, что слово не является термином одной отдельной науки или специальности, а в целом это научное слово или принадлежит ряду специальностей.

в) Социальные пометы.

Эта группа помет опирается на общественные характеристики употребления слов, то есть определяется, для всех ли членов общества употребительно данное слово или его использование ограничивается какого-либо рода общественными обстоятельствами? В основном по этим принципам в словарях сделаны следующие стилистические пометы:

1) разг. - разговорное.

Эта помета подразумевает разговорный вариант литературного языка (литературный разговорный язык) с его и торжественным, и будничным функционированием, например: ականչախառն, ալարկել, ախմախավարի, ախոռակռիվ и т.д.

2) диал. - диалектное слово, например: ալկլան, ածեր, անբաճի (СТС).

3) обл., т.е. областное слово. В качестве таковой помета использована в словаре Э.Агаяна: աղուրի, ազափ, մինդար (ТСС).

В академическом словаре этой пометы нет. В словаре С.Малхасянца диалектные и областные слова выделяются условным знаком +.

Как правило, в словаре Малхасянца областными названы все те слова, которые не унаследованы от грабара или не имеют образования грабаровского типа. Следствием такого подхода стало то, что к ряду диалектных слов отнесены множество совершенно обычных слов из ашхарабара.

4) нар. - народное.

Слова с пометой нар., принадлежащие к народно-разговорной лексике, отличаются от областных и диалектных слов, широко распространены в массовой разговорной речи, хотя по происхождению могут быть и областными и диалектными.

Эта помета применяется только в словаре Э.Агаяна; ալարկոտ (нар.), ալ-բալ (нар.), ալան-թալան (нар.).

5) жарг. (жаргонное), арг. (арго).

Первая помета указывает, что слово употребляется как жаргонизм, независимо от какого-либо тайного языка, а другие свидетельствуют о принадлежности слова к речи определенной социальной группы (воровской, например).

Следует отметить, что эти пометы использовались только в словарях Э.Агаяна и С.Малхасянца. Например: աթանդա , փայլավոր , կարդաման , հավ и т.д.

6) детск. - слова из детского языка. Эта помета характерна для всех трех исследуемых словарей.

7) прост. (просторечное) и вульг. (вульгарное или ругательное, презрительное, бранное). Такие пометы вместе с шутл. (шутливое), неодобр. (неодобрительное), ирон. (ироническое) показывают соответствующее экспрессивно окрашенное содержание слова или словоформы. Так, например: գադրահաչ (бран.), իշխանիկ , 2 (презр.), ազգուկ (презр.), անտեր , 5 (ругат. близк.), անպատակալ (шутл.), գերդեմոկրատ (ирон.), ազգայինմի (презр.) и т.д.

В освещаемых словарях использованы пометы, указывающие разнообразные эмоционально-выразительные оттенки слова: ласк. (ласкательное), уменьш.-ласк. (уменьшительно-ласкательное) и т.д.

В числе всех перечисленных отдельное место занимает помета запарм. (западноармянское), которое показывает, что слово принадлежит к лексике западноармянской литературной ветви.

г) нормирующие пометы

Эти пометы в основном применены в словаре Э.Агаяна.

I) ошб. - ошибочное слово

սգուցանանել , 2 (ошб.). См. Սգուցավորել: Անիպարան (ошб.).

2) нерекомд. - нерекомендуемое слово, например: ազդով (нерекомд.).

3) мал. - мало употребляемое слово, например: ագահել (мал.).

4) заим. - заимствованное слово, например: բրավադա (заим.).

5) ред. - редко употребляемое слово. Эта помета применялась

в словарях Академии и Э.Агаяна. В словаре С.Малхасянца редко употребляемые слова и значения выделяются знаком .

Все эти пометы касаются не только заглавных слов, но и их отдельных значений.

В словаре С.Малхасянца кроме вышеперечисленных помет использован условный знак .

Во второй части третьей главы говорится о применяемых в толковых словарях грамматических пометах.

В словарях грамматические пометы к слову делятся на две группы:

1) Пометы, дающие сведения о произношении, ударении и правописании слова. Эти грамматические пометы мало применяются в армянских толковых словарях. Так, в словаре Э.Агаяна их вообще нет. В "Толковом словаре современного армянского языка" С.Малхасянца передается произношение некоторых слов, например: ակմբակից /ա-կըմ/ , անզգայուն/ըզ-գայուն/ , անբոյս / ույ / , զկեռ /զըկեռ/ и т.д.

2) Пометы, указывающие на принадлежность слова к той или иной части речи. Во всех трех исследуемых словарях после заглавного слова даются следующие пометы, обозначающие соответствующую часть речи: գ.- существительное, ած. - прилагательное, թ. - числительное, դ. - местоимение, բ. - глагол, մ. - наречие, կ. - связка, շ. - союз, ձ. - междометие, ն. - предлог, եղնկ. - модальное слово.

Различные по написанию в грабаре и современном армянском имена существительные в словаре С.Малхасянца приводятся в обеих формах в качестве заглавного слова в алфавитном порядке и в единственном числе, например: եզն и եզ , первое как устаревшая форма имеет соответствующий условный знак . В таких случаях объяснения и иллюстрирующие примеры приводятся под современной формой, а под устаревшей даются грабаровские формы склонения. Так, դուռ , դռան или դրան , դռնից , դռներ и т.д.

В словаре в грамматических пометах восстанавливаются грабаровские основы ряда слов современного армянского языка (աչք , ձեռք , ոտք). Например: Աչք (աչաց , множ., ед. ակն), աչքի, ձեռք, աչքերի, աչերի:

В этом словаре слова, оканчивающиеся в грабаре на ն и утерявшие этот звук в современном армянском языке, приводятся в обеих формах (ձուկ-ձուկն , գառ-գառն , մուկ-մուկն , տառ-տառն и т.д.).

В изучаемых словарях из причастных форм заглавными словами являются неопределенная форма глагола и субъектное причастие, когда они употребляются в качестве существительного.

В академическом словаре при определении принадлежности слова к той или иной части речи игнорировалась их синтаксическая роль. Вследствие этого некоторые существительные названы и прилагательными, ряд прилагательных одновременно существительными, ряд местоимений превращены в прилагательные, существительные или наречия.

Однако при различении других частей речи учитывалась их синтаксическая роль, а для связок - нет.

В трех исследуемых словарях обращено достаточно серьезное внимание на грамматические формы заглавного слова (склонение, спряжение).

В словаре Малхасянца не всегда указывается форма родительного падежа единственного числа имени существительного. Причина этого в том, что в современном армянском языке значительная часть существительных подчиняется склонению на . Для другой части имен существительных обязательно приводится форма родительного падежа единственного и множественного числа (в скобках дается также грабаровская форма склонения этих существительных).

В словарях не указывается родительный падеж существительных с аффиксом - ՈՒԹյուն . В СТС и АТС дается также родительный падеж отглагольных существительных: Բերում /ս/ , ըման, ըմունք , գրավում/ն/ , վման (АТС); Ապաքինում, -նման, ապուշացում , ցման (СТС).

Те слова, которые в грабаре и современном армянском подчиняются разным склонениям, в словаре Малхасянца приводятся в старой и новой формах - արև/ու/,ի:

В рассматриваемых словарях часто дается, как правило, окончание единственного числа односложного компонента второй части сложного существительного, так: տապակագիրք , գրքի , գրքեր ; խմբագիր , գրի , ներ ; ձեռագիր , գրի , գրեր , գիրներ и т.д.

Приводятся окончания тех имен существительных, которые имеют отклонения от нормы, например: Տղա , տղայի , տղաներ или տղերք , տղեք (АТС); կին , կնոջ , կանայք , կանանց (СТС); տղամարդ , դու , множ.ч. իկ , դկանց (ТСС).

В словарях Академии и С.Малхасянца указывается также форма прошедшего совершенного вида глаголов в первом лице, единственном числе (или во втором лице), например: Առաջարանել,/եց/ ; Արժանանալ , ացայ (АТС); Ազատել , եցի ; Լայնանալ , ացավ (СТС).

В АТС как отдельное заглавное слово приводятся каузативные глаголы, причем сначала дается современная форма, потом устаревшая и после каждой формы прошедший совершенный вид этих глаголов в первом лице единственного числа, после чего – единственное число повелительного наклонения. Так, գեղեցկացնել , ցրի , ցրու ; Գեղեցկացուցանել/ցուցի, ացո/ и т.д.

Во всех трех словарях приводится залог глаголов (նր. – действительный залог, չբ. – средний залог).

В словаре Академии в некоторых случаях неправильна характеристика образований страдательной формы глаголов. Все образования страдательной формы глаголов действительного залога в словаре признаны только страдательными. Между тем все такого рода конструкции (գրվել , դատվել , խորտակվել) одновременно и страдательные, и действительные.

Для обработки подобных словоформ нужно было выбрать одно из двух наклонений или перед всеми этими словоформами дать пометы կրավ. (страдательный залог) и չբ. (действительный залог), а можно было бы в качестве первого значения дать կրավ. , а затем отдельными значениями отметить его употребление и значение в форме действительного наклонения.

В том же словаре нет одинакового подхода к каузативным глаголам. Если таковые в целом характеризуются пометой պատճ. , то в некоторых словарных статьях рассматриваются только как глаголы действительного залога, например: Հնչեցնել , ցրի , նր. ; Ճապաղեցնել , ցրի , նր. и т.д.

Глаголы полностью или частично неправильного спряжения в словарях представляются в отклоняющихся от общего правила формах спряжения. Так, например: գալ/գամ, գայի, գայցեմ, մի գար, մի գայք , գալոց , прош.соверш. եկի , եկիր , եկն , будущ.вр., եկից , եկեսցես , повел.накл. եկ , եկայք , прич. прош.вр. եկեալ , գալիս եմ , էի , կգամ , будущ.вр. գամ , прош.будущ.вր. գայի , запрет. մի գար , մի գաք , прич.будущ.вр. գալու , прош.соверш. եկայ , եկ , եկէք , եկել , եկած (АТС); Կենալ (недостаточный глагол), մնացի , կաց , կացեք ; լինել , եղա , եղիր (СТС).

Լալ, լալիս, լացած, լացել, լացող, լաց: Դառնալ, դարձա, դարձիր, մի դառնա, դարձող, դարձած/ՄԲԲ/ են:

Основные положения диссертации отражены в следующих статьях автора:

1. Классификация значений слова и способы их толкования в толковых словарях современного армянского языка / Вестник Ереванского университета. - Ереван, 1990, - № 1. - С.213-219. (На арм.яз.).

2. Вопрос выбора словарного запаса армянских толковых словарей / Историко-филологический журнал. - Ереван. - 1990. - № 2. - С.202-211. (На арм.яз.).

3. Толковые словари армянского языка советского периода (в печати).

4. Стилистические пометы в современных армянских толковых словарях (в печати).

Сдано в производство 14.10.1990г.
Бум. 60х84 печ. 1 листа
Заказ 219 Тираж 100

Цех Ротапринт Ереванского госуниверситета.
Ереван, ул. Мравяна № 1.

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. М.АБЕГЯНА

На правах рукописи

АМБАРЦУМЯН ДИАНА ГАЙКОВНА

УДК 891.981.092

ШЕЛЛИ В ОЦЕНКЕ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Специальность: 10.01.03 – Литература народов СССР (армянская литература)
10.01.05 – Западноевропейская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических
наук

Ереван – 1990

Работа выполнена в Институте литературы им. М.Абегяна Академии наук Республики Армении.

Научный руководитель – кандидат филологических наук
В.А.Партамян.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
В.А.Киракосян,
кандидат филологических наук
Д.О.Назарян.

Ведущая организация – Ереванский государственный университет.

Защита диссертации состоится "21" декабря 1990 г. в 14.00 час. на заседании специализированного совета Д.005.10.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Институте литературы им. М.Абегяна АН Республики Армении (адрес: 375015, Ереван-15, ул. Кармир Банаки, 15).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института литературы им.М.Абегяна АН Республики Армении.

Автореферат разослан "19" ноября 1990 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат филологических наук А.М.Вартанян

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Цели и задачи исследования. Основной целью диссертационной работы является целостное исследование восприятия армянской литературной и общественной мыслью личности и творчества выдающегося английского поэта-романтика Перси Биши Шелли, включающее в себя анализ и оценку как этого творчества и посвященных ему многочисленных статей и стихотворений, так и переводов его произведений на армянский язык.

В диссертационной работе рассмотрены следующие основные вопросы:

I. Литературно-общественные и историко-политические предпосылки восприятия творчества Шелли в армянской действительности.

2. Обобщение, систематизация и анализ многочисленных и разнохарактерных оценок, высказанных армянской критикой на протяжении столетия (от 90-х годов XIX века по наши дни). Этот период можно условно разделить на два этапа: а) 90-е годы XIX века - 10-е годы XX века и б) с 20-х годов XX века по наши дни. Каждый из этих этапов имеет свои характерные особенности: в первый период восприятие творчества Шелли обусловлено прежде всего национально-освободительной борьбой армянского народа, во второй - возрастанием интереса в армянском обществе к общечеловеческим проблемам - свободы, социальной справедливости, философских, нравственных, эстетических ценностей и т.д.

3. Отношение армян к Шелли, которое проявилось не только в прямых оценках его творчества, но и в многочисленных переводах его произведений.

4. Выявление внутренних и внешних стимулов, обусловивших выбор переводчиками того или иного произведения Шелли.

5. Научное изучение переводов произведений Шелли на армянский язык (посредством сопоставления с оригиналом, сопровождающегося при необходимости анализом их стилистики, метрики, композиционных особенностей и т.д.). Определение художественной ценности и историко-литературного значения переводов, выявление своеобразия творческих принципов переводчиков.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения места Шелли в истории армяно-английских литературных отношений, создания целостного и четкого представления о восприятии его творчества в армянской среде, а также научного анализа и оценки переводов его произведений на армянский язык.

Степень разработанности и научная новизна темы. Оценки, данные Шелли - поэту, философу, эстетику, а также человеку и гражданину, - весьма многочисленны и, за редким исключением, рассеяны на страницах армянской периодической печати, издававшейся в различных частях света. Эти оценки во многом обусловлены литературными и политическими обстоятельствами и нередко своеобразно перекликаются с актуальными проблемами армянской жизни. Армянская критика неоднократно обращалась к творчеству Шелли, однако (за исключением работы В.Партамяна "Прометей нового времени"), данная проблема в целостности и по существу не изучалась. Научная новизна работы заключается в том, что оценки творчества Шелли армянской литературно-общественной мыслью рассматриваются в ней в тесной связи с литературными и политическими обстоятельствами времени. В работе также впервые дается анализ и оценка армянских переводов Шелли.

Практическое значение работы. Материалы и выводы, содержащиеся в диссертационной работе, будут представлять интерес для специалистов, работающих в области армяно-английских литературных связей, теоретиков и практиков художественного перевода, могут быть использованы при чтении лекций в высших учебных заведениях, при подготовке специальных курсов и семинаров для студентов филологических факультетов.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и одобрена на заседании отдела литературных связей Института литературы им.М. Абегяна АН Республики Армении, а также на вузовских кафедрах армянской литературы и зарубежной литературы и теории Ереванского государственного университета. Основные положения работы отражены в ряде статей и докладов, прочитанных на республиканских научных конференциях молодых ученых и аспирантов (1988, 1989, 1990).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав и заключения. К работе приложен список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во "Введении" представлены основные цели и задачи диссертационной работы, ее актуальность и научная новизна, изложена история вопроса и определено место Шелли в истории армяно-английских литературных связей. Кратко охарактеризован процесс формирования Шелли - человека, гражданина, поэта, особо подчеркивается тот факт, что его творчество было известно армянской

литературно-общественной мысли уже в 30-е годы XIX века. Отмечается, что интерес к творчеству Шелли особенно возрос в последней четверти века, на фоне трагических событий в истории армянского народа, пробудивших новый подъем армянского национально-освободительного движения. В этот период поэзия Шелли - "защитника и певца свободы" - оказалась не только интересной, но и необходимой для армянского читателя. Последующие десятилетия ознаменовались существенными переменами в армянской литературной жизни: творчество таких певцов природы и любви, как Мецаренц, Интра, Туманян, подготовило почву для нового восприятия поэзии Шелли. В диссертационной работе объясняется тот необычайный интерес, который проявлял армянский читатель конца прошлого - начала нынешнего столетия к творчеству английских романтиков (в частности, Шелли). Здесь же дана краткая характеристика армянских переводов Шелли.

В первой главе - "Армяне о Шелли" - обобщены многочисленные и разнохарактерные оценки личности и творчества Шелли со стороны армянской литературной и общественной мысли на протяжении столетия (начиная с 90-х годов XIX века по наши дни). Этот период можно разделить на два этапа. Анализ и систематизация оценок жизни и творчества Шелли, содержащихся в статьях и очерках, появившихся на страницах армянской печати в 90-е годы XIX - 10-е годы XX века, позволяют придти к выводу, что их авторов привлекал прежде всего Шелли-вольнолюбец и глашатай свободы, что, несомненно, было обусловлено обострением национально-освободительной борьбы.

Материал второго этапа (с 20-х годов по наши дни) - оценки Шелли-философа, пантеиста и певца любви - гораздо более обширен и содержателен, позволяет создать целостную и всестороннюю картину восприятия армянами Шелли - человека и поэта.

Приводимые в диссертационной работе оценки тех или иных произведений Шелли сопровождаются их параллельным анализом, способствующим верному пониманию и осмыслению этих оценок.

Национально-освободительные движения, охватившие в начале XIX века весь европейский континент, вызвали глубокое сочувствие Шелли и побудили его к созданию вдохновенных поэтических строк. Шелли, подобно своему собрату по перу Байрону, считал своим долгом выступить в поддержку освободительной борьбы угнетенных народов. Глубоко сочувствовал поэт борьбе греческого на-

рода, восставшего против турецкой тирании. Под впечатлением от встречи с руководителем национально-освободительной борьбы греческого народа Александросом Маврокордатосом Шелли написал гениальную лирическую драму "Освобожденный Прометей", а драму "Эллада" прямо посвятил Маврокордатосу. В статье "О возрождении литературы" Шелли подчеркивал вековое невежество турок и их варварское отношение к культурным ценностям, созданным человечеством. Свои обвинения он обращает к цивилизованному миру, преступное равнодушие которого, по мнению Шелли, делает его соучастником преступлений против греческого народа. Понятно, что для армян, находившихся в сходном положении, слово Шелли стало новым источником надежды, а его вольнолюбивые, революционные произведения, в частности, "Королева Маб", "Восстание Ислама", "Маскарад анархии", нашли широкий отклик в армянской прессе. К "Королеве Маб" впервые обратился журнал "Мурч" в разделе "Зарубежная хроника". Знаменательна краткая характеристика поэмы: "В своем произведении "Королева Маб" Шелли показывает, до какой степени неограниченной личной свободы он желал бы изменить общественные, политические и религиозные условия современной жизни"[1]. Эта точная оценка, данная анонимным автором произведению английской литературы, безусловно, отражала чаяния армянского народа в конце века. В.Ташчян также относил "Королеву Маб" к числу революционных произведений Шелли, таких, как "Восстание Ислама", "Атласская волшебница", "Маскарад анархии". Эти оценки относятся к концу века, однако "Королева Маб" была популярна в армянской среде и в конце 30-х годов XX века, и в этот период армянские критики отмечали и особо чутко воспринимали обличительный, революционный пафос поэмы[2].

Армянская литературная и общественная мысль конца XIX - начала XX века воспринимала Шелли как одного из замечательных творцов социальной утопии. Поэма "Восстание Ислама" - интереснейший образец этого жанра, и неслучайно она воспринималась армянами в контексте социального положения армянского народа. Вспомним, что подъем национального самосознания армян в начале века

1 Мурч (Молот). - Тифлис, 1892, № 10, с. 1521.

2 См.: Петросян Э. Творчество Шелли. - В кн.: Научные труды. - Ереван: Изд-во ЕГУ, 1939, с. 160; П.Б.Шелли. - Пролетари орацуйц (Календарь пролетария). - Тифлис, 1937, № 177.

был обусловлен не только борьбой за выживание и сохранение нации, но и ростом социального сознания. Несмотря на то, что социальная утопия Шелли в армянском литературоведении получила всестороннюю и адекватную оценку только в последние десятилетия, тем не менее ее первые оценки были высказаны в конце прошлого века, когда на закате армянского романтизма создавали свои впечатляющие утопии Раффи и Мурацан.

Обращаясь к поэме "Восстание Ислама", О.Чахарбекян приводит в своей статье отрывок из "Предисловия" к поэме, в котором представлены юношеские размышления Шелли. Вначале они рассматриваются лишь как попытка анализа "человеческих целей и заблуждений", но затем следуют практические выводы. Герои Шелли - Лаон и Цитна - не пассивные созерцатели, они борцы, гибнущие "за идею". Возможно, именно это делало поэму Шелли столь близкой и понятной армянам.

В начале века возрастает интерес к титанам английской литературы. Автор статьи в "Базмавепе" О.Овсепян последовательно представляет краткие биографии великих английских поэтов, которые, как он считает, "недостаточно знакомы армянскому читателю". Здесь же сжато изложена биография Шелли и приведены лаконичные характеристики его произведений. По-разному оцениваются произведения Шелли, воспевающие свободу. Если "Королева Маб", по мнению автора, - "философское стихотворение", "Восстание Ислама" - "шедевр ... одно из чистейших творений английской литературы...", то "Опровержение деизма" - напоминает бред"..[1].

Перо Шелли рисует грозные картины гражданского возмущения ("Ода к защитникам свободы" ,"На двух политических деятелей 1819 года", "Мужам Англии", "Лорду-канцлеру" и др.), его поэтическое воображение воссоздает ненависть народа к деспотической власти и правителям. В этой связи упомянем справедливое наблюдение Т.Елкенчяна: "Дерзкая и прямолинейная натура Шелли более всего проявляется в искусстве прежде всего в изображении зла, хотя цель его - высветить,в соответствии со своими убеждениями, достоинства доброго и истинного..."[2].

1 Овсепян О. Английские писатели (Шелли). - Базмавеп (Полигистор), Венеция, 1905, № 11, с. 515.

2 Елкенчян Т. Английская литература. - Масис, Константинополь, 1905, № 14, с. 218.

Армянские борцы за свободу, безжалостно угнетаемые на своей земле, несомненно, должны были искать единомышленников в других странах и посредством перевода иноязычной свободолюбивой поэзии утолять свои духовные потребности.

В этом значительную роль играли произведения английских авторов - Чосера, Шекспира, Мильтона, Байрона, а также Шелли. Об этом свидетельствует тот же Т.Елкенчян, который считал, что "Шелли, как и Чосер, но иными средствами, положил начало новому этапу в развитии английской литературы". Согласно Елкенчяну, произведения Чосера, Байрона и Шелли, оказавшие наибольшее влияние на последующее развитие английской литературы, - "неканоничны", более того, являют собой отклонение от "традиционно благопристойного английского обличья". Если творчество Чосера "неканонично", так как переход от Средневековья к Возрождению во многом был обусловлен "земным" характером его гуманистических и свободолюбивых идей, то творчество Байрона и Шелли "неканонично", ибо предпосылки "светлого будущего человечества" они искали в современных тревогах и борьбе народа. А подобные поэты принадлежат не только своему народу, но и всему "страждущему человечеству". Таково значение защитника свободы Шелли и для армянской жизни.

x x

x

Широкий отклик в армянской действительности нашли и философские, пантеистические идеи Шелли, его любовная лирика. Если как философ-идеалист Шелли признает наличие так называемого Духа Природы, то, обращаясь к природным явлениям в своих поэтических произведениях, он изображает их строго предметно, живо и динамично. Возможно, благодаря этой двойственности его мировоззрение определяется, с одной стороны, как идеалистическое, а с другой - как подчеркнуто "пантеистическое и атеистическое".

"Атеистические" взгляды Шелли, безусловно, привлекали внимание армянской литературной и общественной жизни, однако анализ их не отличался глубиной, зачастую они трактовались односторонне, без учета совершенно противоположных оценок, существовавших в шеллиоведении. Шелли-поэт и Шелли-философ сформировались одновременно и взаимодополняли, обогащали друг друга. Вероятно, Шелли-поэт не приобрел бы столь громкой славы, если бы

и философская глубина и общественно-политическое звучание его творчества. В свою очередь Шелли-философ и общественный деятель не представлял бы большого интереса для последующих поколений, если бы не его природный поэтический дар. "Необычная философская деятельность" Шелли высоко оценивалась армянскими исследователями. Сомнения Шелли в существовании Бога возникли в результате знакомства с атеистическими идеями Лукреция, Гельвеция, Гольбаха и Дидро. Под их влиянием он создал трактат "Необходимость атеизма", к которому обращались почти все армянские популяризаторы творчества Шелли. За небольшим исключением, трактат этот рассматривался ими как произведение, недостойное пера автора. Доктор О.Тер-Степанян, например, своеобразно истолковывая его, как бы пытается оправдать появление "Необходимости атеизма": "Это произведение Шелли - не столько воплощение его собственных убеждений, сколько изложение различных идей и логических тезисов, позволяющих завязать полемику с преподавателями, как это было принято в средневековых школах". Тем не менее О.Тер-Степанян приводит собственную оценку этого труда, считая его "одним из бесплодных мнений" и сожалея, что "умудренные преподаватели университета не предприняли попыток отвратить его от неверного пути..."[1].

Результатом философской деятельности Шелли явились его "безрассудное" правдолюбие и гуманизм, которые хотя и осложнили значительно его личную жизнь, однако позволили ему создать оригинальную систему антирелигиозных взглядов, не ограничиваясь лишь повторением чужих мыслей, как это пытался доказать О.Тер-Степанян. В отличие от него О.Чахарбекян ранее справедливо писал о сущности мировоззрения и религиозных взглядов Шелли: "Гуманизм - вот религия Шелли"...

Имея в виду своеобразие философских и эстетических воззрений Шелли, Т.Елкенчян отмечал: "Понимание немногих и непонимание многих - такова судьба тех, кто, подобно Шелли, родился раньше своего времени..."[2].

Свои антирелигиозные убеждения Шелли непосредственно высказал в двух произведениях - "Необходимость атеизма" и "Опроверже-

---

1 Тер-Степанян О. Основоположники современной английской литературы. - Масис, Константинополь, 1906, № 2, с. 27.

2 Елкенчян Т. Указ.соч., с. 217.

ние деизма" - в то время как во всех других его произведениях (почти без исключения), хотя проблемы веры и вероотступничества /и/не ставятся прямо, тем не менее явственно звучат в лирическом или философском контексте.

Особого внимания в армянской литературной и общественной среде удостоились социально-философские сочинения Шелли. В 20-е годы нашего столетия в армянской общественно-политической жизни царило "относительное" спокойствие. Национально-освободительные идеи утратили свое прежнее звучание, а поиск утраченных ценностей по необходимости был связан с советизацией всех сторон жизни (в том числе и литературной). Таково было положение в восточно-армянской действительности, а в западно-армянской (в армянских колониях) властвовали философские, общечеловеческие идеи. В этих условиях изменились и армянские критерии оценки Шелли. Его творчество изучалось и оценивалось с иных, чем в годы национально-освободительной борьбы, позиций. Ныне первенство отдавалось социально-философским аспектам творчества Шелли, общечеловеческим проблемам и идеям, с наибольшей силой прозвучавшим в драме "Освобожденный Прометей". Перевод этой драмы на армянский язык в 1930 году способствовал ее всестороннему анализу и оценке.

В представлении армян обработки легенды о Прометее символизируют вехи в развитии мировой цивилизации. Таковыми являются и эсхиловская обработка древнегреческой легенды, и ее романтическая трактовка Шелли. У Эсхила примирение между Прометеем и Юпитером рассматривается как победа Прометея, в то время как для Шелли между Свободой и Тиранией компромисс невозможен, и победу Прометей может обрести лишь в борьбе.

Трактовка Шелли более близка историческому мышлению армянского народа, и поэтому А.Чопанян придавал столь важное значение переводу на армянский язык "Освобожденного Прометея". Воплощая свои теоретические представления в системе философской и социальной утопии, Шелли-поэт прежде всего стремился ознакомить читателя с особенностями своего мировоззрения. Философское восприятие мира, действительности побуждало поэта к поиску неизвестного, к его неопределенно-утопическому образному воплощению. Драма содержит утопические представления Шелли о будущем человечества, социальной справедливости грядущего общества. Эту особенность имел в виду А.Антонян, когда писал: "В своем

страстном стремлении к преобразованию человеческого общества Шелли выступает как утопист, а в своем стремлении к абсолютной свободе доходит до полного отрицания власти вообще..."[1]. Горячее желание Шелли переустроить общество подчеркивал и В.Ташчян, говоря о "грандиозных представлениях страстного преобразователя...".

Сильное влияние оказал "Освобожденный Прометей" Шелли на З.Есаян, которая, вдохновленная его оптимизмом, назвала свои путевые очерки "Прометей освобожденный". Но дело не только в заглавии: писательница сравнивает народ, переживший революцию, с Прометеем, "сбросившим цепи и освобожденным".

Одним из первых в советское время обратилась к жизни и творчеству Шелли Э.Петросян. Несмотря на то что в некоторых своих оценках Э.Петросян склонна к преувеличениям, однако она в основном верно оценивает "Освобожденный Прометей", подчеркивая революционный и освободительный пафос драмы. Проблемы, поднятые в драме, - будущее устройство человеческого общества, движущие силы его развития и прогресса, всеобщее стремление к свободе - неизменно волновали и волнуют все цивилизованные народы. Поэтому не случаен тот горячий прием, который нашла драма Шелли в армянской литературной и общественной среде, о котором свидетельствуют не только литературоведческие исследования, но и сам факт двух переводов драмы на армянский язык (1930-1933 гг. и 1968 г.).

Постоянный интерес армянского читателя привлекала к себе интимная лирика и пантеистические сочинения Шелли. Любовная лирика Шелли - это не просто воспевание индивидуального чувства, не только воспоминание о пережитом мгновении: это преклонение перед Красотой, Непорочным и Светлым, перед Идеальным.

"Гимн интеллектуальной красоте" - гимн Любви и Красоте, свидетельствующий о "иллюзорности" любви Шелли, - привлек особое внимание Т.Елкенчяна: "Этот трогательный гимн Иллюзии, воспетой Шелли, неповторим по своей искренности"[2].

Армянская литературная мысль неизменно отмечала лиризм творчества Шелли, свежесть и богатство его фантазии. Все эти

---

1 Антонян А. "Освобожденный Прометей" Шелли. - Анаит, Париж, 1930, № 1, с. 24.

2 Елкенчян Т. Указ.соч., с. 216.

качества с особой полнотой воплотились в поэме "Эпипсихидион" - вершине любовной лирики Шелли. "Она даже самыми строгими критиками признана "величайшим любовным творением", - писал О.Тер-Степанян. Идея потустороннего (трансцендентального), по мнению Шелли, доступна немногим, и поэма "Эпипсихидион", воссоздающая осязаемую, чувственную картину любви, раскрывает также и ее мистическую сущность. Для подобного восприятия интимной лирики Шелли в западно-армянской литературе начала века благодатную почву подготовила поэзия М.Мецаренца и Т.Чракяна (Интры). Лежащий в основе символизма Мецаренца, импрессионизма Интры и романтизма Шелли "культ грезы и духа" обусловил общность, ту близость, которая обнаруживала себя в творчестве этих исключительно оригинальных поэтов. Хотя близость истоков их внутренних миров не всегда очевидна (вероятно, и потому, что Шелли - английский поэт начала XIX века, а Мецаренц и Интра - армянские поэты начала XX века), тем не менее в их произведениях можно обнаружить сходные переживания, размышления и чувства. Более всего это относится к присущему их поэзии пантеизму и сливающемуся с ним культу любви.

Известно "пейзажное" мышление Мецаренца, в котором любовь и природа предстают в неразрывном единстве. Известно также, что любовная лирика Мецаренца пронизана духом Нарекаци. Но вот какие грани обнаруживает С.Топчян в любовной лирике Т.Чракяна: "Восстав против безобразий среды и времени и стремясь к бесконечному, всетворящему свету, Чракян живет идеалом совершенства, которым для него является любовь. Только любовь - внеличностная и всепроникающая - достойна преклонения, являет собой истинную красоту. После появления "Внутреннего мира" Чракяна проводились параллели между Нарекаци и Чракяном: оба, прислушиваясь к потаенным голосам своей всеобъемлющей души, устремлялись к абсолютному, оттуда исследуя вселенную, простирающуюся в самом человеке и вне его".[1] Таким образом, как бы ни отдаляли различные литературоведческие "измы" друг от друга Мецаренца и Интру, все равно Нарекаци сближает их, более того, истоки обоих - в Нарекаци, и, кажется, Шелли здесь не при чем. Но культ любви и природы Шелли обнаруживает себя в сходных интеллектуальных и

---

1 Топчян С. Тиран Чракян. - В кн.: Т.Чракян (Интра). Сочинения.- Ереван: Советакан грох, 1981, с. 26 (на арм.языке).

духовных структурах их поэзии. Давно отмеченные в шеллиноведении "мечтательность и призрачность" его духовного чувства были широко восприняты армянами наряду с его пантеизмом. Природа у Шелли - это не только романтическое убежище, где осуществляются мечты, видения, но и сама мечта, стремление к чистоте, высшей идее. Таким образом, культ природы у Шелли - это и своеобразный культ идеи, а если вспомнить, что природа под его пером "трепещет, переживает и любит", то перед нами раскроется истинный смысл философии любви Шелли.

Итак, если голос Нарекаци обращен к Богу, голос Мецаренца и Интры - ко Вселенной, то голос Шелли обращен к Природе, которая есть одновременно и Бог, и Вселенная. Поэтому культ любви и природы Шелли был так легко и естественно воспринят в армянской среде.

В трагические дни всеобщего поиска путей сохранения и дальнейшего существования нации армянские интеллигенты шли "вслед за светлой мечтой", пытаясь найти ее "в удаленном от мира уголке" (Туманян, Исаакян, Терьян, Мецаренц, Варужан, Интра, Текеян). Конечно, культ природы в армянской литературе во многом отличен от пантеизма Шелли, тем не менее властвовавший в ней "культ видений" лежал в основе оценок пантеизма английского романтика. Неслучайно Саак-Месроп в 1913 году переводит стихотворения "Облако" и "Жаворонку", характеризуя их как произведения "ясные, прозрачные, возвышенные и мудрые". Его усилия по "оздоровлению" армянской мысли и духа приобрели наиболее действенный характер в тот момент, когда он сумел донести до армянского читателя, до его души песни Шелли, посвященные природе, раскрыв при этом их высокое философское содержание.

Своеобразие пантеизма Шелли наиболее ярко воплощено в поэме "Аластор, или Дух одиночества". По мнению В.Ташчяна, "это высшее воплощение протеста Шелли. В ней мы видим скитальца, ищущего среди таинственного молчания природы фантастическое существо, способное утолить его тоску по прекрасному"[1]. Природа здесь - не просто место размышлений поэта, не только источник поэтического вдохновения, но, и прежде всего, - сама Красота, Искусство, которым он восхищается и которому пытается подражать. Ташчян считает, что "поэма эта написана в то время, ког-

1 Ташчян В. Шелли. - Кочнак (Колокол), Нью-Йорк, 1911, № 52, с. 1252.

да Шелли окончательно понял, что мир гораздо могущественнее его самого. "Дух одиночества" - это исповедь поэта"[1]. Идею "Духа одиночества" следует понимать не как осознание "слабости" человека, могущую привести к утверждению бессмысленности его существования и борьбы, что не подтверждается ни единой строкой творчества Шелли, а как гимн природе, органичному слиянию человека с природой - высшей цели жизни.

Философские, пантеистические идеи Шелли нашли свое совершенное воплощение и в стихотворениях "Жаворонку", "Облако", "Ода Западному Ветру". Написанные ясным, проникновенным и в то же время возвышенным языком, они нашли широкий отклик в армянской прессе.

О стихотворении "Жаворонку" восторженно писали О.Тер-Степанян, В.Ташчян и С.Месроп. О.Тер-Степанян, в частности, отмечал: "Жаворонку" - одно из наиболее любимых и читаемых стихотворений Шелли. И если бы исчезли все остальные его сочинения, этого стихотворения, обращенного к жаворонку, было бы, несомненно, достаточно, чтобы отвести ему место в ряду величайших лириков, творивших на английском языке"[2].

Жаворонок поет о любви, и источник его любви - природа, "море и небеса, долы и горы". Его радость беспредельна, ибо для него существуют лишь истина и мудрость мира, в то время как у поэта "смех звучит уныло, болью жизни отягчен". Стремление понять эту "боль жизни" двигало и С.Месропом при переводе и оценке стихотворений "Облако" и "Жаворонку".

Описания природы у Шелли насыщены живописными красками, неожиданными сопоставлениями и противопоставлениями. Этими выразительными средствами поэт пользуется мастерски.

Подлинным карнавалом света, красок и звуков являются "ночные" песни Шелли, открывающие перед читателем новые таинства природы и пробуждающейся жизни. Таково, например, знаменитое стихотворение "Вечер". "В нем, - писал В.Ташчян, - своеобразно проявляется магическая сила искусства Шелли. Обработка материала, чередование гласных, трепетность стиля и оригинальность содержания - все способствует его совершенству. К сожа-

---

I Ташчян В. Шелли, с. 1252.

2 Тер-Степанян О. Указ.соч., с. 28.

лению, все это невозможно воспроизвести в армянском переводе"[1].

Призрачные грезы Шелли несут в себе неизъяснимый смысл, невольно напоминающий ноктюрны великого армянского лирика М.Мецаренца: "Ночь сладостна, ночь знойно-сладостна..." или "Ночь, для твоих ласк распахнул окно...". И если об этих песнях Мецаренца верно сказано, что "немногим поэтам дано увидеть отблески белого сна зимней ночи, почувствовать влажное волшебство росы..."[2], то так же верно, что немногим поэтам дано, подобно Шелли, увидеть "промелькнувшую тень летучей мыши" или "небосклон над величавой пепельной грядой, насквозь пронзенный вечернею звездой...".

Для Мецаренца Ночь – это возвышение и облагораживание, греза, любовь, ожидание, Ночь же Шелли насыщена иными оттенками, она созвучна Смерти. В этом противопоставлении раскрываются прежде всего то различие политических и исторических обстоятельств, в которых жили и творили эти поэты, и обусловленные этими обстоятельствами побудительные импульсы их поэзии. Армянский поэт начала нашего столетия искал в ночи успокоение и спасение, она несла ему душевный покой, а английский поэт начала прошлого века, свидетель несправедливости, царящей в цивилизованном мире, мог себе позволить сравнивать жизнь с всепоглощающим мраком и ночью.

Своеобразный пантеизм Шелли предопределил глубокую индивидуализированность творчества поэта, его поэтического искусства и в то же время обусловил его связь с пантеистической традицией в мировой литературе. Эта связь проявляется прежде всего в выборе пейзажа, его олицетворении, использовании элементов живописи в построении аллегорических размышлений и т.д. Те же качества присущи и воспевающим природу произведениям В.Блейка, В.Вордсворта, Г.Гейне, А.Пушкина, М.Лермонтова, в армянской литературе – Ов.Туманяна, М.Мецаренца, В.Терьяна.

Оценки творчества Шелли содержатся не только в литературоведческих исследованиях и статьях, но и в стихотворениях, посвященных поэту. Стихи, посвященные Шелли, писали В.Аганур, Арсен Еркат, Х.Даштенц, Минас Нури. Несмотря на различие в оценках, всех их объединяет одно – искреннее восхищение и любовь к Шелли.

1 Ташчян В. Примечание к переводу стихотворения Шелли "К ночи". – Кочнак, 1911, № 10, с. 242.

2 Шарурян А. Мисак Мецаренц. – Ереван: Советакан грох, 1983, с. 126 (на арм.языке).

Во второй главе - "Шелли на армянском языке" - приводятся полные сведения о переводе произведений Шелли на армянский язык и впервые дается их научная оценка и анализ. Отдельные наблюдения по этому вопросу содержатся в работе В.Партамяна "Прометей нового времени". При оценке переводов учитывалось и мастерство переводчика, и их поэтическая фантазия, и творческая инициатива. Параллельно рассмотрены особенности лексики, семантики, стилистики произведений Шелли, возможность их адекватного воссоздания на армянском языке.

Поскольку многие произведения Шелли переводились на армянский язык неоднократно, в разное время, переводчиками, придерживающимися различных принципов перевода и обладающими различным мастерством, то и ценность этих переводов неодинакова. В данной главе сопоставляются различные варианты переводов одного и того же произведения, объясняется интерес, проявленный к творчеству Шелли переводчиками разных поколений. В процессе изложения проводится структурный, стилистический, лексический анализ переводимых произведений. Он позволяет определить, какие из переводов обладают самостоятельной поэтической ценностью, а какие представляют интерес лишь как историко-литературный факт.

Большая часть армянских переводов - это лирические стихотворения Шелли, разбросанные, как и их оценки, по страницам армянской периодической печати. Часть переводов представлена в сборнике "Избранные строки". Отдельными книгами изданы драма "Освобожденный Прометей" и трагедия "Ченчи". "Освобожденный Прометей" переводился дважды. Впервые драма была переведена на западно-армянский язык в 1930-1933 годах А.Антоняном и опубликована в журнале "Анаит". На восточно-армянский язык она переведена М.Согикяном в 1968 году.

Первый известный нам армянский переводчик Шелли - Г.Фнтглян. Он перевел стихотворение "Облако", которое опубликовано в журнале "Еркрагунт" ("Земной шар"). Мы считаем, что выбор Фнтгляна пал на это стихотворение потому, что оно с первого взгляда производит впечатление чисто "пейзажного" стихотворения, но по сути наделено глубоким философским содержанием. Облако символизирует идею постоянно меняющегося, обновляющегося мира, идею по существу революционную, запретную для издававшегося в Константинополе армянского журнала. Описание картин природы символизирует периоды спада и возрождения, последова-

тельно сменяющие друг друга в общественной жизни. Этот внутренний смысл "Облака" и предопределил выбор Фитгляна: с одной стороны, невинное стихотворение, воспевающее природу, с другой – скрытый в нем революционный дух.

"Облако" переводилось на армянский язык пять раз. Это свидетельствует о необычайной жизненности стихотворения. Во всех случаях переводчики акцентировали те слова, оттенки мысли стихотворения Шелли, которые представлялись им актуальными. Фитглян, например, иногда отказывался от "точного" воссоздания слов, иногда добавлял "новые", а в отдельных случаях, стремясь сохранить метрическую или композиционную целостность стихотворения, попросту игнорировал те или иные слова. Благодаря подобному подходу ему удалось сохранить красоту описаний природы, их аллегорический смысл.

В отличие от Фитгляна, Т.Елкенчян пытался "буквально" перевести каждое слово Шелли, лишь изредка раздвигая рамки его смысла, дабы сохранить поэтичность образов. В переводе Елкенчяна сохранено присущее оригиналу богатство эпитетов, сравнений и метафор. Воссоздать их в переводе – нелегкая задача, но богатый и гибкий словарный запас армянского языка (а также древнеармянского – грабара) предоставил широкие возможности для сохранения языковых и стилистических особенностей "Облака". Несмотря на стремление к адекватности и эквивалентности каждого слова и сохранению отдельных композиционных элементов, перевод Т.Елкенчяна не имеет особого художественного значения и не может быть сравним с оригиналом, не передает он и всей глубины содержащихся в нем аллегорических размышлений. Местами стих звучит тяжеловесно, с присущей грабару высокопарностью, выспренностью, чуждой легкости, "воздушности" строк Шелли:

Հողոյ և ջրոյ դստրիկ եմ ես թեւազգեաց
Եւ խնամոցըն երկնից զորգանաց մանուկ.
Յերկրէ սըրաէ ցոլանամ ես եւ յալեաց,
Անմահ եմ բնութիւն, թէպէտ յեղձեղուկ...

В этом четверостишии заключена основная идея стихотворения Шелли. Переводчик в точности воспроизвел смысл каждого слова, каждой строки и всей строфы (он лишь добавил слово „թեւազգեաց" и приписал монолог облака всей природе), однако упустил одно важное обстоятельство – смысловую акцентированность четверостишия.

В оригинале оно приходится на начало первой, третьей и четвертой строк и достигается повторением личного местоимения "I", которое в последней строке особенно подчеркнуто: "I change, but I cannot die". В переводе "я" появляется лишь дважды, да и то с целью сохранения стихотворного размера.

Другим переводчиком "Облака" был Мелкон Кюрчян, переведший также стихотворения "Жаворонку" и "Ода Западному Ветру". Оценить эти переводы трудно, так как переводчик, по-видимому, должен был продолжить работу над ними.

Перевел "Облако" и С.Месроп. Его перевод в целом передает содержание оригинала, так как переводчик придерживался принципа приблизительности-равноценности, однако изредка, по необходимости, с чисто художественными целями он отходит от текста оригинала. Смысл целого ряда "уточнений и неточностей" один – адекватно передать содержание оригинала, по возможности сохранить его рифму и язык, создать произведение, звучащее на прекрасном армянском языке и в соответствии с канонами армянского стихосложения. Он стремился сохранить структурные элементы стихотворения, мелодичность стиха, используя богатые традиционные средства и возможности армянской поэзии. Приемы олицетворения в переводе столь же разнообразны, как и в оригинале. Сравнительный анализ позволяет придти к выводу, что переводчику удалось передать дух оригинала, а его творческие находки позволили создать самостоятельную поэтическую ценность:

Ես կը խնդամ լռելյայն դատարկ շիրմիս ալ վրան,
Հեռուն՝ այրեն անձրւին,
Սանուկի պես արգանդեն, ոգիի պես շիրիմեն
Կ'ելլեմ կ'ավրեմ զայն կրկին[1]*...*

Переводчики начала века проявили интерес и к стихотворению "Философия любви": оно также переводилось пять раз. Среди переводов Г.Акопяна, М.Истамбуляна, Люси, Х.Даштенца и Э.Авагяна своими художественными достоинствами выделяется перевод Э.Авагяна. Это стихотворение воспринималось армянскими почитателями Шелли как вершина и образец любовной лирики поэта, что и объясняет интерес к нему, проявленный столь различными переводчиками.

---

1 Шелли П.Б. Облако. – В кн.: Созвездие английской литературы.– Константинополь, 1913, с. 66.

"Доброй ночи" - замечательный образец интимной лирики Шелли. Из четырех армянских переводов стихотворения выделяется перевод Ов.Туманяна, несущий на себе отпечаток высочайшего мастерства Варпета. Туманяну удалось воссоздать эмоциональный настрой стихотворения и даже усилить его. Ему удалось достичь необычайной выразительности в передаче картины ночи сочетанием лексических повторов и аллитерации, в частности, постоянного использования согласного "ш":

Լավ է գիշերն, որ գիշերով քնքուշ ենք
Սիրող սրտից վիշտը փախչում է հեռի[1]...

"Доброй ночи" - выражение оптимистической любви Шелли, и выбор Туманяна показателен сам по себе.

"Доброй ночи" перевел также Г.Айкуни. Он стремился сохранить рифмовку оригинала (абаб) и поэтому нередко вынужден был, в отличие от Туманяна, отходить от верного смысла строки Шелли. Перевод М.Мусаеляна, сделанный на основе русского перевода К.Бальмонта, не представляет особого художественного интереса. Однако его переводы из Гейне, Байрона, Уланда, Шиллера, Лермонтова и Шелли свидетельствуют о неизменном интересе переводчика к романтической поэзии, а выбор стихотворений Шелли - "Песнь", "Доброй ночи", "Погребальная песнь", "Странники мира", "Скорбь" - о предпочтении, отдаваемом философской и интимной лирике поэта.

Среди переводов начала века представляют интерес также переводы стихотворений "Мимоза" (А.Гнуни), "Стансы" (А.Амбарцумян), "Строки" (Т.Елкенчян), "Далекое прошлое" (Р.Зардарян).

Они свидетельствуют о том, что в это время внимание армянских переводчиков привлекала и любовная, и пантеистическая лирика Шелли.

Стихотворение "Жаворонку" относится к числу наиболее часто переводимых произведений Шелли. Переводчиков в нем привлекал прежде всего (как и в случае с "Облаком") философский подтекст, заключенный в символике стихотворения. Его переводили западноармянские переводчики Мелкон Кюрчян, епископ Г.Хачатрян, С.Месроп, В.Ташчян, Е.Мелекян, А.Антонян. Следует выделить переводы С.Месропа, А.Антоняна и Е.Мелекяна. В первых двух сохранены

---

1 Шелли П.В. Доброй ночи. - В кн.: Туманян Ов. Собр.соч., т.II. - Ереван: Айастан, 1969, с. 356.

композиционные особенности оригинала (с незначительными отклонениями), Мелекян же, стремясь полнее воссоздать содержание стихотворения, переводил более свободно. Каждому из переводчиков присуще тонкое восприятие образной системы стихотворения, умение без видимых усилий воссоздать ее на армянском языке. Перевод А.Антоняна сравнительно более "точный" (в смысле воссоздания лексики), а перевод С.Месропа более поэтичен. Его перевод свидетельствует о тонком чувстве родного языка, кропотливом труде над текстом оригинала, глубоком знании английского языка, что позволило избежать смысловых неточностей и использования стилистически чуждых элементов.

x x

x

Начиная с 20-х годов нашего столетия интенсивность перевода произведений Шелли на армянский язык значительно возрастает. Повышенный интерес к творчеству Шелли особенно заметен в восточно-армянской действительности (конечно, определенное оживление наблюдается и в среде западных армян, но оно большей частью связано с интересом армянских переводчиков к тематическому многообразию творчества Шелли).

Западно-армянские переводчики отдавали предпочтение песням любви и природы, но и в них ценили прежде всего философский смысл.

Драма "Освобожденный Прометей" - философское осмысление общечеловеческих проблем тирании и свободы. А.Антонян, отмечая "высочайший уровень мастерства" Шелли, стремился в своем переводе с помощью использования разнообразных стихотворных размеров воссоздать своеобразие поэтического искусства Шелли. По признанию самого А.Антоняна, его "стихотворный перевод почти дословно и построчно воспроизводит оригинал"[1].

Близость оригиналу, сохранение его подлинного "облика" - важное условие перевода, но если оно достигается за счет утраты художественных достоинств переводимого произведения, особенно таких авторов, как Шелли (раскрытие лексического богатства его поэзии не менее важно, чем близкое воссоздание рифмы и рит-

---

1 Антонян А. "Освобожденный Прометей" Шелли. - Анаит, Париж, 1930, № 1, с. 29.

ма, интонации, стиля, одним словом, поэтического духа), то это ничем не может быть оправдано. Это подчеркивает и В.Партамян, анализируя антоняновский перевод "Освобожденного Прометея": "А.Антонян остался верен букве произведения Шелли, почти дословно воспроизвел каждую строку. В результате оказалось, что строка как самостоятельная единица сохранилась, но при этом нарушен внутренний ритм произведения, его поэтическое дыхание"[I]. Передать в переводе своеобразие стиля Шелли, как и вообще переводить Шелли, - нелегко, так как он "чрезвычайно переменчивый поэт", тем не менее Антонян предпринял попытку перевода этого произведения, и если перевод, по его собственному признанию, это "хождение по проволоке", то ему удалось пройти из конца в конец, с огромными усилиями сохранив равновесие.

М.Согикян более свободен в обращении со строкой, в результате чего отдельные важные фрагменты оригинала оказались искаженными, а некоторые глубокие суждения автора - обедненными. В армянском переводе, например, неудачно передана характеристика Демогоргена в начале первого действия: "a tremenolous gloom", подчеркивающая силу Демогоргена: ,,Այդ մթության անձնաձև,,. Для благозвучия ее можно было бы перевести,,Մի վիթխարի խոժոռադեմ,, что, по нашему мнению, более соответствует характеру Демогоргена - погубителя Тирана, о котором Шелли вряд ли мог сказать так неопределенно и даже с оттенком неприязни ,,Այդ մթության անձնաձև,, Перевод Согикяна, несмотря на его недостатки, отражает интерес, существовавший в восточно-армянской действительности к драме Шелли.

Достойны упоминания и переводы из Шелли, сделанные Х.Даштенцем и Э.Аватяном. Х.Даштенц перевел "Философию любви", "Мужам Англии" и "Облако". Анализ двух последних, на наш взгляд, особенно удавшихся переводов, дан в диссертационной работе. Вообще Х.Даштенц придерживался принципа "вольного" перевода, но в целом его переводы сохраняют близость оригиналу.

Стихотворения Шелли переводили также А.Граши и С.Таронци, однако их переводы не представляют художественной ценности. Гораздо ближе к оригиналу переводы Э.Авагяна, ибо сделаны непо-

I Партамян В. Прометей нового времени. - В кн.: Партамян В. Армяно-английские литературные связи. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975, с. 324 (на арм.языке).

средственно с английского языка. Но "близость к оригиналу" в данном случае следует понимать с некоторыми оговорками. Как отметил В.Партамян, "переводчик не сумел создать армянского эквивалента романтического стиля Шелли, и нередко строки Шелли звучат у него упрощенно, а многие существенные мысли опущены"[1]. Внимательный читатель "Избранных строк" сразу же заметит эти недостатки, однако одновременно отметим, что у Э.Авагяна есть и удавшиеся переводы, достоинства которых особенно заметны при сравнении с другими вариантами. Это - "Свобода", "Время", "Изменчивость", "Погребальная песнь" и др.

Среди поздних переводов стихотворений Шелли выделяются переводы А.Антоняна "Оды Западному Ветру" и "Озимандии", также свидетельствующие о мастерстве Антоняна-переводчика.

Таким образом, лучшие армянские переводы Шелли принадлежат А.Антоняну, В.Ташчяну, С.Месропу, М.Согикяну, Э.Авагяну. Каждый из них по-своему переводил Шелли на армянский язык, но все они внесли свой вклад в развитие армянского переводческого искусства, в оценку и популяризацию творчества Шелли в армянской действительности.

Выводы

I. Начиная с 90-х годов XIX века армянская литературная и общественная мысль видела в Шелли главным образом глашатая национально-освободительной борьбы.

2. С начала XX века армянская критика расширяет горизонты восприятия творчества Шелли и оценивает его как философа, певца любви и природы. Таково же восприятие творчества Шелли и в наше время.

3. Армянская мысль воспринимала и оценивала философские, социально-этические и эстетические взгляды Шелли, воплощенные главным образом в его художественных произведениях, в неразрывном единстве. Оценки эстетических взглядов Шелли, изложенных в основном в трактате "Защита поэзии", носили в армянской действительности поверхностный характер. Они подробно рассмотрены в диссертационной работе.

I Партамян В. Указ.соч., с. 325.

4. Пантеистические и любовные мотивы в лирике Шелли выступают в неразрывном единстве. Это единство, глубоко осознанное армянской литературной и общественной мыслью, нашло свое отражение и в ее оценках.

5. Оценки творчества Шелли содержатся не только в литературоведческих исследованиях и статьях, но и в стихотворениях, посвященных поэту. Им присущи как несомненные достоинства, так и некоторая односторонность характеристик английского поэта.

6. История армянских переводов Шелли делится на два этапа: на первом этапе (90-е годы XIX века - 10-е годы XX века) переводится преимущественно любовная и пантеистическая лирика, на втором (с 20-х гг. по наши дни) внимание переводчиков привлекают главным образом философские произведения Шелли.

7. Научный анализ переводов, проведенный впервые, позволил определить их художественное и историко-литературное значение.

8. Статьи, посвященные Шелли, оценки его творчества, а также многочисленные переводы его произведений, занимают важное место в истории армяно-английских литературных отношений.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Шелли на армянском языке. - IX республиканская научная конференция молодых ученых и аспирантов. Тезисы докладов. - Ереван: АН Армении, 1988, с. 36-37 (на арм.языке).

2. Вестник свободы в армянской жизни (1880-1910-е гг.). - III республиканская научная конференция аспирантов Армении. Тезисы докладов. - Ереван: АН Армении, горком ЛКСМА, 1989, часть 2, с. 6 (на арм.языке).

3. Поэт Шелли как философ. - Там же, часть 4, с. 29.

4. Любовная лирика Шелли в восприятии армянской литературной мысли. - Материалы X республиканской научной конференции молодых ученых и аспирантов. Ереван: АН Армении, 1990, с.22-23 (на арм.языке).

5. Армянская критика об "Освобожденном Прометее" Шелли. - Вестник Ереванского университета. - Ереван; 1990, № 1, с.176-181 (на арм.языке).

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ имени М.АБЕГЯНА

На правах рукописи

УДК 891 891 09

АБРААМЯН СУРЕН СЕРГЕЕВИЧ

СОВРЕМЕННЫЙ АРМЯНСКИЙ РАССКАЗ
(типология жанра)

Специальность 10.01.02 – Литература народов СНГ
(армянская литература XX века)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ереван – 1992

Работа выполнена в Институте литературы им. М.Абегяна Академии наук Республики Армения.

Научный руководитель – академик Академии наук РА, доктор филологических наук, профессор Эд.М.ДЖРБАШЯН

Официальные оппоненты: 1. доктор филологических наук, профессор Г.А.ЭДОЯН
2. кандидат филологических наук, А.В.МАРГУНИ

Ведущая организация – Ереванский государственный университет.

Защита диссертации состоится " 15 " мая 1992 г. в 14⁰⁰ час. на заседании специализированного совета Д. 005 10.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Институте литературы им. М.Абегяна АН РА (адрес: Ереван-15, Григор Лусаворич, 15).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института литературы им. М.Абегяна АН РА.

Автореферат разослан " 8 " апреля 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук А.М.ВАРТАНЯН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Рассказ относится к числу тех жанров, изучение которых позволяет получить наиболее верное представление о современном этапе развития литературы, происходящих в ней содержательных и внутренних, структурных изменениях.

Современный армянский рассказ в этом плане предоставляет исключительно богатый материал. Внутренние закономерности его развития сегодня невозможно понять вне диалектического единства традиционного и новаторского начал, И поскольку жанр - результат исторического развития литературы, то "внутренние сдвиги" в литературном процессе и жанре следует рассматривать в единстве, например, жанры - как формы движения литературного процесса. Каждый исторический период, вследствие внутренних структурных изменений системы жанров, выдвигает свои проблемы, в рамках которых в настоящей работе и анализируются тенденции развития современного рассказа.

Цели и задачи исследования. Целью и основной задачей исследования является анализ внутренних, структурных изменений и тенденций развития жанра армянского рассказа на современном этапе. Проблема жанра рассматривается на общем фоне исторического развития национальной и общественной жизни, выявляются как новые тенденции, закономерности и особенности развития жанра рассказа, так и его связи с традициями предшествующего исторического периода.

Научная новизна исследования. Армянское литературоведение, в частности, критика традиционно мало внимания уделяли проблемам развития современного рассказа. В дискуссиях, посвященных литературным направлениям, как правило, обсуждаются общеэстетические вопросы, но редко и недостаточно говорится о жанре рассказа.

Критика и литературоведение, обращаясь к анализу современного литературного процесса, предпринимали отдельные попытки исследования проблем исторической и современной типологии жанра. С этой точки зрения особый интерес представляют работы С.Агабабяна и А.Маргуни.

Тем не менее, попыток целостного изучения общих тенденций развития жанра армянское литературоведение не предпринимало. В настоящей работе сделана попытка по возможности выполнить

этот проблем, представить целостную картину типологии жанра рассказа, рассмотреть те сходящиеся в "одной точке" проблемы, которые можно наблюдать лишь на общих структурных уровнях.

Методическая основа и объект исследования. В процессе подготовки и изложения диссертационной работы использованы основополагающие положения классической эстетики, а также достижения современного литературоведения.

Материалом исследования, естественно, явились прежде всего вопросы типологии жанра рассказа. Рассмотрение общетеоретических проблем подчинено и тесно связано с анализом текущего литературного процесса, движения художественной мысли. В связи с этим в работе использована богатая литература, связанная с темой, множество литературоведческих исследований, критических статей, опубликованных в последние годы в журналах и газетах.

Практическое значение работы. Диссертационная работа является первым опытом целостного изучения жанра современного армянского рассказа. Материал исследования, его положения и выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории армянской литературы и критики, теории литературы.

Апробация работы. Диссертационная работа обсуждена в Отделе армянской литературы XX века Института литературы им.М.Абегяна АН Армении и рекомендована к защите.

Объем и структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем работы 158 страниц.

Основное содержание работы.

Во "Введении" обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются цель и научная новизна работы, дается краткий очерк истории исследования вопроса.

Глава первая. - Анализ типологии жанра рассказа. Анализ жанра рассказа - I(одна) из актуальных задач теории литературы, способствующая выявлению литературного развития. Жанры как "формы движения литературного процесса" /Ю.Стенник/ очень быстро откликаются на перемены, происходящие в художественном мышлении, поэтому развитие жанра и развитие литературы - единый процесс. Однако эта проблема - одна из сложнейших в литературоведении. Одни исследователи /Г.Н.Поспелов, М.Каган/ первичным считают

одержание, другие - форму. В отличие от названных авторов, .Джрбашян, опираясь на опыт развития литературы, выделяет три лемента, совокупность которых служит основой обособления и хаактеристики жанров:

а/ тематические особенности, характер выраженного настроеия, общий аспект восприятия и отражения жизни;

б/ основные принципы построения человеческого и вообще хуожественного образа;

в/ общие особенности композиции жанров.[I]

Существенная роль в процессе формирования жанра принадлеит поэзии автора, поэтому его можно характеризовать как единсто общего и индивидуального. Он содержит в себе "нестареющий элеент" /М.Бахтин/, и развитие его происходит благодаря "вечному бновлению".

2.

Род и жанр - открытые системы, одновременно развивающиеся вления. Конечно, в различные исторические периоды на первый лан выдвигается то один из них, то - другой, однако в целом моент перехода содержания в форму и формы в одержема объективные торические закономерные ситуации художественного мышления. Немненно, что существенным фактором дифференциации повествоваэльных жанров являются структурные признаки, а лирических жанв - оттенки эмоционального содержания.

Стурктура - историческая категория, в ней может оказатся искретида даже слово всего функциональном значении. Это явлене в соврменной прозе можно наблюдать в анализе образцов расска, например, в "Зеленом поле","Буйволице", "Алхо" Г.Матевосян,в рассказах М.Галшояна, А.Айвазяна, в которых даже художестнные смыслы раскрывается в речевом контексте.

Первое премущество ощущения структуры - непосредственный формационный акт слова, собственно коммуникативная роль которго - отражение материального мира /например, зеленое поле/. о чаще всего эмоциональные слова, а само его содержание отраается в контексте слова, обращенного к слову, как и сюжета, где рещиваются словесность слова и битие слова в открытой системе оего философского, эстетического и речевого пространства.

[I] м.:Джрбашян Э.М. Поэтика и литературное развитие.-Ереван,1985 .I02-I83.

Причем из этого следует, что слово - живой знак и вместе с тем действующая реальность. В этом пронстранстве слово само по себе обретает черты символа или метафоры, в некоторых случаях частично, а в некоторых даже покрывая их полностью.

3

Уже во второй половине пятидесятых годов, в период оживления литературной жизни, выделились те литературные напрвления, представители которых, по определению С.Агабабяна, предначертали "судьбу рассказа". С одной стороны, это были новаторы, девизом которых стало требование "меньше текста, больше контекста", с другой - противостоящая им группа писателей, утверждающих,что "лучше самой жизни никто ничего не выдумывает[1]"

Сторонниками "подтекста" были В.Петросян, П.Зейтунцян, которые, пройдя период творческих исканий, в 60-е годы вступили в период творческой зрелости. Основным их, как и их сторонников недостатком было то, что они от умозрительно выстроенной действительности, что характерно, например, для цикла рассказов В.Петросяна "Рассказы о человеке".

Сторонники "подражания жизни" испытывали глубокое уважение к факту. Они изображали "сюжеты жизни", однако забывали о самом главном - художественном обобщении. Основным их недостатком было "упрощение", невзыскательный отбор жизненного факта, бедность сюжета, что можно наблюдать в рассказах С.Айвазяна, в сборнике "Поручили передать вам..." М.Арцена, в отдельных произведениях С.Ханзадяна /"Братья"/, Ов.Гукасяна и других. Но уже на пороге 60-х годов становятся очевидными признаки нового движения прозы более глубокого проникновения в жизнь, что, конечно, было лишь первым шагом к ее эпическому охвату.

Глава вторая - Эпический рассказ и объективная форма повествования. Жанр рассказа, малой эпической формы, гибкой глубоко содержательной, насыщенной и драматической, - неизменный спутни литературного творчества Г.Мартиросяна. Посредством мастерского изображения многозначащих, глубоких деталей писателю удается на большом пространстве рассказа воссоздать целостность реальной

1. Агабабян С. - Отклики. - Ереван, 1973,с.71-86 /на армян.яз

действительности. Его литературная деятельность, начавшаяся с 60-е годы, имеет уже тридцатилетнюю историю. Историзм, осязаемая предметность, стремление к психологическому анализу - характерные черты эпического повествования Матевосяна, восходящего к лучшим образцам армянской прозы. Проявлением этого всеобщего эпического принципа является и "сказовая" форма повествования Матевосяна. Она используется, главным образом, в "потоке создания героев", опосредованно, и направлена на выявление сложных проблем современности. "Я" писателя в данном случае не наблюдает из "нейтральной зоны", а, "растворенное" в действии, в "житии" героев, анализирует, синтезирует реальный мир и придает ему объективный характер. Благодаря этому принципу писатель в процессе творчества "выявляет" скрытую в глубине некую тайну и приобщает к ней читателя. В этой "тайне" заключено мировоззрение писателя. Следовательно, и в объективном описании событий, и в диалогах, и в подтексте, присутствует автор, направленность его взгляда. Повествование ведется не от первого лица, писатель скрыт за "чужим словом", действиями, поступками и характерами персонажей,что предоставляет богатые возможности для "игры чужим словом" /М.Бахтин/.

Г.Матевосян - подлинный новатор в широком смысле этого слова. Своей эстетической ориентацией на факт, "саморазвитие" материала писатель в текущем и одновременно незыблемом времени цмакутского деревенского мира воплощает смысл Большого времени. Подобный взгляд в чувственной строки текста рождает метафоры образа покорного и смиренного библейского Симона, "варианты" которого переходят из одного произведения в другое. В этом плане цикл Матевосяна "Ломовые лошади" - целая галерея симонов /на древнееврейском - "покорный"/, которые на краю внешне "неприметного" мира несут то же бремя и страдания жизни, воссоздают первозданное "начало" человека и символизируют его борьбу за существования, национальное бытие.

Г.Матевосян как бы продолжает традиции литературы эпохи Возрождения. Писатель в колорите деревенской повседневности обнаруживает человека, возвышенного и величественного, его кажущиеся "обычными" герои живут бурными страстями и в постоянных борениях.

Матевосян как бы вовсе и не рассказывает. Целостный сюжет делится на бесконечное количество "малых повествований". Многие содержательные элементы имеют свои символические параллели в других рассказах. В сборниках "Деревья" и "Наш бег" "сказ" приближается к мемуарному повествованию. Символический характер фрагментарных единиц рассказов приводит к сравнительно-сопоставительному синтезу действительности, многоголосому восприятию мира. Ситуация "многоголосия" находится в определенном противоречии и с временным "бегом" и временной фиксацией момента, что мы наблюдаем при анализе "биографического" повествования Агун /"Деревья"/, "акта самоанализа" буйволицы /"Буйволица"/, "ненависти баженца" Аракка /"Начало"/, "арменоводческое инстинкта" Месропа /"Месропа"/.

Повествование Матевосяна выявляет как бы пласты души персонажа, ищет в жизни далекой армянской деревни то человеческое начало, которое что связывает ее с большим миром. Цмакут Матевосяна ожидает та же судьба, что и Макондо Маркеса и Йокнапатофы Фолкнера, ставших достоянием всего человечества.

3

Своей "географией" и духовным началом обладает и "страна" Мушега Галшояна. Этот "сумасбродный сасунец", выступивший в литературе в конце 60-х годов, как его жизнь и трагический конец, как бы воплотили в себе судьбу своего народа.

Творчество М.Галшояна в жанровом отношении весьма разнообразно. Однако его рассказы, и прежде всего цикл "Облака горы Маруг", - это своеобразный замкнутый мир. Традиция изображения этого мира, национального бытия, "идущего от дороги" и "отрывающегося дороги" в армянской литературе восходит к А.Бакунцу и более отдаленным авторам и временам.

Своими рассказами Галшоян как бы вышел на поле "сражения" в своем воображении Галшоян как бы создает "избранное истории" судеб людей, родины, в основе которой лежит героическое прошлое и неугасимый дух народа. Вероятно, именно здесь истоки "поля видения" /С.Атабекян/ и "романтического начала" /Л.Казар творчества М.Галшояна.

Герои Галшояна, с одной стороны, вовлечены в реальную социально-историческую ситуацию и в этом смысле они реалистичны, с другой стороны, они образуют своеобразный "коллектив" воплощающий авторский идеал и противопоставленный равнодушию, эгоизму, бездуховности окружения. Романтизм - не только позиция восставшей против пороков личности, но и сущность личности, которая в реально-жизненном поле видения перерастает в символ. Первичный незатейливый сюжет при этом обогащается, получает новые импульсы, разветвляется, а образ утрачивает свою однозначность. Он содержит в себе несколько материально-духовных пластов, текста и слова, обращенных к проблеме человек и земля, человек и родина.

"Память" объединяет героев Галшояна в некую национальную "общину". Проблема "памяти" более всего связана с поэтической сетуацией символизма. Это лиро-эпическое начало рождает новые тенденции в современном армянском рассказе.

Однако "память" является чем-то большим, чем символ. Это мы видим в рассказах "Зов", "Греза", "Царь" Мамбре" и других. В процессе развития жанра символ не остается в своих пределах, а постепенно "перерастает" в мировоззрение писателя. В духовной "памяти" стариков Галшояна прошлое сохраняется, действительно, как "некое начало", "доисторическая стихия". Их "поток создания" - проявление единого "акта действия", поэтому в "матери" народной боли и тоски он превращается в эпическое повествование.

4

Творчество Серо Ханзадяна - своеобразное связующее звено между писателями, вступившими в литературу в 60-70-е годы, и предшествующим, "традиционным" этапом развития армянской прозы, в том числе и рассказа. Писатель прошел почти полувековой творческий путь, однако наиболее плодотворными для него оказались именно 60-70-ые годы.

Литературоведение и критика неоднократно обращались к эпическому миру одного из патриархов нашей литературы. Однако при этом основе внимание уделялось его крупным полотнам и незаслуженно мало говорилось о его произведениях малого жанра,

занимающих примечательное место как в творчестве самого Ханзадяна, так и во всей современной армянской прозе.

Рассказ - "миниатюра" эпического мира Ханзадяна; обособленная его частица, как бы непосредственно обращенная своим содержанием к самой действительно. Такие сборники писателя, как "Затерявшиеся тропы", "После дождя", "Традиционный праздник", а также предшествовавшие им рассказы, написанные в 50-е годы, продолжают прерванную традицию "Мтнадзора" А.Бакунца.

Эпическое повествование в рассказах Ханзадяна отражает движение объективного мира, вбирающее в себя и судьбу человека, и его попытки противостоять ей. Обычно в этом "маленьком" мире столкновения наиболее драматичны и герои эпически более возвышены. Трудности жизни, зов рода и крови сообщают кажущимся незначительными поступками "маленьких" людей, напряженный драматизм, и развитие событий в рассказах Ханзадяна часто приобретает жестокий и даже роковой характер. Более того, сложность и противоречивость жизненной ситуации позволяет автору создать целую галерею сильных характеров, которые своей первозданной величавостью и чистотой символизируют "затерявшиеся тропы" жизни, нравственный мир человека и его духовные борения.

В рассказах Ханзадяна нынешние болезни самой жизни своеобразно противопоставлены прекрасным первозданным истокам человеческого существования, и писательское осознание утрат как бы направлено к возврату к этим истокам.

К числу наиболее удачных такие рассказы талантливого писателя как, "Чужая птица", "Медвежья шкура", "Сожженный дом", "Последние следы", "Человек", "Шелковица", "Дорога", "Дом" и другие. В них реалистически воссозданы среда и человеческие отношения, эпическое повествование писателя представляет мир не в схематическом противопоставлении черного и белого, а в всем богатстве красок.

5.

Среди современных армянских прозаиков, особенно плодотворно работающих в жанре рассказа, самобытно звучит голос Рубена Овсепяна.

Время - это тот "центрастремительный косых рассказов Овсепяна, который вбирает в себя пространственную перспективу, память об утратах и страданих национальной жизни, единой поток истории.

Герои рассказов Р.Овсепяна, круг которых довольно постоянен и которые появляется в различных ситуациях, не отрицают своего "прежднего" существования, продолжают его в ином символико-метафорическом контексте, живут активной нравственной жизнью.

В рассказе Овсепяна "Наши деды" очерчона та система образов, которая "расчленяет" национальное бытие, но в мировоззренческом единстве которой воплощена авторская позиция. Хотя это жизненное пространство и пространство и невелико, оно тем не менее разрастается в эпическом потоке бытия. "человек-время-народ-родина", На этих нижных уровнях структуры рассказа появляется "свидетель" /автор-повествователь, рассказчик/. В драматическом взаимоотношении персонажей художественно возникает некая осязаемая реальность - современность.

"Квартал" для писателя - это "маленькая Армения", поэтому все изображенные отношения, поступки, настроения шире самих себя, например, тоска деда Вардана /"Наши деды"/, союз Аракеля с землей /"Ночная вода"/, своевременное величие ноевского старика /"Ной"/ и т.д.

Дом для писателя - это целая страна, границы между большими и малыми - только символы. Таким образом, микрокосмос /"квартал"/ Рубена Овсепяна - это сфера общечеловеческого и национального бытия, в которой личность и ее поступки имеют не только конкретный, локальный, но и всеобщий, "динамичный" характер. Таким образом, дед Левон, старый Вардан не только личности, но и индивидуальности.

В рассказах Р.Овсепяна присутствует некий "детский" наивный взгляд на мир, созвучный голосу автора. Его герой как бы неспособен в одиночку понять самого себя и прибегает к помощи "второго голоса" - авторского. Это осуществляется с помощью лиро-поэтических символов. В наиболее значительных рассказах Р.Овсепяна, таких как, например, "Самая теплая страна", "Ной", "Дом из кубиков" и других, передано глубокое ощущение и осмыс-

ление нашего времени.

6

Агаси Айвазян создал свой художественный мир - колоритный, насыщенный, полнокровный, завершенный и всеобъемлющий, с которым берет свое начало тайно большого мира, одиссея, "благораживания" жизни. Свидетельством этому являются сборники его рассказов.

Объективный процесс "Месяц шолковицы" повествования в рассказах А.Айвазяна имеет, как правило, сложное начало, участником которого является сам автор.

Особый колорит рассказам Айвазяна придает атмосфера старого Тифлиса, где происходит действие многих его рассказов. Тифлис для писателя - это система, знак, воплощающий в себе все особенности "естественной" жизни: вещи здесь вещественные, осязаемы, персонажи - жизненны. Именно поэтому исследователи творчества А.Айвазяна /И.Игрунова, Клепикова, А.Маргуни, Ар. Григоряна/ отмечают условность колорита его рассказов. Характерны, с этой точки зрения, рассказы "Вывести старого Тифлиса" и "Тифлис".

Агаси Айвазян выявляет человеческое в человеке. Его привлекает то первозданное, вековечное и чистое начало, которое помогает человеку освободиться от зла и гнетущих законов окружения.

Каждый рассказ писателя - это своеобразная аллегория, символ, несущий в себе высокую поэтичность. К примеру вывески Григора /"Вывески старого Тифлиса"/ - это воплощенная одухотворенность и поэтичность. Они, как и красочный колорит полотен Фиросмани, пробуждают в человеке, мире его души ощущение красоты "бросшейся и покоряющей" жизни, к чему стремился и сам Григор.

Тифлисская панорама Айвазяна основана на лиро-символическом восприятии мира. Образ из своего мифо-бытового колорита перерастает в символ. Киракос /"Киракос"/, Кракт Таши /"Путеводитель по городу Тифлису"/, фокусник, демонстрирующий чудо, в то время как публика ждала просто фокуса, и другие персонажи силой своего духа воплощают самое Любовь - как бы смысл и опора их жизни.

Однако аллегоричность не отрывает героев Айвазяна от реальной жизни, но просто "сгущает" действительность, вносит в нее "элемент чудесного", необходимый для раскрытия внутреннего мира его Героев. Таким образом, характерны как целостность отдельных признаков, с помощью автора "сдвинуты" к жизненной реальности. Здесь внутреннее художественное "творение" символов парадоксально оборачивается движением к эпическому единству текста, рожденному эпическим сознанием мира, и это движение выражено в поэтической ситуации "сжатия" и "разъятия" текста, его "сгущения" и "потрясения" одновременно.

Глава третья. - Лирико-психологические рассказы и миниатюры.

Лиризм, поэтичность - неотъемлемые свойства прозы Гранта Матевосяна. Слово и битие равноценны в его прозе. Границы матевосяновского слова широко, это, по сути, слово-метафора, философский символ, раскрывающий себя в художественном контексте /например, дерево, буйволица, зеленое поле/. Слово или образ здесь приобретают дополнительную стилистическую "нагрузку". Эстетическое отражение многообразия и смысла жизни обусловлено глубоким знанием писателя души и психологии человека и всего сущего. Можно сказать, что здесь материал и тема текстовой реальности произведения занимает особое место, а эпический повествователь выступает то как рассказчик, то как лирический герой, благодаря чему целостная эпическая структура приобретает здесь лирически-фрагментарный характер.

Лиризм проникает в эпическую сферу. Композиция рассказа приобретает новое качество, поэтому на внутренних уровнях содержания предметы в своей чувственной сути и проявлениях превращаются в поэтические метафоры. Таковы рассказы "Зеленое поле","Алхо", "Оранжевый табун" и другие.

2

Жанрообразующим источником лирико-психологических рассказов является "настроение" автора. Подобный способ отражения жизни, избегающий грубого копирования фактов действительности, приводит к открытому лиризму повествования. Пронизанная высокой поэтичность сборник рассказов Р.Арамяна "Неоседланные лоша-

ки", воплощая своеобразное мышление автора, отразил и определенные тенденции развития прозы 60-70-х годов.

Для лирических рассказов Р.Арамяна характерно импрессионистическое восприятие предметов, внешнего мира, условный, метафорический взгляд на мир. Идеалы автора и движение жизни занимают мало место в его рассказах. Рассказы строятся, в основном на развертывании и обощении какой-либо детали, подробности, какой-либо одной психологической ситуации. Повествование ведется не нейтральным рассказчиком, а заинтересованным автором. Автор постоянно приступтствует в рассказах, повествование ведется пристрастно и трепетно, с открытым и вместе с тем потаенным отношением к происходящему.

"Внутренний голос" писателя как бы "сентиментально" повествует о сложностях жизни, прошлой и настоящей судьбе героев, об извечной доброте человека, одиноко скитающегося по затерянным дорогам жизни, о еще живущих в нем мечтах. Художественный мир Р.Арамяна пронизан чувством нежной всеобъемлющей любви, звучащим подобно живительной песне Комитаса /"Мелодии"/, болью одинокого, забытого судьбой человека /"Неоседланные лошади"/, его грезами и воспоминаниями, сохранившимися и спасенными на путях утрат /"Большим - о маленьких"/. Все эти качества присущи наиболее значительным произведениях Р.Арамяна, знаменующим один из самобытных путей развития современного армянского рассказа.

3

Миниатюра - одна из труднейших форм "малого" жанра, требующая высокого мастерства обощения. В современной армянской прозе этот жанр представлен главным образом В.Петросяном, создавшим в своей повести-эссе "Армянские эскизы" целый ряд удачных миниатюр. Книга эта заключает в себе несколько самостоятельных циклов миниатюр, связанных друг с другом единством авторской мировоззренческой позиции.

В своих миниатюрах В.Петросян обращается к актуальным, острым проблемам современности и рассматривает их на фоне истории, судеб родины и народа. В основе эскизов лежат миниатюры-очерки, минiматюры-рассказы, размышления, наброски, главным героем

которых выступает время, сегодняшняя жизнь родины, судьба армян, проживающих в различных концах света. И, вероятно, в этом причина того что "Армянские эскизы" заняли свое прочное место в современной армянской прозе.

4

Глава четвертая - Рассказ-очерк/документальный рассказ/. Рассказ - "гибкая" жанровая система, способная включать в себя и некоторые структурные черты очерка. Проникновение в начале 60-х годов в рассказ отдельных структурных элементов очерка сыграло исторически положительную роль. В зарубежной армянской прозе это явление служило средством поиска определенных опор в потоке жизни, с помощью которого обобщались острые проблемы национальной жизни ,к примеру, в рассказах Акопа Карапенца/.

Не следует, однако, забывать и о существенных различиях между этими двумя жанрами. Речь идет, прежде всего, о характерном для современной армянской прозы проникновении элементов очерка в структуру рассказа, что, естественно, не исключает самостоятельного существования жанра (например, различие слоя прозы М.Галшояна, Г.Матевосяна, А.Карапенца, публицистичность прозы В.Петросяна, явившиеся, по существу, элементами структуры очерка, хотя и утратившие присущую их очерковому прототипу "единичность", конкретность, что собственно и определяло их принадлежность к жанру рассказа). Развитие очерковой фабулы в более сложных переплетениях сюжета рассказа создавало возможность многостороннего и всеобъемлющего художественного познания факта, что можно наблюдать в "Незнакомых душах", "Американском круговом танце" А.Карапенца, "Мемуаристе", повествованиях-воспоминаниях Агун Г.Матевосяна, видениях М.Галшояна /"Дядя Торос", "Оган из Цовасара" и др./, в цикле С.Ханзадяна "Житие отцов" и многих других рассказов.

ВЫВОДЫ

I. Жанр - результат развития литературы, поэтому, в настоящей работе внутренние, структурные и системные изменения, происходящие в жанре рассказа, рассматриваются как формы литературно-

го-движения.

2. В диссертационной работе рассмотрены главным образом вопросы типологии жанра рассказа. При анализе тенденций развития жанра в современной прозе рассмотрение общих теоретических проблем сочетается с исследованием движении художественной мысли. В этом плане исследуется творчество Г.Матевосяна, М.Галшояна, Р.Овсепяна, С.Ханзадяна, А.Карапенца, В.Петросяна и других авторов.

3. На современном этапе изучения рассказа выделяется несколько структурных уровней: объективная форма повествования, использование лирических элементов в структуре рассказа, проникновение в нее элементов очерка. В границах этих проблем и исследуется в диссертационной работе современный армянский рассказ.

4. Проблема традиции и новаторства имеет особое значения для понимания своеобразия современного этапа. Развития жанра исследование этой проблемы в ее историческом развитии и современном состоянии. позволяет выявить глубокую структурную общность классического и современного рассказа, определить тенденции развития жанра.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи:

1. Метафорческое мышление в рассказах Гранта Матевосяна. - X республиканская научная конференция молодых ученых и аспирантов. Тезисы докладов. - Ереван, Изд-во АН РА, 1990, с.1. /на армянском языке/.

2. Очерковый /документальный/ рассказ в современной армянской прозе - Вестник общественных наук АН Армении. - Ереван, 1992, № 1 /в печати, на армянском языке/.

3. "Облака горы Марут" Мушега Галшояна. - Журнал "Гарун". Ереван, 1992, - /в печати/.

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

АКОПЯН ЛЕВОН ГЕОРГИЕВИЧ

УДК 891.981.09

ПОЭТИКА ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА
(на материале армянской и русской
поэзии конца XIX-начала XX вв.)

Специальность: 10.01.03 - Литература народов СССР
(армянская литература)
10.01.08 - Теория литературы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ЕРЕВАН - 1992

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы и теории литературы Ереванского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук [illegible]

Официальные оппоненты – доктор филологических наук АЛЕКСАНЯН Е.А.;

кандидат филологических наук ДАНИЕЛЯН С.Д.

Ведущая организация – Ереванский государственный институт иностранных языков им. В.Я.Брюсова

Защита диссертации состоится "17" марта 1992 г. в 14.00 час. на заседании Специализированного совета Д.005.10.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте литературы имени М.Абегяна АН РА.

Адрес Специализированного совета: 375015, Ереван, ул. Григор Лусаворич, 15.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Автореферат разослан "13" февраля 1992 года

Ученый секретарь
Специализированного совета,
кандидат филологических
наук А.М.Вартанян

Поэтика лирического цикла как литературоведческая проблема, впервые поставленная в 30-х годах в зарубежной науке, в настоящее время переживает период интенсивного развития, в особенности благодаря исследованиям отечественных литературоведов. Возросший интерес ученых к лирическому циклу, наметившийся в последние три десятилетия, обусловлен как общими процессами развития науки в целом, так и тенденциями развития филологических дисциплин.

В числе первых следует отметить прочно укоренившийся в теоретической мысли второй половины XX века и проявившийся едва ли не во всех областях человеческого знания принцип так называемого "системного подхода". Эта общенаучная тенденция привела к возникновению в середине века новой науки, основанной преимущественно на концептуальном аппарате теории множеств и математической логики - общей теории систем. Предметом изучения этой междисциплинарной метатеории являются "целостные интегративные свойства объекта и выявление его различных связей и структуры" (В.Н.Садовский).

Другим фактором, определившим интерес исследователей к проблемам циклизации следует считать характерное для современного периода развития ряда гуманитарных наук обращение к изучению различных аспектов теории текста, во многом определившее нынешнее состояние не только лингвистики, но и примыкающих к ней дисциплин семиотического профиля.

Помимо этих общих тенденций развития научной мысли, необходимо назвать и сугубо внутрилитературные стимулы, побудившие исследователей обратиться к проблемам лирического цикла, среди которых следует, в первую очередь, отметить обстоятельства, продиктованные чисто практическими задачами. В процессе исследования творчества целого ряда поэтов конца XIX-начала XX веков выяснилось, что многие аспекты их творчества можно интерпретировать лишь в целокупности контекстов, в которых реализуется тот или иной поэтический текст и которые в существенной мере обусловливают и предопределяют смысловую систему данного поэтического текста.

Впоследствии стало очевидным, что помимо сугубо практических задач интерпретации, лирический цикл сам по себе ставит много вопросов не только историко-литературных, но и теоретических. В связи с этим существенно расширилась тематика иссле-

дований по лирическому циклу и наметились основные его проблемы.

Актуальность диссертационной работы определяется, в первую очередь, особенностями современного состояния изучения проблем поэтики лирического цикла, характеризующегося преимущественным вниманием к имманентному анализу конкретного лирического цикла, либо историко-литературному исследованию корпуса лирических циклов данного автора или определенного литературного периода.

Настоящая работа представляет собой опыт теоретического изучения некоторых общих проблем поэтики лирического цикла, связанных с аспектами межтекстовых взаимодействий. Эта проблема представляется весьма актуальной, так как будущее построение общей теории лирического цикла в существенной мере необходимо должно основываться на исследовании механизмов внутрициклових межтекстовых взаимодействий.

Актуальность работы определяется и тем обстоятельством, что впервые в армянском литературоведении лирический цикл Е.Чаренца "Страна Огня" рассматривается как единое целое, что позволяет выявить такие глубинные пласты этого произведения, которые отнюдь не очевидны при анализе отдельных поэтических текстов, составляющих цикл "Страна Огня".

Целью диссертационной работы является:

а) выявление критериев цикличности, позволяющих отграничить лирический цикл от сопредельных литературных явлений;.

б) изучение механизмов межтекстовых взаимодействий, обусловливающих целостность и единство лирического цикла;

в) изучение закономерностей, определяющих смысловые трансформации в системе поэтического текста, обусловленные цикловым контекстом;

г) разработка и уточнение концептуального аппарата, позволяющие адекватно описать лирический цикл как специфическую жанровую форму;

д) практическая реализация теоретических положений на примере анализа конкретного лирического цикла.

Методологической основой работы являются фундаментальные положения теоретической поэтики, в частности, теории поэтического языка, а также лингвистики текста, выработанные в отечественной и зарубежной науке.

Материалом исследования были выбраны лирические циклы армянских и русских поэтов конца XIX-начала XX веков. В связи с тем, что работа носит преимущественно теоретический характер, выбор анализируемых лирических циклов предопределен репрезентативностью иллюстративного материала.

Новизна научного подхода в диссертации выразилась в том, что впервые предлагается такое описание лирического цикла, которое основано на изучении аспектов смысловых взаимодействий поэтических текстов, составляющих лирический цикл, а также на выявлении механизмов этих взаимодействий, рассматриваемых в перспективе более общих проблем соотношения текста и контекста.

Теоретическая значимость работы состоит в следующем:

I. Выявляется ряд представляющих теоретический интерес проблем, которые ставит перед исследователем лирический цикл и которые можно изучить лишь на основе этой жанровой формы.

2. Исследуются механизмы межтекстовых взаимодействий в системе лирического цикла, а также смысловые трансформации поэтических текстов, обусловленные наличием циклового контекста.

3. Предлагается новое определение лирического цикла, позволяющее четко идентифицировать это жанровое образование и выделить его из ряда других, сходных с ним форм организации текстовых массивов.

4. Уточняются некоторые традиционные понятия, определяющие лирический цикл, в том числе такие основополагающие, как "контекст", "связность", "повтор" и другие, а также вводятся новые для поэтики лирического цикла параметры: "валентность", "взаимообусловленность", "дополнительность", "надцикловой смысловой комплекс" и другие.

Тем самым в работе предпринята попытка, с одной стороны, дальнейшей разработки и расширения метаязыка для описания лирического цикла, с другой - уточнения объема и содержания самих терминов, что обусловлено привлечением их к описанию нетрадиционных для этих терминов явлений сверхтекстового уровня.

5. Предлагается методика имманентного анализа лирического цикла, основанного на изучении не самих поэтических текстов, а тех смысловых взаимодействий, которые возникают на межтекстовом уровне и определяют смысловую систему цикла как целого.

Практическая ценность работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при толковании и ко-

ментирования поэтических текстов и лирических циклов, а также в вузовских курсах теории литературы, истории армянской и русской литературы конца XIX-начала XX веков и в специальных курсах (семинарах) по анализу поэтического текста и, отчасти, лингвистики текста.

Диссертация апробирована на заседании сектора теории литературы Института литературы им. М.Абегяна АН РА (ноябрь, 1991). Основные положения и результаты докладывались на Международной научно-методической конференции "Проблемы изучения художественной литературы в контексте советской культуры" (Ленинград, 1989), на Всесоюзной научной конференции "Семантические и коммуникативные категории текста (типология и функционирование)" (Ереван, 1990), на VIII республиканской сессии молодых научных сотрудников и аспирантов Института литературы им. М.Абегяна АН Арм.ССР (Ереван, 1986), на республиканской научно-методической конференции "Актуальные проблемы обучения русскому языку в вузах Армянской ССР" (Ереван, 1987), на научной конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов Ереванского государственного университета (Ереван, 1988).

Публикации. По материалам диссертации опубликовано 5 работ.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность диссертационной работы, определяются цели и задачи исследования, отмечается научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость.

В первой главе ("Лирический цикл: проблемы объема и содержания термина") представлен аналитический обзор различных точек зрения на природу цикла (Л.Я.Гинзбург, Э.М.Джрбашян, Л. де Мадариага, Я.Славиньский, Л.И.Тимофеев, Дж.Шипли), а также целостных концепций лирического цикла (М.Н.Дарвин, Л.Е.Ляпина, Х.М.Мастэрд, Й.Мюллер, М.Л.Роузентал-С.М.Галл, В.А.Сапогов, И.В.Фоменко).

Аналитический обзор существующих концепций лирического цикла преследовал двоякую цель: сопоставительное изучение раз-

личных точек зрения на природу и сущность этого жанрового образования и выявление круга проблем, определяющих современное состояние изучения поэтики лирического цикла.

Относительно первого из выделенных аспектов приходится констатировать весьма широкий разброс мнений как на природу лирического цикла, так и на содержание самого термина. Следует согласиться с М.Н.Дарвином, предложившим условное разделение всего многообразия подходов к определению лирического цикла на "широкий" и "узкий". Разница между ними заключается в том, что "для первого ("широкого") определения слово цикл вообще служит синонимом любой близости или родства каких-то рядом стоящих произведений. Для второго ("узкого") определения лирический цикл есть нечто такое, что сближает его с самостоятельным целостным произведением".[I]

Вторая цель заключалась в определении тех недостаточно разработанных проблем поэтики лирического цикла, изучение которых будет способствовать построению его общей теории. Исследование одной из них - проблемы межтекстовых взаимодействий в системе лирического цикла - предпринято в данной работе.

Аналитический обзор позволил выделить наиболее важные и бесспорные параметры цикличности и методом пошагового расширения семантики термина представить своего рода аксиоматику лирического цикла, на основании которой было проведено дальнейшее исследование.

Во второй главе ("Структура лирического цикла") лирический цикл рассматривается как целостная система, состоящая из определенного множества подсистем (поэтических текстов).

Всякая система задается двоякого рода отношениями: а) отношение "элемент—система" и б) отношение "элемент—элемент". С точки зрения наших задач эти отношения можно представить как: а) взаимоотношение между отдельным поэтическим текстом и лирическим циклом как целостным единством; б) взаимоотношение между поэтическими текстами, составляющими лирический цикл.

Первое из указанных отношений рассматривается в перспективе более общей проблемы соотношения текста и контекста.

[I]Дарвин М.Н. Проблема цикла в изучении лирики. -Кемерово: Изд.Кемеровского гос.университета, 1983. - С. II.

Контекст некоторого текста являет собой множество реальных и ассоциативных связей языкового и внеязыкового порядка, представляющих собой комплекс внешних по отношению к тексту необходимых и достаточных условий для адекватной семантизации данного текста. Связи эти являют собой спиралеобразно расширяющуюся иерархическую систему, вовлекающую текст в различного рода контекстные отношения, в разной мере удаленные от данного текста.

Всякий художественный текст изначально ориентирован на многочисленные разноуровневые и разнопорядковые контексты, в которые погружен тот или иной текст - от минимального контекста произведения данного автора, имеющих хронологическую, образную, тематическую, жанровую и прочую общность, вплоть до максимального контекста мировой культуры. Множество всех этих реальных и потенциальных контекстов образует тотальный контекст данного текста. Очевидно, что понятие "тотальный контекст" есть, скорее, абстракция, отражающая больше потенциальные связи текста с внетекстовыми соотносимыми данностями, чем реальные, так как актуализация этих связей воспринимающим сознанием имеет более или менее относительный характер и в целом предопределена культурной компетенцией реципиента.

Лирический цикл являет собой уникальный в определенном смысле объект, применительно к которому решение поставленных выше вопросов не столь очевидно.

Лирический цикл представляет собой систему, состоящую из некоторого множества текстов, которые вступают друг с другом в определенные взаимодействия на межтекстовом уровне и образуют гомогенное во многих отношениях единство более высокого порядка - "сверхтекст".

Будучи целостным единством, в сущностных чертах своих совпадающий с текстом, лирический цикл изначально ориентирован на множество культурных контекстов, реально или потенциально функционирующих в данном социуме. С этой точки зрения нет принципиальной разницы между отдельным поэтическим текстом и лирическим циклом.

Сложнее обстоит дело с текстом-компонентом лирического цикла. Поэтический текст, входящий в состав лирического цикла, отличается от "изолированного" поэтического текста тем, что, в отличие от последнего, он характеризуется двойственностью сво-

его онтологического статуса.

С одной стороны, поэтический текст, входящий в состав лирического цикла, представляет собой целостное и завершенное художественное произведение, обладающее всеми признаками, характерными для изолированного поэтического текста.

С другой стороны, вовлеченность поэтического текста в структуру лирического цикла предопределяет некоторые изменения как в плане смысловых реализаций его, так и в плане актуализации контекстных отношений. Суть этих изменений заключается в том, что поэтический текст, включенный в структуру лирического цикла, находится в сильной зависимости от других текстов данного циклового ряда. Зависимость эта проявляется в том, что цикловой ряд накладывает определенные ограничения на экстенсивное расширение контекстных ориентаций данного текста и предопределяет интенсификацию межтекстовой когезии, а следовательно - внутрицикловых контекстных проекций.

Поэтические смыслы, порождаемые лирическим циклом, не складываются из суммы поэтических смыслов каждого отдельного текста. Следовательно, ни один текст сам по себе не может заключать в себе поэтические смыслы лирического цикла. Они порождаются лишь взаимодействием смыслов взаимозависимых поэтических текстов.

Это обстоятельство предопределяет специфику контекстных отношений этих текстов, проявляющихся, с одной стороны, в тенденции к функционированию в качестве самостоятельного поэтического текста и непосредственной ориентации на тотальный контекст; с другой стороны, наличие циклового окружения накладывает известные ограничения на свободу контекстных реализаций поэтического текста, диктуя ему преимущественную актуализацию тех смысловых аспектов, которые специфичны для всего цикла, и, наоборот, редуцируя аспекты, которые для цикла неактуальны, хотя и имманентны данному поэтическому тексту. Отсюда - опосредованность ориентации циклового поэтического текста на тотальный контекст, предопределенная ближайшим цикловым контекстом и осуществляемая сквозь призму этого контекста.

С этой точки зрения в работе анализируются контекстные проекции стихотворения А.Блока "Ночь, улица, фонарь, аптека...", рассматриваемого как изолированный текст и как текст-компонент лирического цикла "Пляски смерти".

Как изолированный текст это стихотворение соотносится с широчайшим пластом европейской и восточной философии и литературы (в частности, медитативной лирики), разрабатывающей тему бренности мира и бессмысленности жизни.

Рассмотрение этого же поэтического текста в контексте лирического цикла "Пляски смерти" позволяет обнаружить некоторые изменения в семантической системе стихотворения, порождаемые цикловым контекстом.

Так, заглавие цикла отсылает к широко распространённой в средневековой Европе культурной традиции "плясок смерти", представленной в изобразительном искусстве и литературе XIУ-XУ веков. Однако сравнение блоковского цикла с испанским изводом "плясок смерти" (XУ в.) позволило установить, что, несмотря на некоторые совпадения, картина мира средневековых "плясок смерти" и картина мира блоковского цикла различны. Гораздо большую общность лирический цикл "Пляски смерти" обнаруживает с другой древней традицией - видениями потустороннего мира, особенно распространёнными в западноевропейской литературе Средневековья, истоки которого прослеживаются с эпохи античности(Лукиан), а также и более древних эпох (египетская "Книга мёртвых").

Таким образом, лирический цикл представляет собой сложное диалектическое единство, в котором действуют две взаимосвязанные, но противоположно направленные силы. Первая из них - центростремительная - проявляется в тенденции к интеграции лирическим циклом поэтических смыслов каждого отдельного текста. Вторая сила - центробежная - заключается в стремлении каждого отдельного поэтического текста к функционированию в качестве самодостаточного и самоценного целого, свободного от ограничительных рамок циклового контекста.

Другая проблема, изучаемая в данной главе, - это проблема межтекстовых циклообразующих связей.

Рассматривая лирический цикл как некоторое множество взаимосвязанных поэтических текстов, тем самым констатируется наличие в структуре цикла не только явно выраженных его компонентов, то есть поэтических текстов, но и менее очевидных составляющих, каковыми являются межтекстовые связи, представляющие собой множество всех формальных и семантических отношений, которые возникают между поэтическими текстами в преде-

лах данного циклового пространства.

Таким образом, цикл, состоящий из двух поэтических текстов (двумерный цикл), содержит в себе следующие компоненты: T_I, T_2 и отношение P, связывающее эти два текста.

По признаку интенсивности реализации межтекстовых связей выделяются три степени связности лирического цикла.

Максимально связный цикл – это цикл, в котором каждый отдельный поэтический текст связан непосредственными отношениями $P_I \ldots P_n$ со всеми другими текстами данного цикла. Эта разновидность представляет собой некоторую идеальную модель с полным набором отношений. Всякий лирический цикл необходимо ориентирован на эту идеальную модель, в той или иной мере приближаясь к ней, а порой и полностью совпадая.

Достаточно связный цикл представляет собой такую систему, в которой каждый поэтический текст связан непосредственным отношением P_i по крайней мере с одним другим текстом данного циклового ряда. Достаточно связный цикл может проявлять тенденцию к дополнению до максимального цикла. Это обусловлено тем обстоятельством, что если два не связанные между собой текста T_I и T_2 связаны непосредственными отношениями P_I и P_2 с некоторым текстом T_3, то через определенное количество шагов семантических трансформаций возможно порождение нового, опосредованного отношения P_3, связывающего между собой тексты T_I и T_2.

Если аналогичную тенденцию проявляют все тексты данного цикла, то можно говорить о реализации максимально связного цикла путем абсолютного дополнения цикла достаточно связного.

Минимально связный цикл – это такая текстовая организация, в которой стихотворения связаны друг с другом не внутренними смысловыми сопряжениями, а по некоторому достаточно внешнему признаку (например, общность темы, хронологическая последовательность и др.). По сути эти конгломераты являются не циклами в строгом смысле слова, а чем-то средним между лирическим циклом и тематической подборкой.

Минимально связные текстовые массивы названы в работе "псевдоциклами". Примером такого псевдоцикла является "Париж" В.Маяковского, состоящий из восьми озаглавленных поэтических текстов, единственным объединяющим стержнем которых является

тематика стихотворений. Более глубинных связей эти поэтические тексты не обнаруживают.

По признаку формы реализации связности текстов в лирическом цикле выделяются два типа межтекстовых связей: линейный и радиальный.

К линейному типу относятся такие виды связности, при которых определяющую роль в осуществлении межтекстовой когезии играют связи на синтагматическом уровне, обеспечивающие развертывание так называемого "лирического сюжета" последовательным переходом тем и образов из одного текста в другой. Линейная связность может быть выражена эксплицитно (союзы и союзные слова, местоимения) и имплицитно (эллиптические конструкции).

Радиальный тип связности - это разновидность межтекстовой когезии, при которой связь между текстами осуществляется не фабульным развертыванием поэтической ситуации, а возникает благодаря смысловому сопряжению поэтических текстов, составляющих лирический цикл. Радиальная связность в существенной мере основана на принципе рекурренции, поэтому важнейшая циклообразующая роль здесь принадлежит различным формам межтекстового повтора, который по своим функциональным особенностям отличается от повтора внутритекстового.

Актуализация повторяющегося образа в читательском восприятии возможна при условии достаточной "тесноты ряда". Естественно, что текстовое пространство, на котором могут функционировать (т.е. быть восприняты) повторы на звуковом уровне (звукообраз) и повторы на уровне словосочетания, различны. В первом случае дистанция между элементами должна быть минимальной (например, в пределах стиха), в то время как повторяющиеся словосочетания могут быть разнесены в разные концы поэтического текста. Можно предположить существование прямо пропорциональной зависимости между уровнем повторяющейся языковой единицы и протяженностью текстового пространства, на котором данный повтор может быть актуализирован.

Очевидно, что повторы на низших уровнях, равно как и повторы звуковые и грамматические, сами по себе реальной циклообразующей функцией не обладают именно в силу наличия фактора тесноты ряда: для больших текстовых массивов эти уровни повтора нерелевантны. Это значит, что релевантными для лирического цикла уровнями повтора следует считать уровни не ниже лекси-

ческого.

Среди различных уровней межтекстового повтора наибольший интерес представляют повторы на лексическом уровне, что преимущественно связано со способностью повторяющегося слова или его коррелята к таким семантическим трансформациям, которые невозможны для единиц более высоких уровней текстовой организации. С другой стороны, циклообразующие функции межтекстовых повторов на этих уровнях принципиально не отличаются от механизмов, действующих на уровне лексических повторов. Этим обусловлено то обстоятельство, что в работе рассматривается только межтекстовый лексический повтор в его циклообразующей функции.

Выделяются две формы межтекстового лексического повтора: эксплицитная и имплицитная.

К первой относится собственно лексический повтор, т.е. повторяемость слова в двух и более текстах. Это наиболее простая разновидность повтора. К этому же типу относится деривационный повтор - повторение какой-либо морфемы, преимущественно корневой.

Ко второй относятся четыре неявно выраженные разновидности межтекстового лексического повтора.

1. Семантический повтор - повторяемость лексико-семантических корреляций данного слова. К ним относятся, в первую очередь, корреляции по сходству (синонимы). Как частный случай семантического повтора можно рассматривать и антонимы (корреляции по контрасту).

2. Тропеический повтор - тип повтора, при котором на месте повторяемого слова стоит его образный коррелят - троп (в широком понимании термина): метафора, метонимия, синекдоха и т.д.

3. Тезаурусный повтор - тип повтора, при котором представленный в одном тексте образ связывается с другим образом не по своим системным параметрам, а по традиционно обусловленным культурным связям.

4. Ассоциативный повтор - разновидность повтора, при котором повторяющиеся образы связываются друг с другом не по семантическим или культурным компонентам, а по индивидуально-авторским представлениям или ассоциациям.

Всякий межтекстовый повтор может быть либо статичным (когда повторяющийся образ остается неизменным в объеме своего содержания на всем протяжении циклового пространства), либо дина-

мичным (когда повторяющийся образ претерпевает определенные семантические трансформации от текста к тексту).

Лексический повтор в лирическом цикле имеет двоякую направленность: с одной стороны, он обеспечивает образное, тематическое и прочее единство поэтических текстов, входящих в лирический цикл, т.е. выполняет роль "межстихотворных скреп" (В.Сапогов), образуя ряды сквозных символов и ключевых образов данного цикла, с другой стороны, межтекстовый повтор необходимо заключает в себе явное или имплицитное семантическое противостояние повторяемых лексем. Последнее означает, что полноценными циклообразующими функциями может обладать лишь такой лексический повтор, который в разных текстах имеет различные смысловые валентности.

Этим противостоянием предопределено возникновение семантического напряжения между текстами, ставящего их в отношение дополнительности друг к другу и обеспечивающего "возрастание смысла" лирического цикла как художественного целого. Межтекстовое семантическое противостояние повторяемых лексем проявляется в актуализации тех или иных контекстно обусловленных системных или окказиональных сем, порождающих различные коннотации.

Из сказанного следует, что сами по себе межтекстовые повторы еще не предполагают циклового единства. Эти повторы могут быть лишь знаками, предуказующими на возможность цикла, но не его отличительными признаками. В противном случае следовало бы считать циклом множество всех произведений какого-либо автора, имеющих общую тематическую и идейную направленность (например, вольнолюбивую лирику К.Ф.Рылеева, где слова "вольность", "тиран", "свобода" и др. получили статус ключевых словообразов[1]).

Таким образом, свойство циклообразования заложено не в самой повторяющейся лексеме, а в тех контекстах, в которых она реализуется, в которых актуализируются те или иные аспекты ее семантической структуры.

Изложенные теоретические положения продемонстрированы на примере анализа межтекстового повтора образа "лебедь" в лири-

---

[1]Гинзбург Л.Я. О лирике. -Л.: Советский писатель, 1974. - С. 26.

ческом цикле А.Блока "На поле Куликовом". В цикле представлены все пять разновидностей межтекстового повтора: лексические (туча, сердце, орда и др.), в том числе и деривационные (степь/степной,ночь/полночь/ночной), семантические (мгла-туман, сабля - меч, знамя - стяг), тропеические (река-Непрядва-Дон), тезаурусные (жена - княжна) и ассоциативные (Русь - жена).

Одной из важнейших смысловых особенностей данного цикла является противопоставление двух миров: Руси и монголо-татар, представляющее собой частный случай универсальной бинарной оппозиции "свое - чужое".

Таких противопоставлений в цикле довольно много. Представим некоторые из них:

"свое":	Русь	князь	рать	меч
"чужое":	татари	Мамай	орда	сабля (ханская) и др.

Однако в цикле есть образы совершенно неожиданные,и потому атрибуция их сопряжена с существенными трудностями. К таковым относится и образ "лебедь", представленный в T_2, T_3, T_5.

В сознании носителя русской культурной традиции этот образ наиболее тесно связан с характерным для свадебной обрядовой поэзии замещением образа невесты (чаще всего - в устойчивой формуле "белая лебедушка"). Он довольно часто встречается и в народных сказках (см. "Царевна Лебедь" и другие сказки в сборнике А.Н.Афанасьева), причем сказочный образ функционально сходен с обрядовым.

Анализ культурных коннотаций образа "лебедь", представленного в T_3, позволяет выявить достаточно широкий круг ассоциативных и тезаурусных связей, которые можно представить следующим образом: лебедь = Ты = Непрядва = княжна = жена (невеста) = = Русь (родина).

Как видим, образ "лебедь" в T_3 атрибутирован "миру Руси".

Рассмотрение этого же образа в T_2 и T_5 приводит к несколько неожиданному выводу о том, что образ "лебедь" соотнесен с миром монголо-татар. Впрочем, ассоциация "лебедь - монголо-татары" неожиданна лишь на первый взгляд. Дело в том, что лебедь считался тотемной птицей ("лебедь-предок") у ряда монгольских и тюркских племен, и в этом качестве образ был широко известен на Руси. Об этом свидетельствуют памятники древней русской книжности, в частности, "Задонщина", в которой однозначно атрибутированный монголо-татарам образ "лебедь" обрастает отрица-

тельными коннотациями. Отметим, кроме того, свадебные корильные песни, в которых свадебный поезд ассоциируется со стаей лебедей (или гусей-лебедей), а также русские волшебные сказки, где лебеди (гуси-лебеди) выполняют функцию помощника злой силы (ведьмы, Бабы-Яги, словом, "чужого", или – по терминологии В.Я.Проппа – антагониста).

Как видим, в сознании носителя русской культурной традиции образ "лебедь" биполярен, и в зависимости от контекста он может обрастать как положительными, так и отрицательными коннотациями. Эта традиционная ценностная двунаправленность образа и проявилась в цикле "На поле Куликовом".

Анализ по выявлению культурных коннотаций образа в системе лирического цикла должен был обосновать положение о том, что циклообразующая функция межтекстовых повторов заключается в диалектике единства и различия семантической структуры и коннотативного компонента повторяющегося образа, когда смысловое наполнение одного и того же образа изменяется от текста к тексту, обеспечивая тем самым "возрастание смысла" самого образа, поэтического текста и цикла в целом.

Завершающая часть данной главы посвящена обсуждению ряда вопросов, связанных с теми аспектами лирического цикла, которые позволяют рассматривать его как системное образование. Выделение некоторых важнейших аспектов системности лирического цикла имеет целью представление тех категориальных его параметров, которые имеют первоочередное значение для разработки метаязыка исследования лирического цикла.

Первый аспект системности лирического цикла – это взаимосвязанность текстов циклового ряда. Всякая система характеризуется в первую очередь связностью составляющих ее элементов. Следует, однако, отметить, что взаимосвязанность текстов является необходимым, но не достаточным структурообразующим фактором возникновения лирического цикла. Для того чтобы некоторое множество текстов образовало систему (цикл), необходимо наличие еще одного фактора – взаимодополнительности поэтических текстов.

Дополнительность есть одна из важнейших категориальных характеристик лирического цикла, предопределенная специфическими особенностями соотношения текста и контекста. Выше, рассматривая этот вопрос, мы пришли к выводу о том, что для каждого

текста, входящего в лирический цикл, все остальные тексты данного циклового ряда являются его контекстным окружением, или - иначе - дополнением данного текста. Взаимодополнительность есть второй аспект системности лирического цикла.

Третий из аспектов системности лирического цикла касается проблемы <u>валентности</u> поэтического текста в цикловом ряде. Под валентностью поэтического текста понимается способность того или иного текста вступать в различные смысловые взаимоотношения с другими текстами циклового ряда. Валентность не есть внутренняя характеристика поэтического текста - она целиком предопределена тем контекстом, в который входит данный текст, в котором актуализируются его межтекстовые связи.

Одним из основных признаков системы является ее иерархичность. Признак этот релевантен и для лирического цикла, представленный в несколько иной перспективе, чем это принято в теории систем. Имеется в виду понятие <u>доминанты</u>, которая в лирическом цикле может быть выделена на двух уровнях: образном и текстовом. С проблемой выделения доминанты связан четвертый аспект системности лирического цикла. Текстовой доминантой является текст, обладающий наибольшей валентностью в данном цикловом ряде. Лирический цикл может иметь несколько текстовых доминант, в той или иной мере аккумулирующих и фокусирующих в себе идеи и образы циклового целого. В этом случае остальные поэтические тексты включаются в силовое поле текстовой доминанты, а при наличии двух и более доминант цикловой ряд представляет собой систему взаимодействующих между собой концентров. Образцом такой цикловой организации является "Радуга" Е.Чаренца.

Однако наличие текстовой доминанты не является обязательным организующим фактором лирического цикла. Отсутствие доминанты предопределяет смысловое "равноправие" и равноценность каждого текста в циклообразовании, что обуславливает более интенсивные семантические сопряжения между всеми текстами циклового ряда.

Наконец, последний из выделяемых аспектов системности лирического цикла связан с давней историко-философской традицией, восходящей к Платону и Аристотелю, которая исходит из посылки, что целое больше суммы ее составляющих. Применительно к лирическому циклу как системному образованию это утверждение можно представить следующим образом: поэтические смыслы, порож-

даемые лирическим циклом не сводятся к сумме поэтических смыслов составляющих его текстов, а представляют собой принципиально новое образование, обусловленное межтекстовыми взаимодействиями. Множество поэтических смыслов, порождаемых цикловым контекстом, условимся называть надцикловым смысловым комплексом.

Надцикловый смысловой комплекс явно и однозначно не может быть выражен в цикле, так как ни один текст сам по себе не является носителем этого комплекса в его целокупности. Надцикловый смысловой комплекс есть результат эксплицитных и имплицитных связей и ассоциативных соотнесений между поэтическими текстами циклового ряда с культурным тезаурусом реципиента. Выявление (т.е. вербализация) этого комплекса - задача достаточно сложная и трудоемкая, поэтому анализ лирического цикла с целью выявления надциклового смыслового комплекса может претендовать лишь на большую или меньшую адекватность.

На основании представленного в первой главе аналитического обзора различных концепций лирического цикла, а также рассмотренных во второй главе проблем межтекстовой связности в системе лирического цикла предлагается следующее определение этого жанрового образования.

Лирический цикл представляет собой объединенное общим заглавием упорядоченное множество самостоятельных поэтических текстов, реализующих разноуровневые межтекстовые связи, которые порождают новые смысловые комплексы, не выводимые из смысловой системы каждого отдельного текста.

В третьей главе ("Лирический цикл Е.Чаренца "Страна Огня") предлагается анализ конкретного лирического цикла, основанный на теоретических положениях, выдвинутых во второй главе.

Несмотря на то что история изучения творчества Е.Чаренца насчитывает немногим более тридцати лет, можно достаточно уверенно сказать, что сегодня чаренцоведение является одной из наиболее разработанных направлений отечественной литературной науки, в первую очередь, благодаря исследованиям таких ученых, как С.Агабабян, Г.Ананян, Л.Арутюнов, Д.Гаспарян, А.Григорян, Э.Джрбашян, А.Закарян, А.Салахян, Г.Тамразян, Г.Эдоян и других. Вместе с тем следует отметить, что многие аспекты этой проблемы еще не в достаточной мере изучены. В частности, это касается лирических циклов Е.Чаренца.

Третья глава реферируемой работы посвящена изучению лирического цикла Е.Чаренца "Страна Огня" в контексте поэтического мировидения символизма.

Говоря о соотношении реального и идеального миров в символистской картине мира, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой "точки зрения" в художественной традиции символизма. Сущность этой проблемы заключается в противопоставлении онтологического и аксиологического статусов внеположенного мира и обусловленности первого вторым. Это противопоставление проявляется в том, что соотношение "мир реальный" и "мир идеальный" имеет различную смысловую наполненность для реципиента, находящегося в системе символизма и для находящегося вне этой системы. Различие сводится к тому, что для носителя культурных ценностей символизма проблема "идеальное - реальное" в аксиологическом плане трансформируется в оппозицию "истинность - ложность": для символиста реальность (объективная действительность) есть совокупность отрицательных коннотаций, и, как таковой, реальный мир есть хоть и явленный, но не должный мир. Не-должный мир на ценностной шкале духовного постижения человека не может быть истинным: он призрачен, мним, нереален. Объективная реальность становится, таким образом, минус-реальностью, ирреальностью.

В противоположность объективной действительности, мир идеальный как процесс и результат духовного постижения познающего субъекта, как продукт творчества и сотворчества субъекта и внеположенного ему мира, позволяющий за внешней явленностью мира медитативно прозреть сокровенную сущность его, есть единственно реальный мир - мир идеальных сущностей, истины и гармонии.

Цикл "Страна Огня" в рассматриваемом нами аспекте представляет особый интерес, ибо в данном произведении мы имеем дело с довольно редким феноменом в поэтической практике, а следовательно - и в мировидении символизма: не только противопоставлением мира идеального миру реальному, но, наряду с этим, со-бытием и противостоянием нескольких идеальных миров: "должного" мира, мира Страны Огня и Лунного мира.

Каждый из них не только противостоит миру реальному, но и противопоставлен другому идеальному миру по тому же принципу "истинность - ложность". Это противопоставление различных систем идеальных миров составляет один из основополагающих аспектов надциклового смыслового комплекса данного лирического цик-

ла. Цикл "Страна Огня" представляет собой достаточно связный цикл с преобладанием радиальных типов связи.

С точки зрения содержательной данный цикл рассматривается как трехчастная композиция, состоящая из следующих компонентов.

I. T_I, постулирующего идеальный мир лирического героя ("Я");

2. Группы текстов ($T_2 - T_9$), представляющих мир Страны Огня;

3. T_{I0}, где разрабатывается тема поисков духовной родины лирических героев цикла.

Композиционная организация цикла создает сложную систему межтекстовых семантических связей, выражающуюся в том, что связи эти различным образом распределяются по двум уровням.

Первый уровень межтекстовых связей составляют радиальные связи, существующие между выделенными выше тремя частями произведения.

Второй уровень составляют линейные и радиальные связи, существующие внутри второй части, т.е. внутри группы текстов $T_2 - T_9$, представляющей мир Страны Огня.

Несмотря на то, что идеальные миры в цикле представлены неравным количеством текстов, рассмотрение семантики каждого из этих миров основывалось на принципе равной значимости их. Поэтому предполагалось, что тексты, представляющие эти миры (T_I, $T_2 - T_9$ и T_3), являют собой вполне соотносимые и семантически равномощные единства.

Доминирующая характеристика представленных в цикле миров по шкале "истинность - ложность" вырастает из более частных характеристик их, в большинстве своем не имеющих эксплицированных оппозиций в системе другого мира. Здесь вступает в силу одна из основных жанрообразующих особенностей цикла - взаимодополнительность составляющих его компонентов, проявляющаяся в данном случае в том, что та или иная из доминирующих характеристик одного мира имеет свой имплицитный коррелят в системе другого мира. И так как миры эти противопоставлены друг другу, то противопоставлены и корреляты их характеристик, по существу представляющие собой явные или имплицитные оппозиции.

Мир Страны Огня представляет собой атрибутированный лирической героине идеальный мир, основополагающей характеристикой

которого является противоречие между явленностью и сущностью субстанций и состояний в системе этого мира.

Констатация неистинности времени и пространства в мире Страны Огня могла бы быть осмыслена как выражение одной из наиболее характерных для онтологической концепции символизма сущностных характеристик - вневременности и внепространственности идеального мира и его обращенность в Вечность. Однако семантическая структура пейоративных эпитетов "ложный" и "темный" по отношению ко времени и к пространству указывает не на вневременность и внепространственность, а на "безвременность" и "беспространственность" мира Страны Огня, т.е. на статус аксиологический, а не онтологический.

Предчувствие, а затем осознание и соответствующая оценка мира Страны Огня лирическим героем не есть априорная констатация, а является результатом духовного постижения ситуаций и состояний в системе этого мира. Таковой, в частности, является поэтическая ситуация, представленная в T_3, T_5 и T_6 в виде трех ситуативных модификаций. Эта поэтическая ситуация в плане лирического сюжета, представляющая собой событийную основу мира Страны Огня, базируется на со- и противопоставлении преимущественно цветовых и термальных характеристик, которые в дальнейшем трансформируются в оппозицию "явленность - сущность". Рассмотрение ситуативных модификаций приводит к важному выводу в плане характеристики Страны Огня, а именно: внешняя явленность субстанций и состояний в системе этого мира не только не соответствует, но и являет собой полную противоположность их имманентной сущности.

Указанное противоречие проявляется не только в ситуативных модификациях, но и в самом названии Страны Огня. Имя, будучи само по себе сущностным признаком, в мире Страны Огня обретает противоположный ему признак внешний, несущностный, а потому эфемерный. Если признать за именем обладание сущностными чертами, а за названием - конвенциональность, а стало быть и произвольность его, то применительно к Стране Огня будет верным утверждение, что в данном случае мы имеем дело не с именем, а с названием. Несущностным, произвольным характером названия "Страна Огня" предопределен и аксиологический статус этого мира по шкале "истинность - ложность". Мир Страны Огня есть ложный мир, поскольку имя его не соответствует сущности: имя подменено

названием, сущность - внешней явленностью.

Рассмотренные характеристики "Страны Огня" - временно-пространственного континуума, взаимоотношения явленного и сущностного и связанного с ним противоречия между именем и сущностью - приводят к общей оценке аксиологического статуса данного мира как мира изначально ложного.

Помимо атрибутированного лирической героине мира Страны Огня, в цикле представлен еще один концептуальный мир - мир лирического героя. Сущностные характеристики этого мира декларированы в T_I.

Здесь постулируется определенный концептуальный мир, который, как и всякий символистский идеальный мир, неизбежно противопоставлен миру реальному. Ценностный статус этого мира определен для лирического героя инициальным "мечтаю...", что позволяет именовать его "должным миром".

Сущностное содержание этого мира характеризуется взаимопроницаемостью и взаимослиянностью субстанций и состояний.

Поэтому оппозиция "тело - душа" здесь может не только нейтрализоваться, но и объединяться в некоторое единство благодаря тому, что состояния, в которых пребывают эти субстанции, не есть нечто раз и навсегда данное, а являют собой обратимые трансформации: тело и душа не суть только противопоставленные друг другу дискретные и самодостаточные субстанции, они взаимопроникают и взаимосливаются. В системе должного мира душа есть бесплотное тело, а тело есть воплощенная душа. Каждый из лирических героев, будучи динамическим взаимопереходящим единством физического и духовного, представляет собой различные ипостаси целостного единства "Я - Ты".

Обратимость оппозиций особенно акцентирована в последнем стихе амплификацией имен-характеристик лирической героини, объединяющим принципом которых является семантический комплекс, связанный с единством двух противостоящих представлений о любви как эросе и как агапэ[I], что обобщает и завершает характе-

---

[I] О семантике греческих терминов, выражающих понятие "любовь", см.: Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в I2 письмах. -М. : 1914. -С. 395-407.

[illegible] [illegible] мира – мира постоянного взаимопроникновения [illegible] [illegible] и состояний.

[illegible] [illegible] явленности и имманентной сущности, с одной стороны, и [illegible] характером начальных и конечных [illegible] [illegible], с другой, предопределен аксиологический статус "[illegible]" мира – мира абсолютной истинности.

Кроме [illegible] [illegible] двух миров, в цикле постулирован еще один [illegible] мир. Речь идет о представленном в T_3 Лунном мире. Вопрос о статусе Лунного мира и его отношении к двум другим мирам достаточно сложен, в первую очередь, из-за недостаточной эксплицированности его семантики в цикле.

Говоря о Лунном мире, необходимо указать на то, что почти все атрибуты его содержат в себе более или менее устойчивые цвето-термальные коннотации, традиционно связанные с представлениями о луне. Это дает нам основание рассматривать словосочетание "Лунный мир" как имя, признавая в нем отражение сущностных характеристик этого мира.

Сравнение с миром Страны Огня приводит к выводу, что, несмотря на кажущуюся противопоставленность Лунного мира миру Страны Огня (в частности, по своим цвето-термальным характеристикам), оба они в известной степени едины, так как, во-первых, эманация обоих миров исходит от одного субъекта; во-вторых, противопоставленность миров проявляется лишь при соотнесении атрибутов Лунного мира с внешней явленностью атрибутов мира Страны Огня, заключающих в себе семантические признаки, связанные с представлениями об огне. На глубинном же уровне все эти коннотации, как было показано выше, трансформируются в свою диаметральную противоположность. И на этом глубинном уровне мир Страны Огня и Лунный мир составляют единство и по сути идентичны. Впрочем, говорить о полной идентичности обоих миров неправомерно, так как в плане онтологическом они противостоят друг другу по соотношению явленности и сущности: в мире Страны Огня оба эти уровня конфликтно противопоставлены, в Лунном мире они составляют единство.

Это единство явленности и сущности в системе Лунного мира обусловливает, казалось бы, сходство его с миром "должным". Однако и здесь отличий больше, чем сходства.

От "должного" мира Лунный мир отличается прежде всего нетрансформационным характером развития образов. Действительно,

явленность и сущность в системе Лунного мира составляют единство. Но это не динамическое взаимопереходящее единство, как оно репрезентировано в "должном" мире. Это единство статичное, раз и навсегда данное и неизменное. Лунный мир истинен лишь постольку, поскольку непротиворечив в самом себе. Непротиворечивость эта является необходимым, но, как видим, не достаточным условием абсолютной истинности. Лунный мир являет собой относительно истинный мир и в космологии цикла занимает промежуточное положение между абсолютно истинным "должным" миром и ложным миром Страны Огня.

В Заключении подводятся основные итоги проведенного исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. О соотношении текста и контекста. - В сб. : Актуальные проблемы обучения русскому языку в вузах Армянской ССР (работа над языком специальности). Материалы Республиканской научно-практической конференции. -Ереван : 1987. - С. 87-89.

2. Цикл Е.Чаренца "Страна Огня" в контексте поэтического мировидения символизма. - В кн. : Вопросы русского языка и литературы. Русская литература и русско-армянские литературные связи. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. -Ереван, 1989. - С. 119-129.

3. К проблеме восприятия лирического цикла (аспекты культурных коннотаций). - В сб. : Проблемы изучения художественной литературы в контексте советской культуры. Международная научно-методическая конференция. Тезисы докладов. -Л. : 1989. - С. 4-6.

4. Лирический цикл как тип текста. - В сб. : Семантические и коммуникативные категории текста (типология и функционирование). Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. -Ереван : 1989. - С. 5-6.

5. Циклообразующие функции межтекстового повтора. - В сб. : Декабрьские литературные чтения. Материалы научной конференции. - Вып. 3. -Ереван, 1990. - С. 9-19.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. М. ГОРЬКОГО АН СССР

На правах рукописи

«Л. Н. ТОЛСТОЙ И АРМЯНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ»

(Из истории русско-армянских литературных связей)

АМИРХАНЯН АНАИТ МИХАЙЛОВНА

Специальность: 10.01.01. — Русская литература
10.01.03. — Литература народов СССР
(Армянская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА — 1990

Работа выполнена на кафедре русской литературы Ереванского ордена Дружбы народов государственного педагогического института русского и иностранных языков им. В. Я. Брюсова.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор ДАРОНЯН С. К.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, ЖУРАВЛЕВА А. И.
кандидат филологических наук Давтян Р.Г.

Ведущее научное учреждение: Калининский государственный университет

Защита диссертации состоится «——»——————1990 г.

в —— ч. на заседании специализированного Совета Д 002.44.01 по филологическим наукам при Институте мировой литературы им. М. Горького АН СССР (121069 Москва, ул. Воровского, 25а).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Автореферат разослан «——»——————1990 г.

Ученый секретарь специализированного Совета, кандидат филологических наук **А. М. УШАКОI**

<u>Актуальность проблемы</u>. Л.Н.Толстой широко известен в Армении со второй половины прошлого века. Проблема восприятия и изучения его творчества уже становилась объектом исследования армянских ученых. Его многоаспектность определяла жанровую и тематическую разнородность научных трудов: от статей, реферативных обзоров, кандидатских диссертаций по отдельным проблемам, раздела в докторской диссертации до монографий.

Одна из основных причин неослабевающего интереса армян-исследователей к творчеству Толстого - это наличие в нем важных общечеловеческих вопросов. Здесь сливаются воедино философское и социальное, этическое и эстетическое, религиозное и историческое, личное и общечеловеческое. В нем - заряд высокой нравственности и гуманизма. Поэтому мир, населенный толстовскими героями, в сознании армянского читателя становится квинтэссенцией реальной жизни. В результате этого русско-армянские литературные и межнациональные взаимоотношения в эпоху многосторонних контактов все более возрастают. В этом аспекте актуальной и поучительной является малоизученная страница творческой биографии писателя "Л.Н.Толстой и армянская действительность", охватывающая отображение в его художественном слове армянских мотивов, картин, образов; общение и переписку писателя с представителями армянского народа; перевод сочинений Толстого на армянский язык; восприятие и оценку его творчества армянской литературной критикой[1].

Изучение этой проблемы раскрывает характер взаимоотношений русских и армян, содействует взаимообогащению культур двух братских народов, показывает влияние творчества Толстого на армянскую литературу.

<u>Научная новизна</u> исследования состоит в том, что в работе <u>впервые</u> предпринята попытка всесторонне осветить проблему с учетом уже имеющихся работ по различным аспектам творчества русского писателя.

В диссертации <u>впервые</u> целостно рассматриваются армянские мотивы, картины, сцены и образы в художественном слове писателя и раскрываются причины их возникновения и развития; <u>впервые</u> вводятся в научный оборот материалы об общении и переписке Толстого с представителями армянского народа, раскрывающие новые грани характера,

---

[1] В понятие "армянская действительность" входит также: деятельность представителей армянской национальности, проживающих в Армении, в России и за ее пределами; публикация в армянской печати, издававшейся в Армении и за ее пределами, переводов из Толстого и критических статей о сочинениях писателя.

творчества и деятельности писателя; впервые нами опубликованы шесть из более полутора десятка писем армянских деятелей к Толстому и отрывки из воспоминаний о нем. В аспекте марксистско-ленинского учения рассматривается вопрос вхождения Толстого в армянскую литературу и оценка его творчества армянской критикой.

Цель и задачи работы - раскрыть причины, побудившие Толстого отобразить армянскую действительность в художественном слове; подчеркнуть интерес, который был среди почитателей армянской национальности к деятельности и творчеству Толстого; отметить степень духовной близости и созвучность сочинений русского писателя армянскому читателю, рассмотреть стремление армянских деятелей культуры к общению и переписке с Толстым.

Будучи национальным писателем, Толстой общечеловечен: он - носитель вечных начал нравственности, вечных истин, судья и учитель жизни. И не случайно известный советский армянский писатель Стефан Зорьян образно сравнил Великого Старца с "огромным дубом, который своим могучим станом и крепкими ветвями господствует над окрестностью".

Начиная с 80-х гг. XIX в., еще при жизни, Толстой неоднократно переводился на армянский язык, изучался в различных аспектах, разрабатывался и осмысливался в армянском литературоведении.

Естественно, выбор произведений для перевода в дореволюционное время диктовался общественно-политической ориентацией переводчиков, и оценка творчества Толстого осуществлялась то с демократических, то с либеральных, то с консервативных, а с начала XX в. и с марксистских позиций.

Несравненно широкое, глубокое и целенаправленное изучение творчества Толстого в армянском литературоведении началось в советское время и особенно в последние десятилетия. Это работы А. Воскречяна "Русская литература и Отечественная война 1812 г." /Ереван,1943,на арм.яз./; Р.Оганесяна "Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью"/Ереван,1952,на арм.яз./; его же "Лев Толстой и армянская литературная жизнь"/Ереван,1964, на арм.яз./; С.Арешян "Лев Толстой" /Ереван,1960,на арм. яз./; Г.Овнана "Лев Толстой в оценке армянской интеллигенции" - глава в книге "Русско-армянские литературные связи в XIX-XXвв.", т.II /Ереван,1961, на арм.яз./; Э.Нуралова "Об эстетических взглядах Л.Н.Толстого"/Ереван,1965/;его же "Эстетика Л.Толстого в оценке критики"/Ереван, 1979/; материалы сборника "Л.Н.Толстой и литера-

тура народов Советского Союза" /Ереван,1978/; многочисленные статьи различных авторов /Н.Вартапетовой, Г.Маджаряна, Т.Ахумяна и др./; диссертационные работы С.Базян "Л.Н.Толстой и армянская литературно-критическая мысль" /Ереван,1977/ и Р.Тер-Григорян "Роман Л.Н.Толстого "Война и мир"в армянских переводах" /Ереван, 1985/; большое количество публикаций в республиканской прессе в связи со 150-летием со дня рождения Толстого /статьи Г.Свиана, Л.Мкртчяна, Э.Джрбашяна, С.Дароняна, С.Агабабяна, Н.Каграманова и других/. Эти и другие работы о Толстом рассматриваются нами в III главе диссертации.

Наша работа отличается от вышеназванных целостностью изучения темы, которая представляет научный и практический интерес.

В диссертации мы исследовали:

а/ в каких художественных произведениях и в связи с чем нашли воплощение армянские мотивы, картины, сцены и образы;

б/ переводы произведений Толстого на армянский язык;

в/ оценку творчества Толстого армянской литературной критикой и влияние Толстого на армянскую литературу;

г/ знакомство, общение и переписку Толстого с армянами - представителями различных сословий и рода занятий.

Совокупная интерпретация проблемы создает возможность не только всестороннего и целостного ее восприятия и освещения, но и раскрывает /что весьма ценно/ межнациональные взаимоотношения русских и армян.

Практическое значение работы. Материалы диссертации могут быть использованы в лекционных курсах как по русской, так и по армянской литературам, в спецкурсах и спецсеминарах по русско-армянским литературным взаимосвязям, в широкой сети общества "Знание", а также в работах, посвященных творческому наследию Л.Н. Толстого.

Методологической основой работы служат труды классиков марксизма-ленинизма, статьи Ленина о Толстом, а также исследования советских литературоведов.

Апробация работы. Две главы диссертации в кратком изложении опубликованы в статьях, а диссертация в целом опубликована, также в кратком изложении, в брошюре.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. В конце приложен список использованной литературы.

В первой главе - "Армянская среда и персонаж в художественном слове Л.Н.Толстого" - исследуется:"Пьер Безухов защищает армянскую семью". "Торговец-армянин в "Казаках". "Армяне в окружении князя М.С.Воронцова /"Хаджи-Мурат"/".

В главе впервые в литературоведении целостно рассматриваются различные армянские воплощения в художественном слове писателя.В диссертации сделан подробный анализ армянских отображений, показано, что небольшие сцены, эпизоды в больших и малых по объему художественных сочинениях раскрывают детали,иногда кажущиеся незначительными, тогда как они зачастую важны и ценны для понимания героя и его действий,поступков и, как следствие этого, углубляют характер описываемых событий.

В романе "Война и мир" Толстой разносторонне охватил большой период истории России, дал образ русского народа, раскрыл его роль в историческом процессе, вскрыл социальные взаимоотношения в русском обществе.Представляют интерес и описания инонациональной действительности. Это эпизоды французской, грузинской и прочей действительности. Имеются воплощения и из армянской жизни.Толстой дает с одной стороны красочную,гуманную,с другой - жестокую сцену из Отечественной войны 1812 г., события которой перенеслись в Москву. Устами и действиями Пьера Безухова относительно войны писатель делится с читателем. "Неожиданно доброе и приятное"лицо Пьера отражает, как в зеркале, события, происходящие в разрушенной Наполеоном Москве: Пьер спас от неминуемой смерти капитана французской армии Рамбаля /спас француза, в то время как незадолго до этого решил убить виновника всех несчастий,страданий и безумства - Наполеона/;отыскал девочку в саду горящего дома, чтобы вручить ее родителям; заступился за армянскую семью и спас ее от мародеров.

В небольшом по объему, но значительном, на наш взгляд, эпизоде, в котором описана армянская семья, Толстой подчеркнул гуманизм Пьера, которому, пожалуй, было все равно кто, представитель какой национальности страдает в эту минуту. Толстой говорил о своем романе:"Там есть славные люди.Я их очень люблю".Почему же Толстой, раскрывая характер одного из "славных людей",Пьера, обратился к этому эпизоду с "армянским семейством"?Вымысел это или реальность? Подробные ответы на этот и другие вопросы даются в диссертации.

Значимость эпизода с армянским семейством подчеркивается и иллюстрациями советского художника В.Серова "Войны и мира", написавшего картину "Пьер в Москве". В диссертации аргументированно утверждается, что воплощение Толстым армянской сцены было не случайным, констатируется также, что в XIX в. в Москве существовала большая армянская колония, возникшая еще в XVI в. В 1807 г. здесь была основана армянская типография, в 1815 г. - гимназия, а затем, в 1827 г., на ее базе Институт восточных языков, что свидетельствует о том, что московская армянская колония нуждалась как в своем национальном печатном слове, так и в национальном учебном заведении. Эти факты говорят о том, что армяне в Москве жили полнокровной жизнью своего окружения /это значимо/ с сохранением, конечно, национальных традиций. И во время Отечественной войны они вместе с русскими пережили как трагедию, горе и ужасы поражения, так и, последующие за ней, освобождение и радость победы.

Армянские упоминания в художественных произведениях Толстого встречаются и в его сочинениях, связанных с поездкой на Кавказ в 1851 г. Тогда Толстой прожил некоторое время в казацкой станице Старогладковской. Жизнь казачества этой станицы нашла отображение в повести "Казаки" /1852-1862/. В художественной канве этого сочинения тесно переплетаются картины из жизни, традиций и обычаев разных народов. В их числе образ "армянина-лавочника в синей черкеске тонкого сукна с галунами, стоящего у отворенной двери, в которой виднелись ярусы свернутых цветных платков, и с гордостью восточного торговца и сознанием своей важности, ожидающего покупателей". В диссертации раскрываются истоки этого эпизода.

В отличие от армянских эпизодов в "Войне и мире" и "Казаках", в "Хаджи-Мурате" Толстой описал армян - представителей различных сословий и чинов. Он показал, что на обеде в доме князя М.С.Воронцова сидевший в конце стола армянин рассказал о подробностях подвига Хаджи-Мурата. А после обеда генерал-армянин в обществе князя Воронцова играл в старинную карточную игру ломбер. В приемной князя был и безымянный богач-армянин и воинский начальник Шушинского уезда подполковник Тарханов, он же переводчик князя, а адъютант Воронцова по особым поручениям гвардии ротмистр М.Т.Лорис-Меликов был приставлен к Хаджи-Мурату и т.д.

В повести Лорис-Меликов показан /главы X-XIV/ активным действующим лицом, он - опора князя Воронцова, ему было поручено дело

государственной важности - узнать всю историю Хаджи-Мурата из его уст, записать и перевести на русский язык для императора. Лорис-Меликов выполняет это поручение умело и с достоинством. По окончании этой работы он составил "Записку", которая была опубликована в "Русской старине" в 1881 г. Л.Толстой широко использовал ее при создании своей повести. Он показал незаурядные способности адъютанта Воронцова, выполнившего ответственное задание наместника Кавказа. Пожалуй, с этой роли адъютанта по особым поручениям и начиналось большое будущее литературного героя Лорис-Меликова, который на "плодотворной" ниве самодержавия впоследствии стал государственным деятелем, генерал-губернатором Астраханской, Саратовской, Самарской и Харьковской губерний, министром внутренних дел и шефом жандармов России, ведшим борьбу против революционного движения. Политическая деятельность Лорис-Меликова выходит за пределы исследуемой в диссертации темы. Она получила свою оценку в работе Ленина "Гонители земства. Аннибалы либерализма".

В письме военному министру А.Чернышеву, дословно использованному в повести Толстым, князь Воронцов высоко отзывался о Лорис-Меликове, о начальнике Шушинского уезда подполковнике Тарханове. С неменьшей убедительностью Толстой создает в повести и реальный образ начальника Нухинского уезда подполковника Иосифа Корганова, проявившего после бегства Хаджи-Мурата большую смекалку и оперативность.

В диссертации показано, что Корганов, как и другие упомянутые выше представители армянского народа, пользовался расположением и доверием князя М.Воронцова, что и стало одним из поводов для разрешения Хаджи-Мурату поехать на некоторое время в г. Нуху, откуда он совершил побег. Устами Воронцова Толстой подчеркивает преданность Корганова.

В работе мы указали на ряд действующих лиц армянской национальности, которые в русской среде активно участвовали во всех сферах жизни общества. Толстой, сделав их литературными героями, даже не изменил фамилии многих из них и остался верен в самых, на первый взгляд, незначительных деталях. "Когда я пишу историческое, - признавался он, - я люблю быть до малейших подробностей верным действительности". И действительно, в исследованных в диссертации произведениях Толстой дал художественное описание исторических событий, происшедших в России , местами "украсив" свои сочинения

сценами из жизни других народов, в том числе и картинами из армянской жизни, так тесно переплетавшейся с русской; расширяя и дорабатывая имевшийся под рукой исторический и фактический материал, и, пользуясь правом художника слова, домысливал там, где это считал необходимым или где не доставало соответствующего фактического материала. И, домысливая, он не отходил от истины.

В диссертации проведен подробный анализ истории создания повести "Хаджи-Мурат", чему содействовали и представители армянского народа - участники событий, показанных в повести; выделены места, где Толстой воспользовался сведениями, сообщенными ими писателю о событиях, в которых они сами принимали участие. В числе корреспондентов Толстого по "Хаджи-Мурату" были мать и сын Коргановы, достоверность сведений которых, сообщенных Толстому и использованных им в повести, подтверждается в диссертации соответствующим анализом и другими источниками.

Таким образом, рассмотренные в диссертации армянские картины, мотивы, сцены и образы в художественных произведениях Толстого позволили сделать вывод о том, что глубоко реалистический метод Толстого в рассмотренных произведениях сохранился и усилил колорит отображения нерусской действительности.

Во второй главе - "Из истории переводов произведений Л.Н.Толстого на армянский язык" - рассматриваются: "Первые переводы 80-х гг. XIX в.". "Публицистика, рассказы и романы Толстого в армянских переводах". "Первый однотомник, двухтомник, шеститомник и десятитомник Толстого на армянском языке".

В соответствии с общей задачей диссертации в главе преследуется цель изучить историю переводов сочинений Толстого на армянский язык, выполненных различными переводчиками впервые. В диссертации рассматриваются также и причины, побудившие сделать первые переводы, отмечено отношение к ним армянского читателя.

Первое знакомство читателя с произведениями Толстого на национальном языке относится к 80-м гг. XIX в. Интерес армянского читателя к творчеству писателя еще с прошлого века объясняется отображением в его произведениях созвучных армянам жизненных проблем. Сочинения Толстого переводились и публиковались на армянском языке не только в органах армянской печати Закавказья, России, но и Западной Армении. Такого широкого интереса в XIX в. армянская печать не проявляла ни к одному русскому писателю.

Одним из первых переводов на армянский язык из Толстого был

рассказ "Метель" неизвестного переводчика, включенный в I часть книги "Избранные отрывки" - хрестоматии, составленной Ованесом Назарянцем и изданной в Тифлисе в 1883 г. Задолго до этого армянская интеллигенция, естественно, была знакома с сочинениями Толстого в оригинале.

История переводов произведений Толстого на армянский язык начинается с рассказа "Метель", очевидно, потому, что в нем показана тяжелая жизнь русских крестьян, которые каждый год вынужденно ходили на заработки. Это так похоже на участь армянских крестьян, также уходивших на заработки в чужие края.

В 1884 г. видный писатель-демократ Г.Агаян перевел рассказ "Комар и лев" и включил его в составленный им учебник для II и III классов "Обучение родному языку". Интерес армянского читателя к детским рассказам Толстого не случаен. Они и в наши дни являются лучшими образцами литературы для детского чтения. В свое время они входили в "Азбуку" и в четыре "Русские книги для чтения" Толстого. Переводами занимались такие маститые деятели армянской литературы как Г.Агаян, П.Прошян, Ов.Туманян, Ал.Цатурян, Ст.Зорян и др. Детские сочинения Толстого публиковались на страницах армянских газет и журналов, издавались отдельными книжками, а с 1883 г. систематически включались в школьные учебники и хрестоматии для чтения:"Обучение родному языку", "Атикнер" /"Зерна"/, "Ганцзаран" /"Сокровищница"/, "Майрени хоск" /"Родное слово"/ и др.

Если в 80-е гг. из Толстого переводились рассказы для детей и другие произведения в основном малого объема /"Метель" - 1883, "Комар и лев" - 1884, "Чем люди живы" - 1885, "Что такое счастье" - 1886, "Ян Гус" - 1887, "Бог видит правду, да не скоро скажет" - 1888/, то в 90-е гг. предпринимаются попытки перевести более крупные его сочинения /"Колумб", "Робинзон" - 1891, "Крейцерова соната" - 1893, "Кавказский пленник" - 1894, "Детство" и "Отрочество" - 1899 и т.д./. Естественно, что в эти годы осуществлялись и повторные публикации уже переведенных произведений.

Обращает на себя внимание "география" переводов. Сочинения Л. Толстого переводились не только в русской Армении и многих армянских поселениях России, но и в других странах, где проживали армяне.

В диссертации акцентируется и то, что переводчики испытывали большие затруднения, поскольку тогда не было еще никаких общепри-

нятых принципов в этом деле. Поэтому в предисловиях к своим переводам они давали разъяснения по тем или иным вопросам. Так, Х. Степане испытывал большие затруднения из-за своеобразия стиля писателя. Он писал: "Нелегко было переводить "Крейцерову сонату", поскольку стиль Л.Толстого сложен, у него встречается множество трудно переводимых выражений, оборотов... Однако при этом стиль Толстого обладает поразительной силой, которая захватывает переводчика полностью и надолго оставляет под своим влиянием". "Крейцерова соната" была переведена намного раньше, но ее публикация в России была запрещена. Появление этого перевода способствовало распространению толстовских прогрессивных идей в армянской литературе. На публикацию "Крейцеровой сонаты" откликнулся видный публицист, журналист и деятель литературы Т.Арпиарян в константинопольской газете "Аревелк" /"Восток"/ от 18 мая 1894 г. Ее издание на армянском языке он считал важным событием в литературной жизни армян.

В 1895 г. Толстой написал статью "Стыдно", в которой он выступил против телесных наказаний солдат и крестьян. Отрывки из этой статьи напечатала 13-14 января 1896 г. тифлисская армянская газета "Мшак". В армянской действительности идеи этой статьи воспринимались широко, поскольку массовое истребление армян в Турции требовало безотлагательного вмешательства извне.

Таким образом, в последнем десятилетии прошлого века Толстой стал популярным и любимым писателем армянского читателя. К такому выводу мы пришли в диссертации при более широком обозрении переводов из Толстого в указанный период.

В начале XX века интерес армянского читателя к творчеству Толстого значительно активизировался. В 1901 г. публикуется на армянском языке отрывок из "Воскресения" - "Добрый и злой человек", а в 1902 г. вышел его полный перевод. Роман увидел свет на армянском языке в то время, когда царская цензура развернула активную борьбу против распространения сочинений великого художника.

С 1903 по 1907 гг. из сочинений Толстого было переведено, напечатано или переиздано 43 названия. В 1905 г. в переводе Е.Мурадяна издается первый однотомник сочинений писателя на армянском языке. К 80-летию Л.Толстого, в 1908 г., был издан первый двухтомник под заглавием "Народные рассказы". Это было явлением в культурной

жизни армян. Известный армянский поэт В.Терьян считал, что "Лев Толстой - это писатель, чье собрание сочинений, если не полное, то хотя бы, по возможности, более полное, должен иметь каждый народ, если он называет себя культурным народом". Вместе с переводом художественных произведений Толстого, передовая армянская интеллигенция обращает серьезное внимание и на публицистику писателя, в которой острее ставились социальные проблемы, политические вопросы, шире и глубже раскрывались пороки общества. Ярким подтверждением этого является статья "Не могу молчать", в которой писатель с небывалой силой выступил против наказания смертной казнью. Статья была написана в 1908 г., в период разгула столыпинской реакции, когда намного увеличилось количество невинных жертв. На армянском статья была напечатана в отрывках бакинским журналом "Шепор" /1908/, а в 1909 г. в Константинополе вышла отдельной брошюрой под названием "Не могу молчать, должен заговорить".

Перевод и публикация остро полемических статей Толстого оказывал влияние на армянскую периодическую печать, привлекал ее внимание к творчеству и личности писателя.

В 1910-11 гг. полностью, в отрывках или повторно было опубликовано из Толстого более 70-ти его произведений. Издается "Воскресение", "Анна Каренина", отрывки из "Детства", "Отрочества", "Юности", "Исповеди". В двух томах выходят "Повести". Издание крупных сочинений Толстого явилось важным событием в культурной и общественной жизни армян. Выход двухтомника повестей и по сей день не утратил своего звучания. С небольшими исправлениями и редакторской доработкой они вошли в 40-50-х гг. в 10-томное собрание сочинений Толстого под редакцией Ст.Зорьяна. В переводе известного армянского прозаика Нар-Доса и драматурга Сундукяна почти одновременно была издана драма "Живой труп". Переводы из Толстого последовательно знакомили армянского читателя с сочинениями писателя, раскрывающими суть его "непротивления злу насилием", хотя в них вместе с тем остро критиковались и высмеивались также и современные социально-экономические и политические проблемы. Идея самоусовершенствования личности и непротивления превалирует в армянской прессе. Перевод романов Толстого, других его сочинений, значительно обогащал армянскую литературу, способствовал укоренению в ней реалистического начала Толстого, бесспорно оказывал влияние на творчество многих армянских писателей. По этому поводу Ст.Зорьян признавался: "Должен сказать, что перевод сочинений Тол-

стого, несмотря на трудности, доставил мне огромную творческую радость, и в процессе перевода я многому научился у Толстого".

Во втором десятилетии XX в. перевод и публикация произведений Толстого на армянском языке заметно уменьшился. А после Октябрьской революции в 20-30 гг. это дело приобретает государственный характер и ставится на строго научную основу. В 1935-40 гг. издается шеститомник сочинений Толстого, а в 1948-50 гг. десятитомное собрание его сочинений на армянском языке. Новые переводы из Толстого публикуются и в наши дни.

В этой главе диссертации мы рассмотрели и примеры стилистической адекватности перевода. Нами проанализировано более двадцати отрывков и сделаны соответствующие выводы.

В главе мы пришли к выводу, что популярность Толстого в среде армянского читателя распространялась быстро и влияние его было огромным. Поэтому и количество новых переводов и переиздание ранее переведенных сочинений шло значительно активнее, нежели переводы сочинений из других русских писателей.

В третьей главе - "Л.Н.Толстой в оценке армянской литературной критики" - исследуются: "Первая армянская критическая статья о Л.Н.Толстом". "Критика 90-х гг. XIX в. о Л.Н.Толстом". "Л.Н.Толстой в оценке армянской марксистской критики". "Советские армянские литературоведы о Л.Н.Толстом". В соответствии с целью этой главы в ней исследуются критические статьи, впервые осветившие ту или иную проблему в творчестве писателя.

Одна из первых критических работ - статья известного армянского поэта И.Иоаннисиана вместе с оценкой рассказа Толстого "Чем люди живы" разъясняла его перевод на армянский язык. Иоаннисиан подчеркивал, что в переводе он обратил внимание на два момента: во-первых, армянский читатель знакомился через рассказ с русской крестьянской действительностью, и, во-вторых, он обращал особое внимание на язык перевода, который, по его мнению, не должен быть чисто литературным, что литературным языком невозможно всецело передать колорит и специфику русской крестьянской действительности. Утверждение Иоаннисиана справедливо. Ведь рассказ "Чем люди живы" основан на материале апокрифической легенды об ангеле и пустыннике; простонародные выражения делают его труднопереводимым.

Краткий обзор некоторых сочинений Толстого в двухчастной статье "Граф Л.Н.Толстой" сделал М.Бархудар в 1886 г. В этой статье

проявился своеобразный подход автора к оценке мастерства писателя. Он отметил, когда и какими сочинениями вошел Толстой в русскую литературу. А Европа заговорила о нем, когда на французский язык был переведен роман "Война и мир".

Интерес армянского критика к сочинениям Толстого был велик. В 1887 г. М.Бархудар опубликовал пространную критическую статью под заглавием "Из русской литературы. Граф Л.Н.Толстой."Анна Каренина"

Поскольку "Анна Каренина" в армянской критике осмыслялась впервые, вероятно, поэтому Бархудар счел необходимым ознакомить читателя с идеей романа, его первой публикацией, краткой характеристикой героев, их прототипов, провел параллели с другими героями произведений Толстого и т.д. Критик утверждал, что Толстой пожелал написать роман, который был бы более нравственным, чем его предыдущие сочинения, и общественную идею романа следует искать в интеллектуальном развитии общества, в его понимании нравственности. Резюмируя свой очерк, критик утверждал, что в романе показана жизнь интеллигенции современной автору Руси, его "неустойчивая нравственность". Эта публикация Бархудара, несомненно, была новым словом в армянской критике.

С изданием переводов из Толстого сразу в армянской литературной критике появлялись статьи о них. В рецензии Ов.Сагателяна "Принципы графа Льва Толстого" на перевод "Бог правду видит, да не скоро скажет" сделана попытка рассмотреть взгляды Толстого и его противоречия. Сагателян утверждал, что Толстой не задается целью описывать действительность такой, какой она есть, а выступает защитником того или иного течения, стремится создать новые отношения в жизни. Это обстоятельство является центральным в творчестве писателя и определяет то большое впечатление, которое оказывают его работы на читателя. Следовательно, ценность этих работ зависит от актуальности выдвинутых в них теорий. Возникшие одна за другой, теории Толстого противоречат друг другу. Бросается в глаза, что они не самостоятельны, а являются результатом того, что Толстой берет одну сторону того или иного учения и, незначительно изменив, предлагает как безусловную систему. Это серьезное обвинение Толстого явилось результатом консервативных взглядов Сагателяна с одной стороны, и с другой - он не затронул причин, породивших эти противоречия, т.е. социальную сторону вопроса. Резюмируя статью, Сагателян ошибочно утверждал, что Толстой всем своим прин-

ципам дает теологический облик, а сочинениям - мистическое начало. Такой ошибочный подход к творчеству Толстого в армянской критике не получил развития.

В 1891 г. Ер.Казарянц выступил со статьей "Забытые слова.Мысли графа Толстого", в которой знакомил читателя с отношением Толстого и Щедрина к идеалам современного человека. Казарянц утверждал, что, несмотря на различие во взглядах, оба русских писателя одинаково подходят к проблеме "идеала современного человека", что современные люди, стремясь быть передовыми, культурными, забывают о своих высоких человеческих качествах, забывают о гуманности, патриотизме, честности, совести и т.д. Большое влияние на Казарянца оказала глубоко философская статья Толстого "Для чего люди одурманиваются", в которой критик справедливо заметил, какие душевные переживания вызывают у Толстого пороки современного общества, которое увлекается спиртным и табаком, и,как сам Толстой, предостерегая от этого, стремится быть полезным людям. В характеристике сочинения Толстого весьма любопытна пространная четырехчастная статья Ер.Казарянца "Сколько волка не корми", знакомившая читателя с огромной благотворительной деятельностью Толстого в 1891-92 гг.

С начала 90-х гг. армянская периодика неоднократно помещала материалы о Толстом. Определенный интерес в этом ряду представляют статьи литературного критика М.Берберяна. В его статье "Граф Лев Толстой. /По поводу XIII тома его сочинений/" даны краткие биографические сведения о писателе, поскольку о личности Толстого в армянской критике до того ничего не сообщалось. О "Плодах просвещения" и "Крейцеровой сонате", включенных в XIII том собрания сочинений, Берберян говорит, что эти произведения пользовались популярностью и раньше.

"Плоды просвещения" Берберян считает сатирой на просвещение. Жизнь просвещенного общества пуста. Потому оно занимается спиритизмом, в то время как народ думает о земле, как первой жизненной потребности и необходимости. По мнению критика идея просвещения не может объяснить истинной цели жизни, а, наоборот, усложняет это понимание. Это значит, что основа такого просвещения неверна.

Большой успех у читателя имела "Крейцерова соната". Берберян вместо критической оценки лишь кратко знакомит читателя с содержанием этого сочинения. Он больше увлекся описательностью, нежели

анализом этого сочинения.

Затронутые в "Крейцеровой сонате" и "Плодах просвещения" вопросы были актуальны для армянского читателя, потому что Толстой поставил в них проблемы, весьма созвучные армянской жизни. Своеобразна статья Берберяна "Хозяин и работник", опубликованная в 1895 г. Берберян написал также по поводу юбилеев двух великих русских писателей И.С.Тургенева и Л.Н.Толстого статью "Два юбилея /И.Тургенев и Л.Толстой/", в которой справедливо заметил, что в жизни армян, проживающих в России, русская литература сыграла большую роль, нежели армянская. Она всегда была любима армянским читателем.

Таким образом, в литературных очерках Берберяна о Толстом, несмотря на некоторую ограниченность восприятия творчества писателя, наблюдается стремление критика объективно представить армянскому читателю сочинения Толстого. Деятельность Берберяна как пропагандиста литературы заслуживает всяческого одобрения.

Отмеченные выше и многие не указанные здесь критические статьи о Толстом, вышедшие в конце прошлого века, рассмотрены нами в диссертации.

В начале XX века был проявлен новый подход к оценке творчества Толстого армянской литературной критикой. В статьях Шаумяна и Спандаряна о Толстом осуществлялся ленинский призыв разъяснить "массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской ктитики государства, церкви, частной собственности не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божеской жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 г. были только слегка надломаны и которые надо уничтожить, ... чтобы они ... научились сплачиваться в единую монолитную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком" /Ленин,т.20,с.23/. Статьи Шаумяна и Спандаряна о Толстом легли в основу армянского советского толстоведения, армянской марксистской критики. Исторически правильный марксистский подход к художественному наследию Толстого был развит в работах С.Шаумяна, С.Спандаряна, А.Мясникяна, которые направили армянское советское толстоведение в строго научное русло.

Движущим рычагом к ежегодному увеличению издания произведений

Толстого на армянском языке был интерес читателя к творчеству писателя, к его философским и религиозным воззрениям.

В 1925 г. вышла в свет повесть "Казаки" с предисловием А.Сурхатяна, разделившим ленинские принципы в оценке творчества Толстого. В 1935 г. Сурхатян в своем критическом слове о "Войне и мире" заметил, что роман-эпопея отразил не только историко-философские концепции писателя, но и выявил демократические тенденции в мировоззрении Толстого, проявившиеся во время работы над романом.

В 20-е гг. творчество Толстого получило критическую оценку в работах Арт.Бэнуни. В статье "Искатель правды" он пишет: "В период решительной борьбы пролетариата реакционная философия Толстого с его проповедью "непротивления злу насилием" ничего хорошего дать не может... Идеалистическая идея "непротивления" приводит к проповедыванию классового примирения". Критик отмечает, что для пролетариата, прошедшего через "горнило трех революций, учение графа Толстого не страшно. Рабочий класс, уважая и почитая Толстого-художника, отвергает его вредную и реакционную философию".

1928 год - особый в армянском литературоведении. В связи со 100-летием со дня рождения Толстого были изданы повести "Хаджи-Мурат" и "Казаки" в переводе Ст.Зорьяна, впервые был издан сборник статей Ленина о Толстом. В печати появилось много статей о жизни и творчестве писателя, в которых отмечался обличительный пафос и прогрессивное начало, заложенное во всем, к чему прикасалась рука Великого Старца. "Толстой сумел во время и безжалостно нанести удар по правящему классу, гнету и эгоизму, сумел пробудить симпатии к трудовому народу", - писала армянская газета "Пролетар". Вместе с тем пресса не обходила стороной и реакционную сущность толстовского учения.

В это время впервые в армянском литературоведении затрагиваются вопросы эстетики Толстого в статье академика А.Тертеряна, которые в дальнейшем получили широкую разработку в работах Э.Нугалова.

В 30-е гг. армянская критика заостряет внимание на противоречиях в мировоззрении и творческом методе Толстого. Эти вопросы освещались в газетах "Гракан терт", "Хорурдаин Айастан", в статьях Саака Базяна, С.Согомоняна, О.Мамиконяна и других.

40-50-е гг. предъявили литературным критикам более жесткие требования в оценке творчества Толстого с позиций ленинской тра-

товки. Р.Оганесян в работе "Ленин о Толстом" писал, что ленинские статьи являются ключом к правильному пониманию всей классической литературы. Этот период был знаменателен и тем, что в связи с Великой Отечественной войной эти годы отличались повышенной ответственностью и высоким патриотизмом. Особенно явственно проявилось это в публикациях С.Арутюняна, Г.Сарьяна, А.Воскерчяна, С.Арешян и др. Вопросу "Толстой и армянская общественная мысль" посвящены два издания книги Р.Оганесяна "Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью"/1949,1952/.

Вне поля зрения армянских критиков не остались и взгляды Толстого на педагогическую деятельность. М.Сантросян занялся исследованием педагогических принципов писателя, подчеркнул крайности теории Толстого о свободном воспитании. Вместе с тем он обнаружил в толстовской педагогике много ценного и подошел к ней с позиций советской педагогической мысли и современных требований марксистско-ленинской эстетики и этики.

Заслуживают внимания статьи и исследования Э.Нуралова. В книгах "Об эстетических взглядах Л.Н.Толстого"/1965/ и "Эстетика Л. Н.Толстого в оценке критики"/1979/ впервые в армянском литературоведении научно обоснованно анализируются эстетические взгляды Толстого.

В монографии С.Арешян "Лев Толстой"/1960/ впервые в армянской критике столь широко и обстоятельно изучена жизнь и литературная деятельность писателя. В книге поднимаются вопросы, связанные с мировоззрением и творчеством Толстого, все литературоведческие наблюдения автор связывает с биографией писателя.

Г.Оганян в двухтомнике "Русско-армянские литературные связи XIX-XX вв."/1960-61/ осветил проблему связей Толстого с Арменией. В разделе двухтомника "Л.Н.Толстой в оценке армянской интеллигенции" обстоятельно раскрываются научные искания автора в сфере литературных связей и в аспекте значения творчества писателя, ставится вопрос о влиянии Толстого на общественно-литературную мысль и, в частности, отношение армянских писателей П.Прошяна,Г.Агаяна, Ов.Туманяна, А.Ширванзаде к творчеству и учению Толстого. Исследователь рассматривает также и переписку Толстого с представителями армянской интеллигенции.

В связи со 150-летием со дня рождения Толстого армянская республиканская пресса на своих страницах напечатала многочисленные

материалы о писателе. В широком потоке публикаций проблематичны и актуальны статьи С.Дароняна,В.Сарояна,Г.Овнана,Л.Мкртчяна и других. Пресса широко пропагандировала идеи Толстого-просветителя, давала оценку и отмечала в нем не только гуманиста и проповедника своих идей, но и проповедника культуры всего человечества, отмечала, что "ни в Европе, ни в Америке не было ему равного".

В 1986 г. увидела свет монография М.Г.Кацахян "Мировоззрение и художественное творчество". Вторая часть исследования "Мировоззрение и творчество Л.Н.Толстого", посвящена изучению философских, социальных и религиозно-этических положений мировоззрения писателя, его исканиям как в публицистике, так и в художественном слове.

Толстой вошел в мировую литературу как художник слова, как мыслитель и проповедник своими эстетическими и морально-этическими взглядами и воззрениями.

Его творческое наследие по-разному воспринималось, в том числе и армянским читателем. Толстой, по определению Ленина, принадлежал к эпохе 1861-1905 гг. Противоречия этой эпохи отразились, естественно, и в армянской среде. Видимо, потому армянский читатель воспринимал слово Великого Старца так близко и потому в творчестве армянских писателей много общих черт с творчеством Толстого. Особенно горячо воспринималась публицистика писателя, которая коснулась почти всех "горячих точек" и проблем современности - голод, нищета, насилие, власть, давление и обман в проповедуемой государственной машиной "религии послушания и непротивления", - это далеко неполный перечень бед и зол, с которыми боролся Толстой. И он не был одинок. Армянские писатели П.Прошян, Раффи,Г.Агаян,А.Ширванзаде и др. также обличали, одновременно с Толстым, вышеназванные проблемы, но уже на примерах национальной действительности. В диссертации приводится ряд примеров, подтверждающих эту мысль, как мысль о влиянии Толстого на армянскую литературу.

Таким образом, оценивая творчество Толстого, армянская литературно-критическая мысль сделала новый шаг в своем развитии.

В четвертой главе - "Армянские корреспонденты Л.Н.Толстого"- рассматриваются: "Встречи и переписка князя С.С.Абамелик-Лазарева с Л.Н.Толстым", "Л.Н.Толстой осуждает погромы армян", "Армянский священник в гостях у писателя", "Баравян просит согласия

Толстого". "Интерес В.Барсегянца к воззрениям Л.Н.Толстого". "Экономист Тотомянц обращается к Толстому". "Переписка армянского писателя Атрпета с Толстым". "Письмо студента А.Бархударова Л.Н. Толстому".

Эта страница творческой биографии писателя исследуется впервые.

Общение Л.Н.Толстого с его многочисленным окружением и корреспондентами свидетельствует о широкой известности и огромном авторитете писателя, его большом влиянии на окружающий мир. Эпистолярное наследие Толстого уникально. Он написал более десяти тысяч писем, в которых проявились и многогранность содержания, и нравственный потенциал, и художественный уровень.

Нам удалось установить пятнадцать человек армянской национальности, которые встречались или переписывались с Толстым. Одни из них сразу после встречи поделились своими впечатлениями в армянской прессе, другие, спустя время, оставили воспоминания о нем, третьи получили ответы на свои письма и т.д.

Обнаруженный материал об общении и переписке Толстого с армянами мы опубликовали в статье и брошюре. Впервые нами опубликованы шесть писем армян к Толстому и отрывки из воспоминаний Абамелик-Лазарева о нем. Ряд писем к Толстому в дополнение к опубликованным нами вводится в научный оборот впервые в диссертации.

По сохранившимся сведениям, один из первых из армян, неоднократно встречавшийся с Толстым и переписывавшийся с писателем /мы не исключаем встречи Толстого с армянами и в молодые годы, особенно в бытность его на Кавказе/, был почетный попечитель Московского Лазаревского института восточных языков, придворный, ученый, миллионер, автор ряда работ по экономике России князь С.С. Абамелик-Лазарев, поддерживавший дружеские отношения с Толстым с 1884 по 1897 гг. В последний раз он видел писателя в 1904 г.

В 1893 г. московский врач Минас Мурадян, возглавивший работу по ликвидации эпидемии холеры в Туле, посетил Ясную Поляну, встретился с Толстым, искал у писателя ответ на волнующий его вопрос по оказанию помощи армянам, истребляемым в Турции. В конце 1896 и в 1897 г. состоял в переписке с Толстым известный армянский деятель культуры, публицист, адвокат, историк, один из редакторов-издателей /1883-1900/ "Русских ведомостей" Г.А.Джаншиев, занимавшийся в это время подготовкой и изданием литературно-научного сборника, получившего название "Братская помощь пострадавшим

в Турции армянам".

В диссертации подробно рассматриваются встречи С.Абамелик-Лазарева, М.Мурадяна с Толстым, переписка Джаншиева с писателем, также как и письма и посещение Толстого священником Милитопольской армянской церкви св.Благовещения Сраписном Самуэляном в 1898г.

В апреле 1909 г. Толстой получил письмо от жителя Душета Тифлисский губернии В.Барсегянца, который прочитал трактат Толстого "Так что же нам делать?" и озадачился изложенными в нем идеями. Касаясь вопроса личной собственности, Барсегянц просил Толстого разъяснить, имеет ли право человек на случай болезни или старости иметь какие-либо сбережения в виде денег или имущества.

В ответе оставшемуся неизвестным по роду занятий и положению адресату выразились философские воззрения Толстого на собственность, - вопрос, который многие и многие годы волновал писателя.

Авторитет Толстого в среде армянского читателя был велик. Его мнение имело огромное значение для армянских деятелей культуры. В этой связи представляет интерес переписка Толстого с армянским писателем Атрпетом, который в июле 1909 г. послал из Александрополя /Ленинакан/ в дар писателю свою книгу "Мамед Али-Шах. Народное движение в стране Льва и Солнца", вызвавшую живой интерес у Толстого. Об этом свидетельствуют дневниковые записи писателя. В ответном письме Толстой проявил интерес и к другим книгам Атрпета, которые потом он также получил.

Сочинения Толстого притягивали армян своей духовной близостью и созвучностью их идеалам. Константинопольский армянский писатель Арам Баравян обратился к Толстому с просьбой дать согласие на перевод статьи "Не могу молчать" на армянский язык, поскольку в ней писатель выступал против смертной казни, а в Турции, как известно, постоянно уже многие годы истребляли армян. Толстому понравилась эта идея. Он не только дал согласие на перевод статьи, но и благодарил Баравяна за такую инициативу.

Выпускник Брюссельского университета, доктор общественных наук, автор многих трудов по кооперации, один из лидеров кооперативного движения в России, давний знакомый Толстого В.Ф.Тотомянц написал в январе 1910 г. письмо, в котором на примерах некоторых стран обосновывал значение кооперации в общественном развитии и просил писателя изложить свое мнение по этому вопросу и разрешить опубликовать ответ. Толстому понравилась идея Тотомянца. Он поло-

жительно отозвался на его письмо. Вместе с одобрением Толстой сожалел, что сам не может принять участие в кооперативном движении.

В диссертации основательно исследуются письма армян к Толстому и его ответы. Толстой получал не только письма, в которых просили совета, оценки или разъяснения того или иного вопроса. Он получил за несколько дней до смерти и письмо-упрек от студента Александра Бархударова из Петербурга. Судя по этому письму, Бархударов неплохо знал творчество Толстого и болезненно воспринимал противоречивость писателя. Письмо составлено в вызывающем тоне, особенно если учесть, что оно написано молодым человеком. Бархударов в резкой форме обвинил Толстого в его противоречивости. За четыре дня до смерти, написав лаконичный ответ в спокойном тоне, Толстой покинул Ясную Поляну.

В конце диссертации рассматриваются отклики армянских религиозных организаций и общественности на смерть Толстого. Известно, что русская православная церковь молчала, молчали и царские власти. Первое богослужение по кончине Толстого состоялось в армянской церкви на Невском проспекте в Петербурге 9 ноября 1910 г., затем состоялась служба в армянской Романовской молельне в Астрахани. Поместили некрологи многие армянские газеты.

Таким образом, общение и переписка Л.Толстого с представителями армянского народа различных сословий и уровня свидетельствует, с одной стороны, об огромном личном авторитете писателя, с другой - об актуальности проблем, поставленных в его художественном творчестве.

В Заключении сделаны выводы. Творчество великого русского писателя Л.Н.Толстого по глобальности проблем и охвату исторического материала занимает одно из ведущих мест в мировой литературе. Поэтому изучение его творчества, в том числе и в связи с инонациональной действительностью, весьма ценно и актуально как в научном, так и в практическом аспектах. А углубление в тему "Л.Н. Толстой и армянская действительность" показывает, что Толстой своим многогранным творчеством и разносторонней деятельностью вышел за рамки национального русского писателя и стал интернациональным, общечеловеческим. Истоки его популярности скрыты в общечеловеческой проблематике его произведений, новаторском характере творчества и притягательной силе его личности.

Знакомство армянского читателя с Толстым осуществлялось раз-

ными путями: переводы, критические статьи, театр и т.д. По мере возрастания интереса к Толстому расширялся круг исследуемых проблем, менялись критические подходы и оценки.

Многожанровое и многоплановое творчество Толстого охватывает мотивы, сцены, эпизоды и картины из жизни армян, что является органической и неотъемлемой частью сочинений русского писателя. Это не что иное, как художественный прием писателя, всесторонне, реально, широко и контрастно охвативший жизнь русской и нерусской действительности, факты, события и жизнь человека со всеми волнующими его проблемами.

Интерес к творчеству Толстого возник у армянского читателя до переводов его сочинений на армянский язык. Это привело к тому, что в 80-е гг. прошлого века появились первые переводы его сочинений на армянский язык. А со временем, в течение 50-60 лет сочинения Толстого приобрели в среде армянского читателя такую популярность, что возникла необходимость издания собрания сочинений в 10-ти томах.

Творчество и деятельность Толстого имели огромное влияние на армянского читателя, во многих вопросах оно было глубоко созвучно армянской действительности, поэтому оценка творчества писателя армянской литературно-критической мыслью началась с появления первых переводов его произведений на армянский язык.

Более века литературно-критическое слово о Толстом не смолкает в спорах об учении и творчестве русского писателя. В этом большом многоголосом хоре армянская критика занимает по праву свое место, подчеркивая в его творчестве то рациональное, что особенно близко и дорого армянскому читателю, отмечая при этом и положительное в наследии Толстого, и отрицательные стороны его учения. Проблема исканий писателя как в художественном слове, так и в социально-публицистических статьях наряду с другими была исследована и армянскими литературоведами.

Влияние Л.Н.Толстого на многомиллионную читательскую аудиторию и многочисленных его корреспондентов огромно. Толстой в общении и переписке с представителями армянского народа, особенно в их трудные дни, как и с представителями других народов, обнаружил беспредельный гуманизм, человеческую простоту и участие, проявил глубокое сочувствие к нуждам и запросам армян, признательность которых нашла яркое отображение в письмах, воспоминаниях и высту-

плениях в печати.

Таким образом, исследование проблемы "Л.Н.Толстой и армянская действительность" раскрыло еще одну весьма поучительную и благородную страницу творческой биографии русского писателя Л.Н. Толстого, ставшего своим творчеством интернациональным.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

В брошюре: Л.Н.Толстой и армянская действительность.Ереван, общество "Знание", 1985, 2,75 п.л.

В статьях: Армянские корреспонденты Л.Н.Толстого. - "Филологические науки", №6, 1982, 0,75 п.л.

Из истории переводов произведений Л.Н.Толстого на армянский язык. - В сб. "Вопросы русского языка и литературы". Ереван, изд.Ергосунта,1989, 0,5 п.л.

Заказ 657 Тираж 100
Типограф. РУМК АрмССР, Ереван-2,ул. Амиряна, 66.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Մ.ԱԲԵՂՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԱՓՈՅԱՆ ՆԵԼԼԻ ԽԱՉԱՏՈՒՐԻ

ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԱՐՁԱԿԸ ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ (ՔՆԱՐԱԿԱՆ - ԷՊԻԿԱԿԱՆ ՈՃԸ)

Ժ. 01.02 նորագույն շրջանի հայ գրականություն մասնագիտությամբ
բանասիրական գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության

սեղմագիր

ԵՐԵՎԱՆ 2000

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им.М.АБЕГЯНА

АПОЯН НЕЛЛИ ХАЧАТУРОВНА

СОВРЕМЕННАЯ АРМЯНСКАЯ ПРОЗА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ (ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ СТИЛЬ)

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.01.02 - АРМЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА.

ЕРЕВАН 2000

Ատենախոսության թեման հաստատվել է ՀՀ ԳԱԱ Մ.Աբեղյանի անվան գրականության ինստիտուտում:

Գիտական ղեկավար — Բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
Ե.Ա.ԱԼԵՔՍԱՆՅԱՆ

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ — Բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
Լ.Մ.ԿԻՐԱԿՈՍՅԱՆ
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Մ.Գ.ՋԱՆՓՈԼԱԴՅԱՆ

Առաջատար կազմակերպություն — Երևանի Խ.Աբովյանի անվան պետական մանկավարժական համալսարան

Պաշտպանությունը կայանալու է 2000 թ. դեկտեմբերի_1_-ին, ժամը _12_-ին, ՀՀ ԳԱԱ Մ.Աբեղյանի անվան գրականության ինստիտուտում գործող 003 մասնագիտական խորհրդի նիստում (375015, Երևան-15, Գրիգոր Լուսավորչի 15).

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ ՀՀ ԳԱԱ Մ.Աբեղյանի անվան գրականության ինստիտուտի գրադարանում:

Սեղմագիրն առաքված է 2000թ. նոյեմբերի _1_-ին

Մասնագիտական խորհրդի գիտական քարտուղար Ա.Մ.Վարդանյան

Тема диссертации утверждена в институте литературы им.М.Абегяна АН НА.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор
Е.А.АЛЕКСАНЯН

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор
Л.М.КИРАКОСЯН
кандидат филологических наук, доцент
М.Г.ДЖАНПОЛАДЯН

Ведущая организация - Ереванский государственный педагогический университет им.Х.Абовяна

Защита состоится _1_декабря 2000 г. в _12_часов на заседании специализированного совета 003 при институте литературы им.М.Абегяна АН.РА.

Автореферат разослан 1 ого нояб., 2000 г

Ученый секретарь специализированного совета кандидат филологических наук А.М.ВАРДАНЯН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Для большинства читателей часть иноязычной литературы, которой не коснулось перо переводчика является тем, что на старинных географичекских картах означалось белым местом с лаконичной надписью "Terra incognita" — область неведомая. Переводчик своими сокровищами обогащает тот пантеон литературы, который каждый человек воздвигает в душе своей, чтобы хранить в нем бессмертные творения всех стран и всех веков. "Священное ремесло" (Ахматова) переводчика, возникшее одновременно с появлением языков, еще в незапамятные времена спасло мир от Вавилонского столпотворения. Художественный перевод был и остается делом государственной важности, и актуальность темы диссертации обусловлена прежде всего значением проблемы перевода — проблемы взаимодействия двух языковых систем, двух культур и двух творческих индивидуальностей. Высшим критерием адекватности перевода признается эстетическая адекватность оригиналу на основе смысловой адекватности.

В данной диссертационной работе производится концептуальный анализ произведений современной армянской прозы (исследовались основные творческие принципы поэтики Г.Матевосяна, А.Айвазяна, З.Мугнецяна, Р.Кепенчяна), позволяющие увидеть специфическое для этих писателей осмысление действительности в стилевых особенностях художественного произведения и построение их переводческих концепций.

ПРЕДМЕТ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предмет исследования — современная армянская проза в русских переводах. Цель исследования — разработка на конкретном материале проблемы полноценного перевода, основанная на тщательном и объективном переводческом прочтении оригинала. В диссертации на первый план выдвигается значение стиля художественного произведения как интегрирующего начала, объединяющего части в единое целое, как функциональное объединение разнородных элементов на одном уровне. Научное осмысление этого единства — объединение сравнительно-стилевого и стилистического принципов анализа произведений.

Задачей данной диссертационной работы является определение и выявление основополагающих принципов перевода с позиции стиля художественного произведения. Автор работы считает, что для полноценного перевода (раскрытие структуры переводимого текста, его адекватной передачи на другой язык) вопросы взаимодействия стиля и перевода неоспоримы.

Изучена непосредственно связанная с темой диссертации научная литература — работы по теории и практике художественного перевода, исследования, посвященные проблемам лиро-эпической прозы в контексте литературного процесса 70-90-х годов, труды по компаративным исследованиям.

В диссертации поставлены и по возможности решены следующие задачи:

1.Сравнительно-стилевой анализ художественного текста как первооснова переводческого исследования.

2.Взаимодейстие стиля и перевода (функциональные, стилевые, эмоциональные соответствия оригинала и перевода).

3.Интерпретация художественного текста переводчиком.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА Методологическую основу диссертации составляют работы известных ученых в области теории и практики художественного перевода, научные исследования, посвященные проблемам своеобразия современной армянской прозы. Соискатель опирался также на научные труды, наиболее близкие по тематике к данной работе.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА исследования состоит в том, что в работе впервые предложен комплекс приемов, интенсифицирующих процесс постижения оригинала переводчиком. Стиль писателя выступает как способ объективации художественного содержания, стиль переводчика — как способ построения переводческой концепции. В настоящей работе впервые проанализированы переводы произведений современных армянских прозаиков с точки зрения их стилевого соответствия оригиналам. Создание подобной переводческой стилистики в диссертации

предполагало объединение литературоведческого и лингвистического подходов к проблеме перевода. Именно в области художественного перевода их противопоставление автор работы считает нецелесообразным.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Выводы, сформулированные в диссертации на основе исследуемых проблем могут быть использованы в дальнейшем в литературоведческих работах по проблемам художественного перевода, насущных не только в ракурсе профессиональном, собственно литературно-критическом, но и жизненно актуальном, имеющем непосредственное отношение к задачам развития и обогащения современного литературного процесса. Содержащиеся в диссертации многочисленные конкретные примеры из русских переводов в сравнении с оригинальными произведениями могут быть использованы для подтверждения плодотворности тех или иных критериев оценки переводного текста, а также в теоретических курсах и практических семинарах по художественному переводу.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ. Основные положения диссертационного исследования отражены в статьях, опубликованных в журналах "Норк", "Русский язык в Армении", в докладе на научной конференции "Армения на пороге XX1 века".

Предварительное обсуждение диссертации состоялось в отделе литературных связей института литературы им.М.Абегяна Национальной Академии Наук Республики Армения.

СТРУКТУРА РАБОТЫ. Диссертация состоит из введения, основной части, заключения и списка использованной литературы. Основная часть, посвященная сравнительно-стилевому анализу переводов произведений современной армянской прозы, включает в себя 4 раздела, в каждом из которых исследуется творчество конкретного писателя.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении обоснован выбор темы, раскрыты цели и задачи исследования, излагается позиция автора по основополагающим проблемам теории перевода. Перевод рассматривается как взаимодействие двух языковых систем, двух культур и двух творческих индивидуальностей. В переводческом плане особый интерес представляет изучение таких художественных систем, в которых жанровая и стилевая структуры наиболее глубоко проникают друг в друга. Именно поэтому в данной работе исследуется лиро-эпический стиль современной армянской прозы, представляющий собой наиболее радикальный вариант взаимопроникновения жанровых и стилевых структур на всех уровнях художественного целого. Изучение форм литературного произведения как целостного художественного единства зависит от необходимости изучения формы как сочетания отдельных элементов между собой и общим целым: как носителя эмоционально-образного сочетания — архитектонической постройки, строгой композиционной организации, которую автор создает с расчетом добиться возможно более интенсивного воздействия на воспринимающего. Этот скрытый план литературной формы играет важную роль при воздействии художественного произведения на читателя и оказывает влияние на качество перевода.

Лиро-эпический стиль — естественное звено в жанровом развитии современной армянской литературы. В произведениях лиро-эпической прозы есть эпический план, воспроизводящий объективную жизнь, но в ней неизбежно сильное участие лирического плана субъективного восприятия: речевой поток в произведениях — двухголосный, в потоке несобственно-прямой речи возникают сложные взаимоотношения между автором и героем: несобственно-прямая речь дает возможность Г.Матевосяну, А.Айвазяну, В.Мугнецяну, Р.Кепепчяну расширить смысловую "перспективу", содействуя раскрытию в сознании героя объективного мира. Выбор произведений обусловлен их социально-психологической общностью, идейно-тематическим содержанием, идентичным литературным типом, действующим в них. Их разработка в творчестве писателей представляет огромный интерес: внешнее сходство темы и сюжета отнюдь не говорит об их однообразности, наоборот, подчеркивает иной подход к разработке темы, новую интерпретацию,

которую вносит определенный писатель в традиционную тему и литературный тип.

В лиро-эпической прозе есть произведения, построенные по принципу изображения единой пространственно-временной и социальной среды, в которых действует и развивается персонаж. События излагаются в их временной и причинной последовательности подчинены закону единства дйствия. Отбор событий в пределах сюжета совершается автором произвольно, по принципу избирательности, когда изображается лишь существенное и опускаются второстепенные явления действительности (естественно, в авторской интерпретации). Эпическая речь автора перемежается с различными формами речи персонажей. Так построены произведения А.Айвазяна. В других проиведениях действие членится на отдельные сюжетные блоки, неющие самостоятельную пространственно-временную организацию. Части единого текста объединяются между собой различными логико-смысловыми связями временного, причинного характера, могут выражаться и внутри произведения, нарушая естественный ход событий. В связи с этим усиливается собственно повествовательная роль ретроспективного повестования, чаще всего эмфатического характера. Если рассматривать такого типа произведения с точки зрения выражения в них плана персонажа, то они ориентированы на характерологическое изложение в пределах одного персонажа, где литературный персонаж представляет собой не только композиционный центр, но и центр стилевой. Такова структура произведений Г.Матевосяна, В.Мугнецяна и Р.Кепенчяна. Но речь идет не о вытеснении одной группы другой, а о соотношении, структуре, господствующем или подчиненном положении элементов, которые, бывает, и переплетены. Речь идет о выявлении уникальности проблемы образа автора, точно отражающего идейно-художественную эволюцию того или иного писателя, четко организованного в элементах своей микроструктуры и позволяющего компоновать общую художественную целостность.

В лиро-эпической прозе происходит сближение авторского и персонажного речевых планов, усиливается полифонизм художественного изображения, всё большее значение приобретают различные формы импликации и подтекста. В реализме художников формируется также одна общая и очень характерная тенденция: возникает нестандартная взаимосвязь между объективным повествованием и субъективной

авторской оценкой мира. Эпическое повествование проникается лирической исповедальностью и субъективно-оценочным отношением автора.

Основная часть диссертации включает в себя 4 раздела, в каждом из которых проводится концептуальный анализ произведений конкретных авторов и построена переводческая концепция их произведений. Здесь на конкрентном материале показано, какие решения находили переводчики для воссоздания оригинала, насколько удалось им добиться художественной адекватности в воспроизведении характерных черт стиля Г.Матевосяна, А.Айвазяна, В.Мугнецяна, Р.Кепенчяна.

1-й раздел основной части посвящен творчеству Г.Матевосяна — одного из ярких представителей лиро-эпической прозы. Принцип эпизма находит свое полноценное выражение в его творчестве, где "жанрообразующий фактор не столь существенен, как важен тип художественного обобщения, установка на воплощение народной судьбы, национальной жизни, осмысленной в ее целостном единстве"(Е.Алексанян). Произведения известного прозаика своеобразны в сюжетно-композиционном отношении, где осуществляется принцип синхронизации — параллельного изображения душевного состояния героя и сопереживающего с ним автора, исходя из чего в них возникает оригинальное взаимодействие — "соавторство" автора и героя, крайне затрудняющий перевод. Стилевой колорит в произведениях Г.Матевосяна создают и экспрессивно насыщенные идиомы, эта особенность также должна учитываться переводчиком. Произведения писателя ориентированы на характерологическое изложение в пределах одного персонажа, где литературный персонаж представляет собой не только композиционный центр, но и центр стилистический.

Особенности стиля, поэтики писателя базируются на определенной концепции, заслуживающей особого внимания. Модель матевосянского мира многомерна: каждое произведение прозаика воспринимается как результат взаимодействия не одной, а нескольких доминант, а весь художественный мир - как система, развивающаяся во времени. В данной работе анализ произведений проводился с целью восстановления замысла писателя, "личного тона" Г.Матевосяна и основывался на стремлении определить меру постижения оригинала переводчиком.

Выборочное рассмотрение произведений Г.Матевосяна позволяет в определенной мере проследить эволюцию творческих принципов писателя

(стилевому анализу подвергаются одно из сравнительно ранних /"На станции"/ и поздних /"Ташкент"/ произведений), выявить основные принципы перевода с позиции стиля (эмоциональные, функциональные, стилистические соответствия перевода оригиналу).

В рассказе "На станции" существенную роль в создании художественного образа принадлежит способам передачи его речи: прямой, несобственно-прямой, составляющие в своем единстве речевую структуру художественного образа и своеобразие стиля писателя. В отношениях автора и героя существует полная слитность, нашедшая свое выражение в тесном сочетании элементов авторской и несобственно-прямой речи, что в свою очередь отразилось на характере композиционного членения повествовательного потока, и прежде всего на структуре абзаца. Тип повествования в данном произведении — субъективированный, в рассказе единичны случаи ассоциативной когезии. В субъективированном повествовании важным элементом текстообразования являются конструкции экспрессивного синтаксиса, имеющие в качестве общей структурной основы признак расчлененности речевой цепи.

В ранних произведениях Г.Матевосяна явно проступает стремление распространить точку зрения персонажа на изображаемое, подчинить ей все конструктивные элементы художественного текста. В более поздних произведениях, в частности, в повести "Ташкент", развивается другая тенденция — расширить число возможных точек зрений на изображаемое не только для того, чобы преодолеть замкнутость и субъективность индивидуального сознания, но и с целью представить одно и то же явление в разных ракурсах, раздвинув рамки изображения, дав высказаться разным персонажам.

Повесть "Ташкент" — одно из сложных произведений Г.Матевосяна — высший этап формирования художественной системы писателя. Включение ретроспективного повествования делает развитие действия в повести зигзагообразным /непоследовательным/, так как оно располагается не в замкнутом отрезке времени, а чередуется с рассказом о непосредственно происходящем. Неординарность, новизна способа отображения действительности в повести выражается и в функции образа автора. Это история развития многоголосия, решрения в тексте субъективно-речевого плана персонажа. Оно предполагает множественность точек зрения, стремление к динамическому, объемному

изображению действительности. Субъективно-речевой план углубляет перспективу художественного текста, шире и чаще использует угол зрения персонажа.

Стилевое разнообразие в данной повести происходит в основном за счет исповедальности интонаций лиц, участвующих в повествовании. Каждый повествователь своим "я" выражает свое отношение к жизни к окружающим. Мастерски используя исповедальную форму рассказа, автор каждое событие оценивает посредством повествующего героя и повествующего об этом герое — получается двойная оценка героев и их поступков. При этом оценки не дублируют, а дополняют друг друга, Этим вызвано использование в повести такого композиционно-художественного средства, как обрамленность. Передача точки зрения героя не сводится только к речевым формам субъективации (прямая речь, несобственно-прямая речь, внутренняя речь). С точки зрения персонажа в художественном тексте даются оценки, приводятся воспоминания, передается особый характер восприятия им того или иного явления действительности. Устанавливается определенная тематическая типология контекстов, отражающих позицию героя, с отрезками текста связано плное или частичное перевоплощение автора. Сама манера изложения, структура повествования в произведениях Г.Матевосяна проникнута полифонией, многоголосием, что содействует необычайному рсширению масштабов повествования. Это многоголосие не только ведет к всестороннему охвату изображения, но и дает возможность, наряду с решением задач лиро-эпической прозы осуществлять и другую важную функцию эпического рассказчика, которую Г.Матевосян усматривает в духе сарказма, иногда и великодушной, "любящей" иронии ("Ближе всех мне тип Алхо", Г.Матевосян), пронизывающей лиро-эпическое произведение. Писатель вплотную подошел к созданию значительного характера, способного стать в центр произведения с эпической глубиной содержания.

Анализ повести "Ташкент" показывает, что и в поздних произведениях Г.Матевосян остается верен своему генеральному принципу — объективности. Вместе с тем, в поэтике произведений позднего периода появляются черты, которых не было ранее. Это пространственно-временная организация художественного текста, связанная с повествовательной перспективой, участвующая в формировании образа персонажа, внесюжетный характер деталей, углубление характеристики

персонажей, ассоциативная когезия. В работе указывается, что ни в одном из предшествующих произведений автор не обнруживал столько понимания и сочувствия к своим героям. Стилевым выражением этого обстоятельства является сближение восприятия, речи, мысли автора и героя. Авторское вмешательство неизбежно: оно в "Ташкенте" выражено в формах несобственно-прямой речи, сливающей голос автора и героя воедино, но не нарушающей логику развития характеров героев. Авторские усилия Г.Матевосяна направлены на изображение сложности жизни, отвергающей любое догматическое решение.

Структурно-семантический тип повествования в "Ташкенте" объективированный, релевантным элементом (личн.мест. 3-го лица) с двумя функциями субъекта: референции к внешнему миру и индивидуализации на синтаксическом уровне. Именно поэтому в повести объективированное повествование тяготеет к нейтральной повествовательной норме.

Выявление характерного для того или иного произведения художественного закона оказалось исследованием системным, дающим возможность рассмотреть стиль писателя с учетом ряда моментов, обозначенных как принципы стилевого анализа и способных показать эволюцию стиля Г.Матевосяна. Это позволило раскрыть особенности нового структурного единства, возникшего в результате переводов, исследовать новые внутренние связи, сцепления, соотношения внутри этого единства. Несомненно, в процессе перевода некоторые особенности стилевой манеры писателя изменились, иными стали внутренние соотношения отдельных компонентов структуры повести, но А.Баяндур удалось сохранить вутреннюю целостность, глубокое единство, ритм произведений Г.Матевосяна, сохранить особенности оригинального текста в той мере, в какой это необходимо для передачи смысловых и и эстетических качеств оригинала.

А.Баяндур справилась с композиционно-речевым уровнем произведений Г.Матевосяна, составляющим 1-й слой стиля художественного произведения.

Переводчица воссоздала и эмоциональный образ матевосянского текста. Автор работы считает, что эмоциональный образ не может рссматриваться как второстепенный по отношению к содержанию текста и играет нмаловажную роль в создании полноценного перевода.

Эмоционально-оценочный уровень — 2-й слой стиля художественного произведения.

Несомненно, в переводах удался и 3-й, индивидуально-психологический уровень, связанный со способом проявления в языковом построении выразительных и изобразительных средств, а также особенностей писателя как определенного психологического субъкта.

В целом А.Баяндур справилась и с языково-стилистическим, 4-м слоем стиля оригинала. При переводе здесь особую трудность представляют идиомы. Для достижения стилевого соответствия при передаче идиом А.Баяндур использует прием субституции — заменяет устоявшиеся выражения в системе языка оригинала выражениями, устоявшимися в системе языка перевода. Такой прием обозначает переводирование не на уровне языка, а на уровне стиля, так как переводчик не имеет в своем распоряжении средств для воспроизведения идиом и вынужден обращаться к заменяющим средствам. В переводе А.Баяндур встречаются три случая субституции:

- перевод идиоматическими параллелями:

Իրենց գլուխն էլ հողեմ, իրենց ձիու գլուխն էլ:
“Пропади они пропадом вместе со своей лошадью”.

- фазеологическими сочетаниями,

Տանը վեր ընկած աղվես է խեղդում:
“Дома бока себе отлеживает”

- описательный перевод.

Այ տնաքանդ, ասաց, վառեց:
“- Чтоб тебя, сказал, обожгло ведь”.

Во 2-ом разделе исследуется творчество А.Айвазяна — одного из самобытных современных армянских прозаиков. Стилевая доминанта произведенеия А.Айвазяна — сказовая форма повествования, имитирующая разговорно-устную речь рассказчика. Сказовая форма организована таким образом, что стимулирует читательскую активность, намечая лишь основные контуры психологического состояния героя, а в остальном вполне полагаясь на читателя. Повествование ведется нейтральным рассказчиком, внимание сосредоточено на сердцевине переживания, а не на нюансах и подробностях, психологическое состояние схвачено разом, полной деталью. В этом одна из главных особенностей айвазянской поэтики: психологическое повествование необычайно

концентрированно, сжато, избегает развернутого описания внутреннего мира персонажа.

Эпическая основа характера в произведениях А.Айвазяна раскрывается не только посредством включения его в социально-значимый конфликт, но и преобразованным видением расширенной социальной предыстории. Полнота бытия в произведениях А.Айвазяна возникает не за счет создания писателем развернутой картины действительности, а вследствие воплощения в духовном мире героя реальности жизни. У А.Айвазяна в одном произведении переплетаются несколько форм диалога. Полностью диалогизирован и образ автора. Он всегда стилизован под чью-то точку зрения, если не самого героя, то молвы о нем, что и создает особую атмосферу "мучительного праздника". В работе сравнительно-стилевому анализу подвергается рассказ "Помощь сатаны", в структуре повествования которого обнаруживается широко развернутая субъективная призма одного персонажа — героя произведения, воспринимающего и оценивающего события. Камертоном ему служит субъективный план автора, оообе авторское повествование, что является характерной особенностью стиля А.Айвазяна.

Своеобразны и особенности взаимодействия названия и содержания данного произведения. Название далее развертывается в содержании, таким образом испытывая на себе давление художественного текста, содержательная сторона которого ограничивает рскрытие его семантических потенций. Название рассказа в ходе развития содержания начинает приобретать дополнительные оттенки значения, расширяет свою семантическую структуру. В этом и состоит особенность названия художественного произведения как явления, которое, с одной стороны, называет что-то, то есть обладает номинативной функцией, а с другой стороны, под давлением содержания начинает приобретать предикативные функции. Сочетание номинативных и предикативных функций в названии является следствием его семантической двойственности, которая позволяет рассматривать название и как относительно независимый элемент во всем объеме его структурных признаков и значений, и как результат порождения коннотаций к его семантике. В названии рассказа скрыто глубокое содержание, не лежащее на поверхности. Оно раскрывается при функционировании заглавия в тексте рассказа. Слову "помощь" А.Айвазян придает иной оттенок значения, ассоцирующийся с чем-то

грустным, трагическим, даже абсурдным. Воспринимаемое в объеме имплицируемых содержанием произведения коннотаций (грусть - печаль - отчаяние - радость - безысходность) слово "помощь" в итоге мыслиться как жестокое наказание. Эта коннотация находит подтверждение в эпитете "гадина" ("Гадина ты, - сказал Акоп, - так-то ты делаешь добро?), ставший контекстуальным синонимом слова "сатана". Только соотнесенность с содержанием позволяет выявить, что за названием рассказа притаилась целая философия, лаконичная по форме, но глубокая *по содержанию: олицетворение Зла не может совершать Добро.* Таким образом, путем нарушения логического смысла слова достигается стилевой прием приращения информации — появляется коннотация отрицательной оценки и возникает иронический эффект в заглавии произведения. Стилевое приращение создает в рассказе иронический эффект, приправленный горькой жалостью к несбыточной мечте маленького человека.

Рассказ "Помощь сатаны" перевел Н.Алексанян — цельно, динамично, без стилевого разнобоя. Хотя ритмическая организация такого рода является не только следствием определенных художественных принципов писателя и концепции переводчика, она продиктована самим жанром — компактным по объему произведением, воспринимаемым на одном дыхании, легко обозримым как целое. Особенно удачно воспроизведена в переводе сказовая форма повествования. Перевод Н.Алексаняна представляет собой синтез высокого творческого вдохновения и детального текстологического анализа.

3-й раздел посвящен творчеству В.Мугнецяна. Целостность мифо-эпических представлений в произведениях писателя, заключавшаяся в единстве героя с окружающей его национально-исторической средой позволили ему прочно утвердиться в открытой системе лиро-эпической прозы, обогатив ее своим влиянием. Человек в мифологизированной прозе В.Мугнецяна предстает многомерным, мир вокруг него, не теряя внешней узнаваемости, приобретает дополнительную глубину. Произведения построены на контрасте как форме выражения противоречий. Добро и Зло как доминанта художественной системы В.Мугнецяна, накладывает отпечаток на оценочный пласт произведений, несущих в себе постоянное присутствие подправляющих авторских

интонаций, создает ощущение относительности мнений: его герои живут в нескольких временных пластах, постоянно изменяются.

В 80-е годы в современной армянской прозе явно обозначилась еще одна тенденция: героями произведений все чаще становятся дети и старики. Они оказываются не просто темой литературы, они определяют самый тип литературного творчества, который приближается к мифологическому. В детстве и старости нет такой резкой разницы и противостояния действительности и собственного "я", как для зрелого человека, который, познавая мир как чуждый, хочет освоить его, переделать в согласии с собой. Старик и дитя более растворены в жизни своим душевным состоянием: один еще не выделился из нее, другой уже готовится быть поглощенным ею. Для ребенка мир не выводим за пределы фантазии и это субъективное состояние вбирает в себя всю данную извне реальность.

Стилевой колорит в произведениях В.Мугнецяна создает развернутая гипербола. Стилевая же особенность мугнецянского портрета в том, что писатель не концентрирует внимание читателя на характеристике персонажей сразу: образы положительных героев, окружающего их мира, на уровне текста конвергируются в собирательный образ Добра. По тому же принципу, благодаря семантической близости отрицательно маркированных эпитетов, происходит объединение отрицательных образов, обобщающих образ Зла. Таким образом, система лексико-семантических средств в произведениях В.Мугнецяна направлена на реализацию его концепции Добра и Зла. В диссертации анализируется повесть "Притоки", своеобразный пролог романа "Ализ" В.Мугнецяна. В "Притоках" воплотились основные характерные черты художественного мышления писателя, причем в усиленном, концентрированном виде: сильно и впечатляюще выражен мугнецянский способ сочетания реальности с мифом и конструирование самого мифа, способ, неизменный на протяжении всего творчества В.Мугнецяна. Миф неизменно выявляется на фоне утомительной и внешне устойчивой обыденности, которая вдруг нарушается в одном из своих логических звеньев и влечет за собой разлад других привычных устойчивых связей. Восприятие жизни-мифа в том и состоит, что все субъективное свое воспринимается как объективное чужое.

Одним из главных ключей к постижению художественного видения В.Мугнецяна, этической и эстетической природы его творчества, являются формы времени и пространства — основные способы бытия художественного мира. Пространственный мир В.Мугнецяна предстает как мир переходный, отсюда его таинственный облик, таинственностью отмечена каждая грань мугнецянского текста. Сюжетно-смысловое развитие "Притоков" оновано на тщательно разработанной диалектике взаимодействия разных временных форм, участвующих в построении образов персонажей, раскрытии их судеб, оценке действий и поступков.

Существенным моментом в сохранении стилевого своеобразия подлинника является воспроизведение смысловой емкости слова, на которой, собственно, и основан тот или иной стилистический эффект: ведь, используя лксические ресурсы языка, художник получает возможность сказать больше того, что содержит прямое значение слова, позволяет тем самым читателю додумать то, что не договорено автором.

В произведении преобладают абзацы, начинающие и завершающие микротему. Абзац в мугнецянском тексте не просто единица архитектоническая, но и композиционная, причем его объем абсолютно не связан с движением сюжета. Движение сюжета перемещается в движении мысли персонажей. Это своеобразное выражение категории образа автора на стилевом уровне удачно выдержано в переводе, что, несомненно, является заслугой переводчика — А.Меружаняна. Четкая ритмическая организация и звуковая симметрия удачно передают таинственный пафос оригинала, переводчик последовательно, в полном соответствии с сегодняшними требованиями теории перевода, тактично, в большинстве случаев уместно производит разъяснения и замены в художественном тексте, но в целом, в переводе превалирует стилистически нейтральная лексика. В мугнецянском тексте преобладает неограниченное повествование: автор эпически дистанцируется от изображаемого, он как бы стоит над описываемыми событиями и героями, свободно переходя от одного эпизода к другому как в пространственной, так и временной последовательности. Подобным текстам свойственны динамизм и экспрессия художественного выражения, это обусловливает возможность практически безграничной полноты изображения внешнего и внутреннего мира персонажа, создаваемая в условиях кажущейся объективности со стороны автора-повествователя. Этот фактор не учитывается переводчиком

и искажает тональность повести: А.Меружанян не уловил собственно мугнецянской динамики, интонационный контраст, организующий напряжение оригинала.

В 4-м, завершающем разделе основной части диссертационной работы проанализирован рассказа Р.Кепечяна "Кошмар". Это произведение с ограниченной повествовательной перспективой, так как художественное изображение создается с опорой на личный план персонажа, имеющий определенное отношение к художественному действию и выступающий одновременно в функции повествователя. Речевая структура рассказчика строится на основе личного местоимения 1-го лица .ед.числа. В данном произведении мир увиден глазами ребенка. Здесь оценочно-речевой план образа автора взаимодействует с оценочно-речевым планом ребенка — героя произведения. Это впечатление — мир глазами ребенка — создается благодаря остраненному изображению предметов, внутреннему монологу. Субъективная модальность повествователя и речевого плана рассказа может показаться двойственной и противоречивой. Авторская модальность в рассказе "Кошмар" проявляется в результате взаимодействия субъективно-модальных планов повествователя и героя, смещения акцентов, необычайной сочетаемости и номинации, форм речевой композиции. Границы между оценочно-речевыми планами автора и героя не подчеркиваются. Но рядом с детским восприянием происходящих трагических событий ощущается глубокое, совсем не детское осмысление жизни — оно заключено в рамку взрослого (авторского) восприятия происходящего. Это своеобразное произведение по своей жанровой природе, композиционным и стилевым особенностям. Своеобразность художественной структуры и стиля основана на соотнесении эпического охвата жизни с лирической отзывчивостью на исторические события и соответственно этому — на соотнесении эпической интонации и интонаций лирического волнения. Интонационный поток в произведении организован ритмически. У Р.Кепечяна в ритмизации текста участвуют звуковые повторы, аллитерации, придающие рассказу особую интонацию. Переводчик (Нелли Апоян) постарался учесть ритмико-мелодический строй - интонацию произведения, так как интонация играет важную роль в нахождении верного стилевого ключа при переводе. Подбор соответствующих языковых средств осуществлялся на основе воспроизведения оригинала как целого, на фоне которого

переведены отдельные элементы рассказа, каждый в соответствии со своеі ролью в этом целом.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ сформулированы основные выводы і обощения по теме диссертации. Отмечается, что:

1. В работе исследовались основные творческие принципы поэтикі Г.Матевосяна, А.Айвазяна, В.Мугнецяна, Р.Кепечяна – представителей лиро-эпического прозы, позволяющие увидет специфическое для каждого писателя художественное осмыслени действительности в стилевых особенностях произведения.
2. Установлены основополагающие принципы перевода с позиции стил художественного произведения. Представление о стилевых структура каждого писателя важно для полноценного прочтения текст переводчиком – форм воплощения авторского замысла художественной ткани, эстетического воздействия на читателя.
3. Рассмотрена стилевая идентификация языковых средств оригинала перевода с помощью сравнительно-стилевого (стилистического анализа.
4. Понятие адекватности перевода определяется на уровне стил произведения, где функциональное равноправие приобретаю тематические и языковые элементы художественного текста.
5. Определены особенности литературного произведения как целостног художественного единства, как носителя эмоционально-образног содержания. Этот план литературной формы играет важную роль пр воздействии художественного произведения на читателя и оказывае влияние на качество перевода.
6. Вопрос об эквивалентности оригинала переводу решается с учето стилей автора и переводчика. Вопрос о степени совместимости дву индивидуальных стилей – автора подлинника и его переводчика - актуален, так как художественный перевод – процесс творческиі выбор метода, средств передачи подлинника, его прочтение интерпретация звисят от мировоззрения переводчика.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. «Թարգմանիչը պատասխանատու է բնագրի համար», Նորք, N 2, 2000թ: (էջ 157 - 170)
2. "Стилевые искания современной армянской прозы. Сопоставительный анализ как переводческая проблема". Тезисы докладов научной конференции "Армения на пороге XX1 века" (30-31 мая), 2000г. (с.79-80)

ԱՓՈՅԱՆ ՆԵԼԼԻ ԽԱՉԱՏՈՒՐԻ

ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԱՐՁԱԿԸ ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ (ՔՆԱՐԱԿԱՆ - ԷՊԻԿԱԿԱՆ ՈՃԸ)

Ամփոփագիր

Ատենախոսությունը ամբողջական հետազոտություն է, որն իր մեջ ընդգրկում է ժամանակակից հայկական արձակի ռուսական թարգմանություններում արտահայտված ոճական համապատասխանության խնդիրները: Այն բաղկացած է ներածությունից, ընդհանուր մասից (կազմված 4 բաժնից) և եզրափակումից:

Աշխատանքում զգալի տեղ է հատկացված ժամանակակից հայկական արձակի ներկայացուցիչների՝ Հ. Մաթևոսյանի, Ա.Այվազյանի, Վ.Մուղնեցյանի, Ռ.Քեփեփչյանի ստեղծագործությունների վերլուծությանը և թարգմանչական տեսակետի մեկնաբանմանը:

Թարգմանությունները ռուսախոս ընթերցողին ներկայացնում են Հ.Մաթևոսյանի, Ա.Այվազյանի, Վ.Մուղնեցյանի, Ռ.Քեփեփչյանի ստեղծագործությունների իմաստը, հաղորդակից դարձնում ժամանակակից արձակագիրների բառոյական և հոգևոր որոնումներին:

Ժամանակակից թարգմանության տեսության նվաճումների հիման վրա տրված է ստեղծագործությունների ռուսերեն թարգմանությունների համեմատական-համադրական վերլուծությունը, բացահայտված է դրանց գեղարվեստական, ոճական համապատասխանությունը բնագրին: Համակարգային հետազոտությունը թույլ տվեց եզրակացություն անել. բնագրի տեքստի ոճական հիմքը թարգմանչային լեզվում պետք է նույնը մնա: Գեղարվեստական թարգմանության մեջ սա ամենակարևոր խնդիրներից մեկն է, և այստեղ ուշադրության կենտրոնում գտնվում է հասկացողությունը, որն էապես նպաստում է թարգմանության մեջ նույնականության իրագործմանը: Թարգմանչի համար հասկացողությանը նպաստող մտքերի ձևակերպման գործընթացը ելակետային է: Այսպիսով, հասկացողությունն ու ոճային կերպարավորումը, թարգմանությունն ու ոճը իսկապես մտքերի ձևակերպման գործընթացում համընկնում են:

Ատենախոսությունն ունի նաև գործնական արժեք: Այն կարող է կիրառվել հայ-ռուսական գրական կապերի գիտական հետազոտման, գեղարվեստական թարգմանության տեսության մեջ և պրակտիկայում, ինչպես նաև հատուկ կուրսերի և սեմինարների դասընթացները մշակելիս:

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ԱՐՎԵՍՏԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Արևշատյան Աննա Սենի

ՀԱՅ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ «ՁԱՅՆԻՑ» ՄԵԿՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Ժէ. 00. 04 - «Արվեստի տեսություն» մասնագիտությամբ

Արվեստագիտության դոկտորի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսություն

ՍԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ 2000 թ.,

ИНСТИТУТ ИСКУССТВ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Аревшатян Анна Сеновна

АРМЯНСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ "ТОЛКОВАНИЯ НА ГЛАСЫ"

По специальности "Теория искусства"

~~(Ժէ.00.04)~~ (17.00.09)

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения

ЕРЕВАН 2000 г.

Աշխատանքը պատրաստվել է ՀՀ ԳԱԱ Արվեստի ինստիտուտում
Պաշտոնական ընդդիմախոսներ.
Արվեստագիտության դոկտոր՝ Հակոբյան Լևոն Հովհաննեսի
Արվեստագիտության դոկտոր՝ Ղազարյան Վիգեն Հովհաննեսի
Փիլիսոփական գիտությունների դոկտոր՝ Միրումյան Կարլեն Արտավազդի
Առաջատար կազմակերպություն՝ ՀՀ ԳԱԱ Փիլիսոփայության և իրավունքի ինստիտուտ
Պաշտպանությունը կայանալու է « 5 » _հոկտեմբերի__2000թ. ժամը _14_ին ՀՀ ԳԱԱ Արվեստի ինստիտուտում (հասցեն՝ Մարշալ Բաղրամյան պող. 24գ, 5-րդ հարկ), 016 մասնագիտական խորհրդում:
Ատենախոսության հետ կարելի է ծանոթանալ ՀՀ ԳԱԱ Արվեստի ինստիտուտի գրադարանում:
Ատենախոսության սեղմագիրը առաքված է « 5 »_սեպտեմբերի_2000թ.
Մասնագիտական խորհրդի գիտական քարտուղար,
ճարտարապետության թեկնածու

Ա. Տեր-Մինասյան

Работа выполнена в Институте искусств НАН РА

Официальные оппоненты:

Доктор искусствоведения - Акопян Лев Оганесович
Доктор искусствоведения - Казарян Виген Ованесович
Доктор философских наук - Мирумян Карлен Артавaздович

Ведущая организация - Институт философии и права НАН РА
Защита состоится "5" октября 2000г. в 14 ч. в Институте искусств НАН РА (адрес - проспект Маршала Баграмяна 24г, 5-ый этаж, в Специализированном совете 016).
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института искусств НАН РА.

Автореферат разослан " 5" сентября 2000г.

Ученый секретарь Специализированного совета
Кандидат архитектуры

А.Тер-Минасян.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ. Музыкально-эстетическая мысль средневековой Армении имеет еще немало неизученных страниц. Одна из них так называемые "Толкования на гласы", в которых отражено средневековое учение о гласах, занимающее центральное место в системе средневекового музыкального мышления. Среди авторов "Толкований на гласы" такие выдающиеся деятели армянской культуры как Мовсес Грамматик (VII-VIII вв.), Степанос Сюнеци (+735 г.), Анания Нарекаци (X в.), Вардан Аревелци (XIII в.), Григор Татеваци (XIV-XV вв.) и другие. Эти сочинения отражают различные этапы эволюции системы армянских церковных гласов.

Средневековое искусство вообще (архитектура, миниатюра и пр.) повсеместно развивалось в условиях канона, в рамках так называемой "эстетики тождества". В области духовного песнетворчества канон выражался посредством канонизации традиционных гласов, входящих в систему Восьмигласия. Таким образом, Восьмигласие является универсальной категорией церковной музыки. Вместе с тем, армянские средневековые гимнографы в условиях канонического искусства смогли создать песнопения насыщенные подлинно жизненным звучанием, которым присущи глубоко религиозные, патриотичесие и поэтические чувства.

Армянское Восьмигласие занимает своеобразное место в системе аналогичных систем христианских церквей. Оно отражает многовековсковой слуховой опыт наших предков, интонационное богатство традиционной духовной музыки, целостность сформировавшихся в средневековой духовной музыке разнообразных характерных мелодических оборотов.

Как известно, учение о гласах имеет определенное место как в научной, так и в практической теории. "Толкования на гласы" как правило помещались в Златочревах, в Книгах вопрошений, Изборниках, которые были предназначены для дидактических целей. Эти толкования наряду с другими "внешними" и "тонкими" науками, входили в сумму обязательных знаний, преподаваемых в средневековых монастырских школах высшего типа.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Целью настоящего исследования* является выявление и изучение всех сохранившихся "Толкований на гласы", которые до последнего времени были почти не изучены. Поныне не существует изданного свода вышеупомянутых средневековых текстов, который мог бы исчерпывающе представить учение о гласах средневековой Армении. Именно этот пробел восполняет данное исследование, в котором впервые наиболее полно представлены и проанализированы уже изданные и ранее не публиковавшиеся тексты.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА. Новым словом или освещенным по-новому являются следующие положения настоящей работы:

1) Некоторая часть фрагментов и целостных текстов музыкально-эстетико-теоретического характера публиковались и рассматривались в изданных в разные годы трудах Г. Алишана, Комитаса, Б. Саргисяна, А. Кюрдяна, Г. Ачаряна, К. Кушнарева, Н. Тагмизяна и др.

Иной вопрос, насколько эти тексты получили адекватную интерпретацию. Есть также тексты, которые до сих пор не опубликованы. Все эти толкования расширяют и дополняют существующие представления о степени теоретической, эстетической и практической разработанности армянского Восьмигласия в средневековье, также как выявляют - насколько оно сохранилось до середины XIX в., когда константинопольскими армянскими церковными музыкантами-теоретиками стали осуществляться систематическое собирание и запись образцов армянского духовного песнетворчества.

2) Осуществленное нами исследование, составление критических текстов, а также их перевод на новоармянский и русский языки позволяют ввести в широкий научный обиход эти толкования, предоставляя ценный материал для их сопоставления с аналогичными византийскими, латинскими и славянскими *письменными источниками.*

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. В диссертации использован методологический опыт отечественных и зарубежных как ставших классическими, так и новейших исследований в области музыкальной медиевистики.

Работа основана на изучении рукописных фондов Института древних рукописей "Матенадаран" им. Маштоца при Совете министров РА (далее ММ), зарубежных рукописных хранилищ, а также изданных описаний и каталогов армянских средневековых рукописей.

При анализе "Толкований на гласы" мы опирались на метод сравнительного анализа данных источников с аналогичными текстами, сохранившихся в письменной традиции других христианских культур.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ. Настоящей работой в музыкальную медиевистику вводится малоизвестный и обладающий большой научной ценностью материал. Выявлен ряд новых памятников музыкально-эстетической мысли средневековой Армении, что позволило дополнить новыми данными историю теории и эстетики музыки средневековой Армении.

Отдельные положения работы были представлены в докладах и сообщениях как на республиканских, так и международных конференциях, а также нашли отражение в ряде публикаций автора, представленных в списке научных трудов.

Данные настоящего исследования могут быть использованы как в общих трудах по истории армянской музыки, так и в лекциях разработанного нами спецкурса для студентов музыковедов и композиторов "История и теория армянской духовной музыки", что и осуществляется нами в последние годы в Ереванской консерватории.

СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ. Диссертация состоит из Предисловия, пяти глав и Заключения.

Работа снабжена приложением, включающим критические тексты "Толкований на гласы" с параллельными переводами на новоармянский язык.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Предисловии изложена основная проблематика исследования, выявлены научная новизна, цель и задачи данной диссертации, а также ее практическое значение.

ГЛАВА I. УЧЕНИЕ О ГЛАСАХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ И ВОПРОСЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

В первой главе дается краткое изложение исторического развития средневекового учения о гласах как в общехристианском контексте, так и в самой Армении. Излагаются основные теоретические положения понятия о гласах, рассматривается многозначность интерпретации данного термина в средневековых текстах.

Изучение рукописных материалов показывает, что система армянских церковных гласов имела несколько этапов в своем развитии:

1) Имея в основе сформировавшиеся в эллинистическую эпоху представления, которые связывали происхождение гласов с четырьмя стихиями, небесными светилами, различными явлениями природы, животным миром, ремеслами, именами пророков или музыкантов и ученых, известных из древнегреческой мифологии и истории, она была переосмыслена в IV-V вв. согласно христианской доктрине и новым эстетическим требованиям.

2) Следующий этап связан с деятельностью эллинофильской школы, в частности, с представителями VII-VIII вв., когда устоялись и были теоретически осмыслены четыре основных, четыре побочных и два дополнительных гласа

армянского Восьмигласия. В этот период преобладает влияние теологических идей и представлений, выдвинутых патристикой.

3) Последний этап относится к эпохе развитого феодализма. В X-XIV вв. уже откристаллизовавшаяся система армянского Восьмигласия продолжает расширяться и разветвляться, включая в себя выходящие за канонические рамки Восьмигласия

и подчас самостоятельные лады, наличие которых в значительной степени было обусловлено расцветом тагового искусства, свободного от строгих требований Восьмигласия.

В армянских средневековых "Толкованиях на гласы" весьма существенную роль играет символика сакральных чисел. Данный аспект также впервые вскрывается в настоящем исследовании. Приведены соответсвующие параллели с сочинениями Платона, Филона Александрийского, Августина вплоть до новейших толкований в произведениях К.Г. Юнга. Эти данные сопоставляются с числовой символикой, которая наличествует в армянской гимнографии (канонизированное количество строф в шараканах и их допустимые комбинации и пр.).

Следующий раздел I главы посвящен краткому историческому экскурсу в эволюцию армянской духовной монодии, характеристике ее различных жанров в связи с учением о гласах. Освещен вклад деятелей армянской средневековой культуры, являющихся одновременно гимнографами и теоретиками духовного песнетворчества, начиная с основоположников армянской письменности Месропа Маштоца и Саака Партева (последнему традиция приписывает первое упорядочение армянского Восьмогласия), Мовсеса Грамматика и Степаноса Сюнеци (VII-VIII вв.), внесших весомый вклад в дальнейшее упорядочение и эстетико-теоретическое осмысление Восьмигласия как системы в Армении, их практического применения (Степанос Сюнеци) при составлении армянского Гимнария и усвоения жанра византийского канона до авторов XIV-XV вв. Дается описание самих гласов и характеристика их внутренней иерархии и

субординации, отличия и своеобразия по отношению к аналогичным системам других христианских церквей.

Не менее важна тенденция к преодолению канонических требований Восьмигласия, которая явственно прослеживается в образцах тагового искусства X-XIV вв. (Григор Нарекаци, Григор Пахлавуни, Нерсес Шнорали и др.). Эти тенденции оказали определенное влияние на развитие жанра шаракана, включающего сформировавшиеся на разных этапах жанры кцурда-тропаря, кацурда-кондака и жанра канона в целом. Данное явление особенно выпукло выступает в песнопениях мелизматического типа, разворачивающихся в медленном движении.

Подробно освещается в работе искусство манрусума (буквально – тонкое учение), которое можно перевести как "учение об искусном пении", которое сопоставимо с калофоническим пением. Однако смысл этого термина шире. По существу словосочетание "искусство манрусума" (manrusman arvest) обозначает сумму знаний по высшей теории духовного песнетворчества и пения, включая, согласно определению Комитаса, учение о гласах, теорию и практику церковного пения и невмологию [1]. Сборники "Манрусум", в большом количестве дошедшие до наших дней, являются наряду с "Толкованиями на гласы" наименее изученным отрезком музыкально-кодикологического корпуса. Между ними существует определенная связь, которую мы по мере возможности стремились выявить несмотря на ряд объективных обстоятельств, затрудняющих изучение книг "Манрусума" (проблема дешифровки армянской средневековой невменной нотации, загадочные списки наименований так называемых гласов Манрусума и т. д.).

Следующий раздел I главы посвящен обзору существующей литератиры об армянском Восьмигласии. Подробно освещен вклад музыкантов-теоретиков как XIX века – Е. Тнтесян, Н. Ташчян и др. Особое место уделено трудам

---

[1] Комитас, Статьи и исследования. Армянские церковные гласы, Ереван, 1941, с. 112 (на арм. яз.).

Комитаса, посвященных армянской церковной музыке и теории Восьмигласия, изучением которого Комитас занимался специально. Его немногочисленные и во многом тезисные по своему характеру исследования не утратили своей научний актуальности и поныне.

Новый этап связан с учеными-музыковедами советского периода: Х.С. Кушнаревым, Р.А. Атаяном и Н.К. Тагмизяном, которые внесли свой весомый вклад в изучение армянской средневековой монодической музыки, ее теории, системы хазового (невменного) письма и т. д.

Для нас имел особое значение ряд замечаний Н. Тагмизяна, разбросанных в его различных исследованиях и статьях, касающихся важности изучения Corpus-a scriptorum armeniacum de re musica, в том числе армянских средневековых "Толкований на гласы". После Комитаса и Кушнарева Тагмизяном была сделана попытка по-новому осветить и ввести в научный обиход эти толкования хотя бы фрагментарно, в качестве важных источников по изучению теории и эстетики армянской духовной монодии.

В данной работе мы стремились максимально раскрыть ряд его тезисов, что, вероятно, было невозможным в советские годы в силу обстоятельств идеологического порядка.

ГЛАВА II. ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ. СОЧИНЕНИЕ "О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЛАСОВ", ПРИПИСЫВАЕМОЕ ВАСИЛИЮ КЕСАРИЙСКОМУ И ЕГО ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ

С незапамятных времен мифо-поэтическое сознание человечества связывало происхождение музыки и ладов с небесными светилами, природными стихиями, животным миром, ремеслами,мифическими музыкантами и т. п.

Согласно Ветхому Завету изобретателем музыки был Иубал из колена Каина (Быт. IV, 21-22). Различные легенды связаны с царем Давидом, Моисеем, Самуилом и другими пророками. В них выделяются идеи

божественной природы, богоданной сущности и большого эмоционально-этического воздействия музыки.

В античном мире широко бытовали легенды об Аполлоне и музах, Орфее, Лине, Олимпе, Амфионе, Зете и др. Большой популярностью пользовались легенды, повествующие о Пифагоре, согласно которым он открыл основы музыкального искусства, закономерности, лежащие в основе акустической организации обертонового ряда. Эти и подобные им легенды нашли свое отражение в сочинениях Плутарха, Плиния, Диодора Сицилийского, Аристида Квинтилиана, Боэция и др.

Отголоски этих легенд проникли в армянскую действительность эллинистической эпохи и смешавшись с местными верованиями и преданиями породили ряд своеобразных толкований, пережитки которых просуществовали и после принятия христианства в 301 г. на протяжении всего средневековья.

В армянских средневековых текстах, посвященных изобретению и толкованию гласов, заметны отголоски как древнейших анимистических и пантеистических, так и восходящих к античной мифологии и музыкальной эстетике представлений. Древнейшим из сохранившихся фрагментов подобного рода является текст, озаглавленный "Изобретение гласов согласно философам" (Текст А). Он встречается в качестве и самостоятельной литературной единицы, и как составной части более обширных толкований: "Первый [глас произошел] от плотничного [ремесла]. Второй – от кузнечного. Третий – от рек. Четвертый – от [шума] мельничных жерновов. Пятый – от железа. Шестой – от морского прибоя. Седьмой – от морских животных. Восьмой – от скота. Девятый – от зверей. Десятый – от птиц" (ММ, рук. N 2752, с. 8а; 3276, с. 86а; 6616, с. 39б; 5611, с. 71а). Об архаизме данного текста свидетельствуют не только анимистические и пантеистические атрибуты, но и то, что в нем отсутствует канонизированная в дальнейшем церковью внутреняя субординация гласов. Здесь гласы перечислены с первого по десятый,

возможно так, как это было принято в дохристианскую эпоху в отношении древних традиционных гласов.

Следующий текст (Текст B^1, B^2, B^3), который также относится к древнейшим, имеет заголовок: "[Слово] блаженного Василия о гласах, [о том], откуда они произошли или кем были изобретены, которое перевел философ Степанос, ибо он был сведущ в голосах всех животных. Он подразделил эти звуки на 24 части, которые суть следующие: блеять, мычать, ржать, хрюкать, рыкать, выть, мяукать, квакать, ворковать, свистать..." и т. д.

Прежде чем перейти к рассмотрению данного текста, необходимо отметить, что в армянской средневековой литературе сохранились два текста, обладающих почти одинаковыми заголовками, в которых авторство приписывается Василию Кесарийскому. Однако содержание их совершенно различно. Заметим, что имя Василия Великого в заголовке может носить сугубо условный характер (согласно весьма распространенной традиции средневековья приписывания различных трудов тем или иным церковным авторитетам), поскольку хотя бы до сегодняшнего дня ни в одном списке сочинений Василия Кесарийского подобного сочинения не значится.

Текст B^2 привлек в свое время внимание еще молодого Комитаса, опубликовавшего его в статье "Армянские церковные гласы"[2]. Несомненна греческая основа данного текста. На это указывает наличие в нем целого ряда греческих собственных имен, как-то: Фокилидес, Софоклидес, Аристархос, Киносфенес, Зетес и пр., а также искаженных названий греческих ладов, приводимых наряду с армянскими. Не исключено, что данный тексkт содержит в себе фрагменты некоего утерянного оригинального греческого трактата, созданного на стыке поздней античности и раннего средневековья. Уже заголовок и начало текста явственно указывают, с одной стороны, на пережитки пантеистических и анимистических представлений древнейших

---

[2] Комитас, ук. статья, с. 114-115.

времен, с другой – на отголоски античной традиции, в частности, главы "О происхождении животных" трактата "Проблемы" Псевдо-Аристотеля в армянской литературе. Далее приводятся имена мифических греческих музыкантов, которым приписывается изобретение того или иного гласа.

Данное толкование распадается на три относительно самостоятельных фрагмента, представляющих различные версии происхождения гласов, которые были в дальнейшем совмещены в рамках одного толкования. В первом фрагменте происхождение гласов связывается с голосами животных и птиц. Во втором – изобретение приписывается греческим мифическим музыкантам. Согласно третьему, заключительному фрагменту, происхождение гласов берет начало с ветхозаветных пророков. По всей видимости, Комитасу был известен лишь данный вариант этого текста. По нашей классификации, помимо этого варианта, занимающего срединное по объему положение, существуют еще краткая и пространная редакции. Краткая редакция была опубликована Б. Саргнаяном[3], а пространная – А. Кюрдяном[4].

Краткая редакция, обладающая заголовком "Сколько [в природе] насчитывается звуков?", представляется наиболее древней. Это подтверждается и отсутствием в нем имени Василия Великого, и более архаичным характером изложения. Наиболее симптоматично здесь отсутствие третьего фрагмента, в котором упоминаются ветхозаветные пророки. Очевидно, что данный текст вообще не имеет отношения к библейским представлениям. Краткая редакция включает в себя также Текст А, с той лишь разницей, что субординация гласов приводится здесь согласно общепринятому церковью виде: четыре основных и четыре побочных гласа. Вместе с тем, здесь присутствует элемент отклонения от общепринятого канона: упоминаются не два дополнительных, а четыре гласа

---

[3] Генеральный каталог армянских рукописей библиотеки конгрегации мхитаристов в Венеции, т. II, Венеция. 1924. с. 580 (на арм. яз.)
[4] А. Кюрдян, Два фрагмента о музыке из древней литературы, "Анаит", N 1-2, 1935, с. 30-34 (на арм. яз.)

"стеги". Таким образом, в данном тексте названы не 8+2, согласно канону, а 12.

Пространная редакция того же текста (B³), определенно отличается от вышерассмотренных, хотя и обладает общей для всех них основой. Ряд его фрагментов с трудом поддаются интерпретации и переводу, что, как видно, является следствием искажений, допущенных поздними переписчиками, не знакомыми ни с греческим, ни с основами теории музыки. Тем не менее, текст пространной редакции примечателен наличием в нем целого ряда музыкальных терминов и словосочетаний, которые больше нигде не встречаются.

Это относится, в первую очередь, заголовка - "Предисловие к Тропологию" (Arajaban Ke'ordarani), свидетельствующего о том, что данный текст когда-то открывал некий древний сборник песнопений кцурдов-тропарей. Далее, для обозначения побочных гласов вместо общепринятого kolm, здесь употребляется термин kolmanak (множ. – kolmanakank'), что больше нигде не встречается. Более того, в тексте упоминаются гласы-спутники (darjvac'k'), которые обычно не фигурируют в подобных толкованиях. Для обозначения дарцвацков здесь приводится термин apakanut'yun (букв. – осквернение, порча). Его, по видимости, следует понимать как феномен, изменяющий, искажающий природу основного гласа, что, на наш взгляд, соответствует византийской фторе. Это еще раз подтверждает греческое происхождение текста и объясняет тот факт, почему термин apakanut'yun как иноязычное, калькированное слово не укоренилось в традиционной армянской музыкальной терминологии и больше нигде не встречается.

В данном тексте расширен и список греческих собственных имен и других музыкальных терминов. Наряду с уже приведенными собственными именами упоминается имя Пиндара, которому приписано изобретение одного из гласов, а из музыкальных терминов следует указать на такие (они подчас сильно искажены) как: melitown, melites, melletikown, tropov. Откровенно греческое звучание имеет термин klewto, который в тексте объясняется как Второй

побочный глас. Мы предполагаем, что данное искажение может иметь отношение к греч. κλειτο'ς (прославляющий, славный), что возможно интерпретировать как характеристику музыкального этоса данного гласа.

Из мифологических персонажей в тексте упомянуты Хирон (Χηρω'ν) искусный в игре на кифаре и сирены, известные своим губительным и сладкоголосым пением, а также намек на эпизод затыкания воском ушей спутников Одиссея "дабы не слышать убийственно сладкоголосого пения", что в данном контексте может быть интерпретировано как аллегория борьбы с языческой "диавольской" музыки.

В двух последних фрагментах пространной редакции примечательно упоминание ряда музыкальных инструментов (арфа, лира, кимвалы, рог, флейта, бубен, псалтерион). Все они хорошо известны из Ветхого Завета, однако локализация их названий свидетельствует в пользу широкого бытования этих инструментов в эллинистической и раннехристианской Армении.

Последний фрагмент текста носит непосредственное влияние сочинений Григория Нисского "О строении человека" и "Предписание к псалмам", что сие раз доказывает влияние эстетических воззрений святоотеческой литературы на армянскую средневековую эстетическую мысль.

Последние фрагменты пространной редакции больше всего пострадали от поздних искажений. Тем не менее нетрудно догадаться, что здесь нашли отражение отголоски горячих дискуссий времен каппадокийских отцов о правомочности применения в церкви инструментальной музыки наряду с вокальной. Автор толкования пытается обосновать преимущество новой, сугубо вокальной духовной музыки (псалмопение, гимнодия) по сравнению со старой, вокально-инструментальной, звучавшей в языческих храмах. Для этой цели он почти буквально приводит известный фрагмент из трактата Григория Нисского, в котором ноздри, горло, небо, язык, все тело человека уподобляются музыкальным инструментам "ибо человек есть орудие благословения".

Анализ вышеупомянутых текстов показывает, что армянская средневековая мысль развивалась от древнейших анимистических и пантеистических мифологизированных представлений к библейской концепции происхождения и толкования гласов.

ГЛАВА III. БИБЛЕЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЧИНЕНИЯ МОВСЕСА СЮНЕЦИ "О ЧИНАХ ЦЕРКВИ" И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩИХ АВТОРОВ.

Важным этапом развития армянской духовной музыки являются VII-VIII вв. В этот период произошел ряд существенных сдвигов в области внедрения в армянскую гимнографию новых музыкально-поэтических жанров, дальнейшего упорядочивания богослужения. Новое качество приобрела музыкальная эстетико-теоретическая мысль. Широкий размах переводческой деятельности эллинофильской школы, процесс дальнейшего развития армянской оригинальной философско-богословской мысли показывает, что древние представления постепенно уступают место библейской концепции. Влияние последней на толковательную литературу стало определяющим и ведущим, что носило повсеместный характер во всем христианском мире. Первые проявления этой тенденции заметны уже в рассмотренных в предыдущей главе заключительных фрагментах Текстов В2 и В3, однако более определенное звучание она получает в обладающем всеми признаками переходного по своему характеру чтению из памяти святым переводчикам Месропу и Сааку в Четьи-Минее (Текст С), в котором фрагмент, посвященный происхождению гласов воспринимается как интерполированная в основной текст самостоятельная литературная единица (ММ, рук. N 7362, с. 62б, Книга называемая Четьи-Минеи, Константинополь, 1730, с.74-75, на древнеарм. яз.).

Данный текст включает в себя разные слои эстетико-теоретического осмысления гласовой системы, начиная с универсальных архетипических представлений вплоть до созданных в русле неоплатонизма толкований совершенного числа и музыкальной интерпретации его составляющих.

В данном чтении наличествует также Текст А, изложением которого и завершается рассматриваемый фрагмент. Этот текст занимает промежуточное положение на пути от сохранивших черты языческих музыкальных эстетико-теоретических толкований к сугубо церковным музыкально-богословским толкованиям. Неслучайно, что здесь как бы "перевернута" последовательность приводимых толкований. Она разворачивается не от звуков животного мира, мифических греческих музыкантов до Давида и других пророков, облаченных в одежды сказочных героев, а начинается прямо с библейских, космогонических образов, толкование которых в конечном итоге служит выявлению внутренней связи между совершенным числом и десятью гласами, следующим образом: "... Сотворили [они] и песни шараканов, установили напевы всех гласов, которые святой патриарх владыко Саак Партев разделил на десять согласно числу десяти [божественных] созданий, которые следующие: небо и небесные [светила], земля и земные [существа], море и морские [животные], воздух и птицы, ангелы и люди. А также согласно десяти божественным заповедям, [запечатленным] на скрижалях Моисея и десяти ударам Египта, и десяти разумным родам. Девять ангельских [чинов] и одна человеческая природа составляют число десять. Также десять испытаний Авраама, которыми стал он угоден Богу, и десять пальцев на руке человеческой. Также десять струн на лире , которой Давид воспевал псалмы, и десять створок из полотна у скинии Завета. Ибо десять это священное число и дар Божий и является совершенным числом, от которого происходят числа 100, 1000 и 10 000. А само число десять происходит от четырех и является венцом всего [сущего]. Так и из четырех гласов происходят десять. Четыре же гласа соотносятся с четырьмя стихиями. Первый [происходит] от земли. Второй – от воды. Третий – от воздуха. И Четвертый –

от огня. И от четырех гласов отделились четыре побочных. Первый побочный, Старший, Низкий и Последний. А также два гласа "стеги", которые имеют и иные проявления. Ибо Первый глас [происходит] от плотничного [ремесла], Второй – от кузнечного и т. д." (См. Текст А).

Порождением VII-VIII вв. является сочинение "О чинах церкви" известного грамматика и богослова Мовсеса Сюнеци, которое представляет один из ранних письменных источников, посвященных толкованию армянских церковных гласов (Текст D). В нем излагаются по-новому осмысленное целостное описание и эстетическое толкование системы армянского Восьмигласия.

Впервые данное толкование было опубликовано А. Кюрдяном[5], второй раз к нему обратился известный музыковед Н. Тагмизян, который издал также критический текст этого сочинения[6]. В публикации Тагмизяна данный текст впервые был рассмотрен с точки зрения музыковедческого анализа.

Трактат Мовсеса Сюнеци примечателен в нескольких аспектах:

а) Он свободен от присущих более ранним текстам мифологизированных постулатов, сохранивших остатки языческой светской музыкальной теории.

б) Он намного однороднее и целостнее по содержанию, представляя уже образец сугубо церковной музыкальной теории и эстетики.

Трактат Мовсеса Сюнеци написан сложным, характерным для поздего периода эллинофильской школы языком. Сочинение "О чинах церкви" четко распадается на две части.

В первой определяются четыре основных, четыре побочных и два дополнительных гласа "стеги", их эмоционально-этический характер, приводятся соответствующие толкования из Библии, отмечаются известные песнопения из службы часов, принадлежащие к тому или иному гласу.

---

[5] Кюрдян, ук. статья, с. 30-31.

[6] Н. Тагмизян, Мовсес Сюнеци и его сочинение "О чинах", "Вестник общественных наук" АН АрмССР, 1972, N 11,с. 85-94 (на арм. яз)

Автор стремится обосновать библейскую концепцию происхождения гласов следующим образом: "Итак, поскольку изначально прозвучал глас Божий: где ты, Адам? (Быт., 3, 9). И во-вторых: где Авель, брат твой? (Быт., 4, 9). И в третьих: где Сара, жена твоя? (Быт., 18, 9). Итак, все эти голоса родственны Первому гласу, в котором [слышится] пение святых серафимов на земле, во-вторых, [в нем] сочинены песни славословия. Ибо в Первом гласе прозвучал голос славящих, возвещавших чудесными [голосами]: Слава в вышних Богу, и на земле мир (Лука, 2, 14). Аего побочный глас имеет смиренно-просительный [характер], и в нем молитва, обращенная к земле, песнь Моисея во второй скинии Завета (Исх., 15), с которой согласуется ода Мариам, сестры Аарона, воспетая у Красного моря: Пойте Господу, ибо высоко превознесся Он (Исх., 15, 21).

Согласно Мовсесу Сюнеци "глас Второй для общей молитвы, ибо происходит от бедствий, спасшихся из пламени печи, раскаленной огнем, песни благословения трех отроков (Дан., 3, 52), "а его побочный – трагический глас. В нем сочинены псалмы сорокаодневный пост и на дни страстей Христовых". Далее Третий глас характеризуется как имеющий женственную окраску, а его побочный как утешительный, "который низкий, то есть строгий глас.В нем сочинены псалмы на вербное воскресение, въезд Иисуса в Иерусалим. С ними согласуется песнь отроков, возвещавших: Благословен грядущий во имя Господне (Пс. 117, 26, Матф.,21, 9, Лука, 19, 31, Иоан., 12, 13). А глас Четвертый провозглашает всеобщую проповедь на четыре стороны света, согласно четырем соборам и четырем составным [началам] человека. А его побочный – радостный глас, в нем сочинены "стохоги" псалмов на святу-Пасху, Воскресение Господне, в ознаменование единой природы обитателей неба и нас, живущих на земле".

Следующее за этим толкование имеет ярко выраженный эсхатологический характер, в нем широко использованы пассажи из евангелий от Матфея, Откровения от Иоанна и апокрифического Видения, так называемого

"Апоакалипсиса Богоматери". Данное толкование с сокращениями или добавлениями встречается почти во всех последующих толкованиях на гласы: "А в грядущем времени в гласе Первом прозвучит труба Гавриила и отверзнутся могилы, и восстанут мертвецы. В гласе Втором прозвучит голос, [возвещающий]: вот Жених идет , выходите навстречу Ему (Матф., 25, 6) В гласе Третьем пророки построятся наподобие [ангельских] воинств перед Ним. (...) В гласе Четвертом устанавливается грозное судилище, и садится Судья на престол судить мир по справедливости.

Первый побочный [глас] – плач и вопли грешников в аду. А Второй побочный – огненная река, несущаяся перед Ним. А Третий побочный – в нем слышны голоса отступников и неверующих, [глас] возвещающий: идите проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его (Матф., 25, 41) А Четвертый побочный – радостный глас, в нем призываются праведники: приидите, благословенные Отца моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира (Матф., 25, 34) А стеги Второго [гласа], в котором черпает силу пламя и питается, поглощая все. А стеги Последнего [гласа] – в нем уготовил [Господь] своим возлюбленным чашу спасения и бессмертия в царствии небесном. Таковы причины музыкальных гласов".

Армянским средневековым мыслителям были хорошо знакомы эстетико-теоретические воззрения пифагорейской, александрийской и неоплатонической школ, связанные с музыкой, что засвидетельствовано не только в древнейших армянских переводах, но и оригинальных трудах Давида Непобедимого, Анании Ширакаци и других. Большое распространение получили в указанную эпоху сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита. В частности, в сочинении "О небесной иерархии", исходя из пророчеств Иезекииля и Исайи, переосмыслена языческая идея о небесном происхождении музыки и развита мысль о том, что, к примеру, церковное пение есть подражание пению серафимов и херувимов, которые беспрестанно славят Господа. Этим постулатом было положено начало целому направлению в общехристианском песнетворчестве, воспевающем

божественные свет, благодать и красоту. В различных церквах оно породило такие явления, которые получили название калофонии, прекрасногласного или ангелогласного пения. У армян свое наиболее полное выражение это направление получило в святословиях Литургии и искусстве Манрусума. Из всего видно, что армянские мыслители VII-VIII вв. (их числе Степанос Сюнеци, Иоанн Одзнеци, и, в первую очередь, сам Мовсес Грамматик) стремились толковать в духе ареопагитик различные вопросы, связанные с ритуалом и богослужебным пением.

В данный период еще окончательно не устоялось количество часов службы (оно колебалось между семью и восьмью), поэтому Мовсес Сюнеци обратился в своем сочинении к вопросу восьмичастной структуры армянской Псалтыри-Часослова, пытаясь обосновать ее с богословских позиций. Этому ритуаловедческому вопросу, который оставался предметом философско-богословских дискуссий вплоть до Григора Татеваци (XIV-XV вв.), посвящена вторая часть его трактата. По существу эта часть представляет собой толкование службы часов, в котором центральное место занимает толкование Песни трех отроков.

Примечателен также заголовок данного сочинения: "Комментарии Мовсеса, отца риторики* - Kertolahor (что Тагмизян совершенно справедливо исправляет на Kertoli – Грамматика) о чинах церкви". Подзаголовок, будучи трудно переводимым, нуждается в дальнейшем уточнении: "Сочинение, излагающее причины стихосложения согласно музыкальным размерам достодолжных восьми гласов, которые содержатся в духовном песеннике". В отличие от Тагмизяна, который считает, что в подзаголовке речь идет о двух наиболее распространенных типах движения в церковном пении – stambajaynut'yun – (подвижно) и stelnacap'ut'yun – (медленно), нам представляется, что подзаголовок может быть интерпретировансовершенно иначе. Врядле в подзаголовке (фактически в заглавии) речь шла о музыкальных темпах. Вероятнее, что в нем речь о более обширном сочинении, в которм

освещались различные вопросы, связанные с богослужением, церковным пением и его теорией и эстетикой, грамматикой и пр. Не исключено, что до нас дошла лишь небольшая часть этого предполагаемого сочинения.

Толкование Мовсеса Сюнеци "О чинах церкви", являющееся самобытным выражением богословской и эстетической мысли своего времени, оказало большое влияние на дальнейшее развитие армянской музыкально-эстетической мысли.

Непосредственным отголоском этого влияния является публикуемый впервые трактат, который, по всей видимости, принадлежит ученику Мовсеса Грамматика, Степаносу Сюнеци. Это второй текст, авторство которого в заголовке приписывается Василию Кесарийскому (Текст Е). Очевидно, что составитель данного толкования был хорошо знаком с сочинением Мовсеса Грамматика. Фактически оно представляет собой краткое изложение первой части трактата "О чинах церкви", верно следуя его замыслу. В нем заметны как прямые заимствования, так и дополненные автором фрагменты (ММ, рук. NN 3276, с.86б;,6616, с. 39а-40б; 7117, с. 149б-150б; 2752, с. 8б).

Заголовок, который имеет значение самостоятельной памятной единицы, содержит интересные сведения о выдающемся грамматике, философе и музыканте VIII в Степаносе Сюнеци, согласующиеся со свидетельствами о нем ряда армянских средневековых историографов: "[Слово] Василия Кесарийского о гласах, которое перевел епископ Сюнийский Степанос, ибо он был музыкантом и мужем искусным в учении о гласах. Он расположил гласы по порядку и установил (или расставил) певческие знаки (harukayk') гласов". На этом выражении стоит остановиться особо. Нас заинтересовал термин haruk. Толковый словарь древнеармянского языка объясняет его следующим образом: "Haruk – название музыкального знака (хаза), похожего на знак harhar или pus"[7]. Следовательно, в тексте речь идет о хазовой нотации,

---

[7] Толковый словарь древнеармянского языка, т. II. Венеция, 1866, с. 66.

введение которой наряду с жанром византийского канона и упорядочением Восьмигласия, согласно имеющимся историческим свидетельствам, было связано с именем Степаноса Сюнеци. Слово haruk в тексте применено во множественном числе, в общем смысле обозначая сумму расставленных над литературным текстом и указывающих интонацию условных знаков.

И, наконец, наиболее примечательный факт. В данном толковании, наряду с основоположными гласами упомянуты пять дополнительных гласов "стеги", которые соответствуют четырем основным и одному побочному гласам. Как известно армянской церковью были канонизированы восемь гласов и два "стеги". Однако в песнопениях Шаракноца (армянского Гимнария) помимо основных восьми гласов, наличествуют не два, а три "стеги", а также ряд так называемых гласов-спутников "дарцвацк" (букв. – обращение). Данное явление было отмечено еще в прошлом веке видным константинопольским музыкантом-теоретиком Е. Тынтесяном[8]. Симптоматично также выделение в первом же разделе данного текста "стеги" Второго побочного гласа, что, на наш взгляд, может в определенной степени прояснить вопрос: почему Второй побочный глас в староармянской теории именуется "Avag kolm" (букв. - "Старший побочный глас". Можно предположить, что Второй побочный глас получил это название, так как был в то время единственным среди побочных гласов, обладающим гласом "стеги".

Возникает вопрос: куда же исчезли эти "стеги"? Нам кажется, их надо искать среди гласов-спутников "дарцвацк", родственных по своему характеру к "стеги", исходя из того, что термин "дарцвацк" не упоминается ни в одном средневековом источнике, и неизвестно, каким образом и когда он вошел в обиход. Он так и не получил своего особого обозначения даже в записях, осуществленных в позднем средневековье и в Новое время.

---

[8] Е. Тынтесян, Мелодическое содержание песнопений Св. Армянской Церкви по восьми гласам, 2-е изд., Истанбул, 1933 (на арм. яз).

Упоминая о термине "стеги", который на древнеармянском означает буквально "отросток" или "ветка", следует дифференцировать понятия ладов типа "стеги" и шараканов-гимнов "стеги", разворачивающихся в этих ладах. Гласы "стеги' характеризуются большим объемом ладового звукоряда, наличием нескольких опорных тонов, переменностью тоник, позволяющих осуществлять ладовые отклонения и модуляции в торжественно-приподнятых, лирико-эпических песнопениях кантиленно-мелизматического склада, присуюих шараканам типа "стеги". Именно поэтому термин "стеги" применительно к гласам нередко переводится как "отпочковавшийся" или "ветвистый". В подтверждении гипотезы, выдвинутой нами, сошлемся на Кушнарева. Отмечая, что мелодии типа "стеги" получили распространение главным образом в период XII-XIII вв., Кушнарев писал: "Известно, что термин "стеги" применялся и до эпохи развитого феодализма, однако нельзя допустить, что в ранюю пору под ним разумелось тоже, что мы разумеем сейчас"*[9]. Нам представляется, что здесь иммется в виду именно вышеизложенная дифференция термина "стеги" в промененин к ладовым звукорядам (в данюм случае к "дарцдацкам") и мелизматиеским, развернутым монодиям шараканов типа "стеги".

Своеобразие армянского Восьмигласия состоит в том, что побочные гласы зачастую независимы от основных, то есть лишь частично воспринимаются как производные от них ладовые образования. Каждый из 8-ми гласов обладает одним или несколькими гласами-спутниками "дарцвацк". Кроме этого, армянские церковные гласы и без "дарцвацков' постоянно упоминаются с двумя дополнительными гласами "стеги", что уже выходит за рамки восьми. Объясняя это явление, Комитас писал: "Это количество не должно нас удивлять. Мы принадлежим к восточным народам, и наши гласы также относятся к разветвленным восточным ладам, имея большое сходство с ними"[10].

---

[9] Х.С.Кушнарев. Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. Л., 1958, с. 136.

Следовательно, необычная и выходящая за рамки канона классификация гласов в рассмотренном тексте, в виде толкования отражает эстетико-теоретическое обобщение определенных реалий, сложившихся на каком-то этапе в монастырской певческой практике.

ГЛАВА IV. ВОПРОСЫ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ И ТЕОРИИ ГЛАСОВ В СОЧИНЕНИЯХ АВТОРОВ XIII-XV ВВ.

Эпоха развитого феодализма подарила армянской культуре целое созвездие деятелей энциклопедического склада – Григор Магистрос, Ованес Саркаваг, Нерсес Шнорали, Мхитар Айриванеци, Ованес Ванакан, Вардан Аревелци. Ованес Ерзикаци и др. Многие из них внесли свой весомый вклад в развитие духовного песнетворчества, а в их богатом литературном наследии в числе многочисленных вопросов нашли место также вопросы гимнологии, теории церковных гласов, проблема взаимоотмошения светской и духовной музыки.

В данной главе впервые освещены музыковедческие воззрения армянских мыслителей XIII-XV вв. Сооретствующие фагменты их сочинений впервые вводятся в научный обиход в нашем переводе с древнеармянского на русский язык.

Первым в этом ряду стоит Ованес Ванакан (1181-1251), автор многочисленных трудов, короый возглавлял монастырские школы Нор Гетика и Хоранашата, куда стекались за знаниями со всей Армении.

Сохранившийся "Вопросоответник" Ованеса Ванакана является первым известным сборником подобного рода, в котором отражены круг интересов и сумма знаний по философии, богословию, истории, географии, грамматике, естественным наукам, медецине, астрономии, музыкознания и пр. (ММ, рук.

[10] Комитас, Армянские церковные гласы, стр. 125.

5611). "Вопросоответник" или "Книга вопрошений" Ованеса Ванакана имела широкое применение в монастырских школах высшего типа своего времени.

В вопросах церковной музыки Ованес Ванакан предстает перед нами в первую очередь как искусный богослов-гимнолог. Известно, что помимо других трудов Ванакану принадлежит толкование шаракана "Радуйся, венец дев" из канона на Преображение. Во многих местах своего "Вопросоответника" он объясняет труднодоступные пассажи текста тех или иных шараканов, толкуя их богословский смысл. Благодаря "Вопросоответнику" Ованеса Ванакана сохранился наиболее ранний по времени список авторов шараканов, который содержит ряд ценных сведений об их деятельности.

Обращаясь к церковным гласам, Ванакан придает первостепенное значение их практическому применению в обиходе, поэтому соответствующий фрагмент содержит конкретные указания о гласах, в которых следует исполнять нараспев те или иные части Евангелий, посланий апостолов и пророчеств: "Вопрос: Как читают на глас [Св.] Писание? Ответ: Евангелие – в Первом гласе, апостолов – во Втором. Исайю – в Третьем. Оды – в Четвертом гласе. В "стеги" Второго гласа – Иоанна, и другие – в ["стеги"] Первого гласа. Армянские оды – в [гласах] "стеги".

В "Вопросоответнике" Ванакана содержится любопытный фрагмент, посвященный народным инструментам – канону и волынке. Подобный факт доказывает, что в эту эпоху общественная атмосфера и культура в целом подверглись влиянию новых веяний. Отголоски народного быта и искусства проникали за стены монастырей, находя свое выражение даже на страницах дидактической литературы, созданной в богословской среде.

О широком мировоззрении интересующих нас авторов свидетельствует тот факт, что их внимание привлекали и свидетельства, содержащие древние легенды и верования языческого происхождения, имевшие отношение к музыке. Так, например, выдвигая вопрос о происхождении гласов, Ованес

ванакан, отдавая дань существующей традиции, приводит Текст А – "Изобретение гласов согласно философам".

Хотя Ванакан и не ооравил отдельного толкования на гласы, сохранилось его "Толкование хоранов" (иллюстрированных заставок к Евангелиям), в кторых прослеживается ряд примечательных параллелей между толкованиями символики десяти гласов и десяти хоранов, основанной на библейской концепции и понятии совершенного числа.

Таким образом, в теории армянского средневекового искусства вырисовывается характерная особенность, а именно, что одни и те же мыслители занимались разными областями искусства, в данном случае – вопросами как теории и эстетики рикописной миниатюры, так и духовной музыки. Среди них – Степанос Сюнеци, Нерсес Шнорали, Ованес Ванакан, Григор Татеваци и др.

В числе лучших учеников Ванакана был Вардан Аревелци (1198-1271), историограф, географ, философ, грамматик, общественный и церковный деятель. Его деятельность разворачивалась как в коренной Армении, так и в Киликии. Вардан Аревелци известен и как гимнограф, сочинения которого были канонизированы церковью. Особенно любим его шаракан "Вы, украсившие себя" из канона святым армянским переводчикам. Он также автор толкования шаракана "Неувядающий цветок", приписываемого Мовсесу Хоренаци.

В обширном литературном наследии Вардана Аревелци своеобразное место занимает сборник под названием "Жхланк" - "Беседы" (ММ, рук. N 750). Он был создан в Киликии, по заказу царя Хетума I, для удовлетворения интеллектуальных запросов членов королевского семейства. Состоящий из многочисленных и разнообразных материалов, написанный доступным среднеармянским языком, данный сборник энциклопедического характера намного расширяет и дополняет круг затронутых в "Вопросоответнике" Ованеса Ванакана проблем. Очевидно, что при составлении "Бесед", Вардан

Аревелци в числе других источников имел в поле зрения аналогичный по замыслу сборник своего учителя.

На страницах "Бесед" нашли место и вопросы музыкознания. Особенно примечателен следующий фрагмент, в котором, как нам кажется, говорится о взаимосвязи светской и духовной музыки, в завуалированной форме высказывается идея о возможности применения приемов и достижений в области инструментальной светской музыки в духовном песнетворчестве в целях усиления выразительности церковного пения. Для этого Вардан Аревелци обращается к излюбленному средневековыми толкователями хрестоматийному образу пророка Давида: "Вопрос: Почему Давид смешал звуки и игру на инструментах со словом Божьим? Ответ: По двум причинам: первая, ибо лиры и арфы суть изобретение сатаны, чтобы лирами и арфами развращать людей. Смешал Давид это со словом Божьим, чтобы (...) его же оружием уязвить его и изгнать как из Саула". И вторая, ибо прельщаясь сладкозвучием, люди легче усваивали духовные слова" или же "Не счел достаточным языком одним воспевать Господу. А сотворил [он] десятиструнный инструмент, чтобы десятью пальцами как говорящими воспевать Бога". За этим следует вопрошение о происхождении гласов, в котором пересказывается Текст B[1] - "Сколько насчитывается [в природе] звуков?"

Следующий фрагмент, посвященный церковным гласам повторяет соответствующий отрывок из "Вопросоответника" Ованеса Ванакана. Однако продолжая изложение, Вардан Аревелци рассуждает о важности художественного осмысления и интонационной выразительности распевного чтения: "Читающий должен уподоблять свое слово цели и причине создателя Писания, которое и нравоучительно, и просительно, и угрожающе, и наказующе и далее в том же духе".

Идеи, касающиеся теории и практике духовной музыки в трудах Ованеса Ванакана и Вардана Аревелци, представляют определенный интерес с точки зрения изучения музыкальной эстетико-теоретической мысль средневековой

Армении. Они, безусловно, сыграли важную роль в формировании замысла "Вопрошения и гласах" из "Книги вопрошений" Григора Татеваци.

Григор Татеваци – блестящий представитель философской мысли средневековой Армении XIV-XV вв., крупнейший ученый-энциклопедист и искусствовед. Выдающийся философ-номиналист, ректор прославленного Татевского университета, имевший множество учеников и последователей. Он оставил также значительное наследие в различных областях теории и эстетики искусства. Сохранились иллюстрированные рукою Татеваци высокохудожественные рукописи, а также составленный им список авторов песнопений армянского Гимнария-Шаракноца.

Среди многочисленных сочинений Гр. Татеваци, особое место занимает "Книга вопрошений"[11]. Освещающая самые различные вопросы, касающиеся дисциплин, которые входили в учебные программы университетов средневековой Армении, эта энциклопедия-вопросоответник и сегодня удивляет масштабами охвата материала и высоким научным уровнем, ясностью и доступностью изложения.

48-я глава "Книги вопрошений" посвящена толкованию армянских церковных гласов, изучение которых традиционно занимало определенное место в средневековых монастырских школах высшего типа.

"Вопрошение о гласах" Григора Татеваци, до сих пор не удостаивалось внимания ученых, будь то философы-эстетики или музыковеды-медиевисты. В то время как данное сочинение по сути является последним трудом, обобщающим весь предыдущий путь эволюции богословских и эстетических учений о гласах в средневековой Армении, вобравшем в себя как отголоски дохристианской, эллинистической традиции, так и своеобразные богословско-библейские толкования церковных гласов, которые создавались армянскими мыслителями на протяжении веков.

[11] Григор Татеваци, Книга вопрошений, Иерусалим, 1993 (на древнеарм. яз.)

"Вопрошение о гласах" с полным правом можно охарактеризовать также термином "Lucmunk'" (решение, анализ), широко распространенным в средневековой учебной литературе как свод имеющихся в поле зрения автора теорий

Итак, "Анализ гласов" ("Lucmunk' jaynic'") четко делится на восемь разделов. По-видимому, эта цифра неслучайна. Очевидно, что она соответствует числу восьми гласов.

В певом разделе "Почему гласов восемь?", Татеваци начинает с классификации звуков: "Все виды свуков подразделяются на пять. Первое, совсем беззвучные, как во время рассуждения. Второе, совсем без слова, как в возгласе. Третье, когда слово преобладает над звуком как в песнопениях шараканов. Четвертое, когда звук преобладает над словом как в протяжных песнопениях. Пятое, когда слово и звук равны как в словесной речи". Таким образом,звуки согласно Татеваци, подразделяются на пять видов: 1) неслышимые, умозрительные; 2) без слова как в восклицании; 3) с преобладанием слова как в шараканах; 4) с преобладанием музыкального компонента как в протяжных песнопениях, то есть тагах (jaynavor ergk') и 5) с равноправным проявлением слова и интонации как в словесной речи.

Далее Григор Татеваци обращается к вопросу о взаимосвязи гласов с четырьмя стихиями и совершенным числом, проблеме которая на протяжении веков многосторонне толковалась армянскими средневековыми мыслителями.

Следующее толкование, как бы продолжая изложение предыдущего, еще более детализирует и освещает по-новому данную проблему, классифицируя гласы следующим образом: "А то, что существуют четыре естественных гласа, соответственно четырем стихиям, доказывается умозрительно. Первый – глас духовных [существ]. Второй – разумных [существ]. Третий - чувствующих. Четвертый – вещественных".

Четвертое толкование представляет библейско-богословскую концепцию толкования гласов Татеваци: "Глас земли – от стихий. Воды – от животных.

Воздуха – от человека. Огня – от ангелов". И далее: "Глас Первый – божественный, на сотворение человека от земли. Примечательно, что таинство природы первого гласа армянские средневековые мыслители преимущественно связывали с сотворением человека из земли и дарованием ему духа, дыхания. Впервые подобное толкование встречается еще в сочинении Мовсеса Сюнеци "О чинах церкви", а позже – в толковании "О науке гласов" Анании Нарекаци. Проявляя осведомленность в различных версиях библейской концепции толкования гласов предыдущих авторов, Татеваци объясняет значение гласов следующим образом: "Господь говорил с Адамом посредством земли. С Ноем – посредством воды. С пророками – посредством облаков. С ангелами – посредством огня. Глас Первый – от земли, телесных по рождению. Второй – от крещения водой. Третий – от трапезной, от св. Духа. Четвертый – от языков огненных". Далее следует почти дословно цитируемый фрагмент из толкования Мовсеса Сюнеци (Грамматика): "Последнее Воскресение, и огненное озеро. Вознесение на облаке, и слава избранным. Таков смысл (таинство) четырех гласов".

Следующий раздел толкования озаглавлен: "Кто изобрел гласы?", который является седьмым в ряду приводимых толкований. Здесь Григор Татеваци воспользовался известным издревле в армянской литературе сочинением "О гласах", приписываемым Василию Кесарийскому (Текст В2). Примечательно, что Татеваци, наверняка будучи хорошо знаком с предысторией данного толкования, опускает в заголовке имя Василия Великого как факт, не соответствующий действительности. Нам кажется, что здесь проявилась определенная позиция автора в данном вопросе.

И, наконец, в заключительном толковании Григор Татеваци обращается к проблеме взаимоотношений вокальной и инструментальной музыки в духовном песнетворчестве. Известные толкования на эту тему его непосредственных предшественников дополнены здесь собственными рассуждениями Татеваци следующим образом: "Вопрос: Почему Давид смешал голос и лиру в духовных

песнях? Ответ: Первое, ибо человек есть душа и тело, поющий голосом и (играющий) руками, соединяя два пальца воедино для благословения Бога. Второе, ибо лира и арфа были порождением сатаны, дабы расслабить [души] людей. Смешал [Давид] их с духовным словом, чтобы поразить [сатану] его же мечом и изгнать [как в случае] с Саулом. Третье, ибо разнеженные сладкими звуками люди легче воспринимают слово Божье. Четвертое, ибо разные твари обладают голосом, но не наделены словом, которое преподнесли бы Богу. Ибо человек – глава тварей и поэтому он смешивает эти звуки со свим словом и преподносит Богу. Пятое, во имя горячей любви к Господу, посчитал он недостаточным воспевать Богу лишь языком, но цоздал десятиструнный инструмент, дабы десятью пальцами возносить слово хвалы Господу".

Заслуживает внимания толкование Татеваци сочетаний различного количества струн лиры: "Можно сочетать из них две струны, как у нас [сочетаются] слово и голос, душа и тело. Четыре струны соответствуют четырем началам и четырем добротелям. Семь струн [соответствуют] семи органам чувств и смене семи веков и силам [святого] Духа. Десять струн – десяти ощущениям души и тела и десяти видам тварей согласно слову Писания".

В заключительном разделе толкования все возвращается на "круги своя" и, соблюдая вековую традицию Григор Татеваци завершает свой обзор выявлением различных богословско-философских аспектов совершенного числа, следуя известному утверждению стрдневековых толкователей, согласно которому "десять это совершенное число и дар Божий и венец всему".

Следует отметить, что в другой главе "Книги вопрошений" Григор Татеваци подробно анализирует Псалтырь, особенно ее восемь канонов, проявляя при этом блестящие познания в области ритуально-практичрской стороны богослужения. Следуя прецеденту, созданному Мовсесом Сюнеци, Татеваци куда более подробнее и глубже объясняет богословский смысл канонов, непосредственно связывая его с практикой каждодневной монастырской службы часов. Тем самым, он оставил неоценимое

свидетельство истории о реалиях монастырской жизни армянской церкви своего времени.

Таким образом, "Вопрошение о гласах" из "Книги вопрошений" Григора Татеваци является одним из наиболее ценных памятников философско-эстетической мысли, созданных в монастырской интеллектуальной среде средневековой Армении.

В ряду армянских средневековых "Толкований на гласы", особенно после Григора Татеваци, наиболее примечательным памятником является толкование, принадлежащее перу известного книжника XV в. Товмы Мецопеци. Следуя примеру своего учителя, он составил свод толкований на гласы, который хоть и не может сравниться с анализом Татеваци ни блеском богословской мысли, ни разнообразием приводимых теорий, однако интересен особенно благодаря цитируемому в нем одному тексту.

Данное толкование известно лишь по одной рукописи (ММ, рук. N 599, XV в., сс. 44а-45б). Оно состоит из трех различных толкований, первое из которых представляет уже рассмотренную выше пространную редакцию сочинения "О гласах", приписываемого Василию Кесарийскому (Текст B^3). Третье это толкование, приписываемое Степаносу Сюнеци (Текст D), а второе – неизвестный доселе уникальный образец эстетической мысли средневековой Армении. В нем сделана попытка сопоставления различных свойств, а также богословского толкования цветов, используемых при иллюминировании заставок рукописных Евангелий и церковных гласов: "Четыре исходных начала дали названия гласам. Не единым гласом ведут службу, а многими, на разный лад, подобно тому, как не похожи блеяние и крики животных. Точно также и различные цветы имеют неодинаковую окраску и испускают разный аромат. Иные из них красные, другие розовые, третьи – огненного цвета, о которых Господь сказал: "И Соломон во всей славе не одевался как всякая (лилия) из них (Лука, 12, 27) Так и о красках, изготовляемых из растений. Некоторые темные, а другие светлые – красного, розового и пурпурного цветов,

темноголубая и зеленая, желтая, как и написано: пурпурные, среднепурпурные и темнопурпурные. Также вожделеющих павлинов, посеребряных и золоченных, следует украшать [как бы] блеском драгоценных камней, многоцветием красок и цветов, о которых Павел говорит:Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд, и звезда от звезды разнится в славе (I Кор., 15, 41), которым следуют мелодии гласов и всяческие трели. Глас Первый -- "Слава в вышних Богу!" и "Благословен Господь" и проповедь "О том, что свыше и "Святая дева восседала", и в подражание херувимам "Свят, свят, свят, Господь всемогущий". Первый побочный глас – "Поем" на капун [Рождества] и ода канонов, и "Ниспошли, Господи, свет Твой". А в предверии вечери – глас Второй -- "Отцев" на капун и "Да направится (молитва моя)" (Пс. 140, 2) на воскресение и молитва Ионы – "К Господу воззвал я в скорби моей" (Иона, 2, 3). Второй побочный глас – копулы на страсти [Христовы]. А "Царствует" и "Сын единородный" – в гласе "стеги" [Второго побочного гласа]. Глас Третий - чтения из Св. Писания и шараканы, копулы канонов, аллилуйи, и "Святая святых". Не исключено, что одним из источников ярко выраженного эстетического переживания в данном толковании являются описывающие совершенство и красоты природы соответствующие фрагменты "Шестоднева" Василия Великого, произведения, необычайно популярного в средневековой Армении, которое было переведено уже в V в. Данное толкование должно заинтересовать также специалистов, занимающихся теорией и эстетикой армянской средневековой миниатюры.

ГЛАВА V. АРМЯНСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ "ТОЛКОВАНИЯ НА ГЛАСЫ" И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ В БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ТРАКТАТАХ

Известны общая основа и соответствие армянских церковных гласов и традиционных ладов персидской, арабской и турецкой музыки. Это явление

нашло отражение в трудах Комитаса, Кушнарева, Тагмизяна и др. Аналогичные характерные параллели прослеживаются между армянскими толкованиями гласов, а также другими сочинениями философско-дидактического характера и музыкальными трактатами, созданными выдающимися средневековыми мыслителями ряда стран Передней Азии, такими как Аль-Фараби, Ибн-Сина, аш-Ширази, Аль-Амули, Джами и др. Интересно, что проф. Кушнарев, уделивший в своем капитальном труде достаточно места общим основам армянской ладовой системы и мугамов, касаясь памятников музыкально-теоретической мысли, считал, что методы исследования ближневосточных ученых не имеют точек соприкосновения с методами старых армянских теоретиков[12]. Мы доказали обратное.

Из многочисленных вопросов, обсуждаемых в этих сочинениях нами *выделены высказывания, касающиеся происхождения музыки и ладов, их связи* с элементами природы и терапевтического воздействия музыки, то есть ряд универсальных, фундаментальных представлений и понятий в контексте всей культуры средневековья, как христианской, так и мусульманской.

Ограничения, наложенные исламистской идеологией на музыкальное творчество, не помешали развитию музыкальной теории и эстетики как у *арабов, так и у других народов, принявших ислам. На становление эстетических* концепций музыкальных теоретиков в странах Передней Азии значительное влияние оказало их знакомство с музыкально-теоретическим наследием Древней Греции (с работами Аристотеля, Аристоксена, Птоломея, пифагорейцев и других мыслителей античности) благодаря сирийской переводческой обширной литературе. Эти концепции развивались в основном *на базе обобщения их создателями живой музыкальной практики народного и и* народно-профессионального искусства, в частности, искусства мугамата возникновение которого относится примерно к X веку.

[12] Кушнарев, ук. соч., с. 520.

Армянские мыслители приобщились к философскому наследию античности ранее, начиная с V, золотого века национальной словесности, благодаря блистательной плеяде ученых-переводчиков, непосредственных учеников Маштоца и Саака. Высказывания, касающиеся места музыки в системе других наук ее познавательного и воспитательного значения, эмоционально-этического воздействия встречаются уже в "Определениях философии" выдающегося неоплатоника V-VI вв. Давида Анахта (Непобедимого). Эти идеи, наряду с учением о звуке и остове гармонии получили дальнейшее развитие в трудах ученых последующих веков.

Исследования и подготовка к изданию толкований на гласы натолкнула нас на мысль сопоставления армянских источников с ближневосточными и среднеазиатскими трактатами музыкально-эстетического содержания, что при первом же приближении привело к интересным результатам. Для наглядности сошлемся на рассмотренный в первой главе настоящей диссертации трактат "О происхождении гласов" (Тексты B^1,B^2,B^3) и сравним его с "Трактатом о науке музыки" неизвестного арабского автора XVI в. Он пишет: "По вопросу о происхождении макамов среди ученых существуют различные мнения. Некоторые из них приписывают изобретение макамов древнегреческому философу Платону. Он изобрел 12 макамов, связав их с космологией. По некоторым легендарным рассказам, основоположником 12 макамов был Моисей". Далее излагается легенда, согласно которой, Моисей, чтобы избавить людей от жажды в пустыне, обращается с просьбой о помощи к Богу: "Бог приказал ему ударить посохом по камню, и там обрасовалось 12 отверстий родника, откуда потекла вода. Кроме этого, оттуда вышли различные звуки в 12 ладах, которые гласили: "О Моисей! Храни и запомни эти мотивы. Эти 12 различных ладов и были 12 макамн".

Сопоставление трактата Анании Нарекаци "О науке гласов" и "Драгоценного трактата о музыке" другого неизвестного арабского автора XVI в. выявлется совершенно идентичная трактовка числовой сакральной

символики, обладающей глубинным, архетипическим характером как в сочинениях армянских так и ближневосточных авторов. И в тех, и в других трактатах постоянно фигурируют сакральные числа 4, 7, 8, 10, 12, 24. Так, в "Драгоченном трактате о музыке" говорится следующее: "В самом начале макамов было 7, которые остались от пророков. Раст (ср. с Первым гласом армянского Восьмигласия) остался от Адама, хиджаз - -от Ибракима, рахави – от Исмаила, ушшак – от Якуба, ирак – от Юсуфа, хусейни – от пророка Дауда. Другие предания повествуют о том, что 12 макамов были созданы Платоном, согласно знакам зодиака (...) В одном предании упоминается об изобретении первых 8 макамов ученым Пифагором (...) Затем совершеннейший ученый своего времени Ходжа-Шамс-ад-Дин Муххамад на основе указанных макамов изобрел еще 4 (...) Таким образом, число макамов достигло 12-и. Каждый из макамов и шу'бе связаны с 12 месяцами и 24 часами суток".

Симптоматично сопоставление высказываний армянских и ближневосточных ученых, затрагивавающих проблему эмоционально-этического воздействия музыки. Еще Давид Анахт в "Определениях философии" писал: "Надобно знать, что музыка обладает великой силой воздействия, ибо повергает душу в различные состояния и придает ей настроения, как это видно на примере лирических песен и элегий, которые соответственно себе настраивают душу". А Ованес Ерзнкаци (XIII в.) в связи с той же проблемой писал: "Вспомни златокудрого и воспевающего Святой Дух отрока Давида, который был и пророком и царем и который пением псалмов и игрой на лире утешал Саула". Известный ученый XIII-XIV вв. Аш -Ширази в трактате "Жемчужина короны" характеризует свойства музыкальных тонов следующим образом: "Музыкальные звуки обладают различными свойствами и силой воздействия; они могут вызвать у человека настроения веселия или горя, храбрость, щедрость и т. д." Джами (XV в.) в своем "Трактате о музыке" останавливается на этом вопросе подробнее: "Знай, - писал он, - что каждый из 12 макамов (...) обладает своим особым воздействием /на слушателей/, помимо

общего для всех них свойства доставлять наслаждение. Так, ушшак, нава и бусалик возбуждают силу и храбрость. В то же время раст, ирак и исфаган пригодны для возбуждения веселия и радости. Бузрук, зирафгянд и зангуле вызывают печаль и грусть" (ср. с характеристикой музыкального этоса армянских церковных гласов в трактате Мовсеса Грамматика "О чинах церкви").

Приведенные примеры свидетельствуют о решающем как дляармянских, так и для ближневосточных авторов влиянии античных эстетических концепций, в частности, учения о музыкальном этосе. Примечательно, что и те, и другие средневековые авторы, опираясь, по-видимому, на одни и те же источники, цитируют Псевдо-Аристотеля, пересказывают широко бытующие в средневековье легенды об Орфее, Пифагоре, Платоне, Александре Македонском, о создании монохорда, барбата и других музыкальных инструментов.

Не менее показательны высказывания средневековых ученых о связи гласови тонов со стихиями и терапевтическом воздействии музыки. В данном случае в трудах армянских авторов заметны влияния как античной традиции, так и прямые заимствования из медицинской литературы, написанной на арабском языке, с которой армянские ученые стали знакомиться с конца X- начала XI вв. Обычай лечения больных посредством игры на музыкальных инструментах танцев и пения, непосредственно унаследованный от фригийцев, сохранился у армян в течение всего средневековья. В трудах Мхитара Гераци (XII в.) "Утешение при лихорадках" и Амирдовлата Амасиаци (XV в.) "Полезное для неучей" рекомендуется лечение некоторых лихорадочных заболеваний посредстовм игры на музыкальных инструментах и пения приятных мотивов.

В "Толковании грамматики" Ованеса Ерзнкаци (XIII в.) и Аракела Сюнеци (XV в.) довольно подробно говориться о связи церковных гласов, четырех струн лиры со стихиями, четырьмя началами (светлая и темная желчь, флегма и кровь), четырьмя темпераментами человека и возможностями

терапевтического воздействия игрой на той или иной струне или в том или ином ладу на определенные заболевания. В частности, у Аракела Сюнеци. Аналогичные рассуждения встречаются в известных арабских трактатах "Послания братьев чиститы" (X в.), "Кабус-намэ" (XI в.) и др.

Возвращаясь к армянским средневековым "Толкованиям на гласы", сошлемся на вышеупомянутое толкование Товмы Мецопеци, в котором сопоставлены различные свойства красок, использовавшихся при создании заставок рукописных Евангелий и церковных гласов. В связи с этим приведем параллель с Аль-Кинди (IX в.), который в "Трактате о благородности /науки/ счинения музыки" и "Трактате о мелодиях" пытался установить общность в эстетическом восприятии мелодий, цветов и запахов. Арабский философ писал, что между отдельными цветами и мелодиями, с точки зрения вызываемых ими эмоций, существует известние соответствие. Точно также, утверждал он, обстоит дело и с запахами, являющимися своего рода "беззвучной музыкой".

Приведенные примеры позволяют уяснить характерные параллели между сочинениями средневековых армянских и ближневосточных мыслителей. Их изучение по-новому освещает многовековые связи и взаимовлияния между музыкальными культурами Ближнего Востока и Закавказья, в частности, Армении, в области музыкально-эстетической мысли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В настоящей диссертации исследованы армянские средневековые толкования на гласы, являющиеся своебразным проявлением армянской средневековой музыкально-эстетической мысли. В работе впервые представлена широкая панорама развития эстетико-теоретического обобщения армянских традиционных и церковных гласов. Рассмотрены особенности армянского Восьмигласия, многочисленные параллели и взаимовличния как между философскими трактами византийской и латинской патристики, так и сугубо музыкальными по содержанию сочинениями ближневосточныхи среднеазиатских авторов с армянскими средневековыми толкованиями на гласы.

Анализируемые тексты приведены в хронологическом порядке – от древнейших фрагментов до целостных трактатов XIV-XV вв.

"Толкования на гласы", которые являются неотъемлемой частью армянской средневековой толковательной литературы, представляют собой результат эстетико-теоретического осмысления церковного искусства, в данном случае, духовного песнетворчества.

Армянские средневековые "Толкования на гласы" – самобытное явление общехристианской духовной культуры. В них отражен опыт армянских средневековых мыслителей и своеобразный синтез богословия, музыкальной теории и эстетики и церковно-прикладной сфер.

Настоящей работой в музыкальную медиевистику вводится малоизученный и обладающий большой научной ценностью материал в плане компаративного исследования с аналогичными византийскими, латинскими и славянскими письменными источниками.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Новонайденная редакция средневекового трактата "О гласах". "7-я научная конференция посвященная вопросам армянского искусства" (Тезисы докладов). - Ереван, 1995, сс. 7-9 (на арм. яз.).

2. Первая музыковедческая статья Комитаса и ее значение. - "Эчмиадзин", 1996, июль-август, сс. 140-148 (на арм. яз.)

3. L'opuscule "Sur l'origine des modes" attribué à Basile de Césarée dans les sources médiévales arméniennes. - Byzantium. Identity, Image, Influence. International Congress of Byzantine Studies. Abstracts. – Copenhagen, 1996, p. 6331.

4. Deux textes arméniens médievaux sur l'Interprétation des modes musicaux, "Revue des études arméniennes", t. 26. – Paris, 1996-1997, pp. 339-355.

5. Les traités arméniens médievaux sur l'Interprétation des modes musicaux et leurs parallèles au Proche Orient, "Revue des études arméniennes", t. 26. – Paris, 1996-1997, pp. 357-366.

6. Григор Татеваци и его толкование "Вопрошение о гласах". "традиционная и духовная музыка. Наследие человечества", Тезисы докладов международного мызуковедческого симпозиума ЮНЕСКО. – Ереван, 1999, сс. 8-9 (также на англ. яз.)

7. Армянские средневековые "Толкования на гласы", сб. Гимнология, вып. 1, кн. 2-я. Материалы международной конференции памяти протоиерея Дмитрия Разумовского (май, 1996, Москва). Ученые записки кабинета русской церковной музыки Московской государственной консержатории. – М., 2000, сс. 510-517.

8. Сборник "Манрусум" и монастырская певческая традиция Киликийской Армении XII-XIV вв., сб. Монастырская певческая традиция в древнерусскомпеснетворчестве, "Бражниковские чтения – 97". – С. Петербург, 2000, сс. 267-274.

9. Армянские средневековые "Толкования на гласы" и их параллели в ближневосточных музыкально-эстетических трактатах, сб. "Православная монодия: ее богословская, литургическая и эстетическая сущность". Материалы международной музыковедческой конференции ЮНЕСКО. – Киев, 2000.

10. Մովսես Սյունեցու "յաղագս կարգաց եկեղեցւոյ" գրվածքը և հայ միջնադարյան "ձայնից" մեկնությունները, "Հայաստանը և քրիստոնյա Արևելքը". - Երևան, 2000, էջ 203-210.

11. Աստվածաշնչային կոնցեպցիան հայ միջնադարյան "ձայնից" մեկնություններում, "Աստվածաշնչական Հայաստան" միջազգային գիտաժողովի նյութեր. – Օշական, 2000.

12. Հոգևոր երաժշտության հարցերը Հովհաննես Վանականի և Վարդան Արևելցու աշխատություններում, "Յ.Ս. Բախի և հայ հոգևոր

երաժշտության հարցերին նվիրված գիտաժողով" (Թեզեր). – Երևան, 2000, էջ 8-9 (նաև գերմաներեն)

13. Հայոց եկեղեցական ձայնեղանակները Կոմիտասի գնահատմամբ, "Ժողովրդական ստեղծագործության կաբինետի և ֆոլկլորագիտության ամբիոնի 30-ամյակին նվիրված գիտաժով (հիմնդրույթներ). - Երևան, 2000, էջ 9:

ՀԱՅ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ «ՁԱՅՆԻՑ» ՄԵԿՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
/ԱՄՓՈՓՈՒՄ/

Ներկա ատենախոսությունը նվիրված է հայ միջնադարյան «ձայնից» մեկնություններին, որոնք մինչ այժմ չեն դարձել առանձին ուսումնասիրության առարկա: Այդ մեկնությունները յուրահատուկ երևույթ են ներկայացնում, որի մեջ արտահայտվել է հայ միջնադարյան մտածողների ծործը երաժշտական տեսության և գեղագիտության, մասնավորապես, ձայնեղանակների մասին ուսմունքի բնագավառում: «Ձայնից» մեկնությունների հեղինակների թվում են հայ միջնադարյան մշակույթի այնպիսի գործիչներ, ինչպիսիք են Մովսես Քերթողը (VII-VIII դդ.), Ստեփանոս Սյունեցին (+ 735 թ.), Անանիա Նարեկացին (X դ.), Վարդան Արևելցին (XIII դ.), Գրիգոր Տաթևացին (XIV-XV դդ.) և ուրիշներ: Այդ երկասիրություններն արտացոլում են հայ եկեղեցական ձայնեղանակների զարգացման տարբեր փուլերը:

Հայկական Ութձայնը ուրույն տեղ է գրավում արևելաքրիստոնեական եկեղեցիների նմանատիպ համակարգերի շարքում: Այն արտացոլել է հայ ժողովրդի բազմադարյա լսողական փորձը, հայ ավանդական երաժշտության ելևէջային հարստությունը, միջնադարյան հոգևոր երգաստեղծության մեջ բյուրեղացած բազմապիսի բնորոշ մեղեդիական բանաձևերի միասնությունը:

Ձեռագրական աղբյուրների ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ հայոց եկեղեցական ձայնեղանակների համակարգը մի քանի փուլ է անցել իր զարգացման մեջ.

ա) Հիմքում ունենալով հեթանոսական շրջանում ձևավորված պատկերացումները, որոնք ձայնեղանակների ծագումը կապում էին չորս տարրերքների, երկնային լուսատուների, բնության զանազան երևույթների, կենդանական աշխարհի, արհեստների, հին հունական դիցաբանությունից և պատմությունից հայտնի երաժիշտների և գիտնականների, մարգարեների հետ, այն վերաիմաստավորվել է թարգմանչաց դարում ըստ քրիստոնեական գաղափարախոսության և գեղագիտական նոր պահանջների:

բ) Հաջորդ փուլը կապված է եղել հունաբան դպրոցի գործունեության, մասնավորապես, VII-VIII դդ. ներկայացուցիչների հետ (Մովսես Քերթող և Ստեփանոս Սյունեցի), երբ կայունացել և տեսական իմաստավորում են ստացել հայկական Ութձայնի չորս բուն, չորս կողմ և երկու «ստեղի» ձայնեղանակները: Այդ շրջանում գերակշռող է դարձել հայրաբանական գրականության մեջ արծարծված պատկերացումների և գաղափարների ազդեցությունը:

գ) Վերջին փուլը վերաբերում է զարգացած ավատատիրության շրջանին: X-XIV դդ. Ութձայնի արդեն բյուրեղացած հնչյունաշարերի համակարգը գնալով ընդլայնվում ու ճյուղավորվում է, ընդգրկելով Ութձայնի կանոնական սահմաններից դուրս եկող և հաճախ ինքնուրույն ստեղիատիպ, զարտուղի և դարձվածքանման ձայնեղանակներ (այսպես կոչված «մանրուսման եղանակներ»), որոնց առկայությունը մեծապես կապված էր տաղային արվեստի զարգացման հետ:

Աշխատության մեջ առաջին անգամ ներկայացված է հայկական ավանդական և եկեղեցական ձայնեղանակների տեսա-գեղագիտական ընդհանրացման լայն համայնապատկերը: Քննված են հայկական Ութձայնի առանձնահատկությունները, բացահայտված են հայ

միջնադարյան «ձայնից» մեկնությունների և ինչպես բյուզանդական, լատինական հայրաբանությանը պատկանող փիլիսոփայական երկերի, այնպես էլ մերձավորարևելյան և միջինասիական մտածողների զուտ երաժշտագիտական բովանդակության գրվածքների միջև գոյություն ունեցող բազմաթիվ զուգահեռներն ու փոխառնչությունները:

Քննված բնագրերը, որոնց մեծամասնությունն առաջին անգամ է ներմուծվում գիտական շրջանառության մեջ. քննված են ժամանակագրական կարգով՝ հնագույն պատառիկնորից մինչև XIV-XV դդ. մատենագիրների ամբողջական երկասիրությունները:

«Ձայնից» մեկնությունները, որոնք կազմում են հայ միջնադարյան մեկնողական գրականության անքակտելի մասը, հանդիսանում են եկեղեցական արվեստի, տվյալ դեպքում, հոգևոր երգաստեղծության տեսա-գեղագիտական իմաստավորման արգասիքը:

Եկեղեցական ձայնեղանակների հայ միջնադարյան մեկնությունները համաքրիստոնեական մշակույթի չափանիշներով մի ինքնատիպ երևույթ են ներկայացնում: Նրանցում յուրահատուկ ձևով դրսևորվել է աստվածաբանական, երաժշտական տեսա-գեղագիտական և ծիսական-գործնական ոլորտների հետ կապված հայ միջնադարյան մտածողների փորձը, որն իրենից ներկայացնում է այդ ոլորտների յուրատեսակ համադրում:

Ներկա աշխատությամբ երաժշտական միջնադարագիտություն է ներմուծվում քիչ ուսումնասիրված և գիտական մեծ արժեք ներկայացնող մի նյութ, որի հետազոտումը կարևորվում է նաև բյուզանդական, լատինական և սլավոնական նմանատիպ աղբյուրների համեմատական քննության տեսանկյունից:

Ատենախոսությունն ունի հավելված, որն ընդգրկում է հայ միջնադարյան «ձայնից» մեկնությունների քննական բնագրերը զուգահեռ աշխարհաբար թարգմանությամբ: Սեղմագրում գրաբարից

ռուսերեն թարգմանությամբ զետեղված են քննվող մեկնությունների առավել կարևոր հատվածները։

ANNA S. AREVSHATYAN

ARMENIAN MEDIEVAL "INTERPTRETATIONS OF MODES"

Summary

The present thesis is dedicated to Armenian Medieval "Interpretations of Modes" which haven't yet been the subject of a special investigation. These interpretations represent an original phenomenon which reflects the experience of Armenian medieval thinkers in musical theory and aesthetics spheres, particurarly in the theory of modes which is central in the system of medieval musical mentality. Among authors of different "Interpretations of modes" one can mention such prominent Armenian scientists as Movses the Grammarian (VII-VIII centuries), Stepanos Siunetsi (+ 735), Anania Narekatsi (X century), Grigor Tatevatsi (XIV-XV centuries) and others. Their works represent different stages of Armenoan Church modes ' system evolution.

The Armenian Oktoechos has a special place among the analogous systems of East Christian Churches. It reflects the age-old acoustic experience of the Armenian people, the intonational richness of Armenian traditional music, the integrity of various characteristic melodic models, already crystallized in the medieval sacred monodical music.

The investigations of manuscript sources shows that the development of Armenian Church modes ' system has undergone through several stages.

Based on notions dating back to the hellenistic period and putting the modes ' origin in connection with the four elements, the heavenly bodies,

different natural phenonema, the animal world, handicrafts, names of prophets or musicians and scientists, known from ancient Greek mythology and history, it was newly understood in the IV-V centuries according to the Christian doctrine and new aesthetic demands.

2. The following stage is connected with the activity of the Grecophile school, specially with its representatives of the VII-VIII centuries, when the four principal, four lateral and two supplementary "steghi" modes of the Armeniam Oktoechos were established and theoretically explained. At this period the influence of theological ideas and notions suggested by patridtic literature was predominating.

3. The last stage dates back to the period of advanced feodalism. In the X-XIV centuries the crystallized system of Armenian Oktoechos kept on extending and ramifying, including modes beyond the canonic frame and sometimes independent ones, which presence was considerably conditioned by the flourishing of the "tagh" art, free from the strict demands of the Oktoechos.

This work presents for the first time the evolutional panorama of Armenian traditional and Church modes ' aesthetic and theoretical generalization. It examines pecularities of the Armenian Oktoechos, finds numerous parallels and interinfluences between philosophical treatises of Byzantine and Latine patristics, as well as Near East and Middle-Asian treatises of purely musical contents in comparison with Armenian medieval ,*Interpretations of Modes*ь.

Analysed texts, most of which are put for the first time in disposal of scientists, are mentioned in chronological order, beginning from the most ancient fragments to entire treatises of Armenian medieval authors of the XIV-XV centuries.

Being the integral part of Armenian medieval commentary literature, the ,Interpretation of modesti were the result of aesthetic and theoretical comprehension of Church art, in this case sacred vocal music.

The Armenian medieval ,Interpretations of modesti are an original phenomenon in the whole Christian spiritual culture. They reflect the experience of Armenian medieval thinkers in theology, musical theory and aesthetics, as well as Church ritual, so being a specific synthesis of all those spheres.

The thesis has an appendix including critical texts, compiled by the author, of the Armenian medieval ,Interpretations of modesti with their parallel transation from ancient into modern Armenian language.

The thesis synopsis contains the translation of foundamental fragments of those Interpretations into Russian.

This work introduces to medievalist musicologists documents yet poorly studied, but of great scientific value, in the aspect of their comparative study with Byzantine, Latin and Slavish written sources.

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи
УДК 947.925 + 913.1 /479.25/

АРУТЮНЯН БАБКЕН АРУТЮНОВИЧ

СИСТЕМА ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ ВЕЛИКОЙ АРМЕНИИ ПО "АШХАР/h/АЦУЙЦУ" /АРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ/

/Западные и южные области/

Специальность: 07.00.02 - Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Е р е в а н - 1 9 9 3

Работа выполнена на Кафедре истории армянского народа Ереванского государственного университета

Официальные оппоненты:

I. Академик НАН РА, доктор исторических наук, профессор САРКИСЯН Г.Х.

2. Доктор филологических наук МАРТИРОСЯН А.А.

3. Доктор исторических наук СТЕПАНЯН А.А.

Ведущее научное учреждение: Матенадаран-Институт древних рукописей при Совете Министров Республики Армения

Защита состоится "7". июля. 1993 г., в "12^00^" час., на заседании Специализированного совета Д.005.19.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории НАН РА /375019, Ереван, пр.Маршала Баграмяна, 24 г/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории НАН РА.

Автореферат разослан "3". июня. 1993 г.

Ученый секретарь Специализированного совета, кандидат исторических наук

АЗИЗБЕКЯН Р.Л.

Общая характеристика работы и актуальность темы. Царство Великой Армении занимает особое место в истории армянской государственности. Возникнув после единого Армянского царства Ервандуни /Ервандидов/, которое во второй половине IУ в.до н.э. в силу ряда причин разделилось на государства Великой и Малой Армении, оно просуществовало около семи с половиной столетий - сперва под эгидой Ервандуни, а затем династии Арташесян /Арташесидов/ и Аршакуни /Аршакидов/, сыграв неоценимую роль в политической, экономической и культурной истории армянского народа. Появившись на политической карте Передней Азии в качестве рабовладельческого государства, оно на рубеже П-Ш веков, вследствие победы феодального строя, превратилось в раннефеодальную монархию, что привело к серьезным изменениям в надстройке царства с ее политическими, правовыми и прочими институтами. Среди надстроечных институтов свое определенное место занимает система административно-политического деления государства, являющаяся особой областью историко-географическоого исследования.

Изучение истории административно-политических делений Армении представляет большое значение и интерес не только для арменоведения, но и для кавказоведения и востоковедения. Оно во многом содействует изучению истории политических и социально-экономических отношений Армении. Политико-административное деление является одной из составных частей политической надстройки. Касаясь экономической основы и надстройки общества, К.Маркс писал: "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания" /К.М а р к с. К критике политической экономии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.I3, М., I959, с.6-7/. Государство является основным, хотя не единственным институтом политической надстройки; одним из его существенных признаков является наличие определенной территории, пределы которого ограничены властью данного государства. Административно-политическое деление государства на различные административно-территориальные единицы - области, провинции, края, уезды, районы и,

т.д. является административно-политической структурой государства, которая, несомненно, обусловлена классовой сущностью данного государства, характером экономической основы общества. Система административно-политического деления любого государства преследует цель повышения эффективности государственного управления и деятельности экономических органов государственной власти.

Изучение истории административно-политических делений Армении обладает не только научным, но и важным политическим значением. Современная турецкая историография, всячески фальсифицирующая проблемы истории Армении, стремится опровергнуть сам факт существования армянской государственности. Следовательно, появление каждого серьезного исследования, посвященного армянской государственности, является важным вкладом в разоблачение фальсификаций и политической тенденциозности турецкой историграфии.

Исследование историко-географических проблем Армении, в том числе системы административно-политических делений Великой Армении, приобретает особую актуальность ныне, в условиях восстановления политической независимости Армении, когда армянский народ, в тяжелых экономических условиях, созидает свою государственность.

Разработанность темы. В арменоведении проделана значительная работа по изучению системы административно-политических делений Армении и, в первую очередь, - раннефеодального периода Великой Армении. Первый целостный труд создан еще в первой четверти прошлого века членом Венецианской конгрегации мхитаристов Г.Инчичяном и называется "Описание древней Армении" /на арм.яз.,Венеция,1822/. Труд этот носит в основном компилятивный и энциклопедический характер, однако надо по достоинству оценить заслуги автора, который предложил ряд удачных локализаций, подверг историко-географическому анализу многие вопросы. В аспекте исследуемой проблемы определенный интерес представляют труды того же автора "Археографическая география страны Армянской" /на арм.яз.,Венеция, 1835/ и "География четырех частей света", условно называемая "Новая Армения" /на арм.яз.,Венеция, 1806/. Большим вкладом в арменоведение явились труды другого члена той же конгрегации Г.Алишана - "Топография Великой Армении" /на арм.яз.,Венеция, 1855/,"Айрарат" /на арм.яз.,Венеция,1890/, "Ширак" /на арм.яз., Венеция,1881/, "Сисакан" /на арм.яз.,Венеция,1893/, "Арцах" /Базмавеп",1988, № 1-4, 1989, № 1-4/ и"Ути" /Базмавеп", 1990, № 1-4/. Обладая компилятивным характером, сочинения Г.Али-

шана отличаются блестящим историко-географическим анализом, текстовыми уточнениями и обоснованными локализациями.

Большие заслуги в области изучения системы политико-административного деления Великой Армении принадлежат известным немецким арменоведам Г.Гюбшману и И.Маркварту. В свое время серьезным научным достижением явилась монография Г.Гюбшмана "Die altarmenischen Ortsnamen" /Страсбург, 1904, перевод на арм.яз. - Вена,1907/, в которой обстоятельно рассматривается Великая Армения "Ашха́р//ацуйца" с ее ашхарами /странами/ и гаварами /уездами/. В труде И.Маркварта "Ērānšahr" /Берлин, 1901/, посвященном рассмотрению административно-политической истории и административной системы Сасанидского Ирана, значительное место занимают также вопросы исторической географии Великой Армении. В аспекте исследуемой проблемы особенно ценен труд И.Маркварта "Südarmenien und die Tigrisquellen" /Вена,1930/, посвященный рассмотрению топономических, историко-географических вопросов Южной Армении. Автор проявляет прекрасное знание не только иностранных источников, но и армянского материала, исключительную способность к научным обобщениям, чуткое восприятие историко-географических явлений.

Административно-территориальные вопросы Великой Армении широко освещены в труде Н.Адонца "Армения в эпоху Юстиниана" /СПб,1908/. На протяжении десятилетий этот труд считался последним словом научного анализа указанных вопросов и,благодаря своему высокому научному уровню,не побуждал исследователей обратиться к повторному изучению этих вопросов.

За последние десятилетия рассмотрение административно-политических делений Великой Армении связано с именем академика НАН РА С.Т.Еремяна. Его труд "Армения по "Ашхар/h/ацуйцу" /на арм.яз.,Ереван,1963/, многочисленные статьи и карты являются не только значительным вкладом в арменоведение, но и содействовали широкой пропаганде исторической географии Армении в республике и за ее пределами. Автор стремится рассматривать вопросы административно-территориальной истории в их развитии и достигает значительных результатов. Большой заслугой автора следует признать административное картирование Великой Армении, уточнение территории и границ гаваров и т.д.

Вопросы политико-административного деления Великой Армении рассматриваются в труде Т.Акопяна "Историческая география

Армении" /на арм.яз.,Ереван,I968/ и ряде статей автора. В той или иной связи указанных вопросов касаются в своих трудах Я.Манандян, Я.Ташян, С.Канаянц, Э.Хонигман, Р.Хьюсн, Э.Даниелян и другие.

В процессе изучения нами использованы многочисленные старые и новые карты, среди которых достойны особого внимания карты Г. Киперта, Линча, русские 5- и I0-верстовые, турецкая карта Анатолии /масштаб I:2I0000/, карта Генерального штаба СССР /масштаб I:200000/.

Источниковедческая основа диссертации. В основу труда положены материалы выдающегося памятника армянской географической мысли У века "Ашхар/h/ацуйца" /Армянской географии/, которые рассматриваются на широкой источниковой основе. В процессе исследования использованы издания "Ашхар/h/ацуйца" М.Сен-Мартена, К.Патканяна, А.Сукряна, Аш.Абрамяна, все рукописи "Ашхар/h/-ацуйца", хранящиеся в Ереванском Матенадаране им.Месропа Маштоца, а также посвященная "Ашхар/h/ацуйцу" литература. Рассмотрение системы политико-административного деления Великой Армении выполнено с широким использованием трудов средневековых армянских авторов /Агатангелос, Фавстос Бузанд, Корюн, Мовсес Хоренаци, Елишэ, Лазар Парбеци, Себеос, Иоанн Мамиконян, Гевонд, Мовсес Каланкатваци, Шапух Багратуни, Ованес Драсханакертци, Товма Арцруни, Асохик, Аристакес Ластивертци, Матеос Урхаеци, Вардан Аревелци, Степанос Орбелян, Киракос Гандзакеци, Самвел Анеци, Аракел Давриженци и др./, греческих и латинских географов /Страбон, Плиний Старший, Клавдий Птолемей/ и историков /Гекатей Милетский, Геродот, Ксенофонт,Диодор Сицилийский, Плутарх, Иосиф Флавий, Дион Кассий и др./, византийских авторов /Прокопий Кесарийский, Петр Патрикий, Феофилакт Симокатта, Георгий Кипрский, Стефан Византийский и др./, сирийских авторов /Мшеха Зеха, Псевдо Йешва Стилит, Захария Ритор, Иоанн Эфесский, Михаил Сириец и др./, грузинских авторов /"Картлис Цховреба", Джуаншер и др./ и арабских авторов /Балазури,Истахри, Мукадаси, Якут ал-Хамави и др./. По разным поводам в труде использованы материалы нормативных актов армянских царей - "Разрядной грамоты", "Воинской грамоты", а также "Книги армянских канонов", "Книги посланий". Труды иностранных авторов использованы частично в оригиналах, частично - в переводе на армянский и другие языки.

Хронологические рамки. Наши изыскания показывают, что административное деление Великой Армении на ашхары возникло в I веке, существовало до начала IУ века и нашло свое отражение в "Географии" Клавдия Птоломея /II в./ и "Ашхар/h/ацуйце". В силу этого хронологическая сфера исследования охватывает I-У вв. Однако последующие редакции "Ашхар/h/ацуйца", внесшие значительные изменения в оригинал, вынуждают рассмотреть также политико-административное положение У-УII вв. ; с другой стороны, в интересах локализаций и других исследований стало необходимым охватить материалы, восходящие к клинописному и последующим периодам. Исследуемая эпоха ознаменована установлением власти династии Аршакуни в Великой Армении, которая длилась почти четыре столетия, попытками династии Сасанидов установить второе царство в Великой Армении, падением царства Армянских Аршакуни и героической борьбой за восстановление армянской государственности. В аспекте общественно-экономического развития в Великой Армении одержали победу феодальные отношения, вследствие чего свойственное рабовладельчеству деление страны на ашхары постепенно подвергается изменению, приспосабливаясь к возникшим новым производственным отношениям.

Цель и задачи исследования. В области изучения политико-административного деления Великой Армении, как было отмечено, проделана значительная работа. Тем не менее следует признать, что система политико-административного деления Великой Армении до настоящего времени содержит многочисленные нерешенные вопросы, освещение и научный анализ которых представляет первоочередное значение для арменоведения. Необходимо отметить также, что многие вопросы, которые считались неразрешимыми или по меньшей мере необъяснимыми в XIX веке и в первой половине XX века, получают совершенно обоснованное разъяснение и толкование в свете последних достижений исторической науки. Не менее важен и тот факт, что до настоящего времени данные "Ашхар/h/ацуйца" рассматривались преимущественно не в движении и развитии, а в качестве окончательно сформировавшейся всеобъемлющей системы. Представленный к публичной защите наш труд ставит целью в какой-то мере восполнить этот пробел.

Автор поставил перед собой задачу рассмотреть историю формирования, развития системы политико-административного деления

Великой Армении, деления страны на гавары и изменения этого деления вследствие развития феодализма, уточнить, - насколько это позволяют первоисточники, - местоположение, границы и территорию гаваров, исследовать влияние политической истории и общественно-экономического развития на административно-политическое развитие Великой Армении, взаимосвязи "Ашхар/h/ацуйца" и "Географии" Клавдия Птолемея и многие другие вопросы. Стержнем труда является деление Великой Армении на ашхары, дошедшее до нас благодаря "Ашхар/h/ацуйцу". Из I5 ашхаров, руководствуясь ограниченным объемом труда, мы представляем на суд читателя первые восемь, которые были расположены в западных и южных областях Великой Армении /Высокая Армения, Цопк-Софена, Алдзник, Тавруберан, Мокк, Корчайк, Парскахайк и Васпуракан/.

Научная новизна диссертации. В арменоведении давно получила право гражданства точка зрения о том, что "Ашхар/h/ацуйц" создан в УП веке гениальным армянским ученым Анания Ширакаци и отражает административные преобразования императора Маврикия /582-602/. По мнению исследователей, административное деление Великой Армении на ашхары возникло лишь в конце УI и начале УП века, а потому и не отражено в сочинениях армянских историков У века.

Используя последние достижения исторической науки, по-новому осмыслив фактический материал и данные рукописей, мы в ходе наших исследований пришли к совершенно новым выводам, согласно которым ашхары или области Великой Армении возникли еще в I веке, по всей вероятности, в период правления армянского царя Трдата I. Тщательный анализ показал, что в середине I века Великая Армения в административном отношении делилась на I20 стратегий или гаваров, которые упомянуты в "Естественной истории" Плиния Старшего. Однако Клавдий Птолемей, рассматривая в своем труде административное деление Великой Армении, упоминает поименно 20 стратегий или гаваров, которые автор располагает в географической последовательности. Углубившись в проблему, нам удалось раскрыть взаимосвязь "Географии" Птолемея и "Ашхар/h/ацуйца" в отношении развития системы политико-административного деления Великой Армении и изменений, имевших место в течение времени. Иначе говоря, данное в "Ашхар/h/ацуйце" описание Великой Армении не взято из сочинения Птолемея, а отображает систему политико-административного деления Армянского царства в иную эпоху, в основном - по положению в Ш веке. В указанный период утвердившиеся в Вели-

кой Армении и основавшие второе царство своей династии Сасаниды провели переписи, материалы которых впоследствии были положены в основу "Ашхар/h/ацуйца". Это доказывает содержащееся в "Ашхар/h/ацуйце" описание Великой Армении, которое существенно отличается от состояния и П, и IУ-У веков. Тот факт, что административное деление на ашхары восходит к древним временам, подтверждает "История Армении" Агатангелоса, которая представляет нам все еще сохранившееся к началу IУ века деление на ашхары и князей-наместников этих ашхаров. Вследствие развития феодальных отношений, часть этих князей превращается в наследственных владельцев ашхаров, - факт, зафиксированный в труде Фавстоса Бузанда. "Ашхар/h/ацуйц" был написан в У веке, и его автор, Мовсес Хоренаци, отдавая дань определенным административно-политическим изменениям своего времени, ввел их в "Ашхар/h/ацуйц", благодаря чему Великая Армения предстает перед нами со своими, ставшими классическими, I5 ашхарами.

Наше исследование показало, что "География" Птолемея и "Ашхар/h/ацуйц" взаимно дополняют наши представления относительно системы административно-политического деления Великой Армении. Более того, не будь "Ашхар/h/ацуйца", для нас по существу остались бы в значительной степени необъяснимы административно-политические реалии птолемеевого описания Великой Армении, а если бы, в силу каких-либо причин, до нас не дошла бы знаменитая "География" Птолемея, то "Ашхар/h/ацуйц" воспринимался бы как сочинение УП века и исследователи, разумеется, приписали бы авторство Анания Ширакаци.

Опираясь на богатый фактический материал, мы стремились показать, что некоторые сходства административного состояния конца УI и начала УП века с административным делением, представленным в "Ашхар/h/ацуйце", являются не следствием принадлежности этого труда перу Анания Ширакаци или какого-либо иного неизвестного автора УП века, а обусловлены политикой возрождения древних армянских административно-политических единиц византийским императором Маврикием. При этом это было не столько результатом его личного желания или произвольных преобразований, сколько реальностью, навязанной ландшафтом Армянского нагорья, изрезанного горными хребтами и долинами. Уже при армянских царях царство Великой Армении было наиболее логичным

образом разделено на ашхары, каждый из которых представлял собой физико-географическое и экономическое целое. Историко-географическое рассмотрение "Ашхар/h/ацуйца" показывает, что с течением времени естественное развитие страны, а временами - внешние политические события внесли определенные коррективы в границы ашхаров, которые ныне являются вескими доводами в раскрытии внутренних закономерностей упомянутого документа. Император Маврикий, возродив древнеармянское административное деление западной части Великой Армении, по понятным причинам не был в какой-либо степени скован этими политическими реалиями, следовательно, те отклонения, которые, вопреки навязанной орографией страны административному делению, вследствие политического или экономического развития страны нашли свое место в "Ашхар/h/ацуйце", им не учитывались. Император прежде всего руководствовался орографическими особенностями Великой Армении.

Анализ выполнен во времени и пространстве, иначе говоря, система админситративно-политического деления Великой Армении рассматривается в развитии, как живой организм, который подвергался определенным изменениям вследствие политического и общественно-экономического развития страны. Большое внимание уделено процессу формирования ашхаров или областей, делению на гавары, дроблению гаваров вследствие развития феодальных отношений и возникновению новых административных единиц. Ретроспективное изучение позволило обосновать, что сведение Плиния Старшего о том, что Великая Армения состояла из 120 стратегий или гаваров, является историческим фактом и что из встречающихся в "Ашхар/h/ацуйце" 187-193 гаваров 67-73 гавара являются результатом феодального развития страны.

Новизной для арменоведения являются не только отмеченные выше постановки вопросов, но и выполненные нами в текстах многочисленные уточнения и коррективы, локализация, предложенная для ряда гаваров, определение местоположения новой столицы Тигранакерт и т.д.

Основные выводы нашего труда позволяют совершенно по-новому освещать не только политическое, но и общественно-экономическое развитие Великой Армении. Освещение внутренних закономерностей административного деления, данного в "Ашхар/h/ацуйце", позволяет раскрыть временные территориальные уступки царства Великой Армении в пользу Сасанидского Ирана, ряд подробностей поли-

тической истории III века, уточнить датировку т.н. Тигранакертской греческой надписи и т.д. При рассмотрении административно-территориальных изменений Великой Армении в их динамике выявляются различные факты, не содержащиеся в иных источниках.

Апробация полученных результатов и практическое значение работы. Диссертационная работа обсуждена на кафедре истории армянского народа Ереванского государственного университета. Отдельные положения и разделы труда доложены на ежегодных отчетных научных сессиях исторического факультета Ереванского государственного университета, в Берлинском университете им.Гумбольдта /1986 г./, университете им.Пола Валери в Монпелье /1990,1992 гг./, на научных конференциях, посвященных 1500-летию Мовсеса Хоренаци /1991 г./ и армянской государственности в Институте истории НАН РА /1993 г./. К тематике диссертации относятся опубликованные нами около трех десятков статей и карт.

Отдельные главы труда /Васпуракан, Парска/*h*/айк, Мокк/ изданы полностью в научных журналах республики.

Основные выводы и положения диссертации могут быть использованы при написании истории армянского народа /древний и раннесредневековый периоды/, разработке проблем исторической географии Армении, а также при составлении вузовских специальных курсов.

Структура и краткое содержание диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, 8 глав, заключения, списка использованных первоисточников и литературы. Общий объем работы - 535 машинописных страниц. К диссертации приложена авторская карта Великой Армении по "Ашхар/*h*/ацуйцу".

Введение. В введении обоснованы научная важность и актуальное значение темы. Подробно анализируется "Ашхар/*h*/ацуйц", созданная о нем литература, раскрывается подход автора к автору и времени создания указанного памятника. Показывается, что "Ашхар/*h*/ацуйц" является документом У века, который,по всей вероятности, принадлежит перу Мовсеса Хоренаци. Дан краткий обзор первоисточников и исследований, определяются стоящие перед автором задачи.

Первая глава, озаглавленная "Высокая Армения", посвящена рассмотрению северо-восточной части Великой Армении, с которой и начинается описание Великой Армении.

Посредством сопоставления хранящихся в Матенадаране им.Месропа Маштоца рукописей "Ашхар/h/ацуйца" и различных изданий его уточняются наименования гаваров Высокой Армении, а с помощью широкого охвата библиографического материала уточняются границы и территория гаваров. Интересную картину представляет процесс формирования ашхара Высокая Армения. Как свидетельствуют Страбон и Плиний Старший, в первой половине I века на его территории имелось несколько административных районов: А к и л и с е н а /Анаитика= Анахтакан/= Е к е л и к, К с е р к с е н а = Д е р к с е н а = Д е р д ж а н, К а р е н и т и д а = К а р и н и И с п и р и т и д а = С п е р. Историко-географический анализ свидетельствует, что на заре нашей эры Акилисена-Екелик был значительно обширнее, чем Екелеац "Ашхар/h/ацуйца" и включал перечисленные в "Ашхар/h/ацуйце" гавары Даранали, Екелеац, Аливн, возможно также Мзур, гранича на западе с Малой Арменией, а на востоке - с Дерджаном. Судя по всем данным, в указанный период в Дерджан входил гавар Мананали, а в Карин - гавар Шатгомк или Шалагомк. Исходя из этого административного положения, показывается, что четыре из упоминаемых Плинием Старшим I20 стратегий или гаваров находились на территории Высокой Армении.

Клавдий Птолемей, описывая в своей "Географии" третью группу ашхаров Великой Армении, пишет: "Ниже указанного, в северных частях отрезка до разветвления Евфрата находятся, начиная с запада, Басилиссена, и Болбена, и Арсеса, а ниже них - Акилисена и Астаунитида и у самого разветвления реки - Софена" /Claudii Ptolemaei Geographia, У,I2,6/. Анализ показал, что в это сведение проникла грубая ошибка, которая мешала правильному восприятию данного раздела греческого географа и явилась причиной путаницы в исследованиях историков, вследствие чего Басилиссена отождествлялась с гаваром Басен, Арсеса - с Арчешом и т.д. В действительности, как показал анализ, а также внутренняя логика изложения "Географии" Птолемея, ашхары или стратегии Великой Армении упоминаются не с запада на восток, а с востока на запад. Вследствие этого совершенно новое освещение получают упомянутые наименования ашхаров. Басилиссена должна быть исправлена на Басиликена, и, означая "дворцовый" или "царский", тождественна с ашхаром Айрарат Великой Армении. Болбена, которая в аспекте географического местоположения совпадает с упомянутым Птолемеем в другой связи Бокасом или Бохасом, исправляется на Болхена или Болкена

и отождествляется с наименованием Булха. В середине II века этот район назывался Булха, а не Тайк, как сообщает "Ашхар/h/ацуйц". К западу от Булха-Тайка находился ашхар Арсеса, занимавший западный район бассейна реки Чорох и соответствовавший армянскому названию Арсик или Арсеац. Ниже, т.е. к югу от Арсеса-Арсика и Болхена-Булхы находились Акилисена и Астаунитида. Учитывая то обстоятельство, что в районе слияния Евфрата и Арацани находилась Софена-Цопк, ашхар А к и л и с е н а-Е к е л и к занимал район верхнего бассейна реки Евфрат, охватывая большую часть территории Высокой Армении. Северная часть последней составляла отрезок ашхара Арсеса-Арсик, в который в указанные времена входил также гавар Арсеац-пор.

Деление Великой Армении на ашхары, несмотря на значительные потрясения, все еще сохранялось в начале IУ века. Рассмотрение приводимого Агатангелосом списка князей, сопровождавших Григория Лусаворича в Кесарию, привело нас к выводу, что упоминаемый в этом списке представитель рода Багратуни являлся князем ашхара Арсик-Арсеса. Из сведений Агатангелоса и Елишэ следует, что Арсеса-Арсик выступал под названием Халтик /Халдия/. После раздела Великой Армении в 387 г. между Римом и Сасанидским Ираном разграничительная линия проходила по рубежу гаваров Спер и Арсеац-пор, вследствие чего последний был административно присоединен к Тайку, а Спер стал частью владений царя Аршака III. После создания комитства, что имело место после смерти Аршака III, территория Западноармянского царства получила название Нижней Армении или *Armenia Interior* , в которую входил также гавар Спер. Этот факт дал основание С.Т.Еремяну предположить, что "название Высокая Армения известно почти только "Ашхар/h/ацуйцу", который так называет отошедшую после 387 г. к Византии территорию, называвшуюся "Внутренней Арменией" /*Armenia Interior*/, которая после новеллы 536 г. Юстиниана I из отдельных частей Малой Армении и Понта составила провинцию Первая Армения /*Armenia Prima*/". Внешне подобный подход звучит весьма логично, однако не объясняется вопрос о том, почему в описании Высокой Армении не указаны гавары Хордзеан и Цалкатун Внутренней Армении, которые ни в коем случае не могли составлять часть сатрапий.

Исследование показывает, что Высокая Армения в указанных

"Ашхар/h/ацуйцом" границах не могла выступать и в последующие времена, в частности, в период административных преобразований императора Маврикия. Созданная последним "Большая часть Великой Армении" по своей территории не совпадает с Высокой Арменией, поскольку гавар Музур находился в Четвертой Армении. Наконец, весьма странно, что император, создав Высокую Армению, назвал ее не Высокой Арменией, а "Большей частью Великой Армении". Высокая Армения по существу упоминается только в "Ашхар/h/ацуйце", и, судя по тому обстоятельству, что почти не применялось в армянской действительности, позволяет полагать, что это название употреблялось очень короткое время и не успело укорениться в географическом восприятии населения. Мы склонны считать, что административное оформление ашхара Высокая Армения совпадает с периодом воцарения в Великой Армении представителей династии Сасанидов. В вопросе формирования ашхара Высокая Армения многое для нас остается не ясным, однако, судя по результатам изучения других ашхаров, можно считать возможным появление его в период административной деятельности Ормузд-Арташира Сасанида. После восстановления власти армянских Аршакуни, как можно заключить по данным Агатангелоса, Высокая Армения перестала существовать, а Арсик-Халтик и Акилисена-Екелик были восстановлены.

При рассмотрении административно-территориальных вопросов Высокой Армении выявился ряд интересных фактов. Выяснилось, что из наименований второго гавара этого ашхара – А л и в н и А р ю ц – правильным является первое, а второе произошло в результате искажения первого под влиянием сочинения Фавстоса Бузанда, где в этой стороне упоминается гора Арюц. В вопросе о локализации Спера стало возможным обосновать точку зрения о том, что Ὑσπιρῖτις и Ἑσπερῖται греческих источников тождественны армянскому Сперу, однако Σάσπειρες, хотя и генеалогически связан со Спером, но локализуется на территории Иверии, т.е. Восточной Грузии. Сравнительный анализ названий "халдай" и "халиб" показал, что их отождествление является недоразумением, восходящим к прошлому. "Халиб" назывались племена, занимавшиеся промыслом железа, т.е. это не топоним, а занятие. Сопоставительный анализ первоисточников показал, что в бассейне реки Чорох обосновались племена "ас" и "аспер", которые у Ксенофонта имеют собирательное наименование Σαυθηνοί, а у Плиния Старшего – Sacasani. "Асы" сохранили свое наимено-

вание в названии гавара Асеац-пор, а "асперы" - гавара Спер. Обоснование скифских племен в армянской среде привело к их быстрой арменизации и появлению "грубого" диалекта армянского языка, по причине чего армяне называли их х а л д а и или х а л т ы, т.е.громко или грубо говорящие люди. Позднее, когда диалектные различия уже исчезли, название "халт" распространилось на население северных склонов Понтийских гор, породив название византийской фемы Халдия.

Во в т о р о й г л а в е, посвященной ашхару Цопк-Софена, обстоятельно рассматриваются материалы рукописей "Ашхар/h/ацуйца", уточняются наименования гаваров, их границы и территория, разъясняются вопросы административного формирования ашхара. Сопоставительное изучение сведений клинописного периода привело нас к выводу, что в те отдаленные времена под названием Цопк понималась значительная часть территории будущего ашхара Цопк.

С возникновением царства Цопк территориальное восприятие Цопка расширилось, достигнув гор Антитавра, реки Калирт /Батманаджур/ и горного хребта Масий. Кратко остановившись на политической истории царства Цопк, посредством сопоставимого изучения источников показывается, что присоединенное Тиграном Великим /95-55 гг./ к Великой Армении это армянское государство по армяно-римскому мирному договору 66 г. до н.э. было отдано Тиграну Младшему, а после ареста последнего было расчленено: часть его была отдана Тиграну Великому, а другая - Каппадокии. Из сообщений Страбона и других авторов можно заключить, что юго-восточная граница отошедшей к Каппадокии части проходила по водоразделу Армянского Тавра, т.е. Каппадокия получила если не всю, то большую часть территории будущего ашхара Цопк, описанного в "Ашхар/h/ацуйце".

В качестве ашхара Цопк был сформирован Трдатом I и вначале охватывал территорию гаваров к северу от Арацани. Об этом свидетельствует сочинение Птоломея, где говорится: "На остальной, расположенной к югу части, между истоками Евфрата и Тигра /находятся/ Анзитена и ниже нее Тоспитида, затем Кориаиа". В приведенном сведении весьма важным является тот факт, что ашхар Анзитена находился южнее Софены-Цопка, а ниже его локализируется Тоспитида. Анзитена по реке Арацани, которую Птолемей называет Евфратом, граничила с Софеной-Цопком, которая в указанных границах охватывала территорию лишь 5 из 8 отмеченных в "Ашхар/h/ацуйце" гава-

ров Софены, а именно: Хордзеан, Палнатун, Балаховит, Цопк-Шахуни и Дегик, если, конечно, последний не сформировался в качестве гавара позднее. Что представляла собой Анзитена и какую территорию она охватывала - эти вопросы мы рассматриваем в следующей главе, а теперь лишь отметим, что Анзитена включала проходящий по Великой Армении отрезок дороги Мелитина-Тигранакерт-Шнгар с прилегающей территорией. Анзитена с указанной территорией соответствует Алдзнику "Ашхар/h/ацуйца", к которому были присоединены Андзит и ряд других гаваров. Естественно предположить, что он скорее назывался бы не Анзитена-Андзит, а Алзинена-Алдзник. По всей вероятности, ашхар действительно назывался Алдзник, однако схожесть названий, а также то обстоятельство, что греко-римский мир общался с Великой Арменией с юго-запада непосредственно через Андзит, возможно, стали причиной того, что греки воспринимали название ашхара по имени пограничного гавара Андзит. Хотя не исключено, что ашхар официально назывался Анзитена-Андзит, и, когда в силу политических событий гавар Андзит отделился от Анзитены, последний получил название Алдзник, которое и сохранилось в "Ашхар/h/ацуйце".

Гавар Андзит в физико-географическом аспекте составляет гармоничную часть Цопка, следовательно, не трудно видеть, что, отделившись по политическим причинам от Цопка, он рано или поздно, в силу экономической необходимости, вновь должен был объединиться с ашхаром Цопк, что, согласно нашему исследованию, произошло вероятно в III веке. Армянское царство в период регентства Артавазда Мандакуни было вынуждено уступить Сасанидскому Ирану ряд южных гаваров, вследствие чего магистраль, идущая от Мелитены в Тигранакерт и Шнгар, в своей основной части оказалась под персидским контролем. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, Андзит остался в составе Великой Армении и поскольку, несмотря на внушительную территорию, не мог превратиться в отдельный ашхар, по логике географического расположения и в частности по условиям орографии был присоединен к ашхару Цопк, после чего число гаваров последнего достигло семи. По всей вероятности, в этот период к Цопку был присоединен также гавар Хаштеанк, чем завершилось формирование ашхара. Позднее, когда была восстановлена территориальная целостность Великой Армении, сформировавшаяся административная система более не подвергалась изменениям.

Установление в Армении феодальных отношений в корне изменило принципы административно-политического деления государства. Если административное деление многих ашхаров Великой Армении еще в конце Ш и начале IУ века сохранялось, то в течение всего нескольких десятилетий оно перестало существовать. Изучение показывает, что Цопк в основном являлся царским владением и находившиеся в нем княжества пока не были наследственными. В Шахунеац-Цопке хранились сокровища Аршака Ш ;Андзит являлся страной, которой владели азарапеты ; Балаховит являлся городской территорией дворца ; Хаштеанк - местом жительства сепухов /младших членов царской фамилии/. Князья этих гаваров стремились сделать наследственными подчиненные им территории, что создавало благодатную почву для сепаратистских устремлений. После раздела Великой Армении 387 г. империя превратила указанные княжества в наследственные, преобразовав в отдельные сатрапии. В 536 г. Юстиниан своей 31-й новеллой объединил находившиеся на территории Цопка и Алдзника сатрапии в провинцию Четвертая Армения, которая, по понятным причинам, не была прочным физико-географическим и экономическим целым, а после второго раздела Армении 591 г. император Маврикий, подвергнув западноармянские земли административной реформе, возродил армянский ашхар Цопк под названием Четвертой Армении. Следует признать, что Четвертая Армения Маврикия постоянно рассматривалась в качестве убедительного и неуязвимого довода в вопросе отнесения "Ашхар/*h*/ацуйца" к УП веку.Однако исследователи обходили вопрос о том,почему Цопк-Четвертая Армения "Ашхар/*h*/ацуйца" имеет 8 гаваров, а Четвертая Армения Маврикия - 9, среди которых и гавар Музур, приписываемый "Ашхар/*h*/ацуйцем" Высокой Армении. При этом в отношении всей Великой Армении подобные различия столь существенны, что объяснить это случайной путаницей просто невозможно. Созданные Маврикием провинции были попыткой восстановления старых армянских ашхаров с некоторыми коррективами, обусловленными орографическими особенностями нагорья. Однако почти полное территориальное совпадение Цопка "Ашхар/*h*/ацуйца" и провинции Четвертая Армения императора Маврикия не осталось без последствий. Редакторы "Ашхар/*h*/ацуйца" попытались поставить знак равенства между Четвертой Арменией и Цопком, в результате чего получившее официальное распространение административное наименование постепенно вытеснило из армянских документов наименование Цопк.

При рассмотрении развития деления на гавары выяснилось, что на территории будущего ашхара Цопк первоначально имелись четыре гавара – Хаштеанк, Хордзеан, Цопк или Цопк-Шахуни и Анзит. В дальнейшем от территории Андзита отделились Балаховит и Гаврек, от Цопка – Дегик, а от Хордзеана – Палнатун. Большой интерес представляет один факт, относящийся к Цопку и Великой Армении. "Ашхар/h/ацуйц" упоминает в пограничном гаваре Дегик крепости Крни, Крвик и Сок. Судя по тому, что наш документ не приводит подобных сведений относительно северных, восточных или южных районов, можно прийти к мысли, что это упоминание относится к такому времени, когда защита западной границы представляла для царства большую важность. Понятно, что подобное положение исключается для П или IУ веков, следовательно, логично предположить, что отмеченное политическое положение относится к Ш веку, когда в Великой Армении временно воцарились Сасаниды. В пользу этого говорит еще одно обстоятельство. "Ашхар/h/ацуйц" помещает к западу от Цопка Малую Армению с городом Мелитена, что имело место в Ш–IУ веках, однако в период 378–386 гг. на ее территории были созданы Первая и Вторая Армении, которые при иных условиях были бы отмечены при описании Цопка.

Т р е т ь я   г л а в а, наиболее обширная часть труда, посвящена рассмотрению ашхара Алдзник. Сопоставление рукописей "Ашхар/h/ацуйца" позволило уточнить наименования гаваров, их местоположение, границы и территорию, процесс формирования. На широкой источниковой основе показывается, что гавар Кил, Кел или Кал, который С.Т.Еремян склонен поместить в районе Климара /Хломар/, в действительности тождественен Ангелтуну армянских источников и упоминавшемуся Аммианом Марцеллином Гиматене /должно быть: Гилатена/. Опираясь на закономерности географической последовательности описания Алдзника, уточняются вероятные территории гаваров Кетик, Гзелх и Ерхетк, в результате Кетик оказывается в районе нижнего бассейна реки Татик, а Гзелх и Ерхетк – в районе среднего течения реки Салнадзор. Последние две локализации подтверждаются существованием села Гзелх и интерполяцией более позднего времени, согласно которой в Ерхетке находилась крепость Калай-Хок или Калхок, которая существует поныне.

При рассмотрении вопроса о прохождении через Алдзник раз-

граничительной линии раздела Великой Армении в 387 г. в главе приводятся доводы, служащие основанием для пересмотра традиционной локализации города Тигранакерт, который, как известно, отождествляется с городом Миафаркин или нынешним Силваном. Приводя обоснованные доводы относительно прохождения восточных рубежей царства Цопк по реке Калирт, подвергнув анализу рукописные сведения относительно местоположения Тигранакерта, согласно которым река Никефорий у Тигранакерта сворачивала на запад и битва при Тигранакерте наблюдалась со стен города, показывается, что столица Тиграна Великого находилась на правом берегу реки, которая ныне называется Харзан. Для уточнения местоположения изучены маршруты дорог Арташат–Тигранакерт и Мелитена–Тигранакерт, что показало, что "царская дорога" проходила не через Сасун, как это признано ныне в арменоведении, а через перевал Дзора-Пахак или Балеша. Сопоставительный анализ материалов Анонима Равенского, Певтингеровской карты и "Географии" Птоломея позволяет локализировать станции *Cymiza* /=Гомс/, *Dizanas* /=*Pizanas*/ и *Patansana* /около нынешнего Хаскея/ дороги Арташат–Тигранакерт, а также станции *Colchana* /=*Colomana*/, *Nazarra* /=*Nafarra* =Нпркерт/, *Coissa* /=*Ziata*/, *Azsinia* /=*Arcinia* -Аркни/, *Coruilu* /=*Cyprius*/ и *Mazara* /=Мезире, Мамурет уль-Азиз/ и доказать, что в сочинении Птоломея, наряду с Тигранакертом, упоминается Нпркерт в написании Φερενδίς /=[Νε]γερκεδίς/. Вследствие всего этого историческая река Никефорий действительно отождествляется с рекой Харзан, а район вероятного расположения Тигранакерта оказывается на правобережье реки Харзан, на территории около высоты Кале.

Формирование ашхара Алдзник в том виде, в котором он предстает в "Ашхар/h/ацуйце", представляло интересный и длительный процесс. Материалы клинописного периода дают полное право предположить, что власть племени Алзи распространялась почти на всю территорию ашхара. С образованием царства Софены-Цопк восточная часть будущего ашхара Алдзник до реки Калирт вошла в ее состав. Сочинение Птоломея /II в./ фиксирует ашхар Анзитена, который включал территорию не только ашхара Алдзник, но и гавара Анзит и сформировавшегося позднее ашхара Мокк. Источником административной жизнеспособности этого вытянутого ашхара явля-

лись дороги Мелитена-Тигранакерт и Тигранакерт-Арташат. После убийства Хосрова П фактическим правителем Армянского царства стал опекун Трдата Ш Артавазд /вероятно Артавазд Мандакуни/, которого С.Т.Еремян считает Артаваздом У Аршакуни. Армянское царство было вынуждено подчиниться политическому влиянию Ирана, и, судя по косвенным данным "Ашхар/h/ацуйца", уступить некоторые земли в юго-восточных и южных районах страны Сасанидскому Ирану. Во время переговоров, как косвенно свидетельствуют административные реалии "Ашхар/h/ацуйца", армянский двор вел упорную борьбу за перевалы гор Тавра и территории к югу от них, которые имели для Армянского царства стратегическое значение. В итоге армянской стороне удалось сохранить под своим контролем район истоков реки Тигр с перевалом Олор, перевалы Хозма-сар, Цаккар, Цицернаванк и Коп с гаваром Аспакунеац-дзор, перевал Хач с гаваром Хуйт, перевал Дзора-пахак с находившимися южнее его крепостью Балеш и окрестными долинами, а также гавар Андзит и территорию будущего ашхара Мокк. Территория Алдзника "Ашхар/h/ацуйца" временно отошла к Ирану.

Немного спустя династии Сасанидов удалось утвердить на армянском престоле своего представителя, вследствие чего административное отделение Алдзника от Великой Армении лишилось смысла, и последний вновь присоединяется к Армянскому царству. Однако, сформировавшееся вследствие исторических событий административное состояние более не изменилось и тем самым сформировался ашхар Алдзник "Ашхар/h/ацуйца". Во второй половине Ш века имело место административное разделение Алдзника, причины которого не совсем ясны. Возникли несколько княжеств, которые в источниках IУ века обычно известны под названием "Транстигританские области" или "Транстигританские народности". В 287 г. по взаимному соглашению персидского царя царей Ваhрама П и императора Диоклетиана Трдат Ш утвердился на армянском троне, а правящий до этого в Великой Армении Нерсех Сасанид удалился в восточные районы Армении. К этому периоду относится т.н. Тигранакертская надпись, в которой выражена признательность армянского царя в отношении правителей Рима и Ирана. В 293 г. Нерсех завладевает сасанидским троном и, судя по ряду косвенных и прямых фактов, в целях обеспечения тыла возвращает Трдату Ш восточные районы Великой Армении, которые находились под его контролем, и по договору остав-

ляет за собой Алдзник с Кордуком и Цавдеком. Об этом свидетельствует сообщение Петра Патрикия о том, что по Нисибинскому договору 298 г. Рим получил от Ирана Ангелтун, Цопк, Алдзник, Кордук и Цавдек, которые, будучи армянскими краями, в аспекте международного права в конце Ш века не рассматривались в качестве частей Армянского царства. Как показывает анализ сообщений первоисточников, Рим вскоре, в силу каких-то политических причин, возвратил указанные края царству Великой Армении.

При Трдате Ш Алдзник в административном отношении разделился на две части, из которых западная находилась под властью князей Ангелтуна, а восточная – Алдзникских бдешхов. Это подтверждает сочинение Агатангелоса. Вследствие углубления феодальных отношений процесс административного деления Алдзника продолжился. Появилось княжество Великой Софены и несколько нахарарств в бдешхстве Алдзника, которые, однако, являлись вассалами не царя, а бдешха. По первому разделу Великой Армении 387 г. западная часть Алдзника отошла к Риму, который превратил в сатрапские княжества Ангелтун и Великую Софену или Софанену. В 59I г. император Маврикий присоединил к Византии также восточную часть Алдзника, что позволило некоторым исследователям предположить, что тем самым имело место формирование Алдзника. В действительности же император Маврикий присоединил территорию Алдзника, как свидетельствует Георгий Кипрский, к провинции, называвшейся Месопотамией или Четвертой Арменией. При этом западная часть была присоединена на обычных основах, а восточная – районы Алдзникских бдешхов – с некоторой автономией; эту часть Георгий Кипрский называет "страной Арзанена". Это положение сохранилось в первом периоде арабского владычества, однако восстания армян вынудили арабов присоединить горные районы Алдзника к территории наместничества Арминия.

В четвертой главе рассматриваются ашхар Тавруберан или Туруберан и вопросы его административного формирования. С использованием рукописного материала раскрываются особенности разделения ашхара на гавары, уточняются наименования, границы и территория гаваров. Согласно "Ашхар/h/ацуйцу", Тавруберан имел I6 гаваров, однако филологический и историко-географический анализ показывает, что первоначально в ашхар не входили гавары Аспакунеац-дзор и Хуйт, которые до середины Ш века принадлежали Алдзнику. Из упомянутых в конце описания гаваров Кор и Хорхору-

ник, которые вообще отстутствуют в пространной редакции "Ашхар/һ/ацуйца", местоположение первого показывает, что он сформировался в более позднее время из территории гавара Бзнуник, а второй в качестве гавара по существу не являлся. Вопреки имеющейся локализации Хорхоруника, согласно которой его территория достигала берегов озера Ван, владения князей Хорхоруни тождественны гавару Харк "Ашхар/һ/ацуйца", который в указанный период занимал лишь правобережный район реки Арацани. Существование известного рода Хорхоруни стало причиной того, что в конце списка гаваров Тавруберана редакторы добавили не существовавшее название гавара Хорхоруник, вследствие чего число гаваров достигло I6, а редакторы под влиянием данных краткой редакции, несмотря на отсутствие Кора и Хорхоруника, исправили число гаваров на I6.

На основе рукописного материала гавар Тварацатап локализируется в районе Элмали-дере , а Далар - в районе Гёксу ; показано, что в более ранние времена частью Тварацатапа являлись, вероятно, Даснаворк и Далар, а частью Бзнуника - Еревари. Обобщая выводы, приходим к заключению, что после того, как Харк распался на несколько гаваров, Тавруберан имел не более 9 гаваров, которые соответствовали упоминаемым Плинием стратегиям. В У веке "Ашхар/һ/ацуйц" уже зафиксировал I4 гаваров, к которым позднее были присоединены еще два.

В арменоведении принято возникновение Тавруберана или Туруберана связывать с разделом Армении 59I г. или административными преобразованиями Маврикия /Г.Гюбшман, Н.Адонц, С.Еремян, Т. Акопян и др./. Результаты нашего исследования опровергают эту точку зрения, тем более, что созданная Маврикием административная единица называлась не Тавруберан, а Великой Арменией. Сообщения Елишэ и Лазаря Парбеци подтверждают, что название Туруберан или Тавруберан существовало еще до появления "Ашхар/һ/ацуйца" и оно не является плодом воображения автора этого документа. В рукописях трудов Елишэ и Лазаря Парбеци оно искажено под влиянием наименования гавара Тарберани- вследствие соседства с гаваром Арберани /Арберани означало около устья, а Тарберани - вдали от устья/.

"География" Клавдия Птолемея среди третьей группы ашхаров Великой Армении упоминает Астаунитиду, которая, несомненно, совпадает с Хаштеанком. Однако, как показывает материал армянских

источников, Астаунитида соответствовала не гавару Хаштеанк, а ашхару с тем же названием, который в сочинениях Мовсеса Хоренаци, Иоанна Мамиконяна и Товмы Арцруни назывался краем Хаштеанк. Беря за основу тот факт, что уже в У веке название ашхара писалось не через "ﺝ ", а через "ﻩ ", надо полагать, что ашхар получил свое название от персидского слова "hашт" /восемь/, что связано с нахождением там восьмого храма, посвященного Ваагну - богу языческой Армении ; иначе говоря, Хаштеанк означал "страна восьмого храма". Подобное толкование наименования ашхара показывает, что название это дано одним из царей армянских Аршакуни, имевших парфянское происхождение, по всей вероятности - плод административных преобразований Трдата I.

В течение Ш века царство Великой Армении подверглось нескольким нашествиям со стороны Сасанидского Ирана, понесло территориальные потери, которые окончательно были возвращены Армянскому государству после Нисибинского мира 298 г. Потеря Алдзника и сохранение в составе Великой Армении перевалов Армянского Тавра и прилегающей территории вызвали заметные административные сдвиги. Хаштеанк оказался непосредственно на армяно-персидской границе, что повысило стратегическое значение этого края. Перевалы с их укреплениями явились причиной того, что край Хаштеанк получил название Тавруберан или Туруберан, что буквально означает "Страна перевалов Тавра". По-видимому, исходя из интересов обороны страны, часть Хаштеанка была присоединена к Цопку, вследствие чего и были окончательно сформированы ашхары Цопк и Тавруберан.

С возвышением рода Мамиконян правящие в крае Хаштеанк князья, принадлежавшие к роду Каминакан, постепенно были отодвинуты на второй план. Князья рода Каминакан, которые, согласно источникам, именовались также князьями Хаштеанка, были назначены правителями владений сепухов, вследствие чего эти владения постепенно превратились в гавар Хаштеанк. Возвышение Мамиконянов, как рода спарапетов, постепенно вытеснило из употребления название Тавруберан или Туруберан ; этот край по названию их родового гавара получил наименование Страна Тарон или Страна гавара Тарон. В У веке, как можно судить по сведениям источников, оба названия все еще употреблялись параллельно.

Во время раздела Великой Армении 387 г. Туруберан или Тавруберан в административном отношении не был единым. При некотором изменении границ и под названием Великой Армении этот ашхар

вновь появился на административно-политической карте Армении в период административных преобразований императора Маврикия. Как свидетельствует Георгий Кипрский, по всей вероятности, южная граница ашхара проходила по линии водораздела Армянского Тавра, оставляя стране Арзанена территорию гаваров Аспакунеацдзор и Хуйт.

Пятая глава посвящена самому небольшому ашхару Великой Армении - Мокку. В главе рассматриваются вопросы формирования ашхара, наименования гаваров, их территория и границы. Основываясь на результатах всестороннего исследования деления Великой Армении на гавары, предложены новые локализации гаваров Мокка. Последние описываются в направлении с юга на север и на восток. При этом Ишайр располагается в долине реки Кецан, Миюс /Другой/ Ишайр - в районе Хизана, Ишоц - на территории Спаркерта и Ахакиса. Локализация остальных гаваров, выполненная предшествовавшими исследователями, в целом приемлима, за исключением гавара Аркаиц, который мы помещаем в бассейне реки Джерм, к западу от гавара Джермадзор. Несмотря на принятое мнение, согласно которому весь Мокк полностью принадлежал княжеской семье Мокаци, гавар Аркаиц, возможно также гавар Джермадзор, являлись царским владением, а Аруениц-дзор, вероятно, принадлежал нахарарской семье Араванян.

Мокк, в отличие от остальных ашхаров, был образован не ранее Ш века. После убийства царя Хосрова П Великая Армения оказалась под управлением опекуна малолетнего Трдата /будущий Трдат Ш/ - Артавазда и была вынуждена уступить Ирану Алдзник и некоторые сопредельные территории. Мокк, составлявший часть ашхара Анзитена, остался за Армянским царством и, обладая административной и физико-географической целостностью, превратился в отдельный ашхар. В IУ веке он упоминается в "Истории" Аммиана Марцеллина, опираясь на которого Н.Адонц пришел к выводу, что из пяти краев, отошедших к Риму по Нисибинскому договору 298 г. и переданных затем царству Великой Армении, Алдзник включал Мокк, а Цавдек - Реимену. Наши исследования показали, что Мокк стал предметом торга только во время "позорного" мира 363 г., когда римляне уступили его Ирану. Воцарение Папа и победы армянского войска над персами в Атрпатакане и Дзираве свели на-нет политические результаты римско-

персидского мира. После раздела /387 г./ и падения /428 г./ царства Великой Армении Мокк сперва отошел к Восточноармянскому царству, а позднее стал частью Армянского марзпанства или Арми, административно входя в Страну танутерского полка. По второму разделу Армении /591 г./ Мокк остался на территории, отошедшей к Ирану, которая постепенно - как марзпанство - стала равноценной Стране сепухского или васпураканского полка. Вследствие этого в арабских источниках Мокк рассматривается в качестве составной части Васпуракана.

В шестой главе исследуется ашхар Корчайк и его административное формирование. На основе материала рукописей "Ашхар/h/ацуйца" уточнены названия гаваров, определены их границы и территория. Опираясь на сведения греко-римских первоисточников, показывается, что Кордук первоначально являлся отдельным ашхаром и простирался по левобережью и правобережью реки Тигр; высказывается мнение, что упоминаемые Ксенофонтом кардухи были, вероятно, индоевропейским армянским племенем и дали свое имя ашхару и гавару. Подробно и всесторонне рассматривается вопрос территориальной идентичности краев Кордрик и Тморик. Показывается, что если вначале название Тморик распространялось на всю восточную часть ашхара Корчайк, то в IУ веке, вследствие административных изменений, восточная часть указанной территории получает административное наименование Тморик, а западная - Кордрик или Кордик. Большую трудность представляет локализация гаваров Айтванк, Айгарк, Мотоланк и Картуник, которые более не упоминаются в источниках. Вероятная локализация предложена с учетом географической последовательности описания и расположения известных гаваров. Пространная редакция и большая часть рукописей краткой редакции "Ашхар/h/ацуйца" приписывают Корчайку II гаваров, как это и было в действительности. При этом те рукописи краткой редакции, которые сохранили названия 8 или 9 гаваров Корчайка, постоянно подчеркивают, что ашхар состоял из II гаваров. Однако некоторые рукописи краткой редакции приписывают ашхару 9 или IO гаваров, что является результатом того факта, что Кордрик Верин /Верхний/, Кордрик Мичин /Средний/ и Кордрик Неркин /Нижний/ позднее рассматриваются воедино, а в списке гаваров добавляется иногда название гавара Айли Парска/h/айка.

Формирование ашхара Корчайк было довольно сложным процес-

сом. Клавдий Птолемей, касаясь третьей группы ашхаров Великой Армении, пишет: "К востоку от истока реки Тигр /находятся/ и Багравандена и ниже нее Гордиена, восточнее которой - Котайа и ниже нее - Марды". Не трудно убедиться, что во времена Птоломея Гордиена или Кордук была еще отдельным ашхаром, территория которого, вероятно, соответствовала царству Кордук и стала ашхаром при Трдате I. Сопоставление фактов и рассмотрение разночтений рукописей "Географии" Птолемея показало, что упоминаемый вместе с Анзитеной ашхар Кориаиа / Κοριαία / надо исправить на Кортайа / Κορταία /, что тождественно армянскому наименованию Корчайк. Существование отдельного ашхара Кордук-Гордиена приводит к заключению, что ашхар Корчайк вначале занимал центральные и восточные районы ашхара Корчайк "Ашхар/հ/ацуйца". "Корч" в литературном языке и диалектах означает "скорлупа ореха или яйца", "хорошо пропеченная корка хлеба", что, по нашему мнению, дает право считать, что название Корчайк связано со словом "корч". По всей вероятности, Корчайк означал окраинный или пограничный неприступный или укрепленный край, поскольку "корч" - не только внешний слой, но и своего рода броня для данного предмета - яйца или ореха , защищающая его содержание.

В период правления Артавазда Мандакуни Армянское царство было вынуждено уступить Ирану не только Алдзник, но и правобережный Кордук, и, как можно заключить по данным "Ашхар/հ/ацуйца", когда в годы правления Ормузд-Арташира Алдзник вновь был присоединен к царству Великой Армении, правобережный Кордук, в силу своего стратегического расположения, продолжал оставаться в составе Ирана. Левобережная часть Кордука, которая, несомненно, не могла составить отдельный ашхар из-за своей сравнительно небольшой территории, была присоединена к Корчайку, чем и завершилось формирование ашхара Корчайк "Ашхар/հ/-ацуйца". В IУ веке армянские источники фиксируют на территории Корчайка два /в начале века/, а затем три /в середине века/ административных района. По данным Агатангелоса, ашхар Корчайк представляли князь Кордука и князь Арцруни ; именно этим фактом объясняется высокое положение последнего при армянском дворе. По сообщению Фавстоса Бузанда, в период царствования Аршака II на территории Корчайка находились страны

Кордук, Кордик и Тморик. По первому разделу Великой Армении Кордук, который, вероятно, превратился в бдешхство, был отделен от Восточноармянского царства и, сохранив самоуправление, как об этом свидетельствует Елишэ, был присоединен к Адиабене, а Кордик и Тморик остались в составе Армянского царства и с 428 г. стали частью Армянского марзпанства. Позднее, пережив период жестокого арабского владычества, они вошли в восстановленное царство Армянских Багратуни /Багратидов/.

В седьмой главе рассматриваются вопросы административного формирования Парска/h/айка, деления его на гавары, границ и территорий гаваров и ряд других. Вопрос о времени и обстоятельствах образования ашхара Парска/h/айк, а также о его локализации представляют большой интерес для исторической географии Армении, однако содержащееся в "Ашхар/h/ацуйце" описание лишено подробностей локализации, вследствие чего исследователь зачастую вынужден довольствоваться предположениями, опираться преимущественно на географическую последовательность описания и особенности ландшафта ашхара. В области историко-географического изучения ашхара определенные заслуги имеют Г.Инчичян, Г.Гюбшман, И.Маркварт, Н.Адонц, Я.Манандян, С.Еремян и Т.Акопян. И.Маркварт посвятил ашхару свое исследование "Область Парска/h/айк", которое перевел и подготовил к изданию Г.Абгарян. Для историков так и осталось загадочным название ашхара, а С.Еремян под названием Парска/h/айк подразумевал территорию бдешхства Нор-Ширакан, к которому были присоединены гавары hЕр и Зареванд.

Вначале исследователи считали, что перечисление гаваров Парска/h/айка выполнено в направлении с юго-запада на северо-восток, однако, как показал И.Маркварт, описание начинается с центра. Первая группа гаваров упоминается в географической последовательности с севера на юг, а вторая группа - с юга на север. Обобщив итоги нашего исследования, основываясь на уже определенное местоположение нескольких гаваров, мы локализируем гавар Мари на территории магалов Маргавар и Барандуз-чай; Айли или Куриджан должен был охватывать магалы Дашт, Таргавар и Брадост, а также район, простиравшийся до Котур-Загрошских гор, но не должен был доходить до берегов озера Урмия. Траби помещается на западном берегу озера Урмия, гавар Ариси или

Овеа – в районе Ушну. Из гаваров второй группы Арна помещается в районе нижнего течения реки Зола-чай, Зарехаван – в районе верхнего течения той же реки, Тамбер – между указанными гаварами и Айли, а հЕр и Зареванд – соответственно на окрестной территории Хоя и села Зейраванда. Рассмотрение расположения гаваров позволило сделать ряд текстовых исправлений, восстановить названия сел Варази-дзор, Урени или Ирени, сохранившиеся в переводе на курдский, локализировать село Млуниc, которое, по нашему предположению, тождественно населенному пункту Мелюна. Выяснено также, что река Тароно-гет совпадает не с Зола-чаем, а с рекой Брадост. По меньшей мере два из девяти гаваров Парска/հ/айка первоначально не существовали. հЕр сформировался благодаря возвышению города հЕр, а появление Зарехавана связано с расцветом города Зарехаван и разграничением владений княжеской семьи Зарехаванян.

Согласно первоисточникам, территория Парска/հ/айка была присоединена к царству Великой Армении в начале II века до н.э. По сведениям Страбона, армянский царь Арташес I отвоевал у мидян области Каспиана, Фавнитида и Басоропеда, которые, судя по последовательности описания, тождественны ашхарам Каспк, Мардпетакан и Парска/հ/айк – факт, нашедший подтверждение также в сообщениях Товмы Арцруни. Басоропеда, которую многие исследователи пытаются считать равнозначной Васпуракану, на деле является Парска/հ/айком, происхождение названия которого имело следующую картину: Βασοροπέδα, по нашему мнению, состоит из слов "Βας" и "οροπέδα", первое из которых является персидским Pas и означает "крепость" или "пограничная крепость" /по-армянски պահ или պահակ /, а οροπεδα является переводом на греческий слова "плоскогорье". Вероятно, Pas находился в долине реки Котор и контролировал проход Андзахидзор. Название Парска/հ/айк, судя по рукописным данным, появляется на короткое время в III веке, ибо оно не употребляется ни до этого, ни после этого. Что касается упоминания Парска/հ/айка со стороны Товмы Арцруни, то это является результатом воздействия, уже ставшего классическим, административного деления, данного в "Ашхар/հ/ацуйце". Название Pas, которое согласно закономерностям развития армянского языка должно было превратиться в Pars /Ճուաշ > Ճուարշ, Մծուրն > Մրծուրն, Աւեաշ>

Արվեստ и т.д./вновь возродили Сасаниды, восприняв его, вероятно, в смысле п е р с и д с к и й, назвав край Арменией Pars-а или Парска/h/айк. В более поздние времена, когда административное деление "Ашхар/h/ацуйца" давно перестало существовать, превратившись в классическое административное деление, Парска/h/-айк воспринимался народом как Персидская Армения и, согласно этому, название было исправлено на Парска/h/айк.

Достоверные свидетельства Птолемея, подтвержденные сведениями Фавстоса Бузанда и Товмы Арцруни, показывают, что ашхар со времени административных преобразований Трдата I и до Ш века назывался Корчайком. Последний не тождественнен уже рассмотренному ашхару Корчайк, поэтому условно может быть назван вторым Корчайком. И в этом случае название ашхара означало просто пограничный или окраинный край. Сочинение Птолемея в этой части Великой Армении упоминает ашхар Κωταία, который, вопреки тому, что исследователи отождествляют его с гаваром Котайк, представляет в действиельности искажение названия Κω(ρ)ταία, являющегося греческой транскрипцией армянского Корчайка. Армянские первоисточники фиксируют в начале IУ века на части территории Парска/h/айка бдешхство Нор-Ширакан. Вопреки принятому мнению, последнее охватывало не весь Парска/h/айк, а гавар Айли и территорию к югу от него, а также гавары Нихоракан, Дасн и Махкерт-тун. Вследствие этой административной перекройки, территориальное восприятие Корчайка уменьшилось, охватывая лишь расположенные к северу от Айли районы, где, согласно Фавстосу Бузанду, находился Саламас /позднее – Салмаст/. Вероятно, к Корчайку не относились также гавары hЕр и Зареванд, которые, согласно Агатангехосу, находились в подчинении князя Шахапа.

За последнее столетие в арменоведении получила право гражданства точка зрения, согласно которой после раздела Великой Армении 387 г. территория Парска/h/айка была полностью отделена от Великой Армении и присоединена к собственно Персии. Данные "Разрядной грамоты", списка епархий армянской церкви, данного в сочинении Ухтанеса, и ряд других данных показывают, что большая часть территории Парска/h/айка оставалась в составе Восточноармянского царства, а после 428 г. – Армянского марзпанства. Общеизвестно, что церковное епархиальное деление как правило, иногда с некоторым опозданием, соответствует администра-

тивно-политическому делению своего времени. В силу этого наличие епископатов Айли, Зарехавана и Ерутака /Ер и Зареванд/ в списке Ухтанеса подтверждает, что они являлись частью Армянского марзпанства. Тот факт, что княжества Зарехаванян и Тамбераци упоминаются в "Разрядной грамоте", свидетельствует о том, что их территория не входила в бдешхство Нор-Ширакан, следовательно, при отделении последнего от Великой Армении северная часть Парска/h/айка с юридической точки зрения не могла быть отделена от Армянского царства. Указанная территория находилась в составе Армянского марзпанства во время восстаний Вардана Мамиконяна и Ваана Мамиконяна и впоследствии, потому что арабские авторы считают ее частью наместничества Арминия.

Не являясь политически до II века до н.э. частью Великой Армении, территория Парска/h/айка с более ранних времен была вовлечена в сферу формирования армянского народа, - обстоятельство, которое подтверждается сохранившимися до настоящего времени многочисленными армянскими топонимами, а также наличием значительного армянского населения, внушительная часть которого в 1828-1829 гг. перебралась в Восточную Армению, упрочив там армянский элемент и создав стойкое этническое ядро, которое и породило затем Республику Армения.

В восьмой главе исследуются вопросы административного формирования самого крупного из ашхаров Великой Армении-Васпуракана, деления его на гавары, локализации гаваров и ряд других. На основе рукописей "Ашхар/h/ацуйца" уточняются названия гаваров и раскрываются закономерности т.н. хаотичного описания Васпуракана. Внимание исследователей давно привлекает тот факт, что в описании Васпуракана гавары составляют четыре ряда, первые три из которых перечисляют в географической последовательности /с юго-запада на северо-восток/ гавары ашхара. Логично было полагать, что четвертый ряд по этому же принципу должен был перечислять остальные гавары, однако в действительности они хаотично локализируются на всей территории Васпуракана. Анализ показал, что четвертый ряд гаваров Васпуракана таит в себе сложный процесс формирования ашхара.

По свидетельству Клавдия Птолемея, ниже Анзитены находилась Тоспитида, а ниже Котайа-Корчайка - Марды. Это сведение показывает, что во II веке на территории Васпуракана имелись

два ашхара – Тоспитица и Марды, армянские наименования которых соответственно должны были быть следующими:Тоспк и Мардпетакан. Дальнейший ход исследования раскрывает одну интересную тайну "Ашхар/һ/ацуйца". Первые 20 гаваров или первые три ряда представляли картину административного деления ашхара Тоспк, который простирался от берегов озера Ван до рек Котор и Ерасх. Четвертый, хаотичный ряд, содержащий названия 15 гаваров, включает гавары Мардпетакана, новые гавары, возникшие на территории Васпуракана вследствие феодализации, и гавары Голтн и Нахчаван, которые до этого находились в составе Сюника. Иначе говоря, автор "Ашхар/һ/ацуйца", располагая современными ему и архивными материалами, дал следующее описание: 1.Список гаваров Тоспка;2.Названия гаваров, возникших в ашхаре Тоспк вследствие феодализации;3.Список основных гаваров Мардпетакана;4.Названия гаваров, возникших в ашхаре Мардпетакан вследствие феодализации. В самом конце даны: 5.Гавары Нахчаван и Голтн, составлявшие в прошлом часть Сюника, которые, будучи царскими владениями, по причине разграничения наследственных владений Сюникских князей, были присоединены к Васпуракану, являвшемуся в основном царским владением. Эти выводы весьма важны для раскрытия внутренней логики "Ашхар/һ/ацуйца" и определения времени его написания.

Касаясь вопроса локализации гаваров, на основе материалов рукописей "Ашхар/һ/ацуйца" и данных первоисточников, показывается, что Васпуракан не имел гавара по названию Алиовит. Это название является искажением названия Бариловит, оно возникло под воздействием названия гавара Алиовит ашхара Тавруберан, однако большая часть рукописей сохранила правильную форму названия гавара. На основе проведенного исследования предложена новая локализация гаваров Бариловит, Трпатуник, Торнаван, Артаванеан, Газрикан, Тайгреан, Варажнуник.

Сравнительное исследование первоисточников показывает, что формирование Васпуракана в качестве ашхара не могло иметь место в период царства Армянских Аршакуни. Агатангелос, отобразив состояние на начало IУ века, упоминает на территории Васпуракана двух владетельных князей – князя Рштуни и князя Мардпета,

которые фактически представляют Тоспк и Мардпетакан. Название Васпуракан, которое исследователи ошибочно пытались отождествлять с упоминавшейся Страбоном Басоропедой в случае своего происхождения от парфянского, произносилось бы не В а с п у р а к а н, а В а с п у /h/ а к а н. Основы административного формирования Васпуракана должны были быть заложены в период Армянского царства Аршакидов, однако его окончательное оформление следует считать результатом административных преобразований сасанидских царей, осуществленных после 428 г.

Мардпетакан представлял собой полностью царское владение, а Тоспк был таковым преимущественно. По-видимому это обстоятельство позволило Мардпетам, еще до падения царства, в период ослабления Рштуни, распространить свое влияние также на земли Западного Васпуракана или царские владения Тоспка. Будучи евнухами царского двора, Мардпеты так и не создали самостоятельного нахарарского рода, а их ведомство стало ненужным после падения Армянского царства. Однако двор после 428 г. отдал должность мардпета или рмбосеана Арцруни, которые постепенно распространили свое влияние на Васпуракан. Следующим шагом Сасанидов явилось привлечение на свою сторону сепухов Аршакуни, которым в период царства Великой Армении были отданы гавары Хаштеанк, Алиовит и Арберани. Несмотря на свое высокое происхождение, сепухи были наиболее недовольными царским двором элементами; опасаясь их притязаний на престол, царский двор стремился ограничить экономические возможности сепухов и отказывался увеличить их владения. После падения царства они фактически превратились в наследников. Сасанидский двор, прекрасно понимая настроения сепухов, предоставил им владения за счет царских владений Тоспка и Мардпетакана и признал их наследственные права, за что сепухи должны были нести воинскую службу. Возник многочисленный слой дворян, а рекрутируемое из него войско получило наименование сепухского полка, а страна - название Страны сепухского полка. Так называли армяне, однако для персидского двора они были "в а с п у р а м и", а потому край стал называться Страной полка Васпуракан, а затем - Васпуракан. В социальном отношении Тоспк и Мардпетакан стали сходными, что и привело к их объединению и административному формированию Васпуракана.

В арменоведении укоренилась точка зрения, согласно которой Васпуракан якобы сформировался после раздела Армении 591 г. Исследование показало, что после 591 г., когда территория подчиненного Персии Армянского марзпанства резко сократилась, название Васпуракан распространилось на марзпанство, а идея ашхара Васпуракан отмерла. Название Васпуракан постепенно распространилось на соседние края, вследствие чего, например, арабы считали Мокк частью Васпуракана.

Автор "Ашхар/h/ацуйца" зафиксировал именно тот период, когда сепухи получили от персидского двора в наследственное владение бывшие царские поместья и образовали полк сепухов или полк Васпуракан. Представляя административное деление Великой Армении, в основном, по состоянию на Ш век, автор "Ашхар/h/ацуйца" в отношении Васпуракана отобразил состоние на вторую половину У века. Хотя Васпуракан в качестве административной единицы являлся результатом административной деятельности персидского двора, однако он был порожден жизнеспособной армянской действительностью, выдержал испытание временем и просуществовал в последующих веках.

З а к л ю ч е н и е. Подытоживая результаты осуществленного исследования, делается ряд важных выводов. Система административно-политического деления Великой Армении на ашхары возникла во второй половине I века, при царе Трдате I - представителе утвердившейся в Армении династии парфянских Аршакидов. Административное деление Великой Армении на ашхары зафиксировано в "Географии" Птолемея по состоянию на середину П века, в "Ашхар/h/ацуйце" - в основном по состоянию на середину Ш века и в сочинении Агатангелоса - по состоянию на начало IУ века. Будучи обусловлены орографией Армянского нагорья, административные районы, представлявшие административно-политическую, физико-географическую и экономическую целостность, в период административных преобразований императора Маврикия, в конце УI и начале УП в., были восстановлены в западной части Армении под новыми названиями и с частичными изменениями границ.

Описания Великой Армении в "Ашхар/h/ацуйце" и "Географии" Птолемея органически взаимосвязаны, отображая различные периоды развития системы административного деления Великой Армении на ашхары. Сопоставительный анализ этих документов позволяет

рассмотреть административно-политические сдвиги в Армянском царстве в их динамике и развитии.

Данные "Ашхар/h/ацуйца" проливают свет на ряд политических событий Ш века, не получивших освещения в источниках, и показывают, что некоторые административные реалии второй половины У века нашли свое отображение в этом документе. "Ашхар/h/ацуйц" создан в У веке, автором его, по всей вероятности, являлся отец армянской историографии Мовсес Хоренаци.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

I.Административно-политическое состояние северо-восточных областей Великой Армении в 387-45I гг. - "Вестник Ереванского университета",1976, № 2, с.77-95 /на арм.яз. ; резюме на русск. яз./.

2.К вопросу о датировке "Га/h/намака". - "Историко-филологический журнал",1976, № 2, с.57-74 /на арм.яз. ; резюме на русск.яз./.

3.Административное деление закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Елишэ. - "Кавказ и Византия", вып.I, Ереван,1979,с.I9-35 /с картой/.

4.Область Гугарк Великой Армении по "Ашхар/h/ацуйцу".- "Вестник Ереванского университета", I977, № 2,с.I76-I98 /на арм. яз. ; резюме на русск.яз./.

5.Цопк.- Армянская советская энциклопедия, т.IУ,Ереван, I978, с.I39-I4I /на арм.яз./.

6.Цопк /карта/. - АСЭ, т.IУ, с.I44 /на арм.яз./.

7.Цопк-Коммагенское царство /карта/. - АСЭ, т.IУ,с.I40 /на арм.яз./.

8.К вопросу о локализации страны Лпинк. - "Вестник Ереванского университета",I98I, № I, с.I08-I24 /на арм.яз., резюме на русск.яз./. См. также на русск.яз.: "К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении", т.I,Ереван,I99I, с.I07-I25.

9.Поход маскутского царя Санесана на Армению - "Вестник общественных наук" АН Арм.ССР, I98I,№ 6,с.65-77 /на арм.яз., резюме на русск.яз./.

I0.Город Пайтакаран и его локализация. - Там же,I98I,№ I2, с.6I-76 /на арм.яз.,резюме на русск.яз./.

II.Административно-политическое состояние юго-западных провинций Царства Великой Армении в конце Ш и начале IУ веков. - "Вестник Ереванского университета", I982, № 2, с.79-94 /на арм. яз., резюме на русск.яз./.

I2. Область Васпуракан Великой Армении по "Ашхар/h/ацуйцу".- Там же, I983, № 3, с.II0-I39 /на арм.яз.,резюме на русск.яз./.

I3.Сюник. - АСЭ, т.Х, Ереван,I989,с.475-477 /на арм.яз./.

I4.Сюник /карта/. - Там же, с.480а /на арм.яз./.

I5.Ведомства Мардпетутюн и Ангелтун в Аршакидской Армении.- "Вестник общественных наук" АН Арм.ССР,I984,№ 4,с.4I-49 /на арм.яз.,резюме на русск.яз./.

I6. Утик. - АСЭ, т.ХП,Ереван,I986,с.267-269 /на арм.яз./.

I7. Утик /карта/. - Там же, с.268 /на арм.яз./.

I8.Пайтакаран. - Там же, т.ХП,с.30I-302 /на арм.яз./.

I9.Пайтакаран /карта/. - Там же, т.ХП, с.302 /на арм.яз./.

20.Малая Армения.- Там же, т.ХП,с.373-374 /на арм.яз./.

2I.Малая Армения /карта/. - Там же,т.ХП,с.368а /на арм. яз./.

22.Кусти-Капкох. - Там же, т.ХП,с.504 /на арм.яз./.

23.Когда отсутствует научная добросовестность. - "Вестник общественных наук" АН Арм.ССР,I987, № 7,с.33-57. См.также: "К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и Восточных провинций Армении", т.I,Ереван,I98I,с.353-382.

24.К вопросу об собственных владениях Армянских Аршакидов. - "Историко-филологический журнал", I988, № 3, с.56-67; № 4, с.44-60 /на арм.яз., резюме на русск.яз./.

25. Область Парска/h/айк Великой Армении по "Ашхар/h/ацуйцу" /"Армянской географии"/. - "Историко-филологический

журнал", 1989, № 2, с.26-39 ; № 3, с.18-36 /на арм.яз.,резюме на русск.яз./.

26. Область Мокк Великой Армении по "Ашхар/h/ацуйцу" /"Армянской географии"/, 1990, № 1, с.41-52 /на арм.яз.,резюме на русск. яз./.

27. Административно-политическое состояние северо-восточных областей царства Великой Армении в 387-451 гг. - "К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и Восточных провинций Армении", т.1, Ереван,1991, с.16-36.

28. "Зоранамак" /Воинская грамота/ в свете сообщений "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци. - "Тезисы международного научного симпозиума 1500-летия создания "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци, Ереван,1991, с.28-30 /на арм.яз./.